

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЕЦЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,
СЪ ПРИБАВЛЕНІЯМИ ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ,
издаваемая

ПРИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Книжка 1.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Готье.
1854.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАЕМЫЯ

П Р И

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Томъ двадцать третій.

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО
АВВЫ ИСААКА СИРІЯНИНА,

ПОДВИЖНИКА И ОТШЕЛЬНИКА,

БЫВШАГО ЕПИСКОПОМЪ ХРИСТОЛЮБИВАГО ГРАДА ИШНЕВИ,

СЛОВА ПОДВИЖНИЧЕСКІЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОТЛЕ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отисчаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Сентября 7 дня, 1854 года.

Московская Духовная Академія.
Цензоръ, Виѣдской Семинаріи Ректоръ
Архимандритъ *Павелъ*.

КРАТКОЕ СВѢДѢНІЕ

О ЖИЗНИ

СВЯТАГО ИСААКА СІРІЯНИНА

И О СЛОВАХЪ ЕГО.

Никифоръ Оеотокій, въ послѣдствіи Архієпископъ астраханскій, при изданіи греческаго текста подвижническихъ словъ святаго Исаака Сиріянина, сдѣланномъ имъ въ 1770 году, о жизни сего святаго и о Словахъ его пишетъ слѣдующее :

Преподобный Исаакъ, происходя съ Востока, откуда ведетъ начало и истекаетъ все спасительное, былъ родомъ сиріянинъ. Отечество его — Писевія (а); о родителяхъ же его не имѣ-

(а) См. у Ассемана Bibl. Orient. Т. I. р. 469. Сочинитель же Слова о *Молчаніи*, которое въ рукописяхъ и въ греческомъ изданіи предваряетъ Слова Пр. Исаака Сиріянина, на стр. 46 (изд. Ник. Оеот.) говоритъ, что Исаакъ родился, воспитанъ и обучался въ Месопотаміи, не востеку отъ Едессы.

емъ свѣдѣнія, и они намъ неизвѣстны. Въ цвѣтущей юности Исаакъ, удалившись отъ міра и отъ всего мірекаго, вмѣстѣ съ братомъ своимъ поступилъ въ монастырь святаго Матоса, гдѣ многіе еще въ тѣлѣ проводили ангельское житіе, и тамъ принялъ на себя и образъ и чинъ иноческаго житія. Когда же въ сей обители усовершенилъ онъ себя на подвижническомъ поприщѣ, и въ достаточной мѣрѣ преуспѣлъ въ добродѣтели; тогда уязвляется желаніемъ болѣе глубокаго безмолвія, и распаляеть сердце угліемъ пустыннолюбія. Посему, удалившись на большое разстояніе отъ киновіи, и водворившись въ пустынной келліи, начинаетъ проводить жизнь совершенно уединенную, ни съ кѣмъ не имѣя общенія, внимая же только себѣ и Богу. Родной братъ его, вступивъ въ управленіе упомянутою вынне лаврою, не переставалъ сильно убѣждать и умолять его въ писемъ, чтобы, оставивъ пустыню, возвратился въ прежнюю обитель. Но Исаакъ такъ привязанъ былъ къ пустынѣ, что не соглашался оставить ее и на короткое время. Впрочемъ, чего не сдѣлала вначалѣ братняя просьба, то въ послѣдствіи возмозло совершити Божественное откровеніе. Исаакъ, не послушавшись единокровнаго, убѣждавшаго вступить снова въ священную обитель, покорился Отцу, призывающему свынне управлять ладією ннневійской Церкви, которая возымѣла нужду въ святительскомъ надзорѣ. По этому оставляетъ

онъ пустыню, любовію къ которой пламенѣло сердце его, и поставляется Епископомъ великаго града Пшевін. Нбо свѣтильнику и падежало не скрыватьсѣ подѣ спудомъ пустыни, но бытъ поставлену на свѣщникѣ пастырства, и далеко разливать всесвѣтныя лучи свѣтозарной добродѣтели. Но сіе продолжалось весьма недолго: едва возсіялъ этотъ свѣтъ, какъ потомъ снова сокрылся; потому что міръ не былъ достоинъ такого мужа. Съ нимъ произошло почти то же самое, что было некогда съ божественнымъ Григоріемъ Богословомъ, рукоположеннымъ въ Епископа саснмскаго, и во время самаго рукоположенія замыслившимъ бѣгство. И хотя сіе можетъ показаться самоугодиивоствію и истеричностью духа, и потому чѣмъ-то несвойственнымъ для боголюбцевъ: однакоже, въирая на добродѣтель и совершенство еихъ мужей, не назову сего достоиннымъ осужденія и нареканія; потому что они неукоризненны и духовны во всемъ прочемъ. *Духовный же востязуетъ убо вся, и самъ той ни отъ единого востязуется* (1 Кор. 2, 15.).

Встрѣтившееся же съ Исаакомъ по рукоположеніи его обстоятельство было слѣдующее. Въ тотъ самый день, когда Исаакъ пріялъ рукоположеніе во Епископа, приходятъ къ нему въ епископскій домъ два челоѣка, и одинъ изъ нихъ требуетъ съ другаго уплаты долга, а другоі, сознаваясь, что долженъ, проситъ дать ему

небольшую отерочку. Но заимодавецъ говоритъ: «если онъ отказывается уплатить мнѣ долгъ; то теперь же непременно представлю его суду». Божественный Исаакъ замѣчаетъ ему: «если, по заповѣди священнаго Евангелія, не должно тебѣ взыскивать и съ похитившаго; то кольми паче долженъ ты оказать великодушіе на одинъ день тому, кто заплатитъ тебѣ долгъ». Этотъ же жестокій человекъ отвѣчаетъ: «Евангельскую заповѣдь оставь теперь въ сторонѣ». Тогда Исаакъ сказалъ: «если не повинуются они Евангельскимъ повелѣніямъ Господа; что остается мнѣ дѣлать здѣсь»? Примѣтя же, что беззаботная и безмятежная жизнь, къ какой привыкъ онъ въ пустынѣ, подвергается развлеченіямъ и смятеніямъ по причинѣ дѣлъ, требуемыхъ списковскими обѣтомъ, оставляетъ престолъ и возвращается въ любимый имъ пустынный скитъ. Пребывая же въ немъ до смерти, какіе совершилъ онъ подвиги въ борьбѣ съ демонами и плотію, сколько преуспѣлъ въ добродѣтели, требуемой и жизнью дѣятельною и жизнью созерцательною, какого достигъ душевнаго совершенства, и какой еще въ жизни сподобился благодати, — о семъ излишне было бы и говорить; впрочемъ безъ труда можно дознать сіе изъ его писаній.

Ибо въ пятьдесятъ шестомъ (б) словѣ своемъ

говорить онъ: «какъ тотъ, кто не видитъ глазами своими солнца, не можетъ кому-либо описать свѣта его по одному слуху, — онъ даже и не оцущаетъ сего свѣта: такъ и тотъ, кто не вкусилъ душею своею сладости духовныхъ дѣлъ». II въ словѣ семьдесятъ пятомъ (в): «Долгое время искушаемый въ десныхъ и шунхъ, неоднократно извѣдавъ себя двумя сими способами, пріять на себя безчисленные удары противника, и сподобившись втайнѣ великихъ вспоможеній, въ продолженіе многихъ лѣтъ снискалъ я опытность, и по благодати Божіей опытно позналъ слѣдующее». II въ словѣ шестьдесятъ пятомъ (г): «Сіе, на память себѣ и всякому читающему сочиненіе это, написалъ я, какъ заимствовалъ изъ разсмотрѣнія Писаній и изъ повѣданнаго правдивыми устами, а немногое и изъ собственнаго опыта». А изъ сего видно, что Исаакъ дѣятельно проходилъ сперва все то, что въ послѣдствіи предавалъ писанію, и собственною дѣятельностію обучалъ тайноводствуемыхъ изъ. По, подлинно, божественно сіе тайноводство, какъ преподающее самую высокую добродѣтель, и указующее самыя верхи совершенства, а также божественъ, возвышенъ и совершенъ и тайноводитель. Пбо, какъ говоритъ, опытно извѣдалъ все то, чему наставленъ былъ Божественною благодатію, до-

(в) По греч. тексту Сл. 26.

(г) По греч. тексту Сл. 15.

зналъ это, и написалъ. И будучи не въ состояніи умалчивать о сильномъ и пресладостномъ дѣйствіи въ немъ благодати, достогрудный сей мужъ въ иныхъ мѣстахъ слегка, а въ другихъ съ особенною ясностію выразилъ сіе, говоря: «Когда писалъ я это, персты мои неоднократно не успѣвали слѣдовать по хартии, и не могъ я сохранить терпѣнія отъ удовольствія, вторгавшагося въ сердце мое и заставлявшаго умолкнуть чувства» (д). Но въ добродѣтели сего мужа удивительно также и то, что, живя въ удаленіи отъ всѣхъ людей, пламенѣть онъ къ нимъ любовію, какъ свидѣтельствуемъ самъ о себѣ. Ибо говорить. «И я, возлюбленные, посланку вдаль въ юродство, не могу сохранять тайну въ молчаніи, но дѣлаюсь несмысленнымъ для пользы братіи (и сіе согласно съ сказаннымъ у Апостола: *быхъ несмысленъ хваляся: вы мя поудиште. 2 Кор. 12, 11.*); потому что такова истинная любовь; она не можетъ содержать что-либо въ-тайнѣ отъ возлюбленныхъ своихъ» (е). Но этому Исаакъ и изъ пустыни продолжалъ источать и неизсякаемо изливаетъ чистую и живительную струю, которою обильно напоиваетъ души братіи. Ибо и безымянный писатель, послѣ краткаго повѣствованія объ Исаакѣ (ж),

(д) Слово 38.

(е) Сл. 38.

(ж) Повѣствованіе сохраняется въ кодексахъ римской ва-

такъ выражается о слогѣ его: «учитель и руководитель всѣхъ монаховъ, и пристань спасенія, весьма краснорѣчиво написать сіи четыре книги о монашескомъ житіи».

Сей же безымянный писатель говоритъ и о времени жизни Исааковой: Святыи сей жилъ въ началѣ седьмой тысячи отъ сотворенія міра. Сіе согласно съ тѣмъ, что самъ Исаакъ говоритъ, разсуждая о демонахъ: «ты выходишь дать урокъ тѣмъ, кому уже шесть тысячъ лѣтъ» (з). Изъ чего видно, что, когда писалъ онъ слово сіе, отъ созданія міра истекъ уже шеститысячный годъ. Но еще точнѣе познаемъ сіе изъ посланія Исаакова къ Дивногорцу Симеону; потому что Симеонова жизнь продолжалась семьдесятъ пять лѣтъ, отъ четвертаго года царствованія Юстинна старшаго (а это былъ пятьсотъ двадцать первый годъ отъ Христа Спасителя), до пятнадцатаго года царствованія Маврикіева, или до пятьсотъ девяносто шестаго года отъ Р. Х. (и). И поеліику Симеонъ былъ весьма юнъ, возра-

тиканской бібліотеки, писанныхъ арабскимъ языкомъ и сирскими буквами, въ самомъ началѣ четырехъ Исааковыхъ книгъ, о которыхъ скажемъ ниже. Оно переведено на латинскій языкъ Сиромаронитомъ Ассемани. Оттуда мы замѣтили сказанное нами объ Исаакѣ.

(з) См. Сл. 30; по греч. тексту 33-е.

(и) См. Fabr. Bibl. Gr. L. 5, C. 3. По предшему изд. Vol. IX, p. 279, а по новѣйш. Vol X, p. 524.

стомъ, когда возобилъ пребываніе на столпѣ (і), а Исаакъ, который въ посланіи подаетъ ему совѣты и предписываетъ первыя правила безмолвнической жизни, писалъ до восхожденія Симеонова на столпъ (к); то нетрудно изъ сего уразумѣть, что, около пятисотъ тридцать четвертаго года Божественнаго домоостроительства, процвѣталъ Авва Исаакъ, будучи уже совершенно не только добродѣтелию, но и возрастомъ. А потому, если старость его не продолжалась сверхъ мѣры, то безъ сомнѣнія преселился онъ въ небесныя селенія прежде шестисотаго отъ Р. Хр. года.

Иные (л) безъ основанія предполагали, что нашъ Исаакъ есть тотъ самый, котораго жизнь описалъ святой Григорій Двоесловъ (м). Всѣ странствованія нашего Исаака были изъ отечества въ обитель, изъ обители въ пустыню, изъ пустыни въ Пиневію, изъ Пиневіи опять въ пустыню. Но Исаакъ Григоріевъ проишелъ отъ Востока до Запада, то-есть, изъ Сиріи до Сициліи въ Италію. Да и по самому посланію къ Дивногорцу Симеону можемъ съ точностію различать обоихъ Исааковъ. Двоесловъ о своемъ

(і) Пикифоръ Каллистъ. Т. 2, кн. 48, гл. 24.

(к) См. Сл. 55; по греч. тексту посланіе 4-е.

(л) Уднѣвъ въ Т. 4-мъ о церковныхъ писателяхъ; также Лубергъ, Ламбазій и Кавъ у Фабриція Vol. X, p. 474.

(м) Въ кн. 3, гл. 14-й. У Уднѣва въ Т. 4, о церк. пис. ст. 4404.

Исаакъ говоритъ, что, тайно отъ своихъ учениковъ, и переимѣнивъ имя, прибылъ онъ въ Италию въ первые годы владычества гоговъ (конечно же, разумѣть должно годы близкіе къ пятьсотъ сорокъ первому отъ Р. Хр., когда началъ царствовать въ Италиі Тотила), житіе же его продолжалось до послѣднихъ годовъ готскаго владычества (то-есть, до пятьсотъ пятьдесятъ втораго года отъ Христа, въ который погибъ Тотила, побѣжденный Нарсесомъ, или до пятьсотъ пятьдесятъ третьяго года, когда, по убіеніи Тія (п), послѣдовало освобожденіе италійскихъ народовъ отъ преобладанія готскаго); и Исаакъ продолжалъ скрывать истинное имя свое, пока не объявилъ онаго одинъ нечистый духъ, изгнанный изъ какаго-то бѣсноватаго. А посему невѣроятно, и не можетъ быть допущено, что въ сіи самые годы Симсонъ, бывшій монахомъ на Дивнон горѣ близъ Антиохіи, писалъ посланіе къ Исааку, котораго и имени не знали въ Сиолеттѣ, и что Исаакъ отвѣчалъ ему.

Сіе извѣстно намъ объ Исаакѣ; теперь слѣдуетъ сказать о писаніяхъ его.

Исаакъ есть подлинный писатель издаваемыхъ теперь подвижническихъ наставленій; о семъ съ двумя древними рукописями, какія у насъ въ рукахъ, свидѣтельствуютъ: древній кодексъ, хранящійся въ палестинскомъ Лаврѣ преподобнаго

(п) См у Никифора Каллиста. Т. 2, кн. 17, гл. 13.

Отца нашего Саввы (это, можетъ быть, тотъ самый, который писанъ преподобными Отцами Авраміемъ и Патрикіемъ); кодексъ въ городѣ Керкирѣ въ обители святой мученицы Екатерины; кодексъ въ Императорской библіотекѣ въ Вѣнѣ съ слѣдующимъ надписаніемъ: *Иже во святыхъ отца нашего Аввы Исаака Сириянина и отшельника, бывшаго Епископомъ христомисливаго города Ишневѣи, подвижническія Слова, найденныя преподобными Отцами нашими Аввою Патрикіемъ и Аввою Авраміемъ, любомудрцами и безмолвниками въ Лавръ иже во святыхъ отца нашего Саввы.* (Содержащихся же въ семь кодексахъ словъ восемьдесятъ семь); еще кодексъ въ библіотекѣ Коаленской, приписанный Исааку, епірскому отшельнику и Епископу ишневѣнскому, содержащій въ себѣ девяносто два слова, съ толкованіями изъ словъ или сочиненій Анастасія, Антіоха, Антонія, Арсенія, Ананасія, Варсонуфія, Василія, Теофилакта Архіепископа болгарскаго, аввы Каріона, Карнаоія, Іоанна Златоустаго, Іоанна Дѣтвичника, Копрія, Кирилла, Діадохъ, Дорофея, Ефрема, Исаи, Евагрія, Григорія Богослова, Психія, монаха Іоанна, Іосифа, Исидора, аввы Лонгина, Макарія, Марка, Максима, Пила, аввы Писерія, аввы Петра, Петра александріискаго, аввы Спсоя, Симеона, Оалассія, Θεодора новаго, Зигадина и Зосимы (о);

(о) О семь кодексахъ упоминаетъ Монфоконъ у Фабріція Bibl. Graec. Vol. X, p. 474.

сверхъ сего, въ ватиканской библіотекѣ кодексы 25, 551, 605 и 757, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ девяносто восемь словъ, съ сирскаго языка переведенныхъ на языкъ эллинскій Патрікіемъ и Авраміемъ, монахами обители святаго Саввы (п); а также и каталогъ рукописей въ Англіи, упоминающій о девяносто девяти аскетическихкихъ бесѣдахъ, переведенныхъ на эллинскій языкъ Авраміемъ и Исаакіемъ (Исаакіемъ неправильно, какъ и у Каве, называется Патрікій), монахами изъ обители святаго Саввы, а равно и о другихъ трехъ бесѣдахъ тогоже Исаака, писанныхъ по-сирски и сохранившихся въ 72 кодексахъ Оомы Бодіея (р).

Авдіесъ (Ibed-iesu), который въ каталогѣ книгъ халдейскихъ пишетъ : «Исаакъ шивегитянинъ сочинилъ семь томовъ о водительствоѣ Духа, о божественныхъ таинахъ, о судахъ и о житіи», или разумѣтъ шнаго какого-либо Исаака, а не нашего, или въ сочиненіяхъ нашего Исаака нашелъ шныя надписанія. Или томы о божественныхъ таинахъ и о судахъ вовсе утратились, а если и хранятся, то неизвѣстно гдѣ, томы же о водительствоѣ Духа суть, можетъ быть, слова о душѣ въ нашемъ изданіи 58, 88 и 55 (с); а

(п) Assemani Bibliot. Orient. T. I, p. 446.

(р) Фаэришъ Bibl. Gr. Vol. X, p. 472.

(с) По греч. тексту Сл. 56, 57 и 59.

томы о житіи суть слова о житіи монашескомъ, то есть 1, 59 и 65 (т). О сихъ семи томахъ Лессеманн, упоминая въ своей восточной библіотекѣ, говоритъ: «изъ сихъ (семи томовъ) имѣемъ одинъ на сирскомъ и четыре книги на арабскомъ, которые сейчасъ и разсмотримъ». Говоритъ же прежде о четырехъ книгахъ, списанныхъ имъ съ кодексами сирскими, арабскими и греческими въ ватиканской библіотекѣ въ Римѣ. А потомъ упоминаетъ и о томъ, начинающемся словами: *«Боже вѣчный, отъ вѣка безначальный, и всегда неизмѣняемый»* и достаточно доказываетъ, что сочиненіе сіе есть произведеніе псаго Исаака, Епископа едесскаго, а не псевдонимаго.

Изъ 158 словъ, заключающихся въ упомянутыхъ четырехъ книгахъ (разумѣть должно ихъ надписанія и начала), шіяя суть одни и тѣже съ издаваемыми теперь, шіяя же составляютъ часть оныхъ, сверхъ того шіяя имѣютъ одинаковое или сходное надписаніе съ издаваемыми, но другое начало, а шіе на-оборотъ; нѣкоторыя же кажутся совершенно отличными.

И въ упомянутыхъ выше греческихъ кодексахъ число словъ не одно и тоже; въ нѣкоторыхъ даже больше числа предлагаемыхъ здѣсь. Впрочемъ содержаніе словъ, можетъ быть, и во всѣхъ одинаково при неравномъ ихъ числѣ,

по причинѣ различнаго раздѣленія оныхъ. Раздѣленіе же Словъ неодинаково, потому что нѣкоторыя изъ Словъ содержатъ въ себѣ главы, вопросы, отвѣты и молитвы; часто одно и тоже Слово разсуждаетъ о разныхъ предметахъ и какъ бы составлено изъ многихъ Словъ. II въ библіотекѣ Отцевъ (у) находится одно весьма большое Слово, изданное только на латинскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «книга о пренебреженіи міра», раздѣленная на 53 главы и ложно приписанная святому Исааку Сиріянину, пресвитеру антиохійскому. Ибо сеп Исаакъ преселился отъ сего житія въ царствованіе Льва Великаго (ф), пріѣзжавшаго епископъ въ 457 и скончавшагося въ 474 году отъ Р. Хр. Слово же сіе слагается изъ пятнадцати Словъ греческаго изданія, или изъ восемнадцати въ настоящемъ переводѣ (х).

Къ сему Никифоръ Θεοτοκίης объ изданіи нмъ греческаго текста подвижническихъ Словъ святаго Исаака присовокупляетъ: Изъ двухъ бывшихъ у меня подъ руками кодексовъ древняго писма, принадлежащихъ одному вѣку, и совре-

(у) Томъ XI по діонискому изданію.

(ф) Геннадій о церк. писател. у Фабр. Греч. библіот. Vol. X, p. 474.

(х) Именно же изъ Словъ 56 и за нимъ 57, 58, 64, 63, 66, 67, 69, 73, 24, 77, 78, 79, 80, 84, 82, 83, 84 По греческому же изданію Слова сии суть: 23, 5, 56, 24, 40, 44, 22, 43, 24, 85, 27, 46, 47, 72, 48.

менныхъ кодексу Императорской библіотеки въ Вѣнѣ, какъ заключаю по сходству почерка и бумаги, одинъ Митрополитомъ артекимъ Неофитомъ, который, оставивъ митрополию, не очень давно кончилъ подвижнически жизнь на Афонѣ, передавъ былъ учителемъ Неофиту, діакону пелопоннесскому; а другіи имѣлъ у себя, неизвѣстно откуда заимствовавъ, проповѣдникъ Агапін, настоятель церкви святаго Николая въ Галатѣ. Вторымъ, то-есть, Агапиевымъ, пользовался я какъ оригиналомъ, и изъ перваго выставялъ сколько-нибудь стоящія вниманія разности въ чтеніи.

На славянскомъ языкѣ Слова святаго Исаака Сирійянина извѣстны въ переводѣ издавна. Между рукописями Свято-Троицкой Сергіевой Лавры одинъ списокъ сихъ Словъ относится къ 1581 году. Составомъ своимъ онъ вполне соответствуетъ греческому изданію, но Слова расположены въ иномъ порядкѣ. Другой списокъ тѣхъ же Словъ, недавно пожертвованный Московской Духовной Академіи А. И. Муравьевымъ, привезенъ имъ съ Афона. По письму онъ принадлежитъ также къ четырнадцатому столѣтію или къ началу пятнадцатаго. Кромѣ сербскаго правописанія, онъ отличается отъ другихъ, наиболѣе встречающихся въ нашихъ древнихъ книгохра-

нищцахъ, своимъ порядкомъ Словъ, по мѣстамъ сокращеніями, и частію языкомъ. Но опущенныя мѣста въ тонике рукописи въ послѣдствіи восполнены другою рукою, съ вышеупомянутаго полного перевода Словъ. Кромѣ того, встрѣчаются на поляхъ рукописи и выписки изъ другихъ писаній подвижническихъ, однородныхъ по содержанію съ Словами.

Въ печати на славянскомъ языкѣ Слова св. Исаака извѣстны по переводу блаженнаго старца, молдовахійскаго Архимандрита Паисія Величковскаго. Цѣлый годъ трудился онъ, какъ пишетъ самъ, въ исправленіи древняго славянскаго перевода, сличая его то съ изданнымъ греческимъ подлинникомъ, то съ переводомъ молдовахійскимъ. «Но горе моему толпному труду, — прибавляетъ смиренный старецъ, — зане и сія (книга) зѣло далече отстоитъ отъ совершенства, и нужда миѣ настоятъ уже полумертвому (аще бы Богъ милосердіемъ Своимъ еще миѣ животъ продолжилъ, и зрѣнію моему, мало уже не слѣпому, просвѣщеніе даровать), яко уже отчасти пущему лекенюшы, и мало въ лучшее вещи сея, частостію дѣланія, пришедшему уснѣваніе, наки всеприлежаніи не потрудится во исправленіи оныя» (ц). Довершивъ

(ц) Житіе и писанія молдавскаго старца Паисія Величковскаго. 2 изд. М. 1847, стр. 220.

свой трудъ, старецъ Пансіѣ препроводилъ его къ преосвященному Митрополиту новгородскому и санктпетербургскому Гавріилу. По переводъ сей вышелъ въ свѣтъ уже въ 1812 г. въ молдавскомъ Пямецкомъ монастырѣ.

При составленіи новаго русскаго перевода Словъ св. Псаака съ греческаго языка, издатели имѣли въ виду какъ различные списки древняго славянскаго перевода, такъ и трудъ старца Пансія. Порядокъ Словъ удержанъ тотже, въ какомъ они находятся въ нашихъ древнихъ рукописяхъ и въ изданіи старца Пансія.

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО АВВЫ ИСААКА СПРІЯНИНА

СЛОВА ПОДВИЖНИЧЕСКІЯ.

С Л О В О І .

ОБЪ ОТРЕЧЕНІИ ОТЪ МИРА И О ЖИТІИ МОНАШЕСКОМЪ.

Страхъ Божій есть начало добродѣтели. Говорятъ же, что она—порожденіе вѣры, и посѣвается въ сердце, когда умъ устранивъ отъ мірской разсѣянности, чтобы кружащіяся отъ паренія мысли свои собрать ему въ размыслиніи о будущемъ возстановленіи. Для того, чтобы положить основаніе добродѣтели, лучше всего человеку держать себя въ устраниніи отъ дѣлъ жителескихъ и пребывать въ законѣ свѣта стезей правыхъ и святыхъ, какія Духомъ указалъ и наименовалъ Псалмопѣвецъ (Пс. 22, 3. 118, 35.). Едва ли найдется, а можетъ быть, и вовсе не найдется, такой человекъ, который бы, хотя будетъ онъ и равноангельный по правамъ, могъ вынести честь; и это происходитъ, какъ скажетъ иный, отъ скорого воспріятія измѣненій.

Начало пути жизни — научиться всегда умиять въ словесахъ Божіихъ и проводить жизнь въ нищеть. Напоение себя однимъ содѣйствуетъ усовершенію въ другомъ. Если напоивъ себя изученіемъ словесъ Божіихъ, это помогаетъ преснѣнію въ нищеть; а преснѣніе въ нестяжательности доставляетъ тебѣ досугъ пресиввать въ изученіи словесъ Божіихъ. Посobie же того и другаго содѣйствуетъ къ скорому возведенію цѣлаго зданія добродѣтели.

Никто не можетъ приблизиться къ Богу, если не удалится отъ міра. Удаленіемъ же называю не преселеніе изъ тѣла, но устраненіе отъ міревыхъ дѣлъ. Въ томъ и добродѣтель, чтобы человекъ не занимать ума своего міромъ. Сердце не можетъ пребывать въ тишинѣ и быть безъ мечтаній, пока на человека дѣйствуютъ чувства; тѣлесныя страсти не приходятъ въ бездѣйствіе, и лукавыя помыслы не оскудѣваютъ, безъ пустыни. Пока душа не прійдетъ въ уношеніе вѣрою въ Бога, пріятіемъ въ себя силы ея ощущенія, доколе не уврачуется немощи чувствъ, не возможетъ съ силою поирать видимаго вещества, которое служитъ претрапою внутреннему, и не ощутятъ въ себѣ свободы и разумное порожденіе, и плодъ того и другаго — спасеніе отъ сѣтей. Безъ перваго (а) не бываетъ втораго (б); а гдѣ второе правослественно, тамъ третій (в) связуется какбы уздою.

Когда умножилась въ человекъ благодать; тогда по желанію праведности страхъ смертный дѣлается

(а) Ущненіе отъ міра.

б Уношеніе вѣрою въ Бога.

в Свобода.

для него малоуважительнымъ, и много причинъ находить онъ въ душѣ своей, по которымъ ради страха Божія должно ему терпѣть скорбь. Все, что, по видимому, вредитъ тѣлу, и внезапно дѣйствуетъ на природу, а следовательно приводитъ въ страданіе, ни во что выбывается въ очахъ его въ сравненіи съ тѣмъ, что называется въ будущемъ. Безъ поущенія печушей невозможно познать намъ истины. Точное же удостовѣреніе въ этомъ находятъ человеки въ мысли, что Богъ имѣетъ о человекѣ великое промышленіе, и что нѣтъ человека, который бы не состоялъ подъ Его Промысломъ, особливо же ясно, какъ по указанію перста, усматриваетъ сіе на взыскавшихъ Бога и на терпящихъ страданія ради Него. Но когда увеличилось въ человекѣ оскудѣніе благодати, тогда все сказанное оказывается въ немъ почти въ противоположномъ видѣ. У него видѣніе, по причинѣ изслѣдованій, бываетъ болѣе вѣры, и упованіе на Бога имѣется не во всякомъ дѣлѣ, и Промыслъ Божій о человекѣ понимается иначе. Таковой человекъ постоянно подвергается въ этомъ вознямъ подѣ терзающихъ *во мракѣ сострыляти* (Исая. 10, 2.) его стрѣлами своими.

Начало истинной жизни въ человекѣ страхъ Божій. А онъ не терпитъ того, чтобы пребывать въ чей-либо душѣ вмѣстѣ съ нареніемъ ума; потому что служеніемъ чувствамъ сердце разсѣвается, утрачивая въ себѣ улаженіе Богомъ. Ибо внутреннія помышленія ощущеніемъ ихъ, какъ говорятъ, связуются въ самыхъ служащихъ имъ чувствительныхъ.

Сомнѣніе сердца приводитъ въ душу боязнь. А вѣра можетъ гнать произволеніе твердымъ и при

отсѣченіи членовъ. Въ какой мѣрѣ преодолагаетъ въ тебѣ любовь къ плоти, въ такой не можешь быть отважнымъ и безтрепетнымъ при многихъ противоборствіяхъ, окружающихъ любимое тобою.

Желающій себѣ чести не можетъ имѣть недостатка въ причинахъ къ печали. Нѣтъ человека, который бы съ переменною обстоятельствомъ не ощутилъ въ умѣ свои перемѣны въ отношеніи къ предстоящему дѣлу. Если воздержаніе, какъ говорятъ, есть порожденіе чувствъ; то пусть умолкнутъ, наконецъ, утверждающіе о себѣ, что и при развлеченіи сохраняютъ они миръ ума.

Цѣломудренъ не тотъ, кто въ трудѣ, во время борьбы и подвига, говоритъ о себѣ, что прекращаются тогда въ немъ срамные помыслы, но кто истинностію сердца своего уцѣломудриваетъ созерцаніе ума своего, такъ что не внимасть онъ безстыдно непотребнымъ помысламъ. И когда честность совѣсти его свидѣтельствуешь о вѣрности взглядовъ очей, тогда стыдъ уподобляется завѣсь, повѣшенной въ сокровенномъ вмѣстѣшщѣ помысловъ. И непорочность его, какъ цѣломудренная дѣва, соб.подается Христу вѣрою.

Для отвращенія предзанятыхъ душею расположений къ испотребству и для устраненія востающихъ въ плоти тревожныхъ воспоминаній, производящихъ мятѣжный пламень, ничто не бываетъ такъ достаточно, какъ погруженіе себя въ любовь къ изученію божественнаго Писанія, и постиженіе глубины его мыслей. Когда помыслы погружаются въ усажденіе постиженіемъ сокровенной въ словесахъ премудрости; тогда человекъ въ какой мѣрѣ извлекаетъ изъ нихъ

уясненіе, въ такой же оставляетъ позади себя міръ, забываетъ все, что въ міръ, и все воспоминанія, все дѣйственные образы овеществленія міра, изглаживаетъ въ душѣ, а перѣдко уничтожаетъ самую потребность обычныхъ мыслей, постигающихъ природу. Самая душа пребываетъ въ восторгѣ при новыхъ представленіяхъ, встречающихся ей въ морѣ танихъ Иисанія.

И опять, если умъ плавать на поверхности воды, то-есть, моря божественныхъ Иисаній, и не можетъ проникнуть мыслей Иисанія до самой глубины, уразумѣть все сокровища, таящіяся въ глубинѣ его; то и сего самаго, что умъ занять рвеніемъ къ уразумѣнію Иисанія, достаточно для него, чтобы единымъ мышленіемъ о досточудномъ крѣпко связать свои мысли и воспринять и жить, какъ сказали нѣкто изъ богоносныхъ, стремиться къ естеству тѣлесному; тогда-какъ сердце немощно и не можетъ вынести озлобленій, встречающихся при внешнихъ и внутреннихъ браняхъ. И вы знаете, какъ тяжела худая мысль. И если сердце не занято вѣдѣніемъ, то не можетъ стерпѣть мятельности тѣлеснаго устремленія.

Какъ скорости колебанія вѣсовъ въ вѣтрную бурю препятствуетъ тяжесть взвѣшиваемаго; такъ колебанію ума препятствуютъ стыдъ и страхъ. А по мѣрѣ недостатка страха и стыда ума дается побужденіе непрестанно кружиться; и тогда, по мѣрѣ удаленія изъ души страха, коромысло ума, какъ свободное, влается туда и сюда. Но, какъ коромыслу вѣсовъ, если чаши ихъ обременены очень тяжелымъ грузомъ, нелегко прійди уже въ колебаніе отъ дуновенія

вѣтра; такъ и умъ, подъ бременемъ страха Божія и стыда, съ трудомъ совращается тѣмъ, что приводитъ его въ колебаніе. А въ какой мѣрѣ оскудѣваетъ въ умѣ страхъ, въ такой же начинаютъ преобладать имъ превратность и измѣнчивость. Умудрись же въ основаніе шествія своего полагать страхъ Божій; и въ нѣсколько дней, не дѣлая круженій на пути, будешь у вратъ царствія.

Во всемъ, что встрѣтится тебѣ въ Писаніяхъ, доискивайся цѣли слова, чтобы проникнуть тебѣ въ глубинну мысли святыхъ, и съ большею точностію уразумѣть оную. Божественною благодатию путевожденные въ жизни своей къ просвѣщенію всегда ощущаютъ, что какбы умный какой лучъ проходитъ по стихамъ написаннаго, и отличаетъ уму голыя слова отъ того, что душевному видѣнію сказано съ великою мыслию.

Если человекъ многозначачіе стихи читаетъ, не углубляясь въ нихъ; то и сердце его остается бѣднымъ, и угасаетъ въ немъ святая сила, которая при чудномъ уразумѣніи души доставляетъ сердцу сладостнѣйшее вкушеніе.

Всякая вещь обыкновенно стремится къ сродному ей. И душа, имѣющая въ себѣ уделъ духа, когда услышитъ реченіе, заключающее въ себѣ сокровенную духовную силу, пламенно влечетъ къ себѣ содержаніе сего реченія. Не всякаго человека пробуждаетъ къ удивленію то, что сказано духовно, и питаетъ въ себѣ сокровенную великую силу. Слово о добродѣтели требуетъ сердца не занимающагося землею и близкими съ нею общеніемъ. Въ человекѣ же, котораго умъ утружденъ заботою о преходя-

щемъ , добродѣтель не пробуждаетъ помысла къ тому , чтобы возлюбить ее и взыскать обладанія ею.

Отрѣшеніе отъ вещества бытіемъ своимъ предваряетъ союзъ съ Богомъ , хотя перьдко , но домо-строительству благодати , въ иныхъ оказывается послѣдній предшествоующимъ первому ; потому что любвию покрывается любовь. Чинъ обычный домо-строительству инаковъ съ чиномъ человѣческаго общества. Но ты сохраняй общій чинъ. Если предваряетъ въ тебѣ благодать; это — ея дѣлю. А если не предваряетъ ; то путемъ всехъ людей, какими шествовали они другъ за другомъ, восходи и ты на высоту духовнаго столпа.

Всякое дѣло, совершаемое созерцательно и исполняемое по заповѣди, данной для него , вовсе невидимо тѣлесными очами. И всякое дѣло, совершаемое дѣятельно, бываетъ сложно; потому что заповѣдь, которая только одна, именно дѣятельность , ради плотскихъ и безплотныхъ, имѣетъ нужду нъ томъ и другомъ, въ созерцаніи и въ дѣятельности. Ибо единое есть сочетаніе созерцанія и дѣятельности.

Дѣла, показывающія заботливость о чистотѣ, не подавляютъ чувства, возбуждаемаго памятованіемъ прошедшихъ проступковъ, но печаль , ощущаемую при семъ памятованіи, замышляютъ изъ разума. И съ сего времени ходъ припамятованія производится въ умъ съ пользою. Пенасытимостъ души въ приобрѣтеніи добродѣтели обращаетъ въ свою пользу часть видимыхъ вождельній сопряженнаго съ нею тѣла. Всякую вещь красить мѣра. Безъ мѣры обращается во вредъ и почитасное прекраснымъ.

Хочешь ли умомъ своимъ быть въ общеніи съ Богомъ, пріивъ въ себя ощущеніе оного услажденія, не порабощеннаго чувствомъ?—Послужни милостынъ. Когда внутри тебя обрѣтается она, тогда изображается въ тебѣ оная святая красота, которою уподобляешься Богу. Всеобъемлемость дѣлъ милостынн производить въ душѣ общеніе съ Божествомъ безъ посредства какого-либо времени къ единенію съ славою свѣтлости.

Духовное единеніе есть незанечатываемое памятованіе; оно непрерывно пылаетъ въ сердцѣ пламенною любовію, въ неуклоненіи отъ заповѣдей замышляя силу къ пребыванію въ союзѣ, не съ насиліемъ природѣ, и не по природѣ. Ибо тамъ находитъ поддержку къ тому, чтобы прочно утверждаться въ единеніи душевнымъ созерцаемъ. Посему, сердце приходитъ въ изумленіе при смеженіи двоякихъ чувствъ его, плотскихъ и душевныхъ. Къ духовной любви, которая отпечатлѣваетъ невидимый образъ, нѣтъ иной стези, если человѣкъ не найдетъ прежде всего быть щедролюбивымъ въ такой же мѣрѣ, въ какой совершенъ Отецъ, какъ сказалъ Господь намъ; ибо такъ заповѣдалъ Онъ послушнымъ Ему полагать основаніе сіе (г).

Инаково слово дѣятельности, и инаково слово пре-

(г) И именно, когда говорятъ: *будьте милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть* (Лук. 6, 36.); и еще: *аще хочещи совершенъ быти, иди продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ. и имѣти имаша сокровище на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѣ. 19, 21.); и: *будьте убо совершенни. якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѣ. 5, 46.).

краснос. И безъ опытнаго дознанія чего-либо мудрость умѣетъ украшать слова свои, говоритъ истину, не зная ея. Иный можетъ толковать о добродѣтели, самъ не извѣдавъ опытно дѣла ея. Но слово отъ дѣятельности — сокровищница надежды; а мудрость, не оправданная дѣятельностію, залогъ стыда.

Что художникъ, который живописуетъ на стѣнахъ воду, и не можетъ тою водою утолить своей жажды, и что человекъ, который видитъ прекрасныя сны; то-же и слово неоправданное дѣятельностію. Кто говоритъ о добродѣтели, что самъ не испыталъ на дѣлѣ, тотъ такъ-же передастъ сіе слушающему его, какъ иный отдастъ другому деньги, добытыя трудомъ своимъ. И кто изъ собственнаго стяжанія посылаетъ ученіе въ слухъ внимающихъ ему, тотъ съ дерзновеніемъ отверзаетъ уста свои, говоря съ духовными своими чадами, какъ престарѣлый Іаковъ сказалъ цѣломудренному Іосифу: *азъ же даю ти единую часть свѣше братіи твоея, юже взяхъ у эморреевъ мечемъ моимъ и лукомъ моимъ* (Быт. 48, 22.).

Всякому человеку, который живетъ нечисто, вожделѣнна жизнь временная. Второй по немъ, кто лишень вѣдѣнія. Прекрасно сказалъ нѣкто, что страхъ смертный печалитъ мужа, осуждаемаго своею совѣстію. А кто имѣетъ въ себѣ доброе свидѣтельство, тотъ столько же желаетъ смерти, какъ и жизни. Не признавай того истиннымъ мудрецомъ, кто ради сей жизни порабощаетъ умъ свой боязни и страху. Все доброе и худое, что ни приключается съ мною, почитай за сновидѣніе. Ибо не въ смерти одной отрѣшишься отъ сего, но часто и прежде смерти оставляетъ это тебя, и удаляется. А если что-либо

изъ сего имѣетъ нѣкоторое общеніе съ душею твоею, то почитай сіе своимъ стяжаніемъ въ этомъ вѣкѣ; оно поидетъ съ тобою и въ вѣкѣ будущій. И ежели это есть нѣчто доброе; то веселись и благодари Бога въ умѣ своемъ. Ежели же это есть нѣчто худое; то будь прискорбенъ, и воздыхай, и старайся освободиться отъ сего, пока ты въ тѣлѣ.

Всякое благо, совершаемое въ тебѣ мысленно, и самъ ты содержи тщательно въ тайнѣ, потому что посредниками для тебя къ оному были крещеніе и вѣра; въ нихъ призванъ ты Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ на дѣла Его благія. Со Отцемъ и Святымъ Духомъ Ему слава, и честь, и благодареніе, и поклоненіе во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 2.

О благодарности Богу, съ присовокупленіемъ краткаго изложенія первоначальныхъ ученій.

Благодарность пріемлющаго побуждаетъ дающаго давать дары бѣльшіе прежнихъ. Кто неблагодаренъ за малое, тотъ и въ бѣльшемъ лживъ и несправедливъ.

Кто боленъ и знаетъ свою болѣзнь, тотъ долженъ искать врачевства. Кто объявляетъ другимъ болѣзнь свою, тотъ близокъ къ уврачеванію своему, и легко найдетъ оное. Жестокостію сердца умножаются болѣзни его; и если больной противится врачу, мученіе его увеличивается. Нѣтъ грѣха непрощитель-

наго—кромя грѣха нераскаяннаго. И даръ не остается безъ усугубленія, развѣ только когда нѣтъ за него благодарности. Часть несмысленнаго мала въ глазахъ его.

Содержи всегда въ памяти превосходящихъ тебя добродѣтелию, чтобы непрестанно видѣть въ себѣ недостатокъ противъ ихъ мѣры; содержи всегда въ умѣ тягчайшія скорби скорбящихъ и озлобленныхъ, чтобы самому тебѣ воздавать должное благодареніе за малыя и ничего не значація скорби, какія у себя находишь, и быть въ состояніи переносить ихъ съ радостію.

Во время своего пораженія, разслабленія и лѣности, связуемый и содержимый врагомъ въ мучительномъ томленіи и въ тяжкомъ дѣлѣ грѣха, представляй въ сердцѣ своемъ прежнее время рачительности своей, какъ былъ ты заботливъ о всемъ даже до малости, какой показалъ подвигъ, какъ съ ревностію противился желавшимъ воспрепятствовать твоему шествію. Сверхъ же сего, помысли о тѣхъ воздыханіяхъ, съ какими болѣзновалъ ты о недостаткахъ, появившихся въ тебѣ отъ нерадѣнія твоего, и о томъ, какъ при всемъ этомъ получалъ ты побѣдный вѣнецъ. Ибо всѣми таковыми воспоминаніями душа твоя возбуждается какбы изъ глубины, облекается пламенемъ ревности, какбы изъ мертвыхъ востаетъ изъ погруженія своего, возносится, и горячимъ противоборствомъ діаволу и грѣху возвращается въ первобытный свой чинъ.

Вспомни о паденіи сильныхъ, и смирайся въ добродѣтеляхъ своихъ. Припомни тяжкія паденія падшихъ въ древности, и покаявшихся, а также высоту

и честь, какихъ сподобились они послѣ сего; и при-
имешь смѣлость въ покаяніи своемъ.

Преслѣдуй самъ себя, и врагъ твой прогнанъ бу-
детъ приближеніемъ твоимъ. Умирись самъ съ со-
бою, и умирятся съ тобою небо и земля. Потщись
войти во внутреннюю свою кѣлью, и узришь кѣлью
небесную; потому что та и другая—одно и то-же, и
входя въ одну, видишь обѣ. Лѣствица онаго царствія
внутри тебя, сокровена въ душѣ твоѣй. Въ себя са-
момъ погрузись отъ грѣха, и найдешь тамъ вос-
хожденія, по которымъ въ состояніи будешь во-
сходить.

Ипсаніе не истолковало намъ, что такое есть въ
будущемъ вѣкѣ. Но какъ по ощущаемому здѣсь мо-
жемъ ощущать наслажденіе будущимъ, прежде есте-
ственного измѣненія и несествія изъ міра сего, тому
удобно научило насъ; хотя, чтобы возбудить насъ
къ вождельнію будущихъ благъ, подобно опыту
подъ именами вещей у насъ вождельныхъ и слав-
ныхъ, пріятныхъ и драгоценныхъ, когда говорятъ:
ихже око не видѣло и ухо не слышало (1 Кор. 2, 9.)
и прочее. А снѣтъ возвѣстимо намъ и то, что будущія
блага неостижимы, и не имѣютъ никакого сход-
ства съ благами здѣшними.

Духовное наслажденіе не есть пользованіе чѣмъ-
либо самостоятельно пребывающимъ въ душѣ при-
емлющихъ. А иначе, сказанное: *царствіе небесное
внутри васъ есть* (Лук. 17, 21.), и: *да придетъ
царствіе Твое* (Матѣ. 6, 10.), будетъ уже означать,
что внутри себя пріяли мы вещество чего-то чув-
ственного, въ залогъ заключающагося въ сѣнь на-
слажденія. Ибо необходимо, чтобы самое стяжаніе

было подобно залогу, и цѣлое—часть. И сказанное: *какъ въ зеркаль* (1 Кор. 13, 12.), хотя не показываетъ самостоятельно пребывающаго, однакоже означать приобрѣтеніе подобія. А если истинно свидѣтельство истолковавшихъ Писанія, что самое ощущеніе сіе есть умное дѣйствіе Святаго Духа, то и оно уже есть часть онаго цѣлаго.

Не тотъ любитель добродѣтели, кто съ бореніемъ дѣлаетъ добро, но тотъ, кто съ радостію приметъ послѣдующія за тѣмъ бѣдствія. Невеликое дѣло терпѣть человеку скорби за добродѣтель, какъ и не колебаться умомъ въ избраніи добраго своего позволенія при обольстительномъ щекотаніи чувствъ.

Всякое раскаяніе, по отъятіи свободы, таково, что ни радости оно не источаетъ, ни даетъ права на награду приобрѣтшимъ оное.

Прикрой подающаго, если нѣтъ тебѣ отъ сего вреда; и ему придашь благодушія, и тебя поддержишь милость Владыки твоего. Немоцныхъ и огорченныхъ сердцемъ подкрѣпляетъ словомъ и всѣмъ, сколько достаетъ средствъ рукъ твоихъ; и подкрѣпитъ тебя вседержительная Десница. Съ огорченными сердцемъ будь въ общеніи, и трудомъ молитвеннымъ, и привязанностію сердечною; и прошеніямъ твоимъ отверзется источникъ милости.

Постоянно утруждай себя молитвами предъ Богомъ въ сердцѣ, носящемъ чистый помысль, исполненный умиленія; и Богъ сохранитъ умъ твой отъ помысловъ нечистыхъ и скверныхъ, да не укорится о тебѣ путь Божій.

Постоянно упражняй себя въ размыслиніи, читая божественныя Писанія, съ точнымъ ихъ разумѣніемъ,

чтобы, при праздности ума твоего, не осквернялось зрѣніе твое чужими сквернами испотребства (д).

Не рѣшайся искушать умъ свой непотребными помыслами, или зрѣніемъ вводящихъ тебя въ искушеніе лицъ, даже, когда думаешь, что не будешь преодолѣнъ спитъ; потому что и мудрые такими образомъ омрачались, и впадали въ юродство. Не укроешь пламени въ нѣдрѣ своемъ, безъ сильныхъ скорбей плоти своей.

Юности трудно безъ обученія отдаться подъ нго святости. Начало помраченія ума (когда признакъ его начинается открываться въ думѣ) прежде всего усматривается въ лѣности къ Божіей службѣ и къ молитвѣ. Ибо, если душа не отпадетъ сперва отъ этого, нѣтъ иного пути къ душевному оболъщенію; когда же лишается она Божіей помощи, удобно впадаетъ въ руки противниковъ своихъ. А также, какъ-скоро душа дѣлается безнечною къ дѣламъ добродѣтели, непременно увлекается въ противное тому. Ибо переходъ съ какой бы то ни было стороны есть уже начало стороны противной. Если дѣлаешь что для добродѣтели и для души, то не заботься о суетномъ. Непрестанно открывай немощь свою предъ Богомъ, и не будешь искушаемъ чуждыми, какъ-скоро останешься одинъ безъ заступника своего.

Дѣятельность крестная двояка; по двоякости естества и она раздѣляется на двѣ части. Одна, состоя въ претерпѣніи плотскихъ скорбей, производимыхъ дѣйствованіемъ раздражительной части души, и есть,

(д) По древн. слав. пер. *чуждыми испотребными помыслами.*

и называется, дѣятельность. А другая заключается въ тонкомъ дѣланіи ума, и въ божественномъ размышленіи, а также и въ пребываніи на молитвѣ, и такъ далѣе; она совершается вождельвательною частию души, и называется созерцаніемъ. И одна, то-есть, дѣятельность, очищаетъ, по силѣ ревности, страстную часть души, а вторая — дѣйственность душевной любви, то есть, естественное вождельніе, которое просвѣтляетъ умную часть души. Всякаго человѣка, который прежде совершеннаго обученія въ первой части, переходитъ къ сей второй, привлекаемый ея сладостію, не говорю уже своею лѣнностію, постигаетъ гнѣвъ за то, что не умертвилъ прежде уды свои, *яже на земли* (Кол. 3, 5.), т. е. не уврачевалъ немощи помысловъ терпѣливымъ упражненіемъ въ дѣланіи крестнаго поношенія, но дерзнулъ въ умѣ своемъ возмечтать о славѣ крестной. Сіе-то и значитъ сказанное древними святыми, что, если умъ вознамѣрится взойти на крестъ прежде, нежели чувствилца его, изцѣлясь отъ немощи, прійдутъ въ безмолвіе, то постигаетъ Божій гнѣвъ. Сіе восхожденіе на крестъ, привлекающее гнѣвъ, бываетъ не въ первой части претерпѣнія скорбей, то-есть, распятія плоти, но когда человѣкъ входитъ въ созерцаніе; а это есть вторая часть, слѣдующая за изцѣленіемъ души. У кого умъ оскверненъ постыдными страстями, и кто поспѣшаетъ наполнить умъ свой мечтательными помыслами; тому заграждаются уста запрещеніемъ за то, что не очистилъ прежде ума скорбями, не покорилъ плотскихъ вождельній, положившись на то, что слышало ухо, и что написано чернилами,

устремился онъ прямо впередъ, идти путемъ исполненными мраковъ, когда самъ слѣпъ очами. Ибо и тѣ, у кого зрѣніе здраво, будучи исполнены свѣта и пріобрѣта себѣ вождей благодати, день и ночь бываютъ въ опасности, между-тѣмъ какъ очи у нихъ молны слезъ, и они въ молитвѣ и въ плачѣ продолжаютъ служеніе свое цѣлый день, даже и ночь, по причинѣ ужасовъ, ожидающихъ ихъ въ пути и встрѣчающихся имъ страшныхъ стремленій и образовъ пещеры, оказывающихся перемѣшанными съ обманчивыми призраками оной.

Говорятъ: «что отъ Бога, то приходитъ само собою, а ты и не почувствуешь». Это правда, но только если мѣсто чисто, а не осквернено. Если же нечиста зѣница душевнаго ока твоего, то не дерзай устремлять взоръ на солнечный шаръ, чтобы не утратить тебѣ и сего малаго луча, то-есть, простой вѣры, и смиренія, и сердечнаго исповѣданія, и малыхъ посильныхъ тебѣ дѣлъ, и не быть извергнутымъ въ единую область духовныхъ существъ, которая есть тма кромѣнная, то, что внѣ Бога и есть подобіе ада, какъ извергнуть былъ тотъ, кто не устыдился прійти на бракъ въ нечистыхъ одеждахъ.

Трудами и храненіемъ себя источается чистота помысловъ, а чистотою помысловъ — свѣтъ мышленія. Отсюда же по благодати умъ руководится къ тому, надъ чѣмъ чувства не имѣютъ власти, чему и не учать, и не научаются они.

Представь себѣ, что добродѣтель есть тѣло, созерцаніе—душа, а та и другое—одинъ совершенный

человѣкъ, соединяемый духомъ изъ двухъ частей, изъ чувственнаго и разумнаго. И какъ невозможно, чтобы душа получила бытіе, и была рождена, безъ совершенія образованія тѣла съ его членами: такъ душа прійди въ созерцаніе второе, то-есть, въ духъ откровенія, — въ созерцаніе, образуемое въ ложеснахъ, пріемлющихъ въ себя вещество духовнаго сѣмени, невозможно безъ совершенія тѣла добродѣтели; а это есть обитель различающей силы, пріемлющей въ себя откровенія.

Созерцаніе есть оцущеніе божественныхъ таинъ, сокровенныхъ въ вѣщахъ и въ ихъ причинахъ. Когда слышишь объ удаленіи отъ міра, объ оставленіи міра, о чистотѣ отъ всего, что въ мірѣ; тогда нужно тебѣ сначала понять и узнать, по понятіямъ не простонароднымъ, но чисто разумнымъ, что значитъ самое наименованіе: *міръ*, изъ какихъ различій составляется это имя, и ты въ состояніи будешь узнать о душѣ своей, сколько далека она отъ міра, и что примѣнено къ ней отъ міра.

Слово: *міръ*, есть имя собирательное, обнимающее собою перечисленные нами страсти. Если человекъ не узналъ прежде, что такое міръ; то не достигнетъ онъ до познанія, какими членами далекъ отъ міра, и какими связанъ съ нимъ. Много есть такихъ, которые двумя или тремя членами отрывшись отъ міра, и отказавшись отъ общенія имъ съ міромъ, и подумавъ о себѣ, что стали они чуждыми міру въ житіи своемъ, потому что не уразумѣли и не усмотрѣли премудро, что двумя только членами умерли они міру, прочіе же ихъ члены въ тѣлѣ живутъ міру. Впрочемъ, не возмogli они сознать въ

себѣ и страстей своихъ; и какъ не сознали ихъ, то не позаботились и объ ихъ уврачеваніи.

По умозрительному изслѣдованію міромъ называется и составъ собирательнаго имени, объемлющаго собою отдѣльно взятыхъ страсти. И когда вообще хотимъ наименовать страсти, называемъ ихъ міромъ; а когда хотимъ различать ихъ по различію наименованій ихъ, называемъ ихъ страстями. Страсти же суть части преемственнаго теченія міра; и гдѣ прекращаются страсти, тамъ міръ сталъ въ своей преемственности. И страсти суть слѣдующія: приверженность къ богатству, къ тому, чтобы собирать какія-либо вещи; тѣлесное наслажденіе, отъ котораго происходитъ страсть супружества; желаніе чести, отъ котораго истекаетъ зависть; желаніе распорядиться начальственно; паденіе благомысліемъ власти; желаніе наряжаться и правиться; искаженіе человеческой славы, которая бываетъ причиною злонамятства; страхъ за тѣло. Гдѣ страсти сии прекращаются свое теченіе, тамъ міръ умеръ; и въ какой мѣрѣ не достаешь тамъ нѣкоторыхъ изъ сихъ частей, въ такой мѣрѣ міръ остается внѣ, не дѣйствуя тѣми частями состава своего; какъ и о святыхъ сказалъ нѣкто, что, будучи еще живы, стали они мертвы, потому что, живя во плоти, жили не по плоти. И ты смотри, какими изъ сихъ частей живешь; тогда узнаешь, какими частями ты живешь, и какими умеръ, міру. Когда дознаешь, что такое міръ, тогда изъ различія всего этого дознаешь и то, чѣмъ связанъ ты съ міромъ, и чѣмъ отрѣшился отъ него. И скажу короче: міръ есть плотское житіе и мудрованіе плоти. По тому самому, что чело-

вѣкъ психитишь себя изъ этого, познается, что изшелъ онъ изъ міра. И отчужденіе отъ міра познается по снмъ двумъ признакамъ, по превосходнѣйшему житію, и по отличію понятій самаго ума. Изъ сего, наконецъ, возникаютъ въ мысли твоей понятія о вещахъ, надъ которыми паритъ мысль въ своихъ понятіяхъ. И ты достигнешь мѣры житія своего, сообразно съ тѣмъ, воздегъваетъ ли чего естество безъ насилія себѣ, есть ли въ тебѣ какія прозябскія неистребляемыя, или какія производимыя только случаемъ; пришелъ ли умъ въ сознаніе понятій совершенно нетѣлесныхъ, или весь онъ движется въ вещественномъ, и это вещественное страстно. Ибо печати овегъствленія дѣлъ, подъ какими умъ невольно представляется во всемъ, что онъ совершаетъ, суть добродѣтели. Въ нихъ-то безъ немогши замѣтываетъ для себя причину къ горячности и собранности помысловъ съ доброю цѣлію потрудиться тѣлесно, для упражненія сей горячности, если только дѣлается сіе нестрастно. И смотри, не изнемогаетъ ли умъ, встрѣчаясь съ снми печатями тайныхъ помысловъ, по причинѣ лучшаго пламеннѣйшаго по Богу, которымъ обыкновенно отсыкаются суотныя памягованія.

Снхъ немногихъ признаковъ, показанныхъ въ главахъ сей, въ замѣшъ многихъ книгъ достаточно будетъ къ тому, чтобы прогвѣгнть человека, если онъ безмолвствуетъ и жйветъ въ отшельничествѣ. Страхъ за тѣло бываетъ въ людяхъ столько силенъ, что въ слѣдствіе онаго перѣдко остаются они неспособными совершить что-либо достославное и досточестное. И когда на страхъ за тѣло припикаетъ

страхъ за душу; тогда страхъ тѣлесный изнемогаетъ предъ страхомъ душевнымъ, какъ воскъ отъ силы пожигающаго его огня. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 3.

О томъ, что душа до познанія Божіей премудрости и Божіихъ тварей доходитъ безъ труда, если безмолвствуетъ вдали отъ міра и житійскихъ попеченій; ибо тогда можетъ познавать естество свое и тѣ сокровища, какия имѣетъ сокрытыми внутри себя.

Когда не вошли въ душу отвѣтъ житійскія попеченія, но пребываетъ она въ естественномъ своемъ состояніи; тогда непродолжительно бываетъ трудъ ея, и доходитъ она до познанія Божіей премудрости; погону что удаление души отъ міра и безмолвіе ея естественно побуждаютъ ее къ познанію Божіихъ тварей, а отъ сего возносится она къ Богу, въ удивленіи изумляется, и пребываетъ съ Богомъ. Ибо, когда въ душевный источникъ не входятъ воды отвѣтъ, тогда естественныя, источающіяся въ ней воды непрестанно поражаютъ въ душѣ помысленія о чудесахъ Божіихъ. А какъ-скоро душа оказывается неспособною сихъ помысленій; это значить, или что подана къ тому нѣкая причина какими-либо чуждыми воспоминаніями, или что чувства отъ встрѣчи съ предметами произвели противъ нея мятель. Когда же чувства заключены безмолвіемъ, не позволяется

нимъ устремляться въ и при помощи безмолвія устараютъ памятованія; тогда увидишь, что такое—естественные помыслы души, что такое—самое естество души, и какія сокровища имѣетъ она скрытыми въ себѣ. Сокровища же сіи составляютъ познаніе безплотныхъ, возникающее въ душѣ само собою, безъ предварительной мысли и безъ труда о немъ. Даже человекъ не знаетъ, что таковыя помыслы возникаютъ въ природѣ человѣческой. Ибо кто былъ ему учителемъ? или какъ постигъ онъ то, что, и будучи умопредставлено, не можетъ быть уяснено для другихъ? или кто былъ путеводителемъ его въ томъ, чему нигде не учились онъ у другого?

Такова-то природа души. Следовательно, страсти суть нѣчто придаточное, и въ нихъ виновна сама душа. Ибо по природѣ душа безстрастна. Когда же слышишь въ Писаніи о страстяхъ душевныхъ и тѣлесныхъ, да будетъ тебѣ извѣстно, что говорится сіе относительно къ причинамъ страстей. А душа по природѣ безстрастна. Не принимаютъ сего держащіеся вышняго любомудрія, а подобно имъ и ихъ послѣдователи. Напротивъ того, мы вѣруемъ такъ, что Богъ созданнаго по образу сотворилъ безстрастнымъ. Созданнымъ же по образу разумно относительно не къ тѣлу, но къ душѣ, которая невидима. Ибо всякій образъ снимается съ предлежащаго изображенія. Невозможно же представить какой-либо образъ безъ видѣннаго прежде ему подобія. Поэтому, должно увѣриться, что страсти, какъ сказали мы выше, не въ природѣ души. Если же кто противорѣчитъ сказанному; то мы предложимъ ему вопросъ, и пусть отвѣтствуетъ онъ намъ.

Вопросъ. Что такое естество души? Безстрастное ли нѣчто и непоколебимое свѣта, или страстное и омраченное?

Отвѣтъ. Если некогда естество души было просвѣтлено и чисто, по причинѣ пріятія нѣ въ себя блаженнаго свѣта, а подобно сему таковымъ же оказывается, когда возвращается въ первобытный чинъ; то несомнѣнно уже, что душа бываетъ внѣ своего естества, какъ-скоро приходитъ въ страстное движеніе, какъ утверждаютъ и коринтели Церкви. Поэтому, страсти привзошли въ душу въ послѣдствіи, и несправедливо—говорить, будто бы страсти—въ естествѣ души, хотя она и приводится ими въ движеніе. Итакъ явно, что приводится она въ движеніе внѣшнимъ, не какъ своимъ собственнымъ. И если страсти называются душевными (с), потому что душа приводится ими въ движеніе безъ участія тѣла; то и голодъ, и жажда, и сонъ будутъ душевными же; потому что и въ нихъ, а равно при отсѣченіи членовъ, въ горячкѣ, въ болѣзняхъ и въ подобномъ тому, душа страдаетъ и совоздыхаетъ съ тѣломъ. Ибо душа собользнуетъ тѣлу по общенію съ нимъ, какъ и тѣло собользнуетъ душѣ; душа веселится при веселіи тѣла, пріемлетъ въ себя и скорби его. Богу же нашему слава и держава, во вѣки! Аминь.

(с) Въ греческомъ читается: *φυσικοί* (естественными), но согласно съ древними славянскими рукописями лучше читать: *ψυχικοί* (душевными).

С Л О В О 4.

О ДУШѢ, О СТРАСТЯХЪ И О ЧИСТОТѢ УМА, ВЪ ВОПРОСАХЪ
И ОТВѢТАХЪ.

Вопросъ. Что такое—естественное состояніе души? что такое—состояніе противуестественное? что такое—состояніе сверхъестественное?

Отвѣтъ. Естественное состояніе души есть вѣдѣніе Божіихъ тварей, чувственныхъ и мысленныхъ. Сверхъестественное состояніе есть возбужденіе къ созерцаціи пресущественнаго Божества. Противуестественное же состояніе есть движеніе души въ мятущихся страстяхъ, какъ сказалъ божественный и великій Василій, что душа, когда оказывается сообразною съ естествомъ, пребываетъ горь, а когда оказывается вѣ своего естества, является долу на земль; когда же бываетъ горь, оказывается безстрастною; а когда естество низойдетъ отъ свойственнаго ему чина, тогда открываются въ нѣмъ страсти. Итакъ явствуетъ, наконецъ, что страсти душевныя не суть душевныя по естеству. Если душа въ оуждаемыхъ тѣлесныхъ страстяхъ приходитъ въ такое же движеніе, какъ и въ голодѣ и въ жаждѣ; то, поелику въ разсужденіи сихъ послѣднихъ не положено ей закона, не столько бываетъ она достойна порицанія, какъ въ прочихъ страстяхъ, заслуживающихъ порицаніе. Случается, что иногда плоти бываетъ поущено Богомъ сдѣлать что-либо, по видимому, неумѣстное, и вѣсто порицанія и уко-

ризнъ воздается ему благимъ воздаиіемъ. Такъ было съ Пророкомъ Осією, который поятъ въ жены блудницу, — съ Пророкомъ Ілією, который по ревности Божіей совершилъ убійство, и съ тѣми, которые, по повелѣнію Моисею, мечемъ убили своихъ родителей. Впрочемъ говорится, что въ душѣ, и безъ тѣлеснаго естества, естественно есть похоть и раздражительность, и это суть страсти души.

Вопросъ. То ли сообразно съ естествомъ, когда вожделѣніе души воспламенено божественнымъ, или когда обращено на земное и тѣлесное? И для чего душевное естество обнаруживаетъ ревность свою съ раздражительностію? И въ какомъ случаѣ раздраженіе называется естественнымъ? Тогда ли, какъ душа раздражается по какому-либо плотскому вожделѣнію, или по зависти, или по тщеславію, или чему подобному, или когда раздражаетъ ее что-либо противное сему? Пусть отвѣчаетъ, у кого слово, и мы последуемъ ему.

Отвѣтъ. Божественное Писаніе многое говоритъ, и часто употребляетъ именованія, не въ точномъ смыслѣ. Иное свойственно тѣлу, но говорится о душѣ. И на-оборотъ, свойственное душѣ говорится о тѣлѣ. И Писаніе не раздѣляетъ сего; но разумные понимаютъ это. Такъ и изъ свойства Божеству Господа иное, не примѣнимое къ человѣческой природѣ, сказано въ Писаніи о всевысотѣ тѣлѣ Его; и на-оборотъ, уничижительное, свойственное Ему по человечеству, сказано о Божествѣ Его. И многіе, не понимая цѣли божественныхъ словесъ, понозлились въ этомъ, погрѣшивъ несправно. Такъ, въ Писаніи не различается строго свойственное душѣ и

свойственное тѣлу. Посему, если добродѣтель естественнымъ образомъ есть здравіе души, то недугомъ души будутъ уже страсти, нѣчто случайное, привнесшее въ естество души, и выводящее ее изъ собственнаго здравія. А изъ сего явствуется, что здравіе предшествуетъ въ естествѣ случайному недугу. Если же это дѣйствительно такъ (что и справедливо); то значитъ уже, что добродѣтель естественнымъ образомъ бываетъ въ душѣ, случайное же (ж) внѣ естества души.

Вопросъ. Страсти тѣлесныя естественно ли, или случайно, принимаются тѣлу? И страсти душевныя, принадлежащія душѣ, по связи ея съ тѣломъ, естественно ли, или въ несобственномъ смыслѣ ей принимаются?

Отвѣтъ. О страстяхъ тѣлесныхъ никто не осмѣлится сказать, что принимаются въ несобственномъ смыслѣ. А о душевныхъ страстяхъ, какъ-скоро дознаю, и всѣмъ признается, что душѣ естественна чистота, должно смѣло сказать, что страсти нимаю не естественны душѣ; потому что болѣзнь позднѣе здравія. А одному и тому же естеству невозможно быть внѣшью и добрымъ и лукавымъ. Посему, необходимо одно предшествуетъ другому; естественно же то, чѣмъ предварено другое; потому что о всемъ случайномъ говорится, что оно не отъ естества, но привзошло отвнѣ; и за всемъ случайнымъ и привзошедшимъ слѣдуетъ измѣненіе, естество же не перемѣняется и не измѣняется.

(ж) По цевп. став. пер. страсти же внѣ естества души.

Всякая страсть, служащая къ пользѣ, дарована отъ Бога. И страсти тѣлесныя вложены въ тѣло на пользу и возрастаніе ему; а таковы же и страсти душевныя. Но когда тѣло, лишеніемъ свойственнаго ему, принуждено стать внѣ своего благосостоянія и послѣдовать душѣ; тогда оно изнемогаетъ и терпитъ вредъ. Когда и душа, оставивъ принадлежащее ей, послѣдуетъ тѣлу; тогда и она терпитъ вредъ, по слову божественнаго Апостола, который говоритъ: *плоть похотѣваетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противится* (Галат. 5, 17.). Посему, никто да не хулитъ Бога, будто бы Онъ въ естество наше вложилъ страсти и грѣхъ. Богъ въ каждое изъ естествъ вложилъ то, что служить къ его возрастанію. Но когда одно естество входитъ въ согласіе съ другимъ; тогда оно не въ томъ, что ему свое, но въ противоположномъ тому. А если бы страсти были въ душѣ естественно; то почему душа терпѣла бы отъ нихъ вредъ? Собственно принадлежащее естеству не вредитъ ему.

Вопросъ. Почему тѣлесныя страсти, возвращающія и укрѣпляютъ тѣло, вредятъ душѣ, если не принадлежатъ ей собственно? И почему добродѣтель утѣшаетъ тѣло, но возвращаетъ душу?

Отвѣтъ. Не примѣчаешь ли, какъ то, что внѣ естества, вредитъ ему? Ибо каждое естество наполняется веселія, приближившись къ тому, что ему принадлежитъ. Но ты желаешь знать, что есть собственнаго у каждаго изъ сихъ естествъ? Примѣчай: что спомоществуетъ естеству, то есть его собственное; а что вредитъ, то есть чуждое и отъиъ произошедшее. Итакъ, послѣднее дознано, что страсти

тѣла и души оди́нь други́мъ противоположны, то уже все, сколько-нибудь спомоществующее тѣлу и доставляющее ему отдохновеніе, есть его собственное (з). Но когда сдружилась съ чѣмъ душа, не говорится, что это ей естественно; ибо что составляетъ собственность души, то — смерть для тѣла. Впрочемъ, въ несобственномъ смыслѣ, сказанное выше приписывается душѣ; и душа, по немощи тѣла, пока поситъ на себѣ оное, не можетъ отъ сего освободиться; потому что естественно вступила въ общеніе съ скорбнымъ для тѣла, по причинѣ того единенія, какое неостыжимою премудростію установлено между движеніемъ души и движеніемъ тѣла. Но хотя и въ такомъ они взаимномъ общеніи, однакоже отличны и движеніе отъ движенія, и воля отъ воли, а также и тѣло отъ духа. Впрочемъ, естество не перемѣняется; напротивъ того, каждое изъ естествъ, хотя и крайне уклоняется, въ грѣхъ ли то, или въ добродѣтель, однакоже приводится въ движеніе собственною своею волею. И когда душа возвысится надъ помысленіемъ о тѣлѣ; тогда вся всецѣло цвѣтетъ духомъ въ движеніяхъ своихъ, и среди неба носится въ неостыжимомъ. Впрочемъ, и въ этомъ состояніи не позволяетъ, чтобы тѣло не помыслило своего собственного. И также, если тѣло оказывается во грѣхахъ, душевныя помысленія не престають источаться въ умъ.

Вопросъ. Что такое чистота ума?

Отвѣтъ. Чистъ умомъ не тотъ, кто не знаетъ

(з) Слово *есть его собственное* въ греческ. изд. лѣтъ, дополнены же они изъ древней славянской рукописи.

зла (ибо такой будетъ скотоподобнымъ), не тотъ, кто по естеству находится въ состояніи младенческаго, не тотъ, кто лицемеритъ. Но вотъ чистота ума — просвѣщеніе божественнымъ, но дѣятельно въ упражненіи въ добродѣтеляхъ. И не смѣемъ сказать, чтобы пріобрѣлъ сіе кто безъ искушенія помысловъ, какъ не облеченный тѣломъ. Ибо не отваживаемся говорить, чтобы наше естество до самой смерти не было боримо, и не терпѣло вреда. Искушеніемъ же помысловъ называю не то, чтобы подниматься нѣтъ, но чтобы положить начало борьбѣ съ нимъ.

Перечисленіе движеній въ помыслахъ.

Движеніе помысловъ въ человѣкѣ бываетъ отъ четырехъ причинъ: во-первыхъ, отъ естественной плотской волн; во-вторыхъ, отъ чувственнаго представленія мірскихъ предметовъ, о какихъ человѣкъ слышитъ, и какіе видитъ; въ-третьихъ, отъ предзанятыхъ попятій и отъ душевной склоности, какія человѣкъ имѣетъ въ умѣ; въ-четвертыхъ, отъ прираженія бѣсовъ, которые воюютъ съ нами, вовлекая во всѣ страсти, по сказаннымъ прежде причинамъ. Поэтому, человѣкъ даже до смерти, пока онъ въ жизни этой плоти, не можетъ не имѣть помысловъ и брани. Ибо, разсуди самъ, возможно ли, чтобы прежде пеществія человека изъ міра, и прежде смерти, пришла въ бездѣйствіе которая-либо одна изъ сихъ четырехъ причинъ? или возможно ли тѣлу не домогаться необходимаго и не быть вынужденнымъ пожелать чего-либо мірскаго? Если же неумѣстно представлять себѣ что-либо подобное, потому что естество имѣетъ нужду въ такихъ вещахъ: то зна-

читать уже, что страсти дѣйствуютъ во всякомъ, кто носитъ на себѣ тѣло, хочетъ ли онъ того, или не хочетъ. Поэтому, всякому человеку, какъ посвященному на себѣ тѣло, необходимо охранять себя не отъ одной какой-либо страсти, явно и непрестанно въ немъ дѣйствующей, и не отъ двухъ, но отъ многихъ страстей. Побѣдившіе въ себѣ страсти добродѣтели, хотя и бываютъ тревожимы помыслами и припаженіемъ четырехъ оныхъ причинъ, однакоже не уступаютъ надъ собою побѣды, потому что имѣютъ силу, и умъ ихъ восторгается къ бланцамъ и божественнымъ памятованіямъ.

Вопросъ. Чѣмъ разнится чистота ума отъ чистоты сердца?

Отвѣтъ. Иное есть чистота ума, а иное—чистота сердца. Ибо умъ есть одно изъ душевныхъ чувствъ, а сердце обнимаетъ въ себѣ, и держитъ въ своей власти, внутреннія чувства. Оно есть корень. Но если корень святъ, то и вѣтви святы; т. е., если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и все чувства. Если умъ приложитъ стараніе къ чтенію божественныхъ Писаній, или потрудится нѣсколько въ постахъ, въ бдѣніяхъ, въ безмолвіяхъ; то забудетъ прежнее свое житіе, и достигнетъ чистоты, какъ-скоро удалится отъ сквернаго поведенія; однакоже не будетъ имѣть постоянной чистоты; потому что скоро онъ очищается, но скоро и оскверняется. Сердце же достигаетъ чистоты многими скорбями, лишеніями, удаленіемъ отъ общенія со всеми, что въ мірѣ мірскаго, и умерщвленіемъ себя для всего этого. Если же достигло оно чистоты; то чистота его не сквернится чѣмъ-либо

малымъ, не боится великихъ, явныхъ браней, разумью брани страшныя; потому что приобрѣло себѣ крѣпкій желудокъ, который можетъ скоро переварить всякую пищу, несваримую въ людяхъ немощныхъ. Ибо врачи говорятъ, что всякая мясная пища неусдобоварима, но много силы сообщаетъ тѣламъ здоровымъ, когда пріемлетъ ее крѣпкій желудокъ. Такъ, всякая чистота, приобретенная скоро, въ короткое время и съ малымъ трудомъ, скоро теряется и оскверняется. Чистота же, достигнутая многими скорбями и приобретенная продолжительнымъ временемъ, не страшится какого-либо непревышающаго мѣру приращенія къ которой-либо изъ частей души, потому что укрѣпляетъ душу Богъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 5.

О чувствахъ, а вѣсть и объ искушеніяхъ.

Чувства цѣломудренныя и собранныя во едино поражаютъ въ душу миръ, и не допускаютъ ей входить въ испытаніе вещей. А когда душа не пріемлетъ въ себя ощущенія вещей, тогда побѣда совершается безъ борьбы. Если же человекъ вознерадитъ, и дозволитъ, чтобы нѣмъ къ нему доступъ приращенія; то принужденъ тогда бываетъ выдерживать брань. Возмущается же и первоначальная чистота, которая бываетъ весьма проста и ровна. Ибо по се-

му перадрѣнно большая часть людей, или и цѣлый міръ, выходягъ изъ естественнаго и чистаго состоянія. Поэтому, живущіе въ мірѣ, въ тѣсныхъ связяхъ съ мірскими людьми, не могутъ очистить ума, по той причинѣ, что много познали пороки. Темногіе же въ состояніи возвратиться къ первоначальной чистотѣ ума. Потому, всякому человеку надлежитъ съ осторожностію соблюдать всегда чувства свои и умъ отъ прираженій. Ибо много потребно трезвости, неусынности, предусмотрительности.

Великая простота бываетъ удобопревратна (и). Человѣческой природѣ, чтобы хранить предѣлы послушанія Богу, погребенъ страхъ. Любовь къ Богу возбуждаетъ въ человѣкѣ любовь къ дѣланію добродѣтелей, а снѣвъ увлекается въ благоговѣреніе. Духовное видѣніе, по природѣ своей, позднѣе дѣланія добродѣтелей. Тому же и другому предшествоуютъ страхъ и любовь. И опять, любви предшествуетъ страхъ. Всякій, кто не стыдится говорить, что можно пріобрѣсти послѣднія безъ дѣланія первыхъ (і), несомнѣнно полагаетъ первое основаніе гибели для души своей. Таковъ нуть Господень, что послѣднія рождаются отъ первыхъ.

Любви къ брату твоему не замѣняй любовью къ какой-либо вещи; потому что братъ твой тайно пріобрѣтъ вънутрь себя Того, Кто всего драгоценнѣе. Оставь малое, чтобъ обрѣсти великое. Презирай изъ-

(и) *Εὐφραπης* согл. съ слав. рук. и съ перев. Паисія, а не *Εὐφραπης*, какъ въ печ. греч.

(і) т. е. видѣніе и дѣланіе добродѣтелей безъ любви и страха.

лишнее и малоценное, чтобъ обрѣсти многоценное. Будь мертвъ въ жизни своей, чтобы жить по смерти. Предай себя на то, чтобы умереть въ подвигахъ, и не жить въ нерадѣицѣ. Ибо не тѣ только мученики, которые пріняли смерть за вѣру во Христа, но и тѣ, которые умираютъ за соблюденіе заповѣдей Христовыхъ. Не будь несмысленъ въ прошеніяхъ своихъ, чтобы не оскорбить тебѣ Бога малостію своего вѣдѣнія. Будь мудръ въ своихъ молитвахъ, чтобы сподобиться тебѣ славы. Проси досточестнаго у Дающаго безъ зависти, чтобы за мудрое свое хотѣніе пріять отъ Него и почесть. Премудрости просилъ себѣ Соломонъ, и послыку у великаго Царя просилъ премудраго, то естъ премудростію пріять и царство земное. Елисей просилъ въ сугубой мѣрѣ той благодати Духа, какую имѣлъ Учитель, и прошеніе его не осталось неисполненнымъ. Ибо кто у царя домогается маловажнаго, тотъ унижаетъ его честь. Израиль просилъ маловажнаго, и постигъ его гнѣвъ Божій. Оставилъ онъ то, чтобы въ дѣлахъ Божіихъ дивиться страшнымъ чудесамъ Божіимъ, и домогается удовольствоваться похотѣніемъ чрева своего. Но еще брашна сущу во устѣхъ ихъ, и гнѣвъ Божій взыде на нѣ (Псал. 77, 30. 31.). Приносн Богу прошенія свои сообразно съ Его славою, чтобы возвеличилось предъ Нимъ достоинство твое, и возрадовался Онъ о тебѣ. Если кто попроситъ у царя нѣсколько іноу; то не только самъ себя обезчеститъ маловажностію своей просьбы, какъ показавшій тѣмъ великое невѣжество, но и царю своею просьбою нанесетъ оскорбленіе. Такъ поступають и тѣ, кто въ молитвахъ своихъ у Бога проситъ

земныхъ благъ. Ибо вотъ Ангелы и Архангелы—сѣи вельможи Царя, во время молитвы твоей, устремляютъ на тебя вниманіе, съ какимъ прошеніемъ обратишься къ Владыкѣ ихъ; и изумляются и радуются, когда видятъ, что ты—земный оставилъ плоть свою, и просишь небеснаго; а напротивъ того, огорчаются, смотря на того, кто оставилъ небесное, и просить своего гноя.

Не проси у Бога того, что самъ Онъ безъ прошенія дастъ намъ по Своему промышленію, и дастъ не только Своимъ и возлюбленнымъ, но и тѣмъ, которые чужды вѣдѣнія о Немъ. Ибо сказано: не будьте, *якоже язычницы, лишии глаголющими въ молитвахъ своихъ* (Матѣ. 6, 7.). Это есть тѣлесное, и сихъ *языцы ищутъ*, сказалъ Господь. Вы же *не пецѣтеся, что ясте, или что пїете, или во что облечетеся. Вѣсть бо Отець вашъ, что имѣете въ этомъ пужду* (Матѣ. 6, 25. 32.). Сынъ у отца своего не проситъ уже хлѣба, но домогается наибольшаго и высшаго въ дому отца своего. Ибо по немощи только ума человѣческаго Господь заповѣдалъ просить ежедневнаго хлѣба. Но смотри, что заповѣдано тѣмъ, которые совершенны вѣдѣніемъ и здравы душею. Имъ сказано: не печитесь о пищу или одеждѣ; потому что, если Богъ печется о безсловесныхъ животныхъ, о птицахъ и о тваряхъ неодушевленныхъ, то кольми паче попечется о васъ: *ищите же паче царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѣ. 6, 33.).

Если просишь чего у Бога, и Онъ медлитъ услышать тебя вскорѣ; не печалься, потому что ты не пренеудръс Бога. Бываетъ же сіе съ тобою, или по-

тому что недостойны ты получить просимое; или потому что пути сердца твоего не соотвѣтственны, но противны, прошеніямъ твоимъ; или потому что не пришелъ ты еще въ мѣру, чтобы пріять дарованіе, котораго просишь. Ибо не должно намъ прежде времени касаться великихъ мѣръ, чтобы дарованіе Божіе, отъ скорости пріятія онаго, не сдѣлалось бесполезнымъ; потому что легко полученное скоро и утрачивается; все же, пріобрѣтенное съ болѣзнію сердечною, и хранится съ осторожностію.

Терпи жажду ради Христа, да упоишь тебя Своею любовію. Смыжи очи свои для житейскихъ пріятностей, да сподобитъ тебя Богъ, чтобы миръ Его царствовалъ въ сердцѣ твоёмъ. Воздерживайся отъ того, что видятъ очи твои, да сподобишься духовной радости. Если неудобны будутъ Богу дѣла твои; не домогайся у Него прославленія, чтобы не уподобиться человеку, искушающему Бога. Сообразна съ житіемъ твоимъ должна быть и молитва твоя. Ибо тому, кто привязанъ къ земному, невозможно помогать небеснаго, и тому, кто занятъ мірскими, нѣтъ возможности просить божественнаго; потому что пожеланіе каждаго человека показывается дѣлами его; въ чемъ показываетъ онъ свое раченіе, о томъ подвизается въ молитвѣ. Кто желаетъ великаго, тотъ не бываетъ занятъ маловажнымъ.

Будь свободенъ, хотя и связанъ ты тѣломъ, и ради Христа докажи свободу своего послушанія. Будь и благоразсудителенъ въ простотѣ твоей, чтобы не быть тебѣ окраденнымъ. Возлюби смиреніе во всѣхъ дѣлахъ своихъ, чтобы избавиться отъ неприятныхъ сътей, какія всегда находятся въ пути

сиренно мудренныхъ. Не отказывайся отъ скорбей, потому что ими входишь въ познаніе истины; и не устрашайся искушеній, потому что чрезъ нихъ обрѣтаешь досточестное. Молись, чтобы не впадать въ искушенія душевныя, а къ искушеніямъ тѣлеснымъ пріуготовляйся со всею крѣпостію своею. Ибо вне ихъ не возможешь приблизиться къ Богу; потому что среди нихъ уготованъ божественный покой. Кто бѣжитъ отъ искушеній, тотъ бѣжитъ отъ добродѣтели. Разумно же искушеніе не пожеланій, но скорбей.

Вопросъ. Какъ согласуется между собою сказанное: *молитесь, да не внидите въ напасть* (Матѳ. 26, 41.), а въ другомъ мѣстѣ: *подвизайтесь внити сквозъ тѣсныя врата* (Лук. 13, 24.); и еще: *не убойтесь отъ убивающихъ тѣло* (Матѳ. 10, 28.); и: *иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (39.)? Почему Господь вездѣ побуждаетъ насъ къ перенесенію искушеній, а здѣсь повелѣлъ: *молитесь, да не внидите въ напасть*? Ибо какая добродѣтель бываетъ безъ скорби и искушенія? Или какое искушеніе больше сего—погубить человѣку себя самого? Однакоже Господь повелѣлъ подвергаться сему искушенію ради Его. Ибо говорятъ: *иже не приметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, несть Мене достоинъ* (Матѳ. 10, 32.). Почему же, во всемъ Своемъ ученіи повелѣвая подвергаться искушеніямъ, здѣсь заповѣдалъ молиться о томъ, чтобы не внити? Ибо сказано: *многими скорбми подобаетъ вамъ внити въ царствіе небесное* (Дѣян. 14, 22.); и: *въ міръ скорбни будете* (Іоан. 16, 33.); и: *въ терніи спяхъ стяжете души ваша* (Лук. 21, 15.).

О, какой тонкости ума требуетъ путь ученій твоихъ, Господи! Всегда будетъ вѣкъ его тотъ, кто не читаетъ смысленно и съ вѣдѣніемъ. Когда сыны Зеведеовы и мать ихъ пожелали съѣдѣнія съ Тобою въ царствіи, сказалъ Ты имъ слѣдующее: *можете ли пити чашу, юже Азъ имамъ пити, и крещеніемъ, имъ же Азъ крещаюся, креститися* (Матѳ. 20, 22.)? Почему же здѣсь повелѣваешь намъ, Владыка, молиться о томъ, чтобы *не внити въ напасть*? О какихъ искушеніяхъ повелѣваешь намъ молиться, чтобы *не внити въ нихъ*?

Отвѣтъ. Сказано: молись, чтобы *не внити* въ искушенія касательно вѣры. Молись, чтобы *выѣсть* съ демономъ хулы и гордыни *не внити* въ искушенія самоопыненія ума твоего. Молись, чтобы, по Божію попущенію, *не внити* тебѣ въ явное діавольское искушеніе, по причинѣ худыхъ мыслей, какія помыслилъ ты умомъ своимъ, и за которыя попускается на тебя искушеніе. Молись, чтобы не отступилъ отъ тебя Ангелъ цѣломудрія твоего, чтобы грѣхъ не воздвигъ на тебя пламеннющей брани, и не разлучилъ тебя съ нимъ. Молись, чтобы *не внити* въ искушеніе—раздражать одного противъ другаго, или въ искушеніе двоедунія и сомнѣнія, которыми душа вводится въ великое бореніе. А искушенія тѣлесныя приуготовляйся принимать отъ всей души, и преплывай ихъ всѣми своими членами; и очи свои наполни слезами, чтобы не отступилъ отъ тебя Хранитель твой. Ибо вѣкъ искушеній не усматривается Промыслъ Божій, невозможно пріобрѣсти дерзновенія предъ Богомъ, невозможно научиться премудрости Духа, нѣтъ также возможности, чтобы

божественная любовь утвердилась въ душѣ твоей. Прежде искушеній чловѣкъ молится Богу, какъ чужой кто. Когда же входитъ въ искушенія по любви къ Богу, и не допускаетъ въ себя измѣненія; тогда поставляется предъ Богомъ, какбы публичный Его должникомъ своимъ, и какъ искренній другъ; потому что, во исполненіе воли Божіей, вселъ брань съ врагомъ Божиимъ, и побѣдилъ его. Вотъ что значитъ сказанное: *молитесь, да не ввидите въ напасть*. И еще: молись, чтобы въ странное діавольское искушеніе не *внити* тебѣ за кичливость твою; но за любовь твою къ Богу да содѣйствуетъ тебѣ сила Божія, и тобою побѣдитъ враговъ своихъ. Молись, чтобы въ искушенія сн *не внити* тебѣ за порочность помысловъ и дѣлъ твоихъ; но да искусятся любовь твоя къ Богу, и прославится сила Его въ терпѣніи твоёмъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 6.

О милосердіи Владыки, по которому съ высоты величія Своего снизошелъ къ немощи чловѣческой, и о испытаніяхъ.

И еще Господь нашъ, промышляя сообразно съ Своею милостію и по мѣрѣ благодати Своей, если вникнешь смысленно, повелѣлъ молиться и о тѣлесныхъ искушеніяхъ. Ибо, зная, что естество наше, по причинѣ перстнаго и брennaго тѣла, немощно, и не въ состояніи противостать искушеніямъ, когда

бываетъ въ нихъ, и потому отпадаетъ отъ истины, обращаетъ хребетъ и одолевается скорбями; повелебъ молиться, чтобы не впасть намъ въ искушенія внезапно, если и безъ нихъ возможно благоугодить Богу. А если человекъ, стремясь къ высокой добродѣтели, внезапно впадетъ въ страшныя искушенія, и не выдержитъ; то не можетъ онъ въ это время дойти до совершенства въ добродѣтели.

Не надлежитъ намъ лицепріятія ни къ себѣ самимъ, ни къ другимъ, изъ страха оставлять дѣло благородное и честное, въ которомъ сокрыта жизнь души, и выставлять предлоги и ученія, потворствующія слабости, наприимѣръ сіе: *молитесь, да не внидите въ папасть*. Ибо о такихъ сказано, что они ради заповѣди грѣшатъ втайнѣ. Посему, если приключится человеку, и постигнетъ его, искушеніе, и понуждаемъ онъ будетъ нарушить одну изъ сихъ Моихъ заповѣдей, то-есть, оставить целомудріе или иноческое житіе, или отречься отъ вѣры, или не подвижаться за Христа, или оставить безъ исполненія одну изъ заповѣдей; то ежели онъ убоится и не противостоятъ искушеніямъ мужественно,—отпадетъ отъ истины.

Отнынѣ уже всѣмъ силами будемъ пренебрегать тѣломъ, предадимъ душу Богу, и о имени Господнемъ вступимъ въ борьбу съ искушеніями. И Кто спасъ Іосифа въ землѣ египетской, показалъ въ немъ подобіе и образецъ целомудрія, Кто сохранилъ невредимымъ Даніила во рвѣ львиномъ, и трехъ юношей въ печи огненной, Кто избавилъ Іеремію изъ рва тиняго, и даровалъ ему милость въ станѣ халдейскомъ, Кто Петра извелъ изъ узницы при за-

творенныхъ дверяхъ, и Павла спастъ отъ соимща іудейскаго, короче сказать, Кто всегда на всякомъ мѣстѣ, во всякой странѣ соприсущъ рабамъ Своимъ, и являетъ въ нихъ силу и побѣду Свою, соблюдаетъ ихъ во многихъ необычайныхъ обстоятельствахъ, показываетъ имъ спасеніе Свое во всѣхъ скорбяхъ ихъ, Тотъ и насъ да укрѣпитъ и да спасетъ среди окружающихъ насъ волнъ! Аминь.

Да будеть въ душахъ нашихъ столько же ревности противъ діавола и его приставниковъ, сколько имѣли Маккавеи, и святые Пророки, и Апостолы, и Мученики, и Преподобные, и Праведные, которые установили божественные законы и духовныя заповѣди въ странахъ страшныхъ, при искушеніяхъ самыхъ трудныхъ, и мѣръ и тѣло повергли позади себя, и устояли въ правдѣ своей, не уступивъ надъ собою побѣды опасностямъ, которыя вмѣстѣ съ ихъ душами окружали и тѣла, но побѣдивъ ихъ мужественно. Имена ихъ написаны въ книгѣ жизни даже до пришествія Христова, и ученіе ихъ, по Божію повелѣнію, соблюдается для нашего наставленія и укрѣпленія, какъ свидѣтельствуется Апостолъ (Рим. 15, 4.), чтобы мы стали мудрыми, и познали пути Божіи, и имѣли у себя предъ очами сказанія о нихъ и житія ихъ, какъ одушевленные и живые образы, ихъ брали себѣ за образецъ, шествовали ихъ путемъ, и имъ уподоблялись. О, какъ сладостны божественныя словеса душѣ благосмысленной! Они то-же для души, что для тѣла пища, поддерживающая его. Сказанія же о праведныхъ такъ-же вожделѣнны слуху кроткихъ, какъ и постоянное орошеніе недавно насажденному растенію.

Итакъ, возлюбленный, какъ доброе нѣкое врачество для слабыхъ глазъ, содержи въ умѣ Промыслъ Божій, который охраняется все отъ начала и донынѣ; памятованіе о семъ храни въ себѣ на всякій часъ, о семъ размышляй и заботься, изъ сего извлекай для себя наставленія, чтобы навикнуть тебѣ хранить въ душѣ своей памятованіе о величій чести Божіей, и обрѣсти душѣ своей вѣчную жизнь во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Который, какъ Богъ и человекъ, содѣлался Ходатаемъ Бога и человека. Къ славы, окружающей престолъ чести Его, не могутъ приближаться чины Ангельскіе; но ради насъ явился Онъ въ униженномъ и смиренномъ образѣ, какъ говоритъ Исаія: *видѣхомъ Его, и не имаше вида, ни доброты* (Ис. 53, 2.). Тотъ, Кто по естеству свидѣтъ всей твари, облекся въ тѣло, и совершилъ домоостроительство для спасенія и жизни всѣхъ народовъ, въ Немъ обрѣтшихъ очищеніе. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 7.

О грѣхахъ произвольныхъ, непроизвольныхъ и совершаемыхъ по какому-нибудь случаю.

Есть грѣхъ, совершаемый по немощи, въ который человекъ увлекается непроизвольно; и есть грѣхъ, совершаемый произвольно и по невѣдѣнію. Бываетъ также, что иной сдѣлаетъ грѣхъ по какому-нибудь случаю, и еще, по долгому пребыванію и закоснѣнію

во злѣ. Вотъ всѣ роды и виды грѣховъ; и хотя всѣ они достойны порицанія, однакоже, по сравненіи положенныхъ за грѣхи наказаній, оказывается, что одинъ больше другого. На много падаетъ наибольшее осужденіе, и съ трудомъ пріемлется отъ него покаяніе, а грѣхъ много близокъ къ прощенію. И какъ Адамъ, Ева и змій, хотя всѣ пріями отъ Бога воздаяніе за грѣхъ, однакоже весьма въ различной мѣрѣ подверглись проклятію: такъ бываетъ и съ сынами ихъ. Каждому тяжесть наказанія соразмѣряется съ намѣреніемъ его и пристрастіемъ ко грѣху. Если кто, не имѣя желанія служить грѣху, по нерадѣнію о добродѣтели увлекается въ грѣхъ, потому что не упражнялся въ добродѣтели; то тяжело такому пребывать во грѣхѣ; да и наказаніе его тяжело. А если случится, что иной радѣющій о добродѣтели искушенъ будетъ какимъ-либо прегрѣшеніемъ; то, безъ сомнѣнія, близка къ нему милость, чтобы загладить его грѣхъ.

Инаковъ есть грѣхъ, совершаемый, когда человекъ оказывается радѣющимъ о добродѣтели и постояннымъ въ дѣланіи, такъ-что и ночью не спитъ, заботясь, чтобы не потерпѣть ущерба въ томъ, о чемъ у него попеченіе, и днемъ всюду носить съ собою бремя свое, и вся забота его о добродѣтели, но при сихъ и подобныхъ снѣхъ попеченіяхъ, или по невѣдѣнію какому, или отъ какихъ-либо препятствій на пути его, т. е., на пути добродѣтели, и отъ волнъ во всякое время воздымающихся въ членахъ его, или въ слѣдствіе уклоненія, поущеннаго ему для испытанія его свободы, въсовая чаша у него склоняется нѣсколько влево, и тѣлесною немощію

увлекается онъ въ одинъ изъ видовъ грѣха; и при этомъ скорбитъ, тужить, болѣзненно вздыхаетъ онъ о душѣ своей, по причинѣ бѣдствія, приключившагося ему отъ сопротивныхъ.

Инаковъ же грѣхъ, когда человѣкъ оказывается слабымъ и нерадивымъ въ дѣланіи добродѣтели, совершенно оставилъ путь ея, рабски стремится въ послушаніе всякому грѣховному наслажденію, оказывается рвеніе изыскивать средства къ полнѣйшему наслажденію, подобно какому-нибудь рабу, готовъ со тщаніемъ выполнить волю врага своего и члены свои уготовить въ оружіе діаволу со всякимъ ему послушаніемъ, нимало не намѣренъ подумать о покаяніи, приблизиться къ добродѣтели, пресѣчь зло и положить конецъ пагубному пути своему.

Инаковъ грѣхъ отъ понозговеній и паденій, какія могутъ приключиться на пути добродѣтели и на стезь правды. Ибо, по словамъ Отцевъ, на пути добродѣтели и на стезь правды встрѣчаются паденія, препятствія, принужденія и тому подобное.

Иное же дѣло—паденіе души, всецѣлая ея гибель, совершенное оставленіе. Кто явно принадлежитъ къ числу таковыхъ, тотъ, когда падетъ, да не забываетъ любви Отца своего; по если приключится ему впасть и въ многоразличныя прегрѣшенія, да не перестаетъ радѣть о добрѣ, да не останавливается въ своемъ теченіи; но и побѣждаемый снова да возстанетъ на борьбу съ своими сопротивниками, и ежедневно да начинаетъ полагать основаніе разрушенному зданію, до самаго исхода своего изъ міра сего нѣмъ въ устахъ Пророческое слово: *не радуйся о мнѣ противникъ мой яко падохъ*; ибо снова воз-

стану. *Аще сяду во тмь, Господь озаритъ мя* (Мих. 7, 8.); и нимаю да не прекращаетъ брани до самой смерти и пока есть въ немъ дыханіе, да не предастъ души своей на одоленіе, даже и во время самага пораженія. Но если и каждый день разбивается ладія его, и терпитъ крушеніе весь грузъ, да не перестаетъ заботиться, запасаться, даже брать въ займы, переходить на другіе корабли и плыть съ упованіемъ, пока Господь, призвавъ на подвигъ его и умиосердившись надъ сокрушеніемъ его, не ниспослетъ ему милость Свою, и не дастъ ему спланныхъ побужденій встрѣтить и вытерпѣть разжженные стрѣлы врага. Такова премудрость, подаваемая отъ Бога; таковъ мудрый больной, не теряющій надежды своей. Лучше быть намъ осужденными за нѣкоторыя дѣла, а не за оставленіе всего. Посему-то авва Мартиніанъ увѣщаетъ не изнемогать отъ множества подвиговъ, отъ многоразличныхъ и частыхъ браней на пути правды, не возвращаться вспять и не уступать врагу победы надъ собою какими-либо постыдными для насъ образомъ. Пбо, какъ нѣкій чадолюбивый отецъ, въ чинномъ и стройномъ порядкѣ, говоритъ слѣдующее: «если вы, чада, дѣйствительно подвижники, стремящіеся къ добродѣтели, и есть въ васъ душевное раченіе; то возжелайте умъ вашъ представить Христу чистымъ, и дѣлать дѣла Ему благоудобныя. Пбо непрестанно должно вамъ выдерживать за сіе всякую брань, воздвигаемую естественными страстями, противленіемъ міра сего, постоянною и непрекращающеюся злобою демоновъ, съ какою обыкновенно нападаютъ на васъ, и со всѣми ихъ злоумищеніями. Не бойтесь, что

жестокость брани непрерывна и продолжительна; не приходите въ колебаніе отъ долговременности борьбы; не ослабѣвайте и не трясните отъ вражескихъ ополченій; не впадайте въ бездну безнадежности, если, можетъ быть, и приключится вамъ на время понозднуться и согрѣшнть. Но если и потерпите что-нибудь въ сей великой брани, будете поражены въ лице и уязвлены; сіе ничего да не воспрепятствуетъ вамъ стремиться къ доброй вашей цѣли. Паче же пребывайте въ избранномъ вами дѣланіи, и достигайте сего вождельнаго и похвальнаго конца, т. е., чтобъ оказаться въ брани твердыми, испробованными, обогранными кровію изъ своихъ, и никакими образомъ не прекращайте борьбы съ своими сопротивниками».

Таковы поученія великаго старца. Не подобно вамъ ослабѣвать или изнемогать по причинѣ сказаннаго выше. Горе же тому монаху, который лжетъ объту своему, и, похирая совѣсть свою, подастъ руку діаволу, чтобы тотъ похвальный вовлеченіемъ его въ какой-либо родъ малыхъ или великихъ грѣховъ, и который не можетъ снова стать предъ лицомъ враговъ своихъ сокрушенною частию души своей. Съ какимъ лицомъ предстанетъ онъ Судіи, когда, достигнувъ чистоты, друзья его срътятъ другъ друга, — тѣ самые, съ которыми разлучившись въ пути своемъ, пошелъ онъ стезею погибелн, утратилъ и то дерзновеніе, какое имѣють предъ Богомъ преподобные, и ту молитву, которая исходитъ изъ чистаго сердца, возносится горѣ превыше ангельскихъ силъ, и ничѣмъ не возбраняется, пока не получитъ просимаго въ ней, и съ радостію не возвратится въ возсылавшія

ее уста? И страшнѣе всего то, что, какъ здѣсь онъ разлучился съ ними въ пути своемъ, такъ и его разлучить съ ними Христосъ въ тотъ день, когда свѣтлый облакъ понесетъ на хребтѣ своемъ тѣла, сіяющія чистотою, и поставитъ во вратахъ небесныхъ. Ибо по тому самому, что здѣсь уже осуждены дѣла ихъ, *не воскреснутъ нечестивіи на судъ, ниже грѣшницы въ совѣтъ праведныхъ*, въ воскресеніе суда (Пс. 1, 7.).

С Л О В О 8.

О храненіи и блюденіи себя отъ людей разслабленныхъ и перадивныхъ, о томъ, что отъ сближенія съ ними воцаряется въ чловѣкѣ перадвнѣе и разслабленіе, и онъ исполняется всякой нечистой страсти,—и о храненіи себя отъ близости съ юными, чтобы умъ не осквернился нецотрѣбными помыслами.

Кто возбраняетъ устами своимъ нересуждать; тотъ хранитъ сердце свое отъ страстей. А кто хранитъ сердце свое отъ страстей; тотъ ежечасно зрѣтъ Господа. У кого помышленіе всегда о Богѣ; тотъ прогоняетъ отъ себя демоновъ, и искореняетъ сѣмя ихъ злобы. Кто ежечасно назираетъ за своею душею; у того сердце возвеселяется откровеніями. Кто зрѣніе ума своего сосредоточиваетъ внутри себя самого; тотъ зрѣтъ въ себѣ духовную зарю. Кто возгнушался всякимъ пареніемъ ума; тотъ зрѣтъ Владыку своего внутри сердца своего. Если любишь чистоту, при

которой можетъ быть зримъ Владыка всяческихъ; то никого не осуждай и не слушай того, кто осуждаетъ брата своего. Если другіе препираются при тебѣ, закрой уши свои, и бѣги оттуда, чтобы не слышать тебѣ выраженій гнѣвныхъ, и не умерла душа твоя, лишившись жизни. Сердце раздраженное не вмѣщаетъ въ себѣ тайнъ Божіихъ; а кроткій и смиренномудрый есть источникъ тайнъ новаго вѣка.

Вотъ, если будешь чистъ, то внутри тебя небо, и въ себѣ самомъ узришь Ангеловъ и свѣтъ ихъ, а съ ними и въ нихъ и Владыку ангеловъ. Кого хвалятъ справедливо, тотъ не терпитъ вреда. Но если усладительна для него похвала; то безмездный онъ дѣлатель. Сокровище смиренномудраго внутри его, и это—Господь. Наблюдающій за языкомъ своимъ во вѣкъ не будетъ ни въ окраденъ. Уста молчаливыя истолковываютъ тайны Божіи; а скорый на слова удалится отъ Создателя своего. Душа добраго сіяетъ паче солнца, и ежечасно возвеселяется видѣніемъ божественныхъ откровеній. Кто послѣдуетъ любящему Бога, тотъ обогатится тайнами Божіими; а кто послѣдуетъ несправедному и горделивому, тотъ удалится отъ Бога, и возненавидѣнъ будетъ друзьями своими. Молчаливый языкомъ во всей наружности своей пріобрѣтаетъ смиренномудрую чинность, и онъ безъ труда возобладаетъ надъ страстями. Страсти искореняются и обращаются въ бѣгство непрестаннымъ погруженіемъ мысли въ Бога. Это—мечъ умерщвляющій ихъ. Какъ при безмолвной тишинѣ чувственного моря носится и плаваетъ дельфинъ: такъ и при безмолвіи и утишеніи раздражи-

тельности и гибва въ морѣ сердечномъ , во всякое время, къ веселію сердца, посятся въ немъ тайны и божественныя откровенія.

Кто желаетъ видѣть Господа внутри себя; тотъ прилагаетъ усиліе очипать сердце свое непрестаннымъ памятованіемъ о Богѣ ; и такимъ образомъ, при свѣтлости очей ума своего, ежечасно будетъ онъ зрѣть Господа. Чтò бываетъ съ рыбою, вышедшею изъ воды; тò бываетъ и съ умомъ, который вытупилъ изъ памятованія о Богѣ , и паритъ въ памятованіи о мірѣ. Сколько чловѣкъ удаляется отъ собесѣдованія съ людьми, столько же удостоивается дерзновеннаго ума своимъ бесѣдованіемъ съ Богомъ, и въ какой мѣрѣ отсѣкается отъ себя утѣшеніе міра сего, въ такой удостоивается радости Божіей о Духѣ Святомъ. И какъ гибнутъ рыбы отъ недостатка воды: такъ умныя движенія, возникающія отъ Бога, исчезаютъ въ сердцѣ монаха, который часто обращается и проводитъ время съ людьми мірскими.

Мірянинъ, бѣдствующій и злостраждущій въ дѣлахъ мірскихъ и житейскихъ, лучше злостраждущаго и съ мірянами проводящаго время монаха. Кто съ пламенною ревностію днемъ и ночью ищетъ Бога въ сердцѣ своемъ , и искореняетъ въ немъ прираженія, бывающія отъ врага ; тотъ страшенъ демонамъ и вожделѣнъ Богу и Ангеламъ Его. У чистаго душею мысленная область внутри его; сіяющее въ немъ солнце—свѣтъ Святыхъ Троицы; воздухъ, которымъ дышатъ обитатели области сей,—Утѣшительный и Всесвятый Духъ ; совозсѣдающіе съ нимъ—святые и безплотныя природы; а жизнь, и радость, и веселіе ихъ — Христосъ, свѣтъ отъ

свѣта—Отца. Таковъ и видѣніемъ души своей еже-
 часно увеселяется, и дивится красотѣ своей, которая
 дѣйствительно во сто кратъ блистательнѣе свѣтло-
 сти солнечной. Это—Іерусалимъ и царство Божіе ,
 внутри насъ сокровенное, по Господнему слову (Лук.
 17, 21.). Область сія есть облако Божіей славы, въ
 которое только чистые сердцемъ выйдутъ узрѣть лице
 своего Владыки, и озарить умы свои лучами Вла-
 дычннго свѣта.

А кто раздражителенъ, кто гнѣвливъ, кто славо-
 любивъ, кто любостяжательнъ, кто чревоугодникъ ,
 кто обращается съ мірянами , кто хочетъ, чтобы
 исполняема была собственная его воля, кто вспыл-
 чивъ и исполненъ страстей , — всѣ таковыя пребы-
 ваютъ въ такомъ же смятеніи , какъ сражающіеся
 ночью, и осязаютъ тму, находясь внѣ области жизни
 и свѣта. Ибо область сія составляетъ удѣлъ доб-
 рыхъ, смиренномудрыхъ, содѣлавшихъ сердца свои
 чистыми. Человѣкъ не можетъ узрѣть красоты, ко-
 торая внутри его, пока не возгнущается всякою кра-
 сотою внѣ его, и не обезчеститъ ея. Онъ не можетъ
 возвести взора прямо къ Богу, пока не отречется
 совершенно отъ міра. Кто уничижаетъ и умаляетъ
 самого себя, того упремудритъ Господь. А кто самъ
 себя почитаетъ премудрымъ, тотъ отпадетъ отъ
 Божіей премудрости. Въ какой мѣрѣ языкъ воздер-
 живается отъ многоглаголанія, въ такой озарится
 умъ къ различенію помысловъ; а многоглаголаніемъ
 приводится въ замѣшательство и самый разсуди-
 тельный умъ.

Кто общицаетъ въ мірскомъ; тотъ обогатится въ
 Богъ; а другъ богатыхъ общицаетъ Богомъ. Кто

цѣломудренъ, смиренномудръ, и нушается вольностію въ словахъ , и изгналъ изъ сердца раздражительность, тотъ (увѣренъ я съ этимъ), какъ-скоро станетъ на молитву, видитъ въ душѣ своей свѣтъ Святаго Духа, и скачетъ въ блистаніяхъ озаренія свѣтомъ Ёго, и веселится видѣніемъ славы сего озаренія и измѣненіемъ онаго до уподобленія съ нимъ самимъ. Нѣтъ иного дѣланія, которое бы могло излагать такъ полки нечистыхъ демоновъ, какъ видѣніе въ Богѣ.

Нѣкто изъ Отцевъ повѣствовалъ мнѣ слѣдующее: «въ одинъ день сидѣлъ я, и умъ мой плѣненъ былъ видѣніемъ. А когда пришелъ я въ себя; крѣпко воздохнулъ. Стоявшій же противъ меня бѣсъ, какъ-скоро услышалъ сіе, убоился и какбы пожирасмый какою молніею, возопивъ отъ нужды и какбы гонимый къмъ, предался бѣгству».

Блаженъ, кто памятуеть о своемъ отшествіи изъ этой жизни, и воздерживается отъ привязанности къ наслажденіямъ міра сего; потому что многократно усугубленное ублаженіе приметъ во время отшествія своего, и не оскудѣетъ для него ублаженіе сіе. Онъ есть рожденный отъ Бога; и Святыи Духъ кормитель его; изъ ложа Духа сосетъ онъ животноую пищу, и къ веселію своему обоняетъ воню Ёго. А кто привязанъ къ мірскимъ, къ міру и къ упокоенію его, кто любитъ бесѣдованіе съ міромъ; тотъ лишается жизни, и мнѣ нечего сказать о немъ; остается только съ воплемъ плакать неутѣшнымъ плачемъ, который сокрушитъ сердца слышащихъ оный.

Пребывающіе во тмѣ, воздвигните главы свои, да
Т. XXIII.

озарятся свѣтомъ лица ваши. Изъидите изъ-подъ власти мірскихъ страстей, да изъидеть въ срѣщеніе вамъ сущій отъ Отца Свѣтъ, и служителями тайнъ Своихъ да повелитъ разрѣшить узы ваши, чтобы по слѣдамъ Его шествовать вамъ ко Отцу. Увы! чѣмъ мы связаны, и что намъ препятствуетъ видѣть славу Его? О, еслибы расторглись узы наши и намъ, выскажи, обрѣсти Бога нашего! Если хочешь знать человѣческія тайны и не достигъ еще до того, чтобы узнавать по духу, познаешь по рѣчамъ, образу жизни и распоряженіямъ каждаго, если только ты мудрецъ. Кто чистъ въ думѣ и непороченъ въ образѣ жизни; тотъ всегда съ цѣломудріемъ произноситъ словеса Духа, и сообразно съ мѣрою своего разумнѣя разсуждаетъ и о божественномъ и о томъ, что въ немъ самомъ. А у кого сердце сокрушено страстями; у того ни же и языкъ приводится въ движеніе. Если станетъ онъ говорить и о духовномъ; то будетъ разсуждать подъ вліяніемъ страсти, чтобы въ неправдѣ одержать побѣду. Мудрый замѣчаетъ такого человѣка при первой встрѣчѣ, и чистый обоняетъ его зловоніе.

Кто душою и тѣломъ преданъ гонимъ суетности и пареніямъ ума, тотъ блудникъ; кто соглашается и раздѣляется съ нимъ занятія, тотъ прелободѣй; и кто общается съ нимъ, тотъ подолослужитель. Дружба съ юными есть блудъ, которымъ гнушается Богъ. Къ умягченію такого человѣка шѣтъ пластыря. А кто всѣхъ равно любитъ по состраданію и безразлично; тотъ достигъ совершенства. Юный, слѣдуя за юнымъ, заставляетъ разсудительныхъ плакать и рыдать о нихъ; старецъ же, слѣдуя за юнымъ, пріобрѣтаетъ

страсть, которая смирѣе страсти юныхъ. Хотя бы и о добродѣтеляхъ разсуждалъ онъ съ юными, но сердце его уязвлено. Юный, если онъ смиренно-мудръ и безмолвникъ, если чистъ сердцемъ отъ ревности и раздражительности, удалится отъ всякаго чловѣка и внимателенъ къ себѣ, то скоро уразумѣваетъ страсти перадиваго старца. А если старецъ не одинаково расположенъ къ старцу и къ юному; то всѣми силами старайся съ таковымъ не имѣть общенія, но иаче, удаляйся отъ него.

Горе перадивымъ, которые притворствуютъ, и подь наружностію чистоты питають собственныя свои страсти. Кто достигъ съдѣнъ въ чистотѣ помысловъ, въ добромъ житіи и въ воздержаніи языка; тотъ здѣсь еще наслаждается сладостію плода вѣдѣнія, а при отшествіи своемъ отъ тѣла пріемлетъ Божію славу. Ничто не охлаждаетъ такъ огня, вдыхаемаго въ сердце люба Святымъ Духомъ къ освященію души, какъ обращеніе съ людьми, многоглаголаніе и всякая бесѣда, кромѣ бесѣды съ чадами таинъ Божіихъ, способствующей къ приращенію вѣдѣнія Божія и къ сближенію съ Богомъ. Ибо таковая бесѣда слышитъ всѣхъ добродѣтелей пробуждаетъ душу къ жизни, искореняетъ страсти и усыпляетъ скверные помыслы. Не пріобрѣтай себѣ друзей и сотаинниковъ, кромѣ таковыхъ (к), чтобы не положить преткновенія душъ своей и не уклониться тебѣ отъ пути Господня. Да возвеличится въ сердцѣ твоёмъ любовь, соединяющая и сопрягающая тебѣ съ Богомъ, чтобы не плыла тебя любовь мірская,

(к) Т. е., тѣхъ, которые суть чада таинъ Божіихъ.

которой причина и конецъ — тлѣніе. Пресбываніе и обращеніе съ подвижниками тѣхъ и другихъ обогащаетъ тайнами Божіими. А любовь къ перадивымъ и лѣнливымъ дѣлаетъ, что, предавшись другъ съ другомъ паренію ума, наполняютъ чрево до пресыщенія и безъ мѣры. Таковому непріятнымъ кажутся яства безъ друга его, и говорятъ онъ: «горе вкушающему хлѣбъ свой въ одиночествѣ; потому что несладокъ ему будетъ». И они приглашаютъ другъ друга на пиры, и платятъ сямъ одинъ другому, какъ наемники. Прочь отъ насъ съ этою проклятою любовью, съ этимъ непримичнымъ и печестивымъ препровожденіемъ времени! Бѣгай, братъ, пріобыкшихъ къ подобнымъ дѣланъ, и никакъ не соглашайся ѣсть вмѣстѣ съ ними, хотя бы приключилась тебѣ и нужда; потому что трапеза ихъ проклята, при ней прислуживаютъ бѣсы; друзья жениха—Христа не вкушаютъ ея.

Кто часто строитъ пиры, тотъ работникъ блуднаго демона, и оскверняетъ душу смиренномудраго. Дешевый хлѣбъ съ трапезы непорочнаго очищаетъ душу ядущаго отъ всякой страсти. Воя отъ трапезы чревоугодника—обиліе яствъ и печеній. Безумный и несмысленный привлекается къ ней, какъ песь къ мясной лавкѣ. Трапеза пребывающаго всегда въ молитвѣ сладости въ всякаго благоуханія отъ мускуса и благовоія отъ мѣры; боголюбивый возжелдваетъ оной, какъ безцѣннаго сокровища.

Съ трапезы постящихся, пребывающихъ во бдѣніи, и трудящихся о Господѣ, замѣтвуй себѣ врачество жизни, и возбуди отъ омертвѣнія душу свою. Ибо среди нихъ, освящая ихъ, возлежитъ Возлюб-

ленный, и горечь злостраданія ихъ претворяетъ въ неисповѣдимую сладость ; духовные же и небесные служители Его освѣщаютъ ихъ и святыя ихъ яства. И я знаю одного изъ братій, который ясно видѣлъ это собственными своими глазами.

Блаженъ, кто заградилъ себя уста отъ всякаго гластолюбія, отлучающаго его отъ Создателя. Блаженъ, кому пищею Хлѣбъ, сшедшій съ неба и даровавшій жизнь міру. Блаженъ, кто на полѣ своемъ узрѣлъ орошеніе жизни, но милосердію исходящее изъ нѣдръ Отчихъ, и къ Пему возвелъ око. Ибо, когда испіетъ онаго, возвеселится и процвѣтетъ сердце его, и будетъ въ веселіи и радости. Кто въ пищу своей узрѣлъ Господа своего; тотъ укрывается отъ всѣхъ, и одинъ причащается Его, не вступая въ общеніе съ недостойными, чтобы не стать ихъ сопричастникомъ и не остаться безъ озаренія лучемъ Господнимъ. А у кого въ пищу примѣшанъ смертоносный ядъ; тотъ не можетъ вкушать ея съ пріятностію безъ друзей своихъ. Тотъ волкъ, пожирающій мертвечину, кто вступаетъ въ дружбу ради собственнаго своего чрева. Какая пенасытность у тебя, несмысленный, — хочешь наполнить чрево свое за трапезою нерадивыхъ, гдѣ душа твоя исполняется всякой страсти ! Вотъ предостереженія для тѣхъ, которые могутъ обуздывать чрево.

Весьма сладостна воля постника, и встрѣча съ нимъ веселитъ сердца разсудительныхъ; а на чревоугодника отъ обращенія съ нимъ нападаетъ страхъ, и онъ употребляетъ всѣ мѣры не быть съ постникомъ.

Любезенъ Богу образъ жизни воздержнаго, тогда какъ сосѣдство его весьма тяжело для любостяжа-

тельнаго. Молчаливый много восхваляется у Христа; но не будетъ приятно приближеніе его тѣмъ, которыхъ бѣсы уловилъ пристрастіемъ къ забавамъ и паренію ума. Кто не любитъ смиренномудраго и кроткаго, кромѣ горделивыхъ и злорѣчивыхъ, которые чужды его дѣланія?

Нѣкто рассказывалъ мнѣ изъ собственнаго своего опыта: «въ которые дни пью и бесѣду съ кѣмъ-нибудь, въ тѣ сѣдаю по три, или по четыре сухаря на день; и если стану принуждать себя къ молчѣ, то умъ мой не имѣетъ дерзновенія къ Богу, и не могу устремить къ Нему мысли. Когда же разлучусь съ собесѣдниками на безмолвіе, въ первый день принуждаю себя сѣсть полтора сухаря, во второй — одинъ, а какъ-скоро утвердится умъ мой въ безмолвіи, усиливаясь сѣсть одинъ цѣлый сухарь, и не могу; умъ же мой непрестанно съ дерзновеніемъ бесѣдуетъ съ Богомъ, хотя и не принуждаю его къ тому, и свѣтозарность Божества не оскудѣвая осіяваетъ меня, и влечетъ меня видѣть красоту божественнаго свѣта и увеселяться ею. Если же во время безмолвія приключится кому прійдти и говорить со мною хотя одинъ часъ, не возможно мнѣ тогда не прибавить нищцъ, не оставить чего изъ правила, не расслабѣть уму къ созерцанію онаго свѣта». Вотъ видите, братія мои, какъ прекрасны и полезны терпѣніе и уединеніе, какую силу и какое удобство доставляютъ подвижникамъ. Блаженъ, кто ради Бога пребываетъ въ безмолвіи, и одинъ ѣстъ хлѣбъ свой, потому что всегда онъ бесѣдуетъ съ Богомъ. Ему слава и держава нынѣ, и всегда, и во вѣки! Аминь.

СЛОВО 9.

О чинѣ и уставѣ новоначальныхъ , и о томъ , что
прилично имъ.

—

Вотъ цѣломудренный и Богу любезный чинъ — не обращать очей туда и сюда, но простирать всегда взоръ впередъ; не празднословить, но говорить только необходимо нужное; довольствоваться убогими одеждами для удовлетворенія тѣлесной потребности, пользоваться яствами, поддерживающими тѣло, а не для чревоугодія; вкушать всего поспешно, не презирать одного, а другое избирать, и этимъ однимъ охотно наполнять чрево, прочее же отметить (а). Выше всякой добродетели разсудительность. Вина же, когда пѣть съ тобою друзей, или не пѣешь болѣзни, или упадка силъ, не вкушай. Не прерывай рѣчи, когда говорить другой; и не отвѣчай, какъ невѣжда, но будь твердъ, какъ мудрецъ. И гдѣ бы ни находился ты, почитай себя меньшимъ всѣхъ и служителемъ братій своихъ. Ни передъ кѣмъ не обнажай ни одного члена своего; не приближайся ни къ чьему тѣлу безъ необходимой причины. Не позволяй, чтобы и къ твоему тѣлу приближался кто безъ важной, какъ сказано, причины. Уклоняйся отъ вольности въ рѣчахъ, какъ отъ смерти. И сну своему приобрати цѣломудрен-

(а) Слова: прочее же отметить дополнены изъ древняго слав. перевода.

ный чинъ, да не удалится отъ тебя охраняющая тебя сила. Гдѣ ты ни сидишь, пусть никто, если только можно, не видигъ тебя. Ни предъ кѣмъ не извергай спомы. Если, когда сидишь за трапезой, найдетъ на тебя кашель; отвори лице свое назадъ, и такъ кашлай. Бынь и пей съ целомудріемъ, какъ прилично чадамъ Божиимъ.

Не протягивай руки своей, чтобы съ безстыдствомъ взять что-либо изъ предложеннаго друзьями твоими. А если сидитъ съ тобою странникъ, разъ и два пригласи его вкусить, и предлагай на трапезу благочинно, а не въ безпорядкѣ. Сиди чинно и скромно, не обнажая ниодного изъ членовъ своихъ. Когда зѣвнешь, закрой уста свои, чтобы не видѣли другіе; ибо если удержишь дыханіе свое, зѣвота пройдетъ. Если входишь въ келью настоятеля, или друга, или ученика, храни очи свои; чтобы не видѣть, что тамъ есть. Если же понуждастъ къ тому помысль, будь внимателенъ къ себѣ, не слушайся его, и не дѣлай этого. Ибо кто безстыденъ въ этомъ, тотъ чуждъ иноческаго образа и самого Христа, даровавшаго намъ сей образъ. Не обращай вниманія на тѣ мѣста, въ которыхъ спрятана утварь въ кельи товарища твоего. Тихо отвори и затвори дверь у себя и у товарища своего. Ни къ кому не входи внезапно, но, постучась отвнѣ и испросивъ дозволеніе, потомъ уже войди благоговѣнно.

Не будь торопливъ въ походы своей безъ необходимости, заставляющей поспѣшить. Всѣмъ будь послушенъ во всякомъ добромъ дѣлѣ, только не слѣдуй за любостыжательными, или сребролюбцами, или міролюбцами, чтобы не сдѣлалось

діавольское дѣло. Бесѣдуй со всякимъ кротко, смотри на всякаго цѣломудренно, ничьимъ лицемъ не насыщай очей своихъ. Идя дорогою, не опереживай старшихъ тебя. А если товарищъ твой отсталъ; отойди немного впередъ, подожди его. Кто не такъ поступаетъ, тотъ несмысленъ, и уподобляется свинѣ, которой нѣтъ закона. Если товарищъ твой начнетъ рѣчь съ кѣмъ-либо встрѣтившимся, подожди его, и не торопи. Здоровый больному пусть прежде времени скажетъ: сдѣлаемъ, что́ нужно.

Никого не обличай въ какомъ бы то ни было проступкѣ, но себя почитай во всемъ отвѣтственнымъ и виновнымъ въ прегрѣшеніи. Всякое шѣское дѣло дѣлать съ смиренномудріемъ не отказывайся, и не уклонись. Если вынужденъ засмѣяться; не выставляй наружу зубовъ своихъ. Если принужденъ говорить съ женщинами, отврати лице отъ зрѣнія ихъ, и такъ бесѣдуй съ ними. А отъ монахинь, отъ встрѣчи и разговоровъ съ ними и отъ лицезрѣнія ихъ, удаляйся, какъ отъ огня и какъ отъ свѣи діавольской, чтобы въ сердцѣ своемъ не остудить тебѣ любви къ Богу, и не осквернить сердца своего тиною страстей. Если онѣ и сестры тебѣ по плоти; блюдишь отъ нихъ, какъ отъ чужихъ. Остерегайся сближенія съ своими, чтобы сердце твое не охладѣло въ любви Божіей. Вольныхъ рѣчей и встрѣчъ съ юными убѣгай, какъ дружбы съ діаволомъ. Одного имѣй собесѣдника и сотоварища — того, кто боится Бога и всегда внимателенъ къ себѣ самому, бденъ въ хранилищѣ своей, но богатъ тайнами Божіими. Утаивай отъ всякаго свои тайны, дѣланія и бранн. Ни передъ кѣмъ, кромѣ крайней нужды, не сиди съ

открытою головою (м). Съ цѣломудріемъ приступай къ исполненію необходимой пужды, какъ благоговѣющій къ хранищену тебя Ангелу, и совершай дѣло со страхомъ Божиимъ, и принуждай себя до самой смерти, хотя бы и неспріятно было это сердцу твоему.

Лучше тебѣ принять смертоносный ядъ, нежели вѣсть вѣсть съ женщиною, хотя это будетъ матерью или сестра твоя. Лучше тебѣ жить вѣсть съ змѣею, нежели спать и лежать подъ однимъ покровомъ вѣсть съ юнымъ, хотя будетъ это братъ твой по плоти. Если идешь дорогой, и скажетъ кто изъ старшихъ тебя: «иди, будемъ ѣсть;» послушайся его. А если не скажетъ сего; языкомъ молчи, сердцемъ же славословь Бога. Никому ни въ чемъ не противься, ни съ кѣмъ не препирайся, не лги, не клянись именемъ Господа Бога твоего. Будешь пренебрегаемъ; самъ не пренебрегай. Будешь обижаемъ; самъ не обижай. Пусть лучше гибнетъ тѣлесное вѣсть съ тѣломъ, только бы не потерпѣло вреда что-либо душевное. Ни съ кѣмъ не входи въ судъ, а осужденный, когда не долженъ ты быть судимъ, терпи. Не возлюби душою своею чего-либо мірскаго; но покорствуй правителямъ и начальствующимъ, и удерживайся отъ близкихъ сношеній съ ними; потому что это — сѣть, уловляющая несправедливыхъ въ погнѣбель.

Тебѣ, чревоугодику, старающійся услужить чреву своему, лучше уголь огненный ввергнуть въ утробу свою, нежели печенія правителей и па-

(м) Точнѣе безъ наводки (*ἀπὸ ἐπιρρίπτειν*).

чаествующихъ. На всѣхъ изливай милость, и во всемъ будь скромнѣ. Соблюдай себя отъ многоглаголанія. Ибо оно угащаетъ въ сердцѣ мысленныя движенія, бывающія отъ Бога. Какъ мечущагося на всѣхъ льва, бѣгай охоты учить. Не сходишь для этого ни съ питомцами Церкви, ни съ чужими. Не проходи и стогнами гнѣбныхъ или сварливыхъ, чтобы сердце твое не исполнилось раздражительности, и душею твоею не возобладала тма прелести. Не живи вмѣстѣ съ горделивымъ, да не будетъ дѣйствительность Святаго Духа отъята отъ души твоей, и да не содѣлается она жилищемъ всякой лукавой страсти. Если соблюдеши ты, человѣкъ, снѣ предосторожности, и будешь всегда заниматься богомысліемъ; то душа твоя дѣйствительно узритъ въ себѣ свѣтъ Христовъ, и не омрачится во вѣки. Христу слава и держава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 10.

Сказанія святыхъ мужей, ихъ преподобныя изреченія
и чудное житіе.

Въ одинъ день удался я въ келію къ одному святому брату, и по немощи своей прилежъ у него на одномъ мѣстѣ, чтобы походилъ онъ за мною ради Бога; потому что знакомыхъ у меня нѣкого тамъ не было. И видѣлъ я, какъ этотъ братъ встаетъ ночью прежде времени, пьетъ обычай приходитъ на правило до братій. Довольно времени онъ стихословилъ, и вдругъ на все то время, пока продолжалось это съ

нимъ, оставлялъ правило, падалъ на лице свое, и до ста или болѣе разъ съ горячію, какую возжигала въ сердцѣ его благодать, ударялъ головою въ землю. Послѣ сего вставалъ, лобызалъ крестъ Владычій, снова дѣлалъ поклонъ, и лобызалъ тотже крестъ, и опять повергался на лице свое. И такой обычай соблюдалъ онъ всю жизнь, такъ что невозможно изобразить мнѣ числомъ множества его коленопоклоненій. Да и кто былъ бы въ состояніи исчислить поклоны этого брата, какіе клалъ онъ каждую ночь? Разъ двадцать со страхомъ и горячію, съ любовію, растворенною благоговѣніемъ, лобызалъ онъ крестъ, и опять начиналъ стихословіе, а иной разъ отъ великаго возгорѣнія помысловъ, распалывшихъ его горячію своею, когда не въ силахъ былъ выносить разжженія онаго пламени, препобѣждаемый радостію, потому что не могъ удержаться, восклицалъ. По этому, много дивился я благодати сего брата, и подвигу, и трезвенности его въ дѣлѣ Божіемъ. По утру же, послѣ перваго часа, когда садился онъ за чтеніе, дѣлался подобенъ челоуку плѣнному, и въ продолженіе каждой, читаемой имъ главы, не разъ падалъ на лице свое, и на многихъ стихахъ воздѣвалъ руки свои къ небу, и славословилъ Бога. Отъ рода же былъ ему сороковой годъ. Употреблялъ онъ и пищу въ весьма маломъ количествѣ и совершенно сухую. И поелику сверхъ мѣры и силы дѣлалъ частыя принужденія тѣлу своему; то казался подобнымъ тѣни, почему, жалость возбуждало во мнѣ изнеможеніе лица его, такъ исхудавшаго отъ многаго неяденія, что въ немъ не было и двухъ перстовъ. И нерѣдко говаривалъ

я ему: «пожалѣй и себя, братъ, въ подвигъ своемъ, и этого добраго житія, какое пріобрѣлъ ты; не спутай и не порви этого, подобнаго духовной цѣни, упражненія твоего, и изъ желанія прибавить нѣсколько труда не умалъ и не останови совершенно теченія пути своего. Бывъ въ мѣру, чтобы не лишиться возможности ѣсть (н); не простирай погн своей сверхъ силы, чтобъ не сдѣлаться вовсе неспособнымъ къ дѣлу». Былъ же онъ милостивъ, весьма скромень, и милость оказывалъ съ благодушiемъ. Чистый по врожденнымъ качествамъ, покорный увѣщанію, мудрый по Богу, всѣмъ любимъ былъ за чистоту свою и за благодушiе. Съ братією же, когда имѣли въ немъ нужду, перѣдко работалъ дня по три и по четыре; потомъ на все время, отъ вечера до вечера, уходилъ въ свою келію; потому что искусенъ былъ и во всякомъ служеніи. Когда же пріобрѣталъ что, хотя имѣлъ въ томъ нужду, изъ великаго уваженія своего къ большимъ и малымъ, не могъ сказать, что не имѣетъ того. Всего же чаще, когда работалъ съ братією, дѣламъ это какбы стыдлсь, и принуждалъ себя, не находя для себя удовольствія въ томъ, чтобы выходить изъ келіи. Таково было житіе и обращеніе онаго подлинно дивнаго брата. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки! Аминь.

(н) Въ греч. *ἵνα μὴ πάντοτε φάγῃς*; но въ серб. и древн. слав. пер. *да всегда яси* — безъ отрицанія.

С Л О В О 11.

О ДРЕВНЕМЪ СТАРЦѢ.

Въ другой разъ опять пошелъ я къ одному древнему, прекрасному и добродѣтельному старцу. Онъ весьма любилъ меня, и былъ, хотя невѣжда въ словѣ, но просвѣщенъ вѣдѣніемъ и глубокъ сердцемъ, и говорилъ, что внушала ему благодать; не часто выходилъ онъ изъ своей келліи, развѣ только къ святымъ службамъ; былъ же внимателенъ къ себѣ, и жилъ въ безмолвіи. Нѣкогда сказалъ я ему: «Пришелъ мнѣ, Отецъ, помысль, пойдти въ воскресный день на церковную наперть, сѣсть тамъ, и рано утромъ ѣсть, чтобы всякій входящій и выходящій, увидѣвъ меня, уничижилъ.» На сіе старецъ отвѣчалъ мнѣ такъ: «Писано, что всякій, кто дѣлаетъ соблазнъ мірянамъ, не узритъ свѣта. А ты никому не извѣстенъ въ этой сторонѣ, житія твоего не знаютъ, будутъ же говорить, что монахи съ утра ядятъ; особливо же, братія здѣсь новоначальные, и немощны въ своихъ помыслахъ; многіе изъ нихъ, ниѣя вѣру къ тебѣ, и пользуясь отъ тебя, какъ-скоро увидятъ, что сдѣлалъ ты это, потерпятъ вредъ. Древніе Отцы дѣлывали такъ, но причины многихъ совершенныхъ ими чудотвореній, и по причинамъ оказываемой имъ чести и прославленія ихъ имени, и дѣлали это, чтобы подвергнуть себя безчестию, скрыть славу житія своего, и удалить отъ себя причины къ гордынь. А тебя что заставляетъ поступить подобнымъ сему об-

разомъ? Не знаешь развѣ, что всякому житію свой чинъ и свое время? Ты не имѣешь такого отличнаго житія, и такого имени, а живешь какъ и прочіе братія. Ты себя не принесешь пользы, а другому повредишь. Притомъ, такое дѣйствованіе полезно не всѣмъ, но однимъ совершеннымъ и великимъ; потому что въ этомъ есть отрѣшеніе отъ чувствъ. Достигшимъ же только средины и новоначальнымъ оно вредно; потому что имѣютъ пужду въ большей предосторожности и въ подчиненіи чувствъ. Старцы уже пережили время осторожности, и извлекаютъ пользу, изъ чего только захотятъ. Пбо неопытные кунцы въ большихъ оборотахъ великіе причиняютъ себѣ убытки, а въ маловажныхъ оборотахъ скоро идутъ съ уснѣхомъ впередъ. И опять, какъ сказалъ я, всякому дѣлу свой порядокъ, и всякому роду жизни извѣстное время. Кто прежде времени начинаетъ, что сверхъ его мѣры, тотъ ничего не пріобрѣтаетъ, а усугубляетъ только себѣ вредъ. Если вожделѣнно тебѣ это; съ радостію терпи то безчестіе, которое по Божію смотрѣнію, а не по твоей волѣ, постигнетъ тебя, и не смущайся, не питай ненависти къ тому, кто безчеститъ тебя».

Была у меня однажды еще бесѣда съ симъ благодарившимъ мужемъ, вкусившимъ плода съ древа жизни за труды, понесенные имъ съ ранней юности до вечера старости своей. И преподавъ мнѣ много уроковъ добродѣтели, говорилъ онъ еще такъ: «Всякая молитва, въ которой не утруждалось тѣло и не скорбѣло сердце, выныается за одно съ недопошеннымъ плодомъ чрева, потому что такая молитва не имѣетъ въ себѣ души». И еще говорилъ мнѣ: «Че-

ловѣку лобопрительному, который хочетъ поставить на своемъ словѣ, лукавъ умомъ и безстыденъ въ чувствахъ своихъ, ничего не давай, и у него вовсе ничего не бери, чтобы тебѣ не удалить отъ себя чистоту, пріобрѣтенную съ великимъ трудомъ, и не наполнить сердца своего тмою и смущеніемъ».

С Л О В О 12.

О другомъ старцѣ.

Пошелъ я нѣкогда въ келлію къ одному изъ Отцевъ. Святой же нечасто кому отворялъ двери. По какъ-скоро увидѣлъ въ окно, что иду я, сказалъ мнѣ: «Хочешь ли войти?» и я отвѣчалъ: «да, честный Отецъ». Послѣ же того, какъ вошелъ я, сотворилъ молитву, сѣлъ, и о многомъ мы побесѣдовали, на послѣдокъ спросилъ я его: «Что мнѣ дѣлать, Отецъ? Иные приходятъ ко мнѣ, и я ничего не пріобрѣтаю, и никакой не извлекаю пользы изъ бесѣды съ ними, но стыжусь сказать имъ: не ходите. Даже препятствуютъ они мнѣ нрѣдко исправлять обычное правило, и потому скорблю». На это отвѣчалъ мнѣ блаженный оный старецъ: «Когда прійдутъ къ тебѣ таковыя любители праздности; какъ-скоро посидятъ немного, подай имъ видъ, что хочешь стать на молитву; и пришедшему скажи съ поклономъ: помолимся, братъ, потому что наступило уже для меня время правила, и не могу нарушить онаго; тяжело мнѣ дѣлается, когда хочу выполнить оное въ

другой часъ, и это бываеъ для меня причиною смущенія, и безъ крайней какой-либо нужды не могу оставлять правила. А теперь нѣтъ необходимости, чтобы отиѣнена была моя молитва. И не отпущай его безъ того, чтобы не помолится съ тобою. Если скажетъ: молнсь, а я пойду;—сдѣлай ему поклонъ, и скажи: любви ради сотвори со мною хотя эту одну молитву, чтобы мнѣ была польза отъ молитвы твоей. — И когда станете, продли молитву твою даже сверхъ того, какъ обыкъ ты дѣлать. Если такъ будешь поступать съ нимъ, какъ-скоро прійдутъ къ тебѣ; то, узнавъ, что не погакаешь нѣтъ и не любишь праздности, не приближатея и къ мѣсту тому, о которомъ услышать, что ты тамъ.

Посему смотри, чтобы тебѣ изъ лицепріятія не разорить дѣла Божія. Если же встрѣтятся кто изъ Отцевъ, или утрудившійся странникъ; то побыть съ таковымъ выѣнтся тебѣ выѣсто самой длинной молитвы. Но если странникъ будетъ одинъ изъ любителей суесловія; то уснокой его по возможности, и отпусти съ миромъ».

Одинъ изъ Отцевъ сказалъ: «Дивлюсь, слыша, что нѣкоторые въ келіяхъ своихъ занимаютъ рукодѣліемъ, и могутъ безъ онущенія совершать правило свое, и не смущаться». Изрекъ же достойное удивленія слово: «по правдѣ сказать, если выхожу за водою, то чувствую замѣшательство въ своемъ обычаѣ и въ порядкѣ онаго, и встречаю пренятствіе къ усовершенію своего разсудка».

С Л О В О 13.

О' вопросъ одного брата.

—

Тотже старецъ вопрошенъ былъ однажды нѣ-
 которыми братами: «Что мнѣ дѣлать? Нерѣдко бы-
 ваетъ у меня какая-нибудь вещь, въ которой имѣю
 надобность, или по немощи, или по дѣлу, или по
 другой какой причинѣ; и безъ этой вещи не могу
 жить въ безмолвіи, но вижу, что кто-нибудь пишетъ
 въ ней нужду, и преодолеваемый жалостію отдаю
 ему эту вещь; а часто дѣлаю это и потому, что
 бываю къмъ-либо упрощенъ. Ибо вынуждаютъ меня
 къ тому и любовь и заповѣдь, и уступаю, что са-
 мому мнѣ нужно. А потому потребность для меня
 этой вещи дѣлаетъ, что впадаю въ безпокойство и
 смущеніе помысловъ; и это отвлекаетъ мой умъ отъ
 попеченія о безмолвіи, даже бываю принужденъ оста-
 вить безмолвіе, и идти искать тойже вещи. Если
 же достаетъ терпѣнія не выходить изъ безмолвія;
 то бываю въ великой скорби и въ смятеніи помы-
 словъ. Поэтому не знаю, что избрать мнѣ: или для
 успокоенія брата своего дѣлать то, что разсѣваетъ
 и прекращаетъ мое безмолвіе, или презирать прось-
 бу, и пребывать въ безмолвіи?»

На это старецъ отвѣчалъ и сказалъ: «Если мно-
 гостыня, или любовь, или ссѣдоболіе, или что-либо,
 почитаемое сдѣланнымъ для Бога, препятствуютъ
 твоему безмолвію, обращаютъ око твое на міръ,
 ввергаютъ тебя въ безпокойство, помрачаютъ въ тебѣ

намятованіе о Богѣ, прерываютъ молитвы твои, производятъ въ тебѣ смятеніе и неустройство помысловъ, дѣлаютъ, что персетаешь заниматься божественнымъ чтеніемъ, оставляешь это оружіе, избавляющее отъ паренія ума, истребляютъ осторожность твою, производятъ, что, бывъ дотогѣ связанъ, начинаешь ходить свободно, и вступивъ въ уединеніе, возвращаешься въ общество людей, пробуждаютъ на тебя погребенныя страсти, разрываютъ воздержаніе чувствъ твоихъ, воскрешаютъ для міра тебя, умершаго міру, отъ ангельскаго дѣланія, о которомъ у тебя единственная забота, низводятъ тебя, и ставятъ на сторону мірянъ; — то да погибнетъ такая правда! Ибо выполнять обязанность любви, доставляя успокоеніе тѣлесное, есть дѣло людей мірскихъ, а если и монаховъ, то недостаточныхъ, неспребывающихъ въ безмолвіи, или такихъ, у которыхъ безмолвіе соединено съ единомышленнымъ общежитіемъ, которые непрестанно и входятъ, и выходятъ. Для таковыхъ это есть дѣло прекрасное и достойное удивленія».

«А тѣмъ, которые дѣйствительно избрали для себя отшельничество отъ міра и тѣломъ и умомъ, чтобы установить мысли свои въ уединенной молитвѣ, въ омертвѣніи для всего преходящаго, для зрѣнія мірскихъ вещей и для памятованія о нихъ, — таковымъ подобаетъ не служить дѣланіемъ чего-либо тѣлеснаго и правды дѣлъ явныхъ (чтобы ими оправдаться предъ Христомъ), но, по слову Апостола, умерщвленіемъ удовъ своихъ, *яже на земли* (Кол. 3, 5.), приносить Христу чистую и непорочную жертву помысловъ, въ начатокъ воздѣлыванія самихъ

себя, и тѣлесную скорбь въ терниѣхъ опасностей, ради будущаго упованія. Ибо житіе иноческое равночестно ангельскому. И непримично намъ, оставивъ небесное дѣланіе, держаться житейскаго. Богу же нашему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 14.

Объ одномъ укоренномъ братѣ.

Однажды укоренъ былъ пѣкій братъ, что не подалъ милостыни; и онъ свободно и смѣло отвѣчалъ укорившему его: «монахамъ не поставлено въ обязанность подавать милостыню». Но укорившій возразилъ ему: «Виденъ и явленъ тотъ монахъ, которому не поставлено въ обязанность подавать милостыню. Ибо не поставлено тому, кто съ открытымъ лицемъ можетъ сказать Христу, какъ написано: *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебѣ идехомъ* (Матт. 19, 27.), т.-е. кто ничего не имѣетъ на землѣ, не занимается тѣлеснымъ, не помышляетъ ни о чемъ видимомъ, не заботится о какомъ-либо приобрѣтеніи, но, если кто и дастъ ему что, беретъ только нужное на потребу, а что сверхъ потребности, ставитъ то ни во что, и живетъ точно какъ птица. Таковому не поставлено въ обязанность подавать милостыню. Ибо какъ можетъ давать другому, отъ чего свободенъ самъ? Но кто развлекается делами житейскими, собственными своими руками работаетъ, и сачъ

береть у другихъ, тотъ тѣмъ наче обязанъ подавать милостыню. И если не радѣть ему о милостыни; то немилосердіе это есть противленіе Господней заповѣди. Ибо, если кто не приближается къ Богу втайнѣ, и не умѣетъ служить Ему духовно, но не заботится и о дѣлахъ явныхъ, которые возможны для него; то какая еще будетъ у такого надежда пріобрѣсти себѣ жизнь? Таковъ нелепый.

Другой старецъ сказалъ: «дивлюсь тѣмъ, которые смущаютъ себя въ дѣлѣ безмолвія, чтобы другихъ успокоить въ тѣлесномъ». И еще говорилъ: «Пеналовѣрно намъ къ дѣлу безмолвія приобщивать попеченіе о чемъ-либо другомъ: всякое же дѣло да будетъ чувствуемо на своемъ мѣстѣ, чтобы поведеніе наше не имѣло на себѣ пятенъ. Ибо, кто имѣетъ попеченіе о многихъ, тотъ рабъ многихъ. А кто оставилъ все, и заботится о благоустройствѣ души своей, тотъ другъ Божій. Смотри, подающихъ милостыню, и въ отношеніи къ ближнимъ выполняющихъ любовь удовольствованіемъ нуждамъ тѣлеснымъ, и въ мірѣ много; а дѣлатели всеобщаго и прекраснаго безмолвія, занятые богомысліемъ, едва обрѣтаются и рѣдки. Кто же изъ подающихъ въ мірѣ милостыню, или соблюдающихъ правду въ томъ, что касается до тѣла, могъ достигнуть хотя одного изъ тѣхъ дарованій, какихъ бываютъ сподобляемы отъ Бога пребывающіе въ безмолвіи»? И еще сказалъ онъ: «Если ты мірянинъ; то проводи время въ наслажденіи мірскими благами. А если ты инокъ; то украшайся дѣлами, какими отличаются иноки. Если же намѣренъ ты заниматься тѣмъ и другимъ; то утратишь то и другое. Дѣла инока суть слѣдующія: свобода отъ тѣ-

леснаго, въ молитвахъ тѣлесный трудъ, и непрестанное сердечное памятованіе о Богѣ. Судя же самъ, можно ли тебѣ безъ сихъ дѣлъ удовольствоваться мірскими добродѣтелями?»

Вопросъ. Не можетъ ли шокъ, злостраждущій въ безмолвіи, пріобрѣсти два рода занятій, то-есть, помысливъ о Богѣ и имѣть въ сердце другую заботу?

Отвѣтъ. Думаю, что намъревающійся проводить время въ безмолвіи, когда все оставитъ и будетъ заботиться о своей оцой душѣ, не возможетъ безъ недостатка управиться въ дѣлѣ безмолвія, даже если поставитъ себя внѣ житейскаго понеченія; а тѣмъ паче, если будетъ заботиться и о другомъ. Господь оставилъ себѣ въ мірѣ работающихъ Ему и радующихъ о чадахъ Его, и избралъ Себѣ такихъ, которые служили бы предъ Нимъ. Ибо не у земныхъ только царей можно замѣчать различіе чиновъ и видѣть, что славнѣе тѣ, которые всегда стоятъ предъ лицемъ у царя и участвуютъ въ его тайнахъ, нежели тѣ, которые занимаются дѣлами вѣншими; но можно видѣть это же и въ дѣлахъ Царя небеснаго, а именно: какое дерзновеніе пріобрѣли тѣ, которыхъ вссгдашнее пребываніе въ молитвѣ содѣлаю собесѣдниками и таинниками Его, какого сподобляются они богатства и небеснаго и земнаго, и въ какой мѣрѣ обнаруживаютъ они власть свою надъ всякою тварію, паче тѣхъ, которые служатъ Богу своимъ питіемъ и житейскими благами, и благоугождаютъ Ему твореніемъ добрыхъ дѣлъ, что также весьма важно и прекрасно. Поэтому, должно намъ брать въ образецъ не послѣднихъ, которые еще недостаточны въ дѣлахъ Божіихъ, но тѣхъ подвижниковъ и свя-

тыхъ ратоборцевъ, которые прекрасно совершили житіе свое, оставили все житейское, и на земль воздѣлали царство небесное, однажды навсегда отринули земное, и простерли руки ко вратамъ небеснымъ.

Чѣмъ благоугодили Богу древніе святые, проложившіе намъ путь сего житія? Иже во Святыхъ Іоаннѣхъ Ѣврейскій, это сокровище добродѣтелей, этотъ источникъ пророчества, тѣмъ ли благоугодилъ Богу, что въ тѣлесныхъ нуждахъ улюкосвалъ братій внутри затвора своего, или молитвою и безмолвіемъ? Не спору, что и первымъ многіе также благоугодили Богу; но менѣе угодившихъ молитвою и оставленіемъ всего. Ибо отъ живущихъ въ безмолвіи и прославляющихся опытъ есть явная нѣкая помощь братіямъ ихъ. Разумно же, что во время нужды помогаютъ они намъ словомъ, или приносятъ о насъ молитвы. А что кромѣ этого (если памятованіе или попеченіе ради кого-либо о житейскомъ и сити въ сердцахъ пребывающихъ на безмолвіи); то сіе не дѣло духовной мудрости. Ибо не безмолвствующимъ, но въ безмолвіи живущимъ, сказано: *воздадите кесарева кесарю: и Божію Богови* (Матѣ. 22, 21.), т. е., каждому свое, что ближняго, то ближнему, и что Божіе, то Богу. Тѣмъ, которые живутъ въ ангельскомъ чинѣ, т. е., имѣютъ попеченіе о душѣ, не заповѣдано благоугождать Богу чѣмъ-либо житейскимъ, т. е. заботиться о руководѣніи, или брать у одного и подавать другому. Поэтому, иному не должно имѣть попеченія ни о чемъ такомъ, что колеблетъ и низводитъ умъ его отъ предстоящаго лицу Божію.

Если же кто, противорѣча сему, упоминаетъ о божественномъ Павлѣ Апостолѣ, что онъ работалъ собственными своими руками, и подавалъ милостыню; то скажемъ ему, что Павелъ одинъ и могъ дѣлать все; мы же не знаемъ, чтобы другой былъ Павелъ, подобно ему способный на все. Ибо покажи мнѣ другаго такого Павла, и повѣрю тебѣ. При томъ, что бывасть по Божію смотрѣнно, того не выставляй на видъ для дѣлъ общихъ. Ибо иное есть дѣло благовѣствованія, и иное — дѣятельность безмолвія. Ты же, если паче всего держаться безмолвія, будь подобенъ Херувимамъ, которые не заботятся ни о чемъ житейскомъ. И не думай, что кромѣ тебя и Бога есть кто другой на землѣ, о комъ бы заботиться тебѣ, какъ наученъ ты прежде тебя бывшими Отцами. Если не ожесточить кто собственного сердца своего, и не будетъ съ успѣхомъ удерживать милосердія своего такъ, чтобы стать далекимъ отъ попеченія о всемъ дольнемъ, и ради Бога, и ради чего-либо житейскаго, и не станетъ пребывать въ одной молитвѣ въ опредѣленные на то времена; то не можетъ онъ быть свободнымъ отъ смущенія и заботы и пребывать въ безмолвіи.

По сему, когда придетъ тебѣ мысль позаботиться о чемъ-либо подъ предлогомъ добродѣтели, и тѣмъ возмутить тишину, какая у тебя въ сердцѣ, тогда скажи той мысли: «прекрасенъ путь любви, прекрасно дѣло милосердія ради Бога; но я ради же Бога не хочу этого». — «Остановись, Отецъ», сказалъ одинъ монахъ; «ради Бога слышу за тобой». И тогда отвѣчалъ: «и я ради Бога быгу отъ тебя». Авва Арсеній ради Бога ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ ни о

пользѣ душевной, ни о чемъ ни о чемъ. Другой ради Бога весь день говорилъ, и принималъ всѣхъ приходящихъ странниковъ; а онъ вмѣсто сего избралъ молчаніе и безмолвіе, и по сей причинѣ среди моря настоящей жизни разглагольствовалъ съ Божественнымъ Духомъ, и въ величайшей тишинѣ преплылъ оное на корабль безмолвія, какъ ясно видѣли сіе подвижники, допытывавшіеся о семъ у Бога. И вотъ законъ безмолвія: умолкнуть для всего. А если и въ безмолвіи окажешься исполненнымъ смятенія, и будешь смущать тѣло рукодѣліями, а душу заботою о комъ-нибудь; то суди самъ, какое проводишь тогда безмолвіе, заботясь о многихъ, чтобы угодить тѣмъ Богу?—Ибо стыдно и сказать, будто бы безъ оставленія всего, безъ удаленія себя отъ всякой заботы можно преуснѣть въ безмолвномъ житіи. Богу же нашему слава!

С Л О В О 15.

О разныхъ отличіяхъ безмолвія, о власти ума, и о томъ, сколько власти умъ возбуждать собственные свои движенія при разныхъ видахъ молитвы, какой предѣлъ дасть молитвѣ самымъ естествомъ, до какого предѣла власти ты молишься молитвою, но престѣпленіи какого предѣла молитва твоя уже не молитва, хотя совершаемое тобою и называется молитвою.

—

Слава Имѣвшему обильно дары Свои на людей! Онъ содѣлалъ, что и плотяные служатъ Ему въ

чинъ естество безплотныхъ и природу перстныхъ сподобить глаголатъ о таковыхъ тайнахъ. Наипаче же, когда люди грѣшныя, подобныя намъ, недостойны и слышать такіе глаголы, Онъ, по благодати Своей, отверзъ намъ слѣпоту сердечную къ уразумѣнію оныхъ, изъ разсмотрѣніи Писанія и ученія великихъ Отцевъ. Ибо въ слѣдствіе собственнаго своего подвига не сподобился я дознать опытомъ и тысячную часть того, что написалъ своими руками, особенно же въ этомъ сочиненіи, которое предложу для возбужденія и просвѣщенія душъ вашихъ и всѣхъ читающихъ оное, въ той надеждѣ, что, можетъ быть, воспріянуть и, вождельвъ сего, приступать къ дѣланію.

Иное дѣло — молитвенное услажденіе, а иное — молитвенное созерцаніе. Последнее въ такой мѣрѣ выше перваго, въ какой совершенный человекъ выше несовершеннаго отрока. Иногда стихи дѣлаются сладостными въ устахъ, и стихословіе одного стиха въ молитвѣ неизменно продолжается, не позволяя переходить къ другому стиху; и молящійся не знаетъ насыщенія. Иногда же отъ молитвы рождается нѣкое созерцаніе, и прерываетъ оно устную молитву, и молящійся въ созерцаніи изумляется, цѣпнется тѣломъ. Такое состояніе называемъ мы молитвеннымъ созерцаніемъ, а не видомъ и образомъ, или мечтательнымъ призракомъ, какъ говорятъ несмысленные. И опять, въ семъ молитвенномъ созерцаніи есть мѣра, и различіе дарованій; и это еще молитва: потому что умъ не преступилъ туда, гдѣ нѣтъ уже молитвы, въ такое состояніе, которое выше молитвы. Ибо движенія языка и сердца въ молитвѣ

суть ключи; а что послѣ сего, то уже есть входъ въ сокровенныя кѣлти. Здѣсь да умолкнуть всякія уста, всякій языкъ; да умолкнуть и сердце—этотъ распорядитель помысловъ, и умъ—этотъ правитель чувствъ, и мысль—эта быстроногая и безстыдная птица, и да прекратится всякое ихъ ухищреніе. Здѣсь да остановятся шлущіе; потому что пришелъ Домовладыка.

С Л О В О 16.

О чистой молитвѣ.

Какъ вся сила законовъ и заповѣдей, какія Богомъ даны людямъ, по слову Отцевъ, имѣетъ предѣломъ чистоту сердца; такъ всѣ роды и виды молитвы, какими только люди молятся Богу, имѣютъ предѣломъ чистую молитву. Ибо, и воздыханія, и коленопреклоненія, и сердечныя прошенія, и сладчайшіе вопли, и всѣ виды молитвы, какъ сказалъ я, имѣютъ предѣломъ чистую молитву, и до нея только имѣютъ возможность простираться. А отъ чистоты молитвенной и до внутренней, какъ-скоро мысль преступила этотъ предѣлъ, не будетъ уже имѣть она ни молитвы, ни движенія, ни плача, ни власти, ни свободы, ни прошенія, ни возжелѣнія, ни услажденія чѣмъ-либо изъ уловасмага въ сей жизни, или въ будущемъ вѣкѣ. До сего только предѣла всякое молитвенное движеніе и всѣ виды молитвы доводятъ

умъ властно свободы. Потому и подвигъ въ молитвѣ. А за снѣмъ предѣломъ будетъ уже изумленіе, а не молитва; потому что все молитвенное прекращается, наступаетъ же нѣкое созерцаніе; и не молитвою молится умъ. Всякая, какого бы то ни было рода, совершаемая молитва совершается посредствомъ движеній; но какъ-скоро умъ входитъ въ духовныя движенія, не имѣетъ тамъ молитвы. Иное дѣло—молитва, а иное—созерцаніе въ молитвѣ, хотя молитва и созерцаніе замѣствуютъ себѣ начало другъ въ другъ. Молитва есть сѣянiе, а созерцаніе — собираніе рукоятей, при которомъ жнуцій приводится въ изумленіе изнепаголаннѣмъ видѣніемъ, какъ изъ малыхъ и голыхъ, посѣянныхъ имъ зеренъ, вдругъ пронзросли предъ нимъ такіе красивыя классы. И онъ въ собственномъ своемъ дѣланіи (о) пребываетъ безъ всякаго движенія; потому что всякая совершаемая молитва есть моленіе, заключающее въ себѣ или прошеніе, или благодареніе, или хваленіе. Разсмотримъ же внимательнѣе, одинъ ли изъ сихъ видовъ молитвы, прошеніе ли чего-либо, бываетъ, когда умъ переступаетъ сей предѣлъ, и входитъ въ оную область? Ибо спрашиваю о семъ того, кто вѣдаетъ истину. Но не у всѣхъ сія разсудительность, а только у тѣхъ, которые содѣлались зрителями и служителями дѣла сего, или учились у таковыхъ Отцевъ, и изъ устъ ихъ познали истину, и въ сихъ, и подобныхъ снѣмъ изысканіяхъ провели жизнь свою.

(о) Въ древ. серб. и слав. переводахъ вмѣсто словъ *въ своемъ дѣланіи*, читается *въ своемъ видѣніи*.

Какъ изъ многихъ тысячъ едва находится одинъ, исполнившій заповѣди и все законное съ малымъ недостаткомъ и достигшій душевной чистоты: такъ изъ тысячи развѣ одинъ найдется при великой осторожности, сподобившійся достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этотъ предѣлъ и пріять оное таинство; потому что чистой молитвы никакъ не могли сподобиться многіе; сподобились же весьма рѣдкіе; а достигшій того таинства, которое уже за сею молитвою, едва по благодати Божіей, находится и изъ рода въ родъ.

Молитва есть моленіе и понеченіе о чемъ-либо и возжеланіе чего-либо, какъ то: избавленія отъ здѣшнихъ или будущихъ искушеній, или возжеланіе наслѣдія Отцевъ, притомъ моленіе, которымъ чловѣкъ пріобрѣтаетъ себѣ помощь отъ Бога. Смыслъ движеній и ограничиваются движенія молитвенныя. А чистота и нечистота молитвы зависятъ отъ слѣдующаго: какъ-скоро въ то самое время, какъ умъ пріуготовляется прінести одно изъ сказанныхъ нами движеній своихъ, примышляется къ нему какая-либо посторонняя мысль, или безпокойство о чемъ-нибудь, тогда молитва сія не называется чистою; потому что не отъ чистыхъ животныхъ прінести умъ на жертвенникъ Господень, — то-есть на сердце — этотъ духовный Божій жертвенникъ. А если бы кто упомянулъ объ оной, у Отцевъ называемой духовною, молитвѣ, и, не разумѣвъ силы отеческихъ изреченій, сказалъ: «сія молитва въ предѣлахъ молитвы духовной»; то думаю, если точнѣе выкинуть въ это понятіе, хульно будетъ сказать какой-либо твари, будго бы вполне преклоняется

духовная молитва. Ибо молитва преклоняющаяся ниже духовной. Всякая же духовная молитва свободна отъ движеній. И ежели едва ли кто молится чистою молитвою; то можетъ ли что сказать о молитвѣ духовной? У святыхъ Отцевъ было въ обычаѣ всѣмъ добрымъ движеніямъ и духовнымъ дѣланіямъ давать именоваіе молитвы. И не только Отцамъ, но и всѣмъ, которые просвѣщены вѣдѣніемъ, обычно всякое прекрасное дѣланіе вѣнчать почти за одно съ молитвою. Явно же, что иное дѣло—молитва, а иное—совершаемыя дѣла. Иногда сію, такъ называемую духовную молитву въ одномъ мѣстѣ называютъ путемъ, а въ другомъ—вѣдѣніемъ, и нѣдѣ—умнымъ вѣдѣніемъ. Видишь, какъ Отцы перемѣняютъ названія предметовъ духовныхъ? Ибо точное значеніе именоваій устанавливается предметами здышными; а для предметовъ будущаго вѣка нѣтъ подлиннаго и истиннаго названія, есть же о нихъ одно простое вѣдѣніе, которое выше всякаго наименованія и всякаго составнаго начала, образа, цвѣта, очертанія и всѣхъ слагаемыхъ именъ. Поэтому, когда душевное вѣдѣніе возносится изъ видимаго міра, тогда Отцы въ означеніе онаго упогребляютъ, какія хотятъ, названія, такъ-какъ точныхъ именоваій оному никто не знаетъ. Но, чтобы утвердить на семъ вѣдѣніи душевныя помысленія, употребляютъ они наименованія и притчи, по изреченію святаго Діонисія, который говоритъ, что ради чувствъ упогребляютъ притчи, слоги, приличныя имена и реченія. Когда же дѣйствіемъ Духа душа подвигнута къ божественному; тогда излишни для насъ и чувства, и ихъ дѣятельность, равно какъ излишни силы духовныя ду-

шь, когда она, по непостижимому единству, содѣлывается подобною Божеству, и въ своихъ движеніяхъ озаряется лучемъ высшаго свѣта.

Наконецъ, повѣрь, братъ, что умъ имѣетъ возможность различать свои движенія, только до предѣла чистой молитвы. Какъ же скоро достигаетъ туда, и не возвращается вспять, или не оставляетъ молитвы; молитва дѣлается тогда какбы посредницею между молитвою душевною и духовною. И когда умъ въ движеніи; тогда онъ въ душевной области; но какъ-скоро вступаетъ въ оную область, прекращается и молитва. Ибо Святые въ будущемъ вѣкѣ, когда умъ ихъ поглотитъ Духомъ, не молитвою молятся, но съ изумленіемъ водворятся въ веселящей ихъ славѣ. Такъ бываетъ и съ нами. Какъ-скоро умъ сподобится ощутить будущее блаженство; забудетъ онъ и самого себя, и все здѣшнее, и не будетъ уже имѣть въ себѣ движенія къ чему-либо. Посему, никто съ увѣренностію осмѣливается сказать, что свобода воли путеводитъ и приводитъ въ движеніе посредствомъ чувствъ всякую совершаемую добродѣтель, и всякій чинъ молитвы, въ тѣлѣ или то, или въ мыслѣ, и даже самый умъ, — этого царя страстей. Когда же управленіе и смотрѣніе Духа возоподоствуютъ надъ умомъ — этакимъ домостроителемъ чувствъ и помысловъ; тогда отъсмыслится у природы свобода, и умъ путеводится, а не путеводитъ. И гдѣ тогда будетъ молитва, когда природа не въ сплахъ имѣть надъ собою власти, но иною силою путеводится, сама не знаетъ куда, и не можетъ совершать движеній мысли, въ чемъ бы ей хотѣлось, но овладѣвается, въ этотъ часъ, плѣ-

нившіею ее сілою, и не чувствуетъ, гдѣ путево-
дится сію? Тогда человекъ не будетъ нѣтъ и хотѣніи,
даже, по свидѣтельству Писанія, не знаетъ, въ тѣлѣ
онъ, или кромѣ тѣла (2 Кор. 12, 2.). И будетъ ли
уже молитва въ томъ, кто столько нѣтъ, и не
сознаетъ самъ себя? Посему, никто да не глаго-
летъ хулы, и да не дерзнетъ утверждать, что можно
молиться духовною молитвою. Такой дерзости пре-
даются тѣ, которые молятся съ кичливостію, не-
вѣжды вѣдѣніемъ, и лживо говорятъ о себѣ, буд-
то бы, когда хотятъ, молятся они духовною молит-
вою. А смиренномудрые и понимающіе дѣло согла-
шаются учиться у Отцевъ и знать предѣлы есте-
ства, не дозволяютъ же себѣ предаваться такимъ
дерзкимъ мыслямъ.

Вопросъ. Почему же сей неизглаголанной благо-
дати, если она не есть молитва, дается наименова-
ніе молитвы?

Отвѣтъ. Причина сему, какъ утверждаемъ, та,
что благодать сія дается достойнымъ во время мо-
литвы, и начало свое имѣетъ въ молитвѣ, такъ-
какъ, по свидѣтельству Отцевъ, кромѣ подобнаго
времени, нѣтъ и мѣста посѣщенію сей достослав-
ной благодати. Наименованіе молитвы дается сему,
потому что отъ молитвы путево-
дится умъ къ оно-
му блаженству, и потому что молитва бываетъ при-
чиною онаго; въ иныя же времена не имѣетъ оно
мѣста, какъ показываютъ отеческія писанія. Ибо
знаемъ, что многіе Святые, какъ повѣствуется и
въ житіяхъ ихъ, ставъ на молитву, были восхищае-
мы умомъ.

Но если кто спроситъ: почему же въ сіе только

время бываютъ сіи великія и неизреченныя дарованія, то отвѣствуемъ: потому что въ сіе время больше, нежели во всякое другое, человекъ бываетъ собранъ въ себя и уготованъ вынмать Богу, воздѣлывается и ождаетъ отъ Него милости. Короче сказать, это есть время стоянія при вратахъ царскихъ, чтобы умолять царя; и прилично исполниться прошенію умоляющаго и призывающаго въ это время. Ибо бываетъ ли другое какое время, въ которое бы человекъ столько былъ приуготовленъ, и такъ наблюдалъ за собою, кромѣ времени, когда приступаетъ онъ къ молитвѣ? Или, можетъ быть, прилично получить ему что-либо таковое въ то время, когда спитъ, или работаетъ что, или когда умъ его возмущенъ? Ибо вотъ и святые, хотя не пѣютъ празднаго времени, потому что всякой часъ заняты духовнымъ, однакоже и съ ними бываетъ время, когда неготовы они къ молитвѣ. Ибо не рѣдко занимаются или помыслиемъ о чемъ-либо встрѣчающемся въ жизни, или разсматриваніемъ тварей, или иными чѣмъ дѣйствительно полезнымъ. Но во время молитвы созерцаніе ума устремлено къ единому Богу, и къ Нему направляется всѣ свои движенія, Ему отъ сердца, съ раченіемъ и непрестанною горячностью, приносятъ моленія. И посему-то въ это время, когда у души бываетъ одно единственное помыслие, прилично источаться божественному благоволенію. И вотъ видимъ, что, когда священникъ приуготовится, станетъ на молитву, умилостивляя Бога, молясь и собпрая свой умъ во едино, тогда Духъ Святый нисходитъ на хлѣбъ и на вино, предложенныя на жертвенникъ. И Захаріи во

время молитвы явился Ангелъ, и предвозвѣстилъ рожденіе Іоанна. И Петру, когда во время шестаго часа молился въ горницѣ, явилось видѣніе, путеводствовавшее его къ призванію язычниковъ снисшедшею съ неба плащаницею и заключенными въ ней животными. И Корнилию во время молитвы явился Ангелъ, и сказалъ ему написанное о немъ. И также Іисусу сыну Навину глагола въ Богъ, когда въ молитвѣ преклонился опъ на лице свое. И съ очистилица, бывшаго надъ кивотомъ, откуда священникъ о всемъ, что должно было знать, въ видѣніяхъ былъ отъ Бога тайноводствуемъ въ то самое время, когда Архіерей единожды въ годъ, въ страшное время молитвы, при собраніи всѣхъ колѣнъ сыновъ Израилевыхъ, стоявшихъ на молитвѣ во вѣнцѣй скиніи, входилъ во Святое-святыхъ и повергался на лице свое,—слышалъ онъ Божіи глаголы въ страшномъ и неизглаголанномъ видѣніи. О, какъ страшно оное таинство, которому служилъ при семъ Архіерей! Но таковы и всѣ видѣнія, являвшіяся святымъ во время молитвы. Ибо какое другое время такъ свято, и по святынѣ своей столько прилично пріятно дарованій, какъ время молитвы, въ которое человекъ собесѣдуетъ съ Богомъ? Въ это время, въ которое совершаются молитвословія и моленія предъ Богомъ, и собесѣдованіе съ Нимъ, человекъ съ успіемъ отвсюду собираетъ во едино всѣ свои движенія и помышленія, и погружается мыслію въ единомъ Богѣ, и сердце его наполнено бываетъ Богомъ; и оттого уразумѣваетъ онъ непостижимое. Ибо Духъ Святыи, по мѣрѣ силъ каждаго, дѣйствуетъ въ немъ, и дѣйствуетъ, заимствуя веще-

ство изъ того самаго, о чемъ кто молится; такъ-что внимательностію молитва лишается движенія, и умъ поражается и поглощается изумленіемъ, и забывается о вожделѣннн собственнаго своего прошенія, и въ глубокое упоеніе погружаются движенія его, и бываетъ онъ не въ міръ сему. И тогда не будетъ тамъ различія между душою и тѣломъ, ни памятованія о чемъ-либо, какъ сказалъ божественный и великій Григорій: «молитва есть чистота ума, которая одна, при изумленіи челоуѣка, удѣляется отъ свѣта Святыхъ Троицы. Видишь ли, какъ удѣляется молитва приходящимъ въ изумленіе уразумѣніемъ того, что рождается отъ нея въ умъ, по сказанному мною въ началѣ сего писанія и во многихъ другихъ мѣстахъ? И еще, тотже Григорій говоритъ: чистота ума есть пареніе мысленнаго. Она уподобляется небесному цвѣту, въ пей во время молитвы просіяваетъ свѣтъ Святыхъ Троицы».

Вопросъ. Когда же кто сподобляется всей этой благодати?

Отвѣтъ. Сказано: во время молитвы. Когда умъ совлечется ветхаго челоуѣка, и облечется въ челоуѣка новаго, благодатнаго, тогда узритъ чистоту свою, подобную небесному цвѣту, который старѣйшины сыновъ Израилевыхъ наименовали мѣстомъ Божіимъ (Исх. 24, 10.), когда Богъ явился имъ на горѣ. Посему, какъ говорилъ я, даръ сей и благодать сію должно называгь не духовною молитвою, но порожденіемъ молитвы чистой, ниспосылаемой Духомъ Святыхъ. Тогда умъ бываетъ тамъ — выше молитвы, и съ обрѣтеніемъ лучшаго молитва оставляется. И не молитвою тогда молится умъ, но бы-

васть въ восхищеніи, при созерцаши непостижимаго, — того, что за пределами міра смертныхъ, и умоласть въ невѣдѣніи всего здѣшняго. Сіе-то невѣдѣніе называется высшимъ видѣніемъ. О семъ-то невѣдѣніи говорится: блаженъ постигшій невѣдѣніе, неразлучное съ молитвою, котораго да сподобится и мы, по благодати едиnorodнаго Сына Божіа. Ему подобасть всякая слава, честь и поклоненіе нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 17.

О предположеніи души, ищущей глубокаго созерцанія, чтобы погрузиться въ ономъ отъ плотскихъ помысловъ, возбуждаемыхъ памятованіемъ вещей.

Все, что выше другаго, сокрыто отъ того, чего оно выше; и не иное что служитъ ему по природѣ пѣкосю завѣсою, такъ-что можетъ и открывать его сокровенность. Всякая умопредставляемая сущность не въ себя заимствуетъ то, что составляетъ собственное ея отличіе; напротивъ того, внутри ея движеній определено сіе отличіе, то-есть, можетъ она непосредственно поступать къ пріятію перваго свѣта, въ большей ясности, или подобно другому чину, который, очевидно, разнствуетъ не мѣстомъ, но чистотою пріятія и преимуществу, или сообразно съ умственнымъ мѣрою въ силѣ пріятія горнихъ мановеній и силъ. Всякая умопредставляемая сущность

сокрыта для сущности, которая ниже ея; одна же отъ другой сокрыты онѣ не по природѣ, а по движеніямъ добродѣтелей; и говорю это о святыхъ силахъ, о душевныхъ чинахъ и о демонахъ. Первыя отъ среднихъ, и среднія отъ третьихъ сокрыты и по природѣ, и по мѣсту, и по движеніямъ. Сущности же каждаго чина, и сами для себя, и одна для другой въ томъ же чинѣ, видны ли онѣ, или невидны, сокрыты по вѣдѣнію; а отъ сущностей низшаго чина — по естеству; потому что видѣніе у существъ безтѣлесныхъ не въ нихъ, какъ у существъ тѣлесныхъ; но видѣть имъ другъ друга значитъ и добродѣтелями и мѣрою движеній быть имъ внутри движеній существъ или видимыхъ. Поэтому, если въ равномъ удѣлѣ онѣ досточестны, то, хотя и отдалены другъ отъ друга, однакоже не мечтательно, но въ нелижвомъ видѣніи, въ истинномъ естествѣ, видятъ другъ друга, кромѣ Причины всѣческихъ, Которая, какъ единая достопокланяемая, превънне сея разности. Демоны, хотя и крайне нечисты, однакоже въ чинахъ своихъ не сокрыты другъ отъ друга, но не видятъ двухъ чиновъ, которые выше ихъ; потому что духовное видѣніе есть свѣтъ движенія, и онъ-то самый служитъ для нихъ и зеркаломъ и окомъ. И какъ-скоро обратятся движенія, существа не видятъ высшихъ чиновъ. Въ собственномъ своемъ чинѣ видятъ другъ друга, такъ-какъ они дебелѣ духовныхъ чиновъ. И это имѣетъ мѣсто въ разсужденіи демоновъ.

Души же, пока осквернены и омрачены, не могутъ видѣть ни другъ друга, ни себя самихъ; а если очистятся и возвратятся въ древнее состояніе,

въ какомъ созданы, то ясно будутъ видѣть сіи три чина, т. е. чинъ низій ихъ, чинъ высій, и другъ друга въ своемъ чинѣ. И не потому, что измѣнятся въ тѣлесный видъ, увидятъ тогда ангеловъ ли то, или демоновъ, или другъ друга; напротивъ того, узрятъ въ самомъ ествѣ и въ духовномъ чинѣ. А если скажешь, что невозможно быть видиму демону или ангелу, если не измѣнятся они, не примутъ на себя видимаго образа; то сіе будетъ значить, что видятъ уже не дуца, а тѣло. Но въ такомъ случаѣ какая нужда въ очищеніи? Ибо вотъ, и нечистымъ людямъ по временамъ являются демоны, равно какъ и ангелы, впрочемъ, когда видятъ они, видятъ тѣлесными очами, и здѣсь нѣтъ нужды въ очищеніи. Но не то бываетъ съ душею, достигшею чистоты; напротивъ того, видитъ она духовно, окоу естественнымъ, то-есть, прозорливымъ, или разумнымъ. И не дивись тому, что души видятъ одна другую, даже будучи въ тѣлѣ. Ибо представляю тебѣ доказательство ясное, по истинности свидѣтельствующаго, разумно же блаженнаго Леонасія Великаго, который въ сочиненіи объ Антоніи Великомъ, говоритъ: Великій Антоній, стоя однажды на молитвѣ, увидѣлъ чью-то душу, возпосимую съ великою честію, и ублажилъ сподобившагося таковой славы; благоушный же сей былъ Аммонъ изъ Нитріи, и та гора, на которой жилъ святой Антоній, отстояла отъ Нитріи на тринадцать дней пути. Сіи примѣры о трехъ, сказанныхъ выше, чинахъ доказано уже, что душевныя природы видятъ одна другую, хотя и удалены одна отъ другой, и что не препятствуютъ имъ видѣть другъ друга раз-

стояніе и тѣлесныя чувства. А подобно и души , когда достигаютъ чистоты , видятъ не тѣлесно , но духовно; потому что тѣлесное зрѣніе совершается открыто, и видитъ, что передъ глазами, отдаленное же требуетъ снаго видѣнія.

Многіе горніе чины въ бытіи неисчетны , и именуются по отличію и чину. Ибо почему названы Началами, Властями, Силами? Господствами наименованы, можетъ быть , какъ отличенные честію. И они малочисленнѣе подчиненныхъ имъ, какъ сказалъ святой Діонисій, Епископъ аѳинскій, но больше по власти и вѣдѣнію, и наиболѣе удѣлены по величію своихъ чиновъ. Ибо простираются отъ чина въ чинъ, пока не достигнутъ къ единству паче всѣхъ великаго и могущественнаго — Главы и основанія всей твари. Главою же называю не Творца, но предшествующаго чудесамъ дѣлъ Божіихъ. Ибо многіе ниже промышленности премудрости Бога, ихъ и нашего Творца, и столько ниже, сколько подъ ними состоящіе ниже ихъ самихъ. Называю же низшими , разумѣя высоту и низость не въ мѣстѣ, но въ силѣ вѣдѣнія, сообразно съ тою мѣрою , каковую пріобрѣтаютъ въ сравненіи съ послѣдующимъ, большимъ или меньшимъ, вѣдѣніемъ. Ибо всѣ сіи духовныя сущности божественное Писаніе наименовало девятью духовными именами , и раздѣлило ихъ на три степени ; и первую дѣлитъ на великіе , высокіе и святѣйшіе Престолы , многоочитыхъ Херувимовъ и шестокрылатыхъ Серафимовъ ; вторую же степень — на Господства , Силы и Власти , и третью, — на Начала, Архангеловъ и Ангеловъ. Чины же сіи съ еврейскаго толкуются: Серафимы, — согревающіе и

сжигающіе; Херувимы, — обильные вѣдѣніемъ и мудростію; Престолы, — Божія опора и Божій покой; и сими именами названы чины сѣи по ихъ дѣйствованиямъ. Именуются же Престолы, какъ досточестные, Господства, какъ имѣющіе власть надъ всякимъ царствомъ, Начала, — какъ устрояющіе оупрь, Власти, — какъ властвующіе надъ народами и надъ каждымъ человекомъ, Силы, — какъ крѣпкіе сплюю и страшные въ видѣніи своемъ, Серафимы, — какъ освящающіе, Херувимы, — какъ посящіе, Архангелы, — какъ бодрственные стражи, Ангелы, — какъ посылаемые.

Въ первый день сотворено девять духовныхъ природъ въ молчаніи и одна природа — словомъ; и это — свѣтъ. Во второй день сотворена твердь. Въ третій день произвелъ Богъ собраніе водъ и прозібеніе злаковъ; въ четвертый, — отдѣленіе свѣта; въ пятый, — птицъ, пресмыкающихся и рыбъ; въ шестой, — животныхъ и чловѣка. Устройство цѣлаго міра — долгота и широта; начало — востокъ; конецъ — западъ; правая сторона — сѣверъ; левая — югъ. Цѣлую землю поставилъ Богъ, какъ одръ; вмѣстѣ небо, какъ кожу и сводъ, и кубъ; второе небо — какъ колесо, призмнутое къ первому небу, и то, чѣмъ примыкаются другъ къ другу небо и земля; океанъ — какъ поясъ, окружающій небо и землю, а внутри его высокія горы, досягающія до неба, и позади горъ солнце, чтобы проходило тамъ въ продолженіе цѣлой ночи, и среди снхъ горъ великое море, которое занимаетъ около половины и четверти всей суши.

Богу же нашему да будетъ слава!

С Л О В О 18.

О ВИДЫХЪ ЕСТЕСТВА БЕЗПЛОТНЫХЪ, ВЪ ВОПРОСАХЪ И
ОТВѢТАХЪ.

Вопросъ. Сколько способовъ и разностей у чело-
вѣческой природы въ видѣхъ естества безплотныхъ?

Отвѣтъ. Представленіе всякаго простаго и тон-
каго естества духовныхъ тѣлъ (п) подѣлится чув-
ству природы человѣческой въ трехъ разныхъ видахъ:
или въ дебелости видимаго предмета — осущест-
вленно, или въ тонкости онаго — неосуществленно,
или въ истинномъ созерцаніи, то-есть, въ созерца-
ніи самой сущности. Что до перваго, то на сіе
имѣютъ власть и чувства; что до втораго, то душа
усматриваетъ сіе въ одной поверхности; что до
третьяго, то нужна здѣсь сила естества умнаго. И
еще, что до каждаго изъ двухъ послѣднихъ, то на
сіе имѣютъ власть воля и умъ; и что до воли и
душевнаго услажденія, то, если согласна на то воля,
она бываетъ первою этому причиною. И это суть по-
рожденія свободы, хотя, во время потребности, сво-
бода и воля сохраняютъ безмолвіе, пока имѣетъ
мѣсто и останавливается на семъ дѣйствованіе. Въ
одномъ случаѣ оно указываетъ только и бываетъ безъ
одобряющей воли и безъ истиннаго вѣдѣнія; потому

(п) Духовными тѣлами называются здѣсь самые безплотныя и не-
существенныя сущности, которыя наклонены естествомъ наслаж-
даться.

что чувства способны принимать въ себя случайное безъ участія воли. Сими тремя способами святыя Силы, при общеніи съ нами, служатъ къ нашему наставленію и къ устроенію нашей жизни.

Печистые же демоны, когда приближаются къ намъ на погибель, а не на пользу нашу, могутъ въ насъ приводить въ дѣйствіе два только способа; не могутъ же приступать къ намъ, для обольщенія нашего, третьимъ способомъ; потому что демоны во-все не имѣютъ силы приводить въ насъ въ движеніе естественные помыслы ума. Ибо сынаиъ тмы невозможно приближаться къ свѣту. Но святыя Ангелы обладаютъ симъ, т. е. могутъ и приводить въ движеніе, и просвѣщать помыслы; тогда-какъ демоны суть властители и творцы ложныхъ мыслей — псчадій тмы; потому что отъ свѣтоносныхъ пріем-лется свѣтъ, а отъ потемненныхъ — тма.

Вопросъ. Какая причина, что тѣмъ дано, а симъ нѣтъ?

Отвѣтъ. Всякій учитель то свѣдѣніе, которому учить, сперва самъ въ себѣ разсматриваетъ, изучаетъ, пріемлетъ, вкушаетъ, и тогда уже можетъ предлагать оное паучаемымъ. Первые учителя точное познаніе о вещахъ передаютъ изъ собственнаго здраваго вѣдѣнія; и это суть тѣ, которые въ самомъ началѣ могутъ все обнимать въ быстромъ представленіи самаго пронпцательнаго и чпстаго ума. Демоны же обладаютъ скоростію, но не свѣтомъ. Иное же дѣло — пронпцательность, а иное — свѣтъ. Первая безъ втораго ведетъ къ гибели обладающаго ею. Второй показываетъ истину, а первая — призракъ истины, потому что свѣтъ показываетъ

дѣйствительность вещей, и умножается и умаляется соразмѣрно съ образомъ жизни.

Святые Ангелы изъ собственнаго вѣдѣнія вливаютъ въ насъ познаніе о движеніи вещей; что сами прежде вкусили, и что представили уму, то передаютъ потомъ и намъ. И вторые также учителя, по мѣрѣ своего вѣдѣнія, возбуждаютъ въ насъ представленія о движеніи вещей; потому что иначе о томъ, въ чемъ сами не пребыли, будетъ имъ необходимо въ насъ возбуждать правые помыслы. Впрочемъ, будь увѣренъ, какъ уже сказалъ я, что если бы мы и могли принять, то они не въ состояніи научить насъ истинному созерцанію, хотя вначалѣ и имѣли оное. И опять, каждый изъ нихъ возбуждаетъ обучаемыхъ къ тому, или къ противоположному, сообразно съ Божіимъ смотрѣніемъ, которое управляетъ имъ. А я признаю за истину то, что умъ нашъ, и безъ посредства святыхъ Ангеловъ, можетъ самъ собою и не учась возбуждаться къ добру, хотя познаніе о злѣ безъ посредства демоновъ не пріемлютъ чувства, и не приводятся зломъ въ движеніе, и умъ не можетъ самъ собою сдѣлать зла. Ибо доброе насаждено въ природѣ, а злое — нѣтъ. Все же чуждое и отъицъ прिवходящее для того, чтобы получить познаніе о семъ, имѣетъ нужду въ какомъ-либо посредникѣ. Между-тѣмъ какъ все, что произрастаетъ внутри, проникаетъ сколько нибудь въ природу и безъ наученія. И если таково свойство естества, что само собою возбуждается оно къ добру; то возрастаніе его и свѣтозарность возможны и безъ созерцанія Ангеловъ. Впрочемъ, они наши учителя, равно-какъ учителя и взаимно другъ другу.

Низшіе учатся у тѣхъ, которые припикають на нихъ и имѣють болѣе свѣта; и такимъ образомъ, учатся одни у другихъ, восходя постепенно до той единицы, которая имѣеть учителей Святую Троицу. И самый опять первый чинъ утвердительно говоритъ, что не самъ собою учится онъ, но имѣеть учителя посредника Іисуса, отъ Котораго пріемлетъ и передаетъ низшимъ.

Разсуждаю такъ, что умъ нашъ имѣеть естественную силу стремиться къ Божественному созерцанію, и однимъ желаніемъ (р) равны мы вѣмъ небеснымъ естествамъ; покуда въ насъ и въ нихъ дѣйствуетъ благодать. Но по естеству, и человѣческому и ангельскому уму созерцаніе Божества необычайно; потому что созерцаніе сіе не соприслается къ прочимъ созерцаніямъ. Во всѣхъ же разумныхъ, и первыхъ и среднихъ, существахъ не по естеству бываетъ, но благодатию совершается, созерцаніе всего сущаго, и небеснаго и земнаго; и не естество постигло сіе, какъ прочія вѣщи.

Умное созерцаніе, въ какомъ пребываетъ чинъ существъ небесныхъ, и видѣніе, до пришествія Христа во плоти, не были для нихъ столько доступны, чтобы проникать нѣкъ въ сѣнъ тайны. Но когда воплотилось Слово, отверзлась нѣкъ дверь въ Іисуса, какъ говоритъ Апостолъ. А если бы мы содѣлались непорочными и чистыми, то разсуждаю (а сіе и дѣйствительно такъ), что у насъ—человѣковъ мысли наши, безъ посредства существъ небес-

(р) Вмѣсто *ίφροσι* лучше читать *ἔφροσι*, согласно съ древними славянскими переводами.

ныхъ, не могли бы приблизиться къ откровеніямъ и познаніямъ, возводящимъ къ оному вѣчному созерцанію, которое подлинно есть откровеніе тайнъ; потому что уму нашему не достаетъ такой силы, какая есть у горнихъ существъ, которыя пріемлютъ откровенія и созерцанія непосредственно отъ Вѣчнаго. Ибо и онѣ пріемлютъ въ образъ, а не безъ прикровенія; а подобно имъ пріемлетъ и нашъ умъ. Ибо каждый чинъ пріемлетъ чрезъ передаваніе отъ другаго чина, съ соблюденіемъ строгаго порядка и различія въ сообщеніи отъ перваго чина второму, пока тайна перейдетъ такимъ образомъ ко всемъ чинамъ. Но многія изъ тайнъ остаются на первомъ чинѣ, и не простираются на другіе чины; потому что, кромѣ сего перваго чина, всѣ прочіе не могутъ вмѣстить въ себя величія тайны. А нѣкоторыя изъ тайнъ, исходя отъ перваго чина, открываются одному второму чину, и имъ сохраняются въ молчаніи, другіе же чины не постигли оныхъ; и нѣкоторыя тайны доходятъ до третьяго и до четвертаго чина. И еще въ откровеніяхъ, видимыхъ святыми Ангелами, бываютъ приращеніе и умаленіе. А если такъ бываетъ у нихъ; то кольми наче, можемъ ли мы пріять таковыя тайны безъ нихъ и безъ ихъ посредства? Напротивъ того, отъ нихъ бываетъ сіе, что въ умъ Святыхъ является оцущеніе откровенія какой-либо тайны. И какъ-скоро поупущено Богомъ, чтобы откровеніе передавалось отъ чина высшаго и потомъ низшаго другому чину; то такимъ образомъ, какъ-скоро Божіимъ заповѣніемъ поупущено доходить чему-либо до естества человѣческаго, доходятъ сіе къ людямъ, по всему того достойнымъ.

Ибо чрезъ горніе чины пріемлютъ Святые свѣтъ созерцанія даже до славнаго Присносуція, — сей неизучаемой тайны, сами же они пріемлютъ другъ отъ друга, потому что суть *служебніи души посылаемы* къ тѣмъ, которые готовы содѣлаться наслѣдниками жизни (Евр. 1, 14.). Но въ будущемъ вѣкѣ упразднится такой порядокъ; потому что не одинъ отъ другаго будетъ принимать тогда откровеніе славы Божіей, къ прославленію и веселію души своей; по каждому, по мѣрѣ доблестей его, непосредственно, что слѣдуетъ ему, дано будетъ Владыкою по достоинству, и не отъ другаго, какъ здѣсь, приметъ онъ даръ. Ибо тамъ нѣтъ ни учащаго, ни поучаемаго, ни имѣющаго нужду, чтобы другой восполнилъ недостатокъ его. Тамъ одинъ Даятель, непосредственно дарствующій способнымъ пріять, и отъ Него пріобрѣтають пріобрѣтающіе небесное веселіе. Тамъ прекратятся чины учащихъ и учащихся, и средоточіе всякаго желанія будетъ утверждаться на единомъ остріѣ.

Говорю же, что мучимые въ гееннѣ поражаются бичемъ любви. И какъ горько и жестоко это мученіе любви! Ибо ощутившіе, что погрѣшили они противъ любви, терпятъ мученіе вѣдшее всякаго приводящаго въ страхъ мученія; печаль, поражающая сердце за грѣхъ противъ любви, страшнѣе всякаго возможнаго наказанія. Неумѣстна чловѣку такая мысль, что грѣшники въ гееннѣ лишаются любви Божіей. Любовь есть порожденіе вѣдѣнія истины, которое (въ чемъ всякій согласенъ) дается всѣмъ вообще. Но любовь силою своею дѣйствуетъ двойко: она мучитъ грѣшниковъ, какъ и здѣсь случается

другу терпѣть отъ друга, и веселить собою соблюдающихъ долгъ свой. И вотъ, по моему разсужденію, таково гееннское мученіе,—оно есть раскаяніе. Души же горнихъ сыновъ любовь упояваетъ своими утѣхами.

Вопросъ. Нѣкто былъ спрошенъ: когда человекъ узнаетъ, что получилъ отпущеніе грѣховъ своихъ?

Отвѣтъ. И спрошенный отвѣчалъ: когда ощутитъ въ душѣ своей, что совершенно, отъ всего сердца, возненавидѣлъ грѣхи, и когда явно даетъ себѣ направленіе противоположное прежнему. Таковъ уповаеетъ, что получилъ отъ Бога оставленіе грѣхопадений, какъ возненавидѣвшій уже грѣхъ по свидѣтельству совѣсти, какое пріобрѣлъ въ себѣ по Апостольскому слову: неосужденная совѣсть сама себѣ свидѣтель.

Да сподобимся и мы получить отпущеніе грѣховъ нашихъ по благодати и человеколюбію безначальнаго Отца съ едиnorodнымъ Сыномъ и Святымъ Духомъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 19.

ОБРАЗЕЦЪ УМОЗРѢНІЯ О ДНѢ ВОСКРЕСНОМЪ И О СУББОТѢ,
И ПРИТЧНОЕ ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ.

День воскресный есть непріемлемая нами, пока мы съ плотію и кровію, тайна вѣдѣнія истины, и она превосходитъ помышленія. Въ семъ вѣкѣ нѣтъ дня осьмаго, ни субботы, въ подлинномъ смыслѣ. Ибо

сказавшій: *почи Богъ въ день седьмый* (Быт. 2, 2.), означить отдохновеніе по совершеніи теченія жизни сей; потому что гробъ есть тѣло, и оно отъ міра. Шесть дней совершаются въ дѣланіи жизни, храненіемъ заповѣдей; седьмой день весь проводится во гробъ, и осьмой въ пеществѣ изъ гроба. Какъ удостоиваемые въ притчѣ пріемлютъ здѣсь тайны воскреснаго дня, а не самый день въ существѣ его, такъ и подвижники въ притчѣ пріемлютъ тайны субботы, но не въ дѣйствительности самую субботу, которая есть отдохновеніе отъ всего скорбнаго и совершенное упокоеніе отъ безпокойствъ. Ибо таинство, а не истинную дѣйствительность, устроятъ далѣ намъ здѣсь Богъ. Истинная и несравненная суббота есть гробъ, показующій и знаменующій совершенное упокоеніе отъ скорбей, отъ страстей и отъ сопротивнаго покою дѣланія. Тамъ субботствуетъ человечество, и душа и тѣло. Богъ въ шесть дней привелъ въ порядокъ весь составъ міра сего, устроилъ стихіи, при неподвижномъ ихъ движеніи далъ законы служенія, и не остановятся онѣ въ теченіи до своего разоренія. Ихъ-то силою, то-есть, силою первобытныхъ стихій, составилъ Онъ и нашу тѣла. Но и стихіямъ не далъ покоя въ движеніи ихъ, ни тѣламъ нашимъ, изъ стихій произшедшимъ, отдохновенія отъ дѣланія. Предѣлъ же отдохновенія отъ дѣланія положили въ насъ, между-тѣмъ какъ тѣла наши послѣдуютъ первому своему средству, и это есть разрѣшеніе отъ жизни сей. Такъ и Адаму сказать: *въ потѣ лица твоего съси хлѣбъ твой*. И долго ли будетъ сіе? *дондеже возвратиши въ землю, отъ неяже взяты бысть*, и которая воз-

раститъ тебѣ терніа и волчцы (Быт. 3, 18. 19.). Вотъ тайны дѣланія жизни сей, пока ты живешь! Но съ той ночи, въ которую Господь излілъ потъ, премѣнилъ Онъ потъ, пзведшій терніа и волчцы, на потъ, проливаемый въ молитвъ и вмѣстѣ въ дѣланіи правды. Пять тысячъ и пять сотъ слишкомъ лѣтъ Богъ оставлялъ Адама трудиться на землѣ, потому что дотолѣ не у явился святыя путь, какъ говорить божественный Апостолъ (Евр. 9, 8.). Въ послѣдокъ же дней пришелъ и заповѣдалъ свободѣ одиѣ потъ замѣнить другимъ потомъ, дозволивъ се отдохновеніе отъ всего, но премѣненіе всего; потому что, за продолжительность злостраданія нашего на землѣ, оказавъ намъ Свое человеколюбіе. Посему, если престанемъ проливать на землѣ потъ, то по необходимости пожнемъ терніа. Ибо по тойже необходимости оставленіе молитвы есть дѣланіе отълесенія земли, которая естественно произращаетъ терніа. Дѣйствительно же страсти суть терніа, и произрастаютъ въ насъ отъ сѣянія въ тѣло (Гал. 6, 8.). Пока носимъ на себѣ образъ Адамовъ, необходимо носимъ въ себѣ и страсти Адамовы. Ибо невозможно землѣ не произращать произведеній свойственныхъ природѣ ея. Порожденіе же ея естества есть земля тѣлъ нашихъ, какъ гласитъ Божіе свидѣтельство: земля, отъ неяже взятъ еси (Быт. 3, 9.). Та земля произращаетъ терніа, а сіа разумная—страсти.

Если Господь по всему былъ для насъ образомъ, въ таинствѣ, во всѣхъ различныхъ дѣйствіяхъ домо-строительства Своего, и даже до девятаго часа пятка не преставаъ отъ дѣла и труда (а это есть

тайна дѣланія нашего цѣлую жизнь), въ субботу же почить во гробъ; то гдѣ утверждающіе, что въ жизни еще есть суббота, т. е., отдохновеніе отъ страстей? О днѣ же воскресномъ высоко для насъ и говорить. Наша суббота есть день погребенія. Тамъ дѣйствительно субботствуетъ естество наше. Ежедневно же, пока стоитъ земля, валежитъ намъ нужда исторгать изъ нея тернія. За продолжительность только нашего дѣланія оскудѣваютъ сѣи тернія; потому что не всецѣло очищается отъ нихъ земля. И если это такъ, и при временномъ облѣненіи, или при маломъ нерадѣніи, умножаются тернія, и покрываютъ лице земли, подавляютъ посѣянное тобою, и трудъ твой обращаютъ въ ничто: то каждый уже день должно очищать землю; потому что прекращеніе очищенія увеличиваетъ множество терній, отъ котораго да очистится по благодати единосущнаго и едиnorodнаго Сына Божія! Ему слава съ безначальнымъ Отцемъ и животворящимъ Духомъ во вѣки! Аминь.

С Л О В О 20.

Ежедневное воспоминаніе о томъ, что всего нужнѣе, и что весьма полезно пребывающіи въ кѣлліи своей и рывившимся быть внимательнымъ къ одному только себѣ.

Нѣкто изъ братій написалъ и всегда полагалъ предъ собою, напоминалъ себѣ и говорилъ: «Не-

благоразумно прожилъ ты жизнь свою, человекъ по-
 срамленный и достойный всякаго зла; остерегись
 же хотя этотъ день, оставшійся отъ дней твоихъ,
 прошедшихъ напрасно безъ дѣлъ добрыхъ и обо-
 гатившихся дѣлами худыми. Не спрашивай ни о
 мірѣ, ни о поведеніи его, ни о монахахъ, ни о дѣ-
 лахъ ихъ, ни о томъ, какъ они живутъ, какъ велико
 ихъ дѣланіе, не заботься ни о чемъ подобномъ.
 Таинственно ищишь ты изъ міра и, какъ чертвецъ,
 вытѣняешь о Христѣ; не живи болѣе міру и тому, что
 въ мірѣ, да предварить тебя упокоеніе, и будешь
 живъ во Христѣ. Будь готовъ и вооружись терпе-
 ніемъ противъ всякаго поношенія, всякой обиды,
 осмѣянія и порицанія отъ всѣхъ. И все это прини-
 май съ радостію, какъ дѣйствительно того досто-
 яный, переноси съ благодареніемъ всякій трудъ, и
 всякую скорбь, и всякую бѣду отъ демоновъ, кото-
 рыхъ волю исполнялъ ты, мужественно сноси всякую
 пужду, и что приключится естественно, и все го-
 рести. Въ упованіи на Бога терпи лишеніе того,
 что необходимо для тѣла, и вскорѣ обращается въ
 гной. Желай все сіе принимать въ надеждѣ на Бога,
 не ожидая нигде болѣе ни побавленія, ни чѣсто-
 либо утѣшенія. *Возврати на Господа печаль твою*
 (Псал. 54, 23.), и во всѣхъ искушеніяхъ своихъ
 осуждай самъ себя, какъ виновнаго во всемъ этомъ.
 Питье не соблазняйся, и не укоряй никого изъ
 оскорбляющихъ тебя; потому что и ты вкусишь
 съ запрещеннаго древа, и ты пріобрѣть разныя
 страсти. Съ радостію принимай горести, пусть при-
 ведуть онѣ тебя въ содроганіе; за то въ-послѣд-
 ствіи почувствуешь услажденіе. Горе тебѣ и смирной

славѣ твоей! Душу свою, которая исполнена всякаго грѣха, оставилъ ты, какъ несужденную, а другихъ осуждалъ словомъ и мыслію. Достаточно, достаточно для тебя этой, свиніямъ приличной пищи, какою донынѣ питася ты. Чтѣ общаго съ людьми у тебя, скверный, и не стыдишься оставаться въ ихъ обществѣ, проводя жизнь такъ неразумно? Если обратишь на сіе вниманіе, и сохранишь все это; можетъ быть, и спасешься, при содѣйствіи Божіемъ. Въ противномъ же случаѣ, отоидешь въ страну темную и въ селеніе демоновъ, которыхъ волю исполнялъ ты съ безстыднымъ лицемъ. Вотъ засвидѣтельствовавъ я тебѣ о всемъ этомъ. Если Богъ праведно подвигнетъ на тебя людей, воздастъ тебѣ за обиды и поруганія, какія держалъ ты въ мысли и изрекалъ на нихъ во все время своей жизни; то цѣлый міръ отъ тебя не будетъ имѣть покоя. Перестань, наконецъ, хотя отнынь, и терни все, чѣмъ будетъ тебѣ воздаваемо». Все это напоминалъ себѣ братъ каждый день, чтобы, когда прійдутъ на него искушенія, или скорбь, быть ему въ состояніи претерпѣвать это съ благодарностію и съ пользою для себя. О, еслибъ и намъ съ благодарніемъ претерпѣвать постигающія насъ бѣдствія и извлекать изъ нихъ для себя пользу, по благодати человеколюбца Бога! Ему слава и держава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 21.

О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ. ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ.

Вопросъ. Какими узами связывается сердце чело-вѣческое, чтобы не стремиться ему къ злу?

Отвѣтъ. Тѣми, чтобы постоянно последовать премудрости и избыточествовать ученіемъ жизни. Ибо пѣтъ иныхъ узъ столько крѣпкихъ, чтобы сдерживать или безчисліе мысли.

Вопросъ. Гдѣ предѣлъ стремленій у последователя премудрости, и чѣмъ свершится обученіе оной?

Отвѣтъ. Подлинно невозможно въ шествѣи своемъ достигнуть сего предѣла; потому что и святые не дошли въ этомъ до совершенства. Пути премудрости нѣтъ конца; она шествуетъ выше и выше, пока не соединитъ последователя своего съ Богомъ. То и составляетъ ея признакъ, что постиженіе ся безпредѣльно, потому что премудрость есть самъ Богъ.

Вопросъ. Какая первая стезя, приближающая насъ къ премудрости, и въ чемъ ея начало?

Отвѣтъ. Въ томъ, чтобы всею силою стремиться во слѣдъ премудрости Божіей, и въ семъ стремленіи отъ всей души нспышать до самого конца жизни, даже изъ любви къ Богу не вознерадеть и о томъ, чтобы, если это нужно, совлечься самой жизни, и отринуть ее отъ себя.

Вопросъ. Кто достойно именуется смысленнымъ?

Отвѣтъ. Тотъ, кто дѣйствительно понять, что есть предѣлъ сей жизни. Онъ можетъ положить

предѣлъ и своимъ прегрѣшеніямъ. Ибо какое вѣдѣніе, или какое разумѣніе, выше сего, — умудрится человеку выйти изъ жизни сей въ перастѣвнѣ, не пачея иною части, оскверненною зловоніемъ вожделѣнія, и никакой скверны въ душѣ, оставляемой сладостно вожделѣнія. Ибо, если какой человекъ уточастъ мысли свои, чтобы проникнуть ему въ тайны вѣхъ естествъ, и побогачается познѣніями и наблюденіями во всякомъ вѣдѣніи, но душа его осквернена грѣховною скверною, и не пріобрѣтъ онъ свидѣтельства о надеждѣ души своей, однакоже думать, что счастливо вошелъ въ пристань упова- нія: то нѣтъ въ міръ человека неразуміе его; потому что дѣла его, въ непрерывномъ стремленіи его къ міру, довели его только до мірской надежды.

Вопросъ. Кто по самой истинѣ криче вѣхъ?

Отвѣтъ. Тотъ, кто благодѣствуетъ въ скорбяхъ временныхъ, въ которыхъ сокрыты жизнь и слава побѣды его, и не вожделѣтъ широты, въ которой скрывается зловоніе ада, и которая обрѣтающаго ее во всякое время наноситъ изъ части воздыханія.

Вопросъ. Какой бываетъ вредъ въ шествіи къ Богу, если кто, по причинѣ искушеній, уклоняется отъ добрыхъ дѣлъ?

Отвѣтъ. Невозможно приблизиться къ Богу безъ скорби; безъ нея и праведность человѣческая не сохраняется неизменною. И если человекъ оставляетъ дѣла, пріумножающія праведность; то оставляетъ и дѣла, охраняющія ее. И дѣлается онъ подобенъ несохраняемому сокровищу, — и борцу, съ котораго со- влечены его оружія, когда окружили его полки вра-

говъ его, — и кораблю, пеняющему спасей своихъ, и саду, который не орошается болѣе источникомъ воднымъ.

Вопросъ. Кто просвѣщенъ въ своихъ понятіяхъ?

Отвѣтъ. Тотъ, кто умѣть отыскать горечь, сокровенную въ сладости міра, воспретилъ устами своими пить изъ этой чаши, доискивается всегда, какъ спасти душу свою, не останавливается въ своемъ стремленіи, пока не отрышится отъ міра сего, и закроетъ двери чувствъ своихъ, чтобы не вошла въ него приверженность къ сей жизни, и не похитила у него тайныхъ сокровищъ его.

Вопросъ. Что такое міръ? Какъ познаемъ его, и сколько вредитъ онъ любителямъ своимъ?

Отвѣтъ. Міръ есть блудница, которая взирающихъ на нее съ вожделѣніемъ красоты ся привлекаетъ въ любовь къ себѣ. И кѣмъ, хотя отчасти, возобладала любовь къ міру, кто опутанъ имъ; тотъ не можетъ выйти изъ рукъ его, пока міръ не лишитъ его жизни. И когда міръ совлечетъ съ человека все, и въ день смерти вынесетъ его изъ дому его; тогда узнаетъ человекъ, что міръ подлинно льстецъ и обманщикъ. Когда же будетъ кто усиливаться выйти изъ тмы міра сего, пока еще сокрытъ въ немъ; невозможно видѣть пути его. И такимъ образомъ, міръ удерживаетъ въ себѣ не только учениковъ и чадъ своихъ, и тѣхъ, которые связаны имъ, но и нестяжательныхъ, подвижниковъ, и тѣхъ, которые сокрушили узы его и вдругъ стали выше его. Вотъ, и ихъ различными способами начинаетъ уловлять въ дѣла свои, повергаетъ къ ногамъ своимъ и попираетъ.

Вопросъ. Что дѣлать намъ съ тѣломъ, когда окружать его болѣзнь и тяжесть, а съ нимъ вмѣстѣ изнеможегъ и воля въ пожеланіи добраго и въ первой крѣпости своей!

Отвѣтъ. Нерѣдко бываетъ съ нами, что одна половина нхъ пошла во слѣдъ Господа, а другая половина осталась въ мірѣ, и сердце ихъ не огрышилось отъ здѣшняго, но раздѣлились они сами въ себя, и иногда смотрятъ впередъ, а иногда назадъ. И думаю, снмъ раздѣлвшимся въ себя самихъ и приближающимся къ пути Божию Премудрый даетъ совѣтъ, говоря: *не приступи къ нему съ сердцемъ раздвоеннымъ* (Сир. 1, 28.), но приступай, какъ сыицій и какъ жнуцій. И Господь, зная, что сн несовершененно отрекающіеся отъ міра, но раздѣленные въ себя самихъ, подъ предлогомъ страха и скорбей, умогъ, ишъ, вѣригъ сказать, помыслогъ, обращаются вснать, погому что не отвергли еще отъ себя плотской похоти, и желая свергнуть съ нихъ это расслабленіе ума, изрекъ имъ определенное слово: *кто хочетъ по Мнѣ идти, прежде, да отвержется себѣ* и т. д. (Матѣ. 16, 24.).

Вопросъ. Что значитъ отвергнуться себя самого?

Отвѣтъ. Какъ приготовившійся взойдти на крестъ одну мысль о смерти имѣетъ въ умѣ своемъ, и такимъ образомъ, восходитъ на крестъ, какъ человекъ немысляющій, что снова будетъ имѣть часть въ жизни настоящаго вѣка, такъ и желающій исполнить сказанное. Ибо крестъ есть воля, готовая на всякую скорбь. И Господь, когда хотѣлъ научигъ, почему это такъ, сказалъ: *Кто хочетъ жить въ мірѣ семъ, тотъ погубитъ себя для жизни истинной; а кто погубитъ себя здѣсь Мене ради, тотъ обрящетъ*

себя тамъ (Матѹ. 10, 25.), то-есть, обрѣтетъ себя шествующій путемъ крестнымъ и на немъ утвердившій стопы свои. Если же кто снова посчитается о жизни сей; то лишился онъ себя упованія, ради котораго вынестъ на скорби. Ибо попеченіе сіе не попускаетъ ему приблизиться къ скорби ради Бога, и тѣмъ самымъ, что предается онъ сему попеченію, увлекаетъ его постепенно и уводитъ изъ среды подвигоблаженной жизни, и возрастаетъ въ немъ помысль этотъ, пока не побѣдитъ его. *А иже въ умѣ своемъ погубитъ душу свою Мене ради*, изъ любви ко Мнѣ, тотъ неукоризненнымъ и неврединнымъ сохранится въ жизнь вѣчную. Сіе-то значитъ сказанное: *Иже погубитъ душу свою Мене ради, обряцетъ ю.* Здѣсь еще самъ уготовъ душу свою къ совершенному уничтоженію для этой жизни. И если погубишь себя для этой жизни; то Господь скажетъ въ томъ же смыслѣ: *дамъ тебѣ животъ вѣчный*, какъ обѣщавъ Я тебѣ (Іоан. 10, 28.). Если же и въ сей жизни пребудешь; то здѣсь еще самымъ дѣломъ покажу тебѣ обѣтованіе Мое и удостовѣреніе въ будущихъ благахъ. И тогда обрѣтешь вѣчную жизнь; когда будешь пренебрегать этою жизнью. И когда въ этомъ вооруженіи выступишь на подвигъ; тогда сдѣлается въ очахъ твоихъ достойнымъ пренебреженія все, почитаемое труднымъ и скорбнымъ. Ибо, когда умъ вооруженъ такимъ образомъ, тогда путь для него ни борьбы, ни скорби во время смертной опасности. Посему, должно въ точности знать, что, если человекъ не возненавидитъ жизни своей въ міръ, по причинѣ вожделѣнія жизни будущей и блаженной, то не можетъ вполне пере-

нестн всякаго рода скорбей и трудовъ, постигающихъ его каждый часъ.

Вопросъ. Какимъ образомъ человекъ оставляетъ прежнюю свою привычку и приучается въ жизни къ недостаткамъ и къ подвигамъ?

Отвѣтъ. Тѣло не соглашается жить безъ удовольствіи пуждъ его, пока окружено тѣмъ, что служить къ роскоши и разслабленію; и умъ не можетъ удержать его отъ этого, пока оно тѣло не будетъ устранено отъ всего производящаго разслабленіе. Ибо, когда открыто предъ нимъ зрѣлище роскоши и суеты, и каждый почти часъ видитъ служащее къ разслабленію, тогда пробуждается въ немъ пламенное пожеланіе сего, и какбы разжигая его раздражаетъ. Посему-то Искупитель Господь обязавшемуся идти во слѣдъ Его весьма хорошо заповѣдалъ, обнажитья и выйти изъ міра; потому что человекъ долженъ сперва отринути все, служащее къ разслабленію, и потомъ приступить къ дѣлу. И самъ Господь, когда началъ брань съ діаволомъ, велъ оную въ самой сухой пустынь. И Павелъ пріемлющимъ на себя крестъ Христовъ совѣтуетъ выйти изъ града. *Да исходимъ къ Пелу,* говоритъ, *изъ града, и примемъ попошеніе Его* (Евр. 13, 13.); потому что пострадалъ Онъ изъ града. Ибо, какъ-скоро отлучить себя человекъ отъ міра и отъ всего, что въ міръ, немедленно забываетъ прежнюю свою привычку и прежній образъ жизни, и долгое время не занимается отпчъ. А отъ приближенія его къ міру и къ вещамъ мірскимъ скоро разслабываетъ сила ума его. Посему должно знать, что особенно споспѣшествуетъ и ведетъ къ преснпянію въ сей

спасительной и подвижнической борьбѣ. Итакъ, пригодно и сноснѣе существуетъ въ сей борьбѣ, чтобы монашеская келлія была въ скудномъ и недостаточномъ состояніи, чтобы келлія у монаха была пуста и не содержала въ себѣ ничего, возбуждающаго въ немъ вождельніе повола. Ибо, когда удалены отъ человека причины разслабляющія, нѣтъ ему опасности въ двойной брані—внутренней и внешней. И такимъ образомъ человекъ, который вдали отъ себя имѣетъ служащее къ удовольствію, безъ труда одерживаетъ побѣду, въ сравненіи съ тѣмъ, у котораго вблизи возбуждающее его къ вождельнію. Ибо здѣсь сугубый подвигъ.

Когда у человека недостаетъ нужнаго къ устройству жилища его; тогда и потребности его дѣлаются удобно пренебрегаемыми, и даже въ необходимое время умѣреннаго удовлетворенія потребностямъ своимъ взирать онъ на сіе не съ вождельніемъ, и малымъ чѣмъ-нибудь не угождаетъ тѣлу, но смотритъ на это, какъ на нѣчто удобопренебрегаемое, и приближается къ пище не по сладости ея, но чтобы помочь естеству и подкрѣпить оное. Такія побужденія скоро доводятъ человека до того, что преступаетъ онъ къ подвигу съ нескорбнымъ и безначальнымъ помысломъ. Итакъ, разчительному иноку прилично скорою погую, не обращаясь вспять, бѣжать отъ всего воюющаго съ инокомъ, не входить въ общеніе съ тѣми, которые ведутъ съ нимъ брань, но воздерживаться даже отъ единаго воззрѣнія на нихъ, и, сколько возможно, удаляться отъ ихъ приближенія. И говорю это не только о чревѣ, но и о всемъ, что вводитъ въ искушеніе и брань, чѣмъ

искушается и испытывается свобода инока. Ибо человекъ, когда приходитъ къ Богу, дѣлаетъ съ Богомъ заветъ воздерживаться отъ всего этого, именно же не засматриваться на лице женское, не смотреть на красивыя лица, не питать ни къ чему вожделѣнія, не роскошествовать, не смотреть на нарядныя одежды, не смотреть на всякій порядокъ, заведенный у мірянъ, не слушать словъ ихъ и не любопытствовать о нихъ, потому что страсти пріобрѣтають большую силу отъ сближенія со всѣмъ подобнымъ сему, какъ расслабляющимъ подвижника и измѣняющимъ мысли его и намѣренія. И если воззрѣніе на что-либо хорошее возбуждаетъ произволеніе истиннаго ревнителя, и склоняетъ къ совершенію добра; то явно, что и противоположное сему имѣетъ силу поработать себя умъ. И если съ безмолвствующимъ умомъ не случается чего-либо большого, а только ввергаетъ онъ себя въ бранный подвигъ; то и это великая уже утрата — самому себя изъ мирнаго состоянія произвольно ввергнуть въ смутное.

И если одинъ изъ старцевъ подвижниковъ, искушившихся въ борьбѣ, увидѣвъ юношу, немнѣвнаго бороды и походившаго на жену, почелъ это вреднымъ для помысла и гибельнымъ для своего подвига; то можетъ ли кто вознерадѣть въ другомъ чемъ, когда этотъ святой не рѣшился войти и облобызать брата? Мудрый старецъ разсуждалъ: «если подумаю только въ эту ночь, что есть здѣсь нечто подобное, то и сіе будетъ для меня великимъ вредомъ». Посему-то не вошелъ онъ, и сказалъ имъ: «не боюсь я, чада; впрочемъ, для чего же и желать

мнѣ напрасно воздвигать на себя брань? Воспоминаніе о чемъ-либо подобномъ производитъ въ умѣ безполезное смущеніе. Въ каждомъ членѣ этого тѣла скрывается приманка, человѣку предстоитъ отъ сего великая брань, и должно ему охранять себя и облегчать для себя угрожающую въ этомъ брань, спасаясь отъ нея бѣгствомъ; а какъ-скоро приближается что-либо такое, человѣкъ, хотя и принуждается себя къ добру, однакоже бываетъ въ опасности, всегда видя это и возжелывая этого».

Въ землѣ видимъ многія сокровенныя врачевства, и льбомъ по причинѣ жара никто не знаетъ ихъ; когда же увлажнены будутъ и ощутятъ силу прохладеннаго воздуха, тогда оказывается, гдѣ было погребено въ землѣ каждое врачевство. Такъ и человѣкъ, когда онъ въ благодати безмолвія и въ теплотѣ воздержанія, тогда дѣйствительно бываетъ въ покоѣ отъ многихъ страстей; если же входитъ въ мірскія дѣла, то видитъ тогда, какъ возстаетъ каждая страсть, подымаетъ главу свою, особливо если ощутитъ воюю покоя. Сказавъ же я это для того, чтобы никто не предавался самонадѣянности, пока живетъ въ семъ тѣлѣ, и пока не умретъ; хотѣлось мнѣ также показать, что убѣгать и удаляться отъ всего, что ведетъ къ порочной жизни, много помогаетъ человѣку въ подвижническомъ бореніи. Всегда должно намъ бояться того, о чемъ одно воспоминаніе причиняетъ намъ стыдъ, и также не попираетъ совѣсти, и не пренебрегать ею. Наконецъ, попытаемся удалить тѣло на время въ пустыню, и заставить его пріобрѣсти терпѣніе. А что всего важнѣе, пусть каждый (хотя бы это и прискорбно было для него,

но за то нечего уже будетъ ему бояться) старается, гдѣ бы онъ ни былъ, удалиться отъ того, что бываетъ причиною брани, чтобы, когда прійдегъ потребность, не пасть ему отъ близости удовлетворяющаго потребности.

Вопросъ. Кто отринулъ отъ себя всякое развлеченіе и вступилъ въ подвигъ, какое у него начало брани со грѣхомъ и чѣмъ начинается онъ борьбу?

Отвѣтъ. Всѣмъ извѣстно, что всякой борьбѣ со грѣхомъ и вождельніемъ служатъ началомъ трудъ, бдѣніе и постъ, особливо же, если кто борется съ грѣхомъ внутри пасть пребывающимъ. Въ этомъ усматривается признакъ ненависти ко грѣху и вождельнію его въ ведущихъ сію невидимую брань; начинаютъ они постомъ, а послѣ него содѣйствуетъ подвигу ночное бдѣніе.

О постѣ и бдѣніи.

Кто въ теченіе цѣлой своей жизни любитъ бесѣду съ этою чстою, тотъ бываетъ другомъ цѣломудрія. Какъ началомъ всему худому служатъ упокоеніе чрева и расслабленіе себя сномъ, возжигающее блудную похоть, такъ святой путь Божій, и основаніе всѣхъ добродѣтелей—постъ, бдѣніе, бодрствованіе въ службѣ Божіей, въ расшнаніи тѣла цѣлый день и цѣлую ночь, въ противоположность сладости сна. Постъ — огражденіе всякой добродѣтели, начало борьбы, вѣнецъ воздержныхъ, красота дѣвства и святости, свѣтлость цѣломудрія, начало христіанскаго пути, мать молитвы, источникъ цѣломудрія и благоразумія, учитель безмолвія, предшественникъ всѣхъ

добрыхъ дѣлъ. Какъ здоровымъ глазамъ свойственно вожделѣніе свѣта, такъ посту, соблюдаемому съ разсудительностію, свойственно вожделѣніе молитвы.

Какъ-скоро начнетъ кто поститься, вожделѣваетъ уже съ этого времени умомъ своимъ прійти въ вожделѣніе собесѣдованія съ Богомъ. Ибо тѣло постящееся не терпитъ того, чтобы цѣлую ночь проспать на постели своей. Когда на уста чловѣку налагается печать постовъ; тогда помысль его поучается въ умишеніи, сердце его источаетъ молитву, на лицѣ у него грусть, и срамныя помыслы далекы отъ него, невидна веселости въ очахъ его, врагъ онъ похотливый и суетныхъ бесѣдъ. Никто никогда не видалъ, чтобы разсудительный постникъ сталъ рабомъ худаго вожделѣнія. Постъ съ разсудительностію — обширная обитель для всякаго добра. А кто нерадитъ о постѣ, тотъ приводитъ въ колебаніе все доброе; потому что постъ былъ зановѣдію, вначалѣ данною нашему естеству въ остереженіе при вкушеніи пищи, и нарушеніемъ поста пало начало нашего созданія. Но въ чемъ состояло первое ущипленіе, съ того начинаютъ подвижники преслѣдовать въ страхъ Божіе, какъ-скоро начнутъ хранить законъ Божій.

Съ сего началъ и Спаситель, когда явился міру на Іорданѣ. Ибо, по крещеніи, Духъ пзвелъ Его въ пустыню, и постился Онъ тамъ сорокъ дней и сорокъ ночей. Подобно и всѣ исходящіе во слѣдъ Спасителя на сень основаніи утверждаютъ начало своего подвига, потому что постъ есть оружіе, уготованное Богомъ. И кто, если нерадитъ о немъ, не будетъ укоренъ за сіе? Если постится самъ Зако-

поположники; то какъ не постыться кому-либо изъ соблюдающихъ законъ? Посему-то до поста родъ человеческій не зналъ победы, и діаволъ никогда не испытывалъ пораженья своего отъ нашего естества; но отъ сего оружія изнемогъ въ самомъ началѣ. И Господь нашъ былъ вождемъ и первенцемъ сего побѣды, чтобы на главу естества нашего возложить первый побѣдный вѣнецъ. И какъ-скоро діаволъ увидитъ сіе оружіе на комъ-нибудь изъ людей, тотчасъ приходитъ въ страхъ сей противникъ и мучитель, немедленно помышляетъ и воспоминаетъ о пораженьи своемъ въ пустынь Спасителемъ, и сила его сокрушается, и воззрѣніе на оружіе, данное намъ Началовождемъ нашимъ, попадаетъ его. Какое оружіе сильнѣе этого? и что придаетъ столько смѣлости сердцу въ борьбѣ съ духами злобы, какъ алчба ради Христа? Ибо въ какой мѣрь утруждается и злостраждетъ тѣло въ то время, какъ окружаетъ человека полкъ демонскій, въ такой мѣрь сердце исполняется улованіемъ. Облеченный въ оружіе поста во всякое время распаляется ревностію. Ибо и ревнитель Илія, когда возревновалъ о законѣ Божіемъ, пребывалъ въ семь дѣлъ—въ постѣ. Постъ стяжавшему его воспоминаетъ зановѣди Духа. Онъ есть посредникъ ветхаго закона и благодати, данной намъ Христомъ. Кто нерадивъ о постѣ, тотъ и въ другихъ подвигахъ разслабленъ, нерадивъ, немощенъ, показываетъ тѣмъ начало и худой признакъ разслабленія души своей, и воюющему съ нимъ дастъ случай къ побѣдѣ; потому что нагнѣтъ и безоружный исходитъ на подвигъ, а посему явно, что выйдетъ изъ борьбы безъ побѣды, потому что члены

его не облекались въ теплоу алчбы въ постъ. Таковъ постъ. Кто пребываетъ въ немъ, у того умъ непоколебимъ и готовъ срыгнуть и отразить все лютыя страсти.

О многихъ мученикахъ сказываютъ, что на тотъ день, въ который ожидали они пріять вѣнецъ мученичества, если предугадывали о семъ или по откровенію или по извѣщенію отъ кого-либо изъ друзей своихъ, ничего не вкушали всю ночь, но съ вечера до утра стояли бодрственно на молитвѣ, славя Бога въ псалмахъ, пѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ, съ веселіемъ и радованіемъ ожидали того часа, какъ иные уготовившіеся на бракъ, чтобы въ постъ срыгнуть мечъ. Посему и мы, призванные къ невидному мученичеству, чтобы пріять вѣнцы святыхъ, будемъ трезвиться, и врагамъ нашимъ да не будетъ дано знака отреченія инодыми членомъ, инодною частию нашего тѣла.

Вопросъ. Почему перѣдко иные, и даже многіе, пѣя, можетъ быть, и дѣла снѣ, не чувствуютъ тишины, и успокоенія страстей, и мира помысловъ?

Отвѣтъ. Страсти, соврѣшныя въ душѣ, не исправляются, братъ, тѣлесными только трудами; они не удерживаютъ и помысловъ о томъ, что пробуждается всегда чувствами. Труды снѣ охраняютъ человека отъ пожеланій, чтобы не быть ими пренобждаемъ, и отъ дечонскаго обольщенія, но не доставляютъ душѣ мира и тишины. Ибо дѣла и труды тогда доставляютъ душѣ безстрастіе, умерщвляютъ уды, лже на земли, и даруютъ увоскосіе помысловъ, когда пріобидимся безмолвію, когда во ветхихъ чувствахъ прекратится смятеніе, и нѣсколько времени пребудутъ они въ дѣланіи премудрости. А

пока человекъ не лишится возможности быть въ сообществѣ съ людьми, и членовъ своихъ и себя самого отъ расслабленія помысловъ не соберетъ самъ въ себя; до тѣхъ поръ не возможно узнать страсти своей. Безмолвіе, какъ сказалъ свѣтлый Василій, есть начало очищенія души. Ибо когда во внешнихъ членахъ прекратятся вѣнныи мятель и развлеченіе по вѣнности, тогда умъ отъ вѣнннхъ развлеченій и шаренія возвращается въ себя, и унокосвается въ себя, а сердце пробуждается къ изслѣдованію внутреннихъ душевныхъ мыслей. И если человекъ хорошо устоитъ въ этомъ; то приходитъ онъ понемногу въ состояніе шествовать къ душевной чистотѣ.

Вопросъ. Не можетъ ли душа очиститься и во время пребыванія въ дери?

Отвѣтъ. Если дерево ежедневно поливается, то засыхаетъ ли когда корень его? Убываетъ ли когда въ сосудѣ, въ который ежедневно прибавляютъ? И если чистота не иное что есть, какъ незнаніе вольнаго обращенія съ людьми, и оставленіе этой привычки; то какъ же пожелаешь, чтобы очистилась когда душа его, тому, кто дѣлательно самъ собою, или другими, посредствомъ чувствъ, обновляетъ въ себя памятованіе старой привычки, то-есть познанія порока? Возможно ли, чтобы очистилась когда душа его отъ этого, или освободился онъ когда отъ вѣнннхъ противодѣйствій, и могъ увидѣть себя? Если сердце ежедневно оскверняется, то очистится ли человекъ отъ скверны? Не въ страхъ онъ противостоять дѣйствию вѣннней силы, не тѣмъ ли нче не можетъ очиститъ сердца, когда стоитъ среди вѣннскаго стада, и ежедневно ждетъ слышать частый

вѣсти о бранѣ? И какъ осмѣлится онъ провозгласить миръ душъ своей? Если же удалится отъ сего; то можетъ понемногу прекращать сперва внутреннія волненія. Пока рѣка не преграждена вверху, не изсыхають воды ея внизу. Когда же придетъ человекъ въ безмолвіе; тогда душа можетъ различать страсти и разумно извѣдывать свою мудрость. Тогда и внутренній человекъ пробуждается на духовное дѣло, и день ото дня болѣе ощущаетъ сокровенную мудрость, цвѣтущую въ душѣ его.

Вопросъ. Какія точныя указанія и близкіе признаки, по которымъ человекъ ощущаетъ, что началъ онъ видѣть въ себѣ плодъ, сокрытый въ душѣ?

Отвѣтъ. Когда сподобится кто благодати многихъ слезъ, проливаемыхъ безъ принужденія; потому что слезы положены уму какбы пѣкинь предѣломъ между тѣлеснымъ и духовнымъ, между состояніемъ страстнымъ и чистотою. Пока не приметъ человекъ сего дарованія, совершается дѣло его еще во внешнемъ только человекѣ, и еще вовсе не ощущать онъ дѣйственности того, что сокрыто въ духовномъ человекѣ. Ибо, когда человекъ начнетъ оставлять тѣлесное настоящее вѣка, и оказывается преступившимъ сей предѣлъ того, что въ естествѣ дѣйствительно есть внутреннее, тогда скоро достигаетъ сей благодати слезъ. И слезы сіи начинаютъ въ первой общелѣ сокровеннаго житія, и возводятъ человека къ совершенству любви Божіей. И чѣмъ далѣе поступаетъ онъ, тѣмъ болѣе обогащается сего благодатию, пока отъ продолжительнаго пльнѣнія слезъ не начнетъ шти ихъ и въ лицѣ своей и въ штиіи своемъ.

И это точный признакъ, что умъ несетъ изъ міра сего, и ощущать оный духовный міръ. Но въ какой мѣрь человекъ умомъ своимъ приближается къ сему міру, въ такой же мѣрь умаляется слезы снѣ. И когда умъ совершенно бываетъ въ сему міру, тогда совершенно лишается онъ снѣ слезъ. И это есть признакъ, что человекъ погрѣбенъ въ страстяхъ.

О различіи слезъ.

Бываютъ слезы сожигающія, и бываютъ слезы утѣшающія. Посему, все тѣ слезы, которыя исходятъ изъ сущности сердца отъ сокрушенія о грѣхахъ, изсушаютъ и сожигаютъ тѣло; а перѣдо и самое владычественное въ душу, во время изліянія слезъ, ощущаетъ отъ нихъ вредъ. И сперва человекъ по необходимости вступаетъ на эту степень слезъ; но при отверзается ему дверь войти на вторую ступень, лучшую первой; и это есть страна радости, въ которой человекъ пріемлетъ жизнь. Это уже слезы, проливаемые по благоразумію: онѣ и украшаютъ, и утѣшаютъ, тѣло, и исходятъ непринужденно сами собою; и не только, какъ сказано, утѣшаютъ тѣло человеческое, но и видъ человека измѣняется. Ибо сказано: *сердцу веселящемуся, лице цвететъ: въ печали же сущу, съхнуетъ* (Притч. 15, 13.).

Вопросъ. Что значитъ воскресеніе души, о которомъ говорятъ Апостолы: *аще воскреснете со Христомъ* (Колос. 3, 1.)?

Отвѣтъ. Апостолъ, сказавъ: *Богъ, рекій изъ тмы свѣту возсіати, той возсія въ сердцахъ нашихъ* (2

Кор. 4, 6.), показать, что воскресеніемъ души должно называть исшествіе изъ ветхости, именно, чтобы произойшелъ новыйъ человѣкъ, въ которомъ нѣтъ ничего отъ ветхаго человѣка, по сказанному: *и дази мнѣ сердце ново, и духъ новъ* (Іез. 36, 26.). Ибо тогда воображается въ насъ Христосъ Духомъ премудрости и откровенія познанія Его.

Вопросъ. Въ чемъ состоитъ (говоря кратко) снл двятельности безмолвія?

Отвѣтъ. Безмолвіе умерщвляетъ внишнія чувства, и возбуждаетъ внутреннія движенія. А занятіе внишнимъ производитъ противное тому; возбуждаетъ внишнія чувства, и умерщвляетъ внутреннія движенія.

Вопросъ. Чѣмъ бываетъ причиною видѣній и откровеній; ибо нѣкоторые имѣютъ видѣнія, а нѣкоторые трудятся больше ихъ, однакоже видѣніе не дѣйствуетъ въ нихъ столько?

Отвѣтъ. Причинъ сему много. Одни изъ нихъ домогательственныя, имѣютъ цѣлю общую пользу, другія же — утѣшеніе, ободреніе и наученіе немощныхъ. И во-первыхъ, все сіе устрояется по милости Божіей къ людямъ; болынею же частію устрояется сіе ради тroyакого рода людей, — или ради людей простыхъ и крайне незлобныхъ, или ради некоторыхъ совершенныхъ и святыхъ, или ради тѣхъ, которые имѣютъ пламенную ревность Божію, отреклись и совершенно отрывшись отъ міра, удалились отъ сожителства съ людьми, оставивъ все, не ожидая никакой помощи отъ видимаго, возложи во сльдь Богу. На нихъ-то нависаетъ боязнь по исключительности ихъ состоянія, или окружаетъ ихъ опа-

сность смертная отъ голода, отъ болѣзни, или отъ
какого-нибудь обстоятельства, и отъ скорби, такъ-
что приближаются они къ отчаянію. Посему, если
таковыми бываютъ утѣшенія, а тѣмъ, которые пре-
восходятъ ихъ трудами, не бывають; то первая сему
причина — непорочность и порочность, и именно со-
вѣсти. Вторая же причина непременно есть сты-
дующая: какъ-скоро имѣеть кто человеческое утѣ-
шеніе, или утѣшеніе чѣмъ-либо видимымъ; то не-
бывають ему подобныхъ утѣшеній, развѣ по нѣкоему
домостроительству, ради общей пользы. У насъ же
слово объ отшельникахъ; и свидѣтель сказанному
одинъ изъ Отцевъ, который молился объ утѣшеніи,
и услышалъ: «достаточно для тебя утѣшенія чело-
вѣческаго и бесѣды съ людьми».

И другой нѣкто, подобно сему, когда былъ въ
отшельничествѣ, и велъ жизнь отшельническую, еже-
часно наслаждался благодатнымъ утѣшеніемъ; а ко-
гда сблизился съ міромъ, печаль по обычаю утѣше-
нія и не находилъ, и сталъ просить Бога, открыть
ему причину, говоря: «не ради ли епископства, Гос-
поди, отступила отъ меня благодать?» И ему сказано:
«нѣтъ; не по этому, но по тому, что Богъ промы-
сливаетъ о живущихъ въ пустынь, и ихъ удостои-
ваетъ такихъ утѣшеній». Ибо невозможно, чтобы кто-
либо изъ людей имѣлъ видимое утѣшеніе, а вѣдѣть
пріять и благодатное, развѣ по какому-нибудь, упо-
мянутому выше, совершенному домостроительству,
которое извѣстно въ подобныхъ случаяхъ одному
Домостроительствующему.

Вопросъ. Омо ли и то-я е видѣніе и откровеніе
намъ имать!

Отвѣтъ. Нѣтъ. Напротивъ того, въ нихъ есть разность. Откровеніемъ часто называется то и другое. Послѣку въ видѣніи обнаруживается сокровенное, то всякое видѣніе называется откровеніемъ. Откровеніе же видѣніемъ не называется. Слово — *откровеніе* болышею частію употребляется о познаваніи, о томъ, что умомъ испытуется и уопредѣляется. Видѣніе же бываетъ всякими способами, напр. въ изображеніяхъ и прообразованіяхъ, какъ бывало древле ветхозавѣтнымъ, въ глубокомъ снѣ, или въ бодрственномъ состояніи, и иногда со всюю точностію, а иногда какбы въ приракъ и нѣсколько неясвенно; почему и самъ, имѣющій видѣніе, часто не знаетъ, въ бодрственномъ ли состояніи видѣтъ онъ, или въ сонномъ. Можно и гласъ слышать о всомощствованіи, и иногда видѣть какое-либо прообразованіе, иногда же ясное лицемъ къ лицу и видѣть, и бесѣдовать, и вопрошать, и на вопросы получать отвѣты. Видимы бываютъ достойными, и даютъ нѣтъ откровеніе, святыя силы. И таковыя видѣнія бываютъ въ мѣстахъ наиболѣе пустынныхъ и удаленныхъ отъ людей, гдѣ человекъ необходимо имѣетъ въ нихъ нужду; потому что нѣтъ у него иной помощи и утѣшенія отъ сааго мѣста. Откровенія же, ощущаемыя умомъ, при чистотѣ удобопріемлемы и бываютъ только совершеннымъ и вѣдущимъ.

Вопросъ. Если достигъ кто сердечной чистоты, что служить ея признакомъ? И члвастъ ли когда человекъ, что сердце его достигну чистоты?

Отвѣтъ. Когда всѣхъ людей видѣтъ кто хорошимъ, и никто не представляется ему несчастнымъ и оскверненнымъ; тогда полною чистъ онъ сердцемъ.

Ибо, какъ исполнить слову Апостольскому, по которому должны мы всѣхъ равно отъ искренняго сердца *честію большихъ себе творить* (Фил. 3, 3.), если не будетъ сказаннаго, что доброе око не узритъ зла (Авв. 1, 13.)?

Вопросъ. Что такое чистота? и гдѣ предѣль ея?

Отвѣтъ. Чистота есть забвеніе противоестественныхъ способовъ веденія, изобрѣтенныхъ естествомъ въ мірѣ. А чтобы освободиться отъ нихъ и стать внѣ ихъ, вотъ сему предѣль: прійти человеку въ первоначальную простоту и первоначальное незлобіе естества своего, и сдѣлаться какбы младенцемъ, только безъ младенческихъ недостатковъ.

Вопросъ. Можетъ ли кто взойти на эту степенъ?

Отвѣтъ. Да. Ибо вотъ, шны приходилъ въ мѣру сію, какъ и Авва Сисей пришелъ въ сію мѣру такъ, что спрашивалъ ученика: «ѣтъ я, или не ѣтъ»? И другой пѣгъ изъ Отцевъ пришелъ въ таковую простоту и почти въ младенческую невинность, почему, совершенно забывая все здѣшнее, такъ-что сталъ бы и быть до Пріобщенія, если бы не пренятствовали ему въ этомъ ученики; и какъ младенца приводили его ученики къ Пріобщенію. Но для міра быть онъ младенецъ, для Бога же совершенъ душею.

Вопросъ. Чемъ заниматься, и о чемъ размышлять, должно подвижнику, пребывающему на безмолвіи, въ безмолвной своей келліи? и что надлежитъ ему непрестанно дѣлать, чтобы умъ его не имѣлъ досуга для суетныхъ помысловъ?

Отвѣтъ. Спрашивается о занятіи и размышленіи, какъ человеку стать жертвымъ въ келліи своей?

Развѣ чловѣкъ рачительный и трезвенный душою имѣеть нужду спрашивать, какъ ему вести себя, когда бываесть онъ одинъ самъ съ собою? Какое шое занятіе у монаха въ келліи его, кромѣ плача? Развѣ бываесть у него время отъ плача обратиться къ другому помыслу? И какое занятіе лучше этого? Самое пребываніе монаха и одиночество его, уподобляясь пребыванію во гробѣ, далекому отъ радости чловѣческой, учать его, что дѣятельность его—плачь. И самое значеніе имени его къ тому же призываетъ и убѣждаетъ, потому что называется онъ сътующимъ, то-есть, неполненнымъ горести въ сердцѣ. И всѣ святые въ плачѣ переселились изъ сей жизни. Если же святые плакали, и, пока не переселились изъ жизни сей, очн ихъ всегда были наполнены слезами; то кто же не будетъ плакать? Утѣшеніе монаху порождается плачемъ его. И если совершенные и побѣдоносные здѣсь плакали, то какъ стерпнть исполненный язвъ, чтобы перестать ему плакать? Кто имѣеть лежащаго предъ собою мертвеца, и виднть, что самъ онъ умерщвленъ грѣхами, того нужно ли учить, съ какою мыслію пользоваться ему слезами? Душа твоя, которая для тебя дороже цѣлаго міра, умерщвлена грѣхами, и лежитъ предъ тобою; ужели же не требуетъ она плача? Поэтому, если пойдемъ на безмолвіе, и съ терпнніемъ будемъ пребывать въ немъ, то конечно въ состояніи будемъ пребывать въ плачѣ. Посему, будемъ часто въ умѣ своемъ молить Господа, чтобы даровать намъ плачь. Ибо, если приобрьемъ сію благодать, лучшую и превосходящую прочихъ дарованій, то, при помощи ея, достигнемъ чистоты. А какъ-скоро дости-

гнѣвъ ся, не отпачетъ уже у насъ чистота до самаго исхода нашего изъ жизни сей.

Посему, блаженны чистые сердцемъ, потому что нѣтъ времени, когда бы не усаждались они сею сладостію слезъ, и въ ней всегда зрять они Господа. Пока еще слезы у нихъ на глазахъ, они сподобляются зрѣнія откровеній Его на высотѣ молитвы своей; и нѣтъ у нихъ молитвы безъ слезъ. Сіе-то и значить сказанное Господомъ, *блаженн плачущи, яко тѣи утѣшатся* (Мато. 5, 11.). Ибо отъ плача приходитъ человѣкъ къ душевной чистотѣ. Посему Господь, сказавъ: *яко тѣи утѣшатся*, не объяснить: какимъ утѣшеніемъ. Ибо, когда монахъ сподобился съ помощію слезъ преѣхати область страстей, и вступитъ на равнину душевной чистоты, тогда срѣтаетъ его таковое утѣшеніе. Посему, если кто изъ некавшихъ утѣшенія здѣсь прострется на сію равнину, и на ней встрѣтитъ утѣшеніе, необрѣтаемое здѣсь, то уразумѣваетъ тогда, какого ожидаетъ себя, наконецъ, утѣшенія за плачь, и какое утѣшеніе плачущимъ даетъ Богъ за чистоту ихъ; потому что непрестанно плачущій не можетъ быть тревожить страстями. Пролить слезы и плакать, это—дарованіе безстрастныхъ. И если слезы плачущаго и съгнущаго временно могутъ не только нувести его къ безстрастію, но и совершенно очистить и освободить умъ его отъ памятованія страстей; что скажемъ о тѣхъ, которые съ вѣдѣніемъ день и ночь упражняются въ семъ дѣланіи? Посему, никто не знаетъ помощи бывающей отъ плача, вроя въ тѣхъ однихъ, которые вредятъ душѣ своей дѣлу сему. Все святыя стремятся въ сему входу; потому что слезами отвер-

застаетъ предъ нами дверь, для вшествія въ страну угнѣнія; и въ этой странѣ въ откровеніяхъ изображаются прѣблагіе и спасительныя слѣды Божіи.

Вопросъ. Послѣку шые, по немощи тѣла, не въ состояніи непрестанно плакать, что должно имѣть имъ къ охраненію ума, чтобы противъ него, когда онъ шить не занять, не возставали страсти?

Отвѣтъ. Страсти не могутъ возстать на душу и смутить подвижника, если въ отшельничествѣ его; удаленномъ отъ всякаго разсѣянія, сердце его не занимается житейскимъ, развѣ только будетъ онъ лѣпше и перадивъ къ своему долгу. А преимущественно, если будетъ онъ упражняться въ изученіи божественныхъ Писаній, то, занимаясь изысканіемъ ихъ смысла, пребываетъ шмало не тревожимъ страстями. Ибо, при возрастающемъ и укореняющемся въ немъ разумнн божественныхъ Писаній, бегутъ отъ него суетныя помыслы, и умъ его не можетъ отетать отъ желанія читать Писанія, или размышлять о читанномъ, и не обращаетъ отъ шмалаго вниманія на жизнь настоящую, но причиняетъ весьма великаго наслажденія своимъ занятіемъ, восхищаемый Писаніями въ глубокомъ пустынномъ безмолвіи. Посему, забываетъ себя и естество свое, и дѣлается какбы человекомъ, который пришелъ въ изступленіе, вовсе не памятуя о семъ вѣкѣ, преимущественно занять мыслію о величн Божіемъ, и погужаясь въ это умомъ, говорить: «слава Божеству Его!» и еще: «слава чудесамъ Его! Дивны и необычны въ дѣла Его! На какую высоту возвелъ Онъ мое убожество! Чему сподобилъ меня поучаться, на какіе отваживаться помыслы, чѣмъ улаждать душу мою!»

Обращаясь мыслію къ чудесамъ сна, и всегда ни неизумлемый, пребываетъ онъ въ непрестанномъ упоеніи, и какбы уже вкушаетъ жизнь по воскресеніи, потому что безмолвіе весьма много содѣйствуетъ сей благодати. Ибо умъ его находитъ возможность пребывать въ себѣ самомъ съ миромъ, какой пріобрѣтенъ имъ въ безмолвіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждается смѣль къ намътованію того, что сообразно съ порядкомъ жизни его. Ибо, мысленно представляя славу будущаго вѣка, и блага, по упованію уготованныя праведнымъ, пребывающимъ въ оной духовной жизни и въ Богѣ, и новое оное возстановленіе, не содержитъ, ни въ мысли, ни въ памяти того, что есть въ міръ сей. И когда будетъ сонъ упоенъ, снова переносится оттуда созерцаніемъ къ вѣку сему, въ которомъ еще живетъ, и въ изумленіи говоритъ: *о глубина богатства, премудрости, вѣдѣнія, смысленности, разумности и домостроительства неизслѣдимаго Бога, яко не испытани судомъ Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Рим. 11, 33.)! Ибо, когда Онъ уготовалъ иной столько чудный вѣкъ, чтобы ввести въ него все разумныя существа и сохранить ихъ въ нескончаемой жизни, какая была причина сотворить Ему этотъ первый міръ, расширить его и столько обогатить его столпленіемъ и множествомъ видовъ и естествъ, и дать въ немъ мѣсто прищипанъ многихъ страстей, и тому, что ихъ игнатируетъ, и что имъ противоборствуетъ? И почему сначала поставилъ насъ въ этотъ міръ, водрузилъ въ насъ любовь къ долготѣйшей въ немъ жизни, и внезапно пехинаетъ насъ изъ него смертію, немалое время хранитъ насъ въ безчувственности и неподвижности,

уничтожасть образъ нашъ, разливасть раствореніе наше, смѣшивасть его съ землею, попускаеть, чтобы составъ нашъ разрушился, истлѣть и исчезъ, и вовсе не оставалось ничего отъ естества человѣческаго; а потомъ во время, какое опредѣлилъ достопокланяемою премудростію Своею, когда восхождеть, воздвигнеть насъ въ новый образъ, какой Ему только извѣстенъ, и введеть насъ въ другое состояніе, чего не мы только чловѣки надѣемся, но и самые святыя Ангелы, пеняющіе пужды въ этомъ мірѣ, по необычайности естества своего малымъ чѣмъ недостигніе совершенства, ожидаютъ нашего востанія изъ тлѣнія, когда встанеть родъ нашъ изъ персти и обновится тлѣніе его! Ибо ради насъ и нѣтъ возбраненъ входъ, и они ждутъ единократаго отверзетія двери новаго вѣка. И сія тварь (Ангелы) съ нами успокоится отъ тяжести тѣла, обременяющей насъ, какъ говоритъ Апостолъ: *яко и сама тварь откровенія сыновъ Божіихъ чаеъ, да свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 19. 21.), по совершенномъ разореніи вѣка сего въ цѣломъ его устройствѣ, и по возстановленіи естества нашего въ первоначальное состояніе».

И отсюда уже возносятся умомъ своимъ къ тому, что предшествовало сложенію міра, когда не было никакой твари, ни неба, ни земли, ни Ангеловъ, ничего изъ приведеннаго въ бытіе, и къ тому, какъ Богъ, по единому благоволенію Своему, внезапно привелъ все изъ небытія въ бытіе, и всякая вещь предстала предъ Нимъ въ совершенствѣ. И снова спускаетъ умомъ своимъ ко всѣмъ созданіямъ Божіимъ, обрѣцаетъ вниманіе на чудесность тварей у

Бога и на премудрость произведеній Его, въ изумленіи разсуждая самъ съ собою: «Какое чудо! Сколько домостроительство и Промыселъ Его превышаютъ всякое понятіе, сколько чудная сила Его крыше всѣхъ произведеній Его! Какъ изъ небытія привелъ Онъ въ бытіе тварь сію, это неисчислимое множество различныхъ вещей? И какъ опять разорить ее, уничтожить это чудное благоустройство, эту льноту естествъ, это стройное теченіе тварей, часы и годы, это сочетаніе ночи и дня, воздушныя перемѣны, содѣйствующія году, эти разнообразныя, прозябающія изъ земли цвѣты, эти прекрасныя зданія городовъ и въ нихъ преукрашенные чертоги, это быстрое движеніе людей, это существованіе ихъ, обремененное трудами отъ вѣстствія своего въ міръ до самаго немествія? И какъ внезапно прекратится чудный этотъ порядокъ, и наступитъ другой вѣкъ, и воспоминаніе о первой этой твари вовсе не взоидетъ никому на сердце, и будутъ нѣкое видоизмѣненіе, нныя помященія, нныя понеченія! И естество человеческое также не воспомянетъ вовсе о семъ мірѣ и о первомъ образѣ жизни своей; потому что умъ человеческій прилѣпится къ созерцанію онаго состоянія, и умъ людей не будетъ досуга возвратиться снова къ брани съ млоію и кровію. Пбо съ разореніемъ сего вѣка немедленно прійметъ начало вѣкъ будущій. И всякій человекъ скажетъ тогда слѣдующее: О матерь, забытая своими чадами, которыхъ родила, воспитала и умудрила, и которыя во мгновеніе ока собраны на чужое лоно, и содѣлались неспынными чадами неплодной, никогда не рождавшей! *Возвеселися неплоды неразждающая* (Ис. 54, 1.) о чадехъ, которыхъ родила тебѣ земля».

И тогда, какбы въ изступленіи размышляетъ, и говоритъ: «сколько еще времени будетъ стоять въкъ этотъ; и когда воспріиметь начало въкъ будущій? Сколько еще времени хранимъ этотъ снатъ въ этомъ видѣ, и тѣмъ быть смышленнымъ съ перестѣно? Какова будетъ оная жизнь? Въ какомъ образѣ встанетъ и составится сестство это? Какъ перейдетъ оно въ новую тварь?» И когда размышляетъ онъ о семъ и подобномъ сему, приходитъ онъ въ восторгъ, изумленіе и безмолвное молчаніе, и востаетъ онъ въ этотъ часъ, и преклоняетъ колѣна и, съ обильными слезами, возсылаетъ благодаренія и славословія единому премудрому Богу, всегда славимому во всекремудрыхъ дѣлахъ Его. Блаженъ, кто сподобился чего-либо такового! Блаженъ, у кого такое занятіе и день и ночь! Блаженъ, кто о семъ и подобномъ тому размышляетъ весь дніи жизни своей! И если человекъ, въ началѣ своего безмолвія, не оцущаетъ силы таковыхъ созерцаній, по причинѣ ларенія ума своего, и не можетъ еще возноситься къ силамъ сказанныхъ выше чудесъ Божіихъ; то да не приходить въ уныніе, и да не оставляетъ тишины безмолвной жизни своей. Ибо и земледѣлецъ, когда сѣетъ, не точаетъ съ посѣвомъ сѣмени видѣть и колосья; но за сѣвиюмъ сѣдующъ у него уныніе, трудъ, изнеможеніе собственныхъ членовъ, удаленіе товарищей, разлука съ домашними. А когда претерпитъ это, приходитъ иное время, въ которое улаживается тѣлатель и скачетъ, и радуется, и веселится.

Какое же это время? Когда вкушетъ онъ хлѣба, добытаго потомъ своимъ, и въ безмолвіи соблюденно будетъ размысленіе его. Ибо великое и нескончае-

мое удовольствіе возбуждаютъ въ сердце, и въ неизреченное удивленіе приводятъ умъ безмолвіе и это, сказанное выше, терпѣливое въ безмолвіи размышленіе. И блаженъ, кто терпѣливо пребываетъ въ ономъ; потому что отверзся предъ нимъ сей боготочный источникъ, и пилъ онъ пѣе него, и наслаждался, и не перестанетъ пить пѣе него всегда, во всякое время, во всякій часъ дня и ночи, до скончанія и послѣдняго предѣла цѣлой своей временной этой жизни.

Вопросъ. Что главное во всехъ трудахъ дѣла сего, т. е., безмолвія, чтобы человеку, который дошелъ и до сего, можно было знать, что достигъ уже онъ совершенства въ житіи?

Отвѣтъ. То, когда сподобится человекъ непрестаннаго пребыванія въ молитвѣ. Ибо, какъ-скоро достигъ онъ сего, возшелъ на высоту всехъ добродѣтелей, и содѣлался уже обителемъ Святаго Духа. А если кто не пріялъ несомнѣнно сего благодати Утѣшителя; то не можетъ свободно совершать пребыванія въ сей молитвѣ; потому что, какъ сказано, когда вселится въ ковь пѣе людей Духъ, тогда не прекратитъ онъ молитвы, но самъ Духъ молится всегда (Рим. 8, 26.). Тогда и въ сонномъ и въ бодрственномъ состояніи человека молитва не пресѣкается въ душѣ его, но ѣсть ли, пить ли, спать ли, дѣлаетъ ли что, даже и въ глубокомъ снѣ, безъ труда издаются сердцемъ его благоуханія и исцаренія молитвы. Тогда молитва не отлучается отъ него, во всякій часъ, хотя и безмолвствуетъ во внешности его, однакоже въ то же время совершаетъ въ немъ службу Божию втайнѣ. Ибо мол-

чаніе чистыхъ одинъ изъ христовыхъ мужей называетъ молитвою; потому что помыслы ихъ суть божественныя движенія, а движенія чистаго сердца и ума суть кроткіе гласы, которыми сокровенно воспѣваютъ Сокровеннаго.

Вопросъ. Что такое духовная молитва? и какъ подвижнику сподобиться ея?

Отвѣтъ. Душевные движенія, за строгую непорочность и чистоту, дѣлаются причастными дѣйственности Святаго Духа. И ея сподобляется одинъ изъ многихъ тысячъ людей; потому что это тайна будущаго состоянія и житія. Естество возносится, и пребываетъ недѣйственнымъ, безъ всякаго движенія и памятованія о здѣшнемъ. Не молитвою молится душа, но чувствомъ ощущаетъ духовныя вещи онаго вѣка, превышающія понятіе человеческое, уразумѣніе которыхъ возможно только силою Святаго Духа. А это есть умное созерцаніе, но не движеніе и не взысканіе (с) молитвы, хотя отъ молитвы заимствовало себя начало. Ибо чрезъ это нѣкоторые изъ подобныхъ снѣ людей достигали уже совершенства чистоты. И пять часа, въ который бы внутреннее ихъ движеніе было не въ молитвѣ, какъ сказали мы выше. И когда приходитъ Духъ Святой, всегда обрѣтаетъ таковыхъ въ молитвѣ; и отъ этой молитвы возноситъ ихъ къ созерцанію, которое называется духовнымъ видѣніемъ. Ибо не пѣютъ они пужды въ образъ продолжительной молитвы, ни въ стояніи и въ чинѣ продолжительной

(с) Въ греческомъ рѣчь безъ отрицанія; но здѣсь предпочтены переводы: древній славянскій и сербскій.

службы. Для нихъ достаточно вспомнить о Богѣ, и тотчасъ является любовью Его. Впрочемъ, не нерадятъ совершенно и о стояніи на молитвѣ, когда дѣлають честь молитвѣ, и, кромѣ непрестанной молитвы, въ назначенные часы стоятъ на ногахъ.

Ибо видимъ святаго Антонія стоящимъ на молитвѣ девятаго часа и ощутившимъ возношеніе ума своего. И другой изъ Отцевъ, съ воздѣтыми руками стоя на молитвѣ, приходилъ въ восхищеніе на четыре дня. И другіе многіе, во время таковой молитвы, πληняемы были сильнымъ памятованіемъ о Богѣ и великою любовью къ Нему, и приходили въ восхищеніе. Сподобляется же ея человекъ, когда храненіемъ заповѣдей Господнихъ, противящихся грѣху, и внутренно и наружно совлечется грѣха. Кто возлюбитъ сіи заповѣди, и воспользуется ими по чину; для того необходимымъ сдѣлается освободиться отъ многихъ человѣческихъ дѣлъ, т. е. совлечется тѣла и быть внѣ его, такъ сказать, не по естеству, но по потребности. Кто ведетъ жизнь по образу Законоположника, и руководствуется заповѣдями Его; въ томъ невозможно оставаться грѣху. Посему, Господь обѣговалъ въ Евангеліи сохранившему заповѣди сотворить у него обитель.

Вопросъ. Въ чемъ совершенство многихъ плодовъ Духа ?

Отвѣтъ. Въ томъ, когда сподобится кто совершенной любви Божіей.

Вопросъ. И почему узнатьъ человекъ, что достигъ ея ?

Отвѣтъ. Когда памятованіе о Богѣ возбуждилось въ умъ его; тогда сердце его немедленно возбуж-

дается любовію къ Богу, и очи его обильно изводятъ слезы. Ибо любви обычно воспоминаемъ о любимыхъ возбуждать слезы. А пребывающій въ любви Божіей никогда не лишается слезъ; потому что никогда не имѣетъ недостатка въ томъ, что ищетъ въ немъ памятованіе о Богѣ; почему и во снѣ своемъ бесѣдуетъ съ Богомъ. Ибо любви обычно производить что-либо подобное, и она есть совершенство людей въ сей ихъ жизни.

Вопросъ. Если послѣ многого труда, изнуренія, боренія, какіе приобрѣлъ человекъ, помыслъ гордыни не стыдится прирастить къ нему, потому что заимствуетъ себѣ щипцу въ льнотѣ добродѣтелей его, и рассчитываетъ на великость повеселеннаго имъ труда; то чѣмъ одолѣть человеку помыслъ свой, и приобрѣсти въ душѣ своей такую твердость, чтобы не покорилась она помыслу?

Отвѣтъ. Когда познаетъ кто, что отпадетъ онъ отъ Бога, какъ сухой листъ падаетъ съ дерева; тогда уразумѣваетъ силу души своей: то-есть, своею ли силою приобрѣлъ онъ добродѣтели снѣ, и перенесъ ради нихъ всѣ боренія, между-тѣмъ какъ Господь удерживалъ помощь Свою, и попускалъ ему одному вступать въ борьбу съ діаволомъ, и не ходилъ съ нимъ вѣсть, какъ обыкновенно участвуетъ Онъ въ борьбѣ съ подвижающимися, и содѣйствуетъ имъ; тогда обнаруживается сила его; лучше же сказать, яснымъ дѣлается пораженіе и затрудненіе его. Ибо со святыми всегда бываетъ Промыслъ Божій, охраняющій и укрѣпляющій ихъ. Имъ побуждаетъ всякій чинъ людей, если бываетъ въ подвижѣ и въ страданіяхъ мученическихъ и въ

прочихъ бѣдствіяхъ, постигающихъ за Бога и ради Его претерпѣваемыхъ. И это ясно, очевидно и несомнѣнно. Ибо какъ естество можетъ побѣдить силу щекотаній, непрестанно возбуждающихся въ членахъ у людей, причиняющихъ имъ скорбь и очень сильныхъ для того, чтобы преодолѣть ихъ? И почему другіе желаютъ побѣды, и любятъ ее, но не могутъ одерживать оной при сильномъ сопротивленіи своемъ; напротивъ же того, каждый день терпятъ пораженіе отъ тѣлесныхъ щекотаній, и пребываютъ въ трудѣ, въ плачѣ и въ безпомощіи, трудясь о душахъ своихъ; а ты удобно можешь понести приязанія тѣла, которыя столько трудны, и не приходитъ отъ того въ большее замѣнательство? И какъ тѣло, въ другихъ случаяхъ чувствительное въ страданіяхъ, и теряющее уязвленія терніемъ, уколотивши его поготь, можетъ преобороть рѣзаніе желѣзомъ, переноситъ сокрушеніе членовъ и всякаго рода муки, и не препобѣждается страданіями, не ощущая, какъ обычно естеству, даже различія сего въ мученіяхъ, если кромѣ естественной силы не приходитъ отъ иуду другая сила, отражающая отъ него лютость мученій? И послѣку заговорили мы о Божіемъ Промыслѣ; то не поленимся привести на память одну душеполезную повѣсть, возвышающую человека въ бореціяхъ его.

Одинъ юноша, по имени Феодоръ, у котораго все тѣло подвергнуто было мученіямъ, спрошенный къмѣ-то: «чувствовалъ ли ты мученія»? отвѣчалъ: вначалѣ чувствовалъ; а въ послѣдствіи увидѣлъ нѣкоего юношу, который отиралъ потъ моего бореція, укреплялъ меня, и доставлялъ мнѣ прохладу

во время подвига». О, какъ велики Божіи щедроты! Сколько близка бываетъ благодать Божія къ подвижающимся за нѣя Божіе, чтобы нѣя съ радостію претерпѣвать за Него страданія!

Поэтому, не будь непризнателемъ, человекъ, къ Божію о тебѣ промышленію. Если, наконецъ, явно, что ты не побѣдитель, а только какбы орудіе, побѣждаетъ же въ тебѣ Господь, и ты туне получаешь побѣдное нѣя; кто возбраняетъ тебѣ и во всякое время просить тойже силы, и побѣждать и пріимать похвалу, и исповѣдываться Богу? Развѣ не слыхалъ ты, человекъ, сколь многіе подвижники отъ сложенія міра, бывъ непризнательными къ сей благодати, паки съ высоты жизни и съ высоты подвиговъ своихъ? Сколько многочисленны и различны дары Божіи роду человеческому сами въ себѣ, столько же бываетъ различія въ пріемлемыхъ дарахъ и соотвѣтственно степенямъ пріемлющихъ оныя. Бываетъ умаленіе и величіе въ дарахъ Божіихъ; хогя все они высоки и чудны, но одинъ превосходитъ предъ другими славою и честію, и степень степеней выше. И также: посвятить себя Богу, и жить добродѣтельно, есть одно изъ великихъ дарованій Христовыхъ. Ибо многіе, забывъ, что по сей благодати сподобились они стать отлученными отъ людей и посвященными Богу, причастниками и пріемниками дарованій Его, избранными и удостоенными служенія и священнодѣйствія Богу, вмѣсто того, чтобы непрестанно устами своими благодарить за сіе Бога, уклонясь въ гордыню и высокомеріе, и думаютъ о себѣ не какъ пріявшіе благодать священнодѣйствія, чтобы священнодѣйствовать Богу чистымъ

жизнѣмъ и духовнымъ дѣланіемъ , но какъ оказывающіе милость Богу; когда бы надлежало имъ разсудить , что Богъ изъяслялъ ихъ изъ среды людей , и содѣлалъ присными Своими для познанія тайнъ Его. И не трепещутъ они всею душою своею, разсуждая такимъ образомъ, напротивъ же, когда видятъ, какъ у разсуждавшихъ подобно сему прежде нихъ внезапно отъято было достоинство, и какъ Господь въ мгновеніе ока свергнулъ ихъ съ той высокой славы и чести , каковую имѣли они ; и уклонились они въ нечистоту, непотребство и студодѣянiе , подобно скотамъ. Послѣку не познали они силы своей , и не содержали непрестанно въ памяти Давняго имъ благодать, совершать предъ Нимъ служеніе , стать включенными въ царство Его , быть сожителями Ангеловъ и приближаться къ Нему ангельскимъ житіемъ; то Богъ отстранилъ ихъ отъ дѣланія ихъ, и тѣмъ , что оставилъ безмолвіе , и измѣнили образъ жизни своей, показали имъ , что не ихъ была сила, если соблюдали они благочиніе въ житіи, и не тревожили ихъ понужденія естества, демоновъ и иныхъ прочихъ сопротивностей, напротивъ же того, была это сила благодати Божіей, производившая въ нихъ то, чего міръ, по трудности этого, не можетъ вѣстить или слышать, и въ чемъ они пребывали долгое время, и не были побѣждаемы; почему, конечно, была въ нихъ нѣкая сопутствующая имъ сила, достаточная къ тому, чтобы во всемъ помогать имъ и охранять ихъ. Но послѣку забыли они о силѣ этой; то исполнилось на нихъ слово , сказанное Апостоломъ: *яко же не искусиша имѣти въ разумъ Бога, Владыку своего, совокупившаго перстъ для духовна-*

го служенія, предаде ихъ въ неискусенъ умъ (Рим. 1, 28.), и какъ надлежало, воспріяли они безчестіе за свое заблужденіе.

Вопросъ. Бываетъ ли когда, чтобы тотъ, кто откажется вдругъ совершенно отрѣчься отъ сожителства съ людьми и по благой ревности впсзанию уйдти въ необитаемую и страшную пустыню, умеръ отъ сего съ голода, по немщину у себя покрова и прочихъ потребностей?

Отвѣтъ. Кто безсловеснымъ животнымъ, прежде сотворенія ихъ, уготовалъ жилище, и нечется объ ихъ потребностяхъ, Тотъ не презритъ созданія Своего, преимущественно же боящихся Его, и въ простотѣ, безъ пытливости, послѣдовавшихъ Ему. Кто волю свою во всемъ предастъ Богу; тотъ не нечется уже о пуждахъ тѣла своего, о бѣдствіи и злостраданіи его, но желаетъ пребывать въ житіи сокровенномъ и вести жизнь униженную, не боится скорбей, но почитаетъ пріятнымъ и сладостнымъ отчужденіе отъ цѣлаго міра за чистоту житія, пзиуря себя среди холмовъ и горъ, живетъ какъ скиталецъ въ кругу безсловесныхъ животныхъ, не соглашается упоковаться тѣлесно и проводитъ жизнь исполненную сквернъ. И когда предастъ себя на смерть, ежечасно плачетъ и молится, чтобы не лишиться ему чистаго Божія житія; тогда пріемлетъ отъ Бога помощь. Ему слава и честь! Онъ да сохранитъ насъ въ чистотѣ Своей, и да освятитъ насъ святынею благодати Святаго Духа, въ честь имени Своего, чтобы святое имя Его въ чистотѣ прославлялось во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 22.

О томъ, что тѣло, которое боится искушеній,
дѣлается другомъ грѣха.

Нѣкто изъ святыхъ сказалъ, что другомъ грѣха дѣлается тѣло, которое боится искушеній, чтобы не дойти ему до крайности и не лишиться жизни своей. Посему, Духъ Святый поуждастъ его умереть. Ибо знаетъ, что, если не умретъ, не побѣдитъ грѣха. Если кто хочетъ, чтобы вселился въ немъ Господь; то принуждаетъ онъ тѣло свое, служить Господу, работаетъ въ заповѣдяхъ Духа, написанныхъ у Апостола, и хранитъ душу свою отъ дѣлъ плотскихъ, описанныхъ Апостоломъ (Гал. 5, 19.). Тѣло же, пріобщившееся грѣху, упокуевается въ дѣлахъ плотскихъ, и Духъ Божій не упокуевается въ плодахъ его. Ибо, когда тѣло изнемогаетъ въ постъ и смиреніи, тогда душа укрывается молитвою. Тѣлу обычно, когда много угнетается скорбями безмолвія, терпитъ лишенія и недостатки, и приближается къ тому, чтобы лишиться жизни своей, умолять себя и говорить: «дай мнѣ немного свободы пожить въ мѣру; хожу я теперь право, потому что испытано великими злостраданіями». И какъ-скоро, изъ состраданія къ нему, покоишь его отъ скорбей, и доставишь ему нѣсколько отдохновенія, и хотя ненадолго успокоится оно; мало по малу станетъ съ наскательствомъ нащентывать тебѣ (а наскаательства

его весьма сильны), пока не заставитъ тебя уйти изъ пустыни, и скажетъ тебѣ: «можемъ и близъ міра жить хорошо; потому что пещитаны во многомъ; поэтому, можемъ и тамъ жить по тѣмъ же правиламъ, какими водимся теперь. Испусти меня только, и если не буду такимъ, какъ тебѣ угодно, можемъ возвратиться. Вотъ, пустыня не бѣжитъ отъ насъ». Не вѣрь ему, хотя и сильно будетъ умолять, и дастъ много обещаній. Оно не исполнитъ того, что говоритъ. Когда склонился на просьбу его; ввергнетъ тебя въ великія паденія, изъ которыхъ не будешь въ состояніи встать и выйти.

Когда прійдешь отъ искушеній въ уныніе, и пресытись ниц; скажи самъ себѣ: «снова вождельвашь ты нечистоты и срамной жизни». Если тѣло скажетъ тебѣ: «великій грѣхъ самому себя убивать»; то отвѣчай ему: «самъ себя убиваю, потому что немогу жить нечисто. Умру здѣсь, чтобы снова не увидѣть мнѣ истинной смерти души моей, смерти для Бога. Лучше мнѣ умереть здѣсь ради непорочности, и не жить худою жизнью въ мірѣ. Прозвольно избралъ я смерть сію за грѣхи свои. Самъ себя умерщвляю, потому что согрѣшилъ я Господу; не буду болѣе прогнѣвлять Его. Что мнѣ въ жизни далекой отъ Бога? Буду терпѣть озлобленія сіи, чтобы не быть отчужденнымъ отъ небесной надежды. Что Богу въ жизни моей въ этомъ мірѣ, если живу въ немъ худо, и прогнѣвляю Бога?»

С Л О В О 23.

ПОСЛАНИЕ, ПИСАННОЕ КЪ ОДНОМУ БРАТУ, ЛЮБИТЕЛЮ
БЕЗМОЛВІЯ.

—

Послику знаю, что любишь ты безмолвіе, и что діаволъ, зная волю твоего ума подъ предлогами добра онутываетъ тебя во многомъ, пока не сокрушилъ и не преспнулъ тебя въ добродѣтели, заключающей въ себѣ многіе виды добраго; чтобы мнѣ, какъ члену, тѣсно связанному съ тобою, добрый братъ, помочь благому твоему желанію полезнымъ словомъ, побуждался я написать, что самъ пріобрѣлъ у мужей, мудрыхъ добродѣтелию, въ писаніяхъ у Отцевъ, и собственнымъ опытомъ. Ибо, если человекъ не будетъ пренебрегать и почестіями и безчестіями, и ради безмолвія терпѣть поношеніе, поруганіе, вредъ, даже побои, не сдѣлается посмѣшищемъ, и видящіе его не станутъ почитать его юродивымъ и глумцемъ: то не возможетъ онъ пребыть въ благомъ намѣреніи безмолвія; потому что, если человекъ однажды отворитъ дверь какимъ-либо побужденіямъ, то діаволъ не престанетъ выставять ему на видъ нѣкоторыя изъ сихъ побужденій подъ многими предлогами, въ частыхъ и безчисленныхъ встрѣчахъ съ людьми. Поэтому, если ты, братъ, въ точности любишь добродѣтель такого безмолвія, которое не терпитъ въ себѣ ни разсѣянія, ни отторженія, ни отдѣленія, и каковы побуждали древніе; то найдешь въ такомъ случаѣ возможность совершить похвальное свое желаніе, какъ-скоро уподобишься Отцамъ своимъ, и

пріймешь намѣреніе въ себѣ показать житіе ихъ. А они возлюбилн совершенное безмолвіе, не заботились поддерживать любовь ближнихъ своихъ, не старались употреблять силы свои на ихъ успокоеніе, и не стыдились избѣгать встрѣчъ съ тѣми, которые почитаются людьми почтенными.

Такъ они шествовали, и не были осуждаемы людьми мудрыми и вѣдущими, какъ пренебрегающіе братьями, презрители, или нерадивые или лишенные разсудка, что въ оправданіе ихъ и сказано однимъ почитающимъ безмолвіе и отшельничество наче сообщества съ людьми. «Человѣкъ», говоритъ онъ, «который опытно изучаетъ сладость безмолвія въ келіи своей, не какъ пренебрегающій ближнимъ, убѣгаетъ съ ними встрѣчъ, но ради того плода, какой собираетъ отъ безмолвія». «Для чего», спрашиваетъ онъ, «Авва Арсеній предавался бѣгству, и не останавливался, встрѣчая кого-либо?» Авва же Теодоръ, если встрѣчалъ кого, то встрѣча его была какъ мечъ. Никому не говорилъ онъ привѣтствія, когда находился въ своей келіи. А святой Арсеній не привѣтствовалъ даже и приходящаго къ нему съ привѣтствіемъ. Ибо въ одно время нѣкто изъ Отцевъ пришелъ видѣть Авву Арсенія, и старецъ отворилъ дверь, думая, что это служитель его; но когда увидѣлъ, кто былъ пришедшій, повергся на лицо свое, и долго умоляемый встать послѣ увѣренія пришедшаго, что прійметъ благословеніе и уйдетъ, святой отрекся, говоря: «не встану, пока не уйдешь». И не всталъ, пока тотъ не ушелъ. И дѣлалъ блаженный это для того, чтобы, если однажды подастъ нѣмъ руку, снова не возвратились къ нему.

Посмотри же на продолженіе слова, и тогда не скажешь, что, можетъ быть, Арсеній пренебрегъ снѣмъ Отцемъ, или кѣмъ другимъ, по малозначительности его, а иному ради чести его оказалъ лицепріятіе, и бесѣдовалъ съ нимъ. Напротивъ того, Арсеній равно бѣгалъ отъ всѣхъ, и отъ малыхъ и отъ великихъ. Одно было у него предъ очами—ради безмолвія пренебрегать сообщеніемъ съ людьми, будетъ ли то человекъ великій, или малый, и ради чести безмолвія и молчанія отъ всѣхъ понести на себя укоризну. И мы знаемъ, что приходилъ къ нему Архіепископъ, блаженный Теофилъ, а съ нимъ былъ и судія той страны, имѣвшій желаніе видѣть святаго и оказать ему честь. Но Арсеній, когда сидѣлъ предъ ними, даже малымъ словомъ не почтилъ ихъ высокаго сана, хотя и очень желали они слышать слово его. И когда Архіепископъ сталъ просить его о томъ, добрый старецъ помолчалъ немного, и потомъ говоритъ: «сохраните ли слово мое, если скажу вамъ»? Они изъявили согласіе, сказавъ: «да». Старецъ же сказалъ имъ: «если услышите, что идутъ Арсеній, не приближайтесь туда». Видишь ли чудный нравъ старца? Видишь ли пренебреженіе его къ человеческой бесѣдѣ? Вотъ человекъ, познавшій плодъ безмолвія. Блаженный не разсуждалъ, что пришелъ Учитель Вселенскій и глава Церкви, но представлялъ въ мысли слѣдующее: «единожды навсегда умеръ я для міра, какая же польза отъ мертвеца живымъ»? И Авва Макарій укорилъ его исполненною любви укоризною, сказавъ: «что ты бѣгаешь отъ насъ»? Старецъ же представилъ ему чудное и достойное похвалы оправданіе, отвѣтивъ: «Богу извѣстно, что

люблю васъ; но не могу быть вмѣстѣ и съ Богомъ и съ людьми». И сему чудному вѣдѣнію наученъ онъ не шымъ кѣмъ, но Божиимъ гласомъ. Ибо сказано было ему: «бѣгай, Арсеній, людей, и спасешься».

Иногда праздный и любящій бесѣды человекъ да не будетъ столько безстыденъ, чтобы опровергать это, извращая слова Арсеніевы, и да не говоритъ вопреки сему: «это изобрѣтеніе человеческое, и изобрѣтено въ пользу безмолвія». Напротивъ того, это ученіе небесное. И чтобы не подумали мы, будто бы сказано сіе было Арсенію въ смыслѣ бѣжать и удаляться ему отъ міра, а не въ смыслѣ бѣгать ему также и отъ братій; послѣ того какъ оставилъ онъ міръ, пошелъ и поселился въ лавръ, снова молился онъ Богу, вопрошая: какъ можно жить ему добродѣтельно? и говорилъ: «укажи мнѣ путь, Господи, какъ спастись»; и думалъ, что услышитъ что-либо иное; но и во второй разъ услышалъ опять то-же владычній гласъ: «бѣгай, Арсеній, молчи, и безмолвствуй. И хотя много пользы (сказано ему) въ свиданіи и въ бесѣдѣ съ братіями, однакоже, не столько полезно для тебя бесѣдовать съ ними, сколько бѣгать отъ нихъ». И когда пріять сіе блаженный Арсеній въ божественномъ откровеніи, и какъ былъ еще въ міръ, повелѣно ему бѣгать, и потомъ, когда былъ съ братією, изречено то-же самое; тогда увѣрился онъ и позналъ, что къ пріобрѣтенію доброй жизни недостаточно ему бѣгать только мірскихъ, должно же убѣгать отъ всѣхъ равно. Ибо можетъ ли кто противиться и прекословить Божественному гласу? Да и божественному Антонію сказано было въ откровеніи: «если желаешь безмолвствовать, иди

не только въ Оиванду, но даже во внутреннѣйшую пустыню». Посему, если Богъ повелѣваетъ намъ бѣгать отъ всѣхъ и столько любить безмолвіе, когда пребываютъ въ немъ любящіе Его, кто станетъ выставлять на видъ какіе-либо предлоги къ тому, чтобы пребывать въ собесѣдованіи и сближеніи съ людьми? Если Арсенію и Антонію полезны были бѣгство и осторожность, то кольми паче полезны они немощнымъ? И если тѣхъ, и въ словѣ, и въ лицезрѣніи, и въ помощи которыхъ нѣтъ нужды цѣлый міръ, Богъ почтилъ больше за ихъ безмолвіе, нежели за вспоможеніе всему братству, лучше же сказать, всему человечеству; то кольми паче безмолвіе нужно тому, кто не въ состояніи хорошо охранять себя?

Знаемъ и о другомъ нѣкомъ святомъ, что братъ его сдѣлался боленъ, и заключенъ былъ въ другой келіи. А поеліику святой во все время болѣзни его превозмогалъ свою сострадательность и не приходилъ повидаться съ нимъ; то больной, приближаясь къ пеществію своему изъ жизни, послалъ сказать ему: «если ты не приходишь ко мнѣ донынѣ, то прійди теперь, чтобы видѣть мнѣ тебя прежде отшествія моего изъ міра, или прійди хотя ночью, и я поцѣлую тебя, и почию». Но блаженный не согласился даже и въ этотъ часъ, когда природа обыкновенно требуетъ нашего состраданія другъ къ другу, и преступаетъ опредѣленіе воли; но сказалъ: «если выйду, то не буду чистъ сердцемъ моимъ предъ Богомъ; потому что не радѣлъ посѣщать духовныхъ братій, естество же предпочелъ Христу? И братъ умеръ, а онъ не видалъ его.

Поэтому, никто по лѣности помысловъ да не представляетъ на видъ, что сіе невозможно, да не испровергается, и да не обращаетъ въ ничто своего безмолвія, отвергнувъ Божій о немъ Промыслъ. Если святые побѣдили самое естество, какъ оно ни крѣпко, и если Христосъ любитъ, когда чувствуютъ безмолвіе, между-тѣмъ какъ оставляются въ пренебреженіи чада Его; то какая можетъ быть у тебя иная необходимость, которой ты не могъ бы пренебречь, когда поднадеешь ей? Она заповѣдь, въ которой сказано: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ умомъ твоимъ* (Матѣ. 22, 37.), болѣе цѣлаго міра и естества и всего, что въ естествѣ, вполне исполняется, когда пребываешь въ безмолвіи своемъ. И заповѣдь о любви ближняго заключена въ немъ же. Хочешь ли, по Евангельской заповѣди, приобрести въ душѣ своей любовь къ ближнему? Удались отъ него; и тогда возгорится въ тебѣ пламень любви къ нему, и радоваться будешь при лицезрѣніи его, какъ при видѣніи свѣтлаго Ангела. Хочешь ли также, чтобы жаждали твоего лицезрѣнія любящіе тебя? Въ определенные только дни имѣй свиданіе съ ними. Опытъ дѣйствительно учитель для всѣхъ. Будь здоровъ. Богу же нашему благодареніе и слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 24.

Послание къ нѣкому брату естественному и духовному, который, живя въ міръ и желая видѣться съ Исаакомъ, убѣждалъ и умолялъ въ письмахъ своихъ прийти къ нему.

Не такъ мы сильны, какъ думаешь ты, блаженный; и, можетъ быть, не знаешь ты помощи моей и того, что нетрудна для тебя погнѣбель моя; а потому, какбы распаленный естествомъ по обычаю его, непрестанно просишь меня о томъ, о чемъ и намъ заботиться, чего и тебѣ желать, не должно. Не проси у меня, братъ, сего одного, упокошающаго плоть и ея мудрованіе, но поспѣшь о спасеніи души моей. Немного еще времени, и прейдетъ мы изъ века сего. Сколько лицъ встрѣчу, когда прииду къ тебѣ! Сколько увижу людскихъ нравовъ и мѣстъ, пока не возвращусь въ свое мѣсто! Сколько причинъ къ помысламъ пріиметъ душа моя при встрѣчѣ съ людьми! Сколько смущенія потеритъ отъ пробудившихся въ ней страстей, отъ которыхъ успокоилась нѣсколько! Это и тебѣ не неизвѣстно. Что монаху видѣть вредно мірское, самъ ты это знаешь. И смотри, какое измѣненіе происходитъ въ умъ долгое время безмолвствовавшаго съ самимъ собою, когда онъ вдругъ снова впадаетъ въ это, и видитъ, и слышитъ, что для него непривычно. Если тому, кто въ подвигъ и ведетъ еще брань съ противникомъ своимъ, вредитъ и встрѣча съ монахами, когда они неблизки къ его

состоянію; то разсуди, въ какой кладязь падеть мы, особливо должимъ опытомъ пріобрѣтшіе познаніе? О, если бы избавитъся намъ отъ жама врага нашего! Поэтому, не требуй отъ меня, чтобы я безъ пужлы сдѣлалъ это. Даже обольщаютъ насъ утверждающіе, будто бы никакого вреда нѣтъ для насъ отъ того, что слышимъ и видимъ нѣчто, будто бы одинаковы мы по мыслямъ своимъ и въ пустынь и въ міръ; будто бы и въ келліи и внѣ ея не возмущается скромность наша, не происходитъ съ нею худой перемѣны, при встрѣчѣ съ лицами и вещами не чувствуемъ тревоги страстей. Утверждающіе это, если и раны пріемлютъ, не знаютъ этого; но мы не достигли еще сего душевнаго здравія; имѣемъ на себѣ смердящія язвы, и онѣ вскипаютъ червями, если и одинъ день не будетъ о нихъ попеченія, и останутся онѣ неперевязанными, не будутъ обложены пластыремъ и стянуты перевязками.

С Л О В О 25.

О ТРЕХЪ СПОСОБАХЪ ВѢДѢНІЯ, О РАЗНОСТИ ИХЪ ДѢЛАНІЯ И ПОЯТІЙ, О ВѢРѢ ДУШИ, О ТАИНССТВЕННОМЪ БОГАТСТВѢ ВЪ НЕЙ СОКРОВЕННОМЪ, И О ТОМЪ, СКОЛЬКО ВѢДѢНІЕ МІРА СЕГО РАЗНСТВУЕТЪ ВЪ СПОСОБАХЪ СВОИХЪ СЪ ПРОСТОТОЮ ВѢРЫ.

Душа, проходящая стезями житія и путемъ вѣры, и нерѣдко преуспѣвшая въ семъ послѣднемъ, если обращается снова къ способамъ вѣдѣнія, начинатьъ

вскорѣ хромать въ вѣрѣ, и утрачивается въ ней духовная ея сила, обнаруживавшаяся въ чистой душѣ взаимностию всеноженій и по простотѣ невходившая въ изслѣдованіе всего того, что въ ней, и къ ней относится. Пбо душа, однажды съ вѣрою предавшая себя Богу и многократнымъ опытомъ извѣдавшая Его содѣйствіе, не заботится уже о себѣ, но связуется изумленіемъ и молчаніемъ, и не имѣетъ возможности снова возвратиться къ способамъ своего вѣдѣнія и употребитъ ихъ къ дѣлю, чтобы иначе, при ихъ противленіи, не лишиться Божія промышленія, которое втайнѣ неусынно называетъ падъ душею, нечется о ней, и непрестанно преслѣдуетъ ее всѣми способами,—не лишиться же потому, что душа обезумѣла, возмечтала, будто бы сама достаточно можетъ промышлять о себѣ, по силѣ своего вѣдѣнія. Пбо тѣ, въ комъ возсіяваетъ свѣтъ вѣры, не доходятъ уже до такого безстыдства, чтобы снова имъ испрашивать у Бога въ молитвахъ: «дай намъ это»; или: «возьми у насъ это», и имало не заботятся они о себѣ самихъ; потому что духовными очами вѣры еже часно видятъ Отческій Промыслъ, какимъ пріосвящаются ихъ тотъ истинный Отецъ, Который безмѣрно великою любовію Своею превосходитъ всякую отческую любовь, нче всѣхъ можетъ и имѣетъ силу содѣйствовать намъ до преизбытка въ большей мѣрѣ, нежели какъ мы просимъ, помышляемъ и представляемъ себѣ.

Вѣдѣніе противно вѣрѣ. Вѣра во все, что къ ней относится, есть нарушеніе законовъ вѣдѣнія, впрочемъ вѣдѣнія не духовнаго. Опредѣленіе вѣдѣнія то, что оно не имѣетъ власти что-либо дѣлать безъ

разысканія и изслѣдованія, а напротивъ того, разъискиваетъ, возможно ли тому быть, о чемъ помысливаетъ, и чего хочетъ. Чтò же дѣлаетъ вѣра? Она не соглашается пребывать въ томъ, кто приближается къ ней неправо.

Вѣдѣніе безъ разысканія и безъ своихъ способовъ дѣйствованія не можетъ быть познано. И это есть признакъ колебанія въ истинѣ. А вѣра требуетъ единого чистаго и простаго образа мыслей, далекаго отъ всякаго ухищренія и изысканія способовъ. Смотри, какъ они противятся другъ другу. Домъ вѣры есть младенческое понятіе и простое сердце. Ибо сказано: *въ простотѣ сердца своего прославили Бога; и: аще не обратитесь, и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное* (Матѹ. 18, 3.). Вѣдѣвіе же ставитъ съѣти простотѣ сердца и понятій, и противится ей.

Вѣдѣніе есть уставъ естества, охраняющій его во всѣхъ стезяхъ его. А вѣра совершаетъ шествіе свое выше естества. Вѣдѣніе не покушается допустить до себя что-либо разрушительное для естества, но удаляется отъ этого; а вѣра безъ труда дозволяетъ, и говоритъ: *на аспіда и василиска наступиши, и попереши льва и змія* (Исая. 90, 13.). Вѣдѣніе сопровождается страхомъ, вѣра—надеждою. Въ какой мѣрѣ человекъ водится способами вѣдѣнія, въ такой же мѣрѣ связуется онъ страхомъ, и не можетъ сподобиться освобожденія отъ него. А кто послѣдуетъ вѣрѣ, тотъ вскорѣ дѣлается свободенъ и самовластенъ, и какъ Сынъ Божій всѣмъ пользуется со властію свободно. Возлюбившій вѣру сію, какъ Богъ, распоряжается всякимъ тварнымъ естествомъ, по-

тому что вѣрѣ дана возможность создать новую тварь, по подобію Божію, какъ сказано : *востомъ*, и все явится предъ тобою (Іов. 23, 13.). Перѣдко она можетъ все производить и изъ не-сущаго. А вѣдѣніе не можетъ что-либо произвести безъ вещества. У вѣдѣнія нѣтъ столько самонадѣянности, чтобы производить то, чего не дано естествомъ. Да и какъ ему произвести это? Текущее естество воды на хребетъ свой не пріемлетъ тѣлесныхъ стоиъ, и приближающійся къ огню сожигаетъ себя; а если у него достанетъ на то смѣлости, то послѣдуетъ бѣда.

Вѣдѣніе съ осторожностію охраняетъ себя отъ этого, и никакъ не соглашается преступить въ этомъ предѣль. Вѣра же самовластно преступаетъ все, и говоритъ: *аще сквозь огонь прейдеши, не сожжеши-ся, и рѣки не покрываютъ тебе* (Ис. 43, 2.). И вѣра перѣдко производила сіе предъ цѣлою тварію. А если бы вѣдѣнію открывался здѣсь случай искутить себя въ этомъ; то, безъ сомнѣнія, оно не рѣшилось бы на то. Ибо многіе по вѣрѣ входили въ пламень, обуздывали сожигающую силу огня, и невредимо проходили посреди его, и по хребту моря шествовали какъ по сушѣ. А все это выше естества, противно способамъ вѣдѣнія, и показано, что сушно оно во всѣхъ способахъ и законахъ своихъ. Видишь ли, какъ вѣдѣніе сохраняетъ предѣлы естества? Видишь ли, какъ вѣра поступаетъ выше естества, и тамъ пролагаетъ стези своему шествію? Сіи способы вѣдѣнія пять тысячъ лѣтъ, или нѣсколько меньше, или и свыше сего, управляли міромъ, и человекъ нѣсколько не могъ подыять главы своей отъ земли, и сознать силу Творца своего, пока не возсіяла вѣра

папа, и не освободила насъ отъ тмы земнаго дѣланія и суетнаго подчиненія при напрасномъ пареніи ума. Да и теперь, когда нашли мы невозмутимое море и неоскудѣваемое сокровище, снова вождедьваемъ уклониться къ малымъ источникамъ. Путь вѣдѣнія, которое бы не было въ скудости, какъ бы много ни обогатилось оно. А сокровищъ вѣры не выщипаютъ ни земля, ни небо. Ничего никогда не утрачивается тотъ, у кого сердце подкрѣпляется упованіемъ вѣры. И когда ничего не пьетъ, все обьсмлетъ онъ вѣрою, какъ написано: *вся, елика воспросите въ молитвъ, вѣрою примете* (Матѹ. 21, 22.); и еще: *Господь близъ. Ни о чемъ же печетесь* (Фил. 4, 6.).

Вѣдѣніе всегда ищетъ способовъ къ охраненію приобрѣтающихъ оное. А вѣра говоритъ: *еще не Господь созиждетъ домъ, и сохранитъ градъ, всеу бдѣ стрегій, всеу трудися зжждущій* (Псал. 126, 1.). Кто молится съ вѣрою, тотъ никогда не пользуется способами самоохраненія, и не прибѣгаетъ къ нимъ. Ибо вѣдѣніе на всякомъ мѣстѣ хвалитъ страхъ, какъ сказалъ Премудрый: *боящемуся блаженна душа* (Сир. 34, 15.). Чтѣ же вѣра? Сказано: *убояся, и наченъ утопати* (Матѹ. 14, 30.); и еще сказано: *не пріѣсте духа работы паки въ боязнь: но пріѣсте Духи сыноположенія въ свободу вѣры и надежды на Бога* (Рим. 8, 15.); и еще: *не убояся ихъ, и не бѣгнотъ лица ихъ*. Страху всегда сопутствуетъ сомнѣніе; а сомнѣніе сопровождается разысканіемъ, а разысканіе принятыми способами, а принятые способы вѣдѣніемъ. И въ самомъ изслѣдованіи и разысканіи всегда познаются страхъ и сомнѣніе; потому что не

во всякое время во всемъ успѣваетъ вѣдѣніе, какъ показали мы прежде сего. Ибо нерѣдко встрѣчаются дунѣ затруднительныя стеченія и столкновенія обстоятельствъ и многіе исполненные опасностей случаи, въ которыхъ вовсе не могутъ здѣсь сколько-нибудь помочь вѣдѣніе и способы мудрости. Но съ другой стороны, въ затрудненіяхъ, неотвратимыхъ всѣми силами и крайнимъ предѣломъ человеческого вѣдѣнія, вѣра шмало не преодолевается иподнимъ изъ сихъ затрудненій. Ибо достаточно ли человеческого вѣдѣнія, чтобы помочь сколько-нибудь въ явныхъ браняхъ съ невидимыми природами и съ силами тѣлесными, а равно и со многими другими? Видимъ ли немощь силы вѣдѣнія и крѣпость силы вѣры? Вѣдѣніе ученикамъ своимъ воспрещаетъ приближаться ко всему чуждому для естества. Но заимѣть въ этомъ силу вѣры: чтò предлагаетъ она учащимся у нея? Сказано: *именемъ Моимъ бгьси иждедете; зміа возметс: аще и что смертно пснiete, не вредитъ вы* (Марк. 16, 17.). Вѣдѣніе, по законамъ своимъ, всѣмъ шествующимъ путемъ его предлагаетъ во всякомъ дѣлѣ до начала его разыскать конецъ, и потомъ начинать, чтобы, если окажется, что конецъ дѣла съ трудомъ обрѣтается въ предѣлахъ человеческой силы, не потрудиться ниъ напрасно, и чтобы не открылось, что дѣлу трудно и невозможно совершиться. Чтò же говоритъ вѣра? *Вся возможна вѣрующему* (Марк. 9, 23.); потому что для Бога нтъ ничего невозможнаго. Какое неизреченное богатство! Какое море богатства въ волнахъ вѣры и въ чудныхъ сокровищахъ, прензливасмыхъ силою сіа! Какого благодущія, удовольствія и

унованія исполнено шествіе съ нею! Какъ легки бремена ея! и сколько сладости въ дѣланіи ея!

Вопросъ. Кому угоднобляется въ дѣль своемъ тотъ, кто сподобился вкусить сладости вѣры, и снова обратился къ вѣдѣнію душевному?

Отвѣтъ. Тому, кто нашелъ многоцѣнную жемчужину, и обмѣнилъ ее на мѣдный оволь;—тому, кто оставилъ полновластную свободу, и возвратился въ состояніе нищеты, исполненное страха и рабства.

Неукоризненно вѣдѣніе, но выше его вѣра. Если и укоримъ, то не самое вѣдѣніе укоримъ. Да не будетъ сего! Но чѣмъ различитъ разные способы, въ которыхъ идетъ оно вопреки естеству (т)? Какъ приближается оно къ чинамъ демонскимъ (что явственно различитъ въ послѣдствіи)? Сколько ступеней, на которыя восходитъ симъ способами вѣдѣніе? Какая разность открывается на каждой ступени? Какими понятіями пробуждается вѣдѣніе при каждомъ способѣ, когда держится оныхъ? Въ которомъ изъ сихъ способовъ, когда слѣдуетъ имъ, противится вѣрѣ, и выходитъ изъ естества? и какая бывасть въ немъ разность? и на какой ступени, когда возвращается къ первоначальной своей цѣли, приходитъ въ естество свое, и устанавливается на одной ступени съ вѣрою въ добромъ житіи? и до чего иногда даетъ простирается разности на одной и тойже ступени? и какъ переходитъ отъ сего къ высшему? и какіе способы оной иной, или первоначальной ступени? И когда вѣдѣніе сопрягается съ

(т) Такъ читается въ греч. и въ древн. слав. переводѣ; хотя у Платона читается *сопротивъ вѣрѣ*.

вѣрою, дѣлается съ нею едино, облскается ею въ огненныя понятія, возгарается духомъ, пріобрѣтаетъ крыла безстрастія, и отъ служенія земному, употребивъ иные способы, возносится въ область Создателя своего? Впрочемъ, до времени довольно намъ знать, что вѣра, и восхожденія ея, и дѣланіе оныхъ, выше вѣдѣнія.

Самое вѣдѣніе усовершенствуется вѣрою, и пріобрѣтаетъ силу восходить горѣ, ощущать то, что выше всякаго ощущенія, видѣть оный лучъ, безусловный умомъ и вѣдѣніемъ тварей. Вѣдѣніе есть ступень, по которой человѣкъ восходитъ на высоту вѣры, и какъ-скоро достигаетъ оной, болѣе уже не пользуется имъ. Ибо сказано нынѣ: *отъ части разумѣемъ, отъ части понимаемъ. Егда же прійдетъ совершенное, еже отъ части, упразднится* (1 Кор. 13, 9.). Теперь уже вѣра какъбы предъ очіи представляетъ намъ дѣйствительность совершенства, и вѣрою нашею изучаемъ оное непостижимое, а не разысканіемъ и силою вѣдѣнія.

Вотъ дѣла правды: постъ, милостыня, святыня, и все прочее совершаемое съ помощію тѣла; любовь къ ближнему, смиренномудріе сердца, прощеніе проступковъ, помышленіе о добротѣ, изслѣдованіе дѣйствительныхъ таинъ, прикровенныхъ въ святыхъ Писаніяхъ, упражненіе ума въ дѣлахъ совершеннѣйшихъ, въ храненіи предѣловъ душевныхъ страстей, и прочія добродѣтели, совершаемыя въ душѣ. Все это имѣетъ нужду въ вѣдѣніи, потому что вѣдѣніе охраняетъ это, и учитъ порядку въ этомъ. И все это только ступени, по которымъ душа восходитъ на горнюю высоту вѣры; — и сіе на-

зывается добродѣтелями. Но жизнь вѣры выше добродѣтели, и дѣланіе ея—не дѣла, но совершенный покой, и утѣшеніе, и слова въ сердцѣ, и оно совершается въ понятіяхъ души. Ея также дѣланіе—всѣ чудные способы духовнаго житія, которыхъ дѣланіе есть чувство въ духовной жизни, и наслажденіе, и душевный покой, и воздержаніе, и радость о Богѣ, и все прочее, что въ ономъ житіи дается душѣ, достойной благодати тамошняго блаженства, и что, какбы по указанію вѣры въ божественныхъ Писаніяхъ, совершается здѣсь Богомъ, богатымъ въ Своихъ дарованіяхъ.

Недоумѣніе. Кто-нибудь скажетъ: если всѣ снѣ блага, и неисчисленныя предъ нами дѣла добродѣтели, и удаленіе отъ худого, и различеніе тонкихъ возникающихъ въ душѣ помысловъ, и борьба съ помыслами, и противоборство страстямъ раздражительнымъ, и все прочее, безъ чего самая вѣра не можетъ показать силы своей въ душевномъ дѣланіи,—если все это совершается вѣдѣніемъ; то почему же вѣдѣніе почитается противнымъ вѣрѣ?

Рѣшеніе сомнѣнія. Отвѣствуемъ: три суть мысленные способа, по которымъ вѣдѣніе восходитъ и нисходитъ; и бываетъ измѣненіе, какъ въ способахъ, какими водится вѣдѣніе, такъ и въ самомъ вѣдѣніи; и чрезъ это оно вредитъ, и помогаетъ. Три же способа суть: тѣло, душа, духъ. И если вѣдѣніе въ естествѣ своемъ одно; то, относительно къ снѣмъ областямъ мысленнаго и чувственнаго, оно утончается, измѣняетъ свои способы и дѣланія понятій своихъ. Выслушай, наконецъ, какой порядокъ сего дѣланія, и какія причины, по которымъ оно

вредить и помогать. Вѣдѣніе есть Божіе даяніе естеству разумныхъ тварей, данное вначалѣ при ихъ созданіи, и оно по природѣ своей просто и недѣлимо, какъ свѣтъ солнечный, но сообразно съ дѣланіемъ своимъ пріобрѣтаетъ измѣненія и дѣленія.

С Л О В О 26.

О первой степени вѣдѣнія.

Когда вѣдѣніе слѣдуетъ плотскому вождельнѣю; тогда сводитъ въ едино слѣдующіе способы: богатство, тщеславіе, убранство, тѣлесный покой, раченіе о словесной мудрости, годной къ управленію въ міръ сѣмъ, и источающей обновленіе въ изобрѣтеніяхъ, и искусствахъ, и наукахъ, и все прочее, чѣмъ увѣнчивается тѣло въ этомъ видимомъ мірѣ. А по симъ отличительнымъ чертамъ, какъ сказали и распрѣдѣлили мы, вѣдѣніе дѣлается противнымъ вѣрѣ. И оно именуется голымъ вѣдѣніемъ, потому что исключаетъ всякое Божественное попеченіе, и по причинѣ преобладанія тѣла вноситъ въ умъ неразумное безсіе, и все попеченіе его совершенно о сѣмъ только мірѣ. Вотъ понятіе о себѣ этого вѣдѣнія: оно, безъ всякаго сомнѣнія, есть мысленная сила, тайно правящая человекомъ, Божественная попечительность, назирающая надъ нимъ и совершенно о немъ пекущаяся. Посему, не Божію Промыслу приписываетъ оно управленіе міромъ, но все

доброе въ чловѣкѣ, спасеніе его отъ вредоноснаго для него, и естественное его остереженіе отъ затруднительнаго и отъ многихъ противностей, тайно и явно сопровождающихъ естество наше, кажутся ему слѣдствіемъ собственной его рачительности и собственныхъ его способовъ. Таково понятіе о себѣ глумящагося вѣднія. Оно мечтаетъ, что все бываетъ по его промышленію; и въ этомъ согласно съ утверждающими, что нѣтъ управленія симъ видимымъ міромъ. Впрочемъ, не можетъ оно пребыть безъ непрестаннаго попеченія и безъ страха за тѣло, а потому, овладѣваютъ имъ малодушіе, печаль, отчаяніе, страхъ отъ бѣсовъ, боязнь отъ людей, молва о разбойникахъ, слухи о смертяхъ, заботливость въ болѣзни, попечительность въ скудости и недостатокъ необходимаго, страхъ смерти, страхъ страданій и злыхъ звѣрей, и все прочее сходное съ симъ и угодобляющее морю, въ которомъ ежечасно день и ночь мнутесь и устремляются на пловцовъ волны; такъ-какъ вѣдніе сіе не умѣетъ попеченія о себѣ возвергать на Бога въ дѣланіи вѣры въ Него. А потому во всемъ, что касается до него самого, бываетъ занято придумываніемъ средствъ и ухищреніями. Когда же способы его изобрѣтенія въ одномъ какомъ-либо случаѣ останутся недѣйствительными, а не усмотритъ оно и таинственнаго Промысла; тогда препирается съ людьми, которые препятствуютъ и противятся ему.

Въ семъ-то вѣдніи посаждено древо познанія добраго и лукаваго, искорежающее любовь. И оно развѣскиваетъ малые проступки другихъ людей, вины ихъ и немощи, и настраиваетъ чловѣка учи-

тельствовать, прекословить на словахъ, употреблять лукавыя изобрѣтенія и хитрости; прибѣгаетъ оно и къ прочимъ способамъ, оскорбительнымъ для чловека. Въ немъ надменіе и гордыня; потому что всякое доброе дѣло присвоитъ себѣ, а не Богу приписываетъ.

Вѣра же дѣла свои вѣщаетъ благодати, потому и не можетъ превозноситься, какъ написано: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ* (Фил. 4, 13.); и еще: *не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10.). А что сказалъ блаженный Апостолъ: *разумъ кичитъ* (1 Кор. 8, 1.), то изрекъ сіе о семъ вѣдѣніи, неразтворенномъ вѣрою въ Бога и надеждою на Него, а не о вѣдѣніи истины. Да не будетъ сего!

Вѣдѣніе истины душу пріобрѣтшихъ оное усовершенствуетъ въ смиреніи, какъ усовершило Моисея, Давида, Исаію, Петра, Павла и прочихъ святыхъ, сподобившихся сего, по мѣрѣ естества чловеческаго, совершеннаго вѣдѣнія. И въ подобныхъ снмъ святымъ вѣдѣніе ихъ всегда поглощается чрезвычайными созерцаціями, Божественными откровеніями, высокимъ созерцаніемъ духовнаго, неизреченными тайнами; и душа ихъ въ очахъ ихъ почитается непломъ и перстію. Другое же вѣдѣніе, какъ и прилично ему, кичится; потому что ходитъ во тмѣ, цѣнитъ достояніе свое по сравненію съ тмѣ, что на землѣ, и не знаетъ, что есть что лучше его. Въ превозношеніе же увлекаются всѣ, потому что они на землѣ, житіе свое взвѣшиваютъ плотию, опираются на дѣла свои, не помышляютъ же въ умѣ своемъ о нестижимомъ. И подвергаются этому,

пока плаваютъ въ волнахъ сихъ. Но святыя преуспѣваютъ въ славной божественной добродѣтели; и дѣланіе ихъ горѣ, и мысль ихъ не уклоняется въ попеченіе объ изобрѣтеніяхъ и о суетномъ; потому что они ходятъ во свѣтъ, и не могутъ заблуждаться. Посему-то всѣ удалившіеся отъ свѣта познанія Сына Божія и уклонившіеся отъ истины, ходятъ по симъ стезямъ. Вотъ первая степень вѣдѣнія, на которой человекъ послѣдуетъ плотской похоти! И мы оуждаемъ сіе вѣдѣніе, и признаемъ оное противнымъ не только вѣрѣ, но и всякому дѣланію добродѣтели.

С Л О В О 27.

О второй степени вѣдѣнія.

Когда человекъ, оставивъ первую степень, бываетъ занятъ душевными помышленіями и пожеланіями; тогда во свѣтъ естества души, какъ тѣлесными чувствами, такъ и душевными умопредставленіями, совершаетъ слѣдующія предначертанныя превосходныя дѣла, а именно: постъ, молитву, милостыню, чтеніе божественныхъ Писаній, добродѣтельную жизнь, борьбу со страстями, и прочее. Ибо всѣ добрыя дѣла, всѣ прекрасныя отличія, усматриваемыя въ душѣ, и чудныя способы, употребляемые на служеніе во дворѣ Христовомъ, на сей второй степени вѣдѣнія, въ дѣланіи силы его, совершаетъ Духъ Святыи. И оно-то указываетъ сердцу стези, ведущія насъ

къ вѣрѣ, въ немъ собираемъ напутствіе къ будущему вѣку. Но и здѣсь еще вѣдѣніе тѣлесно и сложно. Въ немъ только путь ведущій и препровождающій насъ къ вѣрѣ. Напротивъ того, есть высшая степень вѣдѣнія. И если кто преуспѣетъ; то найдетъ возможность, при помощи Христовой, возведеннымъ быть и на оную, когда основаніе своего дѣланія положить въ безмолвномъ удаленіи отъ людей, въ чтеніи Писаній, въ молитвѣ, и въ прочихъ добрыхъ дѣлахъ, которыми совершается все относящееся ко второму вѣдѣнію. И изъ-то производится все прекрасное; оно и называется вѣдѣніемъ дѣлъ; потому что чувственными дѣлами, при посредствѣ тѣлесныхъ чувствъ, совершаетъ дѣло свое на вышней степенн. Аминь.

С Л О В О 28.

О ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ ВѢДѢНІЯ, КОТОРАЯ ЕСТЬ СТЕПЕНЬ
СОВЕРШЕНСТВА.

Послушай же, какъ человекъ утончается, пріобрѣтаетъ духовное, и уподобляется въ житіи невидимымъ Силамъ, которыя служеніе свое отиравляютъ не чувственно производимыми дѣлами, но совершаемыми заботливостію ума. Когда вѣдѣніе вознесется надъ земнымъ и надъ попеченіемъ о дѣланіи земнаго, и начнетъ испытывать свои помысленія въ томъ, что сокрыто отъ очей внутри, и въ некоторымъ образомъ

станетъ пренебрегать тѣмъ, отъ чего бываетъ непотребство страстей, и прострется горь, и послѣдуетъ вѣръ въ попеченіи о будущемъ вѣкѣ, и въ возжелѣніи обѣтованнаго намъ, и въ изысканіи сокровенныхъ тайнъ; тогда сама вѣра поглощаетъ сіе вѣдѣніе, и обращается, и раждаетъ оное снова, такъ-что всецѣло дѣлается оно духомъ.

Тогда можетъ воспарять оно на крылахъ въ области безплотныхъ, касаться глубинъ неосознаемаго моря, представляя въ умѣ Божественныя и чудныя дѣйствія правленія въ естествахъ существъ мысленныхъ и чувственныхъ, и разъискиваетъ духовныя тайны, постигаемыя умомъ простымъ и тонкимъ. Тогда внутреннія чувства пробуждаются для духовнаго дѣланія по тому чину, какой будетъ въ оной жизни безсмертія и нетлѣнія; потому что еще въ здѣшнемъ, какбы въ тайнѣ, пріято мысленное воскресеніе, въ истинное свидѣтельство о всеобщемъ обновленіи.

Вотъ три способа вѣдѣнія, съ которыми сопряжено все теченіе человека въ тѣлѣ, въ душѣ, въ духѣ. Съ того времени, какъ начинаетъ человекъ различать зло отъ добра, и пока не пзъидетъ онъ изъ міра сего, вѣдѣніе души его пребываетъ въ сихъ трехъ мѣрахъ. И полноту всякой неправды и нечестія, и полноту правды, и то, чтобы коснуться глубины всѣхъ тайнъ духа, производитъ единое вѣдѣніе въ сказанныхъ трехъ мѣрахъ, и въ немъ заключено всякое движеніе ума, когда восходитъ, или нисходитъ онъ въ добръ, или въ злѣ, или въ среднемъ между добромъ и зломъ. Сіи же мѣры у Отцевъ называются: естественное, противуестественное и сверхъ-

естественное. И это суть три направленья, по которымъ возводится и низводится памятованіе разумной души, когда, по сказанному, или по естеству дѣлаетъ кто правду, или превыше естества восхищается ея памятованіемъ, въ созерцаніи Бога вне естества, или псходитъ насти свншей, какъ расточившій богатство своей разсудительности, который работалъ со множествомъ демоновъ.

Перечень сказаннаго о трехъ вѣднїяхъ.

Первая степенъ вѣднїя охлаждаетъ душу для дѣльнествія по Богу. Вторая согрѣваетъ душу для скорого теченія къ тому, что на степенн вѣры. Третья же есть упокоеніе отъ дѣланія (что есть образъ будущаго) въ единомъ упражненіи ума, наслаждающагося тайнами будущаго. Но какъ естество не можетъ еще совершенно возвыситься надъ состояніемъ омертвѣнія и тяготою плоти и усовершиться въ ономъ духовномъ вѣднїи, которое выше другаго уклоняющагося вѣднїя; то и вѣднїе сіе не въ состояніи и послужитъ къ совершенству немѣющему недостатка, и быть въ мїрѣ мертвости, и совершенно оставить естество плоти. Но пока человекъ живетъ во плоти, остается онъ въ переходномъ состояніи отъ одного къ другому. То вдругъ душа его, какъ убогій и нищій, начнетъ совершать служеніе на второй, средней степенн добродѣтели, какая вложена въ естество, и можетъ быть произведена при помощи естества тѣлеснаго; то пребываетъ, подобно прїявшему Духа сыноположенія, въ таинствѣ свободы, наслаждается духовною благодатию, по достоинству Дано-

щаго оную, и снова возвращается къ смиренію дѣлъ своихъ, и это суть дѣла, совершаемыя съ помощію тѣла. И душа сохраняетъ ихъ, чтобы врагъ не измѣнилъ ее приманками, обрѣгаемыми въ этомъ лукавомъ вѣкѣ, также смущенными и отклоненными помысленіями; потому что человекъ, пока заключенъ подъ завѣсою дверей плоти, не имѣетъ унованія. Ибо въ вѣкѣ несовершенномъ нѣтъ совершенной свободы. Всякое дѣланіе вѣдѣнія состоитъ въ дѣланіи и продолжительномъ упражненіи; дѣланіе же вѣры не дѣланіи производителю, но исполняется духовными уиопредставленіями, въ чисто душевномъ дѣланіи; и оно превыше чувствъ. Ибо вѣра утонченѣе вѣдѣнія, какъ вѣдѣніе утонченѣе вещей чувственныхъ. Всѣ святые, сподобившіеся обрѣсти житіе сіе (а это есть восторженіе къ Богу), по силѣ вѣры, пребываютъ въ улажденіи онымъ превышесъестественнымъ житіемъ.

Вѣру же разумѣемъ не ту, какую человекъ имѣетъ въ разсужденіи разнствія достопокланяемыхъ и Божественныхъ Уиостасей, все превосходящаго и особеннаго естества въ самомъ Божествѣ, чуднаго домостроительства въ воплощеніи воспріятіемъ нашего естества (хотя и сія вѣра крайне высока), но вѣру, возсіявающую въ душѣ отъ свѣта благодати, свидѣтельствомъ ума поцѣрвляющую сердце, чтобы не колебалось оно въ несомнѣнности надежды, далекой отъ всякаго самошнвнїя. И вѣра сія обнаруживается не въ приращеніи слуха ушей, но въ духовныхъ очахъ, которыя видятъ сокрытыя въ душѣ тайны, невидимое и божественное богатство, сокровенное для очей сыновъ плоти, и открываемое Духомъ ин-

гающимися съ тѣлѣны Христовой, въ поученіи зако-
намъ Христовымъ, какъ сказать Господь: если за-
повѣди Мои соблюдете, пошлю вамъ Утѣшителя,
Духа истины, *Егоже міръ не можетъ пріяти, и
Той вы научитъ* всякой истинѣ (Іоан. 14, 17. 26.).
Онъ указываетъ человѣку сію святую силу, обитающую
въ немъ во всякое время, сей покровъ, сію мыслек-
ную крѣпость, всегда покрывающую человѣка, от-
ражающую отъ него все вредное, чтобы не прибли-
жалось это къ душѣ, или къ тѣлу, сію. Сію-то силу
умъ свѣтлый и духовный невидимо ощущаетъ очами
вѣры. Она-то познается святыми наче въ опытномъ
пріобщеніи оной.

Но оная сила есть самъ Утѣшитель, крѣпостию
вѣры, какъ огонь, сожигающій душевные члены.
И душа устремляется, пренебрегаетъ всякою опа-
сностию въ надеждѣ на Бога. на крылахъ вѣры воз-
носится надъ видимою тварію, и бываетъ всегда
какбы уносимою, въ изумленіи предъ Божествен-
ною попечительностию, въ сложномъ созерцаніи и
неизмѣнномъ разсматриваніи Божественнаго естества.
пріобучая умъ бытъ внимательнымъ къ изученію со-
кровенностей Его. Ибо, пока пріидетъ Тотъ, Кто
есть совершеніе таинствъ, и пока явно не сподо-
бимся откровенія оныхъ, вѣра между Богомъ и свя-
тыми священнодѣйствуетъ неизреченныя таинства,
которыхъ, по благодати самого Христа, и мы да
сподобимся здѣсь, какъ въ залогъ, а въ самой дѣй-
ствительной истинѣ тамъ, во царствіи небесномъ съ
любящими Его! Аминь.

С Л О В О 29.

ОЪ ПШУХЪ СПОСОБАХЪ И РАДНИЧНЫХЪ ПОНЯТІЯХЪ
ВЪДЫНІА.

—

Вѣдьніе, которое записывается виднымъ, или чув-
ствами пріемлетъ, что передается отъ видимаго, на-
зывается естественнымъ. Вѣдьніе же, которое запи-
сывается силою мысленнаго и внутри себя природами
существъ безилотныхъ, именуется духовнымъ; по-
тому что опущеніе пріемлется духомъ, а не чувстви-
ми, и сими двумя рожденіями (у), при наблюдени
ихъ, бываетъ въ душѣ отъиъ. А вѣдьніе, подаваемое
Божественною силою, именуется сверхъестествен-
нымъ; и оно паче недовѣдомо, и выше вѣдьніа. И
созерцаніе сего вѣдьніа душа пріемлетъ не отъ ве-
щества, которое виѣ ся, какъ въ первыхъ двухъ
вѣдьніахъ; но внутри ся самой невестественно, туне,
скоро и сверхъ чаяніа обнаруживается и открывается
оное изъ самой внутренности: потому что, по слову
Христову, *царствіе небесное внутри васъ есть* (Лук.
17, 21.), не прообразованіемъ итаетъ надежду, не
съ соблюденіемъ приходитъ, но внутри образа, за-
печатлѣннаго въ сокровенномъ умѣ, открывается само
собою, безъ помышленія о немъ; потому что умъ не
находитъ въ немъ вещества.

(у) Въ семъ реченіи съ печатнымъ греческимъ текстомъ согласенъ
древній слав. переводъ.

Первое вѣдѣніе бываетъ слѣдствіемъ непрестаннаго занятія и рачительнаго обученія; второе же — слѣдствіемъ добраго житія и разумной вѣры; а третіе дано въ жребій одной вѣрѣ; потому что сію упраздняется вѣдѣніе, дѣла приѣмлютъ конецъ, и чувства дѣлаются излишними для употребленія. Посему, вѣдѣніе чувствуется, въ какой мѣрѣ исходитъ отъ сего предѣла; и чѣмъ больше исходитъ, тѣмъ нѣче чувствуется. И когда достигаетъ земли и земнаго, тогда всею владычествуеетъ вѣдѣніе; и безъ него всякое дѣло хромо и несовершенно. Когда же душа созерцаніе свое возводитъ горѣ, и понятія свои расширяетъ въ пренебесномъ, и помыслиаетъ о томъ, что невидимо тѣлесными очами, и что не во власти плоти; тогда все составляетъ вѣрою, которую и намъ да даруетъ Господь Іисусъ Христосъ, *сый благословенъ во вѣки, аминь* (Рим. 9, 5.).

С Л О В О 30.

Объ образъ молитвы, и о прочемъ, необходимо потребномъ для всѣгдашняго памятованія и во многихъ отношеніяхъ полезномъ, если сохранитъ это читающій съ разсужденіемъ.

Человѣку, во время молитвеннаго прошенія своего, утвердиться въ упованіи на Бога есть лучшая часть благодати вѣры. Утвержденіе же вѣры въ Бога не то, что здравое исповѣданіе, хотя оно и матеръ вѣ-

ры; напротивъ того, душа видѣтъ истину Божию по силѣ житія. Когда въ святыхъ Писаніяхъ находишь вѣру, соединенную съ дѣлами; тогда разсужденія о ней не принимай за разсужденіе о правомъ повѣданіи; потому что вѣра, доводящая до несомнѣнности въ улованіи, никогда не достигается людьми некрещеными, или у которыхъ умъ растлѣнъ для истины. Ибо несомнѣнность вѣры въ людяхъ высокихъ душою открывается по мѣрѣ того, какъ правы ихъ внимательны къ житію по заповѣдямъ Господнимъ.

Непрестанное изученіе Писанія—свѣтъ для души; потому что оно указываетъ душѣ колезныя наочненія о томъ, чтобы остерегаться отъ страстей, пребывать въ любви къ Богу, и въ чистотѣ молитвы, и также начертываетъ предъ нами мирный путь по слѣдамъ святыхъ. Впрочемъ, не сомнѣвайся въ силѣ молитвъ нашего стихословія, когда во время молитвъ, или ежечаснаго чтенія, не послѣдуетъ за ними сильнаго возбужденія и непрестаннаго сокрушенія.

Сказанное изъ опыта слово необходимо принимай, хотя изрекшій оное и не книжный человекъ; потому что царскія сокровища больше всѣхъ на землѣ, но не пренебрегаютъ тѣмъ, чтобы принять въ добавокъ себѣ оволь, взятый у нищаго; и изъ малыхъ потоковъ наводняются рѣки, и дѣлаются великими въ теченіи своемъ.

О храненіи памятованій.

Если памятованіе добраго, когда приводимъ это себѣ на мысль, обновляетъ въ насъ добродѣтель; то

явно, что и памятованіе распутства, когда припоминаемъ о немъ, обличаетъ въ умъ нашъ срамное пожеланіе; потому что памятованіе того и другаго показываетъ и начертываетъ въ помыслиніяхъ нашихъ разность самыхъ воспоминаемыхъ вещей, какъ бы перстомъ указываетъ намъ, или на срамоту нашихъ помысловъ, или на высоту нашего житія, и укрываетъ въ насъ помыслы и движенія и деспныхъ и щихъ. Мы бываемъ заняты ими въ тайны ума нашего, и въ этомъ мысленномъ занятіи изображается удѣлъ житія нашего, такъ-что по необходимости непрестанно видимъ самихъ себя. Наконецъ, не одно сіе занятіе вредитъ тому, кто имѣетъ оное, но съ нимъ вместе вредитъ и видѣніе, а также и воспоминающее это собою памятованіе. И не одно дѣланіе добродѣтели сильно вспомооществуетъ тому, кто упражняется въ семь дѣланій, но и мысленное представленіе, образуемое припоминаніемъ о лицахъ, подвизавшихся въ добродѣтели.

А сіе дѣлаетъ понятнымъ, почему весьма многіе, достигшіе степени чистоты, сподобляюся лицезрѣнію нѣкоторыхъ святыхъ всегда въ почтѣ видѣніи; и днемъ ежечасно въ мысленномъ упражненіи ума бываетъ для нихъ истощикомъ радости видѣніе сихъ святыхъ, начатавшихся въ душахъ ихъ. И потому, съ горячіею приступаютъ къ дѣланію добродѣтели, и въ пѣбытъ западаетъ въ нихъ пламень къ вожделѣнію оныхъ. И говорягъ, что святые Ангелы принимаютъ на себя подобія нѣкоторыхъ досточтимыхъ и благихъ святыхъ, и въ сонномъ мечтаніи показываютъ душѣ сіи подобія, во время паренія ея мыслей, къ ея радости, обогащенію и восмищенію,

а днѣшъ постоянно приводятъ ихъ въ движеніе, когда разсматриваетъ душа свои помыслы; и дѣланіе ея облегчается радостію святыхъ; и отъ сего преуспѣваютъ они въ теченіи своемъ. Такъ бываетъ и при продолжительности браней. Кто имѣетъ привычку занимать свои мысли худыми, тому, при содѣйствіи демоновъ, представляется это въ подобіи. Демоны принимаютъ на себя подобіе, и показываютъ душѣ мечтанія, приводящія ее въ ужасъ, а болѣе, посредствующія къ тому дневному памятованіемъ. И иногда страшнымъ сномъ видѣніемъ, приводящимъ душу въ ужасъ, скоро доводятъ ее до изнеможенія, а иногда представляютъ ей также трудность житія въ безмолвіи и уединеніи, и иное что-либо.

Поэтому и мы, братія, что касается до внимательности къ нашимъ памятованіямъ, и заключенія по онымъ о состояніи души нашей, начнемъ отнынѣ постоянно различать въ разсужденіи занимающихъ насъ памятованій, какія изъ нихъ останавливаютъ на себѣ наше вниманіе, и какія тогчасъ отгоняемъ мы отъ себя, какъ-скоро приближаются къ мысли нашей: тѣ ли, которыя въ насъ по предумышленію бѣсовъ, повергающихъ эту плоть страстямъ, или тѣ, которыя отъ вожделѣнія и раздражительности, или тѣ, которыя отъ святыхъ Ангеловъ, подающихъ намъ мановеніе радости и вѣдѣнія, то-есть, памятованія, пробуждающія насъ помыслами во время приближенія къ намъ святыхъ Ангеловъ, или тѣ, которыя въ насъ отъ впечатлѣній, предварительныхъ принятыхъ чувствомъ, и которыя въ душѣ возбуждаются помыслы, увлекающіе къ чему-нибудь одно-

му. Чрезъ познаніе же сего различія пріобрѣтемъ опытность въ двухъ вещахъ: въ усмотрѣніи памятованій, и въ дѣланіи памятныхъ или дѣлъ, и постараемся, чтобы за тѣмъ и другимъ слѣдовала опредѣленная молитва.

О разныхъ степеняхъ любви.

Любовь, возбуждаемая чѣмъ-нибудь, есть какъ малый свѣзлынокъ, питаемый слеемъ, который и поддерживается свѣтъ его, или какъ наводняемый дождемъ потокъ, котораго теченіе прекращается съ оскудѣніемъ составляющей его дождевой воды. Но любовь, которая имѣетъ виновникомъ Бога, есть то-же, что быющій изъ земли источникъ; потоки ся никогда не пресѣкаются (потому что одинъ Богъ есть источникъ любви), и питающее сію любовь не оскудѣваетъ.

О томъ, какъ должно тебѣ молиться безъ круженія мыслей.

Хочешь ли насладиться стихословіемъ, во время службы своей, и постигнуть смыслъ произносимыхъ тобою словесъ Духа? Отложи совершенно въ сторону количество стихословій, не принимай въ расчетъ знанія мѣры въ стихахъ, произноси ихъ какъ молитву, оставь обычное громогласіе, и выразишь, что говорю тебѣ, и что сказано повѣствовательно, какбы въ книгѣ одного изъ мужей, руководимыхъ Богомъ. Да углубляется умъ твой въ изученіе словесъ Духа, пока душа твоя удивленіемъ къ домо-строительству не возбудится къ высокимъ ихъ разумніямъ, и чрезъ это не подвигнется къ славословію, или къ полезной печали. И ежели есть что

дѣя молитвы, усвой это себѣ; и когда умъ твой утвердится въ этомъ, тогда смущеніе уступитъ свое мѣсто, и удалится. Ибо въ рабскомъ дѣланіи нѣтъ мира уму, и въ свободѣ чадъ нѣтъ мятежнаго смущенія. А смущеніе отнимаетъ обыкновенно вкусъ у смысла и понятливости, и расхищаетъ мысли подобно пѣлкѣ, высасывающей жизнь изъ тѣлѣ съ кровію ихъ членовъ. И смущеніе, если только возможно, прилично будетъ называть колесницею діавола, потому что сатана пьетъ всегда обычай, подобно ѣдоку, обуздывать умъ, брать съ собою кучу страстей, съ ними входитъ въ несчастную дуну, и погружать ее въ смущеніе. Но пойми разсудительно и это. При стихословіи псалмопѣнія твоего не будь какбы замѣствующимъ слова у другаго, чтобы не подать мысли, будто бы дѣло поученія умножаешь непрерывно, и совершенно не стать далекимъ отъ почеркаемыхъ въ стихахъ умиленія и радости; но, какъ самъ отъ себя произноси слова прошенія твоего съ умиленіемъ и разсудительнымъ разумѣніемъ, какъ истинно понимающій дѣло свое.

Замѣть, отъ чего рождается уныніе, и отъ чего
пареніе ума.

Уныніе отъ паренія ума, а пареніе ума отъ празности, чтенія и суетныхъ бесѣдъ, или и отъ пресыщенія чрева.

О томъ, что должно не прекословитъ лукавымъ (ф) помысламъ, но повергать себя предъ Богомъ.

Если кто не прекословитъ помысламъ, всѣваемымъ въ нихъ врагомъ, но молитвою къ Богу прерываетъ

(ф) Слово *лукавымъ* допущено изъ древн. слав. перевода.

бесѣду съ ними; то это служитъ признакомъ, что умъ его обрѣтъ по благодати премудрость, что отъ многихъ лѣтъ освободило его истинное его вѣдѣніе, и что обрѣтеніемъ краткой стези, которой достигъ, пресѣкъ онъ долговременное нареніе на длинномъ пути, потому что не во всякое время имѣемъ мы силу такъ воспрескословить всемъ сопротивнымъ помысламъ, чтобы прекратить ихъ; напротивъ же того, перѣдко получаемъ отъ нихъ язву, долгое время неуврачуемую. И ты выходишь дать урокъ тѣмъ, кому уже шесть тысячъ лѣтъ. А это служитъ для нихъ оружіемъ, которымъ возмогутъ они поразить тебя, несмотря на всю твою мудрость и на все твое благоразуміе. Но когда и побѣдишь ты ихъ; и тогда нечистота помысловъ осквернитъ умъ твой, и зловоніе смрада ихъ на долгое время останется въ обоняніи твоёмъ. Употребивъ же первый способъ, будешь свободенъ отъ всего этого, и отъ страха; потому что нѣтъ иной помощи, кромѣ Бога.

О слезахъ.

Слезы во время молитвы — признакъ Божіей милости, которой сподобилась душа въ покаяніи своемъ,—признакъ того, что молитва принята, и слезами начала входитъ на поле чистоты. Ибо, если не будутъ отъяты въ подахъ помыслы о преходящемъ, и не огрннуть они отъ себя мірской надежды, и не возбудится въ нихъ пренебреженіе къ міру, и не начнутъ они уготовлять добраго паутетвія къ пеществію своему, не начнутъ въ душѣ воставать помыслы о томъ, чѣмъ будетъ тамъ: то глаза не могутъ проливать слезъ; потому что слезы суть слѣд-

ствіе безпримѣснаго и невысокопарнаго размышленія, многихъ частыхъ и неуклонно пребывающихъ помысловъ, памятованія о чемъ-то тонкомъ, совершающемся въ умѣ, и памятованіемъ симъ приводящемъ сердце въ печаль. Отъ сего-то слезы умножаются, и наиболѣе увеличиваются.

О РУКОДѢЛІИ И О СРЕБРОЛОБІИ.

Когда, во время пребыванія твоего на безмолвіи, обращаешься къ рукодѣлію; не обращай отеческой заповѣди въ покрывало своему сребролобію. Во избѣжаніе унынія пусть будетъ у тебя небольшое дѣло, невозмущающее ума. Если же для милостыни пожелаешь болѣе заняться дѣломъ; то знай, что молитва въ чинѣ своемъ выше милостыни. А если ради тѣлесныхъ потребностей; то, если ты насытитъ, къ удовлетворенію нуждъ твоихъ достаточно съ тебя и того, чѣмъ надѣляетъ тебя Богъ. Ибо Онъ никогда не оставляетъ дѣлателей Своихъ, чтобы тернѣли они недостатокъ въ преходящемъ. Господь сказалъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѣ. 6, 33.), прежде прошенія вашего.

Никто изъ святыхъ сказалъ: «не тотъ чинъ житія твоего, чтобы насыщать алчущихъ, и чтобы келья твоя сдѣлалась страннопріимницею для пришлыхъ. Это дѣло мірянъ: имъ оно нѣче прилично, какъ дѣло прекрасное, а не отшельникамъ, свободнымъ отъ видныхъ помысловъ, и хранящимъ умъ свой въ молчѣніи».

С Л О В О 31.

Объ отшельничествѣ, и о томъ, что должно намъ не въ боязнь приходить и устрашаться, но подкрѣпить сердце упованіемъ на Бога, и благодушествовать съ несомнѣнною вѣрою, потому что стражемъ и хранителемъ имѣемъ Бога.

Если когда окажешься достойнымъ отшельничества, которое въ царствѣ свободы его имѣетъ бремена легкія; то помысль страха да не понуждаетъ тебя, по обычаю своему, многообразно измѣнять помыслы и зашматываться ими. Но будь наче увѣренъ, что Хранитель твой съ тобою; и мудрость твоя во всей точности да удостовѣритъ тебя, что, вмѣстѣ со всеми тварями, и ты состоишь подъ единымъ Владыкою, Который единымъ мановеніемъ приводитъ все въ движеніе, и колеблетъ, и укрощаетъ, и устрояетъ. Ниодни рабъ не можетъ сдѣлать вреда кому-либо изъ подобныхъ ему рабовъ, безъ дозволенія о всѣхъ Промышляющаго и всѣмъ Управляющаго. И ты немедленно вступишь, и благодушествуй. Если и дана имъ свобода; то не во всякомъ дѣлѣ. Ибо ни демоны, ни губительные звѣри, ни порочные люди, не могутъ исполнить воли своей на вредъ и пагубу, если не поусыпятъ сего изволеніе Правящаго, и не дасть ему мѣста въ определенной мѣрѣ. Онъ и свободѣ не попускаетъ приводить все въ дѣйствіе. А если бы не было того,

не осталась бы въ живыхъ никакая плоть. Господь не позволяеть, чтобы къ твари Его приближалась власть демоновъ и людей, и исполняла на ней волю свою. Поэтому, говори всегда душѣ своей: «есть у меня оберегающій меня Хранитель; и ни одна изъ тварей не можетъ явиться предо мною, развѣ только будетъ повельно свыше». Будь же увѣренъ, что не осмѣлятся показаться на глаза тебѣ и заставить тебя выслупать ушами своими угрозы ихъ. Ибо, если бы дозволено было свыше отъ Пренебеснаго; то не было бы пужды въ словъ и въ словахъ, но за волею ихъ последовало бы и дѣло.

Скажи также самъ себѣ: «если есть на то воля Владыки моего, чтобы лукавые возобладали надъ созданіемъ; то принимаю сіе не огорчаясь, какъ нежелающій, чтобы воля Господа его осталась безъ исполненія». Такимъ образомъ, въ искущеніяхъ твоихъ будешь исполненъ радости, какъ увѣдавшій и въ точности сознавшій, что управляетъ и распоряжаетъ тобою Владычье мановеніе. Наконецъ, подкрѣпляй сердце свое упованіемъ на Господа; и не убоишися отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы летящія во дни (Ис. 90, 5.). Ибо сказано, что праведнаго въра въ Бога и дикихъ звѣрей дѣлають кроткими, подобно овцамъ.

Скажешь: «я не праведникъ, чтобы уповать мнѣ на Господа». Но ты дѣйствительно для дѣланія правды вышелъ въ пустыню исполненную скорбей, и для этого содѣлался послушнымъ Божіей волѣ. Все и трудись, когда несешь труды сіи не потому, что Богу тогда только желателенъ трудъ человѣческій, когда приносишь ты Ему скорбь свою

въ жертву любви. Сію разсудительность показываютъ все любящіе Бога, подвергающіе себя скорбямъ изъ любви къ Нему. Ибо благопозволяющіе жить о Христѣ Иисусѣ въ страхъ Божіе избираютъ для себя скорбь, терпятъ іоненіе. И Онъ дѣлаетъ ихъ обладателями вѣйшии хранимыхъ Своихъ сокровищъ.

О выгодахъ, доставляемыхъ искушеніями тѣмъ, которые терпятъ ихъ и съ благодарностію, и мужественно.

Нѣкто изъ святыхъ говорилъ: «Былъ одинъ отшельникъ, старецъ почтенный, и я пришелъ къ нему однажды, а самъ былъ въ печали отъ искушеній. Онъ лежалъ больно; и когда привѣтствовалъ я его, и былъ у него, и сказалъ ему: помолись о мнѣ, Отецъ, потому что весьма печалю меня демонскія искушенія, — тогда онъ, открывъ глаза свои, внимательно посмотрѣлъ на меня, и сказалъ: молодъ ты, чадо, и Богъ не оставляетъ посылать на тебя искушенія. Я отвѣчалъ ему: да, очень я молодъ, терплю же искушенія мужей кривыхъ силамъ. — И онъ продолжалъ: Богъ хочетъ уже умудрить тебя. — Я возразилъ: какъ же умудрить меня? Ежедневно вкушаю смерть. — И онъ сказалъ на это: любить тебя Богъ; молчи. Онъ дастъ тебѣ благодать Свою. Потомъ присовокупилъ: знай, чадо, тридцать лѣтъ велъ я брань съ демонами, и по истеченіи двадцатаго года вовсе не видѣлъ себѣ помощи. Когда же прожилъ я и пятый изъ послѣднихъ десяти, тогда началъ находить упокоеніе. И съ теченіемъ времени оно возрастало. И когда прошелъ седьмой годъ, а за нимъ насту-

нѣтъ осѣмый, упокоеніе простерлось до большей
 гораздо мѣры. Въ теченіе же тридцатаго года, и
 когда опытъ приходилъ уже къ концу, такъ сильно
 стало упокоеніе, что не знаю и мѣры, до какой оно
 увеличилось. И еще присовокупить: когда захочу
 встать для совершенія службы Божіей, могу еще
 совершить одну славу (х); а что—до остальнаго,
 если буду стоять три дня, въ размышленіи пребываю
 съ Богомъ, и ничему не чувствую труда. Вотъ ка-
 кое ненасыщаемое упокоеніе порождено многотруд-
 нымъ и долговременнымъ дѣломъ!

О томъ, что храненіе языка не только заставляеть
 умъ воспріять къ Богу, но и содѣйствуетъ воз-
 держанно.

Былъ одинъ старецъ, вкушавшій пищу два раза
 въ недѣлю, и сказывалъ намъ: «въ тотъ день, въ
 который поговорю съ кемъ-нибудь, невозможно
 для меня сохранить правило поста, по обычаю мо-
 ему; но принужденъ бываю разрынить постъ». И
 мы поняли, что храненіе языка не только застав-
 ляеть умъ воспріять къ Богу, но и дѣламъ яв-
 нымъ, совершаемымъ съ помощію тѣла, втайнѣ
 доставляетъ великую силу къ ихъ совершенію, а
 также просвѣщаетъ и въ тайномъ дѣланіи, какъ
 говаривали Отцы, потому что храненіе устъ за-
 ставляетъ совѣсть воспріять къ Богу, если
 только соблюдаетъ кто молчаніе съ вѣдѣніемъ.
 Этотъ святой умъ большее обыкновеніе проводить

(х) Одну третью часть каѳизмы.

ночь во бдѣніи. Ибо говорить: «Въ ту ночь, которую стою до утра, засыпаю съ псаломныиѣмъ; а по пробужденіи отъ сна, въ день этотъ бываю какъ бы челоувѣкомъ не принадлежащимъ къ этому міру; никакіе земные помыслы не приходятъ мнѣ на сердце, и не имѣю нужды въ опредѣленныхъ правилахъ, по цѣлый этотъ день бываю въ изумленіи. Такъ, въ одинъ день хотѣлъ я принять пищу, по прошествіи передъ тѣмъ четырехъ дней, въ которые ничего не вкушалъ. И когда сталъ я на вечернюю службу, чтобы послѣ оной вкушать, и стоялъ на дворѣ келліи моеи, между-тѣмъ какъ солнце было еще высоко; начавъ службу, только въ продолженіе первой славы совершалъ оную съ сознаніемъ, а послѣ того, пребывалъ въ ней, незная, гдѣ я, и оставаясь въ сѣнѣ положеніи, пока не взошло опять солнце въ слѣдующій день, и не согрѣло лица моего. И тогда уже, какъ солнце начало сильно беспокоить меня и жечь мнѣ лице, возвратился ко мнѣ умъ мой, и вотъ увидѣлъ я, что насталъ уже другой день, и возблагодарилъ Бога, размышляя, сколько благодать Его претпльвается на челоувѣка, и какого величія сподобляетъ Оутъ идущихъ во слѣдъ Его. Послѣ этого, Ему единому подобаетъ слава и велевліе во вѣки вѣковъ!»! Аминь.

С Л О В О 32.

О томъ, чѣмъ сохраняется тайное, внутреннее въ душѣ трезвеніе, и откуда приходятъ сонливость и холодность въ умъ, мѣшаютъ въ душѣ святой горячность и умерщвляютъ стремленіе къ Богу, лишивъ душу горячности къ духовному и небесному.

Кто имѣетъ добрыя желанія, тому противленіе не можетъ воспрепятствовать исполнить оныя, развѣ только лукавый найдетъ мѣсто худому предлогу въ желающихъ добраго. Бываетъ же это по слѣдующей причинѣ. За всякою мыслию добраго желанія, въ началѣ его движенія, послѣдуетъ нѣкая ревность, горячностію своею угодобляющаяся огненнымъ углемъ; и она обыкновенно ограждаетъ сію мысль, и не допускаетъ, чтобы приближилось къ ней какое-либо сопротивленіе, препятствіе и преграда; потому что ревность сія пріобрѣтаетъ великую крѣпость и несказанную силу ограждать душу отъ расслабленія или отъ боязни, при устремленіяхъ на нее всякаго рода стѣснительныхъ обстоятельствъ. И какъ самая первая мысль есть сила святаго желанія, отъ природы насажденная въ естествѣ души; такъ ревность сія есть мысль, движимая раздражительною въ душѣ силою, данная намъ Богомъ на пользу, для соблюденія естественнаго предѣла, для выраженія понятія о своей свободѣ исполненіемъ естественнаго желанія, находящагося въ душѣ. Это есть добродѣтель, безъ которой не производится доброе, и она на-

зывается ревностно; потому что отъ времени до времени движеть, возбуждаетъ, распаляетъ и укрѣпляетъ чловѣка, пренебрегать плотию въ скорбяхъ и въ страшныхъ сръзтающихъ его искушеніяхъ, непрестанно предавать душу свою на смерть, и идти во сръзленіе отступнической снѣ ради совершенія того дѣла, котораго сильно возжелала душа.

Ибо нѣкто, облеченный во Христа, ревность снѣ въ словахъ своихъ назваъ неомъ и стражемъ закона Божіа, то-есть, добродѣтели, потому что закономъ Божіимъ называется добродѣтель. Эта сна ревности двумя способами укрѣпляется, пробуждается и воспаляется на храненіе дома, и также двумя способами приводится въ изнеможеніе, дремоту и лѣность. И именно: пробужденіе и воспламененіе бываегъ, когда чловѣку приходитъ на мысль какой-нибудь страхъ, заставляющій его бояться за то благо, которое онъ пріобрѣлъ, или имѣетъ въ виду пріобрѣсти, чтобы не было оно украдено, или уничтожено, какииъ-либо случаемъ, или послѣдствіемъ онаго. И снѣ возбуждается въ чловѣкѣ по Божественному промышленію; разумью же страхъ во всѣхъ достойныхъ дѣлателяхъ добродѣтели, пребывающій въ душѣ для ея пробужденія и ревнованія, чтобы не предавалась она дремотѣ.

Когда же возбужденъ въ естествѣ этотъ страхъ, тогда ревность, названная у насъ неомъ, день и ночь разгарается, какъ пылающая печь, и пробуждаетъ естество. И, подобно Херувимамъ, чловѣкъ пробуждается и ежечасно внимаетъ тому, что окрестъ его, и какъ говоритъ упомянутый выше нѣкто, если прохочетъ птица около его, приходитъ въ движеніе и

дается съ самою быстрою и неслуханною стремительностію. И когда этотъ страхъ бываетъ о тѣлѣ; тогда дѣлается сатанинскимъ (ц); потому что человекъ колебался въ вѣрѣ своей въ Промыслъ Божій, и позабылъ, какъ нечестен и промышляетъ Богъ о подвижающихся ради добродѣтели, съжечасно называя патъ шипъ, о чемъ и Духъ Святой говоритъ устами Пророка: *они Господни на праведныя* и пр. (Ис. 33, 16.); и еще : *держава Господь боищихся Его* (Псал. 21, 11.). И самъ Господь, какбы отъ Своего лица сказать боищимся Его: *не придетъ къ тебѣ зло, и рана не приблизится селенію твоему* (Псал. 90, 10.).

Но когда страхъ бываетъ о душѣ по причинѣ того, что приключается добродѣтели, и что сопровождаетъ ее, и именно страхъ, чтобы она не была ограблена, и по какимъ-нибудь причинамъ не потерпѣла ущерба; тогда помыслъ сей божественъ, попеченіе благо, скорбь и томленіе бываютъ по Божію промышлению. И еще другой есть способъ, то-есть, крѣпость и воспламененіе ея обнаруживаются, когда наиболѣе возрастаетъ въ душѣ воздержаніе добродѣтели. Ибо въ какой мѣрѣ возрастаетъ въ душѣ воздержаніе, въ такой же воспламеняется и этотъ пестъ, то-есть, естественная ревность къ добродѣтели. Первый же поводъ къ охлажденію его, когда самое воздержаніе уменьшился и прекратился въ душѣ. А второй поводъ, когда войдетъ въ душу

(ц) Слова о тѣлѣ, тогда дѣлается сатанинскимъ. допущены изъ древняго славянскаго перевода

какой-то помысль увѣренности и отважности, и утвердится въ ней, и человекъ станетъ надѣяться, думать и держаться той мысли, что нѣтъ ему причины бояться, потернѣть вредъ отъ какой-нибудь силы; и потому, слагаетъ онъ съ себя оружіе ревности, и бываетъ какъ домъ безъ стражи, всеъ насыпаетъ, и надолго оставляетъ стражу.

Весьма многіе мысленные дома бываютъ окрадены сими помыслами. И это бываетъ, когда померкнетъ въ душѣ чистота онаго осіянія святымъ вѣдѣніемъ. Отъ чего же она померкнетъ? Конечно, отъ того, что вошелъ въ душу какой-либо самый тонокій помысль гордыни, и возгнѣдился тамъ; или человекъ сталъ болѣе предаваться попеченію о преходящемъ, или частому обольстительному для него сообщенію съ міромъ. Или бываетъ сіе отъ чрева этой госпожи всего худого. Всякій же разъ, когда подвижникъ вступаетъ въ общеніе съ міромъ, душа его тотчасъ изнемогаетъ. То-же бываетъ, когда сходятся онъ со многими, которые по тщеславію необходимо сокрушаютъ душу его. Короче сказать, умъ предающагося бѣгству подвижника, когда входитъ онъ въ общеніе съ міромъ, унождается корычню, который спокойно плетъ по морю и внезапно попадаетъ въ средину подводныхъ камней, и терпитъ крушеніе.

Богу же нашему слава, держава, честь и вѣлѣніе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 33.

О многихъ измѣненіяхъ, послѣдующихъ въ умъ и
искушаемыхъ молитвою.

—

Предпочитать доброе изволеніе — дѣло желающаго; довершать же выборъ добраго изволенія — дѣло Божіе. Для сего человекъ имѣетъ нужду въ Божіей помощи. А посему сдѣлаемъ, чтобы за появляющимися въ насъ добрыми желаніями слѣдовали частыя молитвы, и будемъ просить не только оказать намъ помощь, но и различить, послужить ли сіе къ угожденію воли Божіей, или нѣтъ. Ибо не всякое доброе желаніе входитъ въ сердце отъ Бога, но только то, которое полезно. Иногда человекъ желаетъ добраго, но Богъ не помогаетъ ему; потому что какое-нибудь подобное сему желаніе входитъ и отъ діавола, и почитается служащимъ въ помощь; а перьдко бываетъ не по мѣрѣ человеку. Самъ діаволь умышляетъ сдѣлать человеку вредъ, и поуждастъ его взыскать желаемаго, когда не достигъ еще онъ соответствующаго тому житія. Или желаніе чуждо принятому на себя человекомъ образу. Или не пришло еще время, когда можно исполнить оное, или начать его исполненіе. Или человекъ не имѣетъ достаточныхъ къ дѣлу, и вѣдѣнія, и тѣлесныхъ силъ. Или не способствуютъ намъ въ томъ обстоятельстве времени. И діаволь всякимъ способомъ, какбы подъ личиномъ этого добраго дѣла, или смущаетъ человека, или наноситъ вредъ его тѣлу, или скрываетъ свѣтъ въ умъ его. Впрочемъ, какъ сказать я,

рачительно будемъ совершать частыя молитвы, при появляющемся въ насъ добромъ желаніи, и каждый изъ насъ пусть скажетъ самъ въ себѣ: «да будетъ воля Твоя, пока не совершу добраго дѣла сего, которое возжелать я сдѣлать, если угодно воля Твоя». Ибо въ дѣлѣ этомъ восхотѣть — для меня удобно, а сдѣлать этого безъ дарованія, Тобою ниспосылаемаго, не могу; хотя отъ Тебя и то и другое, и еже хотѣти, и еже дѣлати (Фил. 2, 13.); потому что безъ благодати Твоей не рѣшился бы я пріять и этого возбуждающаго во мнѣ желанія, или убоаясь бы его». Ибо таковъ обычай у того, кто возжелѣваетъ добраго, — по разсудительности ума молитву употребляетъ въ пособіе къ дѣланію и къ пріобрѣтенію мудрости, для различенія истины отъ подложнаго. А доброму отдается предпочтеніе при многихъ молитвахъ, дѣланіи, храненіи, непрестанной приверженности, при частыхъ слезахъ, смиреніи и небесной помощи, особливо когда въ человѣкѣ есть сопротивныя помыслы гордыни. Ибо они не допускаютъ до насъ Божію помощь, — приводимъ же ихъ въ бездѣйствіе молитвою.

С Л О В О 34.

О тѣхъ, которые живутъ въ приближеніи къ Богу,
и проводятъ дни свои въ жизни вѣдѣнія.

Одинъ старецъ на стѣнахъ кельи своей искалъ слова и разныя мысли, и когда спросилъ его: «что это значитъ?» отвѣчалъ: «это — помыслы правды,

приходящіе ко мнѣ отъ Ангела, пребывающаго со мною, и возникающія во мнѣ естественныя правыя размышленія; записываю же ихъ во время появленія ихъ, чтобы, при обращеніи своемъ, защищаться мнѣ ими, и они избавляли меня отъ заблужденія».

Другой старецъ ублажаемъ былъ помыслами своими, что вмѣсто преходящаго міра сподобился онъ непобудимой надежды, и старецъ отвѣчалъ: «пока еще я въ пути, напрасно хвалите меня; не совершилъ еще я пути».

Если будешь трудиться въ прекрасной добродѣтели и не почувствуешь, что вкушаешь отъ нея наслажденіе; то не дивись. Ибо, пока не смиреніе человекъ, не получаетъ награды за свое дѣланіе. Награда дается не за дѣланіе, но за смиреніе. Кто оскорбляетъ послѣднее, тотъ теряетъ первую. Кто предварилъ, и пріимъ уже награду за добрыя дѣла, тотъ преимуществуетъ предъ имѣющимъ дѣланіе добродѣтели. Добродѣтель есть мать печали; а отъ печали рождается смиреніе, а смиренію дается благодать. Воздаяніе же бываетъ уже не добродѣтели, и не труду ради ея, но рождающемуся отъ нихъ смиренію. Если же оно утрачено; то первыя будутъ напрасны.

Дѣланіе добродѣтели есть храненіе заповѣдей Господнихъ. Обиліе дѣланія — вогъ доброе пріуготовленіе ума. Оно состоитъ въ смиренномудріи и храненіи. Когда оскудѣетъ сила первыхъ, вмѣсто нихъ пріемлется это. Христосъ же требуетъ не дѣланія заповѣдей, но исправленія души, для котораго узаконилъ заповѣди подзаконнымъ. Тѣло равно дѣйствуетъ и деснымъ и шумомъ, а утъ, какъ хочеть, или

оправдывается, или погрѣшаетъ. Иной и дѣлами шуним содѣлываетъ жизнь въ премудрости Божіей, а иной продастъ грѣхъ какбы подѣ личною божественнаго.

Въ шныхъ, охраняющихъ себя, и недостатки бывають хранителями правды. Дарованіе безъ искушеній — погибель для пріемлющихъ оное. Если дѣлаешь доброе предѣ Богомъ, и дасть тебѣ дарованіе; умоли Его дать тебѣ познаніе, сколько прилично для тебя смириться, или представить къ тебѣ стража надѣ дарованіемъ, или взять у тебя оное, чтобы оно не было для тебя причиною погибели. Ибо не для всехъ безвредно хранить богатство.

Душа, пріавшая на себя попеченіе о добродѣтели и живущая въ строгости и страхѣ Божіемъ, не можетъ быть безъ печали каждый день; потому что добродѣтели сопряжены съ печальми. Кто уходитъ огъ скорбей, тотъ, конечно, разлучается несомнѣнно и съ добродѣтелию. Если возделываешь добродѣтели; то предай себя на всякую скорбь. Ибо скорби рождаютъ смиреніе. Богъ не хочетъ, чтобы душа была безъ попеченія. Кто желаетъ не имѣть попеченія, тотъ мудрованіемъ своимъ виѣ волн Божіей. Попеченіе же разумѣемъ не о тѣлесномъ, но о томъ, что утруждаетъ послѣдующихъ добрымъ дѣламъ. Пока не достигнемъ истиннаго вѣдѣнія, т. е. откровенія таинъ; посредствомъ искушеній приближаемся къ смиренію. Кто безъ скорби пребываетъ въ добродѣтели своей; тому отверзета дверь гордости.

И кто уже пожелаетъ быть безъ печали въ мысляхъ своихъ? Безъ оскорбленій умъ не можетъ пребыть въ смиреніи, а безъ смиренномудрія не мо-

жетъ чисто заняться молитвою къ Богу. Сперва человекъ мыслями своими удаляется отъ должнаго попеченія, а послѣ сего приближается къ нему духъ гордыни. Когда же человекъ пребываетъ въ гордости; тогда удаляется отъ него промыслительный Ангелъ, который близъ него и возбуждаетъ въ немъ попеченіе о праведности. И когда человекъ оскорбитъ сего Ангела, и онъ удалится; тогда приближается къ человеку чуждый, и съ того времени быть уже у него никакого попеченія о праведности.

Прежде сокрушенія гордыни, говоритъ Премудрый (Притч. 18, 12.), и прежде дарованія смиренія. По мѣрѣ гордыни, видимой въ душѣ, и мѣра сокрушенія, какою вразумляетъ душу Богъ. Гордыню же разумно не ту, когда помысль ея появляется въ умѣ, или когда человекъ на время побѣждается ею, но гордыню постоянно пребывающую въ человекѣ. За горделивымъ помысломъ послѣдуетъ сокрушеніе; а когда человекъ возлюбитъ гордыню, не знаетъ уже сокрушенія. Богу нашему слава и велельіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 35.

О ПРИВЕРЖЕННОСТИ КЪ МІРУ.

Истинно слово, сказанное Господомъ, что человеку невозможно съ приверженностію къ міру пріобрѣсти любви къ Богу, и быть возможности при общеніи съ міромъ вступить въ общеніе съ Богомъ,

и съ попеченіемъ о міръ имѣть попеченіе о Богѣ. Какъ-скоро оставимъ Божіе по тѣлеславію или перѣдко по недостатку потребнаго для тѣла, многіе уклонятся отъ насъ въ иные стороны. Иные изъ-явивши согласіе трудиться для царства небеснаго, и не помнятъ обѣтованія, какое изрекъ Господь: «если все попеченіе ваше приложите о царствѣ небесномъ, не лишу васъ удовольствіющаго потребностямъ естества видимаго, но все прійдетъ къ вамъ вмѣстѣ съ прочимъ. Ибо не оставлю васъ имѣть попеченіе о себѣ самихъ». О вещахъ неодушевленныхъ, о птицахъ ради насъ созданныхъ, печется Господь; ужели же не понется о насъ? Сіе невозможно. Кто печется о духовномъ, или о чемъ-нибудь служащемъ духовному; тому доставляется тѣлесное безъ попеченія о томъ, сколько и когда то нужно. А кто печется о тѣлесномъ сверхъ потребностей; тотъ невольно отпадаетъ отъ Бога. Если же мы постараемся имѣть попеченіе о томъ, что нужно, ради имени Господня; то Господь понется о томъ и о другомъ, по мѣрѣ подвига нашего.

Впрочемъ, не будемъ стараться искушать Бога въ тѣлесномъ, въ замѣнъ душевныхъ нашихъ дѣлъ, но всѣ дѣла свои направимъ къ надеждѣ будущихъ благъ. Кто изъ любви къ душѣ своей единожды предастъ себя добродѣтели, и возжелаетъ совершить дѣланіе ся; тотъ не печется послѣ сего о тѣлесномъ, есть ли это у него, или нѣтъ. Въ разсужденіи этого Богъ перѣдко попускаетъ, чтобы добродѣтельные искушаемы были чѣмъ-либо таковымъ, дозволяетъ, чтобы отвсюду возставали противъ нихъ искушенія, поражаетъ ихъ въ тѣлѣ ихъ, какъ Іова,

свергаетъ ихъ въ пищету, дѣлаетъ, что отстунается
 отъ нихъ человечество, поражаетъ ихъ въ томъ,
 что пріобрѣтено ими; только къ душамъ ихъ не
 приближается вредъ. Ибо невозможно, чтобы, ко-
 гда идемъ путемъ правды, не встрѣтилась съ нами
 печаль, тѣло не изнемогало въ болѣзняхъ и тру-
 дахъ, и пребывало неизмѣннымъ, если только воз-
 любимъ жить въ добродѣтели. Если же человекъ
 проводитъ жизнь по воли своей, или предаваясь
 зависти, или губя душу свою, или дѣлая что-либо
 иное вредное для него; то подлежитъ онъ осужде-
 нію. А когда пойдетъ онъ путемъ правды, и совер-
 шаетъ уже шествіе свое къ Богу, и пріобрѣтаетъ
 многихъ подобныхъ себѣ, и встрѣчается съ нимъ
 что-либо подобное; то непринично ему уклоняться
 отъ стези своей, но долженъ онъ съ радостію, безъ
 пытливости, принимать это и благодарить Бога, что
 послалъ ему благодать сію, и сподобился онъ ради
 Бога внасть въ искушеніе, и содѣлаться сообщни-
 комъ въ страданіяхъ съ Пророками, Апостолами и
 прочими святыми, ради пути сего претерпѣвшими
 скорби. Отъ людей ли, отъ демоновъ ли, отъ тѣла
 ли прійдутъ на него искушенія (невозможно же,
 чтобы пришли и были поущены безъ Божіа мано-
 венія), да будетъ сіе для него поводомъ къ правдѣ.
 Ибо невозможно, чтобы Богъ возжелавшему пре-
 бывать съ Нимъ оказалъ благоутѣніе какъ иначе, а
 не пославъ на него искушенія за истину; какъ и
 человеку содѣлаться достойнымъ того, чтобы спо-
 добиться сего величія, то-есть, за божественные сіи
 труды войти въ искушеніе и возрадоваться, невоз-
 можно безъ благодати Христовой. О семъ свидѣ-

тельствуетъ святой Павелъ. Ибо столько велико дѣло сіе, что Апостолъ явно называетъ дарованіемъ, когда человекъ готовится пострадать ради надежды на Бога. Павелъ говоритъ: отъ Бога даровася намъ сіе, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати (Фил. 1, 29.). Такъ и святой Петръ написалъ въ Посланіи своемъ: когда страждене правды ради, блаженни есте (1 Петр. 3, 14.), потому что содѣлались общниками страстей Христовыхъ (Фил. 3, 10.). Наконецъ, не надлежитъ тогда тебѣ радоваться, когда живешь пространно, въ скорбяхъ же посуняги лице, и почитать ихъ чуждыми пути Божію. Ибо стезя его отъ вѣка и отъ родовъ крестомъ и смертію пролагается. А у тебя откуда такая мысль? Дознай изъ этого, что ты вѣи пути Божія, и удаляешься отъ него, не хочешь идти по слѣдамъ святыхъ, или намѣреваешься устроить себѣ иной особенный путь, и по немъ ходить не страдаи.

Путь Божій есть ежедневный крестъ. Никто не восходилъ на небо, живя прохладно. О пути же прохладномъ знаемъ, гдѣ онъ оканчивается. Богу не угодно, чтобы безпечнымъ былъ тотъ, кто Ему предалъ себя всѣмъ сердцемъ. Попеченіе же его должно быть объ истинѣ. А изъ сего познается, что подъ Божіимъ онъ Промысломъ, когда Богъ непрестанно посылаетъ ему печали.

Промыслъ никогда не попускаетъ, чтобы живущіе въ искушеніяхъ впадали въ руки демонскія, особливо, если они любуютъ поги у братіи, прикрываютъ и утаиваютъ ихъ вины, какбы свои собственныя. Кто хочетъ въ міръ семъ не имѣть

попеченій, и возжелѣваетъ сего, но желаетъ и въ добродѣтели упражняться; тотъ не на ся пугн. Ибо праведные не только по волю своей подвижутся въ добрыхъ дѣлахъ, но и невольно выдерживаютъ сильное бореиіе съ искушеніями, во испытаніе своего терпѣнія. Душа, имѣющая въ себѣ страхъ Божій, не боится чего-либо такого, что вредитъ ей телесно; потому что на Бога уповаешь отыишь и во всякы вѣковы. Аминь.

С Л О В О 36.

О томъ, что не должно желать, или домогаться безъ нужды -- имѣть у себя въ рукахъ какия-либо явные знаменія.

Господь не во всякое время, когда Отецъ близокъ къ святымъ Своимъ, въ помощь имъ, безъ нужды явно показываетъ силу Свою въ какомъ-либо дѣлѣ и чувственномъ знаменіи, чтобы оказываемая имъ помощь не сдѣлалась безполезнаю, и не послужила къ какому вреду. И дѣластъ сіе. промышляя о святыхъ, и желая показать имъ, что и на часъ не прекращаетъ тайнаго Своего о нихъ попеченія, но во всякомъ дѣлѣ предоставляетъ имъ, по мѣрѣ силъ, показать свой подвигъ и потрудиться въ молитвѣ. Если же дѣлю препобѣждаетъ ихъ трудностію; когда изнемогутъ они, и не въ силахъ будутъ совершить дѣла, потому что недостаточна къ тому природа ихъ, Самъ совершаетъ по величію державы Своей; и какъ Самъ знаетъ, получаютъ они надѣе-

жающую помощь, и сколько можно, укрѣпляетъ ихъ втайнѣ, пока съ силою не противустоятъ скорби своей. Пбо дѣлаетъ, что въ дѣлѣ, какое даруетъ имъ, разрынаются все нуты скорби ихъ, и созерцаніемъ онаго пробуждаетъ ихъ къ славословію, полезному въ томъ и другомъ случаѣ. Если же дѣло требуетъ обнаруженія; то, по необходимости, дѣлаетъ и это; и способы Его бываютъ самыя премудрыя, достаточныя въ скудости и въ нуждѣ, а не какіе-либо случайно избранныя.

Кто безъ нужды осмѣливается на сіе, или молить Бога, и желаетъ, чтобы въ рукахъ его были чудеса и силы; тотъ искушается въ умъ своимъ ругателемъ демономъ, и оказывается хвастливымъ и немощнымъ въ своей совѣсти. Пбо въ скорби должно просить намъ Божіей помощи. Безъ нужды же искушать Бога опасно. И кто желаетъ сего, тотъ не дѣйствительно праведенъ. Пріобрѣтается же многими святыми и то, что Господь сотворить по благоволенію. Но кто хочетъ и воздѣлываетъ сего по волѣ своей безъ нужды; тотъ падастъ, лишаясь охраненія, и поножается въ вѣдѣніи истинны. Пбо, если просицій услышанъ будетъ въ семь, какъ отваживался просить о томъ у Бога; то находитъ въ немъ мѣсто лукавый, и ведетъ его еще къ бѣльшему непростителю. А истинныя праведники не только не воздѣлываютъ сего, но и отказываются, когда дается имъ то; и не только предъ очами людей, но и втайнѣ сами для себя не желаютъ сего.

Пбо вотъ одинъ изъ святыхъ Отцевъ за чистоту свою, по благодати, получилъ дарованіе, предугадывать идущихъ къ нему, и молить Бога (а съ нимъ

молнясь и другіе святыя, упрошенныя на сіе старцемъ), чтобы взято было у него дарованіе. Если же некоторые изъ ихъ принимали дарованія, то принимали по нуждѣ, или по простотѣ своей; а прочихъ побуждало принять Божіе мановеніе (ч), и, конечно, не безъ особенныхъ къ тому причинъ.

Когда святой блаженный Аммонъ шелъ привѣтствовать святаго Антонія Великаго, и заблудился въ пути; тогда смотри, что говорилъ онъ Богу, и также что содѣлалъ съ нимъ Богъ (и). Припомни объ Аввѣ Макаріи и о прочихъ. Истинные праведники всегда помышляютъ сами въ себѣ, что недостойны они Бога. А что истинные они праведники, познается сіе изъ того, что признаютъ себя окаянными и недостойными попеченія Божія, и несовѣдуютъ сіе тайно и явно, и умудряются на сіе Святымъ Духомъ, чтобы не оказаться не имѣющими подобающей имъ заботливости и трудиться, пока они въ этой жизни. Время же упокоенія Богъ соблаговѣститъ имъ въ будущемъ вѣкѣ. И имѣющіе въ себѣ живущаго Господа, по сему самому не желаютъ быть въ покоѣ и освободиться отъ скорбей, хотя по временамъ и дается имъ таинственно утѣшеніе въ духовномъ.

Не добродѣтель уже человѣку, когда достигнеть ей, не имѣть попеченія и труда въ ней; но вотъ селеніе Духа — непрестанно принуждать себя быть въ повиновеніи, хотя и есть способъ сдѣлать дѣло въ покоѣ; по тому что такова воля Духа: въ комъ обитаетъ Онъ, — не приучать тѣхъ къ лѣности. На-

(ч) Въ греч. читается *ὅχι ἐκίνησεν* (не побуждало), но въ древн. слав. безъ отрицанія *бѣ подвижилъ*.

(и) См. Достоп. Сказ. о подвижн. Изд. 2. стр. 45.

противъ того, Духъ побуждаетъ ихъ не покоя искать, но предаваться паче дѣланію и наибольшимъ скорбямъ. Испытаніями Духъ укрѣпляетъ ихъ, и дѣлаетъ, что приближаются они къ мудрости. Таковая воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали въ трудахъ.

Не Духъ Божій живетъ въ тѣхъ, которые пребываютъ въ покой, но духъ дѣволовъ, какъ сказалъ нѣкто изъ любящихъ Бога: «клялся я, что умираю всякій день». Тѣмъ и отличаются сыны Божіи отъ прочихъ, что живутъ они въ скорбяхъ, а міръ гордится роскошью и покоемъ. Ибо не благоволилъ Богъ, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они въ тѣлѣ, но паче восхотѣлъ, чтобы они, пока въ міръ, пребывали въ скорби, въ тяготѣ, въ трудахъ, въ скудости, въ наготѣ, въ одиночествѣ, нуждѣ, болѣзни, униженіи, въ оскорбленіяхъ, въ сердечномъ сокрушеніи, въ утружденіи тѣлѣ, въ отреченіи отъ сродниковъ, въ печальныхъ мысляхъ, пѣли нныи взглядъ на всю тварь, мѣсто жительства непохожее на обыкновенное человеческое, жилище иноческое, которое безмолвно, невидно по человеческому взгляду, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что веселитъ здѣсь человека. Инокѣ плачутъ, а міръ смѣется. Они воздыхаютъ, а міръ веселится. Они постятся, а міръ роскошествуетъ. Трудятся они днемъ, и ночью предаются подвигамъ въ тѣснотѣ и трудахъ. Нѣкоторые изъ нихъ пребываютъ въ добровольныхъ скорбяхъ; другіе въ трудахъ, борясь съ страстями своими; нныя гонимы людьми, а нныя бедствуютъ отъ страстей, отъ демоновъ и отъ прочаго. И одни были изгнаны, другіе умерщвлены,

ныя проидоша въ милотьхъ (Евр. 11, 37.) и проч. И исполнилось на нихъ слово Господа: *въ мѣръ скорбни будете*, но о Мнѣ возрадуетесь (Іоан. 16, 33.). Господь знаетъ, что живущимъ въ тѣлесномъ покоѣ невозможно пребывать въ любви Его, и потому, воспретилъ имъ покой и услажденіе опытъ. Христосъ Спаситель нашъ, любовь Котораго превозмогаетъ тѣлесныя смерти, да явитъ намъ крѣпость любви Своей!

С Л О В О 37.

О томъ, по какой причинѣ Богъ попускаетъ искушенія на любящихъ Его.

По любви, какую святые показали къ Богу, потому что страждутъ за ния Его, когда содержитъ ихъ въ тѣснотѣ, и не отступаетъ отъ возлюбленныхъ Имъ, сердце святыхъ пріобрѣтаетъ дерзновеніе взирать на Бога непокровеннымъ лицомъ, и просить Его съ упованіемъ. Велика сила дерзновенной молитвы. Потому, попускаетъ Богъ, чтобы святые Его искушаемы были всякою печалію, и также опытно извѣдывали помощь Его и то, сколько промышляетъ о нихъ Богъ, потому что въ слѣдствіе искушеній пріобрѣтаютъ мудрость. Попускаетъ, чтобы, оставаясь невѣждами, не лишились они обученія въ томъ и другомъ, но изъ опыта пріобрѣли вѣдѣніе о всемъ, и не потеряли осмѣянія отъ демоновъ; потому что, если бы искушалъ ихъ въ одномъ доб-

ромъ, то недоставало бы имъ обученія въ другой части, и во браняхъ были бы они слѣпы.

И если скажемъ, что Богъ обучаетъ ихъ безъ ихъ о томъ познанія; то это значитъ уже сказать, что Богъ хочетъ содѣлать ихъ подобными воламъ и осламъ, и не имѣющимъ ни въ чемъ свободы, и что человекъ, если не бываетъ искушенъ сперва испытаніемъ худаго, не имѣетъ вкуса въ добромъ, чтобы, когда встрѣтится доброе, съ вѣдѣніемъ и свободно воспользоваться тѣмъ, какъ своею собственностію. Какъ пріятно знаніе, заимствованное самымъ дѣломъ изъ опыта и изъ упражненія, и какую силу доставляетъ тому, кто долговременнымъ опытомъ своимъ обрѣлъ опору въ себѣ самомъ, познается сіе тѣмъ, которые извѣдали содѣйствіе знанія, равно какъ немощь естества и помощь Божеской силы, и увѣрились въ этомъ. Ибо тогда только познаютъ, когда Богъ, удержавъ сперва силу Свою отъ содѣйствія имъ, приводитъ ихъ въ сознаніе немощи естества, трудности искушеній, лукавства вражескаго, и того, съ кѣмъ у нихъ борьба, какими облечены они естествомъ, и какъ были охраняемы Божескою силою, сколько совершили пути, сколько возвысила ихъ Божія сила, и сколько бываютъ немощны въ борьбѣ со всякою страстію, если удаляется отъ нихъ эта сила, такъ-что изъ всего этого пріобрѣтаютъ смиреніе, приближаются къ Богу, начинаютъ ожидать Его помощи и пребывать въ молитвѣ. И откуда бы заняли все это, если бы не пріобрѣли опыта о многомъ худомъ, впадъ въ сіе худое по Божію позволенію, какъ говоритъ Апостолъ: *за многія откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакост-*

никъ плоти, аггелъ сатанинъ (2 Кор. 12, 7.)? По въ искушеніяхъ, многократно испытывая Божію помощь, человекъ пріобрѣтаетъ и твердую вѣру; отчего, дѣлается небоязненнымъ, пріобрѣтаетъ и благодушіе въ искушеніяхъ отъ самаго упражненія, какое имѣлъ онъ.

Искушеніе полезно всякому человеку. Ибо, если полезно было искушеніе Павлу, то да всякія уста заграждаются, и повиненъ будетъ весь міръ Божии (Рим. 3, 18.). Подвижники бываютъ искушаемы, чтобы присовокупить имъ къ богатству своему; разслабленные, чтобы охранять имъ себя отъ вреднаго; погруженные въ сонъ, чтобы пріуготовиться имъ къ пробужденію; далеко отстоящіе, чтобы приблизиться имъ къ Богу; свои Богу, чтобы веселиться имъ съ дерзновеніемъ. Всякій необученный сынъ пріемлетъ богатство изъ дома отца своего не въ помощь себѣ. По этому-то Богъ сперва искушаетъ и томитъ, а потомъ показываетъ дарованіе Слава Владыкъ, Который горькими врачевствами приводитъ насъ въ возможность насладиться здравіемъ!

Нѣтъ человека, который бы не скорбѣлъ во время обученія; и нѣтъ человека, которому бы не казалось горькимъ время, когда испиваетъ онъ ядъ искушеній. Безъ нихъ невозможно пріобрѣсти крѣпкаго сложенія. Но претерпѣть искушенія не въ нашихъ силахъ. Ибо какъ остановить теченіе воды сосуду изъ брешія, если не укрѣпимъ его Божественный огонь? Если, во смирѣніи прося съ непрестаннымъ желаніемъ, покоримся Богу въ терпѣніи; то все пріиметъ о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Аминь.

С Л О В О 38.

О томъ, какъ по возбуждающимъ въ челоѣкѣ помысламъ узнавать, на какой степенн стоитъ онъ.

Человѣкъ, пока въ нерадѣніи, боится часа смертнаго; а когда приблизится къ Богу, боится срътенія суда; когда же всецѣло поступитъ въ предія, тогда любовію поглощается тотъ и другой страхъ. Почему же это? Потому что, когда остается кто въ вѣдѣніи и житіи тѣлесномъ, ужасается онъ смерти; когда же бываетъ въ вѣдѣніи духовномъ и въ житіи добромъ, умъ его всякій часъ быцаетъ занятъ памятованіемъ будущаго суда; такъ-какъ право стоитъ онъ по самому естеству, движется въ душевномъ чинѣ, занимается своимъ вѣдѣніемъ и житіемъ, и хорошо устроенъ для того, чтобы приблизиться къ Богу. Но когда достигнетъ онаго вѣдѣнія истины, по возбужденіи въ немъ ощущенія таинъ Божіихъ и по утвержденіи надежды будущаго; тогда любовію поглощается и онъ тѣлесный человѣкъ, подобно животному боящійся закланія, и человѣкъ разумный, боящійся суда Божія; содѣлавшійся же сыномъ украшается любовію, а не устрашающимъ вразумляется жезломъ. *Азъ же и домъ отца моего служить будемъ Господеву* (Нав. 24, 15.).

Кто достигъ въ любовь Божію, тотъ не желаетъ уже снова пребывать здѣсь; потому что любовь уничтожаетъ страхъ. И я, возлюбленные, послѣку вѣдася

въ юродство, то не могу сохранить тайну въ молчаніи, но дѣлаюсь несмысленнымъ для пользы братіи; потому что такова истинная любовь; она не можетъ содержать что-либо втайнѣ отъ возлюбленныхъ своихъ. Когда писалъ я это, персты мои неоднократно не успѣвали слѣдовать по хартіи, и не могъ я сохранять терпѣнія отъ удовольствія, вторгавшагося въ сердце мое и заставлявшаго умолкнуть чувства. Впрочемъ, блаженъ, у кого помышленіе всегда о Богѣ, кто удержался отъ всего мірскаго, и съ Нимъ однимъ пребывалъ въ бесѣдѣ вѣдѣнія своего. И если достанетъ у него терпѣнія; то недолго замедлитъ увидѣть плодъ.

Радость о Богѣ крѣче здѣшней жизни; и кто обрѣлъ ее, тотъ не только не посмотритъ на страданія, но даже не обратитъ взора на жизнь свою; и не будетъ тамъ много чувства, если дѣйствительно была сія радость. Любовь сладостиѣ жизни; и разумніе по Богу, отъ котораго рождается любовь, еще сладостиѣе паче меда и сола. Любви не печаль принять тяжкую смерть за любящихъ. Любовь есть порожденіе вѣдѣнія; а вѣдѣніе есть порожденіе душевнаго здравія; здравіе же душевное есть сила, прпшедшая отъ продолжительнаго терпѣнія.

Вопросъ. Что такое вѣдѣніе?

Отвѣтъ. Ощущеніе безсмертной жизни.

Вопросъ. Что такое безсмертная жизнь?

Отвѣтъ. Ощущеніе въ Богѣ; потому что любовь отъ разумнія, а вѣдѣніе по Богу есть царь всѣхъ пожеланій, и сердцу, пріемлющему оное, всякая сладость на землѣ измѣняя. Ибо нѣтъ ничего подобнаго сладости познанія Божія.

Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной!

Жизнь вечная есть утѣшеніе въ Богъ; и кто обрѣлъ утѣшеніе въ Богъ, тотъ почитаетъ измѣненнымъ утѣшеніе мірское.

Вопросъ. Откуда человекъ дознаетъ, что пріиалъ онъ мудрость отъ Духа?

Отвѣтъ. Отъ самой мудрости, которая въ сокровенности его и въ чувствахъ учитъ его смирениемъ правды; и въ умъ его открывается ему, какъ пріемлетъ смиреніе.

Вопросъ. Изъ чего дознаетъ человекъ, что достигъ смиренія?

Отвѣтъ. Изъ того, что находятъ для себя гнуснымъ угождать міру своимъ общеніемъ съ нимъ, или словомъ; и въ глазахъ его ненавистна слава міра сего.

Вопросъ. Что такое страсти?

Отвѣтъ. Прираженія, которыя производятся вещами міра сего, побуждая тѣло удовлетворять самой необходимой его потребности; и прираженія сіи не прекращаются, пока стоятъ сей міръ. Но человекъ, который сподобился Божественной благодати, вкусомъ и осязаніемъ нечто высшее сего, не попускаетъ прираженіямъ своимъ входить въ сердце его; потому что вѣсто ихъ возобладамо въ немъ другое, лучшее ихъ воздержаніе, и къ сердцу его не приближаются ни самыя сіи прираженія, ни порожденное ими, но остаются они бездѣйственными, не потому, что нѣтъ уже страстныхъ прираженій, но потому, что пріемлющее ихъ сердце мертво для нихъ и живеть чѣмъ-то инымъ; не потому что человекъ усно-

копся въ слѣдствіе храненія разсудительности и дѣлъ, но потому что въ умъ его нѣтъ ни отъ чего тревоги, сознаніе его насыщено, насладившись чѣмъ-то инымъ.

Сердце, которое въ полнотѣ пріимло въ себя ощущеніе духовнаго и созерцаніе будущаго вѣка, таково же бываетъ въ сознаніи своемъ къ памятованію страстей, каковъ человекъ, насытившійся дорогою пищею, къ иной, несходной съ тою и предложенной ему, пищу, то-есть, вовсе не обращаетъ на нее вниманія, не желаетъ ея, а нате, гнушается ею и отвращается отъ ней, не потому только, что она сама въ себѣ гнусна и ненавистна, но и потому, что человекъ насытился первою, лучшею пищею, которою онъ питался не какъ расточившій часть свою и возжелавшій потомъ рожцевъ, когда напередъ уже расточилъ отцевское богатство, какое пилъ. И еще, кому ввѣрено сокровище, тотъ не спитъ.

Если будемъ хранить законъ трезвенія и дѣло разсудительности въ вѣдѣніи, изодомъ чего бываетъ жизнь; то борьба съ страстными прираженіями совершенно не приблизится къ уму. Воспняцается же войти нѣтъ въ сердце въ слѣдствіе не борьбы, но пресыщенія сознанія и вѣдѣнія, какимъ наполнена душа, и желанія чуждыхъ, находящихся въ душѣ, созерцаній. Вотъ что воспренятствовало прираженіямъ приближаться къ сердцу; не потому что, какъ сказалъ я, удалились въ слѣдствіе храненія и дѣлъ разсудительности, которыя охраняютъ вѣдѣніе истины и свѣтъ душевный, но потому что умъ, по сказаннымъ выше причинамъ, не имѣетъ борьбы. Ибо снѣдь пищихъ гнусна богатымъ, а подобно и снѣдь

больныхъ—здоровымъ; богатство же и здравіе составляются при трезвости и попечительности. Пока человекъ живетъ, имѣетъ пужду въ трезвости, попечительности и бодрственности, чтобы охранять свое сокровище. Но если оставить назначенный ему предѣлъ; то сдѣлается боленъ и будетъ ограбленъ. Не до того только времени трудиться должно, пока увидишь плодъ; но надобно подвизаться до самаго исхода. Ибо перѣдко и созрѣвшій плодъ побиваетъ внезапно градъ. Кто вмѣшивається въ житейскія дѣла и пускается въ бесѣды; о томъ невозможно еще быть увѣреннымъ, что здравіе его сохранится въ немъ.

Когда молишься, произноси такую молитву: «сподоби меня, Господи, дѣйствительно быть мертвымъ для собесѣдованія съ міромъ снѣ». И знай, что совмѣстилъ ты въ этомъ всѣ прошенія; старайся же исполнить въ себѣ дѣло это. Ибо, если за молитвою послѣдуетъ дѣло, то дѣйствительно стоишь ты въ свободѣ Христовой. А умерщвленіе себя для міра состоитъ не только въ удаленіи человека отъ общенія въ собесѣдованіи съ тѣмъ, что есть въ мірѣ; но и въ томъ, чтобы въ бесѣдѣ ума своего не вожделѣвать мірскихъ благъ.

Если приобучишь себя къ доброму размышленію; то будетъ стыдиться страстей, какъ-скоро встрѣтятся съ нимъ. И это знаютъ извѣдавшіе опытомъ на себѣ самихъ. Но будемъ стыдиться приближенія къ страстямъ и по причинѣ ихъ виновности. Когда изъ любви къ Богу желашь совершить какое дѣло, предѣломъ желанія сего поставь смерть; и такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ сподобишься взойти на

степень мученичества въ борьбѣ съ каждою страстію, и не понесешь никакаго вреда отъ того, что встрѣтитесь съ тобою внутри онаго предѣла, если претерпите до конца, и не разслабьтесь. Помышленіе немощнаго разсудка немощною дѣлаетъ силу терпѣнія; а твердый умъ и тому, кто слѣдуетъ помышленію сего, сообщаетъ силу, какой не имѣетъ природа.

Сподоби меня, Господи, возненавидѣть жизнь свою ради жизни въ Тебѣ!

Житіе міра сего подобно выводящимъ нѣкоторые только буквы изъ начертанныхъ на таблицѣ; и когда кто захочетъ и пожелаетъ, прибавляетъ къ нимъ и убавляетъ, и дѣлаетъ перемѣну въ буквахъ. А жизнь будущая подобна рукописаніямъ, начертаннымъ на чистыхъ свиткахъ, занечатаннымъ царскою печатью, въ которыхъ нѣтъ ни дополненія, ни пропуска. Поэтому, пока мы среди измѣненія будемъ внимательны къ себѣ, и пока имѣемъ власть надъ рукописаніемъ жизни своей, какое начиншемъ своими руками, постараемся дѣлать въ немъ дополненія добрымъ житіемъ, ставемъ изглаждать въ немъ недостатки прежняго житія. Ибо, пока мы въ этомъ мірѣ, Богъ не прилагаетъ печати ни къ доброду, ни къ худому, до самаго часа исшествія, въ который оканчивается дѣло въ отечествѣ нашемъ, и отходимъ въ страну чуждую. И какъ сказалъ святой Ефремъ: «подобаетъ намъ размыслить, что душа наша подобна готовому кораблю, незнающему, когда подуетъ на него вѣтеръ, и воинству, невѣдущему, когда протрубитъ бранная труба. И если», говоритъ, «такъ бываетъ сіе для малаго приобрьтенія, въ такихъ слу-

чаяхъ, которые, можетъ быть, снова возвратятся; то какъ должно намъ приуготовляться и снаряжаться предъ онымъ грознымъ днемъ, предъ этимъ моментомъ, и предъ этою дверію новаго вѣка? Готовность утвердиться въ ономъ явленіи чаянія да даруетъ намъ Ходатай жизни нашей Христосъ. Ему слава, поклоненіе и благодареніе во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 39.

О томъ, почему люди душевные прозираютъ въ дѣи-
ніемъ въ иное духовное, соразмѣрно съ тѣлесною
дѣяельностію, какъ умъ можетъ возноситься надъ оною,
какая причина тому, что не освобождается отъ нея,
когда и въ какой мѣрѣ можно уму пребывать безъ
мечтания въ часъ моленія.

Благословенна честь Господа, отвергающаго предъ
нами дверь, чтобы не было у насъ иного прощенія,
кромѣ желанія къ Нему устремляться. Ибо въ та-
комъ случаѣ оставляемъ мы все, и душа устрем-
ляется во слѣдъ Его единого, такъ-что нѣтъ у ней
попеченія, которое бы воспренятствовало ей въ ономъ
созерцаніи Господа. Въ какой мѣрѣ, возлюбленные,
оставляетъ умъ попеченіе о семъ видимомъ, и оза-
бочивается упованіемъ будущаго, соответственно
возвышенію своему надъ попеченіемъ о тѣлѣ и надъ
помышленіемъ о семъ попеченіи, въ такой же утоп-

чается онъ и просвѣтляется въ молитвѣ. И въ какой мѣрѣ тѣло освобождается отъ вещественныхъ узъ, въ такой же освобождается и умъ. И въ какой мѣрѣ умъ освобождается отъ узъ понеченій, въ такой просвѣтляется онъ; а въ какой просвѣтляется, въ такой же утопается и возвышается надъ понятіями вѣка сего, посягаго на себѣ образы дебелосн. И тогда умъ научается созерцать въ Богъ, подобно Ему, а не какъ видимъ мы. Если человекъ не содѣлается сперва достойнымъ откровенія; то не можетъ видѣть онаго. И если не достигнетъ чистоты, понятія его не могутъ стать просвѣтленнымъ, чтобы видѣть ему сокровенное. И пока не освободится отъ всего видимаго, усматриваемаго въ видимой твари, не освободится и отъ понятій о видимомъ, и не содѣлается чистымъ отъ потемненныхъ помысловъ. А гдѣ тма и спутанность помысловъ, тамъ и страсти. Если человекъ не освободится, какъ сказали мы, отъ сего и отъ причинъ къ тому; то умъ не прозритъ въ сокровенное. Посему, Господь прежде всего повелѣлъ взяться за нестяжательность, удалиться отъ мірскаго мятежа и отрывиться отъ понеченія, общаго всѣмъ людямъ, сказавъ: *всякъ, иже не отречется отъ всего человечества и отъ всего своего, и не отвергнется самъ отъ себя, не можетъ быть мой ученикъ* (Лук. 14, 33.).

Чтобы умъ не терпѣлъ вреда отъ всего, отъ зрѣнія, отъ слуха, отъ понеченія о вещахъ, отъ ихъ истребленія, отъ ихъ умноженія, отъ человека, и чтобы связать его единымъ упованіемъ на Бога, Господь отклонилъ отъ насъ всякое иное по-

печеніе, чтобы въ слѣдствіе сего возжелали мы собесѣдованія съ единымъ Богомъ. Но молитва имѣетъ еще нужду въ упражненіи, чтобы умъ умудрился долговременнымъ пребываніемъ въ оной. После нестяжательности, разрывающей наши мысли отъ узъ, молитва требуетъ пребыванія въ оной; потому что съ продолженіемъ времени умъ снискиваетъ навыкъ къ упражненію, познаетъ, какъ отражать отъ себя помыслъ, и долгимъ опытомъ научается тому, чего заимствовать не можетъ изъ иного источника. Ибо всякое настоящее житіе заннствуетъ возрастаніе отъ житія предшествовавшаго, и предъидущее требуется къ снисканію послѣдующаго. Молитву предваряетъ отшельничество, и самое отшельничество нужно ради молитвы, а самая молитва для того, чтобы пріобрѣсти намъ любовь Божію, потому что въ слѣдствіе молитвы снискываются причины любить намъ Бога.

Надлежитъ же знать намъ, возлюбленные, и то, что всякая бесѣда, совершаемая втайнѣ, всякое поученіе добраго ума о Богѣ, всякое размышленіе о духовномъ, устанавливается молитвою, и парнцается именемъ молитвы, и подъ снмъ именемъ сводится во едино, будешь ли разумѣть различные чтенія, или гласъ устъ въ славословіи Богу, или заботливую печаль о Господѣ, или тѣлесные поклоны, или псалмонѣніе въ стихословіи, или все прочее, изъ чего составляется весь чинъ подлинной молитвы, отъ которой рождается любовь Божія; потому что любовь отъ молитвы, а молитва — отъ пребыванія въ отшельничествѣ. Въ отшельничествѣ же имѣемъ мы нужду для того, чтобы намъ была возможность

наединѣ бесѣдовать съ Богомъ. По отшельничеству предшествуетъ отреченіе отъ міра. Ибо, если человекъ не отречется сперва отъ міра, и не удосужится отъ всего мірскаго, то не можетъ уединиться. И такимъ образомъ, отреченію отъ міра предшествуетъ оныя терніи, а терніи — ненависть къ міру, и ненависти къ міру — страхъ и любовь. Ибо, если не устранить сердца страхъ гсеньи, и любовь не приведетъ къ желанію блаженствъ; то не возбудится въ сердцѣ ненависти къ міру сему. А если не возненавидитъ міра, то не потерпитъ быть внѣ его покоя. И если не предваритъ въ умѣ терніи, то человекъ не возможетъ избрать мѣста, исполненнаго суровости и никѣмъ не обитаемаго. Если не избретъ себѣ отшельнической жизни; не возможетъ пребывать въ молитвѣ. Если не будетъ бесѣдовать съ Богомъ, не пребудетъ въ снхъ съ молитвою соединенныхъ размышленіяхъ, и во всѣхъ видахъ сказаннаго нами молитвеннаго чина; то не ощутитъ любви.

Наконецъ, любовь къ Богу отъ собесѣдованія съ Нимъ, а молитвенное размышленіе и поученіе достигается безмолвіемъ, безмолвіе — нестяжательностію, нестяжательность — терніемъ и ненавистію къ похотѣніямъ, а ненависть къ похотѣніямъ — страхомъ гсеньи и чаяніемъ блаженствъ. Ненавидитъ же похотѣнія, кто знаетъ плодъ ихъ, и что уготовляется ими человеку, и до какого блаженства не допускается онъ ради похотѣній. Такъ, всякое житіе связано съ предшествующимъ, и у него заимствуетъ себѣ приращеніе, и переходитъ въ другое высшее. И если одно будетъ ниже самого

себя; то и послѣдующее за нимъ не можетъ устоять и быть виднымъ; потому что все разрушается и гибнетъ. Что паче сего, то есть тѣра словамъ. Богу нашему слава и вселеніе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 40.

О поклонахъ и о прочемъ.

Не называй праздностію продолжительность молитвы невысокопарной, собранной и долгой, потому что оставилъ ты при этомъ псалмы. Но паче упражненія въ стихословіи возлюбилъ на молитвѣ поклоны. Молитва, когда подастъ тебѣ руку, затѣняетъ собою Божию службу. И когда во время самой службы дано тебѣ будетъ дарованіе слезъ; услажденіе ими не называй праздностію въ молитвѣ; потому что благодать слезъ есть полнота молитвы.

Въ то время, какъ умъ твой разстѣянъ, паче молитвы занимайся чтеніемъ. Но, какъ сказано, не всякое писаніе полезно. Возлюбилъ безмолвіе гораздо паче дѣлъ. Если можно, чтеніе предпочитай стоящю. Ибо чтеніе источникъ чистой молитвы. Ни подъ какимъ видомъ не предавайся перащю, трезвись же отъ паренія ума. Ибо псалмогвнн корень житія. Впрочемъ знай и то, что дѣла тѣлесныя много полезнѣе стихословія, совершаемаго съ пареніемъ ума. А печаль умная превосходитъ и тѣлесный трудъ. Во время перащія трезвись, и возбуж-

дай въ себя понемногу ревность; потому что она сильно пробуждаетъ сердце, и согреваетъ душевныя мысли. Противъ похоти, во время перадѣнія, помогаетъ природѣ раздражительность. Ибо прекращаетъ холодность души. По снѣ-то причиняетъ перадѣніе обыкновенно приходитъ на насъ или отъ обремененія чрева, или отъ множества дѣлъ.

Благочиніе въ дѣланіи есть свѣтъ въ образѣ мыслей. Это не иное что, какъ вѣдѣніе. Всякая молитва, которую совершаемъ ночью, да будетъ въ очахъ твоихъ достоинство всѣхъ дневныхъ дѣяній. Не обременяй чрева своего, чтобы не помутился умъ твой, и не быть тебѣ въ смятеніи отъ паренія мысли, когда встанешь ночью, и не разслабли члены твои, и тебѣ самому не оказаться исполненнымъ женскаго разслабленія, а сверхъ сего, чтобы душа твоя не омрачилась, и не стали потемненными понятія твои, и чтобы, по причинѣ омраченія, не прійдти тебѣ въ совершенное безсміе, собрать ихъ водино для стихословія, и чтобы не попортился въ тебѣ вкусъ ко всему, и не перестало услаждать тебя стихословіе псалмопѣнія, тогда-какъ умъ, при легкости и свѣтлости мысли, съ удовольствіемъ обыкновенно вкушаетъ его разнообразіе. Ибо, когда возмущено ночное благочиніе, тогда и въ дневномъ дѣланіи умъ бываетъ смущенъ, и ходитъ въ омраченіи, и не услаждается, по обычаю, чтеніемъ; потому что обратися ли умъ къ молитвѣ, или къ какому занятію, на мысли находитъ какбы буря. Удовольствіе, подаваемое подвижникамъ днемъ, истекаетъ въ чистомъ умѣ изъ свѣта ночнаго дѣланія. Всякій человекъ, который опытомъ не извѣдалъ про-

должительнаго безмолвія, пусть не ожидаетъ самъ собою узнать что-либо большее о благахъ подвижничества, хотя онъ и великъ, и мудръ, и учитель, и нѣсть много заслугъ.

Остерегайся, чтобы не изнемогло слишкомъ тѣло твоё, и отъ того не усилилось противъ тебя нерадѣніе, и не охладило душу твою вкушеніемъ сего дѣлація. Всякому надлежитъ какбы на всѣхъ взвѣшивать житіе своё. Въ то время, когда насыщаешься, остерегайся давать себѣ и въ маломъ свободу. Да будетъ цѣломудренно сдѣланіе твоё во время удовлетворенія потребностей. Наипаче же, во время сна своего будь цѣломудренъ и чистъ, и строго наблюдай не только за помыслами, но и за членами своими. Храни себя отъ самоувѣрія во время добрыхъ въ тебѣ измѣненій. Помошь свою и невѣжество своё въ разсужденіи точности сего самоувѣрія рачительно открывай Господу въ молитвѣ, чтобы не быть тебѣ оставленнымъ и не искутиться въ чемъ-либо срамномъ; потому что за гордостію слѣдуетъ блудъ, а за самоувѣреніемъ обольщеніе.

Руководіемъ занимайся по мѣрѣ пуждъ своихъ, лучше же сказать, для того, чтобы оно служило для тебя узами въ безмолвіи твоёмъ. Не изнемогай въ упованіи на Промыслителя своего; потому что дивно домостроительство Его въ приписанныхъ Ему. Ибо въ необитаемой пустынѣ не человѣческими руками устрояетъ Онъ дѣла живущихъ упованіемъ на Него. Если Господь посѣтитъ тебя въ тѣлесномъ безъ твоего труда, когда подвизаешься въ пощеніи о душѣ своей; то по ухищренію убійцы—дѣвола волнкастъ тогда въ тебѣ помысль, что причина всего

этого промышленія, безъ сомнѣнія, въ тебѣ самомъ. И тогда вѣсть съ сими помыслами прекращается промышленіе о тебѣ Божіе, и въ тотъ самый годъ устремляются на тебя весьма многія искушенія, или отъ прекращенія попеченія о тебѣ Промыслителя, или отъ возобновленія трудовъ и болѣзней, востающихъ въ тѣлѣ твоёмъ. Богъ прекращаетъ попеченіе Свое не за одно возникновеніе помысла, но за то, что умъ останавливается на семъ помыслѣ. Ибо не наказуетъ и не судитъ Богъ человека за невольное движеніе, если и согласимся на время съ помыслами. Если въ тотже часъ прободемъ въ себѣ страсть, и явится въ насъ сокрушеніе; то Господь не взыскиваетъ съ насъ за такое перадыніе; взыскиваетъ же за перадыніе, которому дѣйствительно предастся умъ такъ, что взрастъ на это безчувственно, и признастъ это чѣмъ-то должнымъ и полезнымъ, а не почитаетъ сего опасною для себя заботою.

Будемъ же всегда молиться Господу такъ: «да возсілетъ въ сердцахъ нашихъ истина Твоя, Христе, полнота истины, и да познаемъ, какъ по волю Твою ходить путемъ Твоимъ»!

Когда посѣвается въ тебѣ лукавый лѣвій помысль, или изъ числа снхъ издалика приходящихъ, или изъ числа предзанятыхъ тобою прежде, и часто появляется въ умѣ твоёмъ; тогда за вѣрное признай, что скрываетъ онъ тебѣ сѣть. Но ты пробудись и отрезвись во время. А если помысль изъ части дельныхъ и добрыхъ; то знай, что Богъ хочетъ дать тебѣ нѣкоторый образъ жизни; и потому помысль сей, сверхъ обычая, возбуждается въ тебѣ. Если же по-

мысль омрачень, и ты сомнѣваешься въ немъ, и не можешь ясно постигнуть, свой онъ или тать, помощникъ или навѣтникъ, скрывающійся подъ доброю личиною; то вооружимся на него усильною и самою скорою молитвою со многими бдѣніемъ и день и ночь. Ты и не отдавай его отъ себя, и не соглашайся съ нимъ; но со тѣснотой и горячностью сотвори о немъ молитву, и не умолкай, призывая Господа. Онъ покажетъ тебѣ, откуда сей помысль.

С Л О В О 41.

О молчаніи.

Наче всего возлюби молчаніе; потому что приближаетъ тебя къ плodu; языкъ же немощенъ изобразить оное. Сперва будемъ принуждать себя къ молчанію, и тогда отъ молчанія родится для насъ нечто, приводящее къ самому молчанію. Да подастъ тебѣ Богъ ощутить что-либо раждаемое молчаніемъ. Если же начнешь спитъ житіемъ; то не умью и сказать, сколько свѣта возсіяетъ тебѣ отсюда. Не думай, братъ, что, какъ рассказываютъ о чудномъ Арсеніи, когда посетили его Отцы и братія, приходившіе видѣть его, а онъ сидѣлъ съ ними молча, и въ молчаніи отпуская ихъ отъ себя, все сіе дѣлалъ онъ совершенно по воли, и что вначалѣ не принуждалъ себя къ этому. Отъ упражненія въ семъ дѣланіи со временемъ раждается какое-то удовольствіе, и насильно ведетъ тѣло къ тому, чтобы

пребывать въ безмолвіи. И множество слезъ раждается у насъ въ семь житій, и въ чудномъ созерцаніи сердце раздѣльно ощущаетъ въ нихъ что-то, въ иное время съ трудомъ, а въ иное съ удивленіемъ; потому что сердце умняется, дѣлается подобно младенцу; и какъ-скоро начнетъ молитву, льются слезы. Великъ тотъ человѣкъ, который терпѣннѣе членовъ своихъ пріобрѣтъ внутренно въ душѣ своей чудный сей навыкъ. Когда на одну сторону положишь всѣ дѣла житія сего, а на другую молчаніе; тогда найдешь, что оно перевѣшиваетъ на всѣхъ. Много совѣтовъ у людей; но когда сблизится кто съ молчаніемъ, излишнимъ для него будетъ дѣланіе храненія ихъ, и излишними окажутся прежнія дѣла, и самъ онъ окажется превозшедшимъ снъ дѣланія; потому что приблизился къ совершенству. Молчаніе помогаетъ безмолвію. Какъ же это? Живя во многолюдной обители, невозможно не встрѣчаться намъ съ кѣмъ-нибудь. И равноангельный Арсеній, который больше всѣхъ любилъ безмолвіе, не могъ избѣжать сего. Ибо невозможно не встрѣчаться съ Отцами и братіями, живущими съ нами, и встрѣча эта бываетъ неожиданно; человѣку необходимо идти въ церковь, или въ другое мѣсто. Все это видѣлъ достоблаженный оный мужъ, и именно, что невозможно ему избѣжать сего, пока живетъ близъ человѣческой обители. И когда часто бывалъ въ невозможности, по мѣсту жительства своего, удалиться отъ сблизенія съ людьми и монахами, живущими въ тѣхъ мѣстахъ, тогда наученъ былъ благоудно сему способу—непрестанному молчанію. И если когда по необходимости некоторымъ изъ нихъ отво-

рять дверь свою; то увеселялись они только лицезрѣніемъ его, а словесная бесѣда и потребность въ ней стали у нихъ излишними.

Многіе изъ Отцевъ лицезрѣніемъ спячь приведены были въ состояніе охранять себя самихъ, и умножать духовное богатство, воспользовавшись урокомъ, каковымъ служило для нихъ лицезрѣніе блаженнаго. И нѣкоторые изъ нихъ привязывали себя къ камню, или связывали веревкою, или томилн себя голодомъ въ то время, какъ раждалось въ нихъ желаніе идти къ людямъ; потому что голодь много способствуетъ къ укрощенію чувствъ.

Находилъ я, братъ, многихъ Отцевъ, великихъ и чудныхъ, которые болѣе, нежели о дѣлахъ, прилагали попеченіе о благочиніи чувствъ и о тѣлесномъ навѣкѣ; потому что отсюда происходитъ благочиніе помысловъ. Много причинъ встрѣчается человеку внѣ его воли, которыя заставляютъ его выходить изъ предѣловъ свободы своей. И если не будетъ онъ охраняемъ въ чувствахъ своихъ предварительно списаннымъ неослабнымъ навѣкомъ; то можетъ сдѣлаться, что долгое время не войдетъ онъ самъ въ себя, и не обрѣтетъ первоначальнаго мирнаго своего состоянія.

Пресыщеніе сердца—помышленіе о своемъ упованіи. Пресыщеніе житія—отрышеніе отъ всего. Памятованіе о смерти — добрыя узы для вышнихъ членовъ. Приманка для души — радость, производимая надеждою, процвѣтающего въ сердцѣ. Приращеніе вѣдѣній—непрестанныя испытанія, каковымъ умъ ежедневно подвергается внутренно въ слѣдствіе двойныхъ измѣненій. Ибо, если отъ удивленія раждается

въ насъ иногда и уныніе (и сіе, можетъ быть, попускается по Божію смотрѣнію); то пьемъ пресвоядное утѣшеніе надежды—слово вѣры, которое въ сердцахъ у насъ. И хорошо сказалъ одинъ пѣзъ мужей богоносныхъ, что для вѣрующаго любовь къ Богу — достаточное утѣшеніе даже и при погибелн души его. Ибо, говоритъ онъ, какой ущербъ причинять скорби тому, кто ради будущихъ благъ пренебрегаетъ наслажденіемъ и упокоеніемъ?

Даю же тебѣ, братъ, и сію заповѣдь: пусть у тебя всегда беретъ перевѣсъ милостыня, пока на самомъ себѣ не ощутишь той милости, какую имѣешь ты (щ) къ міру. Наше милосердіе пусть будетъ зеркаломъ, чтобы видѣть намъ въ себѣ самихъ то подобіе и тотъ истинный образъ, какой есть въ Божіемъ естествѣ и въ сущности Божіей. Сми и подобнымъ сему будемъ просвѣщаться для того, чтобы намъ съ просвѣщеннымъ произволеніемъ подвигнуться къ житію по Богу. Сердце жестокое и немилосердое никогда не очистится. Человѣкъ милостивый — врачъ своей души; потому что какбы сильнымъ вѣтромъ изъ внутренности своей разгоняетъ онъ омраченіе страстей. Это, по Евангельскому слову жизни, добрый долгъ, данный намъ въ зачетъ Богу.

Когда приближаешься къ постелѣ своей, скажи ей: «въ эту ночь, можетъ быть, ты будешь мнѣ гробомъ, постеля; и не знаю, не прійдетъ ли на меня въ эту ночь, вмѣсто сна временнаго, вечный, будущій сонъ». Поэтому, пока есть у тебя ноги, иди во

(щ) Древнимъ славянскимъ переводомъ подтверждается греческое чтеніе *ἐχέω*, а не переводъ Пандіева: *Богъ имѣетъ*.

слѣдъ дѣланія, прежде нежели связать ты узами, которыхъ невозможно уже будетъ разрѣшить. Пока есть у тебя персты; расшии себя въ молитвѣ, прежде нежели принять смерть. Пока есть у тебя глаза; наполни ихъ слезами, прежде нежели покрыты они прахомъ. Какъ роза, едва подуетъ на нее вѣтеръ, увядаетъ; такъ, если внутри тебя дохнуть на одну изъ стпхій, входящихъ въ составъ твой, ты умирешь. Положи, человекъ, на сердце своемъ, что предстоитъ тебѣ отшествіе, и непрестанно говори себѣ: «Вотъ у дверей уже пришедшій за мною посланникъ. Что же я сию? преселеніе мое вѣчно, возвращаю уже не будетъ».

Кто любитъ собесѣдованіе со Христомъ; тотъ любитъ быть уединеннымъ. А кто любитъ оставаться со многими, тотъ другъ міра сего. Если любишь покаяніе; возлюби и безмолвіе. Ибо вѣкъ безмолвія покаяніе не достигаетъ совершенства. И если кто будетъ противорѣчить сему; не входитъ съ нимъ съ состязаніе. Если любишь безмолвіе—матерь покаянія; то съ удовольствіемъ возлюби и малый тѣлесный вредъ, и укоризны, и обиды, какія помыются на тебя за безмолвіе. Безъ этого предуготовленія не можешь жить въ безмолвіи свободно и невозмутимо. Если же будешь пренебрегать сказаннымъ; то содѣлаешься причастникомъ безмолвія, по волѣ Божіей, и пребудешь на безмолвіи, сколько благоугодно будетъ Богу. Приверженность къ безмолвію есть непрестанное ожиданіе смерти. Кто безъ сего помышленія вступаетъ въ безмолвіе, тотъ не можетъ понести того, что всѣмъ мѣрамъ должны мы терпѣть и сносить.

Знай и то, разсудительнымъ, что избираемъ уединенное жителство съ душами своими, безмолвіе и затворничество не для дѣль, простирающихся сверхъ правилъ, не для того, чтобы ихъ сдѣлать. Пбо извѣстно, что къ этому, по причинѣ тѣлеснаго рвенія, способствуетъ болѣе общеніе съ многими. И если бы необходимо было сіе; то нѣкоторые изъ Отцевъ не оставили бы сопребыванія и общенія съ людьми, а другіе не стали бы жить въ гробахъ, и нѣкоторые не избрали бы себѣ затвора въ уединенномъ домѣ, гдѣ, всего болѣе расслабивъ тѣло и оставивъ его въ несостояніи исполнять наложенныя на себя правила, при всевозможной помощи и тѣлесномъ истомленіи, съ удовольствіемъ цѣлую жизнь свою переносили еще тяжкія постигшія ихъ болѣзни, отъ которыхъ не могли стоять на ногахъ своихъ, или пропознати обычную молитву, или славословить устами своими, но даже не совершали псалма, или иного чего, совершаемаго тѣломъ; и вмѣсто всѣхъ правилъ достаточно для нихъ было одной тѣлесной помощи и безмолвія. Такъ вели они себя все дни жизни своей. И при всей этой мнимои праздности, никто изъ нихъ не пожелалъ оставить своей келліи, и, по причинѣ неисполненія ими правилъ своихъ, идти куда-нибудь вонъ, или въ церквахъ возвеселить себя гласами и службами другихъ.

Возвуществовавшій грѣхъ свой выше того, кто молитвою своею воскрешаетъ мертвыхъ, когда обитель его будетъ среди многолюдства. Кто одинъ часъ провелъ, воздыхая о душѣ своей, тотъ выше доставляющаго пользу цѣлому міру своимъ лицепріемъ. Кто сподобился увидѣть самого себя, тотъ вы-

не сподобивнагося видѣть Ангеловъ. Ибо послѣдній входитъ въ общеніе очами тѣлесными, а первый очами душевными. Кто послѣдуетъ Христу въ уединенномъ платьѣ, тотъ лучше похваляющагося собою въ собраніяхъ. Никто да не выставляетъ на среду сказаннаго Апостоломъ: *молибыхя азъ отлученъ быти отъ Христа* (Римл. 9, 3.). Кто пріялъ силу Павлову, тому и повелевается это дѣлать. А Павелъ для пользы міра поятъ былъ пребывающимъ въ немъ Духомъ, какъ самъ засвидѣтельствовалъ, что дѣлалъ сіе не по своей воли. Ибо говоритъ онъ: *нужда ми належитъ, и горе ми, аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16.). И избраніе Павла было не для того, чтобы показать ему образъ своего покаянія, но чтобы благовѣствовать человечеству; для сего пріялъ онъ и прензбыточествующую силу.

Впрочемъ, будемъ мы, братія, любить безмолвіе, пока міръ не унерцвленъ въ сердцахъ нашихъ. Будемъ всегда наиятовать о смерти, и въ семъ помышленіи приближаться къ Богу сердцемъ своимъ, и пренебрегать суеты міра, и презрѣнными содѣлаются въ глазахъ нашихъ мірскія удовольствія, съ пріятностію въ болѣзненномъ тѣлѣ претерпимъ всегдашнюю праздность безмолвія, чтобы сподобиться наслажденія съ тѣми, которые въ вертенахъ и пропастяхъ земныхъ (Евр. 11, 38.) чають славнаго откровенія Господа нашего съ небесн. Ему и Отцу Его, и Святому Его Духу слава, и честь, и держава, и веледѣніе во вѣки вѣковъ! Аминь

С Л О В О 42.

Послание къ одному изъ возлюбленныхъ Исаакомъ, въ которомъ предлагаетъ онъ а) учение о тайнахъ безмолвія, и о томъ, что многіе, по незнанію сихъ тайнъ, нерадятъ о семъ чудномъ дѣланіи, большая же часть держатся пребыванія въ келліяхъ по преданно ходящему у иноковъ, и б) краткое собраніе относящагося къ сказанію о безмолвіи.

—

Поелику вынужденъ я обязанностию необходимо писать къ тебѣ, братъ, о должномъ; то письмомъ монѣ, по нашему данному тебѣ обычаію, извѣщаю любовь твою, что нашелъ я тебя строгостію житія своего пріуготовившимъ себя къ тому, чтобы идти на пребываніе въ безмолвіи. Поэтому все, что слышалъ я о семъ дѣланіи отъ мужей разсудительныхъ, послѣ того какъ собраніе ихъ изреченій сообразилъ въ умѣ своемъ съ ближайшимъ, какой имѣлъ на самомъ дѣлѣ, опытомъ, краткимъ словомъ впечатлѣваю въ твоей памяти; только и самъ ты, по внимательномъ прочтеніи сего посланія, содѣйствуя себѣ обычнымъ тебѣ тщаніемъ; потому что съ мудрымъ разумѣніемъ, не наряду съ обычнымъ чтеніемъ, долженъ ты приступить къ чтенію словесъ, собранныхъ въ семъ нашемъ посланіи, и, по причинѣ великой сокровенной въ немъ силы, при прочемъ чтеніи приять оное, какбы цѣкій свѣтъ; и тогда дознаешь, что значить пребываніе на безмолвіи, въ чемъ состоитъ дѣланіе онаго, какія тайны сокрыты въ семъ дѣланіи, и почему нѣкоторые умалютъ цѣну правды

въ общественной жизни, и предпочитаютъ ей скорби и подвиги безмолвнаго пребыванія и иноческаго житія. Если желаетъ, братъ, въ краткіе дни свои обрести жизнь петлившую; то съ разсудительностію да будетъ вступленіе твое на безмолвіе. Войди въ изслѣдованіе его дѣланія, и не по имени только вступай на сей путь, но выйди, углубись, подвизайся и потщись со всеми святыми постигнуть, что такое глубина и высота сего житія. Ибо во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, въ началѣ его дѣланія и до конца, предполагаются какой-либо способъ и надежда совершенія; а сіе и побуждаетъ умъ положить основаніе дѣла. И эта цѣль укрѣпляетъ умъ къ повеселенію трудности дѣла; и въ воззрѣніи на сію цѣль замѣстуетъ умъ для себя нѣкоторое утѣненіе въ дѣлѣ. И какъ инъй неослабно напрягаетъ умъ свой до окончанія своего дѣла; такъ и досточестное дѣло безмолвія дѣлается приставію танць при обдуманной цѣли, на которую внимательно смотритъ умъ, во всѣхъ продолжительныхъ и тяжкихъ трудахъ своихъ. Какъ глаза корычаго устремлены на звѣзды; такъ живущій въ усмиреніи, во все продолженіе своего шествія, внутреннее воззрѣніе устремляетъ на ту цѣль, къ какой положилъ идти въ умъ своемъ съ того перваго дня, въ которой рѣшился совершать путь свирѣнымъ моремъ безмолвія, пока не найдетъ той жемчужины, для которой пустился онъ въ неосезаемую бездну моря безмолвія: и исполненное надежды вынваніе облегчаетъ его въ тягости дѣланія и въ жестокости опасностей, встрѣчающихся съ нимъ въ шествіи его. А кто въ началѣ своего безмолвія не предюлагаетъ самъ въ себѣ этой цѣли

въ предстоящемъ ему дѣланіи; тотъ поступаетъ неразсудительно, какъ и сражающійся съ воздухомъ. Таковъ во всю свою жизнь никогда не избавляется отъ духа унынія; и съ нимъ бываетъ одно изъ двухъ: или не выноситъ онъ нестерпимой тяготы, нѣбжедается сю, и совершенно оставляетъ безмолвіе, или терпѣливо пребываетъ въ безмолвіи, и келія дѣлается для него домомъ темничнымъ, и псенекается онъ въ ней; потому что не знаетъ надежды на утѣшеніе, поражаемое дѣланіемъ безмолвія. Посему-то, желая сего утѣщенія, не можетъ просить съ сердечною болѣзнію и плакать во время молитвы. Всему этому на потребу жизни нашей оставимъ намъ признаки въ писаніяхъ своихъ Отцы наши, исполненные жалости, и любящіе сыновъ своихъ.

Одинъ ихъ нихъ сказалъ: «Для меня та польза отъ безмолвія, что когда удалось изъ дома, въ которомъ живу, умъ мой отдыхаетъ отъ брашнаго угощевенія, и обращается къ лучшему дѣланію».

Подобнымъ образомъ и другой говорилъ: «Я подвизаюсь въ безмолвіи для того, чтобы улаждались для меня стихи при чтеніи и молитвѣ. И когда отъ удовольствія при уразумѣніи ихъ умолкаетъ языкъ мой; тогда, какъ бы во снѣ какомъ, прихожу въ состояніе сжатія чувствъ и мыслей моихъ. И также, когда, при продолжительности сего безмолвія, утихаетъ сердце мое отъ мятежа воспоминаній, тогда посылаются мнѣ непрестанно волны радости внутренними помышленіями, сверхъ чаянія внезапно приходящими къ улажденію сердца моего. И когда приближаются волны снѣ къ кораблю души моей, тогда огъ вѣщаний міра и отъ плотской жизни по-

гружаютъ ее въ истинныя чудеса, въ безмолвіе, пребывающее въ Богѣ».

А другой, напротивъ того, говорилъ : «Безмолвіе отъскачетъ предлоги и причины къ новымъ помысламъ, и внутри стѣнъ своихъ доводитъ до обветшанія и увяданія воспоминанія о предзанятомъ нами. И когда обветшаютъ въ мысли старыя вещества; тогда умъ, исправляя ихъ, возвращается въ свой чинъ».

И еще другой сказалъ : «Мѣру сокровеннаго въ тебѣ уразумѣешь изъ различія мыслей твоихъ, говорю же о мысляхъ постоянныхъ, а не случайно возбуждаемыхъ, и въ одишъ часть проходящихъ. Нѣтъ никого посягающаго на себѣ тѣло, кто пришелъ бы въ свой домъ, не отлучившись отъ двухъ, добрыхъ или худыхъ, измѣненій: и если онъ рачителенъ; то—отъ измѣненій маловажныхъ, и при помощи естества (потому что отцы суть отцы раждаемыхъ); а если онъ нерадивъ, то—отъ измѣненій высокихъ, и при помощи закваски оной благодати, бывшей въ естествѣ напечетъ».

И шій говорилъ : «Избери себѣ дѣланіе усладительное, непрестанное бдѣніе по ночамъ, во время котораго всѣ Отцы совлекались ветхаго чловѣка, и сподобились обновленія ума. Въ сіи часы душа ощущаетъ оную безсмертную жизнь, и ощущеніемъ ея совлекается одѣянія тмы, и пріемлетъ въ себя Духа Святаго».

И другой еще сказалъ : «Когда видитъ кто различныя лица, и слышитъ разнообразныя голоса, несогласныя съ духовнымъ его занятіемъ, и вступаетъ въ собесѣдованіе и въ общеніе съ таковыми; тогда не можетъ онъ найдти свободнаго времени для ума,

чтобы видѣть себя втайнѣ, привести себѣ на память грѣхи свои, очистить свои помыслы, быть внимательнымъ къ тому, что представляется ему, и сокровенно бесѣдовать въ молитвѣ».

И еще: «Чувства сіи подчинить власти души невозможно безъ безмолвія и отчужденія отъ людей; потому что разумная душа, бывъ существенно соединена и сопряжена съ силами чувствами, и своими помыслами невольно увлекается, если человекъ не будетъ бодрственъ въ сокровенной молитвѣ».

И еще: «Сколько доставляетъ услажденія, какъ веселитъ, радуетъ бодрствованіе, и очищаетъ душу своимъ пробужденіемъ, а вмѣстѣ молитвою и чтеніемъ, наипаче знаютъ сіе тѣ, которые во всякое время жизни своей въ этомъ бываютъ заняты, и живутъ въ самомъ строгомъ подвижничествѣ. Посему и ты, человекъ, любящій безмолвіе, сіи указательныя мановенія отеческихъ словесъ положи предъ собою, какъ нѣкоторую цѣль, и къ сближенію съ ними направляй теченіе своего дѣланія. А прежде всего ухитрись дознаться, что наипаче надлежитъ согласить съ цѣлью твоего дѣланія. Ибо безъ этого не возможенъ пріобрѣсти вѣдѣнія истины; и въ семъ потщись съ избыткомъ показать свое терпѣніе».

Молчаніе есть тайна будущаго вѣка; а слова суть орудіе этого міра. Человекъ постыжеться—душу свою молчаніемъ и непрестаннымъ постомъ угодить естеству духовному. Когда человекъ въ божественномъ своемъ дѣланіи отлучаетъ себя на то, чтобы пребывать въ своемъ сокровенномъ; тогда посвящается онъ въ сіи тайны; и служеніе его бываетъ исполнено божественныхъ таинствъ, а чрезъ

онныя и невидимыхъ Силъ, и свѣтыни господствующей надъ тварями Власти. И если некоторые отлучали себя на время, чтобы войти нѣ въ божественныя тайны; то были означены сею печатью. И некоторымъ изъ нихъ ввѣряемо было, къ обновленію стоящихъ на средней степенн, обнаруженіе тайнъ, сокрытыхъ въ недовѣдомомъ Господнемъ молчаніи; потому что послужить таковымъ тайнамъ было бы неприлично человѣку, у котораго наполнено чрево и умъ возмущенъ неводержаніемъ.

Но и святые не дерзали на бесѣдованіе съ Богомъ, и не возносились до сокровенности тайнъ, развѣ только при помощи членовъ, при блѣдномъ цвѣтѣ лица отъ любви къ алчбѣ и отъ безмолвнаго ума, и при отреченіи отъ всѣхъ земныхъ помысловъ. Ибо, когда, по долгомъ времени, въ келіи твоей, среди дѣлъ труда и храненія того, что сокровенно, и при воздержаніи чувствъ отъ всякой встрѣчи, осыпашъ тебя сила безмолвія; тогда срѣтешь сперва радость, безъ причины овладѣвающую, по временамъ, душею твою, и потомъ отверзутся очи твои, чтобы, по мѣрѣ чистоты твоей, видѣть крѣпость твари Божіей и красоту созданій. И когда умъ путеводится чудомъ сего видѣнія; тогда и ночь и день будутъ для него едино въ славныхъ чудесахъ созданій Божіихъ. И съ сего времени въ самой душѣ похищается чувство страстей пріятностію сего видѣнія; и въ ономъ-то, въ слѣдующемъ за нимъ порядкѣ, начиная съ чистоты и выше, восходитъ умъ еще на двѣ степени мысленныхъ откровеній. Сего да сподобитъ Богъ и насъ! Аминь.

С Л О В О 43.

О РАЗНЫХЪ ПРЕДПОЛОЖЕНІЯХЪ И О ТОМЪ, КАКАЯ ПУЖДА
ВЪ КАЖДОМЪ ИЗЪ НИХЪ.

—

Чувство духовное такого качества, что принимаетъ въ себя созерпательную силу, подобно зѣнцѣ тѣлесныхъ очей, имѣющихъ въ себѣ чувствснный свѣтъ. Мысленное созерцаніе есть естественное вѣдѣніе, присоединенное къ естественному состоянію; и оно называется естественнымъ свѣтомъ. Святая сила есть дарованіе солнца разсудительности, поставленнаго между свѣтомъ и созерцаемъ. Природы суть нѣчто среднее, созерцаемое разсудительными при свѣтъ. Страсти суть каковы твердая какая сущность; онѣ занимаютъ средину между свѣтомъ и созерцаемъ, и препятствуютъ при свѣтъ различать разнообразіе вещей. Чистота есть прозрачность мысленнаго воздуха, въ нѣдрахъ котораго воспаряетъ внутреннее наше естество. Если умъ нездравъ въ естествѣ своемъ, то недѣйствено въ немъ вѣдѣніе, какъ и тѣлесное чувство, когда отъ какихъ-нибудь причинъ повреждено, теряетъ зрѣніе. Если же умъ здравъ, но нѣтъ въ немъ вѣдѣнія, то безъ него не различаетъ умъ духовнаго, какъ и глазъ, здоровый въ цѣломъ своемъ составѣ, бываетъ перѣдко слабъ относительно къ чувственному зрѣнію. А если во всемъ этомъ сохранено, что чему свойственно, но не близка благодать; то въ дѣлѣ различенія остается все сіе недѣйственнымъ; какъ и въ часы ночи, по-

слику нѣтъ тогда солнца, глаза бываютъ неспособны разбирать предметы. И когда все (то-есть, и глазъ и зрѣніе) здорово и само въ себѣ совершенно, но нѣкоторыя вещи не различены, или не различаются; то снѣ исполняется сказанное: *во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Псал. 35, 10.). Если же благодать мысленнаго Солнца бываетъ близка, возбуждаетъ къ желанію, поощряетъ и дѣлаетъ бодрственнымъ, но нѣтъ въ умѣ чистоты; то онъ подобенъ пустому воздуху, который непрозраченъ (ъ) отъ густоты облаковъ и темныхъ веществъ, удобно возносящихся къ солнечному свѣту, веселящему насъ пріятностію сего видѣнія.

Послику зрѣніе не твердо въ различеніи; то и естество слабо въ дѣятельности. Душѣ ощущать пріятность возсіявающаго надъ всѣмъ втораго Солнца препятствуетъ наложенное на нее тѣлесное, которое закрываетъ собою озаренія истины, такъ-что онъ не доходятъ до насъ. Впрочемъ, съ нуждою сыскивается все это нами сказанное; и потому что трудно въ одномъ человѣкѣ найдти все это въ цѣлой совокупности, безъ недостатка и укоризны; и потому что не могутъ многіе достигать совершенства въ одномъ какомъ-либо духовномъ вѣдѣніи. Недостатокъ же сей бываетъ по слѣдующимъ причинамъ: по недостаточности разума, по безпорядочности воли, по несоотвѣтствующему цѣли положенію, по оскудѣнію чистоты, по неимѣнію учителя и руководителя, по удержанію благодати (сказано: *мужу скупому не*

(ъ) Въ древн. сербс. переводѣ читается: *иже не озаренъ*, хотя въ греч. сказано безъ отрицанія *ὅς ἐστι διαυγής*.

льно есть богатство и обладаніе великимъ (Сир. 14, 3.), по препятствіямъ отъ обстоятельствъ, отъ мѣста и отъ нравовъ.

Истина есть ощущеніе по Богу, какое только вкушаетъ въ себѣ человѣкъ ощущеніемъ чувствъ духовнаго ума. Любовь есть плодъ молитвы; и отъ созерцанія своего возводитъ умъ къ ненасытному сея вожделѣнію, когда умъ пребываетъ въ ней безъ унынія, и человѣкъ умомъ только въ возможныхъ помысленіяхъ разумнія молится инаменно и съ горячіюстію. Молитва есть умерщвленіе понятій, свойственныхъ волѣ плотской жизни. Ибо молящійся прилежно есть то-же, что умершій для міра; и терпѣливо пребывать въ молитвѣ значитъ отречься человѣку отъ себя самого. Въ самоотверженіи души обрѣтается, наконецъ, любовь Божія.

Какъ отъ сымени нѣта постовъ произрастаетъ колось цѣломудрія, такъ отъ сытости—распутство, и отъ пресыщенія—нечистота. При алчущемъ и смиренномъ чревѣ никакъ не приликаютъ въ душу срамные помыслы. Всякая поглощаемая еда прибавляетъ собою влагу, и дѣлается естественною въ часть крѣпостію. И когда орудные члены, отъ произшедшаго въ нихъ напряженія цѣлаго тѣла, дѣлаются полными, и при этомъ случится увидѣть что-либо тѣлесное, или въ сердцѣ невольно возбудится что-либо вмѣстѣ съ помысломъ; тогда отъ помысла внезапно приходитъ въ движеніе что-то пріятное, и распространяется по всему тѣлу. Хотя умъ цѣломудреннаго и непорочнаго въ своихъ помыслахъ крѣпокъ; однакоже, онымъ ощущеніемъ, происшедшимъ въ членахъ, тотчасъ возмущается разумокъ ея, и

какобы съ высокаго какого мѣста нисходитъ онъ съ своего мѣста, на которомъ стоитъ; и святость помысловъ его колеблется, и свѣтлое цѣломудріе оскверняется мятежемъ страстей, вошедшихъ въ сердце при распаденіи членовъ. Тогда половина силы его изнемогаетъ; почему, можно сказать, что забываетъ онъ и первую цѣль надежды своей; и прежде нежели вступить въ борьбу, безъ борьбы оказывается плѣнникомъ, безъ усилія, враговъ своихъ дѣлается подчиненнымъ воли немощной плоти. Ко всему этому поуждастъ волю добраго чловѣка сильное произволеніе непрестаннаго насыщенія. Хотя бы и твердо пребывалъ онъ въ пристани цѣломудрія; однакоже, пресыщеніе склоняетъ его предаться тому, чего никогда не хотѣлъ бы онъ допустить въ сердце свое. И какъ-скоро уснетъ одинъ помысль; окружаетъ его сборище помысловъ, заключающихъ въ себя пустыя и срамныя мечты; и это чистое ложе его дѣлаетъ виталищемъ блуда и позорищемъ видѣній. Когда же въ упоеніи помысловъ пріобитъ бесѣдъ съ ними, и осквернитъ преподобныя свои члены безъ приближенія жены; тогда волнуется ли и кипитъ ли такъ отъ бури какое море, какъ мятется умъ, подвергшійся силѣ волнъ, отъ пресыщенія чрева возбуждаемыхъ на него моремъ плоти его!

Какъ просвѣтляется красота твоя, цѣломудріе, возлечаніемъ на голой земли, трудомъ алканія, отъемлющаго у тебя сонъ, злостраданіемъ плоти, которая, при воздержаніи отъ яствъ, между ребрами и чревомъ дѣлается подобною глубокому рву! Всякая снѣдь, пріемлемая нами внутрь, и всякое упокоеніе образуютъ въ насъ срамныя подобія и безобраз-

ные призраки; и они рождаются, выходят наружу, дѣлаются видными въ сокровенной области ума нашего, и раздражаютъ насъ къ тайному сообщенію въ дѣлахъ срамныхъ. А пустота чрева и мысли наши дѣлаютъ страну пустынною, нетревожимою помыслами и безмолвствующею отъ всѣхъ мятежныхъ помысловъ. Чрево же наполненное отъ пресыщенія есть область привидѣній; и пресыщеніе дѣлаетъ его четырехъсвратнымъ для нелѣпыхъ мечтаній, хотя будемъ и одинъ въ пустынь. Ибо говорить, что пресыщеніе воздерживаетъ многого.

Когда сподобимся божественной благодати и душевнаго безстрастія; тогда разумѣй, что не въ слѣдствіе неоявленія въ тебѣ безобразныхъ помысловъ, или невозбужденія помысловъ плотскихъ (безъ нихъ никому пробыть невозможно), также не въ слѣдствіе помысловъ удобно тобою побуждаемыхъ (потому что ии, конечно, не оскверняется и не возмущается мысль, какъ бы ни была она крайне высока); но въ слѣдствіе помысловъ лучшей мысленной дѣятельности, не оставляется умъ въ необходимости вести съ ними брань и губить ихъ. Но какъ-скоро припикнетъ помысль; хищнически похищается отъ сближенія съ ними нѣкою силою, вѣтъ воли состоящею, которая по навыку и по благодати удерживаетъ закваску внутри сердца, которое есть обитель ума.

Иное—умъ подвижника; а иное—чинъ священства: умъ, по милости небесной умершій для міра, имѣетъ голые помыслы о нѣкоторыхъ только предметахъ безъ борьбы и подвига. Совершенство, сопряженное съ плотію и кровію, владычественно царствуетъ надъ

помыслами, протекающими отъ плоти и крови, но не доводятъ до совершеннаго бездѣйствія и ихъ и другихъ свойственныхъ естеству помысловъ, пока еще стихійною жизнью бѣется животворная мысль человека, и основаніе ума его во всякомъ движеніи и склоненіи замѣтуетъ измѣненіе отъ четырехъ влагъ. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 44.

О томъ, какъ разсудительному должно пребывать на
БЕЗМОЛВІИ.

—

Послунай, возлюбленный; если желаешь, чтобы дѣла твои были не напрасны, и дни твои не праздны и не лишены пользы, какой разсудительные надѣются отъ безмолвія; то вступленіе твое въ оное пусть будетъ съ разсужденіемъ, а не въ упованіи чего-нибудь, чтобы не стать тебѣ похожимъ на многихъ. Напротивъ того, пусть будетъ въ мысли твоей положена цель, къ которой бы направлять тебѣ дѣла жизни своей. Выспрашивай о семъ болѣе знающихъ, и притомъ знающихъ изъ опыта, а не по одному умозрѣнію. И не переставай сего дѣлать, пока не покажешь опытовъ на всехъ стезяхъ дѣлъ безмолвія. При каждомъ сдѣланномъ тобою шагъ разтыскивай, путемъ ли ты идешь, или уклонился съ него, и идишь какою-нибудь стезею вѣдъ настоящей дороги.

И по однимъ дѣламъ явнымъ не увѣрься въ томъ, что въ точности совершается тобою житіе безмолвное.

Если желашь обрѣсти что-нибудь и постигнуть это опытомъ своимъ; то въ душѣ твоей сокровенно да будутъ знаки и примѣты на каждомъ сдѣланномъ тобою шагѣ, и по онымъ будешь узнавать истину Отцевъ и прелесть врага. А пока не умудришься на пути своемъ, пусть послужитъ для тебя сіе немногое. Когда, во время безмолвія, примѣтаешь въ умѣ своемъ, что мысль твоя можетъ свободно дѣйствовать помыслами десными, и во власти ея надъ которыми-либо изъ нихъ нѣтъ ей принужденія; тогда знай, что безмолвіе твое правильно.

И еще, когда совершаешь службу, если, во время разныхъ службъ, бываешь, по возможности, далекимъ отъ паренія ума, и внезапно пресѣкается стихъ на языкѣ твоёмъ, и на душу твою налагаетъ оковы молчанія, безъ участія твоей свободы, и последуетъ сіе за долговременнымъ пребываніемъ на безмолвіи; то знай, что ты въ безмолвіи своемъ простираешься впередъ, и что кротость начала въ тебѣ усугубляться. Ибо простое безмолвіе въ правду достойно оужденія. Простое житіе у любознательныхъ и разсудительныхъ признается какбы единственнымъ членомъ, отлученнымъ отъ спомоществованія другихъ членовъ.

И еще, если примѣтаешь въ душѣ своей, что, при каждомъ возникающемъ въ ней помыслѣ, при каждомъ припамятованіи, и во время созерцаній, какія бываютъ въ безмолвіи твоёмъ, глаза твои наполняются слезами, и слезы безъ принужденія текутъ по ланнтамъ твоимъ: то знай, что начало

совершаться предъ тобою отверстіе преграды на разореніе сопротивныхъ.

И если находишь въ себѣ, что по временамъ мысль твоя, безъ предварительнаго о томъ примыпленія, внѣ обычнаго порядка, погружается внутри тебя, и пребываетъ въ этомъ состояніи около часа, или сколько-нибудь времени, а потомъ примѣчаешь, что члены твои какбы въ великомъ изнеможеніи, и миръ царствуетъ въ помыслахъ твоихъ, и то же самое повторяется съ тобою всегда ; то знай, что облако начало пріосѣнять скинію твою.

Если же, когда довольно времени проведенъ на безмолвіи, находишь въ душѣ своей помыслы, которые дѣлятъ ее на разныя части и овладѣваютъ ею, и какбы насильно она ежечасно объемяется сими помыслами, и мысль ея во всякое время возводится къ тому, что сдѣлано было ею, или желаетъ пускаться въ напрасныя раскаянія ; то знай, что напрасно трудишься въ безмолвіи, и въ пареніи ума проводитъ время душа твоя, и причины тому бываютъ внѣшнія, или внутреннее не радѣніе о должномъ, а нате о бдѣніи и чтеніи. И ты немедленно устрой дѣло свое.

Если же, когда вступишь въ дни сіи, не обрѣтаешь мира отъ тревожащихъ тебя страстей ; то не дивись. Если нѣдро міра, по удаленіи отъ него лучей солнечныхъ, надолго остается теплымъ, и также запахъ вранесства, и дымъ мѣра, разливающейся въ воздухъ, пребываютъ немалое время, прежде нежели разсѣются и исчезнутъ ; то тѣмъ нате страсти, подобно псамъ, привыкшимъ лизать кровь въ мясной лавкѣ, когда не даютъ имъ обыч-

ной ить пищи, стоятъ при дверяхъ и лають, пока не сокрушена будетъ сила прежняго ихъ навыка.

Когда нерадѣніе начнетъ татски входить въ душу твою, и въ обращеніи возвращается она вспять, и домъ близокъ къ тому, чтобы наполниться обращеніемъ; тогда приближаются слѣдующіе признаки. Почувствуешь въ себѣ тайно, что изнемогаешь въ вѣрѣ своей, преимуществуешь въ видимомъ, по упованіе твое умалается, терпишь утрату въ близкомъ тебѣ, вся душа твоя исполняется укоризны въ устахъ и въ сердцѣ на всякаго чловѣка и на всякую вещь, съ чѣмъ ни встрѣчаешься помыслами и чувствами, и на самого Всевышняго, и боишься вреда тѣлеснаго, ради чего малодушіе овладѣваетъ тобою каждый часъ, и по временамъ душа твоя возбуждается такимъ страхомъ, что пугаешься и бѣгаешь тыни своей; потому что невѣріемъ затмилъ ты вѣру; подъ вѣрою же разумѣемъ не основаніе общаго всѣхъ неповѣданія, но оную мысленную силу, которая свѣтомъ ума подкрѣпляетъ сердце, и свидѣтельствомъ совѣсти возбуждаетъ въ душѣ великое упованіе на Бога, чтобы не заботилась она о себѣ самой, но попеченіе свое во всемъ беззаботно возвергла на Бога.

Когда же простирася ты впередъ; слѣдующіе явственныя признаки найдешь близкими въ душѣ своей: будешь укрѣпляться во всемъ надеждою и обогащаться молитвою, не оскудѣешь когда-либо въ умѣ твоёмъ служащее къ пользѣ всякій разъ, какъ встрѣчаешься съ людьми и ощущаешь немощь естества чловѣческаго, и каждый таковой случай будетъ охранять тебя отъ гордыни. А съ другою

стороны недостатки ближняго сдѣлаются недостойными вниманія въ очахъ твоихъ. Съ такимъ желаніемъ пожелѣешь выйти изъ этого тѣла, съ какимъ сталъ бы пребывать въ будущемъ вѣкѣ. О всякомъ скорбномъ для насъ приключеніи, встречающемся съ тобою явно и тайно, со всею осторожностію далекою отъ самонія, найдешь, что по справедливости и по суду приблизилось къ тебѣ все сіе (ы). И за все принесешь исповѣданіе и благодареніе. Вотъ признаки трезвенныхъ, осторожныхъ пребывающихъ въ безмолвіи, и жслающихъ достигнуть строгости житія.

Разслабленные же не имѣютъ нужды въ снхъ тонкихъ примѣтахъ угрожающихъ имъ паденій ; потому что далеки они отъ сокровенныхъ добродѣтелей. Когда одна изъ нихъ начнетъ проникать въ душу твою ; догадывайся въ этотъ часъ, на которую сторону начать ты склоняться. Ибо вскорѣ узнаешь, какого ты сообщества. Да подастъ намъ Богъ истинное познаніе ! Аминь.

(ы) Здѣсь греч. текстъ нужно исправить такъ : *ἐφίσκεπς ἐν δικαιοσίῃ καὶ κρίσει ἐνταῖς πάντα ἐγγύς σε*, согласно съ сербскимъ переводомъ: *обрътаеши въ правду и судъ быти вся близу тебе.*

С Л О В О 45.

О СТЕПЕНИ ТОНКОЙ РАЗСУДИТЕЛЬНОСТИ.

—

Будь всегда внимателенъ къ себѣ самому, возлюбленный; и въ ряду дѣлъ своихъ разсмотри, и встрѣчающіеся тебѣ скорби и пустынность мѣстопробыванія твоего, и тонкость ума твоего выѣсть съ грубостію твоего вѣдѣнія, и большую продолжительность безмолвія твоего выѣсть съ многими врачевствами, то-есть, искушеніями, наводимыми истиннымъ Врачемъ къ здравію онаго внутренняго чловѣка, а въ иное время и бѣсамъ, иногда же болѣзнями и тѣлесными трудами, а иногда боязливыми помышленіями души твоей, страшными воспоминаніями о томъ, что будетъ на-послѣдокъ, иногда же привітіемъ и обизаніемъ благодати сердечной теплоты и сладостныхъ слезъ, и духовной радости и всего прочаго, скажу такъ, не умпожая словъ. Совершенно ли во всемъ этомъ примѣчаешь, что язва твоя начала заживать и закрываться? то-есть, начали ли изнемогать страсти? Положи примѣту, и входи непрестанно самъ въ себя, и смотри: какія страсти, по твоему замѣчанію, изнемогли передъ тобою, какія изъ нихъ пропали и совершенно отступили отъ тебя, и какія изъ нихъ начали умолкать въ слѣдствіе душевнаго твоего здравія, а не въ слѣдствіе удаленія того, что приводило тебя въ боязнь, и какія научилъ ты одолевать умомъ, а не

лишеніемъ себя того, что служить для нихъ поводомъ? Обрати также вниманіе на то, точно ли видишь, что среди загноенія язвы твоей начала нарастать живая плоть, то-есть, душевный міръ. Какія страсти постепенно и стремительно понуждаютъ, и чрезъ какіе промежутки времени? Суть ли это страсти тѣлесныя, или душевныя, или сложныя и смѣшанныя? И возбуждаются ли въ памяти твои какъ немощныя, или съ силою возстаютъ на душу? И притомъ властительно, или татскимъ образомъ? И какъ обращаетъ на нихъ вниманіе владычій чувствъ царь—умъ? И когда онъ напрыгнетъ силы и вступитъ въ брань, сражается ли съ ними, и приводитъ ли ихъ въ безсиліе своею крѣпостію, или не обращаетъ даже на нихъ взора, и не ставитъ ихъ ни во что? И какія изъ нихъ изгладятся послѣ борьбы, и какія вновь изобразятся? Страсти приводятся въ движеніе, или какими-нибудь образами, или чувствомъ безъ образовъ, и памятію безъ страстныхъ движеній и помысловъ, и не производятъ раздраженія. По всему этому можно также узнавать мѣру, на какой стоитъ душа.

Первыя не пришли въ устройство, потому что душѣ предстоитъ еще подвигъ, хотя и обнаруживаетъ противъ нихъ крѣпость свою, а вторыя зависятъ отъ употребленія, какъ сказано Писаніе, говоря: *спде Давидъ въ дому своемъ, и упокоитъ его Богъ отъ всѣхъ его окрестныхъ* (2 Цар. 7, 1.). Разумѣй сіе не объ одной страсти; но вывѣсть съ страстями естественными, пожеланіемъ и раздражительностію, и о страсти славолубія, которое

воображаетъ и мысленно представляетъ лица, и возбуждаетъ къ похоти и желанію, и также о страсти сребролюбія, когда душа входитъ въ общеніе съ нею тайно, хотя и не соглашается вступить самымъ дѣломъ, но изображаетъ въ умѣ подобія того, чѣмъ питается сребролюбіе при собираніи богатства, и чѣмъ заставляетъ душу помышлять объ этомъ, и производитъ въ ней желаніе, вмѣстѣ съ прочимъ обладать и снѣмъ.

Не всѣ страсти ведутъ брань наступательно. Ибо есть страсти, которыя душѣ показываютъ только скорби. Перадѣніе, уныніе, печаль не нападаютъ наступательно и смѣло, но только налагаютъ на душу тяжесть. Крѣпость же души извѣдывается въ побѣдѣ надъ страстями, ведущими брань наступательную. И человѣку надлежитъ имѣть тонкое свѣдѣніе обо всемъ этомъ, и знать примѣты, чтобы, при каждомъ сдѣланномъ шагѣ, сознавать, куда достигла, и какую страну начала попирать стопами своими душа его : въ землѣ ли она ханаанской, или за Іорданомъ.

Но обрати вниманіе и на сіе. Достаточно ли, по душевному свѣту, вѣдѣнія къ различенію сего, или различаетъ это во тмѣ, или совершенно лишено такой способности? Точно ли находишь, что помыслъ началъ очищаться? Преніе мыслей въ умѣ проходитъ ли въ часъ молитвы? Какая страсть смущаетъ умъ во время приближенія къ молитвѣ? Ощущаешь ли въ себѣ, что сила безмолвія пріосвѣтила душу кротостію, тишиною и миромъ, какой сверхъ-обычай раждается обыкновенно въ умѣ? Восхищается ли непрестанно умъ безъ участія воли къ

понятіямъ о безплотномъ, въ объясненіе чего не дозволено входить чувствамъ? Возгарается ли въ тебѣ внезапно радость, ни съ чѣмъ несравнимымъ наслажденіемъ своимъ заставляющая умолкнуть языкъ? Источается ли непрестанно изъ сердца нѣкое удовольствіе, и влечетъ ли всецѣло умъ?

Но временамъ неощутительно во все тѣло входитъ какое-то услажденіе и радованіе, и плотскій языкъ не можетъ выразить этого, пока все земное не будетъ при семъ памятованіи почитать прахомъ и тщею. Ибо оное первое, изъ сердца истекающее услажденіе, иногда въ часъ молитвы, иногда во время чтенія, а иногда также въ слѣдствіе непрестаннаго занятія и продолжительности мысли согрѣваетъ умъ. А сіе послѣднее всего чаще бываетъ безъ всего этого, и многократно во время подъяія, а такимъ же образомъ часто и по ночамъ, когда находишься между сномъ и пробужденіемъ, какбы спя и не спя, бодрствуя и не бодрствуя. Но когда найдетъ на человѣка это услажденіе, бнощееся въ цѣломъ тѣлѣ его; тогда думаетъ онъ въ этотъ часъ, что и царство небесное не иное что есть, какъ это же самое.

Смотри также, приобрѣла ли душа сплу, которая чувственныя памятованія потребляетъ сплюю овладѣвающей сердцемъ надежды, и внутреннія чувства укрѣпляетъ неизъяснимымъ убѣжденіемъ въ несомнѣнности? И сердце безъ попеченія о томъ, чтобы не было плѣнено оно земнымъ, пробуждено ли непрестаннымъ повѣданіемъ и непрерывнымъ сердечнымъ дѣланіемъ, совершаемымъ со Спасителемъ нашимъ?

Приобрѣти вѣдѣніе о разности призванія къ дѣланію и повѣданія, когда услышишь о семъ. Возможность же скоро вкусить сего доставляетъ душѣ непрерывное безмолвіе непрестаннымъ и постояннымъ своимъ дѣланіемъ. Ибо, по нерадѣнію пріемлющихъ, и по обрѣтеніи сіе снова утрачивается, и долгое уже время вновь іе приобретается. И осмыслится ли кто, положившись на свидѣтельство совѣсти своей, сказать о семъ то-же, что сказалъ блаженный Павелъ: *извѣстихся, яко ни смерть ни животъ, ни настоящая ни грядущая, ни все прочее возможенъ меня разлучити отъ любви Христовой* (Рим. 5, 38. 35.), то-есть, не разлучать ни тѣлесныя, ни душевныя скорби, ни голодъ, ни гоненіе, ни нагота, ни одиночество, ни затворъ, ни беда, ни мечъ, ни аггелы и силы сатаннины съ ихъ злобыми ухищреніями, ни упраздняемая слава прираженіемъ своимъ къ человѣку, ни клеветы, ни укоризны, ни заушенія, наносимыя безъ причины и напрасно?

Если же не начать ты усматривать въ душѣ своей, братъ, что все это нѣкоторымъ образомъ избыточествуетъ, или оскудѣваетъ; то труды твои и скорби, и все безмолвіе твое — бесполезное утомленіе себя. И если чудеса совершаются руками твоими, и мертвыхъ воскрешаютъ они, не идетъ то и въ сравненіе съ этимъ и немедленно подвигни душу свою, и со слезами умолай Спасающаго всехъ отъять прагъ отъ двери сердца твоего, омраченіе бури страстей уничтожить на внутренней тверди, сподобить тебя увидѣть лучъ дневный, чтобы не

походить тебѣ на мертвеца, вѣчно пребывающаго въ огрachenіи.

Всегдашнее бдѣніе вѣстѣ съ чтеніемъ, и въ слѣдъ за онымъ частые поклоны, не замедлятъ рачительнымъ подать блага сіи. И кто обрѣлъ ихъ, тотъ обрѣлъ спии пменно средствами. Желаютіе снова обрѣсти ихъ имѣютъ нужду пребывать въ безмолвіи, а вѣстѣ и въ дѣланіи сказаннаго нами, прежде же сего ни къ чему кромѣ души своей, даже ни къ одному человеку, не привязываться мыслию своею, упражняться же во внутреннемъ дѣланіи добродѣтели, да и въ разсужденіи самыхъ дѣлъ, упражняться въ тѣхъ пменно, въ которыхъ особенно находимъ близкимъ къ себѣ определенное ощущеніе, утверждающее насъ и въ разсужденіи прочаго.

Кто пребываетъ на безмолвіи, и опытомъ извѣдалъ благость Божию; тотъ не имѣетъ нужды въ большой убѣдительности; напротивъ того, душа его нисколько не болѣзнуетъ невѣріемъ, подобно колеблющимся въ истинѣ; потому что свидетельства ума его достаточно для него къ увѣренію себя самого паче безчисленнаго множества словъ, не оправданныхъ опытомъ. Богу же нашему слава и велевліе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 46.

ОБЪ истинномъ вѣдѣніи , ОБЪ искушеніяхъ , и о необходимости точно знать , что не только люди невысокіе , немощные и необучившіеся , но и сподобившіеся на время безстрастія , достигшіе совершенства въ образѣ мыслей , приближившіеся отчасти къ чистотѣ , сопряженной съ омертвѣніемъ , (ставшіе выше страстей , пока они въ мірѣ сѣмъ , по Божію позволенію отъ сопряженія жизни ихъ съ страстнымъ плотію , пребываютъ въ бореніи , и по причинѣ плотіи терпятъ безпокойство отъ страстей , потому что) (б'), по милости непускается на нихъ сие за паденіе ихъ въ гордыню.

—

Многократно иные день за день преступаютъ законъ , и покаяніемъ врачуютъ души свои , и благодать пріемлеть ихъ ; потому что во всякомъ разумномъ естествѣ безъ числа бываютъ перемѣны , и съ каждымъ человекомъ ежечасно происходятъ измѣненія . И разсудительный находитъ много случаевъ уразумѣть это . Но испытанія , каждый день производимыя имъ надъ собою , особливо могутъ умудрить его въ этомъ ; если будетъ трезвиться , чтобы наблюдать за собою въ умѣ своемъ и дознавать , какое измѣненіе въ кротости и скромности принимаетъ мысль съ каждымъ днемъ , какъ внезапно изъ

(б') Слова , заключенныя въ скобки , заимствованы изъ древняго сербскаго перевода.

мирнаго своего состоянія приходитъ въ смущеніе, когда не будетъ отклонена какая-либо къ тому причина, и какъ человекъ бываетъ въ великой и не-сказанной опасности.

И сіе-то святой Макарій, съ великою предусмотрительностію и рачительностію, явственно написалъ на память и въ наставленіе братіямъ, чтобы, во время измѣненія въ противное, не упадали въ отчаяніе; потому что и съ стоящими на степенн чистоты, какъ съ воздухомъ охлажденіе, приключаются всегда паденіе, между-тѣмъ какъ нѣтъ въ нихъ нерадѣнія или послабленія себѣ; напротивъ же того, даже когда соблюдаютъ они чинъ свой, случаются съ ними паденія, противныя намеренію собственной ихъ воли. Да и блаженный Маркъ, какъ извѣдавшій точнымъ опытомъ, свидѣтельствуешь о семъ, и въ превосходномъ порядкѣ излагаетъ сіе въ писаніяхъ своихъ, чтобы не подумалъ кто, будто бы святой Макарій сказалъ это въ Посланіи своемъ случайно, а не по дѣйствительному опыту, и чтобы отъ таковыхъ двоихъ свидѣтелей уметь со всею несомнѣнностію пріять для себя утѣшеніе во время пужды. Посему, что же теперь? «Измѣненія, говорить, въ каждомъ бываютъ, какъ въ воздухѣ». Выразумѣй же это слово: *въ каждомъ*; потому что естество одно, и чтобы не подумалъ ты, будто бы сказалъ это о низшихъ и худшихъ, совершенные же свободны отъ измѣненія, и неуклонно стоятъ на одной степенн безъ страстныхъ помысловъ, какъ утверждаютъ эвхиты, сказалъ онъ по этому: *въ каждомъ*.

Какъ же это, блаженный? Впрочемъ, говоришь

ты, бываетъ же холодъ, и вскорѣ потомъ зной, также градъ, и немого спустя вѣдро. Такъ бываетъ и въ нашемъ упражненіи, то брань, то помощь отъ благодати; иногда душа бываетъ въ обуреваніи, и возстаютъ на нее жестокія волны; и снова происходитъ измѣненіе, потому что посѣщаетъ благодать, и наполняетъ сердце чловѣка радостію и миромъ отъ Бога, цѣломудренными и мирными помыслами. Онъ указываетъ здѣсь на сіи помыслы цѣломудрія, давая тѣмъ разумѣть, что прежде нихъ были помыслы скотскіе и нечистые, и даетъ совѣтъ, говоря: если за сими цѣломудренными и скромными помыслами послѣдуетъ порывъ; не будемъ печалиться и отчаяваться, не будемъ также хвалиться и во время упокоенія благодати, но во время радости станемъ ожидать скорби. Совѣтуетъ же не печалиться намъ, когда послѣдуютъ болѣзненные припадки, показывая тѣмъ, что умъ долженъ не навлекать ихъ на насъ, но съ радостію принимать, какъ естественное и свойственное намъ. Не предадимся отчаянію, подобно чловѣку, который за подвигъ ожидаетъ чего-то, даже совершеннаго и неизмѣняемаго упокоенія, и вмѣстѣ не допускаетъ подвиговъ, и печалей, и того, чтобы въ немъ произошло движеніе чего-либо сопротивнаго, что и Господь Богъ нашъ не нашелъ приличнымъ дать сему естеству въ этомъ мірѣ.

Макарій даетъ совѣтъ сей, чтобы ные не сдѣлались совершенно праздными, оставшись безъ дѣла, и съ этою мыслію не разслабѣли въ отчаяніи, и не пребыли неподвижными въ теченіи своемъ. Знай, говоритъ онъ, что всѣ святые пребывали въ семъ

дѣль. Пока мы въ міръ семъ, послѣ трудовъ сихъ бываетъ намъ втайнѣ и избыточествующее утѣшеніе; потому что каждый день и каждый часъ требуется отъ насъ опытъ любви нашей къ Богу въ борьбѣ и въ подвигѣ противъ искушеній. И это значитъ, не печалиться и не унывать намъ въ подвигѣ. И такимъ образомъ, благоуспѣшенъ дѣлается путь нашъ. А кто хочетъ отбыть или уклониться отъ этого, тотъ бываетъ добычею волковъ. Достоинно, подлинно, удивленія въ этомъ святомъ, что такимъ краткимъ словомъ подтвердилъ мысль сію, и доказалъ, что она исполнена разума, и въ умѣ читающаго совершенно уничтожилъ сомнѣніе. Онъ же говоритъ: кто уклонится отъ сего, — и дѣлается добычею волковъ, тотъ хочетъ идти не путемъ, и положить въ умѣ своемъ помогать сего, и намѣревается ходить своею собственною стезею, которой не пролагали Отцы. Но учить онъ и тому, чтобы во время радости ожидать скорбей. Когда по дѣйствию благодати внезапно бываютъ въ насъ великіе помыслы, и, какъ сказалъ святой Маркъ, бываемъ въ изумленіи при мысленномъ созерцаніи высшаго естества, когда приближаются къ намъ Ангелы, исполняютъ насъ созерцаніемъ; тогда все противоположное удаляется, и во все то время, въ которое человекъ бываетъ въ подобномъ состояніи, продолжаются миръ и несказанная тишина. Но когда пріосвѣтитъ тебя благодать, и приблизятся къ тебѣ святыя Ангелы, ограждающіе тебя, и при семъ приближеніи отступятъ все искушающіе; ты не превозносишь, и не помышляешь въ душѣ своей, что достигъ необуреваемой пристани и неизмѣняемаго воздуха, и совер-

шенно изнелъ изъ этого пѣдра противныхъ дуновѣній, и нѣтъ уже болѣе врага , и злой встрѣчи ; потому что многіе возмечтали это, и знали въ опасности, какъ сказалъ блаженный Илѣ. Или, не думай также , что ты выше многихъ , и тебѣ прилично быть въ такомъ состояніи, а другимъ нимало не прилично, по недостаточности житія ихъ; или, поскольку не имѣютъ они довольнаго вѣдѣнія, то и лишаются подобныхъ дарованій, а ты имѣешь на это право, потому что достигъ совершенства святости, и духовной степенн, и неизмѣняемой радости. Напротивъ того, разсмотри лучше въ себѣ нечистые помыслы и тѣ неблагоприличные образы , какіе утвердились въ умѣ твоёмъ во время обуреванія, въ часъ смятенія и безпорядочности помысловъ, не задолго до сего возстававшихъ противъ тебя въ слѣпкомъ омраченіи ; подумай , съ какою скоростію и уклонился ты въ страсти, и бесѣдовалъ съ ними въ омраченіи ума, не устыдился и не ужаснулся божественнаго вѣдѣнія, дарованій и даровъ , какіе пріялъ ты. И знай , что все это къ смиренію нашему навелъ на насъ Божій Промыслъ, который о каждомъ изъ насъ промышляетъ и устрояетъ, что кому полезно. А если превознесешься дарованіями сего; оставитъ тебя, и совершенно падеши въ томъ , въ чемъ будешь искушаемъ однимъ помыслиемъ.

Наконецъ, знай, что устоять не твое и не добродѣтели твоѣ дѣло, совершить же это благодать, которая носитъ тебя въ дланяхъ руки своей , чтобы ты не приходишь въ боязнь. Сіе вложи себѣ въ мысль во время радости, чтобы не превознесся помыслъ, какъ

сказалъ Отецъ нашъ святой ; и плачь , и проливай слезы, и припадай при воспоминаніи о своихъ грѣхонаденіяхъ во время поущенія, чтобы избавитъ тебѣ этихъ, и пріобрѣсти чрезъ то смиреніе. Впрочемъ, не отчаявайся, и въ помыслахъ смиренія умиловленіемъ содѣлай простительными грѣхи свои.

Смиреніе и безъ дѣлъ многія прегрѣшенія дѣлаеть простительными. Напротивъ того, безъ смиренія и дѣла безполезны, даже уготовляютъ намъ много худаго. Смиреніемъ, какъ сказалъ я, содѣлай беззаконія твои простительными. Что соль для всякой пищи, то смиреніе для всякой добродѣтели; оно можетъ сокрушить крѣпость многихъ грѣховъ. И если пріобрѣтеть оное, содѣлаеть насъ сынами Божиими, и безъ добрыхъ дѣлъ представитъ Богу; потому что безъ смиренія напрасны всѣ дѣла наши, всякія добродѣтели и всякое дѣланіе.

Наконѣцъ, Богъ хочетъ измѣненія въ мысли. Мысль дѣлаеть насъ и лучшими и негодными. Ея одной достаточно, чтобы безмощными поставитъ насъ предъ Богомъ, и она же говоритъ за насъ. Благодари, и въ молчаніи исповѣдуйся Богу въ томъ, что столько немощное и способное къ уклоненію получилъ ты естество, и при содѣйствіи благодати, до чего иногда возвышаешься, какихъ сподобляешься дарованій, и въ чемъ бываешь превыше естества, когда же бываетъ поуще, до чего снисходишь, и пріобрѣтаешь умъ скотскій! Содержи въ памяти бѣдность естества своего и скорость, съ какою послѣдуютъ въ тебѣ измѣненія, какъ сказалъ нѣкто изъ святыхъ старцевъ. «Когда, говоритъ онъ, приходитъ къ тебѣ помысль гордыни, говоря тебѣ:

«вспомни свои добродѣтели»; ты скажи: «посмотри, старикъ, на свой блудъ». Разумѣть же тотъ блудъ, какимъ, во время попущенія, искушаемъ бываешь въ помыслахъ, что съ каждымъ устроить благодать, или вводя насъ въ брань, или являя намъ помощь, когда что для насъ полезно.

Смотри же, какъ легко чудный сей старецъ различить эту мысль. «Когда, говоритъ, приходитъ къ тебѣ помысль гордыни о высотъ житія твоего, скажи: посмотри, старикъ, на свой блудъ». Изъ сего ясно, что старецъ сказалъ это человѣку высокой жизни. Ибо невозможно, чтобы такимъ помысломъ тревожны были люди кромѣ стоящихъ на высшей степенн, въ житіи достойномъ похвалы. Явно же и то, что страсть сія возстаетъ въ душѣ послѣ сдѣланной добродѣтели, чтобы лишитъ душу дѣланія оной. А если угодно, и изъ одного посланія тогоже святаго Макарія можешь научиться, на какой степенн стоятъ святые, и что попускается на нихъ для искущенія въ этомъ святыхъ. Посланіе же сіе есть слѣдующее.

Авва Макарій пишетъ ко всѣмъ своимъ чадамъ возлюбленнымъ, и ясно участь, какое о нихъ Божіе домостроительство во время браней и благодатной помощи; потому что Божіей премудрости благоугодно снмъ обучать святыхъ, пока они въ жизни сей, въ бореніи (ѣ) со грѣхомъ за добродѣтель, чтобы взоръ ихъ во всякое время возводимъ былъ къ Богу, и при непрестанномъ устремленн взора къ Богу

1) Древній славянскій переводъ показываетъ, что вмѣсто *ἐν τῷ αἵματι* надобно читать *ἐν τῷ αὐτῷ*.

возрастала въ нихъ святая любовь Его; когда непрестанно будутъ они стремиться къ Богу отъ смущенія и страха уклоненія, и утвердятся въ вѣрѣ, надеждѣ и любви Его.

И сіе дѣйствительно сказано теперь не тѣмъ, которые пребываютъ съ людьми, ходятъ по всякимъ мѣстамъ и всегда преданы дѣламъ и помысламъ срамнымъ и нечистымъ, также не тѣмъ, которые вѣкъ безмолвія соблюдаютъ правду въ дѣлахъ, и ежечасно уловляются чувствами своими, во всякое время бываютъ въ опасности паденія (потому что необходимость, встрѣчающаяся съ ними вовсе не по ихъ волю, ставитъ ихъ въ непронзвольныя положенія), не могутъ охранять совершенно не только помысловъ, но и чувствъ своихъ; но тѣмъ, которые въ состояніи соблюдать тѣла свои и помыслы, вовсе далеки отъ мятежа и сообщенія съ людьми, въ отреченіи отъ всего и отъ душъ своихъ нашли удобство охранять умъ свой молитвою, измѣненія благодатныхъ смотрѣній пріемлютъ, не оставляя безмолвнаго житія, и живутъ подъ мышцею Господня вѣдѣнія, втайнѣ умудряются духомъ на безмолвіе, удаленіемъ отъ мірскихъ вещей и при содѣйствіи благодати. И насъ благодать сія да сохранитъ на этомъ предѣлѣ! Аминь.

С Л О В О 47.

О самомъ значеніи этой главы, и о молитвѣ.

Кратко выраженная мысль этой главы есть слѣдующая: ежечасно надлежитъ намъ знать, что въ

сѣи двадцать четьре часа дня и ночи имѣемъ мы
 нужду въ покаяніи. Значеніе же слова: *покаяніе*,
 какъ дознали мы изъ дѣйствительнаго свойства
 вещей, таково: оно есть съ непоколебимою сокрушеніемъ
 молитвою приближающееся къ Богу неослабное про-
 шеніе объ оставленіи прошедшаго, и болязнованіе о
 храненіи будущаго. Посему и Господь нашъ опору
 нашей немощи указать въ молитвѣ, говоря: *пробу-*
дитесь, бдите и молитесь, да не внидете въ па-
пасть (Матѣ. 26, 41). Молитесь, и будьте нелѣ-
 щивы, во всякое время *бодрствующе и молящеся*
 (Кол. 4, 2. 3.). *Просите и пріимете: ищите, и об-*
рѣщете: толците, и отвержется вамъ. Всякъ бо
просяй пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толку-
щему отвержется (Матѣ. 7, 7. 8.). Особенно же
 подтвердить слово Свое, и къ болѣе рачитель-
 сти подвигъ нашъ притчею о другѣ, который въ
 полночь пришелъ къ другу своему, и просилъ у
 него хлѣба: Господь говоритъ: *аминь глаголю вамъ,*
аще и не дастъ ему, зане другъ ему есть, но за
безочетво его, воставъ дастъ ему, елика требуетъ
 (Лук. 11, 8.). И вы молитесь и не будьте нерадн-
 выми. Какое неслыханное побужденіе къ дерзновенію!
 Податель побуждаетъ насъ просить у Него, чтобы
 дать намъ Божественныя Свои дарованія. И если
 Самъ, какъ знаетъ Онъ, домостроительствуетъ все,
 что благотельно для насъ; то сѣи слова Его
 исполнены великой силы для возбужденія въ насъ
 дерзновенія и унованія. Послѣку Господь знаетъ, что
 прежде смерти не отъемлетъ Онъ у насъ возможно-
 сти къ уклоненію, что весьма близко къ намъ это
 пзмышленіе, а именно, переходъ отъ добродѣтели къ

пороку, что человекъ и естество его удобно пріемлютъ въ себя противное; то повелѣлъ быть тщательными и подвизаться во всегдашней молитвѣ. Если бы въ этомъ мірѣ была страна удостовѣренія; то, какъ-скоро человекъ достигъ бы оной, естество его стало бы тогда выше потребности, и дѣланіе его выше страха, и не повелѣлъ бы намъ Богъ подвизаться въ молитвѣ, совершая сіе Своимъ промышленіемъ; потому что въ будущемъ вѣкѣ не приносятъ Богу молитвъ съ прошеніями о чемъ-либо. Въ ономъ отечествѣ свободы естество наше не пріемлетъ измѣненія и уклоненія подъ страхомъ сопротивленія; потому что во всемъ совершенно. Поэтому, повелѣлъ не ради только молитвы и храненія себя самихъ, но и по причинѣ тонкости и неистощимости того, чѣмъ всегда съ нами встрѣчается, и не обьсмыслется въдвѣніемъ ума нашего въ тѣхъ состояніяхъ, въ какихъ перѣдко находимся непронзвольно во всякое время. Ибо, хотя мысли наши и весьма тверды и прильплены къ добру; однакоже Промыслъ Его неоднократно оставлялъ насъ на предѣлѣ искушеній, и ввергалъ въ оныя, какъ сказалъ блаженный Павелъ: *за премногая откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакости плоти, аггелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ. И о семъ трикраты Господа молихъ, да отступитъ отъ мене: и рече ми: дольготъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 7-9.).

Если уже это — Твоя воля, Господи, и младенчество наше требуетъ всего этого для руководенія и пробужденія своего Тобою, и даже когда человекъ побовію Твоею упоенъ, подобно мнѣ, и влеч-

чется во слѣдъ добраго, такъ-что вовсе не взираеть на міръ, по причинѣ упоенія, въ какомъ онъ находится, даже когда мнѣ сверхъ этого далъ Ты достигнуть откровеній и созерцаній, которыхъ невозможно объяснить плотскимъ языкомъ, далъ видѣть и слышать гласъ духовнаго служенія, и сподобиться исполненнаго святости созерцанія Твоего; но и при всемъ этомъ я, человѣкъ совершенный о Христѣ, недостаточенъ для того, чтобы охранять себя самого; потому что есть нѣчто такое, что по тонкости своей не можетъ быть достигнуто моею силою, хотя и пріобрѣлъ я умъ Христовъ: то радуюсь уже по-сему, Господи, въ немощахъ, въ скорбяхъ, въ темнотахъ, въ узахъ, въ нуждахъ. Отъ естества ли это, отъ сыновъ ли естества, или отъ враговъ его; только радуюсь терплю чинъ немощи мои, то-есть, немощи въ искушеніяхъ моихъ, да вселится въ меня сила Божія. Если, послѣ всего этого, имѣю пужду въ жезлъ искушеній, чтобы мнѣ расширилось во мнѣ селеніе Твое, и я сохраняемъ былъ въ приближеніи къ Тебѣ; то знаю, что никто не возлюбленъ Тобою наче меня, и потому возвеличилъ Ты меня надъ многими. И какъ мнѣ далъ познать чудныя и славныя силы Твои, такъ не далъ никому изъ сотрудниковъ моихъ Апостоловъ. И наименовалъ меня сосудомъ избраннымъ (Дѣян. 9, 15.); потому что вѣрно сохранию чинъ любви Твоей. По всему этому, и особливо для того, чтобы преуспѣвало и простиралось впередъ дѣло проповѣди, Ты, сколько знаю, даровалъ бы мнѣ свободу, еслибы сіе было полезно для меня. Но Ты благоволилъ, что бы не былъ я безъ скорби и попеченія въ міръ семъ; такъ-

какъ для Тебя не столько важно то, чтобы множилось наилучше дѣло проповѣди Евангелія Твоего въ міръ, сколько то, чтобы мнѣ была польза отъ искушеній моихъ, когда душа моя сохранится у Тебя здороваго.

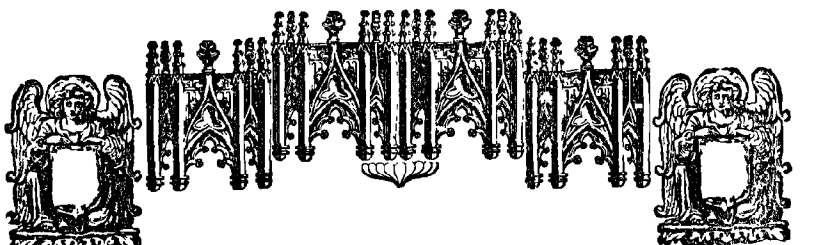
Наконцѣ, если все это, разсудительный, есть великій даръ искушеній; потому что, чѣмъ болѣе превознесенъ человѣкъ, и, по подобію Павлову, вступилъ въ духовное, тѣмъ нѣче нѣсть еще нужду въ страхѣ и осторожности, и пожинаеть пользу отъ встрѣчающихся съ нимъ искушеній; кто есть сей достигшій въ страну удостовѣренія, исполненную хитщниковъ (Матѹ. 11, 12.), и пріимъ то, чтобы стать ему неуклоннымъ, чего не дано было и святымъ Ангеламъ, *да не бѣзъ насъ совершенство пріимутъ* (Евр. 11, 40.), — пріимъ то, что противно всему духовному и тѣлесному, и хочеть быть всецѣло неизмѣняемымъ, хочеть, чтобы не приближалось къ нему искушеніе и въ помыслахъ! Порядокъ же міра сего есть сія мысль, выраженная какбы во всѣхъ Писаніяхъ: если каждый день постоянно пріемлемъ тысячи ударовъ; то да не малодушествуемъ, и да не останавливаемся въ теченіи на поприщѣ; потому что въ одномъ маловажномъ случаѣ можно намъ восхитить побѣду и получить вѣнецъ.

Міръ этотъ есть состязаніе и поприще для состязаній. Время это есть время борьбы. А въ странѣ борьбы, и во время состязанія, закона не полагается, то-есть, царь не полагаетъ воиновъ своихъ предѣла, пока не будетъ кончено состязаніе, и всякой человѣкъ приведенъ къ дверямъ Царя царствующаго, и тамъ испытанъ бывшій въ состязаніи, кто

не допустилъ одержать надъ нимъ побѣду, и кто обратилъ хребетъ свой. Пбо много разъ случается, что человекъ, ни къ чему не годный по неспуску своему, непрестанно бываетъ поражаемъ и низлагаемъ, и во всякое время оставаясь въ безсиліи, когда вдругъ похищаетъ знамя изъ рукъ у воинства сыновъ племени своихъ, превозносится имя его, и восхваляется онъ гораздо болѣе подвизавшихся и содѣлавшихся извѣстными въ побѣдахъ, и получаетъ въенецъ и дорогіе дары паче товарищей своихъ. Поэтому, подишь человекъ да не останется въ отчаяніи. Не будемъ только нерадѣть о молитвѣ, и не поспѣшимъ просить помощи у Господа.

Твердо положимъ въ мысли своей и то, что, пока мы въ міръ сѣмъ, и оставлены во плоти, хотя бы вознеслись до небеснаго свода, не можемъ оставаться безъ дѣлъ и труда, и быть безъ попеченія. Это (проси меня въ томъ) есть совершенство; а что паче сего, то глумленіе безъ разума. Богу же нашему да будетъ слава, и держава, и велебніе во вѣки! Аминь.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТЫХЪ ОТЕЦЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

СЪ ПРИБАВЛЕНІЯМИ ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ,

издаваемая

ПРИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Книжка 1.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Готье.

1854.

С Л О В О 48.

О РАЗЛИЧІИ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ И О СОВЕРШЕНСТВѢ ВСЕГО ПОПРИЩА.

—

Совершенство всего поприща заключается въ слѣдующемъ: въ покаяніи, въ чистотѣ и въ усовершеніи себя. Чтò такое покаяніе? оставленіе прежняго и печаль о немъ. Чтò такое чистота? кратко сказать: сердце милующее всякую тварную природу. Чтò такое усовершеніе себя? глубина смиренія, то-есть, оставленіе всего видимаго и невидимаго (видимаго т. е. всего чувственнаго, и невидимаго т. е. мысленнаго) и пошепчанія о томъ.

Въ другое время былъ опять спрошенъ: «что такое покаяніе?»—и сказалъ: «сердце сокрушенное и смиренное.» — «Чтò такое смиреніе?» и сказалъ (а): «сугубое, добровольно принятое на себя, омергвѣніе для всего.»—«И чтò такое сердце милующее?» — и сказалъ: «возгорѣніе сердца у человека о всемъ твореніи, о людяхъ, о птицахъ, о животныхъ, о

(а) Слова *Чтò такое смиреніе, и сказалъ*, дополнены изъ древняго слав. перевода.

демонахъ и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человека источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и отъ великаго терпѣнія умиляется сердце его, и не можетъ оно вынести, или слышать, или видѣть какого-либо вреда, или малой печали, претерпѣваемыхъ тварию. А посему, и о безсловесныхъ и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ, ежечасно со слезами приносятъ молитву, чтобы сохранились и были они помилованы; а также и объ естество пресмыкающихся молится съ великою жалостію, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ его до уподобленія въ севѣ Богу. »

И еще бытъ спрошенъ: «что такое молитва?» — и сказать: «свобода и упраздненіе ума отъ всего здѣшняго, — сердце, совершенно обратившее взоръ свой къ возжеланію уновасмаго въ будущемъ. А кто далекъ отъ сего; тотъ на цѣвь своей съѣстъ смѣшенное сѣмя, и подобенъ вырѣгающему въ ярмо вѣсть вола и осла» (Втор. 22, 10.).

И еще бытъ спрошенъ: «какъ можетъ человекъ приобрести смиреніе?» и сказать: «непрестаннымъ памятованіемъ прегрѣшеній, надеждою приближающейся къ смерти, бѣднымъ одѣваніемъ, тѣмъ, чтобы во всякое время предпочитать послѣднее мѣсто, и во всякомъ случаѣ принимать охотно на себя дѣла самыя послѣднія и уничиженныя, не быть непослушнымъ, сохранять непрестанное молчаніе, не любить ходить въ собранія, желать оставаться неизвѣстнымъ и ни во что не избираемымъ, не удерживать никакой вещи въ полномъ собственномъ распоряженіи, ненавидѣть бесѣды со многими лицами, не любить

прибытковъ, и сверхъ сего, уиомъ своимъ быть выше всякаго людскаго порицанія и обвиненія и выше зависти, не быть такимъ человекомъ, котораго руки были бы на всѣхъ, и на которомъ были бы руки всѣхъ, по одному въ уединеніи заниматься своимъ дѣломъ, и не брать на себя понеченія о чемъ-либо въ міръ кромѣ себя самого. Короче сказать: странническая жизнь, нищета и пребываніе въ уединеніи — вотъ отъ чего рождается смиреніе, и очищается сердце».

Достигшихъ же совершенства признаковъ таковъ: если десятикратно въ день преданы будутъ на сожженіе за любовь къ людямъ, не удовлетворяются снѣмъ, какъ Моисей сказалъ Богу: *еще убо оставши имъ грѣхъ, остави: еще же ни, изгладн мя изъ книги, въ нѣже вписалъ еси* (Исх. 32, 32.); и какъ говоритъ блаженный Павелъ: *молибыхся отлученъ быти отъ Христа по братіи моей*, и такъ далѣе (Рим. 9, 3.); и еще: *нынѣ радуюся въ скорбѣхъ о васъ*, язычникамъ (Колос. 1, 24.). И прочіе Апостолы за любовь къ жизни человѣковъ приимъ смерть во всякихъ ся видахъ.

Конецъ же всего этого вкупѣ — Богъ и Господь. Но любви къ твари Сына Своего предать Онъ на крестную смерть. *Тако бо возлюбн Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть за него на смерть* (Іоан. 3, 16.), не потому, что не могъ искупить насъ инымъ образомъ, но чтобы научить насъ тѣмъ прензобилующей любви Своей, и смертію едиnorodнаго Своего Сына приблизить насъ къ Себѣ. А если бы у Него было что болѣе драгоцѣнное, и то далъ бы намъ, чтобы снѣмъ пріобрѣсти Себѣ родъ

нашъ. И по великой любви Своей, не благоволилъ стѣснить свободу нашу, хотя силень Огнь сдѣлать это, но благоволилъ, чтобы любовью собственнаго нашего сердца приблизились мы къ Нему. И самъ Христосъ, по любви Своей къ намъ, послушенъ былъ Отцу Своему въ томъ, чтобы съ радостію принять на Себя поруганіе и печаль, какъ говоритъ Исаіе: *вмѣсто предлежащія Ему радости, претерпѣ крестъ, о срамотѣ передвѣзъ* (Евр. 12, 2.). Посему-то Господь въ ту ночь, въ которую былъ преданъ, сказалъ: *сіе есть тѣло Мое, еже за мѣръ даемо въ жизнь* (Лук. 22, 19.); и: *сія есть кровь Моя, яже за многія изливаема во оставленіе грѣховъ* (Мат. 26, 28.); и еще говоритъ: *за нихъ Азъ свящу Себе* (Юан. 17, 19.). Такъ достигаютъ сего совершенства и все святые, когда содѣляются совершенными, и угодятся Богу изліяніемъ любви своей и челоуѣколюбія ко всѣмъ. И домогаются святые сего признака—угодиться Богу совершенствомъ въ любви къ ближнему. Такъ поступали и отцы наши, иноки, когда для оного совершенства всегда приимали въ себя уподобленіе, неполненное жизни Господа нашего Ісуса Христа.

Говорять, что блаженный Антоній никогда не рѣшался сдѣлать что-либо полезное болѣе для него самого, нежели для ближняго, въ томъ уловініи, что выгода его ближняго наилучшее для него дѣланіе. Рассказываютъ также объ аввѣ Агафонѣ, будто бы сказалъ онъ: «желать бы я найдти прокаженнаго, и взять у него тѣло его, а ему дать свое». Видѣли ли совершенную любовь? И также, пока нѣтъ онъ что-либо въ себя, не могъ утерпѣть, чтобы не

упокоить тѣмъ ближняго своего. И еще: былъ у него возжичекъ; братъ, пришедши къ нему, пожелать его имѣть, и авва не далъ ему выйти изъ келліи своей безъ этого возжичка. Таково и прочее написанное о подобныхъ мужахъ. Но къ чему говорить это? Многіе изъ нихъ ради ближняго предавали тѣла свои звѣрямъ, мечу и огню. Никто не можетъ взойти на степенъ этой любви, если не почувствуетъ онъ въ тайнѣ надежды своей. И не могутъ пріобрѣсти любви къ человѣкамъ тѣ, которые любятъ міръ сей. Когда пріобрѣтеть кто любовь, облечется въ самого Бога. А тому, кто стяжалъ Бога, необходимо не только не соглашаться на пріобрѣтеніе съ Нимъ чего-либо иного, но и совлечься тѣла своего. Если же любовію къ міру облечется кто въ этотъ міръ и въ эту жизнь; то не облечется онъ въ Бога, пока не оставитъ сего. Ибо самъ Богъ засвидѣтельствовалъ се, говоря: *аще кто не оставитъ всего, и не возненавидитъ душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14, 26.). Должно не только оставить, но и возненавидѣть это. А если кто не можетъ быть ученикомъ Господнимъ, то какъ Господь вселится въ немъ?

Вопросъ. Почему такъ сладостна надежда, и житіе ся и дѣла ся легки, и скоро совершаются дѣла ея въ душѣ?

Отвѣтъ. Потому что въ этотъ часъ пробуждается въ душѣ святыхъ естественное пожеланіе, и даетъ имъ нѣгъ изъ этой чаши, и упоеваетъ ихъ. Посему-то не чувствуютъ уже они труда, но дѣлаются нечувствительными къ скорбямъ, и во все продолженіе своего шествія думаютъ, что шествіе ихъ совершается

по воздуху, а не человеческими идутъ они стопы; потому что невидима имъ трудность пути, предъ ними нѣтъ холмовъ и потоковъ, и *будутъ имъ острига въ пути гладки* и проч. (Ис. 40, 4.); и потому что ежечасно обращено вниманіе ихъ на лоно Отца ихъ; и самая надежда какбы перестоя, въ каждое мгновеніе, указываетъ имъ отдаленное и невидимое, какбы гадательно възрающимъ на сіе сокровеннымъ окомъ вѣры; и потому что желаніемъ отдаленнаго, какбы огнемъ, разжижены всѣ части души, и отсутствующее вибнѣется имъ за присутствующее. Туда простирается все протяженіе ихъ помысловъ, и всегда поспѣшаютъ достигнуть туда; и когда приближаются къ совершенію какой-либо добродѣтели, не надъ нею одною трудятся, но вдругъ и всецѣло совершаютъ въ совокупности всѣ добродѣтели: потому что неполны сіи шествіе свое не парскаютъ совершаютъ путемъ, какъ и всѣ прочіе, но избираютъ для себя стези краткія, по которымъ нѣсныя благодѣтели скоро приходятъ въ обители. Самая надежда разжигаетъ ихъ какбы огнемъ, и не могутъ дать себѣ отдыха въ стремительномъ и непрестанномъ теченіи, совершаемомъ съ радостію. Съ ними бываетъ сказанное Іереміею; ибо говоритъ: *рекохъ, не вспомню имени Его, ниже возглаголю кому во имя Его: и бысть въ сердцахъ моихъ яко огонь горящъ, и пронизающій въ кости мои* (Іер. 20, 9.). Такъ памятованіе о Богѣ дѣйствуетъ въ сердцахъ ихъ, уповаемыхъ надеждою обѣтованій Божіихъ.

Сокращенныя стези добродѣтелей суть добродѣтели родовыя; потому что не имѣютъ онѣ большаго разстоянія между многими стезями житія отъ одной

стези до другой: не выжидаютъ ни мѣста, ни времени, не допускаютъ расточенія, но тотчасъ принимаютъ за дѣло, и исполняютъ это.

Вопросъ. Что такое безстрастіе человѣческое?

Отвѣтъ. Безстрастіе не въ томъ одномъ состоятъ, чтобы не ощущать страстей, но и въ томъ, чтобы не принимать ихъ въ себя. Въ слѣдствіе многихъ и различныхъ добродѣтелей, явныхъ и сокровенныхъ, приобрѣтенныхъ святыми, страсти изнемогли въ нихъ, и нелегко могутъ возстать на душу: и умъ не имѣетъ нужды непрестанно быть въ разсужденіи ихъ внимательнымъ; потому что во всякое время исполненъ мыслями, какія съ сознаніемъ возбуждаются въ разумъ помышленіемъ и бесѣдою о превосходнѣйшихъ правахъ. И какъ-скоро начинаютъ возбуждаться страсти, умъ внезапно восхищается отъ сближенія съ ними какимъ-то уразумѣніемъ, приникшимъ въ умъ; и страсти, какъ сказалъ блаженный Маркъ, остаются въ немъ какбы праздыми.

Умъ, по благодати Божіей, исполняя добродѣтельные дѣянія, и приблизившись къ вѣдѣнію, мало ощущаетъ того, что составляетъ худую и неразумную часть души. Ибо вѣдѣніе восхищается въ высоту его и отчуждаетъ его отъ всего, что въ міръ. И по причинѣ непорочности святыхъ и тонкости, удобоподвижности и остроты ума ихъ, а также по причинѣ ихъ подвига, очищается умъ ихъ, и оказывается просвѣщеннымъ, по сухости ихъ плоти. И, въ слѣдствіе обученія ихъ безмолвію и продолжительнаго пребыванія въ ономъ, легко и скоро дается каждому внутреннее созерцаніе, и въ изумленіе приводитъ ихъ созерцаемымъ. При семъ, обыкновенно,

изобилуютъ они созерцаніями, и умъ ихъ никогда не имѣетъ недостатка въ предметахъ разумныхъ, и никогда не бываютъ они безъ того, что производитъ въ нихъ плодъ духа. Долговременнымъ привыкомъ изглаждаются въ сердцахъ ихъ воспоминанія, которыми возбуждаются въ душѣ страсти, и ослабляется сила діавольской власти. Ибо когда душа не сдружится со страстями помышленіемъ о нихъ; тогда, послѣ занята она мною заботою, сила страстей не можетъ въ когтяхъ своихъ удержать духовныхъ чувствъ ея.

Вопросъ. Какія преимущества смиренія?

Отвѣтъ. Какъ самоизвнѣе есть разлѣніе души въ мечтаніи ея, которое уноситъ ее высерь, и не притѣствуетъ ей парить въ облакахъ своихъ помысловъ, такъ-что кружится она по всей твари; такъ смиреніе собираетъ душу во-едино безмолвіемъ, и сосредоточивается она въ себя самой. Какъ душа неознаваема и невидима тѣлесными очами; такъ и смиренномудрый не познается среди людей. И какъ душа внутри тѣла сокрыта отъ зрѣнія и отъ общенія со всѣми людьми; такъ и истинно смиренномудрый человекъ, по своему отлученію отъ всѣхъ и по недостатку во всемъ, не только не желаетъ быть видимъ и знаемъ людьми, но даже такова его воля, — если можно, отъ самого себя погрузиться внутри себя, войти въ безмолвіе, и вселиться въ немъ, всецѣло оставивъ все свои прежнія мысли и чувствованія, содѣлаться чѣмъ-то какбы несуществоющимъ въ твари, непринесшимъ еще въ бытіе, вовсе неизвѣстнымъ даже самой душѣ своей. И пока таковой человекъ бываетъ сокровенъ, заключенъ въ себя и

отлученъ отъ міра, всецѣло пребываетъ онъ у своего Владыки.

Смирномудрый никогда не останавливается по-смотреть на собранія, народное стеченіе, волненіе, шумъ, разгулъ, хлопоты и наслажденіе, слѣдствіемъ котораго бываетъ невоздержность; не обращаетъ вниманія на слова, бесѣды, кляксы и разсѣяніе чувствъ, но всему предпочитаетъ разобцаться со всею въ безмолвіи, уединившись и отлучившись отъ всей твари, заботясь о себѣ самомъ въ странѣ безмолвной. Во всемъ умаленіе, нестяжательность, нужда, нищета для него возжелательны. Ему желательно не то, чтобы нѣтъ у себя многое и быть въ непрерывныхъ дѣлахъ, но чтобы во всякое время оставаться на свободѣ, не нѣтъ заботъ, не возмущаться здѣшнимъ, такъ чтобы помыслы его не исходили вѣдъ его. Ибо увѣренъ онъ, что, если вѣдется во многое, невозможно будетъ безъ смущенія помысловъ; потому что при многихъ дѣлахъ бываетъ много заботъ и сборниче помысловъ многосложныхъ. И человекъ перестаетъ уже, въ мирѣ помысловъ своихъ быть выше всѣхъ земныхъ попеченій, за исключеніемъ малыхъ самыхъ необходимыхъ потребностей, и отлагаетъ мысль озабоченную единственно лучшими ея помыслами. Если же потребности не перестаютъ удерживать его отъ лучшихъ помысловъ; то доходитъ онъ до состоянія, въ которомъ и тернитъ и дѣлаетъ вредъ, — и съ этого времени отверзается дверь страстямъ, удаляется тишина разсудительности, блуждаетъ смирненіе, и закрывается дверь мира. Но всему этому смирномудрый непрестанно охраняетъ себя отъ всего многого; и тогда оказывается,

что во всякое время онъ въ тишинѣ, въ покоѣ, въ мирѣ, въ скромности, въ благоговѣніи.

Въ смиренномудромъ никогда не бываетъ поспѣшности, торопливости, смущенія, горячихъ и легкихъ мыслей, но во всякое время пребываетъ онъ въ покоѣ. Если бы небо прильнуло къ землѣ, смиренномудрый не ужаснется. Не всякій безмолвникъ смиренномудръ, но всякій смиренномудрый — безмолвникъ. Кто несмиренномудръ, тотъ не сдерживаетъ себя; но сдерживающихъ себя несмиренномудрыхъ найдешь многихъ. Сіе и значить, что сказано кроткимъ и смиреннымъ Господомъ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрѣцете покой душамъ вашимъ* (Мат. 11, 29.). Смиренномудрый во всякое время пребываетъ въ покоѣ; потому что печему привести умъ его въ движеніе, или въ ужасъ. Какъ никто не можетъ утратить гору; такъ небоязнь и умъ его. И если можно такъ выразиться (а, можетъ быть, и не разумно сказать это), смиренномудрый пѣсть *снѣгъ міра сего* (Іоан. 8, 23.); потому что и въ печаляхъ не ужасается и не пѣтается, и въ веселіи не приходитъ въ удивленіе и не ширится. Но все веселіе его и истинное радованіе о томъ, что угодно Владыкѣ его. За смиренномудріемъ слѣдуетъ скромность и собранность въ себя, то-есть, цѣломудріе чувствъ, соразмѣрность голоса, немногословіе, небреженіе о себѣ, бѣдная одежда, ненадменная походка, наклопеніе очей долу, превосходство въ милосердіи, скорое изліяніе слезъ, уединенная душа, сердце сокрушенное, неподвижность къ раздраженію, перасточенныя чувства, малость имущества, умаленіе во

всякой потребности, перенесеніе всего, терпѣніе, небоязненность, твердость сердца, происходящая отъ возненавидѣнія временной жизни, терпѣніе въ искушеніяхъ, вѣскія, а не легкія мысли, утѣшеніе помысловъ, храненіе тайнъ цѣломудрія, стыдливость, благоговѣніе, а сверхъ всего этого непрестанное безмолвствованіе и всегдашнее обвиненіе себя въ невѣдѣніи.

Смренномуудрому никогда не встрѣчается такая нужда, которая приводитъ бы его въ смятеніе или смущеніе. Смренномуудрый иногда, будучи одинъ, стыдится себя самого. Дивлюсь же тому, что истинно-смренномуудрый не осмѣлится и помолиться Богу, или сподобиться молитвы, когда приступаетъ къ молитвѣ, или просить чего-либо иного, и не знаетъ, о чемъ молиться; но только молчитъ всѣми своими помысленіями, ожидая одной милости и того изволенія, какое изыдетъ о немъ отъ лица достопоклоняемаго Величія, когда преклоняетъ онъ лице свое на землю, и внутреннее зрѣніе сердца его вознесено къ превознесеннымъ вратамъ во Святое Святыхъ, гдѣ Тотъ, Коего селеніе—мракъ, предъ Кѣмъ сѣются очи Серафимовъ, Чья добродѣтель побуждаетъ легионы къ ликостоянію ихъ, на всѣ чины ихъ изливая молчаніе.—И осмѣливается только такъ говорить: «по волю Твою, Господи, да будетъ со мною». Тоже и мы будемъ говорить о себѣ. Аминь.

С Л О В О 49.

О ВѢРѢ И О СМЯЧЕННОМУ ДУХУ.

Желаешь ли ты, человекъ малый, обрѣсти жизнь? Сохрани въ себѣ вѣру и смиреніе; потому что имъ пріобрѣтается милость, и помощь, и словеса изрекаемыя въ сердце Богомъ, а также хранителя, сокровенно и явно съ тобою пребывающаго. Желаешь ли пріобрѣсти сіе, то-есть, общеніе жизни? Ходи предъ Богомъ въ простотѣ, а не въ знаніи. За простотою слѣдуетъ вѣра; а за утонченностію и извращеніемъ помысловъ — самомнѣніе; за самомнѣніемъ же — удаленіе отъ Бога.

Когда предстанешь въ молитвѣ предъ Бога; содѣлайся въ помыслѣ своемъ, какбы муравьемъ, какбы пресмыкающимся по землѣ, какбы шивнцею, и какбы пѣмотствующимъ ребенкомъ. Не говори предъ Богомъ чего-либо отъ знанія, но мыслями младенческими приближайся къ Нему, и ходи предъ Нимъ, чтобы сподобиться тебѣ того отеческаго промышленія, какое отцы пѣютъ о дѣтяхъ своихъ младенцахъ. Сказано: *храни младенцы Господь* (Исая. 114, 5.). Младенецъ подходитъ къ зимѣ, беретъ ее за шею, и она не дѣлаетъ ему вреда. Нанѣтъ ходитъ младенецъ цѣлую зиму, когда другіе одѣты и укрыты, и холодъ входитъ во все члены его; нагой сидитъ онъ въ день холода, зимней стужки и изморози, и не болѣзнуетъ. Ибо тѣло простоты его нѣмъ невидимымъ одѣяніемъ покрываетъ сокровен-

ный Промыслъ, соблюдающій живые члены его, чтобы не приблизились къ нимъ отъ чего-либо вреда.

Взрѣнь ли теперь, что есть всякій сокрушенный Промыслъ, Которымъ живое тѣло, по своей слабости и немощному житію, готовое тотчасъ принять въ себя всякій вредъ, охраняется среди сопротивнаго ему, и не продолжается тѣмъ. Сказано: *арапскій младенецъ Господь*, и не только сирѣ малыхъ тѣломъ, но и тѣхъ чуждыхъ въ міръ, которые оставили веденіе свое, оперлись на оную вседовѣтельную Премудрость, волею своею угодившись младенцамъ, и потому уже стали учиться оной мудрости, не ощущаемой въ трудахъ обученія. И прекрасно сказать богомудрый Павелъ: *кто мнителенъ мудръ быти въ міръ сего, бѣда да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. 3, 18.). Впрочемъ, проси у Бога, чтобы далъ тебѣ прийти въ мѣру вѣры. И если ощутишь въ душѣ своей наслажденіе сіе, то нетрудно сказать мнѣ при семъ, что нечеловѣку уже отворотить тебя отъ Христа. И нетрудно тебѣ каждый часъ быть отводимымъ въ мѣсто далеко отъ земнаго, и укрыться отъ этого немощнаго міра и отъ воспоминаній о томъ, что въ міръ. О сего молись неупорно, сего испрашивай съ горячностью, объ этомъ умолай съ великимъ раченіемъ, пока не получишь. И еще молись, чтобы не ослабѣть. Сподобишься же этого, если прежде съ вѣрою понудишь себя попеченіе свое возвергнуть на Бога, и свою попечительность замѣнишь Его промышленіемъ. И когда Богъ усмотритъ въ тебѣ сего волю, что со всею чистою мыслію доверился ты самому Богу болѣе, нежели себѣ самому, и понудитъ себя уповать на

Бога болѣе, нежели на душу свою: тогда всеелится въ тебѣ оная недовѣдомая сила, и ощутительно почувствуешь, что съ тобою несомнѣнно сила, — та сила, которую ощутивъ въ себѣ, многіе идутъ въ огонь, и не бояся, и ходя по водамъ, не колеблются въ помыслѣ своемъ опасеніемъ потонуть; потому-что вѣра укрѣпляетъ душевныя чувства, и человѣкъ ощущаетъ въ себѣ, что какъ-будто нѣчто невидимое убѣждаетъ его не вынимать видѣнію вещей страшныхъ и не взирать на видѣніе невыносимое для чувствъ.

Конечно, думается тебѣ, что снѣтъ душевнымъ вѣдѣніемъ нѣмой пріемлеть оное духовное вѣдѣніе! Не только невозможно снѣтъ душевнымъ вѣдѣніемъ пріять оное духовное, но даже нѣтъ возможности ощутить его и чувствовать, или сподобиться его кому-либо изъ ревностно упражняющихся въ вѣдѣніи душевномъ. И если нѣкоторые изъ нихъ желаютъ приблизиться къ оному духовному вѣдѣнію; то, пока не отрекутся отъ сего душевнаго, и отъ всякихъ изворотовъ его тонкости, и многосложныхъ его способовъ, и не поставятъ себя въ младенчскій образъ мыслей, догмъ не возмогутъ приблизиться, хотя мало, къ вѣдѣнію духовному. Напротивъ того, великимъ препятствіемъ бываютъ для нихъ навъкъ и понятія душевнаго вѣдѣнія, пока не изгладятъ сего мало-по-малу. Оное духовное вѣдѣніе просто, и не просіиваетъ въ помыслахъ душевныхъ. Пока разумъ не освободится отъ помысловъ многихъ и не прійдетъ въ единую простоту чистоты, догмъ не возможетъ ощутиъ духовнаго вѣдѣнія.

Вотъ порядокъ сего вѣдѣнія—ощутить наслажде-

ше оною жизнью онаго вѣка: почему охуждаетъ оно помыслы многіе. Сіе душевное вѣдѣніе, кромѣ множества помысловъ, не можетъ познавать что-либо другое, пріемлемое въ простоту ума, по слову Пзрекнаго: *Аще не обратитесь, и будите яко дѣти*, не можете войти въ царствіе Божіе (Матѹ. 18, 3.). Но вотъ многіе не приходятъ въ простоту сію, а по добрымъ дѣламъ ихъ уповаютъ, что соблюдается нмѣ часть въ царствіи небесномъ, какъ изъ уразумѣнія евангельскихъ блаженствъ, которые Господь изобразилъ различно, можетъ быть нами дознано, что сими блаженствами показали намъ многія измѣненія въ разныхъ родахъ житія; потому-что каждый человекъ, на всякомъ пути, какимъ шествуетъ къ Богу, самъ всѣми мѣрами отверзаетъ предъ собою дверь небснаго царствія.

Но онаго духовнаго вѣдѣнія никто не можетъ пріять, если не обратится, и не будетъ, какъ дитя. Ибо съ сего только времени ощущается оное услажденіе небеснымъ царствіемъ. О царствіи небесномъ говорятъ, что оно есть духовное созерцаніе. И обрѣтается оно не дѣлами помысловъ, но можетъ быть вкушаемо по благодати. И пока не очиститъ себя человекъ, не имѣетъ онъ достаточныхъ силъ и слышать о немъ; потому-что никто не можетъ пріобрѣсти онаго изученіемъ. Если ты, чадо, достигнешь чистоты сердца, производимой вѣрою въ безмолвіи отъ подей, и позабудешь знаніе міра сего, такъ-что не будешь и ощущать его: то внезапно обрѣтется предъ тобою духовное вѣдѣніе, безъ розысканія о немъ. Поставь, говорятъ, столпъ, и возмывай на него слей, и найдешь сокровище въ пѣдрѣ своемъ.

Если же удержишься вервѣю душевнаго знанія; то не неуменью мнѣ сказать, что удобнѣе тебѣ освободиться отъ желѣзныхъ узъ, нежели отъ этого вервѣя; и всегда будешь недалекъ отъ сътей прелести, и никогда не уразумѣешь, какъ возымѣть дерзновеніе предъ Господомъ и упованіе на Него, на всякій же часъ будешь ходить по острію меча, и инокнъ образомъ не возможешь быть безъ печали. Въ немощи и простотѣ молись, чтобы хорепо жить тебѣ предъ Богомъ, и бытъ безъ понеченія. Ибо какъ тыль слѣдуешь за тѣломъ, такъ и мнѣость за смиренномудріемъ. Наконецъ, если желаси заняться этимъ, то никакъ не подавай руки немощнымъ помысламъ. Если всякій вредъ, всякая злоба и всѣ опасности окружаютъ и будутъ устраниать тебя, не заботься о семъ, и не ставь сего ни во что.

Если однажды ввѣришь ты себя Господу, вседовѣющему для охраненія твоего, и смотрѣнью о тебѣ, и если пойдешь во слѣдъ Его; то не заботься опять о чемъ-либо таковомъ, но скажи душѣ своей: «на всякое дѣло довьѣсть для меня Того, Кому единожды предать я душу свою. Меня здѣсь нѣтъ; Онъ это знаетъ». Тогда на дѣль увидишь чудеса Божіи: увидишь, какъ во всякое время Богъ близокъ, чтобы избавлять боящихся Его, и какъ Его Промыслъ окружаетъ ихъ, хотя и невидимъ. Но потому-что невидимъ тѣлесными очами Хранитель пребывающій съ тобою, не долженъ ты сомнѣваться о Немъ, будто бы Его нѣтъ; ибо перьдко открывается Онъ и тѣлеснымъ очамъ, чтобы тебѣ благодѣйствовать.

Какъ-скоро человекъ отрешетъ отъ себя всякую

видимую помощь и человеческую надежду, и съ вѣрою и чистымъ сердцемъ поидеть во слѣдъ Богу: тотчасъ послѣдуетъ за нимъ благодать, и открываетъ ему силу свою въ различныхъ вспоможеніяхъ. Сперва открываетъ—въ этомъ явномъ, касающемся до тѣла, и оказываетъ ему помощь промысленіемъ о немъ, чтобы въ этомъ всего болѣе могъ онъ восчувствовать силу о немъ Божія Промысла. И уразумѣніемъ явнаго увѣряется и въ сокровенномъ, какъ и свойственно младенчеству его мыслей и житію его. Ибо какъ уготовляется потребное для него, когда о томъ и не заботился? Многіе удары, приближающіеся къ нему, часто исполненные опасностей, проходягъ мимо, когда человѣкъ о нихъ и не помышлялъ: между-тѣмъ благодать неощутимо и весьма чудесно отражаетъ отъ него это, и хранитъ его, какъ питающая чадо своихъ птица, которая распростираетъ надъ ними крылья свои, чтобы не приблизились къ нимъ отъ чего-либо вредъ. Благодать даетъ ему видѣть очами своими, какъ близка была къ нему погибель его, и какъ остался онъ невредимымъ. Такъ обучаетъ его и въ разсужденіи сокровеннаго, открываетъ предъ нимъ хитросмисленіе мыслей и помысловъ трудныхъ, непостижимыхъ. И легко сыскивается человекомъ значеніе ихъ, взаимная между ними связь, и прелесть ихъ, и къ которому изъ сихъ помысловъ приплыветъ человѣкъ, какъ они рождаются одинъ отъ другаго, и губятъ душу. И благодать посрамляетъ предъ очами его всю злокозненность демоновъ и убѣжище помысловъ ихъ, влагаетъ въ него смыслъ уразумѣвать будущее; въ простотѣ его возсіяваетъ сокровенный свѣтъ,

чтобы вполне оцунцать силу понятій въ тонкихъ помыслахъ, и какбы перстоу указуетъ ему, что потерпѣлъ бы онъ, если бы не дозналъ сего. И тогда раждается у него отсюда та мысль, что всякую вещь, малую и великую, должно ему въ молитвѣ испрашивать себѣ у Создателя своего.

Когда Божественная благодать утвердитъ мысли его, чтобы во всемъ этомъ уповать онъ на Бога; тогда мало-по-малу начинаетъ онъ входить въ искушенія. И благодать попускаетъ, чтобы насылаемы были на него искушенія, соответственныя его мѣрѣ, чтобы понести человѣку силу ихъ. И въ сихъ искушеніяхъ оцунчительно приближается къ нему помощь, чтобы благодумствовалъ онъ, пока обучится постепенно и пріобрѣтетъ мудрость, и въ упованіи на Бога станетъ презирать враговъ своихъ. Ибо умудрится человѣку въ духовныхъ браняхъ, познать своего Промыслителя, оцунтить Бога своего и сокровенно утвердиться въ вѣрѣ въ Него, невозможно иначе, какъ только по силѣ выдержавшаго нѣтъ испытанія.

Благодать какъ-скоро усмотритъ, что въ помыслѣ человѣка начало появляться нѣсколько самолюбія, и сталъ онъ высоко о себѣ думать; тотчасъ попускаетъ, чтобы усилились и укрѣпились противъ него искушенія, пока не познаетъ свою немощь, не бѣжитъ и не смяется во смиреніи за Бога. Силь приходить человѣкъ въ мѣру мужа совершеннаго вѣрою и упованіемъ на Сына Божія, и возвышается до любви. Ибо чудная любовь Божія къ человѣку познается, когда бываетъ онъ въ обстоятельствахъ разрушающихъ надежду его. Здѣсь Богъ силу Свою

показуешь въ спасеніи его. Ибо никогда человекъ не познастъ силы Божіей въ поковъ и свободу; и нигдѣ Богъ не являлъ ощутительно дѣйственности Своей, какъ только въ странѣ безмолвія и въ пустынѣ, въ мѣстахъ лишенныхъ сходбищъ и молвы въ общаіи съ людьми.

Не дивись, что, когда приступаешь къ добродѣтели, отовсюду источаются на тебя жестокія и сильныя скорби. Потому-что и добродѣтелию не почитается та, совершеніе которой не сопровождается трудностію дѣла. Ибо по сему самому, какъ сказать святой Іоаннъ, она и наименована добродѣтелию (*ἀρετή*): «добродѣтели, говоритъ, обычно встрѣчать затрудненія; она достойна порицанія, когда привязана къ покою». Блаженный монахъ Маркъ сказать: «всякая совершенная добродѣтель именуется крестомъ, когда исполняетъ заповѣдь Духа». Посему-то *еси хочѣши жити въ страхъ Господень и о Христѣ Исусѣ, гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12.). Ибо говоритъ Онъ: *аще кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8, 34.). Кто не хочетъ жить въ поковъ, тотъ, погубивъ душу свою *Мене ради, обращетъ ю* (Матѣ. 16, 25.). Для того предварилъ Онъ тебя, и предложилъ тебѣ крестъ, чтобы ты опредѣлилъ себѣ смерть, и потомъ уже послалъ душу свою идти во слѣдъ Его.

Ничто такъ не сильно, какъ отчаяніе: оно не знаетъ, чтобы кто побѣдилъ его десными ли то, или шуйми. Когда человекъ въ мысли своей лишился свою жизнь надежды; тогда нѣтъ ничего дерзостнѣе его. Никто изъ враговъ не можетъ противо-

стать ему, и нѣтъ скорби, слухъ о которой привелъ бы въ изнеможаніе мудрованіе его; потому-что всякая приключаящаяся скорбь легче смерти, а онъ подклонилъ главу, чтобы принять на себя смерть. Если во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ дѣлѣ, во всякое время, что ни захотѣлъ бы ты совершить, будешь въ мысляхъ своихъ предполагать дѣль и дѣль и печали; то не только во всякое время окажешься благодущнымъ и пелынымъ, чтобы противостать всякому представляющемуся тебѣ неудобству, но отъ силъ помысловъ твоихъ побѣгутъ отъ тебя устрашающія и ужащающія тебя мысли, обыкновенно порождаемыя оными къ покою устремленными помыслами. И все, что встрѣчается тебѣ труднаго и неудобнаго, покажется тебѣ удобнымъ и легкимъ. Нерѣдко будетъ встрѣчаться съ тобою противное тому, чего ты ожидать; а быть можетъ, никогда не встрѣтитъ съ тобою ничего подобнаго.

Знаешь, что надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое, благое и добродѣтели. Но и тѣ, которые въ мѣрѣ семъ живутъ для тѣла, не могутъ вполнѣ достигать исполненія желаній своихъ, если не рѣшаются въ умъ своею терпѣть неспріятное. И поеліку свидѣтельствуешь о семъ опытъ: то не пужно убѣждать въ этомъ словамъ; потому-что, и прежде насъ и донинѣ, не отъ много-чего, но отъ сего именно, люди изнемогаютъ, и не только не одерживаютъ побѣды, но даже лишаются наилучшаго. Посему скажемъ короче, что, если человекъ небрежетъ о царствѣ небесномъ, то развѣ по надеждѣ малаго здѣшняго утѣшенія. И не это одно бываетъ съ нимъ, но часто сильныя удары

и страшныя искушенія уготовляются всякому человеку, внимательному къ своей волѣ, и къ этому идутъ помыслы его, потому-что правитъ ими похоть.

Кто не знаетъ, что и птицы приближаются къ сѣти, пчѣла въ виду покой! Въ унодобленіи знанію птицъ немногатаго, можетъ быть, не достаетъ и нашему знанію о томъ, что сокровенно, или бываетъ прикрито обстоятельствомъ, мѣстомъ или чѣмъ инымъ, въ чемъ только дѣволъ изначала уловляетъ насъ обманомъ покоя и мыслями о немъ.

Но пчѣла въ мысляхъ то, чтобы рчь текла по желанію, уклонился я отъ дѣла, какую предположить слову своему вначаль, а именно, что во всякое время должно намъ въ мысляхъ своихъ предполагать цель скорби во всякомъ дѣлѣ, съ какою хотимъ начать путь ко Господу, и конецъ совершенія пути тщательно утверждать на этомъ началѣ. Какъ часто человекъ, когда хочетъ начать что-либо ради Господа, спрашиваетъ такъ: «Есть ли въ этомъ покой? Путь ли возможности удобно пройдти снѣмъ путемъ безъ труда? Или, можетъ быть, есть на немъ скорби, причиняющія томленіе тѣлу»? Вотъ какъ вездѣ всѣми мѣрами домогаемся мы покоя. Что говоришь ты, человекъ? Желаніе взойдти на небо, пріять тамъ царство, общеніе съ Богомъ, упокоеніе въ тамъ блаженствѣ, общеніе съ ангелами, жизнь безсмертную, и спрашивается: есть ли на пути этомъ трудъ? Чужое дѣло! Желаютъ того, что есть въ этомъ переходномъ вѣкѣ, переживаютъ страшныя волны морскія, отваживаются проходить путями неудобопроходимыми, и вовсе не говорятъ, что есть трудъ, или печаль въ томъ, что

хотятъ сдѣлать. А мы на всякомъ мѣстѣ допытываемся о покоѣ. Но если во всякое время будемъ представлять въ умѣ путь крестный; то размыслимъ, какая печаль не легче этого пути?

Или, можетъ быть, найдется челоувѣкъ вовсе неубѣдившійся въ томъ, что никто никогда не одержалъ победы на брани, не получалъ даже тѣхнаго вѣнца, не достигъ исполненія своего желанія, хотя оно было и похвально, не послужилъ ничѣмъ въ дѣлахъ Божіихъ, не преуспѣвалъ ни въ одной изъ достохвальныхъ добродѣтелей, если не оказался сперва пренебрегшимъ трудами скорбей, и не допустилъ до сближенія съ собою мысли, побуждающей къ покою, которая порождаетъ нерадѣніе, лѣнь и боязнь, а чрезъ нихъ во всемъ расслабленіе.

Когда умъ возревнуетъ о добродѣтели, тогда и вышнія чувства, какъ то: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, не уступаютъ надъ собою победы такимъ трудностямъ, которыя для нихъ чужды, необычайны, выходятъ изъ предѣла силъ естественныхъ. А если во время обнаружитъ свою дѣятельность естественная раздражительность; то тѣлесная жизнь бываегь пренебрегаема наче уметовъ. Ибо когда сердце возревнуетъ духовно, тѣло не печалится о скорбяхъ, не приходитъ въ боязнь и не сжимается отъ страха, но умъ, какъ алмазъ, своею твердостью противостоитъ въ немъ всему некушевію. Поревнуетъ и мы духовною ревностію о волю Іисусову, и отгнано будетъ отъ насъ всякое нерадѣніе, поражающее въ мысляхъ нашихъ лѣнь и боязнь; потому-что ревность рождаетъ отважность,

душевную силу и тѣлесную рачительность. Какая сила бываетъ въ монахахъ, когда думя подвигнеть противъ нихъ свою природную сильную ревность? А также и усердіе называется порожденіемъ ревности. И когда оно приводитъ въ дѣйствіе свою силу, придаетъ въ душу крѣпость всякой силѣ, содѣлавшейся небоязненною (а и самыя вѣщцы непо-вѣдничества, какіе пріемлютъ подвижники и мученики терпѣніемъ своимъ, пріобрѣтаются силой двумя дѣланіями ревности и усердія, поражаемыхъ силою естественной раздражимости); тогда люди въ лютѣ скорби мученій дѣлаются безстрашными. Да дастъ Богъ и намъ такое усердіе благоугождать Ему! Аминь.

С Л О В О 30.

О пользѣ бѣгства отъ міра.

Подлинно упорна, трудна и неудобна борьба, предстоящая намъ въ дѣлахъ житейскихъ. Сколько бы ни могъ человекъ содѣлаться непобѣдимымъ и крѣпкимъ, какъ-скоро приближается къ нему, что служить причиною прираженія браней и подвиговъ, не оставляетъ его страхъ, и угрожаетъ ему скорымъ паденіемъ, даже болѣе, нежели при явной бранн съ діаволомъ. Поэтому, пока человекъ не удаляется отъ того, чего боится сердце его, врагу всегда есть удобство напасть на него. И если немного задрем-

леть онъ, врагъ легко погубить его. Ибо, когда душа связана вредными сношеніями съ міромъ, самыя сношенія сіи дѣлаются для него острыми рожами; и какъ-сѣоро встрѣчаетъ ихъ, какбы естественнымъ образомъ уступая надъ собою побѣду. И потому древніе Отцы наши, проходившіе сими стезями, зная, что умъ нашъ не во всякое время возможенъ и въ состояніи будетъ неуклонно стоять на одномъ мѣстѣ и блюсти стражу свою, въ иное же время не можетъ и усмотрѣть того, что вредитъ ему, премудро разсуждали, и, какъ въ оружіе, облекались въ нестяжательность, которая, какъ панцирь, свободна отъ многихъ бореній (чтобы такимъ образомъ своею скудостью человекъ могъ избавиться отъ многихъ грѣхонаденій), и ушли въ пустыню, гдѣ нѣтъ житейскихъ занятій, служащихъ причиною страстей, чтобы, когда случится имъ пзнемочь, не встрѣчать причинъ къ наденіямъ, разумью же раздраженіе, пожеланіе, злопамятность, славу, но чтобы все это и прочее содѣлала легкимъ пустыня. Ибо ею укрѣпляли и ограждали они себя, какъ непроборимымъ столпомъ. И тогда каждый изъ нихъ могъ совершать подвигъ свой въ безмолвіи, гдѣ чувства не находили себѣ помощи, для содѣйствія нашему противоборнику, въ встрѣчѣ съ чѣмъ-либо вреднымъ. Лучше намъ встрѣтить смерть въ подвигѣ, нежели жить въ наденіи.

С Л О В О 51.

О томъ, посредствомъ чего можно челоѣку съ измѣненіемъ вѣншняго образа жизни пріобрѣсти измѣненіе въ сокровенныхъ мысляхъ.

Пока челоѣкъ пребываетъ въ нестяжательности, непрестанно приходитъ ему на мысль преселеніе изъ жизни; и прилагаетъ онъ всегда попеченіе свое о жизни по воскресеніи, во всякое время размышляетъ о всякомъ тамъ уготованіи, и пріобрѣтаетъ терпѣніе, бываетъ всякой чести и тѣлеснаго покоя, посѣваемаго въ помыслъ его; и помыслъ о пренебреженіи міра ежесечно животренещетъ въ умъ его; и благодушенъ онъ въ умъ своею, и пріобрѣтаетъ во всякое время крѣпкое сердце, чтобы встрѣтить всякую опасность и всякій страхъ, причиняющій смерть; даже не боится и смерти, потому что ежесечно устремляетъ на нее взоръ, какъ на нѣчто приближающееся, и ожидаетъ ся, попеченіе же его съ несомнѣннымъ вполнѣ упованіемъ возвергнуто на Бога. И если встрѣтятся ему скорби, то онъ, какъ бы увѣренъ и точно знаетъ, что скорби доставятъ ему вѣнецъ; и терпитъ ихъ со всякою радостію, принимаетъ ихъ съ веселіемъ и радованіемъ. Ибо знаетъ, что самъ Богъ по причинамъ полезнымъ предназначаетъ ему опыты въ Своемъ неслѣдномъ для насъ домоустройствѣ.

Если же случится ему, по дѣйствию и ухищренію онаго мудреца на всякое зло, по какой-либо причинѣ пріобрѣсти что-либо преходящее; то въ сей-

же самый часъ въ душѣ его начинается любовь къ тѣлу; помышляетъ онъ о долгой жизни; ежечасно въ немъ возникаютъ и приходятъ въ силу помыслы о плотскомъ покоѣ, преобладаютъ надъ нимъ тѣлесное, и изыскиваетъ самъ въ себѣ, не возможно ли ему, какъ бы то ни было, имѣть у себя все, что составляетъ для него этотъ покой, и выходить онъ изъ этой свободы неподчиненія помысламъ страха, а оттого при всякомъ случаѣ останавливается на мысляхъ, приводящихъ въ боязнь, и придумываетъ причины къ страху; потому что отпята у него эта твердость сердца, какую приобрѣлъ онъ, когда въ своей нестяжательности былъ выше міра, и какою обогащался въ душѣ своей, какъ наслаждикъ міра, но жръ того, что приобрѣталъ онъ. Подвергается же онъ страху по закону и домо-строительству, определенному Богомъ. На служеніе чему уготованы бываютъ члены наши, тому и порабощаемся и, по слову Апостола, повинны бываемъ работать со всякимъ страхомъ (Евр. 2, 15.).

Прежде всѣхъ страстей самолюбіе; прежде всѣхъ добродѣтелей пренебреженіе покоемъ. Кто тѣло свое предаетъ покою; тотъ въ страхъ міра прицпляетъ ему скорбь. Кто наслаждается въ юности своей; тотъ дѣлается рабомъ въ старости, и воздыхаетъ въ послѣдніе дни свои. Какъ тому, у кого голова въ водѣ, невозможно вдыхать въ себя тонкаго воздуха, разннвающагося въ этомъ пустомъ нѣдрѣ (б); такъ

(б) По сербскому переводу: *надливаемого въ недръ повѣмъ се иѣ*; откуда видно, что вмѣсто *иѣ же иѣ* сербс. переводчикъ читалъ: *иѣ, иѣ иѣ*

и тому, кто погружаетъ мысль свою въ здѣшнія заботы, невозможно вдыхать въ себя ощущеній онаго новаго міра. Какъ воня смерти разстроиваетъ тѣлесный составъ; такъ и непристойное зрѣлище—миръ ума. Какъ невозможно, чтобы въ одномъ тѣлѣ были здравіе и болѣзнь, и одно не разстроивалось другимъ; такъ невозможно, чтобы въ одномъ домѣ были множество денегъ и любовь, и одно не вредило другому. Какъ стекло не можетъ оставаться нѣлымъ при столкновеніи съ находящимся по близости камнемъ; такъ и свитый, когда бываешь выстѣ, падлого остается и бесѣдуетъ съ женою, не можетъ пребыть въ чистотѣ своей и не оскверниться. Какъ съ корнемъ вырываются деревья сильнымъ и постояннымъ притокомъ водъ; такъ искореняется и любовь къ міру въ сердцѣ притокомъ искушеній, устремленныхъ на тѣло.

Какъ лекарства истребляютъ нечистоту худыхъ соковъ въ тѣлѣ; такъ и жестокость скорбей очищаетъ сердце отъ лукавыхъ страстей. Какъ мертвецъ не можетъ издавать запаха ощущаемаго отъ живыхъ; такъ и душа шюка, погребеннаго въ безмолвіе, какъ въ гробъ, лишена того вѣянія, какое обыкновенно, подобіе дыма, появляется при ощущеніи чего бы то ни было, находящагося въ употребленіи у людей. Какъ невозможно остаться невредимымъ тому, кто падить своего врага на полѣ битвы; такъ невозможно и подвижнику душу свою избавить отъ гибели, если падить онъ тѣло свое. Какъ юная дѣва поражается страшными зрѣлищами, и предаваясь бѣгству, держится за края одежды своихъ родителей, призывая ихъ на помощь; такъ

и душа, въ какой мѣрѣ утѣшается и сокрушается страхомъ искушеній, сѣйшитъ прилѣпиться къ Богу, призывая Его въ непрестанной молитвѣ. И пока искушенія продолжаютъ одно за другимъ нападѣть на нее, умножатъ моленіе; а какъ-скоро получаетъ опять освобожденіе, предастся паренію мыслей.

Какъ предаваемымъ въ руки судьямъ для наказанія за злодѣяніе, если они, какъ-скоро приближаются къ пыткамъ, смиряются, и немедленно сознаются въ неправдѣ своей, наказаніе уменьшается, и вскорѣ по малыхъ скорбяхъ избавляются они отъ суда; если же какіе преступники бываютъ упорны и не признаются, то подвергаютъ ихъ новымъ пыткамъ и напоследокъ, послѣ многихъ истязаній, когда тѣло ихъ покрыто бываетъ ранами, хотя и сознаются они невольно, но не получаютъ отъ того никакой пользы: такъ и мы, когда за прегрѣшенія наши, неосмотрительно нами сдѣланныя, милосердіе предастъ насъ въ руки праведнаго всѣхъ Судіи, и повелѣваетъ распростерть насъ подъ жезломъ искушеній, чтобы облегчить тамоннее наказаніе наше, если какъ-скоро приблизится къ намъ жезлъ Судіи, смиримся, вспомнимъ свои неправды и припешемъ въ нихъ исповѣданіе карающему насъ, по кратковременныхъ искушенійхъ вскорѣ избавимся; а если ожесточимся въ скорбяхъ своихъ, и не исповѣдуемъ, что дѣйствительно виновны въ таковыхъ грѣхахъ, и достойны потерѣть еще и большія сихъ скорби, напротивъ того, станемъ обвинять людей, а иногда бѣсовъ, въ иное же время и Божию правду, и утверждать, что мы невиновны въ такихъ дѣлахъ, и эго будемъ помышлять и говорить, а не помыслимъ, что Богъ луч-

не насъ самихъ знать и вѣдаетъ насъ , что суды Его по всей землѣ, и безъ Его повелѣнія не наказывається человекъ,—то все случающееся съ нами будетъ причинять намъ непрестанную печаль, скорби наши увеличатся, и одна послѣ другой будутъ онѣ, подобно веревкѣ , связывать насъ, пока не познаемъ себя, не смиримся, и не почувствуемъ беззаконій своихъ (ибо не почувствовавъ ихъ, невозможно намъ дойти до исправленія); и напослѣдокъ, обремененные множествомъ скорбей, безъ пользы для себя будемъ приносить изповѣданіе, когда, обыкновенно, уже не бываетъ утѣшенія. Но сіе — восчувствовать грѣхи свои—есть дарованіе, которое подается намъ Богомъ , когда Богъ видитъ, что утомлены мы многообразными искушеніями ; и тогда входитъ намъ на мысль, чтобы, при всѣхъ несчастіяхъ и скорбяхъ нашихъ, не отойти намъ изъ міра сего, не получивъ для себя никакой пользы. И то, что не уразумѣваемъ грѣховъ своихъ , бываетъ не по трудности , но по невѣдѣнію. Перѣдко шые , находясь въ подобныхъ сему обстоятельствахъ, отходятъ изъ міра сего виновными и не изповѣдавшимися въ своихъ грѣхахъ, но отрицающимися отъ нихъ, и обвиняющими другихъ ; милосердый же Богъ того ожидалъ, чтобы простить ихъ и сдѣлать имъ облегченіе , если бы только смирились ; и не только сдѣлать бы облегченіе ихъ искушеній, но простилъ бы имъ и прегрѣшенія , умножившимся и малымъ сердечнымъ изповѣданіемъ.

Какъ шой, принесъ великій даръ царю, награждается отъ него ласковымъ взоромъ ; такъ и тому, кто имѣетъ въ молитвѣ своей слезы , великій Царь въ-

ковъ, Богъ, прощаетъ всякую мѣру грѣхопаденій, и награждаетъ его благоволительнымъ взоромъ. Какъ овна, выходя изъ ограды и скитаясь по пастбищу, останавливается у логовника волковъ; такъ и монахъ, отлучающійся отъ собранія друзей своихъ, подъ предлогомъ пребыванія на безмолвіи, встрѣчаетъ постоянно зрѣлища, уходитъ отъ нихъ, и приближается къ нимъ и проходитъ въ городахъ по позорницамъ.

Какъ человекъ, который на раменахъ своихъ несетъ многоцѣнную жемчужину, и идетъ путемъ, на которомъ есть разбойники, и о которомъ поется худая молва, ежечасно бываетъ въ страхъ, чтобы не подвергнуться нападенію; такъ и тотъ, кто несетъ бисеръ цѣломудрія и шествуетъ въ міръ, на этомъ вражескомъ пути, не имѣетъ надежды избавиться отъ разбойниковъ, пока не придетъ въ обитель гроба, то-есть, въ страну упованія. И можетъ ли не страшиться тотъ, кто несетъ съ собою драгоценную жемчужину? Такъ и этотъ не знаетъ, въ какомъ мѣстѣ, откуда и въ какой часъ подсматриваютъ за нимъ, и лишастъ его внезапно надежды его, и въ дверяхъ дома своего, то-есть, во время старости своей, будетъ онъ ограбленъ.

Какъ человекъ, который пьетъ вино въ день плача, уиившись, забываетъ всякую печаль о своемъ трудномъ положеніи; такъ и упоенный любовію Божіею, въ семь міръ, то-есть, въ домъ рыданія, забываетъ все свои труды и печали, и по причинѣ своего упоенія дѣлается безчувственнымъ ко всемъ грѣховнымъ страстямъ. Сердце его подкрѣпляется надеждою на Бога; душа его легка, какъ пернатая птица; умъ его ежечасно возносится отъ земли, превыше всего

человѣческаго паритъ своимъ помысламъ, и наслаждается безсмертіемъ у Всевышняго. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 52.

О мощномъ бдѣніи и о различныхъ способахъ его дѣланія.

—

Когда пожелаешь стать на служеніе бдѣнія; тогда, при содѣйствіи Божіемъ, поступи, какъ скажу тебѣ. Преклони по обычаю колѣна твои, и встань; и не тотчасъ начинай службу твою, но когда помолитесь сперва и совершишь молитву и запечатлѣешь сердце свое и члены свои животворящимъ знаменіемъ креста, стой нѣсколько времени молча, пока успокоятся чувства твои и утихнутъ помыслы твои. Послѣ сего возведи внутренній взоръ свой ко Господу, и съ печалію умолай Его укрѣпить помощь твою, чтобы стихословіе твое и мысли сердца твоего содѣлались благоугодными святой Его воли. И безмолвно молись въ сердцѣ своемъ, говоря такъ:

Ты, Господи Іисусе, Боже мой, призиралъ на тварь Свою, Ты, Которому явны страсти мои, и немощь естества нашего, и сила суностата нашего, Ты самъ укрой меня отъ злобы его; потому-что сила его могущественна, а естество наше бѣдственно, и сила наша немощна. Посему, Ты, благодѣй, Который знаешь немощь нашу, и понеси на Себѣ трудности нашего безспія, сохрани меня отъ мятѣжа помысловъ и отъ потопа страстей, и содѣлай меня достойнымъ сей святой службы, чтобы мнѣ стра-

стями своими не растлить ся сладости и не окаться предъ Тобою безстыдными и дерзкими.

Должно же намъ со всюю свободою вести себя во время службы нашей безъ всякой дѣтской и смущенной мысли. А если увидимъ, что времени немного, и до окончанія службы достигнетъ насъ утро, то по доброй волѣ съ вѣдѣніемъ оставимъ нѣзъ обычнаго правила одну или двѣ славъ, чтобы не было мѣста смятенію, отъ чего утратился бы вкусъ къ службѣ нашей, и не въ должномъ порядкѣ стали бы мы читать псалмы перваго часа.

Если, когда отправляешь службу, помысль заговорить въ тебѣ и станетъ тебѣ напештывать: «поспѣши нѣсколько, ибо дѣло у тебя умножается; скорѣе освободишься»; ты не приобщайся къ сему помыслу. А если слышье будетъ беспокоить тебя этимъ, то воротись тотчасъ назадъ на одну славу, или на сколько хочешь, и каждый стихъ, заключающій въ себѣ видъ молитвы съ размышленіемъ повторяй многократно. И если опять будетъ смущать и стѣснять тебя помысль, оставь стихословіе, и скажи: «желаю не слова вычислять, но обителѣй достигнуть; ибо всякою стезею, какою ни поведешь меня, пойду скоро». Оный народъ, сливній тельца въ пустынь, сорокъ лѣтъ ходилъ по ней, переходя горы и холмы, восходя на нихъ и нисходя съ нихъ, а землю обѣтованія не видѣлъ даже издалика.

Если же, когда пребываешь во бдѣніи, продолжительное стояніе одолеваетъ тебя своею долговременностію, и изнеможешь отъ безспія, и скажетъ тебѣ помысль, върнѣе же сказать, злохитренный проговорить въ помысль, какъ въ змѣй: «окончи; потому

что не можешь стоять»; то отвѣчай ему: «вѣтъ; по поспѣху одну каѳизму; это лучше сна. И если языкъ мой молчитъ и не выговариваетъ псалма, умъ же участвуетъ съ Богомъ въ молитвъ и въ собесѣдованіи съ Нимъ; то бодрствованіе полезнѣе всякаго сна». Ипостояніе, ни стихословіе однихъ псалмовъ не есть всецѣлое бдѣніе. Напротивъ того, нѣкій всю ночь проводитъ во псалмахъ, другой въ покаяніи, молитвахъ умленныхъ и земныхъ поклонахъ, а нѣкій въ слезахъ и рыданіи о своихъ грѣхонадѣніяхъ. Объ одномъ изъ нашихъ Отцевъ говорятъ, что сорокъ лѣтъ молитву его составляла одна рѣчь: «согрѣшилъ я, какъ человекъ; Ты прости, какъ Богъ». И Отцы слышали, какъ онъ съ печалію твердилъ этотъ стихъ, а между-тѣмъ плакалъ и не умолкалъ; и сія одна молитва замѣнила у него службу днемъ и ночью. И еще, нѣкій малую часть вечера стихословитъ, остатокъ же ночи проводитъ въ иѣнии тропарей, а другой въ славословіи и чтеніи. Нѣкто же поставилъ себѣ правиломъ не преклонять колѣнъ, подобно тому, на кого напалъ блудный помысль. Богу же нашему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 53.

О томъ, какую честь приобретаетъ смиренномудріе,
и какъ высока степень его?

Хочу отверсть уста мои, братія, и говорить о высокомъ предметѣ, о смиренномудріи; но исполняюсь страхомъ, какъ и тотъ, кто знаетъ, что на-

мѣрвается разсуждать о Богѣ по своимъ помысламъ. Смиреномудріе есть риза Божества. Въ него облеклось вочеловѣчившееся Слово, и чрезъ него бесѣдовало съ нами въ тѣлѣ нашемъ. И всякій, облеченный въ оное, истинно уподобился Ниспущенному съ высоты Своей, сокрывшему доблесть величія Своего и славу Свою прикрывшему смиреномудріемъ, чтобы тварь не была попадена воззрѣніемъ на Него. Ибо тварь не могла бы взирать на Него, если бы не воспріяла Онъ части отъ нея, и такимъ образомъ сталъ бесѣдовать съ нею. Не могла бы услышать словесъ изъ устъ Его лицемъ къ лицу; потому что и сыны израильтевы не могли слышать гласа Его, когда глагола къ нимъ изъ облака, и сказали Моисею: съ тобою пусть глаголетъ Богъ, и ты возвѣсти намъ словеса Его, и да не глаголетъ къ намъ Богъ, да не когда умремъ (Исх. 20, 19.).

Посему, какъ тварь могла открыто пріять лицезрѣніе Его? Видѣніе Божіе такъ странно, что и Ходатай сказалъ: *пристрашенъ есмь и трепетенъ* (Евр. 12, 31.); потому что на горѣ синайской явилась самая доблесть славы; гора дымилась и колебалась отъ страха бывшаго на ней откровенія; почему и звери, приближавшіеся къ долинамъ частямъ горы, умирали; а сыны израильтевы, очистивъ себя, по повелѣнію Моисееву, три дня уготовлялись и снаряжались, чтобы содѣлаться достойными слышать гласъ Божій и видѣть Божіе откровеніе; но, когда наступило время, не могли пріять видѣнія свѣта Его и крепости гласа громовъ Его.

Нынѣ же, когда въ пришествіе Свое изліялъ бла-

годать Свою на міръ, не въ трусь, не во огонь, не въ гласъ страшномъ и крѣнкомъ спсешель Онъ, но какъ дождь на руно, и какъ капля, тихо каплющая на землю, и видимъ былъ, инымъ способомъ бесѣдуя съ нами, то-есть, когда, какбы въ сокровищницѣ, утаилъ величіе Своё подъ завѣсою плоти, и среди насъ бесѣдовалъ съ нами въ томъ, что мановеніемъ Своимъ соорудилъ Себѣ въ лонѣ Дѣвы и Богородицы Маріи, чтобы мы, видя, что Онъ есть единый изъ нашего рода, и съ нами бесѣдуетъ, не ужасались при воззрѣніи на Него.

Поэтому всякій, кто одѣнъ въ ризу, въ которой видимъ былъ въ томъ тѣлѣ, въ какое облекся, Творецъ, тотъ облекся въ самого Христа; потому что въ то подобіе, въ какомъ видимъ былъ твари Своей, и пожилъ съ нею Христосъ, и онъ пожелалъ облечься по внутреннему своему челоуѣку, и въ этомъ подобіи видимъ подобнымъ ему рабамъ, и вмѣсто одѣянiя чести и вѣншей славы сими украсился. Посему тварь, словесная и безсловесная, взирая на всякаго челоуѣка, облеченнаго въ сіе подобіе, покланяется ему, какъ владыкѣ, въ честь Владыки своего, Котораго видѣла облеченнымъ въ это же подобіе и въ немъ пожившимъ. Ибо какая тварь не будетъ съ уваженіемъ взирать на смиренномудраго? Впрочемъ, пока слава смиренномудрiя не была всѣмъ открыта, пренебрегаемо было это исполненное святости зрѣлище. Нынѣ же возсіало величіе его предъ очами міра, и всякій челоуѣкъ чтить подобіе сіе, видимое на всякомъ мѣстѣ. Въ семъ посредствѣ сподобилась тварь прiять видѣніе Творца и Знждителя своего. Поэтому, не пренебре-

гается оно и врагами истины. Хотя пріобрѣтшій оное скуднѣе всякой твари ; однакожъ, какъ вѣнцемъ и порфирію , украшается нѣмъ обучившійся ему.

Человѣкъ никогда не преслѣдуетъ ненавистію, не уязвляетъ словомъ, смиренномудраго, и не пренебрегаетъ нѣмъ. Поеліку любитъ его Владыка его ; то всѣмъ любимъ онъ. И онъ всѣхъ любитъ, и его всѣ любятъ. Всѣ вождельвуютъ его, и на всякомъ мѣстѣ, куда ни приближается, взираютъ на него, какъ на ангела свѣта, и воздаютъ ему честь. Если и начнутъ рѣчь мудрый или наставникъ ; то они умолкнутъ, потому что право говорить уступаютъ смиренномудрому. Очи всѣхъ устремлены на его уста, въ ожиданіи, какое слово изыдетъ изъ нихъ. И всякій человѣкъ ожидаетъ словесъ его , какъ словесъ Божіихъ. Его краткое слово то же, что изрѣченія мудрецовъ , истолковывающія умопредставленія ихъ. Слова его сладостны слуху мудрыхъ болѣе, нежели сотъ и медъ гортани. Приговоръ его для всѣхъ, какъ Божій ; хотя онъ и неучень въ словѣ своемъ , уничиженъ и малозначущъ по виду своему.

Кто презрительно говоритъ о смиренномудромъ, и не признаетъ его живымъ человѣкомъ, тотъ какъ бы на Бога отверзаетъ уста свои. Но между-тѣмъ, какъ въ очахъ его пренебрегается смиренный, у всякой твари соблюдается честь ему. Приближается ли смиренномудрый къ губительнымъ звѣрямъ ? Едва только обрадуютъ взоръ свой на него, укрощается свирѣность ихъ: они подходятъ къ нему, какъ къ своему владыкѣ, попираютъ своими глава-

ми, лижутъ руки и ноги его; потому что ощутили отъ него ту волю, какая исходила отъ Адама до его преступленія, когда звѣри собораны были къ Адаму, и нарекаль онъ имъ имена въ раю. Это отнято было у насъ; но обновилъ и даровалъ намъ сіе пакъ пріиществіемъ Своимъ Іисусъ. Сми-то и помазано благоуханіе человѣческаго рода. Приближается ли также смиренномудрый къ смертоноснымъ гадямъ? Едва только приблизится оцущеніе руки его, и коснется ихъ тѣла, прекращается ѣдкость и жестокость смертоносной ихъ горечи, и своими руками давить ихъ, какъ саранчу. Приближается ли онъ къ людямъ? И внимають ему, какъ Господу. И что говорю о людяхъ? Даже демоны, при всей наглости и досадѣ своей, при всей высоковерхности своего мудрованія, когда приходятъ къ нему, дѣлаются, какъ прахъ; вся злоба ихъ теряетъ силу, разрушаются козни ихъ, бездѣйственными остаются злоухищренія ихъ.

Теперь, поеліку показали мы величіе чести смиренію отъ Бога и сокрытую въ немъ силу, то покажемъ уже, что такое смиреніе, и когда человекъ удостоивается пріять оно въ томъ совершенствѣ, каково оно есть. Сдѣлаемъ также различіе между смиренномудрымъ по-видимости и между сподобившимся истиннаго смиренномудрія.

Смиреніе есть такая таинственная сила, которую, по совершеніи всего житія, воспріимють совершенные святые. Сила сія не иначе какъ только однимъ совершеннымъ въ добродѣтели дается сполою благодати, поеліку, въ должной мѣрѣ, сподобны къ сему по природѣ: потому что добродѣ-

тель сія заключаетъ въ себѣ все. Поэтому не всякаго человека, кто бы онъ ни былъ, можетъ кто-либо почитать смиренномудрымъ, но однихъ сподобившихся сего сказаннаго нами чина.

Не всякій, кто скромнѣе и безмолвенъ, или благоразумнѣе, или кротокъ по природѣ, достигъ уже степеней смиренномудрія. Напротивъ того, истинно смиренномудръ, кто имѣетъ въ сокровенности нѣчто достойное гордости, но не гордится, и въ помыслѣ своемъ вмѣняетъ это въ прахъ. Да и того, кто смиренномудрствуетъ при воспоминаніи грѣхопадений и проступковъ и помнитъ оныя, пока не сокрушится сердце его, и умъ его, при воспоминаніи о нихъ, не сойдетъ съ высоты горделивыхъ мыслей, не назоветъ смиренномудрымъ, хотя и сіе похвально, потому что есть еще въ немъ горделивый помыслъ, и не пріобрѣлъ онъ смиренія, а ухищренно приближаетъ его къ себѣ. И хотя, какъ сказалъ я, и сіе похвально; однакоже смиреніе еще не принадлежитъ ему; желаетъ онъ только смиренія, но смиренія нѣтъ у него. Совершенно смиренномудръ тотъ, кто не имѣетъ пужды мудрованіемъ своимъ изобрѣтать причины къ смиренномудрію, но во всемъ этомъ совершенно и естественно пріобрѣлъ смиреніе безъ труда, какъ человекъ, который пріимъ въ себя нѣкое дарованіе великое и превышающее всю тварь и природу, но который на себя смотритъ, какъ на грѣшника, на человека ничего не значащаго, и презрѣннаго въ собственныхъ своихъ глазахъ; и между-тѣмъ какъ вошелъ въ тайны всехъ духовныхъ существъ и во всей точности совершенъ сталъ въ мудрости всей твари, самъ

себя признаетъ ничего не значащимъ. И этотъ, не ухищренно, но безъ принужденія таковъ въ сердцахъ своихъ.

Возможно ли человеку, или невозможно, содѣлаться такимъ, и по природѣ такъ измѣнить себя?

Не сомнѣвайся, наконецъ, что пріятая человекомъ сила таинствъ совершаетъ въ немъ это, во всякой добродѣтели, безъ его трудовъ. Это есть сила, которую пріали блаженные Апостолы въ видѣ огненномъ. Для нея-то заповѣдалъ путь Спаситель *отъ Иерусалима не отлучатися*, пока не пріимуть силы свыше (Дѣян. 1, 4.). Иерусалимъ сей есть добродѣтель, сила—смиреніе, а сила свыше—Утѣшитель, иначе толкуемый, Духъ утѣшенія. Сіе-то и значитъ сказанное о немъ въ божественномъ Писаніи, что тайны открываются смиренномудрымъ. Сего же Духа откровеній, показующаго тайны, сподобляются пріимать внутри себя смиренномудрые. Посему-то и сказано нѣкоторыми святыми, что смиреніе усовершенствуетъ душу Божественными созерцаціями.

Да не осмѣнится, наконецъ, человекъ помыслить въ душѣ своей, что самъ собою пришелъ онъ въ мѣру смиренномудрія; и ради одного помысла умиленія, возникшаго въ немъ въ нѣкоторое время, или при малыхъ слезахъ истекшихъ у него, или за одно какое-либо доброе дѣло, которое имѣетъ онъ по естеству, или которымъ овладѣлъ съ успѣхомъ, и все то, что составляетъ полноту всѣхъ таинъ, что служитъ хранилищемъ всѣхъ добродѣтелей, все это, говорю, вмѣстѣ съ сими дарованіемъ пріобрѣлъ малыми дѣлами. Напротивъ того,

если человекъ побѣдилъ всѣхъ сопротивныхъ духовъ, и изъ дѣлъ всякой добродѣтели не остается ничего, котораго бы не совершилъ явно и не приобрѣлъ; если побѣдилъ и покорилъ всѣ твердыни сопротивниковъ, и послѣ этого ощутилъ въ себѣ духомъ, что пріямъ сіе дарованіе, когда, по слову Апостола, *Духъ послушествуетъ духови его* (Рим. 8, 16.);—то сіе есть совершенство смиренномудрія. Блаженъ, кто приобрѣлъ его; потому что ежечасно лобызаетъ и объемлетъ онъ Иисусово лоно.

Если же спроситъ человекъ: «Что мнѣ дѣлать? Какъ приобрести? Какими способами содѣлаться достойнымъ пріять смиреніе? Вотъ принуждаю самъ себя, и какъ-скоро подумаю, что приобрѣлъ оное, вижу, что вотъ противныя ему мысли обращаются въ моемъ умѣ, и отъ того впадаю теперь въ отчаяніе».

Сему вопрошающему такой данъ будетъ отвѣтъ: *довлѣтъ ученику содѣлаться подобнымъ Учителю своему, рабу—подобнымъ господину своему* (Мат. 10, 25.). Смотри, какъ приобрѣлъ смиреніе Тотъ, Кто заповѣдалъ оное и даруетъ сіе дарованіе, и подражай, и обрѣтешь его. Онъ сказалъ: *грядетъ сего міра князь, и во Мнѣ не обрѣтетъ ничего* (Іоан. 14, 30.). Видишь ли, какъ при совершенствѣ всѣхъ добродѣтелей приобрести смиреніе! Поревнуй сему Давшему заповѣдь. Онъ говоритъ: *лисы извины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити* (Матѣ. 8, 20.). Говоритъ же сіе Тотъ,

Кто отъ всѣхъ, во всякомъ родѣ совершенныхъ, освященныхъ и достигшихъ полноты, имѣетъ славу, вмѣстѣ со Отцемъ, Его пославившимъ, и со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 54.

О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ.

Вопросъ. Хорошо ли удаляться отъ всего, что раздражаетъ страсти? И такое бѣгство, когда душа избѣгаетъ браней и избираетъ себѣ покой, побѣдою ли признается, или поражениемъ души?

Отвѣтъ. Отвѣтимъ на это коротко. Инокъ всячески должно избѣгать всего, что раздражаетъ въ немъ лукавыя страсти, особенно отсѣкать въ себѣ причины страстей и то, чѣмъ приводятся въ дѣйствіе, и отъ чего возрастаютъ, хотя бы то самыя малыя страсти. Если же будетъ время противостоять страстямъ и бороться съ ними, когда ставятся намъ съти въ духовномъ созерцаніи; то сдѣлаемъ это не шутя, но искусно. И человѣку должно всегда отвращать мысль свою отъ страстей къ естественному добру, какое Создателемъ вложено въ природу, хотя діаволъ превратно употребилъ самую истину въ лукавое искушеніе. И если прилично такъ сказать, то ему должно бѣгать не только отъ докучливости страстей, но и отъ чувствъ своихъ,

и погружаться во внутренняго своего чловѣка, и тамъ уединенно пребывать, непрестанно воздѣлывая виноградникъ сердца своего, пока не приведетъ дѣль въ согласіе съ монашескимъ писемъ, пареченнымъ ему, въ сокровенности его и явно. И можетъ быть, что спусъ пребываніемъ близъ внутренняго чловѣка прійдетъ въ совершенное соединеніе съ вѣдѣемъ нашей надежды, живущаго въ насъ Христа. Ибо, когда умъ нашъ пребываетъ тамъ уединенно и отшельнически, тогда не онъ уже ведетъ брань со страстями, но благодать; разве только и самыя страсти не приходятъ въ немъ въ дѣйствіе.

Вопросъ. Если чловѣкъ, что дѣлаетъ ради душевной чистоты, а другіе, не понимая, соблазняются его духовнымъ житіемъ; то должно ли ему удалиться божественнаго своего житія по причинѣ соблазна, или дѣлать, что полезно для его намѣренія, хотя то и вредно взирающимъ на него?

Отвѣтъ. Скажемъ и о семъ, что, если закононо, какъ пріимъ отъ бывшихъ прежде него Отцевъ, дѣлаетъ онъ, что бы то ни было, служащее къ очищенію ума его, и предположивъ въ себѣ эту цель,—достигнуть чистоты, а другіе, незнающіе, соблазняются его намѣреніемъ; то въ отвѣтственности не онъ, а соблазняющіеся. Не для того онъ воздерживается, или постится, или живетъ въ строгомъ затворничествѣ, и дѣлаетъ, что полезно для его цели, чтобы другіе соблазнялись, но для того, чтобы очисти́ть умъ свой. А соблазняющіеся порицають его по незнанію цели житія его, и дѣйствительно подлежатъ отвѣтственности за то, что,

пребывая въ нерадѣніи, неспособны были уразумѣть ту духовную цѣль, какую предположить о себѣ, то-есть, чистоту своей души. О нихъ Божественный Павелъ написалъ, говоря: *слово крестное погибающимъ убо юродство есть* (1 Кор. 1, 18.). Что же теперь? Поелику слово крестное силой, неощутившими силы слова, вышено было въ юродство; то Павлу должно ли было молчать, а не проповѣдывать? Но вотъ и донынѣ ученіе крестное служитъ преткновеніемъ и соблазномъ для іудеевъ и для еллиновъ; поэтому и намъ молчать объ истинѣ, чтобы они не соблазнялись? Но Павелъ не только не молчалъ, но даже громко взывалъ, говоря: *мнѣ да не будетъ хвалиться, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. 6, 14.). Сія хвала о крестѣ высказана святымъ не для того, чтобы другихъ соблазнить, но потому что велика проповѣдуемая сила Креста. Посему и ты, святой, совершай житіе свое сообразно съ тою цѣлю, какую предположить себѣ предъ Богомъ, въ чемъ не осуждается совѣсть твоя, и житіе свое испытывай по божественнымъ Писаніямъ и по тѣмъ заповѣдямъ, какія принялъ ты отъ святыхъ Отцевъ. И если не будешь обвиняемъ ими; то не бойся того, чѣмъ соблазнились другіе. Ибо иногда человекъ не можетъ всѣхъ равно удостоверить, или всѣмъ угодить, и въ сокровенности своей трудиться для Бога.

Блаженъ тотъ монахъ, о блаженный, который дѣйствительно стремится къ чистотѣ души своей всею силою своею, и тѣмъ законнымъ путемъ, каковыи иествовали къ чистотѣ отцы наши, по тѣмъ

степенямъ ся, по какимъ они восходили чинно и постепенно, и онъ возвысится до приближенія къ ней въ премудрости и терпѣннѣ скорби, а не по ухищреннымъ степенямъ чуждымъ.

Чистота души есть первоначальное дарованіе естества нашего. Безъ чистоты отъ страстей душа не врачуется отъ грѣховныхъ недуговъ, и не пріобрѣтаетъ славы, утраченной преступленіемъ. Если же кто сподобился очищенія, т. е. душевнаго здравія : то умъ его дѣйствительно и на самомъ дѣлѣ пріемлетъ въ себя радость духовныхъ чувствъ ; ибо дѣлается онъ сыномъ Божиимъ и братомъ Христовымъ, и не имѣетъ времени ощущать встречающееся съ нимъ доброе и худое.

Да дастъ намъ Богъ познать волю Его, чтобы всегда ее исполняя, прійти намъ въ вѣчный Его покой, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому подобаютъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и во вѣки безпредѣльныхъ вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 55.

ПОСЛАНИЕ

КЪ ПРЕПОДОБНОМУ ОЦУ СИМЕОНУ ЧУДОТВОРЦУ .

Посланіе твое , святыи , не просто начертанныя слова ; напротивъ того въ немъ , какъ въ зеркаль , изобразилъ и показалъ ты любовь свою ко мнѣ . И

какъ представлялъ ты меня себѣ, такъ и написалъ, и самымъ дѣломъ показалъ, что любишь меня чрезмѣрно; а потому, отъ сильной любви позабылъ и мѣру мнѣ. Ибо что я долженъ былъ написать твоему преподобію, и о чемъ мнѣ, если бы у меня было попоминеніе о своемъ спасеніи, надлежало у тебя спрашивать, и дознать отъ тебя самую истину, о томъ предупредилъ ты написать мнѣ, по великой любви; а можетъ быть, сдѣлавъ это и по ухищренію любви мудрѣя, чтобы тонкими и духовными, вопросами, предложивъ мнѣ оныя, пробудить душу мою отъ перадрѣнія, въ какое глубоко была она погружена. Впрочемъ и я, по этой любви, по которой забылъ ты мѣру мнѣ, забываю свою скудость; а потому, обращаю вниманіе не на то, къ чему могу быть способенъ, но что можетъ сдѣлать твоя молитва. Ибо, когда я забуду мѣру себѣ, а ты молитвами своими упросишь Бога, чтобы совершилось прощеніе твое, тогда, безъ сомнѣнія, чего просилъ ты въ молитвѣ, даю это будетъ отъ Бога тебѣ, какъ искреннему Его служителю.

Итакъ первый вопросъ въ посланіи слѣдующій :

Вопросъ. Должно ли сохранять всѣ заповѣди Господни, и есть ли способъ спастися несохраняющему ихъ ?

Отвѣтъ. И объ этомъ, какъ мнѣ кажется, нѣтъ нужды кому-либо и спрашивать. Ибо, хотя заповѣдей и много, однакоже необходимо сохранять ихъ. Въ противномъ случаѣ, Спасителю не нужно было бы и давать ихъ. Потому что Владыка, какъ думаю, ничего не сказалъ и не сдѣлавъ излишняго, на что

не было бы причины, и въ чемъ не имѣлось бы нужды. И цѣлю пришествія Его, когда далъ намъ животворящія заповѣди Свои, какъ очистительныя врачевства въ нашемъ страстномъ состояніи, было то, чтобы очистить душу отъ поврежденія, произведеннаго первымъ преступленіемъ и возстановить ее въ первобытное ея состояніе. Чгò врачевства для больного тѣла, тò заповѣди для страстной души. И явно, что заповѣди постановлены вопреки страстямъ, для уврачеванія преступной души, какъ ясно говоритъ Господь ученикамъ Своимъ : *имѣй заповѣди Моя, и соблюдай ихъ, той есть любяй Мя; а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ : и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ. И къ нему придемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 21. 23.). И еще: *о семъ разумѣть чиръ, яко Мои ученицы есте, аще любите другъ друга* (Іоан. 13, 35.). Ясно же, что любовь можетъ быть приобретена при душевномъ здравіи; а душа, несохранившая заповѣдей, не есть здравая.

Храненіе заповѣдей еще ниже духовной любви. И поелику много такихъ, которые хранятъ заповѣди изъ страха, или ради награды въ будущемъ, а не по любви; то Господь многимъ убѣждаетъ къ храненію заповѣдей по любви, чтобы ни сообщался душе свѣтъ. И еще: *да видятъ люди ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ* (Мѣ. 5, 16.). Но въ душе не могутъ быть видны добрая дѣла, какимъ научилъ Господь, если не будутъ сохранены заповѣди. И Господь же сказать, что заповѣди не тяжелы для любящихъ истину : *нбо говоритъ: приидите вси труждающіися и*

обремененій, и *Азъ упокою вы. Игѣ бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мѣ. 11, 28. 30.). Самъ Онъ заповѣдалъ и то , что всѣ заповѣди должны быть сохраняемы нами рачительно, когда говорить: кто разоряетъ *едину заповѣдей сихъ малыхъ* , и учить тому *человѣки*, тотъ *мній наречется въ царствіи небесныхъ* (Мѣ. 5, 19.). Послѣ всего этого, узаконеннаго къ спасенію нашему, не могу сказать, что не должно сохранять всѣхъ заповѣдей. Да и самая душа не въ состояніи будетъ содѣлаться чистою, если не будетъ хранить ихъ. Заповѣди даны Господомъ , какъ врачевства, чтобы очищать отъ страстей и грѣхопаденій.

Знаешь ты, что поврежденіе привзошло къ намъ отъ преступленія заповѣдей. Изъ сего явствуешь уже , что здравіе возвращается снова нхъ храненіемъ. А безъ дѣланія заповѣдей , пока прежде всего не пойдемъ онымъ путемъ, ведущимъ къ душевной чистотѣ, не должно намъ и желать и надѣяться душевнаго очищенія. И не говори, что Богъ и безъ дѣланія заповѣдей можетъ, по благодати, даровать намъ душевное очищеніе. Это Господни суды, и Церковь не повелеваетъ намъ просить чего-либо таковаго. Иудей, во время возвращенія своего изъ Вавилона въ Іерусалимъ, шествовали путемъ естественно проложеннымъ , и такимъ образомъ приняли во святыи градъ свой, и узрѣли чудеса Господни. Но Іезекиль свержъ-естественно, по дѣйству откровенія былъ восхищенъ и прибылъ въ Іерусалимъ, и въ Божественномъ откровеніи содѣлался зрителемъ будущаго обновленія. Подобное сему бываетъ и въ разсужденіи душевной чистоты. Иные путемъ про-

топтанымъ и законнымъ, чрезъ храненіе заповѣдей въ многотрудномъ житіи, кровію своею приходитъ въ душевную чистоту. А другіе удостоиваются ея и по дару благодати. И чудно то, что не позволено просить въ молитвѣ чистоты, даруемой намъ по благодати, и отказываться отъ житія, преслужимаго въ дѣланіи заповѣдей. Ибо богатому, вопрошившему Господа, какъ *животъ вѣчный наследую* (Лук. 10, 25.), Господь, ясно сказалъ: *сохрани заповѣди*. И когда богатый спросилъ: *какія заповѣди?* Во-первыхъ повелѣлъ ему удерживаться отъ худыхъ дѣлъ, а потомъ напомнилъ о заповѣдяхъ естественныхъ. Когда же домогался узнать еще больше, сказалъ ему: *аще хочешь совершенъ быти; продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и возми крестъ свой, и гряди въ слѣдъ Мене* (Мѡ. 19, 21.). А это значитъ: умри для всего, что имѣешь у себя, потомъ живи во Мнѣ; изъиди изъ ветхаго міра страстей, и потомъ вступи въ новый міръ духа; возьми и совлекись вѣдѣнія человѣческихъ способовъ и ухищреній, и потомъ облекись въ простое вѣдѣніе истины. Ибо Господь, сказавъ: *возьми крестъ свой* (Мѡ. 16, 24.), научилъ тѣмъ человека умереть для всего въ мірѣ. И когда умиривъ онъ въ себѣ ветхаго человека, или страсти, тогда сказалъ ему: *гряди въ слѣдъ Мене*. Ветхому человѣку невозможно ходить путемъ Христовымъ, какъ сказалъ блаженный Павелъ: *яко плоть и кровь царствіа Божіа наследити не могутъ, ниже тлѣніе нетлѣніа наследуетъ* (1 Кор. 15, 50.); и еще: *сOGLECНІТЕСЬ ВЕТХАГО ЧЕЛОВѢКА, ТЛЮЩАГО ВЪ ПОХОТЕХЪ, И ТОГДА ВОЗМОЖЕТЕ ОБЛЕЧЬСЯ ВЪ НОВАГО, ПОЗНАНІЕМЪ УПОДОБЛЕНІА СОТВОРШЕМУ*

его (Еф. 4, 22. 23.); и еще : мудрованіе нерестное вражда на Бога: закону бо Божію не покарется, ниже бо можетъ. Ибо сущи во плоти плотское мудрствуютъ и Богу угодили духовнымъ мудрствованіемъ не могутъ (Рим. 8, 7. 8.). Ты же, святыи, если любишь чистоту сердца и сказанное тобою духовное мудрствованіе, то прильпнись къ Владычнимъ заповѣдямъ, какъ сказалъ Владыка нашъ : *аще любии внити въ животъ, сохрани заповѣди* (Мѡ. 19, 17.) изъ любви къ Давшему ихъ , а не изъ страха, или за воздаяніе награды. Ибо услажденіе, сокрытое въ правдѣ, вкушаемъ не тогда, какъ дѣлаемъ правду, но когда любовь къ правдѣ снѣдаетъ сердце наше; и содѣлываемся грѣшниками не тогда, какъ сдѣлаемъ грѣхъ , но когда не возненавидимъ его, и не раскаемся въ немъ. И не говорю, чтобы кто-либо изъ древнихъ, или изъ людей послѣднихъ временъ, не хранилъ заповѣдей, и достигъ чистоты сердца, сподобился духовнаго созерцапія ; напротивъ того, какъ мнѣ кажется, кто не сохранилъ заповѣдей и не шествовалъ по слѣдамъ блаженныхъ Апостоловъ , тотъ недостойнъ именоваться святымъ.

Блаженный Василій и блаженный Григорій, о которыхъ сказалъ ты , что были любителями пустыни, столпами и свѣтомъ Церкви, и восхваляли безмолвіе, пришли въ безмолвіе не тогда, какъ не упражнялись въ дѣланіи заповѣдей , но жили сперва въ мірѣ, и хранили заповѣди, какія должно было хранить живущимъ въ обществѣ, и потомъ пришли въ душевную чистоту, и сподобились духовнаго созерцапія. Дѣйствительно, я увѣренъ, что, когда жи-

ли они въ городахъ, принимали страшныхъ , постигали большихъ, одѣвали нагихъ, умывали ноги трудящихся, и если кто поимъ ихъ *поприще едино*, или съ нимъ два (Мо. 5, 41.). И когда сохранили заповѣди, потребныя въ жизни общественной, и умъ ихъ началъ ощущать (в) первоначальную целоколебимость, божественныя и таинственныя созерцанія ; тогда постигли они , и вышли въ пустынное безмолвіе ; и съ сего времени пребывали съ внутреннимъ своимъ человѣкомъ ; почему, содѣлались умозрителями, и пребыли въ духовномъ созерцаніи, пока не призваны благодатію содѣлаться пастырями Церкви Христовой.

Въ разсужденіи же сказаннаго тобою , что великій Василій иногда хвалилъ жизнь общественую, а иногда отшельничество, замѣчу, что истинно рачительные двумя способами пріобрѣтаютъ себѣ пользу, каждый по мѣрѣ силъ, по тому различію, и по той цѣли, какую предположилъ онъ въ себѣ. Ибо въ сожителствѣ со многими иногда бываетъ польза сильнымъ, а иногда и немощнымъ; а то-же самое бываетъ и въ пустынѣ. Кто достигъ душевнаго здравія, у кого умъ срастворенъ духомъ, и кто умертвилъ себя для житія человѣческаго, тому общеніе со многими не бываетъ вреднымъ, если трезвится онъ въ дѣлахъ своихъ. И онъ, поелику призванъ на то Богомъ, пусть не только самъ получаетъ пользу, но пользуется и другихъ именемъ прочихъ Отцевъ. Но и немощному, которому нужно еще

(в) Слово *ощущать* дополнено изъ древн. славян. и сербск. переводовъ.

возрастать, питаясь млекою заповѣдей, полезно также сожителство съ многими, пока не обучится, не образуется, не постраждетъ отъ искушеній, не будетъ падать и въ большемъ числѣ случаевъ воставать, и не пріобрѣтетъ душевнаго здравія. Итъ младенца, котораго не питали бы потоками молока, и инодишъ монахъ, не бывъ воскоримень млекою заповѣдей, не преуспѣлъ, не препобѣдилъ страстей, и не сподобился чистоты. А подобнымъ образомъ и пустыня, какъ сказали мы, иногда полезна немощнымъ и спасающимся бѣгствомъ, а иногда и сильнымъ: и первымъ, чтобы въ нихъ къ разжженію и возрастанію страстей не заготовлялось того, что служить имъ пищею; а сильнымъ, когда они окружены питающимъ страсти и срытими брани лукаваго. Дѣйствительно, какъ сказалъ ты, пустыня усыпляетъ страсти. Но отъ человека требуется не это одно—усыпить свои страсти, а и то, чтобы искоренить ихъ, то-есть, преодолѣть ихъ, когда будутъ противъ насъ упорствовать. Страсти же усыпленные пробуждаются, какъ-скоро встрѣчается причина прійдти имъ въ дѣятельность.

А какъ дознать тебѣ, говорившъ ты, что не одна пустыня усыпляетъ страсти? Замѣть, что, во время болѣзни и великой немощи, страсти несильно нападаютъ на насъ. И не это только, но даже перѣдко усыпляютъ онѣ одна другую, когда одна другой уступаютъ мѣсто. Ибо страсть тщеславія заставляетъ уступить ей мѣсто блудную страсть, и опять, страсть блудная укрощаетъ страсть честолюбія. Не потому уже только будетъ желать пустыни, что усыпляетъ она страсти, но пожелаемъ, чтобы, при

недостаткъ чувственнаго и въ удаленіи отъ всѣхъ, умудрится намъ въ ней, и чтобы обновился въ насъ внутренний, духовный о Христѣ человѣкъ, чтобы на всякій часъ быть намъ наблюдателями надъ самимъ собою, и чтобы умъ нашъ содѣлался бодрственнымъ и охранялъ себя ежечасно, и не похищалось у него памятованіе надежды его.

Сего, кажется мнѣ, достаточно на первый твой вопросъ, если только и въ этомъ настояща нужда. Скажемъ за симъ и о второмъ, а онъ былъ слѣдующій.

Вопросъ. Почему Господь нашъ, для уподобленія нашего величію Отца небеснаго, назначилъ намъ милосердіе, инокѣ же предпочитаютъ безмолвію ?

Отвѣтъ. Вотъ на него отвѣтъ. Хорошо, что изъ Евангелія представилъ ты примѣръ и образецъ изслѣдованія объ этомъ великомъ житіи — безмолвіи. Входя въ споръ о милосердіи, но не стараемся обратить оное въ ничто, какъ привычно излившее. Господь для уподобленія нашего Отцу небесному назначилъ намъ милосердіе, потому что милосердыхъ приближаетъ оно къ Богу. И мы инокѣ чтимъ безмолвіе, не исключая милосердія, а стараюсь, сколько возможно, удалиться отъ попеченія и мятежа, и не тогда, какъ намъ рываемся противостать встречающимся намъ нуждамъ, напрогнвъ того, заботимся о безмолвіи, чтобы пребывать въ богомыслии, которыми всего болѣе можемъ возвратить себя чистоту послѣ смущенія, и приблизиться къ Богу. Если же, когда на извѣстное время будетъ необходимая какая потребность въ насъ братіямъ, не должно не-

радьтъ объ оной. Посему, будемъ непрестанно по-
нуждать себя, во всякое время внутренно быть ми-
лосердыми ко всякому разумному естеству. Ибо такъ
внушаетъ намъ ученіе Господне, и въ этомъ, а не
въ чемъ-либо пустомъ, состоитъ отличіе нашего
безмолвія. И надобно не только сохранять это внут-
реннее наше милосердіе, но, когда призываютъ са-
мыя обстоятельства дѣлать и нужда, не вознерадеть
и о томъ, чтобы доказать любовь свою явно; и въ
особенности, если безмолвники не опредѣлили себя
на совершенное безмолвіе, даже и не встрѣчаться
ни съ кѣмъ, но слѣдуютъ правилу назначающихъ
для себя безмолвіе на одну, или на семь седмиць.
Ибо таковыя, даже въ продолженіе времени, назна-
ченнаго правиломъ, не удерживаютъ себя, до не-
полненія сего времени, отъ дѣлать милосердія къ ближ-
нему; развѣ кто крайне нечувствителенъ, жестокъ
и безчеловѣченъ, и держится безмолвія лицемерно
и напоказъ. Знаемъ, что безъ любви къ ближнему
умъ не можетъ просвѣщаться божественною бесѣ-
дою и любовію.

И какой пынь мудрый монахъ, имѣя у себя пищу
и одѣяніе, и видя ближняго своего алчущаго и об-
наженнаго, не отдастъ ему того, что имѣетъ, но
сбережетъ что-либо изъ этого? Или еще, кто, видя,
что человекъ единой съ нимъ плотіи изнуренъ болѣз-
нью, бѣдствуетъ отъ изнеможенія, и имѣетъ нужду
въ призрѣніи, изъ любви къ безмолвію правило за-
творца предпочтетъ любви къ ближнему? Когда же
нѣтъ чего-либо подобнаго, будемъ въ умѣ хранить
любовь и милосердіе къ братьямъ. Ибо въ томъ
только случаѣ, когда вещи близко, Богъ требуетъ

отъ насъ, исполнить и показать любовь на самомъ дѣлѣ. Посему явно, что, если ничего у себя не имѣемъ, не дозволяется намъ ввергать себя въ попеченіе и мязежи ради нищихъ; а если что имѣемъ, требуется отъ насъ это. Также, если, по принятому нами роду жизни, удаляемся отъ сожителства съ людьми и отъ участія въ ихъ собраніяхъ, то не надлежитъ намъ оставить келію свою и мѣсто иноческаго и отшельническаго пребыванія, и предавать себя на то, чтобы кружиться по міру, посѣщать больныхъ, и проводить время въ подобныхъ дѣлахъ. Ибо явно, что въ подобныхъ случаяхъ бываетъ переходъ отъ высшаго къ низшему. Если же кто живетъ въ обществѣ многихъ, и близъ его есть люди, на самомъ мѣстѣ пребыванія его съ ними, и трудами другихъ унокоевается во время здоровья, или болѣзни; то и самъ обязанъ дѣлать то-же, а не выставлять на видъ ложнаго своего безмолвія, такъ чтобы самому во всемъ требовать себѣ отъ другихъ успокоенія, но какъ-скоро увидить въ тѣсныхъ обстоятельствахъ сына плоти своей, посвящаго на себѣ одинъ съ нимъ образъ, лучше же сказать, увидить поверженнаго и страждущаго Христа,—удаляться и скрываться отъ него. Всякій таковой немилосердъ.

И не приводи мнѣ на память Іоанна онивандскаго и Арсенія, не говори: кто же изъ нихъ употреблялъ себя на подобныя дѣла, или предлагалъ попеченіе о больныхъ и нищихъ, не радеть же о своемъ безмолвіи? Тебѣ и не приближаться къ какому-либо дѣламъ таковыхъ мужей. Ибо, если далекъ ты отъ всякаго упокоенія и сообщенія съ людьми, какъ далеки были они; то Господь и тебѣ повелеваетъ пре-

небрегать подобными дѣлами. Если же далекъ ты отъ оного совершенства, и во всякое время пребываешь въ тѣлесныхъ трудахъ и въ общеніи съ людьми; то почему перадишь о заповѣдяхъ (которыя должно хранить тебѣ по мѣрѣ силъ своихъ), представляя въ предлогъ, что проводишь великое житіе святыхъ, къ которому ты и не приближался?

А я не буду столько перадивъ, чтобы не помянуть о поступкѣ святаго Макарія Великаго, который служить обличеніемъ небрегающимъ о братіяхъ своихъ. Макарій пошелъ однажды посѣтить одного больнаго брата. И когда Великій спросилъ болящаго, не желаетъ ли онъ чего, а тотъ отвѣчалъ: «немного мягкаго хлѣба» (а тогда все монахи, по большей части, екли себѣ хлѣбы однажды въ цѣлый годъ, таковъ былъ обычай въ томъ мѣстѣ); достоблаженный сей мужъ, будучи уже девяноста лѣтъ, немедленно всталъ, пошелъ изъ скита въ Александрію, и сухіе хлѣбы, которые взялъ въ суму, протѣнялъ на мягкіе, и припесъ ихъ брату.

Но что и сего еще большее сдѣлалъ подобный Великому Макарію авва Агаѳонъ, мужъ опытиѣйшій изъ всѣхъ того времени монаховъ и наче всѣхъ уважавшій молчаніе и безмолвіе. Итакъ, сей чудный мужъ, во время больнаго торга, пришелъ продать свое рукодѣліе, и на торжищѣ нашелъ одного лежащаго больнаго странника; нанялъ для него домъ, остался съ нимъ, работалъ своими руками, и что получалъ за то, на него тратилъ, и прислуживалъ ему шесть мѣсяцевъ, пока больной не выздоровѣлъ. Сей же Агаѳонъ (какъ повѣствуютъ о немъ) сказалъ: «желалъ бы я найдти прокаженнаго, и ему

отдать свое тѣло, а себѣ взять его». Вотъ совершенная любовь

Боящіеся Бога, возлюбленный, охотно вождельствуютъ того, и заботятся о томъ, чтобы хранить заповѣди. И если окажется на дѣлѣ, что отыскиваніе оныхъ имъ достается въ руки, то подвергаются ради ихъ и опасности. Жизнодавецъ совершенство заповѣдей связалъ и заключилъ въ двухъ заповѣдяхъ, объемлющихъ собою все прочія,—въ любви къ Богу, и въ подобной же любви къ твари ея, то-есть, въ любви къ образу Божию. И первая удовлетворяетъ цѣли духовнаго созерцанія; а вторая созерцанію и дѣятельности. Ибо естество Божеское просто, несложно, невидимо, естественно ни въ чемъ не имѣетъ нужды; и сознаніе при самоуглубленіи своемъ естественно не имѣетъ нужды въ тѣлесной дѣятельности и въ содѣйствіи чего-либо, и въ деятельности представленій, дѣятельность его проста, и обнаруживается въ единой части ума, сообразно той простотѣ достопокланяемой Вины, Которая выше плотскаго чувства. А вторая заповѣдь, то-есть, человеколюбіе, по двойственности естества, требуетъ, чтобы попеченіе о дѣланіи ума было сугубое, то-есть, что исполняемъ невидимо въ сознаніи, то подобнымъ образомъ желаемъ неполнить и тѣлесно; и заповѣдь, совершаемая въ дѣлахъ, требуетъ совершенія и въ сознаніи.

Какъ человекъ составленъ изъ двухъ частей, то-есть, изъ души и тѣла: такъ и все въ немъ требуетъ двойной заботы, сообразно съ двойственностію его состава. И поелику дѣятельность вездѣ присутствуетъ созерцанію; то невозможно кому-либо

возвыситься до области этого высшаго , если самым дѣломъ не исполнить прежде писшаго . И ни одинъ человекъ не смѣетъ сказать теперь о приобрѣтеніи любви къ ближнему, что преусииваетъ въ ней душу свою, если оставлена имъ та часть, которая, по мѣрѣ силъ сообразно съ временемъ и мѣстомъ, доставляющимъ случай къ дѣлу, исполняется тѣлесно. Ибо при семъ только исполненіи дѣлается достовернымъ, что есть въ человекѣ, и даетъ о себѣ знать, любовь созерцательная. И когда бываемъ въ этомъ, по возможности, верны и истинны; тогда дается душе сила, въ простыхъ и ни съ чѣмъ не сравнимыхъ понятіяхъ простираться до великой области высокаго и божественнаго созерцанія. А гдѣ человеку нѣтъ возможности, любовь къ ближнему совершить въ дѣлахъ видимыхъ и тѣлесно, тамъ достаточно предъ Богомъ любви нашей къ ближнему, совершаемой только мыслію; особливо, если затворническое и безмолвное житіе и преспѣваніе въ ономъ пребываютъ достаточными въ своемъ дѣланіи.

Если же скудны мы во всѣхъ частяхъ безмолвія; то восполнимъ недостатокъ присоединеніемъ къ нему заповѣди, то-есть, чувственной дѣятельности. И это, какъ восполненіе покоя жизни нашей, исполнять будемъ утружденіемъ тѣла нашего, чтобы свобода наша не оказалась предлогомъ къ подчиненію себя плоти, когда напрасно станемъ трудиться подъ отшельническимъ чиснемъ. Ибо явно, что тому, кто совершенно не имѣетъ общенія съ людьми и всецѣло погруженъ мыслію въ Бога, когда мертвъ онъ для всего, въ удаленіи отъ этого, не повелѣвается прислуживать людямъ, и дѣлать имъ угожденія. По

кто содержитъ правило безмолвія своего въ продолженіе седми недѣль, или одной недѣли, и по исполненіи своего правила сходится, и вступаетъ въ общеніе, съ людьми, и утѣшается вмѣстѣ съ ними, но не радитъ о братіяхъ своихъ, которые въ скорбяхъ, думая тѣмъ въ строгости выдержать недѣльное правило, тогъ немилосердъ и жестокъ. И само собою явствуетъ, что онъ, по недостатку милосердія, и по самомнѣнію, и по ложнымъ помысламъ, не списходитъ до участія въ таковыхъ дѣлахъ.

Кто пренебрегаетъ больнымъ, тотъ не узритъ свѣта. Кто отвращаетъ лице свое отъ скорбящаго, для того омрачится день его. И кто пренебрегаетъ гласомъ страждущаго, у того сыны его въ слѣпотѣ оцупью будутъ искать домовъ своихъ.

Непоругаситъ великаго имени безмолвія невѣжествомъ своимъ. Ибо всякому житію свое время, и мѣсто, и отапіе. И тогда Богу да будетъ въ домы, угодно ли все дѣланіе онаго. А безъ сего суетно дѣланіе всѣхъ пекущихся о мѣрѣ совершенства. Кто ожидаетъ, чтобы немощь его утѣшали и посѣщали другіе, тотъ пусть смиритъ себя, и потрудится вмѣстѣ съ ближнимъ своимъ въ то время, когда терпитъ онъ искушеніе, чтобы собственное свое дѣланіе съ радостію совершить ему въ безмолвіи своемъ, будучи далекимъ отъ всякаго самомнѣнія и отъ бѣсовской прелесть. Одному изъ святыхъ, мужу въдумшему, сказаво: «ничто не можетъ такъ избавлять монаха отъ бѣса гордыни и споспѣшествовать ему въ сохраненіи цѣломудрія при разжженіи блудной страсти, какъ то, чтобы посѣщать ему лежа-

щихъ на ложахъ своихъ и одержимыхъ скорбію плоти».

Велико ангельское дѣло безмолвія, когда ради потребности смиренія присоедишть къ себѣ таковую разсудительность. Ибо, когда бываемъ окрадываемы и расхищаемы, и сами не знаемъ. Сказать я это, братія, не для того, чтобы вознерадѣть намъ о дѣлѣ безмолвія и пренебречь имъ. Ибо вездѣ убѣждаемъ къ безмолвію, и теперь не оказываемся противорѣчащими словамъ своимъ. Изъ сказаннаго нами никто да не беретъ и не выводитъ чего-либо отдѣльно, и отложивъ въ сторону все прочее, да не удерживаетъ неразумно это одно въ рукахъ своихъ. Помню, во многихъ мѣстахъ давалъ я такой совѣтъ, что, если кому и случится въ келіи своей быть совершенно празднымъ, то, по нуждѣ помощи нашей, постигающей насъ отъ сего, не должно помышлять о совершенномъ выходѣ изъ келіи, и вѣншее дѣланіе почитать лучшимъ дѣланіемъ келейнаго. Совершеннымъ же выходомъ называлъ я не то, если временемъ встрѣтится намъ необходимое дѣло выйти на нѣсколько недѣль, и въ продолженіи оныхъ пріобрѣсти упокоеніе и жизнь ближняго, и ты сталъ бы называть это праздноствіемъ и признавать бездѣйствіемъ, но если думаетъ кто о себѣ, что онъ совершенъ, и пребываніемъ своимъ предъ Богомъ и удаленіемъ своимъ отъ всего видимаго выше всѣхъ живущихъ здѣсь, и по этому благовидному предлогу слапеть отказываться и отъ сего. Велико есть дѣланіе разсудительности въ томъ, что совершается подъ руководствомъ Божиимъ. И Богъ, по милости Своей, даруетъ намъ исполнить слово Его, какое

изрекъ Онь, сказавъ: *якоже хотите, да творятъ вамъ человецы, и вы творите имъ такожде* (Лук. 6, 31.). Ему слава и честь! Аминь.

Еще писалъ ты въ посланіи своемъ, что монахъ, желающій возлюбить Бога нѣче всего, обязанъ имѣть попеченіе о чистотѣ души своей. И сказали ты прекрасно, если имѣешь достаточныя на то силы. А поелику говоришь еще, что душа не имѣетъ дерзновенія въ молитвѣ, какъ непреобѣдившая еще страстей; то представляется мнѣ въ томъ и другомъ противорѣчіе, хотя я и невѣжда. Ибо если душа не преобѣдила страстей; то какъ ей имѣть попеченіе о чистотѣ? И поелику правиломъ духовной правды не повелѣно ей этого, когда не преобѣдила своихъ страстей, то значить, домогаешься ты того, что выше ея. Ибо не изъ того, чего вождельваетъ человекъ, познается, что онъ любитъ; но изъ того, что любитъ, дѣлается заключеніе о томъ, чего вождельваетъ: любовь естественно предшествуетъ вождельнію. (Чего не возлюбитъ человекъ, того не будетъ и вождельвать). Страсти суть дверь, заключенная предъ лицомъ чистоты. Если не отворить кто этой заключенной двери, то не войдетъ онъ въ непорочную и чистую область сердца. И сказанное тобою, что душа не имѣетъ дерзновенія въ часъ молитвы, сказано справедливо. Ибо дерзновеніе выше не только страстей, но и чистоты. И скажу тебѣ, какой бываетъ порядокъ этого преемства: терпѣніе съ принужденіемъ себя борется со страстями за чистоту. Поэтому, если душа преобѣдитъ страсти, то пріобрѣтаетъ чистоту; а нетщепная чистота дѣлаетъ, что умъ пріобрѣтаетъ дерзновеніе въ часъ молитвы.

Ужели же подвергнемся укоризнѣ, въ молитвѣ прося этой душевной чистоты, о которой теперь рѣчь, и дѣломъ гордости и самомнѣнія бываетъ наше прошеніе, если просимъ у Бога того, что предписываетъ намъ божественное Писаніе и Отцы наши, и для чего монахъ идетъ въ отшельничество? По думаю, святой, что какъ сынъ не сомнѣвается въ отцѣ своемъ, и не проситъ у него такими словами: «научи меня искусству», или, «дай мнѣ что-нибудь»; такъ неприлично монаху разсуждать и просить у Бога: «дай мнѣ то и то». Ибо знать, что промышленіе Божіе о насъ выше того, какое бываетъ у отца о сынѣ. И потому прилично намъ, наконецъ, смириться, плакать о тѣхъ причинахъ согрѣшеній, которыя вѣдь нашей воли, содѣланы ли оныя помысломъ, или самымъ дѣломъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ говорить словами мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. 18, 13.); тайно и явно дѣлать, чему научить Господь, сказавъ: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключимы есмы; еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10.), чтобы совесть твоя засвидѣтельствовала тебѣ, что ты неключимъ, и имѣешь нужду въ покаяніи. Знаешь же и самъ ты, что не дѣла отверзаютъ заключенную дверь сердца, но сердце сокрушенное и смиреніе души, когда преобладавши страсти смиреніемъ, а не пренебреженіемъ. Ибо больной, сперва смиряется и прилагаетъ попеченіе о выздоровленіи отъ своихъ недуговъ, а потомъ уже домогается сдѣлаться царемъ; потому что чистота и душевное здравіе суть царство души.

Какое же это царство души? Какъ больной не говоритъ отцу: «сдѣлай меня царемъ,» — но прилагаетъ сперва попеченіе о недугѣ своемъ, и по совершенномъ выздоровленіи царство отца его само собою дѣлается его царствомъ; такъ и грѣшникъ, принося покаяніе, получая здравіе души своей, входитъ со Отцемъ въ область чистаго естества и царствуетъ во славу Отца своего.

Припомнимъ, какъ святой Апостолъ Павелъ описываетъ свои прегрѣшенія, и душу свою ставитъ на самомъ послѣднемъ и низшемъ мѣстѣ, говоря: *Христосъ Іисусъ прииде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь Азъ. Но сего ради помилованъ быхъ, да во мнѣ первомъ покажетъ все Свое долготерпѣніе* (1 Тим. 1, 15. 16.). Ибо въ началѣ былъ я гонителемъ, досадителемъ и хульникомъ, но помилованъ былъ, яко неспѣдый сотворихъ въ неспѣствіи (13.). Когда же и въ какое время сказалъ онъ это? Послѣ великихъ подвиговъ, неполненныхъ силой дѣла, послѣ проповѣди, по благовѣствованію Христову, проповѣданной имъ въ цѣломъ мірѣ, послѣ многократныхъ смертей, многообразныхъ скорбей, какія терпѣлъ отъ іудеевъ и язычниковъ. И все еще взиралъ онъ на первыя свои дѣла, не только не почиталъ себя достигшимъ чистоты, но не помышлялъ даже признать себя, какъ слѣдовало, ученикомъ. Ибо говорилъ: *нѣсмь достоинъ нарецися Апостолъ, зане гонихъ церковь Христову* (1 Кор. 15, 9.). И когда паче всѣхъ людей одержалъ побѣду надъ страстями; говорилъ: *умерщвлено тѣло мое и порабоцую, да не како инымъ проповѣдую, самъ неключимъ буду* (1 Кор. 9, 27.). Если же скажешь,

что Апостолъ въ нныхъ мѣстахъ повѣствуетъ о себѣ и великое; то пусть самъ онъ убѣдить тебя въ разсужденіи этого. Ибо говорить, что дѣлалъ сіе недобровольно, не ради себя, но для проповѣди. И когда повѣствуетъ о семъ для пользы вѣрныхъ, представляетъ себя за таковую похвалу себѣ лишенымъ всякаго разума, взывая и увѣряя: *вы мя поудисте* (2 Кор. 12, 11.); и еще: *не глаголю по Господь, но яко въ безуміи, въ сей части похвалы* (2 Кор. 11, 17.). Вотъ сіе справедливое и вѣрное правило, какое далъ намъ святой Павелъ. Будемъ, наконецъ, сохранять оное, и поревнуемъ о немъ. Отречемся отъ того, чтобы искать у Бога высокаго, когда не посылаетъ и не даруетъ Онъ этого; потому что Богъ знаетъ сосуды избранныя на служеніе Ему. Ибо блаженный Павелъ даже и послѣ того не просилъ царства душъ, но говорилъ: *молилъбыхся отлученъ быти отъ Христа* (Рим. 9, 3.). Какъ же осмѣлимся мы и прежде времени, вѣдомаго Богу, просить душъ царства, не соблюдши заповѣдей, не пренобдливъ страстей, и не отдавъ долга?

Посему уюлю тебя, святой, да не входитъ тебѣ и на помысль это; но наче всего пріобрѣти терпѣніе для всего, что ни бываетъ съ тобою. И въ великомъ смиреніи и въ сокрушеніи сердца о томъ, что въ насъ и о помыслахъ нашихъ, будемъ просить отпущенія грѣховъ своихъ и душевнаго смиренія.

Однимъ изъ святыхъ написано: «кто не почитаетъ себя грѣшникомъ, того молитва не пріемлется Господомъ». Если же скажешь, что нѣкоторые Отцы писали о томъ, что такое душевная чистота, что такое здравіе, что такое безстрастіе: то писали не

съ тѣмъ, чтобы намъ съ ожиданіемъ домогаться этого прежде времени; ибо написано, что *не приидетъ царствіе Божіе съ соблюденіемъ* (Лук. 17, 20.) ожиданія. И въ комъ оказалось такое намѣреніе, тѣ приобрѣли себѣ гордость и паденіе. А мы область сердца приведемъ въ устройство дѣлами покаянія и житіемъ благоугоднымъ Богу; Господне же приидетъ само собою, если мѣсто въ сердцѣ будетъ чисто и неоскверненно. Чего же ищемъ *съ соблюденіемъ*, разумью Божіи высокія дарованія, то не одобряется Церковію Божіею; и пріемшіе это приобрѣтали себѣ гордость и паденіе. И это не признакъ того, что человекъ любитъ Бога, но душевная болѣзнь. Да и какъ намъ домогаться высокихъ Божіихъ дарованій, когда Павелъ хвалится скорбями, и высокимъ Божіимъ даромъ почитаетъ общеніе въ страданіяхъ Христовыхъ.

Еще писалъ ты въ посланіи своемъ, что возлюбла душа твоя любовь къ Богу, но не достигъ ты любви, хотя имѣешь великое возжеланіе любить; а сверхъ того, возжеланно для тебя пустынное отшельничество. И снѣтъ показавъ ты, что положено въ тебѣ начало сердечной чистоты, и что памятованіе о Богѣ прилежно разжигается и возгрѣвается въ сердцѣ твоёмъ. И это—великое дѣло, если справедливо; но не желалъ бы я, чтобы писалъ ты это; потому что не къ одной принадлежитъ это степени. Если же сказалъ это для вопроса; то и вопросъ требовалъ нѣкаго порядка. Ибо, кто говоритъ, что душа его не имѣетъ еще дерзновенія въ молитвѣ, потому что не преносится страстей, тотъ смѣетъ ли сказать, что душа его возлюбла любовь къ Богу? Нѣтъ способа

возбуждѣнъ въ душѣ божественной любви, во слѣдъ которой таинственно течешь ты въ отшельничество, если она не препобѣдила страстей. Ты же сказалъ, что душа твоя не препобѣдила страстей, и возлюбилъ любовь къ Богу; и въ этомъ нѣтъ порядка. Кто говоритъ, что не препобѣдилъ страстей, и возлюбилъ любовь къ Богу; о томъ незнаю, что онъ говоритъ.

Но скажешь: не говорить я: «люблю», но «возлюбилъ любовь». И это не имѣетъ мѣста, если душа не достигла чистоты. Если же хочешь сказать это только для слова; то не ты одинъ говоришь, но и всякій говоритъ, что желаетъ любить Бога; и не только христіане говорятъ это, но и неправо поклоняющіеся Богу. И слово это всякій произноситъ, какъ свое собственное; однакоже, при произношеніи такихъ словъ, движется только языкъ, душа же не ощущаетъ, что говоритъ. И многіе бо льные не знаютъ даже того, что они больны. Порокъ есть болѣзнь души, и заблужденіе — утрата истины. И весьма многіе изъ людей, недугуя смиръ, объявляютъ себя здоровыми, и у многихъ заслуживаютъ похвалу. Ибо, если душа не уврачуется отъ порока, и не будетъ приведена въ естественное здравіе, въ какомъ создана, чтобы родиться отъ духовнаго здравія: человеку невозможно воздѣлывать сверхъестественныхъ даровъ духа; потому-что душа, пока болѣзнуетъ страстями, не ощущаетъ чувствомъ своимъ духовнаго, и не умѣетъ воздѣлывать онаго, воздѣлываетъ же только по слуху ушей и по писаніямъ. Справедливо, наконецъ, сказалъ я и выше, что воздѣлывающіе совершенство надлежитъ сохранять все заповѣди; потому что сокровенное дѣлаіе заповѣдей

врачуешь душевную силу. И оно должно быть не просто и как ни есть. Ибо написано, что *безъ кровопролитія не бываетъ оставленія* (Евр. 9, 22.). Но первоначально естество наше въ вочеловѣченіи Христовомъ пріяло обновленіе, приобщилось Христову страданію и смерти; и потому, по обновленіи изліяніемъ крови, обновилось и освятилось естество наше, и содѣлалось способнымъ къ принятію заповѣдей новыхъ и совершенныхъ. А если бы заповѣди сіи даны были людямъ до изліянія крови, до обновленія и освященія естества нашего; то можетъ быть, и самыя новыя заповѣди, подобно заповѣдямъ древнимъ, отсѣкали бы только порокъ въ душѣ, но не могли бы истребить въ душѣ самый корень порока. Нынѣ же не такъ: напротивъ того, послѣдовавшее сокровенное дѣланіе и заповѣди новыя и духовныя, которыя душа хранитъ, имѣя въ виду страхъ Божій, обновляютъ и освящаютъ душу, и сокровенно врачуютъ всѣ члены ея. Ибо явно для всѣхъ, какую страсть безмолвно въ душѣ изцѣляетъ каждая заповѣдь, и дѣйствительность ихъ ощутительна и врачующему и врачуемому, какъ было и съ кровоточивой женою.

Знаешь, возлюбленный, что, если будетъ не изцѣлена страстная часть души, не обновится, не освятится въ тайнѣ, не будетъ связана житіемъ духовнымъ, то душа не приобрѣтетъ здравія, и не освободится отъ того, чтобы не печалило ее встречающееся ей въ твари. И изцѣленіе сіе можетъ совершиться по благодати, какъ было съ блаженными Апостолами; потому что они върою усовершились въ любви Христовой. А иногда бываетъ, что душа приобрѣтаетъ

здравіе законно. Ибо, кто дѣланіемъ заповѣдей и трудными дѣлами истиннаго житія препобѣдиль страсти, тотъ пусть знаетъ, что законно пріобрѣлъ онъ душевное здравіе, и отдоснѣ мѣскомъ внѣ ове-щественія міра сего, и отсѣкъ въ себѣ прежній свой нравъ и возроденъ, какъ и первоначально, въ духовномъ, и по благодати, какъ пріобрѣтшій понятія внутреннего чловѣка, сталъ виднмъ въ области духа, и пріалъ его въ себя міръ новыій, несложный.

Когда же умъ обновленъ, и сердце освящено; тогда всѣ возникающія въ немъ понятія возбуждаются сообразно съ естествомъ того міра, въ который вступаетъ онъ. Сперва возбуждается въ немъ любовь къ божественному, и вождельвастъ онъ общенія съ Ангелами и откровенія тайнъ духовнаго вѣдѣнія; и умъ его ощущаетъ духовное вѣдѣніе тварей, и возсіяваетъ въ немъ созерцаніе тайнъ Святыя Троицы, также тайнъ достопокланяемаго ради насъ домо-строительства; и потомъ всецѣло входитъ въ единеніе съ вѣдѣніемъ надежды будущаго.

Наконецъ, изъ того, что написалъ я тебѣ, уразумѣй состояніе свое. Если бы душа, когда заключена въ области страстей, могла истинно возлюбить Бога; то не имѣла бы большой нужды спрашивать и дознавать о тайнствахъ міра духовнаго. Но явно, что обученіе и вѣдѣніе при страстяхъ не приносятъ пользы, и недостаточны къ тому, чтобы отверзть дверь, заключенную предъ лицемъ чистоты. Если же отъяты будутъ отъ души страсти; то умъ просвѣщается, и поставляется въ чистомъ мѣстѣ естества, и не имѣетъ нужды въ вопросахъ; потому что ясно виднть блага, обрѣтаемыя на своемъ мѣстѣ. Ибо,

какъ виѣшнія наши чувства не въ слѣдствіе обученія и вопросовъ ощущаютъ соприкосновенныя имъ естества и вещи, но каждое чувство естественно, а не съ помощію вопросовъ, ощущаетъ встречающуюся ему вещь, (потому-что нѣтъ ученія посредствующаго между ощущающимъ и ощущаемымъ; сколько ни говори о славѣ солнца и луны, о сонмѣ звѣздъ, о блескѣ драгоценныхъ вещей, — и пріемлеть, и судить, и представляетъ себѣ красоту, какую имѣютъ они, только по названію; знаніе же и разсужденіе его далеки отъ удовольствія, доставляемаго самымъ видѣніемъ): такъ, подобнымъ сему образомъ, представляй себѣ и о созерцаніи духовномъ. Ибо умъ, прозирающій въ сокровенныя тайны духа, если онъ въ своемъ естественномъ здравіи, вполне созерцаетъ славу Христову, и не спрашиваетъ, и не учится, но наслаждается тайнами новаго міра, превыше свободы воли, соразмѣрно горячности вѣры и надежды на Христа, какъ написалъ блаженный Павелъ: *еже ви́дѣши, что и уповаеши? Терпѣніемъ ждемъ* (Рим. 8, 25.).

Наконецъ, должвы мы ждать и пребывать уединенно и въ простотѣ со внутреннимъ нашимъ человекомъ, гдѣ нѣтъ впечатлѣній помысловъ, ни воззрѣній на что-либо сложное: потому-что умъ, на чтоъ взираетъ, отъ того пріемлеть и образы. Когда взираетъ на міръ, тогда согласно съ вѣдопзыщеніемъ образовъ, по которымъ онъ носится, въ такомъ же числѣ принимаетъ отъ нихъ въ себя образы и подобія, которые, по мѣрѣ своего множества, и по различію своего измѣненія, возбуждаютъ въ немъ помыслы; когда же помыслы возбуждены, отпечатлѣваются они въ умъ.

Если же умъ проникаеть взоромъ во внутренняго человека, гдѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы служить измѣненіемъ вѣдѣній, и гдѣ сложное не отдѣляется отъ другаго сложнаго знаменитію образа, повсе—единый Христосъ; то явно, что умъ пріисмелятъ тогда простое созерцаніе, безъ котораго ничто иное не облагоухаетъ душевной гортани, и не содѣлаетъ, чтобы душа пріобрѣла дерзновеніе въ часть молитвы; потому-что это есть лица естества души. И когда умъ станетъ въ области познанія истины, тогда не имѣеть нужды въ вопросахъ. Ибо, какъ тѣлесное око не спрашиваетъ сперва, и потомъ уже взирать на солнце; такъ и душевное око не входитъ сперва въ изслѣдованіе, и послѣ того уже созерцаетъ духовное вѣдѣніе. Такимъ образомъ и таинственное созерцаніе, какого вождельвася ты, святый, открывается уму по пріобрѣтеніи душевнаго здравія. Желать же посредствомъ изслѣдованія и разспросовъ дознавать таковыя тайны есть неразуміе души. Ибо и блаженный Павелъ, не по наукѣ, или вещественному какому способу сказать, что видѣлъ и слышалъ тайны и неизреченны глаголы, *ихже нельтъ есть человеку глаголати* (2 Кор. 12, 4.), во восхищеніемъ восхищенъ былъ въ духовную область, и видѣлъ откровеніе тайнъ.

Наконѣцъ, и ты, святый, если любишь чистоту, отъѣхъ расточася на всѣхъ любовь ко всему, и вошедши въ виноградникъ сердца своего, дѣлай въ немъ, истребляй въ душѣ своей страсти, старайся не знать злобы человѣческой. Чистота взирать на Бога, возсіяваетъ и цвѣтетъ въ душѣ не въ слѣдствіе прошенія, но въ слѣдствіе невѣдѣнія злобы

какого бы то ни было человека. Если же желательно тебѣ, чтобы сердце твое содѣлалось виѣстнищемъ таинъ новаго міра, то обогатись сперва дѣлами тѣлесными, постомъ, бдѣніемъ, службою, подвижничествомъ, терпѣніемъ, изложеніемъ помысловъ и прочимъ. Связывай умъ свой чтеніемъ Писаній и углубленіемъ въ оныя, напизи предъ очами у себя заповѣди, и отдай долгъ страстей, когда бываешь побѣжденъ и побѣждаешь. И непрестаннымъ собесѣдованіемъ молитвеннымъ и самоуглубленіемъ въ молитвословія искореняй въ сердцѣ своемъ всякій образъ и всякое подобіе, предварительно тобою воспріятое. Приучай умъ свой углубляться всегда въ тайны Спасителя домоостроительства; и оставь просишь себя въдѣнія и созерцанія, которыя въ своемъ мѣстѣ и въ свое время превыше словеснаго описанія, продолжай дѣланіе заповѣдей и труды въ приобрьтеніи чистоты; и проси себя у Господа въ молитвѣ огнемъ разжженной о всемъ нечисти (какую влагалъ Онъ въ сердца Апостоламъ, мученикамъ и Отцамъ), да уканеть она въ сердце твое, и да сподобишься умнаго житія. Начало, средину и конецъ житія сего составляетъ слѣдующее: отсѣченіе всего единеніемъ о Христѣ. Если же воздѣлываешь созерцанія таинъ, самымъ дѣломъ воздѣлывай въ себѣ заповѣди, а не однимъ стремленіемъ къ ихъ въдѣнію. Духовное созерцаніе дѣйствуетъ въ насъ въ области чистоты. И ты домогайся сперва дознать, какъ войдти тебѣ въ область духовныхъ таинъ, и потомъ начинай.

Первою изъ таинъ именуется чистота, достигаемая при дѣйственности заповѣдей. Созерцаніе же есть духовное воззрѣніе ума для того, что бы постигать,

что было и будетъ, и отъ всего приходитъ въ изъясненіе. Созерцаніе есть видѣніе ума, приводимаго въ единеніе домостроительства Божіимъ во всякомъ родѣ и родѣ, и постигающаго славу Божію и трудности новаго міра, при чемъ сокрушается и обновляется сердце; подобно младенцамъ о Христѣ, воспитывается млекою заповѣдей новыхъ и духовныхъ, дѣлается безпорочнымъ, пріобучается къ духовнымъ тайнамъ и къ откровеніямъ вѣдѣній, восходя отъ вѣдѣнія къ вѣдѣнію, и отъ созерцанія къ созерцанію, и отъ постиженія къ постиженію, и обучается и укрѣпляется таинственно, пока не будетъ возвышено любовію, соединено надеждою, и не водворится въ немъ радость, и не будетъ оно возвышено Богомъ и увѣнчано естественною славою своего сотворенія, въ какой было создано.

На сихъ духовныхъ нажитяхъ восходитъ умъ въ откровенія вѣдѣнія, и падаетъ, и встаетъ, и побѣждаетъ, и побѣждается и пережигается въ нещикелліи, и такими образомъ очищается, и бываетъ ему милость, и дѣлательно сподобляется онъ того созерцанія Святыя Троицы, котораго вождельствуешь ты. Ибо три суть созерцанія естествъ, въ которыхъ умъ возвышается, оказываетъ свою дѣятельность и упражняется: два созерцанія естествъ сотворенныхъ, разумныхъ и неразумныхъ, духовныхъ и тѣлесныхъ, и еще созерцаніе Святыя Троицы. Посему, сперва бываетъ воззрѣніе на всякую тварь, пришедшую въ бытіе, и умъ обозрѣваетъ ее въ откровеніи вѣдѣнія; а что не подлежитъ чувствамъ, на то бываетъ мысленное воззрѣніе. Умъ имѣетъ воззрѣніе и для созерцанія себя самого; имъ-то внѣшніе фило-

софы надисвались въ умъ своимъ при представленіи тварей.

Поэтому, созерцаніе сыновъ таинства вѣры сопряжено съ вѣрою, и насется на лугахъ Писаній: оно во-едино собираетъ умъ отъ всякаго вѣннннго паренія, и связуетъ его единеніемъ Христовымъ, какъ Василія Великаго и Григорія; и воззрѣніе его бываетъ (г) на таинственныя словеса, помѣщенныя въ Писаніи. И словеса, непостижимыя вѣдѣніемъ, дѣлаются понятными для насъ при помощи вѣры, и вѣдѣніе о нихъ получаемъ въ созерцаніи, какое бываетъ по очищеніи. Для духовныхъ таинъ, которыя выше вѣдѣній, и которыхъ не оцѣпляютъ ни тѣлесныя чувства, ни разумная сила ума, Богъ далъ намъ вѣру, которою познаемъ только, что тайны сін существуютъ. И отъ этой вѣры рождается въ насъ надежда о нихъ. Вѣрою исповѣдуемъ, что Богъ есть Господь, Владыка, Творецъ и Создатель всяческихъ; а вѣдѣніемъ рѣшаемъ, что должно намъ хранить заповѣди Его, и разумѣть, что ветхія заповѣди хранить страхъ, какъ сказалъ самъ Онъ, а животворныя заповѣди Христовы хранить любовь, по сказанному: *Азъ заповѣди Отца Моего соблюдаю, и пребываю въ Его любви* (Іоан. 15, 10.). Почему явно, что Сынъ хранитъ заповѣди Отца Своего не по страху, но изъ любви, а потому повелѣваетъ и намъ соблюдать заповѣди Его изъ любви, какъ говоритъ: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте. И Азъ умолю Отца, и много Утѣшителя пошлетъ вамъ* (Іоан. 14,

(г) Древ. слав. переводъ показываетъ, что здѣсь вмѣсто *γινέται* должно читать *γίνεται*.

15. 16.). Пришествіемъ Утѣшителя называетъ дарованіи откровенія духовныхъ таинствъ; посему въ пріятіи Духа, котораго пріяли Апостолы,—всѣ совершенство духовнаго вѣдѣнія. И Господь исповѣдалъ и общалъ, умоливъ Отца Своего, дать имъ Утѣшителя, чтобы, при дѣланіи ими заповѣдей и очищеніи самихъ себя, пребывалъ съ ними во вѣки. Видишь ли, что за сохраненіе заповѣдей умъ сподобляется благодати таинственнаго созерцанія и откровеній духовнаго вѣдѣнія; а не какъ предполагала твоя мудрость, что дѣло храненія заповѣдей служитъ препятствіемъ созерцанію Божественныхъ таинствъ, совершаемыхъ въ безмолвіи.

Посему, умоляю тебя, если ощутишь въ душѣ своей, что достигъ ты въ область любви, соблюдай новыя заповѣди изъ любви къ Давшему ихъ, а не по страху, какъ и блаженный Павелъ, когда возгорѣлся божественною любовію, сказалъ: *кто меня разлучитъ отъ любви Христовой?* Скорбь ли, или темница, или гоненіе,—и прочее? И еще присовокупляетъ: *извѣстися бо, яко ни смерть, ни животъ, ни настоящая ни грядущая возмогутъ разлучити меня отъ любви Божіей, яже о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. 8, 35. 38. 39.). И чтобы не подумать кому, будтобы вождѣлвастъ онъ великой награды, или чести, или прензобильнаго даванія духовныхъ даровъ, какъ вождѣлвастъ твой святыня, сказалъ: *молился быхъ отлученъ быти отъ Христа* (Рим. 9, 3.), чтобы присвоены Ему были чуждые. И чтобы знать тебѣ, что не таинственнаго и отшельническаго созерцанія искалъ онъ, какъ твое отечество, вождѣлвастъ же того единственно,

чего часто сподоблялись и иные по благодати; слушай, что говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: *аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любви же не имамъ, быхъ мѣдъ звѣнцѣи, или кимвалъ звѣнцѣи. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся, и весь разумъ, и аще имамъ вѣру, яко и горы престаиваю, любви же не имамъ, ничто же есмь* (1 Кор. 13, 1. 2.); потому-что законная дверь, вводящая въ это, есть любовь. Если пріобрѣтемъ любовь, она вводитъ насъ въ это. Если же сподобимся сего по благодати безъ любви, то непременно когда-нибудь утратимъ мы это; потому-что стяжаніе и стражъ высшихъ святыхъ и божественнаго житія есть любовь. Какъ-скоро монахъ лишится любви; сердце его тотчасъ лишается мира, который есть селеніе Божіе, и заключается для него дверь благодати, которою Господь нашъ выйдетъ и изыдетъ, по сказанному Иѣзъ: *Азъ есмь дверь жизни, и Мною чловѣкъ выйдетъ въ жизнь и получитъ обрѣщетъ* (Іоан. 10, 9.) для питанія духовной своей жизни, гдѣ не препятствуютъ ему ни злоба, ни прелесть; но на всѣхъ восхожденіяхъ откровеній вѣдѣній и таинственныхъ созерцаній божественная любовь вводитъ и изводитъ его, какъ и тѣхъ, которые имѣютъ свободу Христову. И чтобы узнать тебѣ истину сего, а именно, что духовная жизнь дѣйствительно есть божественное созерцаніе ума, послушай великаго Павла. Ибо вопіетъ онъ: неужели мнѣ это безъ любви; и если не войду (то-есть въ созерцаніе) законными вратами (д), то не пожелаю онаго; и если бы дано

(д) Изъ древ. слав. перевода видно, что здѣсь вмѣсто *την λαμν* можно читать *την πλην*

было мнѣ по благодати, когда не пріобрѣлъ я любви, то не домогаюсь сего; потому что вошелъ къ нему не естественною дверію, которая есть любовь. По этому, сперва должно пріобрѣсти любовь, которая есть первоначальное созерцаніе Святыя Троицы; а послѣ того и безъ даванія, естественно, будетъ у меня созерцаніе духовнаго. Уразумѣй же мудрость блаженнаго Павла, какъ оставилъ всѣ дарованія, сообщаемыя благодатию, и просилъ самаго существеннаго, того, что пріемлетъ дарованія и хранитъ ихъ, какъ говорятъ нѣкто. Дарованіе созерцанія тварей дано было и Моисею, и многіе сподобились онаго, впрочемъ не постоянного, но въ откровеніи. Я же, крестившійся Духомъ Святымъ, и исполненный благодати, хочу внутрь себя пріять ощущеніе живущаго во мнѣ Христа. Ибо Христосъ Упостасію Своею содѣлалъ обновленіе естества нашего, въ Него облечены мы водою и Духомъ, и въ неизреченномъ таинствѣ соединилъ Онъ насъ съ Собою, и содѣлалъ членами тѣла Своего; но здѣсь въ видѣ только залога, а въ новомъ мірѣ естественно сообщастъ Онъ жизнь прочимъ членамъ. Для чего по этому желаю и домогаюсь созерцанія прежде любви, когда божественный Павелъ не одобрялъ онаго безъ любви?

Но сказавъ, что дѣланіе заповѣдей служитъ мнѣ пріятельствомъ къ созерцанію, явно похулилъ ты любовь къ ближнему, и предпочелъ ей созерцаніе, и возжелавася видѣть его тамъ, гдѣ оно не усматривается. Пока не можемъ мы еще видѣть созерцанія, мудрѣйшій; но само созерцаніе показываетъ намъ себя на своемъ мѣстѣ. Какъ по мѣрѣ есте-

ственнаго возраста душа пріемлетъ въ себя новое
 и новое вѣдѣніе, и оцущаетъ существующее въ міръ,
 и день отъ дня болѣе и болѣе обучается этому;
 такъ и въ духовномъ человѣкѣ пріемлетъ въ себя
 духовное созерцаніе и божественное оцущеніе, и
 обучается этому въ той мѣрѣ, въ какой умъ возра-
 стаетъ въ разумномъ житіи, и простирается впередъ.
 Когда же придетъ въ область любви, тогда созер-
 цаетъ духовное на своемъ мѣстѣ. Но пока человѣкъ
 употребляетъ успіе, чтобы духовное спусzło къ
 нему, оно не покоряется. И если дерзновенно воз-
 мечтаетъ око, и возведетъ взоръ къ духовному, и
 будетъ доходить до него разумніемъ не во время;
 то скоро притупляется зрѣніе его, и вмѣсто дѣй-
 ствительнаго усматриваются имъ призраки и образы.
 Какъ-скоро вполнѣ постигненью это разсудительнымъ
 умомъ своимъ, не будешь домогаться созерцанія не
 во-время. Если же кажется тебѣ, что и теперь ви-
 дишь созерцаніе; созерцаніе сіе есть тѣнь призрака,
 а не созерцаніе; потому что у всего мысленнаго бы-
 ваетъ подобіе и мечтательный образъ, а бываетъ
 также и истинное созерцаніе. Ибо вотъ и въ есте-
 ствахъ сложныхъ бываетъ призракъ, а иногда воз-
 можно и истинное созерцаніе. Если же созерцаніе
 истинно, то обрѣтается свѣтъ, и созерцаемое усма-
 тривается близкимъ къ дѣйствительности. А когда
 бываетъ противное сему; тогда глазъ вмѣсто дѣй-
 ствительности видитъ тѣнь, и видитъ воду, гдѣ
 нѣтъ воды, видитъ зданія, приподнятыя вверхъ и
 висяція на воздухѣ, между-тѣмъ какъ они стоятъ
 на землѣ. Но таковому явленію тѣлеснаго то-же пред-
 ставь себѣ и о мысленномъ.

Если зрѣніе ума не будетъ очищено дѣланіемъ заповѣдей, дѣлами безмолвнаго житія, не пріобрѣтетъ въ совершенствѣ свѣта любви, не преусиѣетъ возрастомъ въ обновленіи Христовомъ, превосходитвомъ вѣдѣнія не приблизится къ духовнымъ естествамъ въ той степенн, на которой ищеть духовнаго, ангельскаго житія: то не возможетъ содѣлаться истиннымъ зрителемъ божественнаго созерцанія. Всѣ же тѣ подобія духовнаго, какія думаетъ составить себѣ умъ, называются призракомъ, а не дѣйствительностію. И это, что умъ видитъ одно вмѣсто другаго, происходитъ отъ того, что онъ не очистился. Ибо естество истины пребываетъ всегда неизмѣннымъ, и не измѣняется никогда въ подобіе; причиною же мечтанія образовъ бываетъ немощь, а не чистота, ума.

Это было и съ философами вѣнннннн, потому что почли духовнымъ то, о чемъ не пріяли истиннаго ученія отъ Бога. Но сокращенію и возбужденію разумной въ нихъ силы, по понятіямъ мысловъ своихъ заключали въ самомнѣніи своемъ, что они сугь нѣчто; а вмѣстѣ съ этимъ разсуждали, какъ они существуютъ, чтобы открытіе ихъ происхожденія, и измѣненіе уподобленія содѣлалось для нихъ тѣмъ и другимъ. И разглагольствовали объ этомъ въ неаждлежачемъ самомнѣніи, единаго Бога раздѣляли въ многобожіи, говорили и соглашались между собою въ глумленіи мысловъ, и эту мечту безумія мысловъ своихъ назвали умозрѣніемъ естества.

Посему, истинное созерцаніе естества чувственныхъ и свѣрхчувственныхъ, и самой Святой Троицы

удѣляется въ откровеніи Христовомъ. Ему научилъ, и его указалъ человѣкамъ Христосъ, когда первоначально Своею Упостасію совершилъ обновленіе естества человѣческаго, возвратилъ и далъ ему первую свободу, и Самъ проложилъ намъ путь животворящими Его заповѣдями восходить къ истинѣ. И естество тогда только способно содѣлаться зрителемъ истиннаго, а не мечтательнаго созерцанія, когда человѣкъ первоначально претерпѣніемъ страданій, дѣланіемъ и скорбію совлечется ветхаго страстнаго человѣка, какъ поворожденный младенецъ совлекается одежды, выносимой изъ матернихъ ложеснъ. Тогда умъ способенъ возродиться духовно, содѣлаться видимымъ въ духовномъ мірѣ, и пріять созерцаніе отечества своего.

Поэтому, нынѣ созерцаніе тварей, хотя оно и сладостно, есть только тѣнь вѣдѣнія. И сладость его неотдѣлима отъ мечтаній во снѣ. Поэтому, созерцаніе новаго міра духомъ откровенія, которыми умъ усаждается духовно, есть дѣйствіе благодати, а не тѣнь вѣдѣнія; и сладость его неотдѣлима отъ той, какую описалъ Апостолъ, говоря: *иже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его, святымъ же Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ: Духъ бо вся испытуетъ и глубины Божіи* (1 Кор. 2, 9. 10). И сіе созерцаніе бываетъ пищею ума, пока не придетъ онъ въ состояніе пріять созерцаніе высшее перваго созерцанія; потому что одно созерцаніе передаетъ человѣка другому созерцанію, пока умъ не будетъ введенъ въ область совершенной любви. Любовь есть вмѣстилище духовнаго, и

водворяется въ чистотѣ души. Когда умъ станетъ въ области любви; тогда дѣйствуетъ благодать, умъ пріемлетъ духовное созерцаніе, и дѣлается зрителемъ сокровеннаго. Ибо сказалъ я, что двумя способами дается дарованіе откровеній умнаго созерцанія.

Ибо иногда дается по благодати за горячность вѣры; а иногда за дѣланіе заповѣдей и за чистоту. По благодати, какъ блаженнымъ Апостоламъ, которые не дѣланіемъ заповѣдей очистили умъ, и сподобились откровенія созерцанія, но горячею вѣрою; потому-что въ простотѣ увѣровали во Христа, и несомнѣнно, съ воспламененнымъ сердцемъ, послѣдовали за Нимъ. И когда Христосъ совершилъ достопоклоняемое Свое домостроительство, послалъ имъ Духа Утѣшителя, очистилъ и усовершилъ умъ ихъ, и дѣйствительно умертвилъ внутри ихъ ветхаго, страстнаго человека, и дѣйствительно оживотворилъ въ нихъ новаго духовнаго человека, и пріяли они ощущеніе того и другаго. Такъ и блаженный Павелъ обновленъ былъ таинственно, и потомъ пріять созерцаніе откровенія таинъ; но и при этомъ не полагался на оное. Дѣйствительно пріять онъ благодать и даръ, но все время жизни своей совершалъ теченіе, чтобы, по возможности, воздать той благодати, какой сподобился, когда Господь съ нимъ, какъ съ приснымъ Своимъ, бесѣдовалъ на пути, и послалъ его въ Дамаскъ. Не написано, о чемъ Иисусъ бесѣдовалъ съ нимъ явно, но пишется, что сказалъ ему Ананія: *Савле брате, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, явлейтся на пути, посла мя къ тебѣ, да прозрять очи твои, и исполнишися Духа*

Свята (Дѣян. 9, 17.). И когда крестилъ его, исполнился онъ Духа Святаго, и ощутилъ сокровенныя тайны откровений, какъ совершилось сіе и съ святыми Апостолами, когда былъ съ ними Иисусъ и говорилъ: много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: егда же придетъ Духъ Святыи, Онъ наставитъ вы на всяку истину, и грядущая возвеститъ вамъ (Іоан. 16, 12. 13.).

И блаженный Павелъ тогда именно, какъ пріять Духа Святаго, и обновился Имъ, сподобился и таинъ откровенія, сталъ созерцать духомъ откровений, и услаждался созерцаніемъ, слышалъ неизреченныя глаголы, зрѣлъ созерцаніе высшее естества, восторгался созерцаніями небесныхъ силъ, и услаждался духовнымъ. И да не будетъ того, что въ безуміи своемъ утверждаютъ еретики, называемые евкиты, будто-бы сего восхожденія достигъ онъ своимъ желаніемъ! Умъ вовсе не можетъ восходить туда. Напротивъ того, Павелъ восхощетъ быть духомъ откровений, какъ самъ написалъ въ Посланіи къ Коринѳянамъ, вопреки этимъ суетнымъ людямъ, которые угодобляли себя святымъ Апостоламъ, исповѣдали мечты своихъ помысловъ, и называли ихъ духовными созерцаніями. Это относится и ко многимъ еретикамъ, то-есть, близко сіе къ Оригену, къ Валентину, къ сыну Диссавову, къ Маркіону, къ Манесу, къ прочимъ древнимъ начальникамъ зловредныхъ ересей, начавшихся со времени Апостольскихъ, и донынѣ по мѣстамъ обрѣтающихся.

Наконечъ, послѣку нѣкоторые люди, поврежденные въ умъ бѣсовскимъ мечтаніемъ, восхотѣли расгнѣть ученіе блаженныхъ Апостоловъ; то божест-

венный Апостолъ вынужденъ былъ въ ничто обратитъ похвалбу еретиковъ, хвалившихся тѣсно дѣланія являвшихся имъ бѣсовъ, и потому со смиреніемъ и великимъ страхомъ описываетъ онъ божественное свое созерцаніе, относя оное къ лицу другаго. Ибо говоритъ: *вѣмъ человека о Христѣ, прежде лѣтъ четырнадцати: аще кромѣ тѣла, аще ли въ тѣлѣ не вѣмъ: Богъ вѣсть: восхитена бывша въ рай, и слышавшаго глаголы, иже не лѣтъ есть человеку глаголати* (2 Кор. 12, 2. 4.). Итакъ, говоритъ онъ, что восхитеніемъ восхитенъ былъ, а непроизвольно восхителъ умомъ своимъ въ созерцаніи, до третьяго небеси. Написалъ, что видѣлъ созерцающа; сказалъ, что слышалъ глаголы: по какія были словеса, или образы созерцацій, того не могъ написать. Ибо, когда умъ духомъ откровеній видѣлъ это на своемъ мѣстѣ, тогда не пріять заповѣди изречь это не на своемъ для сего мѣстѣ. А если бы и восхотѣлъ изречь сіе, то не могъ бы; потому-что видѣлъ сіе не тѣлесными чувствами. Что умъ пріемлетъ тѣлесными чувствами, то имъ же можетъ опять и изъяснить въ области тѣлесной: а что ощутительно созерцаетъ, или слышитъ, или чувствуетъ внутри себя, въ области духовной, того, когда возвращается къ тѣлу, неспособенъ пересказать, а только воспоминаетъ, что видѣлъ это; но какъ видѣлъ, неумѣетъ повѣдать ясно.

И снѣмъ обличаются ложныя писанія, такъ называемыя откровенія, изложенныя начальниками ересей, растлѣнныхъ мечтаніемъ бѣсовскимъ, о обителяхъ на тверди, въ которыя вводитъ умъ для самовольнаго обученія, и о восхожденіяхъ ума на небо, и о

мѣстахъ отлученныхъ на судъ, и о многовидныхъ образахъ горнихъ силъ, и о дѣйственности ихъ. Все это есть тѣнь ума, упоеннаго самомнѣніемъ, и приведеннаго въ оцѣненныя бѣсовскими дѣланіемъ. Поэтому-то блаженный Павелъ единымъ словомъ заключилъ дверь предъ лицемъ всякаго созерцанія, и затворъ ея ввелъ внутрь молчанія, гдѣ умъ, если бы и могъ объявить о семъ, то не получилъ бы на то дозволенія. Пбо сказалъ, что все созерцанія, какія языкъ въ состояніи обнаружить въ тѣлесной области, суть мечтанія душевныхъ помысловъ, а не дѣйствіе благодати.

Паконецъ, преподобіе твое, памятуя сіе, да نابодастъ надъ мечтаніями помысловъ глубокихъ. А этой бранн всего чаще подвергаются, обыкновенно, монахи ума тонкаго, входящіе въ изслѣдованіе того, чѣмъ питается тщеславіе, воздѣлывающее нововведеній, и дѣлающіе все напоказъ.

Нѣкто, по имени Мамнасъ, ведя родъ свой изъ Эдессы, въ одно время сталъ изобрѣтателемъ ереси евкитовъ, тогда-какъ проводилъ высокое житіе и переносилъ самыя тяжкіе труды и скорби. Пбо говорятъ, что, бывъ ученикомъ блаженнаго Іуліана, называемаго Савою, на короткое время ходилъ съ нимъ на Синай и въ Египетъ, и видѣлъ великихъ Отцевъ того времени, видѣлъ блаженнаго Антонія, слышалъ отъ него таинственныя словеса, изглаголанныя имъ о чистотѣ и спасеніи душъ, слышалъ тонкіе вопросы о страстяхъ, въ которыхъ Антоній объяснялъ, что умъ, по очищеніи своемъ, имѣетъ созерцанія духовныхъ таинъ, и что душа можетъ, по благодати, сподобиться безстрастія, когда дѣла-

нѣмъ заповѣдей совлечется ветхихъ страстей, и прійдетъ въ здравіе первобытнаго своего естества. И когда Малиасъ въ цѣлѣ юности своєї выслушалъ слова сѣн, воспламенился какъ огонь, и пришелъ въ свой городъ; и такъ-какъ возгорѣлась въ немъ страсть славолобія, избралъ себѣ отшельническую хранищу, и посвятилъ себя на дѣла и жестокія скорби и непрестанныя молитвы. И когда возгорѣлась въ немъ страсть непомѣрнаго славолобія, то-есть надежда достигнуть ему тѣхъ высокихъ дарованій, о которыхъ онъ слышалъ; такъ-какъ не обучился онъ искусству противоборствовать врагамъ истины, не уразумѣлъ козней, обмановъ и ухищреній суностата, какими сильныхъ и крѣпкихъ увлѣкаетъ онъ въ погибель, надѣялся же только на дѣла, на скорби, на нестяжательность, на подвижничество, на воздержаніе, не пріобрѣтши самоумищженія, смиренія, сердечнаго сокрушенія,—сихъ непреодолимыхъ оружій при сопротивленіи лукаваго, не памятуя и Писанія, которое говоритъ: когда исполните дѣла, сохраните заповѣди, претерпите скорби, почитайте себя рабами непотребными; и только разжигаетъ былъ высокимъ о себѣ самомнѣніемъ, основанномъ на дѣланіи имъ житія своего, и старалъ желаніемъ высокихъ даровъ, о которыхъ слышалъ; — но истеченіи многаго времени, когда діаволь увидѣлъ, что нѣтъ у него дѣланія смиренія, а только воздѣлывается созерцанія, чтобы ощутить тайны, о которыхъ слышалъ, явился ему въ безырномъ свѣтѣ, говоря: «я — Углышитель, и посланъ къ тебѣ отъ Отца, чтобы сподобить тебя видѣть созерцаніе, котораго желася за дѣла свои,

дать тебѣ безстрастіе и на будущее время упокоить тебя отъ дѣль». Въ замѣтъ же сего злокозненный потребовалъ поклоненія у сего бѣднаго. И этотъ обыородѣвшій, посланку не ощутилъ брани лукаваго, немедленно съ радостію принялъ его, и поклонился ему, и тотже часъ сталъ подъ властію его. И врагъ, вмѣсто божественнаго созерцанія, наполнилъ его бѣсовскими мечтаніями, сдѣлалъ, что пересталъ онъ трудиться ради истины, возвысилъ его, и поругался надъ нимъ тщетною надеждою безстрастія, говоря ему: «теперь не имѣешь ты нужды въ дѣлахъ, въ злостраданіяхъ тѣла, въ борьбѣ со страстями и похотями»; и сдѣлалъ его ерессеначальникомъ евкитовъ. Когда же умножились они, и явно стало мерзкое и несправое ихъ ученіе, изгнаны они были тогдашнимъ Епископомъ.

И еще, нѣкто другой, по имени Аспнасъ, въ томъ же городѣ Одессѣ, сочинивъ многіе трилогіи, которые поются и донынѣ, проводилъ высокое житіе, и безразсудно связывалъ себя самыми трудными дѣлами, пока не прославился. Его обольстилъ діаволь, вывелъ изъ келій его, и поставилъ на верху горы, называемой Сторій, заключилъ съ нимъ договоръ, показалъ ему образъ колесницы и коней, и сказалъ ему: «Богъ послалъ меня поять тебя въ рай, какъ Илію». И какъ-скоро вдался тотъ въ обманъ младенческимъ своимъ разумомъ, и возшелъ на колесницу; разрушилась вся эта мечта, шнэринулся онъ съ великой высоты, уналъ оттуда на землю, и умеръ смертію достойною смѣха.

Не напрасно я сказалъ здѣсь это, но чтобы познать намъ поруганіе отъ бѣсовъ, жаждущихъ по-

гибелю свягыхъ, и не воздерживать не во время вы-
соты умнаго житія; а иначе, будемъ осмѣяны лука-
вымъ суностатомъ нашихъ: ибо и нынѣ вижу, что
юноши, исполненные страстей, необязательно суетлю-
вятся, и рѣшительно судятъ о тайнахъ безстрастія.

Въ разсужденіи людей, которые исполнены стра-
стей и входятъ въ изслѣдованіе объ отношеніяхъ
тѣлеснаго и безтѣлеснаго, а потому не отличаются
отъ большихъ, преподающихъ правило о сохране-
ніи здравія, однимъ изъ святыхъ написано: «Бла-
женный Павелъ, когда узналъ объ ученикахъ, ко-
торыя пренебрегали заповѣдями и не пренебѣдили
страстей, но воздерживали блаженства въ созерцаніи
таинъ, возможною по очищеніи, сказалъ имъ: со-
влекитесь сперва ветхаго чловѣка страстей, и тогда
воздерживайте облечься въ чловѣка новаго, обнов-
леннаго познаніемъ таинъ въ подобіе Творцу, и не
воздерживайте моего и прочихъ Апостоловъ блажен-
ства, дѣйственно совершеннаго благодатно; потому-
что Богъ, *егоже хочетъ, милуетъ; а егоже хочетъ,
ожесточаетъ* (Рим. 9, 18.). Ибо, кто протривоста-
нетъ лицу Его, или воспротривится воля Его? Богъ
даруетъ иногда тупе; иногда же требуетъ дѣлъ и
очищеній, и потомъ уже посылаетъ даръ; а иногда
и послѣ дѣлъ и очищенія не дастъ здѣсь, но хра-
нитъ, чтобы даровать созерцаніе на своемъ мѣстѣ».

Находимъ же, что такъ поступаетъ Онъ и въ
разсужденіи меньшаго въ сравненіи съ снѣмъ даромъ,—
разумно, прощеніе грѣховъ. Ибо вогъ, крещеніе
даруетъ тупе, и совершенно ничего не требуетъ
крѣмъ вѣры; при покаяніи же во грѣхахъ по кре-
щеніи не тупе прощаетъ, но требуетъ трудовъ,

скорбей, печалей, сокрушеній, слезъ, долговременнаго плача, и потомъ уже прощася. Разбойника туне простилъ за одно исповѣданіе словомъ на крестъ, и обѣтовалъ ему царство небесное; и у грѣшницы потребовалъ также вѣры и слезъ. А у мучениковъ и исповѣдниковъ, сверхъ сердечной ихъ вѣры, требовалъ скорбей, постязаній, строганія, мученій, многообразныхъ скорбей.

Посему, святыня твоя, убѣдившись симъ и подобнымъ тому, да взираетъ на первыхъ и послѣднихъ, и да не домогается созерцанія, когда не время созерцанію. И пока заключенъ ты въ мѣсть тѣла, будь рачителенъ въ дѣлахъ покаянія и противоборцъ страстей, терпѣливымъ въ дѣланіи заповѣдей, и остерегайся бѣсовскаго поруганія, а также проповѣдующихъ непреложное совершенство въ міръ страстномъ и удобопреклонномъ. Это выше даже и святыхъ Ангеловъ, сихъ служителей Отца и Духа; и они ожидаютъ обновленія въ посредствующемъ, чтобы освободиться отъ работы плетѣнія въ свободѣ чадъ Божіихъ. Ибо возможно ли совершенство здѣсь, гдѣ солнце восходитъ и заходитъ среди облаковъ, временемъ благораствореніе воздуха, а временемъ засухи, иногда радость, а иногда сѣтованіе? Чтò противно сему, то — часть волковъ, какъ сказалъ нѣкто изъ святыхъ. Богъ же да утвердитъ основаніе житія нашего истиннымъ утвержденіемъ и святымъ Своимъ ученіемъ. Ему подобася слава, держава и вельяніе нынѣ и въ вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 56.

О любви къ Богу, объ отреченіи отъ міра, и объ
успокоеніи въ Богѣ.

Душа, которая любитъ Бога, въ Богѣ и въ Немъ
единомъ пріобрѣтаетъ себѣ упокоеніе. Разрѣши
прежде на себѣ всякій вѣнншій союзъ, и тогда воз-
можешь быть сердцемъ въ союзъ съ Богомъ; по-
тому-что единенію съ Богомъ предпествуетъ отрѣ-
шеніе отъ всцества. Хлѣбъ дастся въ пищу мла-
дешу послѣ того, какъ откорилсѣ онъ молокомъ:
и человекъ, который намѣренъ преуспѣвать въ бо-
жественномъ, желаетъ прежде устранить себя отъ
міра, какъ младенецъ отъ объятій и сосцевъ матер-
нихъ. Тѣлесное дѣланіе предпествуетъ душевному,
какъ персть предпествовала душѣ, вдунутой въ
Адама. Кто не спскалъ тѣлеснаго дѣланія, тотъ
не можетъ пмѣть и душевнаго; потому-что послѣд-
нее раждается отъ перваго, какъ колось изъ пше-
ничнаго зерна. А кто не пмѣетъ душевнаго дѣла-
нія, тотъ лишается и духовныхъ дарованій.

Болезни, въ настоящемъ вѣкѣ переносимыя за
истину, нейдутъ въ сравненіе съ услажденіемъ, ка-
кое уготовано страждущимъ за доброс. Какъ за
сыющими въ слезахъ слѣдуютъ рукояти радованія:
такъ и за злостраданіемъ ради Бога послѣдуетъ
радость. Сладокъ кажется земледѣльцу хлѣбъ, до-
бытый потомъ: сладки и дѣланія ради правды сердцу,
пріявшему въдыніе Христово. Съ благою волею
претерпи и униженіе и смиреніе, чтобы пмѣть

тебѣ дерзновеніе предъ Богомъ. Человѣкъ, съ вѣдѣніемъ терни всякое жестокое слово, когда самъ не сдѣлалъ предварительно неправды изрекшему оное, хотя возлагаетъ при этомъ на главу свою терновый вѣнецъ, однакоже блаженъ, потому-что истинно увѣнчивается, тогда-какъ и самъ того не знаетъ.

Кто съ вѣдѣніемъ убогаетъ суетной славы, тотъ ощутилъ въ душѣ своей будущій вѣкъ. Кто говоритъ, что оставилъ міръ, и препирается съ людьми изъ-за какой-либо потребности, чтобы не было у него въ чемъ-либо недостатка къ упокоенію его; тотъ совершенно слѣпъ, потому-что, хотя добровольно оставилъ цѣлое тѣло, однакоже ратуетъ и препирается объ одномъ его членѣ. Кто бѣгаетъ покоя въ настоящей жизни, у того умъ соглядаетъ уже будущій вѣкъ. А кто связанъ любостыжательностію, тотъ рабъ страстей. Не думай, что одно пріобрѣтеніе золота и серебра есть любостыжательность; она есть пріобрѣтеніе, чего бы то ни было, такого, къ чему привязана воля твоя. Не хвали того, кто злостраждетъ тѣлесно, но у кого дана воля чувствовать, разумью же слухъ, зіяющія и не удержимыя уста и блуждающія очи. Когда предписываешь душѣ правила, устроить свое спасеніе милосердіемъ; пріучай душу свою не искать оправданія въ другихъ дѣлахъ, чтобы не оказалось, что дѣлаешь одною рукою и расточаешь другою: ибо тамъ потребность въ сѣрдоболѣи, а здѣсь въ широтѣ сердца. Знай же, что оставлять грѣхи должникамъ принадлежитъ къ дѣламъ правды. Тогда увидишь тишину и свѣтлость повсюду въ умѣ твоёмъ.

Когда вступишь на путь правды, тогда прильпнишь-ся къ свободѣ во всякомъ дѣлѣ.

Нѣкто изъ свитыхъ сказалъ объ этомъ: «слѣпъ милостивый, если не бываетъ справедливъ; разумѣю же, что долженъ давать другому изъ добытаго собственными усиліями и трудами, а не изъ добытаго ложью, неправдою, ухищреніями». И еще онъ же въ другомъ мѣстѣ сказалъ: «если угодно сѣять въ нищихъ, то сѣй изъ собственного. А если вознамѣришься сѣять изъ чужаго, то знай, это—самыя горькіе плевеы». А я присовокупляю, что, если милостивый не бываетъ выше своей правды, то онъ немилостивъ, т. е., милостивый не только даетъ людямъ милостыню изъ своего собственного, но и съ радостію терпитъ отъ другихъ неправду, и милуетъ ихъ. А когда пренобѣдитъ правду милостынею; тогда увеличивается не подзаконными вѣщами праведниковъ, но евангельскими вѣщами совершенныхъ. Ибо подавать нищимъ изъ собственности своей, одѣть нагаго, любить ближняго какъ себя самого, не обижать, не лгать, — это провозглашалъ и законъ ветхій; совершенство же евангельскаго домостроительства повелѣваетъ такъ: *отъ взимающаго твоя не истязуй, и всякому просящему дай* (Лук. 6, 30.). И должно съ радостію терпѣть не только несправедное отъятіе какой-либо вещи и прочее вѣншнее, но и самую душу полагать за брата. Тотъ милостивый, а не тотъ, кто подающимъ только оказываетъ милость брату своему! Но и тотъ милостивъ, кто услышитъ, или увидитъ, что-либо опечаливающее брата его, и возгорится сердцемъ; а равно и тотъ, кто, если за-

ушенъ братомъ своимъ , не вознижетъ столько безстыдства, чтобы отвѣчать и опечалить сердце его.

Почти дѣланіе бѣднѣя, чтобы найдти тебѣ утѣшеніе близкимъ къ душѣ твоей. Занимайся чтеніемъ въ безмолвіи, чтобы умъ твой всегда возводимъ былъ къ чудесамъ Божиимъ. Возлюбилъ съ терпѣніемъ нищету, чтобы собрать во-едино умъ свой отъ пареній. Возненавидѣ жизнь пространную, чтобы помышленія свои сохранить безмятежными. Удерживайся отъ многого, и заботься объ одной душѣ своей, чтобы спасти ее отъ расточенія внутренней тишины. Возлюбилъ цѣломудріе, чтобы не постыдиться во время молитвы своей предъ Богомъ. Пріобрѣтай чистоту въ дѣлахъ своихъ, чтобы озарилась душа твоя въ молитвѣ, и памятованіемъ о смерти возжигалась радость въ умѣ твоемъ. Остерегайся малаго, чтобы не впасть въ большое. Не будь лѣнивъ въ дѣланіи своемъ, чтобы не постыдиться, когда станешь среди друзей своихъ, и не оказаться ценнѣющимъ путевого запаса, почему друзья оставляютъ тебя одного среди пути. Съ вѣдѣніемъ веди дѣла свои, чтобы не быть осуждену за все свое теченіе. Пріобрѣти свободу въ жизни своей, чтобы освободиться отъ бури. Не связывай свободы своей тѣмъ, что служитъ къ наслажденію, чтобы не сдѣлаться тебѣ рабомъ рабовъ. Въ одѣянніи своемъ люби бѣдныя одежды, чтобы уничижить раждающіися въ тебѣ помышленія т. е. высокоуміе сердца. Кто любитъ блескъ, тотъ не можетъ пріобрѣсти смиренныхъ мыслей; потому-что сердце внутренно отпечатлѣвается по подобію вѣнннхъ образовъ.

Кто, любя пустословіе, умѣлъ пріобрѣсти чи-

стый умъ? Кто, домогаясь уловить людскую славу, могъ пріобрѣсти смиренныя помыслы, или кто, будучи невоздержнымъ и изнѣживъ свои члены, можетъ сдѣлаться чистъ умомъ и смиренъ сердцемъ? Когда умъ увлекается чувствами, тогда и онъ ѣстъ съ ними звериную пищу. А когда чувства увлечены умомъ, тогда они пріобщаются съ нимъ ангельской пищи.

За смирennemудріемъ слѣдуетъ воздержность и во всемъ ограниченность; а тщеславіе—служитель блуда и дѣло гордыни. Смирennemудріе, по причинѣ постоянного самоограниченія, приходитъ въ созерпаніе, украшаетъ же и душу цѣломудріемъ; а тщеславіе, по причинѣ непрестаннаго мятѣжа и смущенія помысловъ своихъ, изъ всего встрѣчающагося собираетъ нечистыя сокровища, и оскверняетъ сердце. Оно же еще ненужнымъ взоромъ смотритъ на природу вещей и занимаетъ умъ срамными представленіями; а смирennemудріе духовно ограничиваетъ себя созерцаніемъ и пріобрѣтшаго оное возбуждаетъ къ славословію.

Творящихъ значенія, чудеса и силы въ міръ не сравнивай съ безмолвствующими съ вѣдѣніемъ. Бездѣйственность безмолвія возмобы наче, нежели насыщеніе алчущихъ въ міръ и обращеніе многихъ народовъ къ поклоненію Богу. Лучше тебѣ самого себя разрѣшить отъ узъ грѣха, нежели рабовъ освобождать отъ рабства. Лучше тебѣ умириться съ душею твоею въ единомысліи тройственнаго въ тебѣ состава, т. е., тѣла, души и духа, нежели ученіемъ своимъ умиротворять разномысленныхъ. Григорій говоритъ: «хорошо богословствовать ради

Бога, но лучше сего для человека содѣлать себя чистымъ для Бога». Лучше тебѣ, будучи вѣдущимъ и опытнымъ, быть косноязычнымъ, нежели отъ остроты ума своего подобно рыбѣ источать ученія. Пользуйте для тебя позаботиться о томъ, чтобы надшес въ души твоей отъ страстей возставить возбужденіемъ помысленій своихъ къ божественному, нежели воскрешать умершихъ.

Многіе совершали склы, воскрешали мертвыхъ, трудились въ обращеніи заблудшихъ и творили великія чудеса, руками ихъ многіе приведены къ богопознанію, и послѣ всего этого сами, оживотворявши другихъ, впади въ мерзкія и гнусныя страсти, умертвили самихъ себя, и для многихъ сдѣлались соблазномъ, когда явны стали дѣянія ихъ; потому-что были еще въ душевномъ недугѣ, не заботились о здравіи душъ своихъ, но, сами будучи еще немощны, пустились въ море міра сего изцѣлять души другихъ; и, какъ сказалъ я, утратили для душъ своихъ надежду на Бога. Помошь чувствъ не въ состояніи была срѣтить и вывести пламень того, что обыкновенно приводитъ въ разсвирѣпѣніе лютость страстей; потому-что для чувствъ нужна была еще осторожность, и именно въ томъ, чтобы вовсе не видать женщинъ, не предаваться покою, не пріобрѣтать серебра и другихъ вещей, не начальствовать надъ другими, не превозноситься надъ ними.

Пусть лучше предполагаютъ тебя необразованнымъ за скудость въ тебѣ умныхъ прекословій, нежели однимъ изъ мудрыхъ за безстыдство. Будь нищъ ради смиренія, и не будь богаты ради без-

стыдства. Тѣхъ, которые держатся ученія прощнаго твоему, обличай силою добродѣтелей своихъ, а не убѣдительною словъ своихъ. Кротостию и спокойствіемъ устъ своихъ заграждай уста безстыдства непокорнымъ, и заставляй ихъ умолкнуть. Обличай развратныхъ благородствомъ житія своего, а тѣхъ, у кого безстыдны чувства,—воздержностию очей своихъ.

Всѣ дни жизни своей, куда бы ни пришелъ ты, признавай себя странникомъ, чтобы въ состояніи быть тебѣ избавитися отъ вреда, порождаемаго вольностию въ обращеніи. Во всякое время думай о себѣ, что ничего не знаешь, чтобы избѣжать тебѣ порицанія, но подозрѣнію, будто бы ты хочешь по своему установить мнѣніе другаго. Благословляй всегда устамъ, и не будутъ тебя злословить; потому что отъ злословія рождается злословіе, а отъ благословенія—благословеніе. Во всякомъ дѣлѣ почитай себя скуднымъ для того, чтобы учить, — и во всю жизнь свою будешь оказываться мудрымъ. Не сообщай другому, чего самъ не постигъ, чтобы не было тебѣ стыдно себя самого, и по сличеніи житія твоего не открылась ложь твоя. Если же станешь говорить кому что-либо полезное; то говори въ видѣ учащагося, а не со властію и безстыдствомъ и напередъ самъ себя осуди, и покажи, что ты ниже его, чтобы слушающимъ показать чинъ смиренія и побудить ихъ выслушать рѣчь твою и приступить къ дѣланію, и будешь почтенъ въ глазахъ ихъ. Если можешь; то въ подобныхъ случаяхъ говори со слезами, чтобы доставить пользу и себѣ, и слушающимъ тебя,—и съ тобою будетъ благодать Божія.

Если пріямъ ты благодать Божію, и сподобился насладиться зрѣніемъ судебъ Божіихъ и видимыхъ тварей, что составляетъ первую степень вѣдѣнія, то пріготовь себя, и вооружись противъ духа хулы. Но не стой въ странѣ этой безъ оружія, чтобы не умереть тебѣ вскорѣ отъ подстергающихъ и обольщающихъ тебя. Оружіемъ же твоимъ да будутъ слезы и непрестанный погѣ. Остерегайся чгтать ученія еретическихія; потому-что сіе всего чаще вооружаетъ на тебя духа хулы. А когда наполнишь чрево, не входи съ безстыдствомъ въ изслѣдованіе какихъ-либо предметовъ и понятій божественныхъ, чтобы тебѣ не раскаяваться. Выразумѣй же, что говорю тебѣ: съ наполненнымъ чревомъ невозможно вѣдѣніе таинъ Божіихъ. Часто, и не зная сытости, читай въ книгахъ учителей о Промыслѣ Божіемъ; потому что онѣ руководствуютъ умъ къ усмотрѣнію порядка въ тваряхъ и дѣлахъ Божіихъ, укрываютъ его собою, своею тонкостію пріготовляютъ его къ пріобрѣтенію свѣтозарныхъ мыслей, и дѣлаютъ, что въ чистотѣ идетъ онъ къ уразумѣнію тварей Божіихъ. Читай Евангеліе, завѣщанное Богомъ къ познанію цѣлой вселенной, чтобы пріобрѣсти себѣ напутствіе въ силѣ Промысла Его о всякомъ родѣ, и чтобы умъ твой погрузился въ чудеса Божіи. Таковое чтеніе согласуется съ твоєю цѣлю. Чтеніе же твое да будетъ въ не возмущаемой ничѣмъ тишинѣ: и будь свободенъ отъ многопомечительности о тѣлѣ и отъ житейскаго мятежа, чтобы ощутить въ душѣ своей, при сладостномъ уразумѣніи, самый сладостный вкусъ, превосходящій всякое ощущеніе, и чтобы душа ощу-

щала это по пребыванію своему въ томъ. Слова людей благопсусныхъ да не будутъ для тебя словани лицемеровъ, торгующихъ словомъ Божиимъ, чтобы не остаться тебѣ во тмѣ до конца жизни своей, не лишиться пользы отъ сихъ словъ, и во время брани не прійдти въ смятеніе, какъ смущенному, и повидимому нища добра, не впасть въ яму.

Во что ни намѣревался бы ты выкинуть, признакомъ вшествія (с) внутрь пусть будетъ для тебя слѣдующее. Когда благодать начнетъ отверзати очи твои для ощущенія зрѣніемъ предметовъ въ ихъ дѣйствительности; тогда очи твои въ тоже мгновеніе начнутъ изливаться ручьями слезы, такъ-что неразъ множествомъ ихъ омоются ланиты твои. И тогда брань чувствъ утихаетъ и сокращается внутри тебя. Если кто будетъ учить тебя противно сему, не вѣрь ему. Кромѣ слезъ не нищи другаго болѣе явнаго признака въ тѣлѣ. Когда же умъ возвысился надъ тварями; тогда и у тѣла не будетъ ни слезъ, ни всякаго движенія и ощущенія.

Медъ обрѣтъ, лждь умьренню, да не како пресыщенъ изблюеши (Прпт. 25, 16.). Естество души удободвижно и легко: иногда восторгаясь, воздеваетъ она восходитъ высоко, и дознавать, что выше ея естества, нерѣдко при чтеніи Писаній и воззрѣніи на вещи постигаетъ нѣчто; когда же будетъ понущено, и сравнитъ она себя съ постигнутымъ ею, тогда оказывается, что она въ мѣрѣ смотрѣнія своего ниже и меньше того, до чего

(с) Древ. слав. переводъ показываетъ, что здѣсь вмѣсто *тѣмѣ* *εἰσελθεῖν*, должно читать безъ отрицанія: *τῇ εἰσελθεῖν*.

простерлось въдѣніе ея, а потому въ помышленіяхъ своихъ облекается въ страхъ и трепеть, и въ болѣзни, какбы устыдившись, что отважилась коснуться высшихъ ея духовныхъ предметовъ, спѣшитъ снова возвратиться въ ничтожество свое. По причинѣ страха, внушаемаго предметамъ, находятъ на нее какая-то боязнь, и разсудокъ понавасть уму души обучаться молчанію и не быть безстыднымъ, чтобы не погибнуть, и не искать превосходящаго ее, не допытываться того, что выше ея. Поэтому, когда дана тебѣ возможность уразумѣвать, уразумѣвай, и не касайся съ безстыдствомъ тайнъ, но поклоняйся, славословь и благодари въ молчаніи. Какъ не хорошо ѣсть много меда, такъ не входи въ изслѣдованіе словесъ Божіихъ, чтобы, когда пожелаешь всматриваться въ отдаленные предметы, не приблизившись еще къ нимъ, по неудобству пути, не изнемогла и не повредила у тебя сила зрѣнія. Ибо иногда вмѣсто дѣйствительности видишь какіе-то призраки. И умъ, когда прійдетъ въ уныніе отъ изысканія, забываетъ цѣль свою. Посему прекрасно сказалъ Соломонъ, что, *якоже градъ неогражденъ*, такъ и человекъ нетерпѣливый (Прпт. 25, 29.). Поэтому, человекъ, очищай душу свою, свергни съ себя попеченіе о томъ, что въ твоего естества, на понятія и движенія свои повѣсь завѣсу цѣломудрія и смиренія, и чрезъ это найдешь, что внутри твоей природы; потому-что смиреннымъ дается откровеніе тайнъ.

Если намѣренъ ты предать душу свою на дѣло молитвы, очищающей умъ, и на пребываніе въ бодрствованіи ночью, чтобы приобрести свѣтлый

разумъ; то удаляйся отъ зрѣнія міра, прекрати свиданія съ людьми, не принимай въ келію свою, по обычаю, друзей, даже подъ видомъ пользы, кромѣ единоправныхъ, единомысленныхъ съ тобою и сотаинниковъ твоихъ; бойся примеси душевной бесѣды, которая обыкновенно возбуждается непронзвольно, по отъсеченіи, отрыженіи и совершенномъ прекращеніи вѣншей бесѣды. Съ молитвою твоею сопряги милостивно, и душа твоя узритъ свѣтъ истины. Ибо въ какой мѣрь сердце перестаетъ тревожиться вѣншими предметами, въ такой же умъ можетъ отъ уразумѣнія мыслей и дѣлъ божественныхъ доходить до постиженія и изумленія. Ибо думъ обычно скоро замѣнять (человѣческія собранія собесѣдованіемъ съ Богомъ и словами Божиими и (ж) одну бесѣду другою, если постарается показать малую рачительность. А чтобы замѣнить одно собесѣдованіе другимъ, занимайся чтеніемъ Писанія, открывающимъ тебѣ путь тонкости созерцанія, и житіями святыхъ, хотя сначала и не ощутишь сладости, по причинѣ омрачающей близости вещей.

И когда станешь на молитву и на правлю свое, то вмѣсто размышленія о томъ, что видѣлъ и слышалъ въ мѣрь, найдешь въ себѣ размышленіе о божественныхъ Писаніяхъ, какія прочесть, и снѣмъ размышленіемъ приведется въ забвеніе, что памятовалось о мірскомъ, а такимъ образомъ приходитъ умъ въ чистоту. И сіе значитъ написанное, что чтеніе помогаетъ думъ, когда станеть на молитву;

(ж) Слова, заключенныя въ скобкахъ, допущены изъ древн. слав. перевода.

и также: душа молитвою просвѣщается въ чтеніи. И чтеніе опять, вмѣсто вышней примѣси, доставляетъ нищу разнымъ видамъ молитвы, а потому и чтеніемъ душа просвѣщается, чтобы всегда молиться цельно и несмущенно.

Цѣло.побцамъ и чревоугодникамъ входитъ въ изслѣдованіе предмстовъ духовныхъ такъ-же непримично, какъ и блудницѣ разглагольствовать о цѣломудріи. Тѣло, крайне болѣзненное, отвращается и не терпитъ тучнаго въ снѣдахъ: и умъ, занятый мірскими, не можетъ приблизиться къ изслѣдованію божественнаго. Огонь не возгарается въ сырыхъ дровахъ: и божественная горячность не возжигается въ сердцѣ любящемъ покой. Блудница не остается въ пріязни съ однимъ: и душа, привязанная ко многимъ вещамъ, не пребываетъ вѣрною божественнымъ наставленіямъ. Какъ тотъ, кто не видалъ своими глазами солнца, не можетъ кому-либо описать его свѣта по одному слуху, даже и не ощущаетъ его свѣта: такъ и невкусившій душею своею сладости духовныхъ дѣлъ.

Если имѣешь что лишнее для дневной потребности, раздай это нищимъ, и иди съ дерзновеніемъ приносить молитвы свои, т. е. бесѣдуй съ Богомъ, какъ сынъ съ отцемъ. Нищо не можетъ такъ приблизить сердце къ Богу, какъ милостыня; и нищо не производитъ въ душѣ такой тишины, какъ произвольная нищета. Лучше, чтобы многіе называли тебя несвѣждою за простоту, нежели мудрымъ и совершеннымъ по уму, ради славы. Если кто, сидя на конѣ, протянетъ къ тебѣ руку, чтобы принять милостыню, не откажи ему; потому-что въ это

время онъ, безъ сомнѣнія, скуденъ какъ одинъ изъ нищихъ. Когда же подаешь, подавай съ великодушіемъ, съ ласковостію на лицѣ, и снабди въ больнѣйшій мѣръ, нежели сколько просить. Ибо сказано: *посли кусокъ твой на лице бѣднаго, и не по многомъ времени пайдеши воздаяніе* (Еккл. 11, 1.). Не отдѣляй богатаго отъ бѣднаго, и не старайся разнѣчивать достойнаго отъ недостойнаго: пусть все люди будутъ для тебя равны для добраго дѣла. Ибо снѣ съ способомъ можешь и недостойныхъ привлечь къ добру; потому-что душа посредствомъ тѣлеснаго скоро привлекается въ страхъ Божій. И Господь раздѣлялъ трапезу съ мытарями и блудницами, и не отлучалъ отъ себя недостойныхъ, чтобы снѣ съ способомъ всехъ привлечь въ страхъ Божій, и чтобы посредствомъ тѣлеснаго приблизились къ духовному. Поэтому, благотвореніемъ и честно уравнивай всехъ людей, будетъ ли кто іудей, или неверный, или убійца, тѣмъ паче, что и онъ братъ тебѣ, одной съ тобою природы, и не съ вѣдѣніемъ заблудился отъ петлы.

Когда сдѣлаешь кому добро, не жди отъ него воздаянія: и за то и за другое вознаградить тебя Богъ. А если возможно для тебя, дѣлай добро и не ради будущаго воздаянія. Если возложешь на душу свою правило нищеты, и, по благодати Божіей, освободишься отъ попеченій, и нищетою своею станешь выше міра; то смотри, не возлюби стяжанія по нищелюбію, для подаянія милостыни, не ввергни души своей въ смятеніе тѣмъ, что будешь брать у одного и давать другому; не уничтожь чести своей подлинностію людямъ, и прося у

нихъ, не утратъ свободы и благородства ума своего въ попеченіи о житейскомъ : потому-что степень твоя выше степени милостивыхъ; прошу тебя никакъ не подчиняться. Милостыня подобна воспитанію дѣтей, а безмолвіе — верхъ совершенства. Ежели есть у тебя питье, расточи его вдругъ. Если же ничего не пьешь, и не желай пить. Очисти келью свою отъ роскоши и отъ излишествъ, потому-что сіе поведетъ тебя къ воздержанію невольному, хотя бы ты и не хотѣлъ. Скудость во всемъ учитъ человека воздержанію, а когда дозволили мы себѣ пить то и другое, тогда не въ состояніи бываемъ воздерживать себя.

Одержавшіе побѣду въ бранн вѣншней, возмущены смѣлостью не бояться самой внутренней брани; и ничто не побуждаетъ ихъ къ опасенію, не беспокоятся они о бранн, угрожающей имъ спереди или сзади; разумно же брань, воздвигаемую на душу чувствами и нерадѣніемъ, наприимѣръ слухомъ, языкомъ, или когда даемъ и беремъ. Все это, входя въ душу, производитъ въ ней ослѣпленіе. И при наступленіи вѣншнаго смятенія не можетъ она быть внимательною къ себѣ въ воздвигаемой на нее тайной бранн, и возстающихъ внутри ся побуждать тишиною. А когда человекъ затворитъ врата градскіе, т. е. чувства: тогда ратуетъ внутри, и не боится злоумышляющихъ въ града.

Блаженъ, кто знаетъ это, пребываетъ въ безмолвіи, и не тревожитъ себя множествомъ дѣлъ, всю тѣлесную дѣятельность обратилъ на трудъ молитвенный, и увѣрился, что, пока трудится съ Богомъ, и о Немъ мыслитъ попеченіе день и ночь, не

будеть нѣтъ недостатка въ чемъ-либо крайне необходимомъ ; потому-что для Бога удаляется отъ разсѣянiя и отъ труда. Если же кто не можетъ пребывать въ безмолвіи безъ руководiя; то пусть работаетъ, пользуясь руководiемъ какъ пособіемъ, а не для выгоды, изъ корыстолюбія. Руководiе назначается для немощныхъ, а для болѣе совершенныхъ оно бываетъ причиною смятенiя. Ибо нищимъ (3) и лѣнливымъ Отцы положили заниматься работою, но не какъ дѣломъ необходимымъ.

Въ то время какъ Богъ внутренно приводитъ сердце твое въ умиленіе, непрестанно твори поклоны и коленопреклоненiя. Не попускай сердцу своему заботиться о чемъ-нибудь, когда демоны начнутъ убѣждать тебя заниматься другими дѣлами; и тогда смотри, и удиви, что произойдетъ у тебя изъ этого. Ничего другое въ подвижническихъ боренiяхъ не бываетъ такъ важно и трудно, и не возбуждаетъ такой зависти въ бѣсахъ, какъ если повергаетъ кто себя предъ крестомъ Христовымъ, молясь день и ночь, и бываетъ какбы съ связанными назадъ руками. Хочешь ли не охладѣть въ своей горячности, и не обвинять слезами, займись этимъ; и блаженъ ты, человекъ, если о сказанномъ тебѣ будешь заботиться день и ночь, и не станешь домогаться ничего другаго. Тогда возсіяетъ внутри тебя свѣтъ, и правда твоя возблистаетъ скоро, и будешь какъ садъ цвѣтущій, и какъ источникъ неоскудѣвающій водою.

(3) Чтеніе греческаго текста подтверждается древними переводами славянскимъ и сербскимъ.

Смотри, какія блага пораждаются человеку отъ подвиговъ. Перьдко бываетъ, что человекъ преклонилъ колѣна въ молитвъ, и руки его воздѣты къ небесамъ, лице устремлено на крестъ Христовъ, и все помышленія свои собираетъ онъ во-едино въ молитвъ къ Богу; и пока человекъ молится Богу со слезами и умиленіемъ, въ тотъ самый часъ вдругъ внезапно воскипаетъ въ сердце его источникъ, изливающийъ услажденіе, члены его расслабываютъ, очи закрываются, лице попускаетъ къ землѣ, и помышленія его измѣняются, такъ-что не можетъ онъ сдѣлать поклона отъ радости, возбуждающейся въ цѣломъ тѣлѣ его. Обрати вниманіе, человекъ, на то, что читася. Ибо если не будешь подвизаться, то не обрѣтешь, и если не будешь съ горячностью ударять въ двери и непрестанно пребывать при нихъ во бдѣніи, то не будешь слышать.

Кто, слыша это, пожелаетъ вѣншей праведности, кромѣ неспособнаго пребывать въ безмолвіи? Впрочемъ, если кто не можетъ упражняться въ безмолвіи (потому-что благодатно Божіею дастся человеку быть внутри двери), то пусть не оставляетъ другаго пути, чтобы иначе не утратить части на двухъ путяхъ жизни. Пока вѣншій человекъ не умретъ для всего мірскаго, не только для грѣха, но и для всякаго тѣлеснаго дѣланія, а также и внутренний человекъ—для лукавыхъ мыслей, и не изнеможетъ естественное движеніе тѣла до того, чтобы не возбуждалась въ сердце грѣховная сладость, доколь и сладость Духа Божія не возбудится въ человекъ, члены его не примугъ чи-

стоты въ жизни сей, божественныя мысли не войдутъ въ душу его и пребудутъ неощутимыми и незримыми. И пока человекъ въ сердце своемъ не приведетъ въ бездѣйствіе поначенія о житейскомъ, кромѣ необходимыхъ потребностей естества, и не предоставитъ заботиться о семъ Богу; дотолѣ не возбудится въ немъ духовное упоеніе, и не испытаетъ онъ того утѣшенія (и), каковымъ утѣшался Апостоль (Гал. 2, 20.). Сказалъ же я это, не отсыкая надѣжды, будто-бы, если кто не достигаетъ верха совершенства, то не сподобится благодати Божіей, и не срѣтитъ Его утѣшеніе. Пбо дѣйствительно, какъ-скоро человекъ презритъ неумѣстное, и совершенно удалится отъ сего, и обратится къ добру, въ скоромъ времени ощутишь помощь. Если же употребитъ нѣсколько успія, то найдетъ утѣшеніе душъ своей, улучшить отиущеніе грѣхонаденій, сподобится благодати и пріиметъ множество благъ. Впрочемъ, онъ меньше въ сравненіи съ совершенствомъ того, кто отлучилъ себя отъ міра, обрѣлъ въ душѣ своей тайну тамошняго блаженства, и постигъ то, для чего пришелъ Христосъ. Ему слава со Отцемъ и со Святимъ Духомъ нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

(и) Древн. слав. переводъ показываетъ, что здѣсь вмѣсто τῆς παρακλησίας должно читать τῆς παρακλήσεως. То-же подтверждаетъ и переводъ сербскій.

С Л О В О 57.

ОТЪ УДАЛЕНІИ ОТЪ МІРА И ОТЪ ВСЕГО СМУЩАЮЩАГО УМЪ.

Великую честь оказалъ Богъ людямъ двоякимъ обученіемъ, какимъ одарилъ ихъ, и повсюду отверзъ имъ затворенную дверь для вшествія въ спасительное познаніе. Желательнъ ли тебѣ вѣрный свидѣтель сказаннаго? Будь самъ въ себѣ, и не погибнешь. А если хочешь узнать это и отвѣтъ, то имѣешь много учителя и свидѣтеля, который безоплачно выведетъ тебя на путь истины.

Умъ смущенный не можетъ избѣжать забвенія. И премудрость не отверзаетъ таковому двери своей. Кто съ точнымъ вѣдѣніемъ возмогъ постигнуть, къ какому равенству ведетъ общій всѣхъ конецъ; тотъ для отреченія отъ житейскаго не имѣетъ нужды въ иномъ учителѣ. Первоначально данный Богомъ чело-вѣку естественный законъ есть разсматриваніе тварей Его. Законъ писанный призокупленъ по паденіи.

Кто не удаляется добровольно отъ причинъ страстей, тотъ невольно увлекается въ грѣхъ. Причины же грѣха суть слѣдующія: вино, женщины, богатство, тѣлесное здравіе, впрочемъ не потому, что это суть грѣхи по самому естеству, но потому-что природа удобно склоняется сичъ въ грѣховныя страсти; и потому, чело-вѣкъ долженъ тщательно остерегаться сего. Если всегда будешь памятовать немощь свою; то не преступишь предѣла осторожности. Людямъ гнуса шидета, а Богу гораздо больше гнусны душа высокосердая и умъ наярій. У людей

почтенно богатство; а у Бога досточестна душа смиренная.

Когда хочешь положить начало добродѣланію; пріуготовься сперва къ постигающимъ тебя искушеніямъ, и не сомнѣвайся въ истинѣ. Ибо у врага въ обычаѣ, когда увидитъ, что съ горячею вѣрою началъ кто-либо доброе житіе, встрѣчать его разными страшными искушеніями, чтобы, пришедши отъ сего въ страхъ, охладѣлъ онъ въ добромъ произволеніи, и вовсе не имѣлъ горячности приближаться къ богоугодному дѣланію. И сопротивникъ дѣластъ это, не потому что имѣетъ такую силу (тогда никто не могъ бы сдѣлать что-либо доброе), но потому-что попускается ему Богомъ, какъ дознали мы на праведномъ Іовѣ. Посему, уготовься мужественно встрѣтить искушенія, какія посылаются на добродѣтели, и потомъ уже начинай ихъ дѣланіе. А если не будешь пріуготовленъ къ срьтешію искушеній; то удержишься отъ дѣланія добродѣтелей.

Человѣкъ сомнѣвающийся, что Богъ помощникъ въ добромъ дѣланіи, бѣтается тѣни своей, и во время достатка и обилія томится голодомъ, и при окружающей его тишинѣ исполняется буря. А кто уповасть на Бога, тотъ твердъ въ сердцѣ, и всѣмъ людямъ явна досточестность его, и предъ врагами его похвала его.

Заповѣди Божіи выше всѣхъ сокровищъ міра. Кто стяжалъ ихъ, тотъ внутри себя обрѣтаетъ Бога. Кто упокоивается всегда въ Божіемъ помыслѣ, тотъ Бога пріобрѣтъ домопріставникомъ. Кто воздѣлываетъ исполненія воли Божіей, тотъ небесныхъ Ангеловъ будетъ имѣть путеводителями. Кто бѣтается

грѣховъ, тотъ безпреткновенно совершитъ страшное шествіе, и во время сумрака предъ собою и внутри себя обрѣтетъ свѣтъ. Стоны боящагося грѣховъ охраняетъ Господь, и во время поползновенія предвѣщаетъ его милость Божія. Кто прегрѣшенія свои почитаеъ малыми, тотъ впадаетъ въ худшее прежняго, и несетъ седьмикратное наказаніе.

Въ смиреніи посылай милостыню, и пожнешь милость на судѣ. Чѣмъ погубилъ ты доброе, тѣмъ снова пріобрѣтай оное. Оволюмъ задолжалъ ты Богу, за оволь не возьмешь съ тебя жемчужины. Напримѣръ: погубилъ ты цѣломудріе; Богъ не пріиметъ отъ тебя милостыни, если пребываешь въ блудѣ, потому-что хочетъ отъ тебя святыни тѣла, такъ-какъ преступилъ ты заповѣдь. Ужели, думая оставить стяжаніе міра, будешь вести брань за что-либо иное? Оставилъ ты насажденное, и съ другими развѣ пришелъ ратовать?

Святый Ефремъ сказалъ, что во время жатвы не будешь противоборствовать зною злыми одесдами. Такъ каждый, что съѣсть, то и пожнетъ. И всякій недугъ врачуется свойственными ему лѣкарствами. Ты, можешь быть, побужденъ завистію; для чего же усиливашься бороться со сномъ? Пока проступокъ еще малъ и не созрѣлъ, истреби его, прежде нежели пустилъ вѣтви въ широту и сталъ созрѣвать. Не предавайся нерадѣнію, когда недостатокъ кажется тебѣ малымъ; потому-что въ послѣдствіи найдешь въ немъ безчеловѣчнаго властелина, и побѣдишь передъ нимъ, какъ рабъ узникъ. А кто въ началѣ противоборствуетъ страсти, тотъ вскорѣ возгосподствуетъ надъ нею.

Кто может съ радостію перенести общду, даже нѣтъ въ рукахъ средство отразить се, тотъ пріимъ утѣщеніе отъ Бога по вѣрѣ въ Него. И кто съ смиренномудріемъ терпѣтъ вводимыя на него обвиненія, тотъ достигъ совершенства, и ему удивляются святыя Ангелы. Пбо никакая иная добродѣтель не будетъ столько высока и неудобноисполнима.

Не вѣрь себѣ, что ты смиренъ, пока не будешь искушенъ, и не найдешь себя неизмѣняемымъ. Такъ и во всемъ испытывай себя. Пріобрѣти въ себѣ правую вѣру, чтобы погнать тебѣ враговъ твоихъ. Пусть умъ твой будетъ не высокоумѣренъ, и не полагайся на силу твою, чтобы не попустио быти внасть тебѣ въ естественную немощь; и тогда по собственному своему наденію познаешь немощь свою. Не доверяй своему знанію, чтобы врагъ, вошедши въ посредство, не уловилъ тебя своею хитростію. Пусть языкъ твой будетъ кротокъ, и конечно, не встрѣтитъ съ тобою безчестіе. Пріобрѣти уста сладкія, и всѣ будутъ тебѣ друзьями. Не хвались никогда въ рѣчахъ своихъ дѣлами своими, чтобы не быть постыжденнымъ. Во всемъ, чѣмъ ни хвалятся человекъ, Богъ попускаетъ ему измѣняться, чтобы онъ былъ униженъ, и научился смиренію. Поэтому, долженъ ты все предоставить Божію предвѣдѣнію, и не увѣряться въ томъ, будто-бы въ этой жизни есть что-либо неизмѣняемое.

Поступая же такъ, возводи непрестанно око свое къ Богу; потому-что покровъ и Промыслъ Божій объемлетъ всѣхъ людей, но онъ невидимъ, развѣ только очистившимъ себя отъ грѣха, и помысливающимъ всегда о Богѣ, и притомъ о Немъ единомъ.

Преимущественно же открывается намъ Промыслъ Божій, когда ради Бога входятъ они въ великое искушеніе. Ибо тогда оцущаютъ они Промыслъ Божій, какбы усматривая его тѣлесными очами, сообразно съ мѣрою и причиною искушенія, какое постигаетъ каждаго изъ нихъ, чтобы подвижниковъ сихъ возбудить къ мужеству, какъ было съ Іаковомъ, Іисусомъ Навиномъ, тремя отроками, Петромъ и прочими святыми, которымъ являлся въ человѣческомъ нѣкоемъ видѣ, ободряя и утверждая ихъ въ благочестіи. Если же скажешь, что сіе даровано отъ Бога святымъ по домостроенству, и они одни исключительно сподобились таковыхъ видѣній, то пусть образцами въ мужествѣ будутъ для тебя святыя мученики, которые перѣдко многіе вмѣстѣ, а иногда одинъ по одному, во многихъ и разныхъ мѣстахъ, подвизались за Христа, и наседшею на нихъ силою мужественно претерпѣли въ бранныхъ тѣлахъ строганіе желѣзомъ, и всякаго рода мученія, нестерпимыя для естества. Ибо таковымъ явственно являлись святыя Ангелы, чтобы каждому изъ нихъ дознать, какъ на нихъ, ради Бога въ полной мѣрѣ претерпѣвшихъ всякое искушеніе и всякую скорбь, обильно являетъ себя Божій Промыслъ, въ показаніе ихъ доблести и въ посярваніе враговъ ихъ. Ибо сколько святыя мужались при таковыхъ видѣніяхъ, столько противники терпѣніемъ ихъ были раздражаемы и приводимы въ цѣпетовство.

Нужно ли говорить что о подвижникахъ, чуждыхъ для міра, и объ отшельникахъ? Они пустынно содѣлали градомъ, обратили въ селеніе и обитель Ангеловъ. Къ нимъ, по благоустройству житія ихъ,

всегда приходили Ангелы; и какъ ратники единого Владыки, по временамъ сорогивали они другъ другу. Они весь дни жизни своей любилъ пустыню, и изъ любви къ Богу пѣли жилища свои въ горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. И какъ они, оставивъ земное, возлюбилъ небесное, и содѣлались подражателями Ангеловъ; то и самые святые Ангелы по справедливости не скрывали за это отъ нихъ зрака своего, и исполняли всякое желаніе ихъ, по временамъ же являлись имъ, научая, какъ надлежитъ имъ жить, а иногда объясняли то, въ чемъ недоумѣвали они; а иногда сами святые вопрошали ихъ, о чемъ надлежало; иногда Ангелы наставляли на путь тѣхъ изъ нихъ, которые заблуждались; иногда избавляли тѣхъ, которые впадали въ искушенія; иногда, при внезапной бѣдѣ и угрожающей опасности, избавляли ихъ отъ этого, спасая, напримеръ, отъ змѣи, или отъ камня, или отъ куска дерева, или отъ верженія камня; иногда, если врагъ явно нападалъ на святыхъ, являлись видимымъ образомъ, и говорили, что посланы на помощь къ нимъ, и придавали имъ смѣлость, отважность и отраду; а въ иное время совершали чрезъ нихъ изцѣленія, иногда же изцѣляли самихъ святыхъ, подвергшихся какимъ-либо страданіямъ; иногда тѣла ихъ, изнемогшимъ отъ неяденія, прикосновеніемъ рукъ, или словами сообщали сверхъестественную силу, и укрывали ихъ; иногда же приносили имъ пищу, хлѣбъ и даже овощи (1), или какія-либо другія съ мѣ-

(1) Собственно . лупины , овощи , имѣющіе горьчичное свойство.

богъ вкушаемыя спѣди; и нѣкоторымъ изъ нихъ объявляи время, а инымъ и образъ, ихъ представленія. И должно ли перечислять многое, чѣмъ доказывается любовь къ намъ святыхъ Ангеловъ, и все возможное попеченіе ихъ о праведныхъ? Они промышляютъ о насъ, какъ старшіе братья о младшихъ. Сказано же сіе, чтобы всякій могъ дознать, что *близъ Господь всѣмъ болящимся Его* (Пс. 144, 18.), и видѣть, каково промышленіе Его о тѣхъ, которые посвятили себя на благоугожденіе Ему, и отъ всего сердца ему послѣдуютъ.

Если вѣруешь, что Богъ промышляетъ о тебѣ, къ чему тебѣ беспокоиться и заботиться о временномъ и о потребномъ для плоти твоей? А если не вѣруешь, что Богъ промышляетъ, и потому, кромѣ Его, самъ заботишься о потребномъ для тебя; то ты самый жалкій изъ всѣхъ людей. Для чего и живешь, или будешь жить? *Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаешь* (Пс. 54, 23.). *И не убоишися страха нашедшаго* (Притч. 3, 25.).

Кто однажды навсегда посвятилъ себя Богу, тотъ проводитъ жизнь въ упокоеніи ума. Безъ нестяжательности душа не можетъ освободиться отъ вѣтежа помысловъ, и не приведа въ безмолвіе чувствъ, не ощутить мира въ мысли. Не входя въ искушенія, никто не пріобрѣтеть духовной мудрости. Безъ прилежнаго чтенія не узнастъ тонкости помысловъ. Безъ тишины помысловъ умъ не подвигнется въ сокровенныя таинства. Безъ упованія по вѣрѣ душа не можетъ отважиться смѣло на искушенія. Не испытавъ явственнаго покровительства Божія, сердце не въ состояніи надѣяться на Бога. Если душа не

вкусить съ вѣдѣніемъ страданій Христовыхъ, то не будетъ имѣть общенія со Христомъ.

Человѣкомъ Божиимъ почитай того, кто по великому сердоболію умертвилъ себя для необходимой потребности. Ибо кто милуетъ нищаго, тотъ почитаемъ о себѣ имѣть Бога. И кто ради Бога обнищаетъ, тотъ обрѣтеть неоскудывающія сокровища.

Богъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды; но увеселяется, когда видитъ, что человѣкъ упокоиваетъ образъ Его, и чтитъ оный ради Него. Когда попроситъ кто у тебя того, что имѣешь ты, не говори въ сердцѣ своемъ: «оставляю это души моей, чтобы упокоиться въ этомъ; Богъ изъ другаго мѣста подастъ ему потребное для него». Такія слова приличны людямъ несправедливымъ и незнающимъ Бога. Человѣкъ справедливый и добрый не дастъ чести своей ни кому, и не поустыитъ, чтобы время благодати проходило безъ дѣла. Человѣкъ нищій и нуждающійся снабжается отъ Бога, потому-что Господь никого не оставляетъ; но ты, отославъ отъ себя убогаго, уклонился отъ чести, данной тебѣ Богомъ, и удалилъ отъ себя благодать Его. Посему, когда даешь, веселись и говори: «слава Тебѣ, Боже, что сподобилъ меня пайдти, кого упокоить!»! Если же нечего тебѣ дать; наче радуешься, и благодаря Бога, говори: «благодарю Тебя, Боже мой, что далъ мнѣ благодать эту и честь—обнищать ради имени Твоего, и сподобилъ меня вкусить скорби, положенной на пути заповѣдей Твоихъ, въ пелугъ и нищету, какъ вкушати святыя Твои, шествовавшіе путемъ снѣгъ»!

И когда изнемогаешь, говори: «блаженъ сподо-

бывшійся быть искушеннымъ отъ Бога въ томъ, за что наслѣдуетъ жизнь». Ибо недуги насылаетъ Богъ для здравія души. Кто изъ святыхъ сказалъ: «замѣчать я, что монаху, который не работаетъ благоугодно Господу, и не подвизается ревностно о спасеніи души своей, непременно попускается Богомъ впадать въ искушенія, чтобы не оставался онъ празднымъ, и отъ многой своей праздности не уклонился въ худшее». Посему-то Богъ налагаетъ искушеніе на лѣнливыхъ и нерадивыхъ, чтобы помыслили они объ искушеніяхъ, а не о суетномъ. Творитъ же сіе Богъ всегда съ любящими Его, чтобы вразумить, умудрить и научить ихъ волю Своею. И когда будутъ умолять Его, нескоро внемлетъ имъ, пока не изнемогутъ, и пока несомнѣнно не познаютъ, что за нерадіе и за лѣность ихъ приключилось съ ними это. Ибо написано: *егда прострете руки ваши до Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ; и аще умножите моленіе, не услышу васъ* (Исаіи 1, 15.). И хотя говорится сіе и о другихъ, однакоже написано собственно объ оставившихъ нутъ Господень.

Но поелику говорятъ, что Богъ многомощивъ; то почему же, когда постоянно тощемъ и просимъ въ искушеніяхъ, не бываемъ услышаны, но презираетъ Онъ прошеніе наше? Сему, конечно, учить насъ Пророкъ, говоря: не мала рука Господня, чтобы помшловать, и не тяжель Господь слухомъ, чтобы слышать. Но грѣхи наши разлучили насъ съ Нимъ, и беззаконія наши отвратили лице Его, чтобы не слышать (Исаіи 59, 1.). Во всякое время воспоминай о Богѣ, и Онъ воспомянетъ о тебѣ, когда впадеши въ бѣды.

Естество твое сдѣлалось удобно пріемлющимъ въ себя страсти, много искушеній въ настоящемъ мірѣ, недалеко отъ тебя зло, и источается внутри тебѣ и подъ ногами твоими. Не сходи съ того мѣста, на которомъ сталъ. Когда соизволитъ Богъ, освободишься отъ сего. Какъ близки между собою выки на глазахъ, такъ искушенія близки къ людямъ; и Богъ предустроилъ сіе премудро для пользы твоей, чтобы ты постоянно ударялъ въ дверь Его, чтобы страхомъ скорбнаго всѣвалось памятованіе о Немъ въ умъ твоимъ, чтобы къ Нему приближался ты въ молитвахъ, и освящалось сердце твое непрестаннымъ памятованіемъ о Немъ. И когда будешь умолять, услышитъ тебя; и дознаешь, что избавляющій тебя есть Богъ, и признаешь Создавшаго тебя, Промыслившаго о тебѣ, Хранящаго тебя, и Сотворившаго для тебя сугубый міръ,—одинъ, какъ временнаго учителя и пастыря, другой, какъ отеческій домъ и вѣчное послѣдіе. Богъ не сотворилъ тебя недоступнымъ прискорбному, чтобы и тебѣ, возжелавъ Божества, не послѣдовать того же, что послѣдовалъ бывшій первоначально денницею, а въ послѣдствіи за превозношеніе ставшій сатаною. А также не сотворилъ тебя неуклоннымъ и неподвижнымъ, чтобы не солгаться тебѣ подобнымъ естеству неодушевленныхъ тварей, и чтобы доброе въ тебѣ не осталось для тебя безвыгоднымъ и незаслуживающимъ награды, какъ естественныя скотскія преимущества въ безсловесныхъ. Ибо всякому легко понять, сколько раждается пользы, благодаренія и смиренія отъ того, что изощрены противъ тебя сѣи жала.

Посему явну, что въ нашей возможности подвизаться въ добръ и уклоняться отъ худаго, и что памь усвоятся проистекающія отъ того, и честь, и безчестіе. Постыждаемые безчестіемъ мы боимся, возбуждаемые же честію приносимъ благодареніе Богу, и простираемся къ добродетели. Богъ умножилъ снхъ пѣстунѡвъ, чтобы ты, освободившись отъ ихъ, содѣлавшись недоступнымъ для скорбей, и ставъ выше всякаго страха, не забылъ Госнода Бога твоего, не уклонился отъ Цего, и не вналъ въ многобожіе, какъ многіе другіе, хотя были подобострастны тебѣ и поражаемы такимъ же горестями, въ одно мгновеніе времени, но причинъ временной и малозначительной власти или тѣлесной доброты, не только внали въ многобожіе, но и себя самихъ дерзнули несмысленно именовать богами. Посему-то Богъ попустилъ быть тебѣ въ скорбяхъ. А иногда попускаетъ и для того, чтобы ты, уклонившись, не преогорчилъ Его, и чтобы Ему, подвергнувъ наказанію, не истребить тебя отъ лица Своего. Не буду говорить о нечестіи и о прочихъ хулахъ, пораждаемыхъ благоденствіемъ и необязпнностію жизни, когда и сказаннаго предъ снмъ не осмылится пный выговорить. Посему-то, страданіями и страстями Богъ умножилъ въ сердце твоемъ намятованіе о Немъ, и страхомъ противнаго побудилъ тебя приступить ко вратамъ Его милосердія, и избавленіемъ отъ сего вселить въ тебя любовь къ Нему; вложивъ же въ тебя любовь, приблизилъ къ Себѣ честію сыноположенія, и показалъ тебѣ, сколько богата благодать Его. Пбо откуда узнать бы тебѣ такую Его промыслительность и благопопечитель-

ность, если бы не встрѣтилось тебѣ ничего противнаго? Поэтому, любовь къ Богу всего болѣе можетъ быть умножена въ душѣ твоей снѣзъ именно, то-ссть, уразумѣніемъ дарованій Его, и памятованіемъ о прензбыткѣ промышленія Его. Всѣ снѣзъ блага пораждаются для тебя горестями, чтобы научился ты благодарить. Наконецъ, памятуй о Богѣ, чтобы и Онъ всегда памятовалъ о тебѣ. А когда будетъ памятовать о тебѣ, и спасетъ тебя; тогда пріимешь отъ Него всякое блаженство. Не забывай Его, паря мыслѣно въ суетномъ, чтобы и Онъ не забылъ тебя во время браней твоихъ. Будь послушенъ Ему въ пзобиліи своемъ, чтобы въ скорбяхъ имѣть предъ Нимъ дерзновеніе, въ сердечной и постоянной къ Нему молитвѣ.

Непрестанно очищай себя предъ Господомъ, имѣя въ сердцѣ своемъ памятованіе о Немъ, чтобы, пробывъ долго безъ памятованія о Немъ, не оказаться тебѣ неспѣвающимъ дерзновенія, когда приходишь къ Нему. Ибо дерзновеніе предъ Богомъ бываетъ слѣдствіемъ частаго съ нимъ собесѣдованія и многой молитвы. Сношеніе съ людьми и продолженіе онаго бываетъ посредствомъ тѣла; а сношеніе съ Богомъ посредствомъ душевнаго памятованія, внимательности въ молитвахъ и всеожженія. Долговременнымъ сохраненіемъ памятованія о Богѣ душа по временамъ приводится въ пзумленіе и удивленіе. *Да возвеселится сердце ищущихъ Господа. Взыщете Господа осужденные, и утвердитесь надеждою; взыщете лица Его покаянiемъ* (Псал. 104, 3. 4.) и освятитесь святынею лица Его, и очиститесь отъ грѣховъ своихъ. Всѣ виновные во грѣхахъ притекли ко Го-

споду, Который можетъ простить грѣхъ и презрѣть прегрѣшенія. Ибо съ клятвою изрекъ Онъ чрезъ Пророка: *живу Азъ, глаголетъ Господь, не хочу смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему* (Іезек. 33, 11.); и еще: *прострохъ руцѣ Мои весь день къ людямъ непокаряющимся и противуглаголюющимъ* (Исаи 65, 2.); и еще: *вскую умирете домъ Израилевъ* (Іезек. 38, 11.), *обратитесь ко Миѣ и обращаюся къ вамъ* (Мал. 3, 7.); и еще: въ тотъ день, въ который грѣшникъ оставитъ путь свой, и обратится ко Господу, и сотворитъ судъ и правду, беззаконій его не помяну, но живя живъ будетъ, глаголетъ Господь. И если праведникъ оставитъ правду свою, и согрѣшивъ содѣлаетъ неправду, правды его не помяну, но пополезное положу предъ нимъ, и во тѣхъ дѣлахъ своихъ, пребывъ въ нихъ, умретъ онъ (Іезек. 18, 21—24.). Почему же это? потому-что грѣшникъ не преткнется въ грѣхъ своемъ въ тотъ день, въ который обратится ко Господу; и правда праведнаго не избавитъ его въ тотъ день, въ который согрѣшитъ, если пребудетъ онъ въ таковомъ грѣхѣ. А Іереміи такъ сказалъ Богъ: *возьми себѣ свитокъ книжный и что сказалъ Я тебѣ, напиши: отъ дней Іосіа царя Іудина и до сего дне вся злая; что, какъ сказалъ Я, наведу на народъ сей, да услышавъ и убоявшись, оставитъ человекъ путь свой лукавый, и обратившись покается, и отыметъ грѣхъ ихъ* (Іер. 36, 2. 3.). И Премудрость изрекла: *покрываяй грѣхъ свой не будетъ ни къ чему годенъ; а кто исповѣдуется грѣхъ свои, и оставитъ ихъ позади себя, тотъ сподобится милости отъ Бога* (Притч. 28, 13.). И Исаи гово-

ригъ: *взыщите Господа, и взыскавъ, призовите Его, и приблизившись, да оставитъ путь свой грѣшникъ, и мужъ неправедный совѣты своя, и да обратится ко Мнѣ, и помилую васъ. Не суть бо совѣты Мои, якоже совѣты ваши, ниже пути Мои, якоже пути ваша* (Исаіи 55, 6—8.). *Аще послушаете Мене, благая земли съѣсте* (Исаіи 1, 19.). Приидите ко Мнѣ, и послушайте Меня, и живы будете душею вашею. Когда сохранишь пути Господни, и сотворишь волю Господню; тогда надѣйся на Господа и призывай Его. *И еще глаголющу ти, речетъ: се придохъ* (Исаіи 58, 9.).

Когда на неправеднаго находитъ искушеніе, не имѣетъ онъ упованія, чтобы призвать Бога, и ожидать отъ Него спасенія; потому-что во дни упокоенія своего удалялся отъ воли Божіей. Прежде нежели начнешь брань, ищи себѣ помощи, и прежде недуга взыщи врача. Прежде нежели найдетъ на тебя скорбь, молись Богу; и во время горести найдешь Его, и услышишь тебя. Прежде нежели поплзнешься, призывай и умоляй; и прежде нежели станешь молиться, уготовь обѣты, то-есть, напутія отсюда. Ковчегъ Поевъ приготоувленъ былъ во время мпра, и древа его обдѣланы за сто лѣтъ; а во время гнѣва неправедные погибли, праведнику же сталъ онъ покровомъ.

Неправедныя уста заграждаются молитвою; потому-что осужденіе совѣсти дѣлаетъ человека непьющимъ дерзновенія. Сердце доброе съ радостію источаетъ слезы въ молитвѣ. Въ комъ міръ мертвъ, тѣ съ радостію тернятъ обиды; а въ комъ міръ живъ, тѣ не могутъ тернить обиды, но движимые тщеславіемъ гнѣваются, и отъ неразумнаго движенія

приходятъ въ смятеніе, или объемяются печалію. О, какъ трудно преусныть въ таковой добродѣтели, и какую славу пріобрѣтаетъ она у Бога! Кто хочетъ преусныть въ сей добродѣтели, то-есть, терпѣть обиду и быть великодушнымъ, тому нужно удалиться отъ своихъ родныхъ и содѣлаться странникомъ; потому-что въ отечествѣ своемъ невозможно преусныть въ этой добродѣтели. Однимъ великимъ и сильнымъ свойственно переносить страданія ея среди своихъ родныхъ, и могутъ сіе только тѣ, въ комъ умеръ этотъ міръ; потому-что отчаялись они во всякомъ настоящемъ утѣшеніи.

Какъ благодать близка къ смиренномудрію, такъ болѣзненныя приключенія близки къ гордынѣ. Они Господни на смиренномудрыхъ, чтобы возвеселить ихъ. Аще же Господне противу гордыхъ, чтобы смирить ихъ. Смиреніе всегда пріемлетъ отъ Бога милость. А жестокосердію и маловерію встречаются странныя событія. Умалій себя во всемъ предъ всеми людьми, и будешь возвышенъ предъ князьями въка сего. Предваряй всякаго своимъ приветствіемъ и поклономъ, и будешь почтенъ чаше приносящихъ въ даръ офирское золото.

Уничижай себя, и увидишь въ себѣ славу Божию. Ибо гдѣ прозябаетъ смиреніе, тамъ источается Божія слава. Если будешь помогать, чтобы явно уничижали тебя всѣ люди, то Богъ содѣлаетъ, что будешь прославляемъ. Если же въ сердцѣ своемъ будешь имѣть смиреніе; то въ сердцѣ твоёмъ покажетъ тебѣ Богъ славу Свою. Будь удобопренебрегаемымъ въ величій твоёмъ, а не великимъ въ малости твоёмъ. Старайся быть въ пренебреженіи, и

исполнишься Божіей честью. Не домогайся быть въ почтеніи, будучи внутренно исполненъ язвъ. Укори честь, чтобы стать почтеннымъ; и не люби чести, чтобы не быть обезчещеннымъ. Кто стремится за честью, отъ того бѣжитъ она впередъ. А кто убѣгаетъ отъ чести, того настигаетъ она сзади, и дѣлается для всѣхъ людей провозвѣстницею его смиренія. Если пренебрежешь самъ себя, чтобы не быть тебѣ чествуемымъ; то провозгласитъ о тебѣ Богъ. Если въ правду будешь порицать себя, то Богъ всѣмъ тварямъ Своимъ повелитъ восхвалять тебя, и отверзнутъ предъ тобой дверь славы Создателя твоего, и восхвалягъ тебя; потому-что въ тебѣ действительно есть Его образъ и подобіе.

Кто видѣтъ чловѣка, сѣющаго добродѣтелями и для людей представляющагося ничтожнымъ, свѣтлаго житію, мудраго въдыніемъ, смиреннаго духомъ? Блаженъ, кто смиряетъ себя во всемъ, потому что будетъ онъ возвышенъ. Ибо, кто ради Бога во всемъ смиряетъ и умиляетъ себя, тотъ прославленъ бывасть Богомъ. Кто алчегъ и жаждетъ ради Него, того упощъ Богъ Своими благами. Кто терпѣтъ наготу ради Бога, тотъ одѣвается Имъ въ ризу истиннаго и славы. Кто общается ради Бога, тотъ бывасть утѣшенъ истиннымъ Его богатствомъ. Уничжай себя ради Бога, и не узнаешь, какъ умножится слава твоя. Всю жизнь свою признавай себя грѣшникомъ, чтобы во всей жизни своей быть тебѣ оправданнымъ. Будь невѣждою въ мудрости своей; а не кажись мудрымъ, будучи невѣждою. Если смиреніе возвышаетъ чловѣка простаго и неученаго; то разсуди, какую честь доставитъ великимъ и почтеннымъ!

Бѣгай тщеславія, и будешь прославленъ. Бойся гордости, и будешь возвышенъ. Не дано тщеславіе сынамъ человѣческимъ и высокоуміе — порожденію жень. Если добровольно отречея ты отъ всего житейскаго, то ни о чемъ уже ни съ кѣмъ не состязуйся. Если возмущался ты тщеславіемъ; то бѣгай тѣхъ, которые гонятся за нимъ. Бѣгай отъ любостыжательныхъ, какъ и отъ самаго стяжанія. Удаляйся отъ роскошныхъ, какъ и отъ самой роскоши. Бѣгай отъ ненужныхъ, какъ и отъ самаго непотребства. Ибо если одно воспоминаніе о сказанномъ возмущаетъ умъ, то кольми наче возрѣніе на таковыхъ и преспровожденіе времени съ ними? Сближайся съ праведными, и чрезъ нихъ приблизишься къ Богу. Обращайся съ пьющими смѣреніе, и научишься ихъ правамъ. Ибо если возрѣніе на таковыхъ полезно; то кольми наче ученіе устъ ихъ?

Возлюби нищихъ, чтобы чрезъ нихъ и тебя улучшить милость. Не сближайся съ любопрителями, чтобы не быть тебѣ принужденнымъ стать въ тишины своей. Безъ отвращенія споси зловеніе отъ недужныхъ и особливо убогихъ; потому-что и ты обложенъ тѣлою. Не упрекай скорбящихъ сердцемъ, чтобы тебя не поразилъ жезлъ ихъ; и взыщешь утѣшителей, и не найдешь. Не унижай увѣчныхъ, потому-что въ адъ пойдешь всѣ равночестныи. Люби грѣшниковъ, но ненавидь дѣла ихъ и не пренебрегай грѣшными за недостатки ихъ, чтобы самому не быть искушеннымъ въ томъ же, въ чемъ искусились они. Помни, что и ты причастенъ земнаго сестства, и дѣлай добро всѣмъ. Не укоряй требующихъ молитвы твоей, и не лишай ихъ умягченныхъ словесъ утѣ-

ненія, чтобы не погибли они, и съ тебя не были взысканы души ихъ. Напротивъ того, помни, что врачи воспалительныя болѣзни изцѣляютъ прохладительными лѣкарствами, а противоположныя имъ — горячительными.

Когда встрѣлишься съ ближнимъ своимъ, принуждай себя оказывать ему честь выше мѣры его. Лобызай руки и ноги его, обнимай ихъ часто съ великою честію, возлагай ихъ на глаза себѣ, и хвали его даже за то, чего не имѣеть. А когда разлучишься съ нимъ, говори о немъ все хорошее, и что въ немъ есть досточестнаго. Ибо сими и подобными этому привлечешь его къ добру, заставишь его стыдиться тѣмъ привѣтствіемъ, какимъ привѣтствовалъ ты его, и полюбишь въ немъ сѣмена добродѣтели. Отъ такой спускаемой тобою привычки отпечатлѣется въ тебѣ добрый образъ, пріобрѣтешь въ себѣ высокое смиреніе, и безъ труда преусишь въ великомъ. А сверхъ этого, если чествуемый тобою не имѣеть какой недостатка, легко приметь отъ тебя врачеваніе, постыждаемый тою честію, какую ты оказалъ ему. Пусть всегда будетъ у тебя этотъ правъ — ко всѣмъ быть благопривѣтливымъ и почтительнымъ. Никого не огорчай, ни никому не завидуй, ни по причинѣ вѣры, ни по причинѣ худыхъ дѣлъ его. Но берегись кого-либо и въ чемъ-либо порицать или обличать; потому-что есть у насъ великопріятный Судія на небесахъ. Если же хочешь обратить кого къ нестию; то скорби о немъ, и со слезами и съ любовію скажи ему слово или два, а не воспаляйся на него гнѣвомъ, и да не увидишь въ тебѣ признака вражды. Ибо любовь не умѣетъ раздражаться, или огорчаться на

кого, или укорить кого неравнодушно. Указаніемъ любви и вѣдѣнія служить смиреніе, которое раждается отъ доброй совѣсти о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава и держава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 58.

О томъ, что Богъ на пользу душъ попустилъ, чтобы она была доступна страстямъ, и о подвижническихъ дѣланіяхъ.

Поползнуться на что-либо грѣховное — обнаруживаетъ человѣческую немощь; потому что Богъ на пользу душъ попустилъ, чтобы она была доступна страстямъ, не усмотрѣвъ же полезнымъ, поставитъ ее выше страстей прежде втораго накіебытія. И душъ быть доступною страстямъ — полезно для уязвленія совѣсти; пребывать же въ страстяхъ — пагло и безстыдно. Три есть способа, которыми всякая разумная душа можетъ приближаться къ Богу: или горячность вѣры, или страхъ, или вразумленіе Господне. Никто же не можетъ приблизиться къ Божіей любви, если не предваритъ однимъ изъ сихъ трехъ способовъ.

Какъ отъ чревоугодія раждается мятежъ помысловъ, такъ отъ многословія и безчинныхъ бесѣдъ недоразуміе и изступленіе ума. Понеченіе о дѣлахъ житейскихъ приводитъ въ смятеніе душу, смущеніе или смущаетъ и лишаетъ тишины умъ.

Инокъ, который посвятилъ себя небесному дѣланію, прилично всегда и во всякое время быть въ всякой житейской заботѣ, чтобы, погрузившись въ себя самомъ, вовсе не находить въ себѣ ничего принадлежащаго настоящему вѣку. Ибо, ставъ празднымъ отъ всего такового, можетъ безъ развлеченія поучаться въ законъ Господнемъ день и ночь. Тѣлесные труды безъ чистоты ума тоже, что безплодная утроба и иссохшіе сосцы; потому-что не могутъ приблизиться къ видѣнію Божію. Тѣло они утомляютъ, но не заботятся искоренять страсти въ умъ; а потому ничего и не пожинаютъ. Какъ сѣющій въ тернии ничего не можетъ пожать; такъ унижающій себя злопамятностію и любостыжаніемъ, ни въ чемъ не можетъ уснѣть, но стелетъ на ложѣ своемъ отъ многаго бдѣнія и отъ затруднительности дѣла. И Писаніе свидѣтельствуетъ, говоря: *яко людѣ правду сотворившии* и ни объ единой изъ заповѣдей Господнихъ не радѣвшии ищутъ у Меня правды и истины, и хотятъ приблизиться ко Мнѣ Богу, глаголюще: *что яко постихомъ, и не увидѣлъ еси? Смиримъ себя и не увидѣлъ еси?* Во дни бо пощений вашихъ творите воли ваша (Ис. 58, 2. 3.), т. е. лукавыя помышленія ваши, и приносите ихъ какъ всесожженія идоламъ, и страннымъ умищиваніямъ, которыя признали вы въ себѣ за боговъ, отдасте въ жертву тѣло (к) свое, драгоценнѣйшее

(к) Греческое чтеніе *τὸ ἱμῶν σου* оправдывается сербскимъ переводомъ. Писаній вѣроятно вмѣсто *σου* читалъ *αὐτῶν σου*; въ древнемъ славянскомъ переводѣ читается безъ существительнаго имени, *ваше пожирающе*.

изъ всѣхъ куреній, и которое вы должны были посвящать Миѣ при вашихъ добрыхъ дѣлахъ и чистой совѣсти.

Добрая земля увеселяетъ своего дѣлателя плодотвореніемъ даже до ста. Если душа просіяла памятованіемъ о Богѣ и неуслышимъ бдѣніемъ день и ночь; то Господь устрояетъ тамъ къ огражденію ея облако, остыняющее ее днемъ и свѣтомъ огненнымъ озаряющее ночь; во мракъ ея просіяетъ свѣтъ.

Какъ облако закрываетъ свѣтъ луны; такъ испаренія чрева изгоняютъ изъ души Божію премудрость. И что пламень огненный въ сухихъ дровахъ, то и тѣло при наполненномъ чревѣ. И какъ одно горячее вещество, приложенное къ другому, увеличиваетъ огненный пламень; такъ разнообразіе брашенъ увеличиваетъ движеніе въ тѣлѣ. Въ сластолюбивомъ тѣлѣ не обитаетъ вѣдѣніе Божіе; и кто любитъ свое тѣло, тотъ не улучитъ Божіей благодати. Какъ въ болѣзняхъ рожденія происходитъ на свѣтъ плодъ, веселящій родившую; такъ при томленіи гортани рождается въ душу плодъ—вѣдѣніе таинъ Божіихъ, у лѣнливыхъ же и сластолюбивыхъ — плодъ стыда. Какъ отецъ заботится о чадахъ, такъ и Христосъ печется о тѣлѣ, злостраждущемъ ради Его, и всегда бываетъ близъ устъ его. Стижаніе дѣланія; совершеннаго съ мудростію, несоощенно.

Тотъ странникъ, кто мыслию своею сталъ внѣ всего житейскаго. Тотъ плачущій, кто, по унованію будущаго, всѣ дни жизни своей проводитъ въ алчбѣ и жадѣ. Тотъ монахъ, кто пребываетъ внѣ міра, и всегда молить Бога, чтобы улучшить ему будущія блага. Богатство монаха—утишеніе, находящееся

въ плачь , и радость отъ вѣры , возсіявающая въ табуицахъ ума. Тотъ милостивъ, кто въ мысли своей не отличаетъ одного отъ другаго, но мнуетъ всѣхъ. Тотъ дѣвственникъ, кто не только сохранилъ тѣло неоскверненное плотскимъ совокупленіемъ, но даже стыдился себя самого, когда бываетъ одинъ. Если любишь цѣломудріе, отгоняй срамные помыслы упражненіемъ въ чтеніи и продолжительною молитвою ; и тогда будешь имѣть оружіе противъ естественныхъ побужденій; а безъ сего невозможно увидѣть въ душѣ чистоту. Если желаешь быть милосерднымъ, пріобучи себя сперва всѣмъ пренебрегать, чтобы умъ не увлекался тяжестью этого и не выходилъ изъ своихъ предѣловъ. Ибо полное совершенство милосердія доказывается терпѣніемъ рѣшающагося переносить обиды. Совершенство смиренія въ томъ, чтобы съ радостію сносить ложныя обвиненія. Если истинно ты милосердъ; то, когда неправедно отнято у тебя твое, не скорби внутренно, и не рассказывай объ ущербѣ постороннимъ. Пусть лучше ущербъ, нанесенный обидѣвшимъ тебя, поглощенъ будетъ твоимъ милосердіемъ, какъ терикость вина поглощается множествомъ воды. Докажи множество милосердія своего твоими благами, какія воздаешь обидѣвшимъ тебя, какъ и блаженный Елисей поступилъ съ врагами своими, напѣревавшими взять его въ плѣнь. Ибо, когда помоллся и ослѣпилъ ихъ тмою; показалъ тѣмъ, какая въ немъ сила, а когда, давъ имъ пищу и интіе, позволилъ уйдти, доказалъ тѣмъ , каково его милосердіе (4 Цар. 6, 13 --- 23.).

Кто истинно смиренномудръ, тотъ, будучи оби-

женъ, не возмущается, и не говоритъ ничего въ свою защиту о томъ, въ чемъ онъ обвиненъ, но принимаетъ клеветы, какъ истину и не старается увѣрять людей, что онъ оклеветанъ, но проситъ прощенія. Ибо иные добровольно навлекли на себя названіе немотребныхъ, не будучи таковыми; другіе же терпѣли именованіе прелюбодѣевъ, будучи далекими отъ прелюбодѣянія, и слезами свидѣтельствовали, что несутъ на себѣ плодъ грѣха, котораго не дѣлали, и съ плачемъ просили у обвинившихъ прощенія въ беззаконіи, котораго не совершали, когда душа ихъ была увѣчана всякою чистотою и неопорочною. Иные же, чтобы не прославляли ихъ за превосходныя правила жизни, соблюдаемыя ими въ тайнѣ, представлялись въ образъ юродивыхъ, бывъ растворены божественною солюю и непоколебимы въ своей тишинѣ, такъ-что на высотѣ совершенства своего святыхъ Ангеловъ имѣли провозвѣстниками своихъ доблестей.

Думаешь ты о себѣ, что есть въ тебѣ смиреніе. Но другіе сами себя обвиняли; а ты, и другимъ обвиняемый, не переносишь сего, и провозглашаешь себя смиреномудрымъ. Если хочешь узнать, смиреномудръ ли ты; то испытай себя въ сказанномъ, не приходишь ли въ смятеніе, когда тебя обвиняютъ (1)?

Спаситель многими обителями у Отца называетъ различныя мѣры ума водворяемыхъ въ оной странѣ, т. е., отличія и разность духовныхъ дарованій, ка-

(1) Сіе мѣсто переведено по греческому чтенію, согласному съ древнимъ славянскимъ переводомъ.

кими наслаждаются по мѣрѣ ума. Ибо не по разности мѣстъ, но по степени дарованій называють обитатели многими. Какъ чувственнымъ солнцемъ наслаждается каждый, соразмѣрно чистотѣ и пріемлемости силы зрѣнія, и какъ отъ одного свѣтильника въ одномъ домѣ освѣщеніе бываетъ различно, хотя свѣтъ не дѣлится на многія свѣщенія; такъ въ будущемъ вѣкѣ всѣ праведные не раздѣльно водворятся въ одной странѣ, но каждый въ своей мѣрѣ озаряется однимъ мысленнымъ солнцемъ, и по достоинству своему привлекаетъ къ себѣ радость и веселіе, какбы изъ одного воздуха, отъ одного мѣста, престола, зрѣлища и образа. И никто не видитъ мѣры друга своего, какъ высшаго, такъ и низшаго, чтобы, если увидитъ превосходящую благодать друга и свое лишеніе, не было это для него причиною печали и скорби. Да не будетъ сего тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія! Напротивъ того, каждый, по данной ему благодати, веселится внутренно въ своей мѣрѣ. Въ же всѣхъ одно зрѣлище и одна страна (н), и кромѣ сихъ двухъ степеней нѣтъ иного посредствующаго степеня, разумно же одну степень горнюю, другую дольную, посредн же ихъ разнообразіе въ разности воздаяній.

Если же это справедливо, (какъ и дѣйствительно справедливо), что бессмысленные или неразумные такой речью: «довольно для меня избѣжать геенны, о томъ же, чтобы войти въ царство, не забочусь?» Ибо избѣжать геенны и значить это самое — войти въ

(н) Изъ древ. славян. перевода видно, что вмѣсто *χώρα* должно читать здѣсь *χωρεα*.

царство; равно какъ лишиться царства значитъ войти въ геенну. Писаніе не указало намъ трехъ странъ, но что говорить? *Егда прїидетъ Сынъ человѣческій въ славу Своей, и поставитъ оцы одесную Себе, а козлища ошуюю* (Мат. 25, 31. 33.). Не три наименовалъ сонма, но два, — одинъ одесную, другой ошуюю. И раздѣлило предѣлы различныхъ обитателей ихъ, сказавъ: *и идутъ сѣи, т. е., грѣшники, въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный* (Мат. 25, 46.); *просвѣтятся яко солнце* (Мат. 13, 43). И еще: *отъ востока и запада прїидутъ и возлягутъ на лонѣ Авраамовѣ въ царствіи небесныхъ: сынове же царствія изгнани будутъ во тму кромешную, гдѣ плачь и скрежетъ зубомъ* (Мат. 8, 11. 12.), что страшнѣе всякаго огня. Не уразумѣлъ ли ты изъ сего, что состояніе, противоположное горней степени, и есть самая мучительная геенна?

Поэтому, прекрасное дѣло научать людей благости Божіей, привлекать ихъ непрерывностію Промысла Божія, и отъ заблужденія приводить къ познанію истины. Пбо таковъ былъ образъ дѣйствія у Христа и у Апостоловъ, и онъ весьма высокъ. Если же человекъ, при таковомъ образѣ жизни и частомъ общеніи съ людьми, чувствуетъ въ себѣ, что немощна совѣсть его при воззрѣніи на существующее, и возмущается тишина его, и помрачается вѣдѣніе, потому-что умъ его имѣетъ еще нужду въ охраненіи и въ подчиненіи чувствъ, и желая врачевать другихъ, губитъ онъ собственное свое здравіе, и оставляя собственную свободу воли своей, приходитъ въ смятеніе ума; то пусть вспомнитъ таковой Апостольское слово, внимающее намъ, что совер-

шенныхъ есть твердая пища (Евр. 5, 14.); и пусть возвратится вснѣтъ, чтобы не услышать отъ Господа сказаннаго въ притчѣ: *врачу, исцѣлися самъ* (Лук. 4, 23.). Пусть осуждаетъ самъ себя и охраняетъ здравіе свое; и вмѣсто чувственныхъ словъ его да служить доброе его житіе, и вмѣсто гласа устъ его да учить его дѣланія. И когда узнаетъ, что душа его здрава; тогда пусть пользуется другихъ, и врачуетъ своимъ здравіемъ. Пбо, когда будешь вдали отъ людей, тогда можетъ болѣе сдѣлать путь добра ревностно о добрыхъ дѣлахъ, нежели сколько сдѣлаетъ словами, будучи самъ немощенъ и болѣе ихъ имѣя нужды въ изцѣленіи. *Слѣпецъ слѣпца еще водить, оба въ яму впадутъ* (Мато. 15, 14.). Твердая пища прилична здоровымъ, имѣющимъ обученія чувства, способнымъ принимать всякую пищу, то-есть, приращенія всякихъ ощущеній и, по причинѣ обученія въ совершенствѣ, отъ какихъ бы то ни было встрѣчъ, не видѣть вреда сердцу.

Когда дѣволъ захочетъ осквернить умъ таковыхъ людей блуднымъ воспоминаемъ; тогда испытываетъ сперва терпѣніе ихъ любовно къ тщеславію, и предначатіе сего помысла не представляется страшно. Такъ обыкновенно поступаетъ онъ съ тѣми, которые охраняютъ умъ свой, и въ которыхъ невозможно скоро вложить какое-либо неприличное мышленіе. Когда же исторгаетъ человека изъ твердыни его, и начнетъ онъ бесѣдовать съ первымъ помысломъ и удаляться отъ сей твердыни; тогда дѣволъ срываетъ его чѣмъ-либо напоминающимъ о блудѣ, и совращаетъ умъ на предметы не-

потребные. И сперва смущается онъ внезапнымъ ихъ прираженіемъ, — тѣмъ, что предшествовавшее целомудріе помысловъ встрѣтилось съ такими предметами, отъ воззрѣнія на которые далеко быть правитель уму. И если дьяволъ не оскверняетъ его совершенно, то, по крайней мѣрѣ, изводитъ съ прежняго достоинства. Но если умъ отступить назадъ и предупредить первое прираженіе помысловъ, служащее причиною нашествія вторыхъ помысловъ; тогда удобно можетъ, при помощи Божіей, преодолѣть страсть.

Страсти отвращать лучше памятованіемъ добродѣтелей, нежели сопротивленіемъ; потому-что страсти, когда выступаютъ изъ области своей и воздвигаются на брань, отпечатлѣваютъ въ умъ свои образы и подобія. Брань сія пріобрѣтаетъ великую власть надъ умомъ, сильно возмущая и приводя въ смятеніе мышленія. А если поступить по первому, сказанному нами, правилу, то не оказывается въ умъ и слѣда страстей по отгнаніи ихъ.

Тѣлесный трудъ и поученіе въ божественныхъ Писаніяхъ охраняютъ чистоту; а трудъ подрываютъ надежда и страхъ. Надежду же и страхъ утверждаютъ въ умъ удаленіе отъ людей и непрестанная молитва. Пока человекъ не приметъ Учителья, потребны ему божественныя Писанія для того, чтобы памятованіе добраго впечатлѣвалось въ мысли его, и непрестаннымъ чтеніемъ обновлялось въ немъ устремленіе къ добру, и охраняло душу его отъ тонкости грѣховныхъ путей: потому-что не пріобрѣтъ онъ еще силы Духа, которая удаляетъ заблужденіе, беретъ въ плынь душеполезныя памятованія

и приближается къ холодности при разсѣянїи ума. Но, когда сила Духа низойдетъ въ дѣйствующую въ человѣкѣ душевную силу; когда вѣсто закона Писаній укореняются въ сердце заповѣди Духа, и тогда въ тайнѣ учится у Духа, и не имѣеть нужды въ пособіи вещества чувственнаго; потому-что, пока сердце учится отъ вещества, непосредственно за ученіемъ слѣдуютъ заблужденіе и забвеніе, а когда ученіе преносится Духомъ, тогда памятованіе сохраняется невредимымъ.

Бываютъ помыслы добрые и изволенія добрыя; бываютъ же помыслы лукавые и сердце лукавое. Первая степень есть движеніе, происходящее въ душѣ подобно вѣтру, поднимаемому въ морѣ и воздымающему волны; вторая степень есть опора и основаніе. И по твердости основанія, а не по движенію помысловъ, бываетъ воздаяніе за доброе. Душа движеніемъ измѣнчивыхъ помысловъ не приводится въ покой. Если же за каждое изъ нихъ, хотя не имѣеть оно основанія во глубинѣ сердца, назначить воздаяніе; то близь уже будешь къ тому, чтобы тысящекратно въ день перемѣнять тебѣ, то блага свои, то прогнвное тому.

Неоперившаяся игла — тотъ умъ, который, при покаянїи, недавно вышелъ изъ путъ страстей, и во время молитвы усиливается возвыситься надъ земными вещами, но не можетъ, а напротивъ того, пресмыкается еще по лицу земли, не имѣя силъ летать. Однакоже, съ помощію чтенія, дѣланія, страха и понеченія о множествѣ добродѣтелей, собираетъ водно помысленія свои; потому-что неспособенъ знать что-либо, кромѣ сего. И это на краткое время

сохраняетъ умъ неоскверненнымъ; но въ послѣдствіи приходятъ воспоминанія, и возмущаютъ и оскверняютъ сердце; потому-что человекъ не ощутилъ еще того спокойнаго воздуха свободы, въ который, по долгомъ только времени (и), забвеніемъ о земномъ вводитъ онъ умъ, ибо пріобрѣтъ тѣлесныя только крыла, то-есть, добродѣтели, которыя совершаются наружно, но не видѣлъ еще добродѣтелей созерцательныхъ, и не сподобился ощущенія ихъ; а онъ суть тѣ крыла ума, на которыхъ человекъ приближается къ небесному, и удаляется отъ земнаго.

Пока человекъ служитъ Господу чѣмъ-либо чувственнымъ, до томъ образы сего чувствешаго отпечатываются въ помысленіяхъ его, и Божественное представляетъ онъ въ образахъ тѣлесныхъ. Когда же получитъ онъ ощущеніе внутренняго, тогда, по мѣрѣ ощущенія его, и умъ, отъ времени до времени, будетъ возвышаться надъ образами вещей.

Они Господни на смиренныхъ сердцемъ и уши Его въ молитву ихъ (Ис. 33, 16.). Молитва смиренномудраго какъ бы прямо изъ устъ въ уши. Во время безмолвія твоего благими дѣлами смиренія взывай: «Господи Боже мой! Ты просвѣтишь тму мою».

Когда душа твоя приблизится къ тому, чтобы выйти изъ тмы; тогда вотъ что будетъ для тебя признакомъ: сердце у тебя горитъ, и какъ огонь распаляется день и ночь; а потому цѣлый міръ въ-

(и) Здѣсь греческому тексту *иταί μικρόν χρόνον* предпочтены древн. славян. переводы.

пнешь ты за уметы и испеть, не желасишь даже пищи отъ сладости новыхъ, пламеняющихъ помысловъ, непрестанно возбуждающихся въ душѣ твоѣй. Внезапно дастся тебѣ источникъ слезъ, какъ потокъ текущій безъ принужденія, и принимающійся ко всякому дѣлу твоему, то-есть, во время чтенія твоего, молитвы твоѣй и размышленія твоего, когда принимаешь пищу и питье, и во всякомъ дѣлѣ твоѣмъ оказывается, что у тебя срастворены съ этими слезы. И когда увидишь это въ душѣ своѣй, будь благонадеженъ, потому-что переплылъ ты море; и столько будь прилеженъ къ дѣламъ своимъ, такъ тщательно содержи стражу, чтобы благодать умножалась въ тебѣ со дня на день. А пока не встрѣтишь въ себѣ этого; ты не совершилъ еще пути своего, и не вступилъ на гору Божию. Если же и послѣ того, какъ обрѣлъ и пріямъ ты благодать слезъ, онѣ прекратятся, и горячность твоя охладѣетъ безъ измѣненія въ чемъ-либо другомъ, то-есть, безъ тѣлесной немощи; — то горе тебѣ. Что погубилъ ты, внавѣ или въ самомнѣніе, или въ нерадѣніе, или въ расслабленіе? Но что послѣдуетъ за слезами, по пріятіи опыхъ, и что встрѣтится съ человекомъ послѣ сего, объ этомъ напишемъ въ послѣдствіи въ другомъ мѣстѣ, въ главахъ о Промыслѣ, какъ просвѣщены мы въ семъ отъ Отцевъ, которыми вѣрены были таковыя тайны, и изъ Писаній.

Если не пишемъ дѣлъ, не говори о добродѣтеляхъ. Наче всякой молитвы и жертвы драгоценны предъ Господомъ скорби за Него и ради Его; и наче всѣхъ блахоуханій воия пота ихъ. Всякую добро-

дѣтель, созерцательную безъ тѣлеснаго труда, почитай преждевременнымъ и несущественнымъ плодомъ чрева. Приношеніе праведныхъ — слезы очей ихъ, и пріятная Богу жертва — воздыханія ихъ во время бдѣній. Воззовуть ко Господу праведные и увѣщаемые тяжестію тѣла, и въ болѣзни возноятъ моленія къ Богу, и на вопль гласа ихъ прійдутъ на помощь къ нимъ святые Чины ободрить и утѣшить ихъ надеждою; потому-что святые Ангелы, по близости своей къ святымъ мужамъ, имѣютъ общеніе въ ихъ страданіяхъ и скорбяхъ.

Доброе дѣланіе и смиренномудріе дѣлають человека богомъ на землѣ; а вѣра и мнѣстныя содѣйствуютъ ему скоро приблизиться къ чистотѣ. Невозможно, чтобы въ одной душѣ были и горячность и сокрушеніе сердца; равно какъ въ уношеніи невозможно владѣть помыслами. Ибо какъ-скоро дана душѣ сія горячность, отъемается у нея слезное сокрушеніе. Вѣно даровано для веселія, и горячность для душевной радости. Вѣно согрѣваетъ тѣло, а слово Божіе умъ. Распаляемые горячіею бываютъ восхищаемы размышленіемъ объ уповаемомъ и уготовляютъ мысль свою къ будущему вѣку. Ибо какъ упившіеся виномъ представляютъ себѣ какія-то извращенныя подобія вещей; такъ упоенные и согрѣтые надеждою не знаютъ ни скорби, ни чего-либо мірскаго. Съ людьми простосердечными, и имѣющими горячую надежду, послѣ постояннаго дѣланія и по пріобрѣтеніи чистоты, бываетъ все сіе и иное, подобное тому, а именно, что уготовано шествующимъ стезею добродѣтели. И въ началѣ пути совершается сіе вѣрою души; ибо Господь творитъ все, чего хочетъ вѣра.

Блаженны тѣ, которые для моря скорбей, ради любви къ Богу, препоясали чресла свои простотою и непытливомъ правомъ, и не обращаютъ хребта. Они скоро спасаются въ пристань царствія, упокоиваются въ селеніяхъ хорошо потрудившихся, получаютъ отраду въ своихъ бѣдствіяхъ, и пренесполяются веселіемъ своего упованія. Съ надеждою вступающіе на путь стропотный, не возвращаются назадъ, и не останавливаются, чтобы входить въ изслѣдованіе о семъ. Но когда переплывутъ море, тогда, взирая на стропотность пути, приносятъ благодареніе Богу, что избавилъ ихъ отъ тѣснотъ, стреминъ и отъ такой негладкости въ пути, тогда какъ они и не знали сего. А изъ тѣхъ, которые составляютъ много умиствованій, желаютъ быть очень мудрыми, предаются замедленіямъ и боязни помысловъ, пріуготовляютъ себя и хотятъ предусматривать вредоносныя причины, большая часть оказываются всегда сидящими при дверяхъ своего дома.

Лыбый, посланный въ путь, скажетъ: *левъ на стезяхъ, на путехъ же разбойницы* (Притч. 22, 14.), подобно тѣмъ, которые говорили: *сыновъ исполновъ видѣхомъ тамо и бѣхомъ предъ нами, яко пружи* (Числ. 13, 34.). Это тѣ, которые во время кончины своей оказываются еще въ пути; желаютъ всегда быть мудрыми, и во всемъ не хотятъ положить и начала. А невѣжда, пускаясь въ плаваніе, перекладываетъ съ первою горячістю, шмалой не прилагая заботы о тѣлѣ, и не разсуждая самъ съ собою, будетъ или нѣтъ какой успѣхъ отъ сего труда. Избытокъ мудрости да не будетъ у тебя понозновеніемъ душъ и сѣтію предъ лицемъ тво-

имъ; напротивъ того, возложивъ упованіе на Бога, мужественно полагай начало пути, исполненному крови, чтобы не оказаться тебѣ скуднымъ всегда и лишеннымъ Божія вѣдѣнія. Страшный, блудный *вѣтра не съестъ* (Еккл. 11, 4.). Лучше смерть за Бога, нежели жизнь со стыдомъ и льностію. Когда хочешь положить начало Божію дѣлу, сдѣлай прежде завѣщаніе, какъ человѣкъ, которому уже не жить въ этомъ мірѣ, какъ приготовившійся къ смерти и отчаявшійся въ настоящей жизни, какъ достигшій времени срока своего. И дѣйствительно имѣй это въ мысли, чтобы надежда продлить настоящую жизнь не воспрепятствовала тебѣ подвизаться и побѣдить; потому-что надежда продлить сію жизнь разслабляетъ умъ. Посему, никакъ не умудрайся до пзлшщества, по вѣрѣ дай мѣсто въ умѣ своемъ, содержи въ памяти многіе дни, оставшіеся позади и непснвѣдимые вѣка послѣ смерти и суда, и да не приходитъ на тебя когда-либо разслабленіе, какъ не приходило на премудраго, который говоритъ, что тысяча лѣтъ нынѣшняго вѣка не равняется и одному дню въ вѣкѣ праведныхъ (Пс. 89, 4.). Съ мужествомъ начинай всякое доброе дѣло, а не съ двосудшества приступай къ такимъ дѣламъ, не колеблись сердцемъ твоимъ въ упованіи на Бога, чтобы трудъ твой не сталъ безполезенъ, и дѣланіе твое обременительно. Напротивъ того, вѣруй сердцемъ твоимъ, что Господь милостивъ и щедрымъ Его дастъ благодать, какъ мздовоздатель, не по дѣланію нашему, но по усердію и по вѣрѣ душъ нашихъ. Пбо говоритъ: *якоже вѣровалъ сси, буди тебѣ* (Матѣ. 8, 13.).

Дѣлація же жителствующихъ по Богу суть слѣдующія: одинъ цѣлый день ударяетъ своею головою въ землю, и дѣлаетъ это вѣсто совершенія службы, то-есть, часовъ. Иной съ постояннымъ и продолжительнымъ колынопреклоненіемъ соединяетъ число молитвъ. Другой множествомъ слезъ своихъ замѣняетъ для себя Божіи службы, и допольствуется тѣмъ. Иной старается выкинуть въ смыслъ читаемаго, и совокупиаетъ съ тѣмъ определенное ему правило. Другой томитъ душу свою голодомъ, такъ-что не въ состояніи бываетъ совершать Божіихъ службъ. А иной, ревностно изучая псалмы, дѣлаетъ службу сію непрерывною. Иной проводитъ время въ чтеніи, и согрѣвается сердце его. Иной отдается въ плыль, домыслиаясь божественнаго смысла въ божественныхъ Писаніяхъ. Иной, приводимый въ разуменіе чудесами, поражающими его въ стихахъ, удерживается отъ обычнаго чтенія, и овладѣвается молчаніемъ. Другой, вкусивъ всего этого и насытившись, возвратился назадъ, и остался бездѣйственнымъ. А иной, вкусивъ только малое нѣчто и надмившись (о), вдался въ заблужденіе. Иному воспрепятствовали хранить прошло свое тяжкая бользнь и безспіе; а другому преобладаніе какой-нибудь привычки, или какого-либо пожеланія, или любоначалія, или тщеславія, или любостыжательности, или пристрастія къ тому, чтобы собирать вещественное. Иной прегнулся, но востать, и не обратилъ хребта своего, пока не получитъ многоцѣнную жемчужину.

(о) Здѣсь предположено чтеніе, согласное съ древнимъ славянскимъ переводомъ.

Посему, всегда съ радостію и усердіемъ полагай начало Божію дѣлу; и если ты чистъ отъ страстей и колебаній сердца, то самъ Богъ возведетъ тебя на вершину, и поможетъ тебѣ, и умудритъ тебя сообразно съ волею Его; и въ удивленіи примешь совершенство. Ему слава и держава пышъ и всегда и во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 59.

О чинѣ монашескаго житія, о сокращеніи и различіи оного, и о томъ, почему и какими образомъ добродѣтели рождаются одна отъ другой.

Отъ напряженнаго дѣланія рождается безмѣрная горячность, распаляемая въ сердце горячими помысленіями, вновь появляющимися въ умѣ. А сіе дѣланіе и храненіе утопчаютъ умъ своею горячіюстію, и сообщаютъ ему видѣніе. И сіе видѣніе пораждастъ сказанныя выше горячіе помыслы во глубинѣ душевнаго видѣнія, которое именуется созерцаніемъ. А сіе созерцаніе пораждастъ горячность, и отъ сей горячности, производимой благодатію созерцанія, рождается слезный потокъ, вначалѣ, въ малой пѣкоторой мѣрѣ, то-есть, въ одинъ день много разъ идутъ у человека слезы, и потомъ оскудѣваютъ; а за сими слѣдуютъ непрестанныя слезы, и отъ непрестанныхъ слезъ душа пріемлетъ умирненіе помысловъ; отъ умирненія же помысловъ возвышается до чистоты ума, а при чистотѣ ума человекъ

приходитъ въ видѣніе тапшъ Божіихъ; потому-что чистота пребываетъ сокровенною въ умирении отъ браней. После же сего умъ достигаетъ до зрѣнія огкровеній и знаменій, какъ видѣлъ Пророкъ Іезекіиль. Сіе изображаетъ три стени, по которымъ душа приближается къ Богу. Началомъ всему этому — благое предъ Богомъ преднамьреніе. И виды дѣль безмолвія непреложны; они порождаются многымъ отсѣченіемъ и удаленіемъ себя отъ дѣль житейскихъ. Нѣтъ большой необходимости говорить о каждомъ видѣ сихъ дѣль, потому-что они всемы извѣстны; впрочемъ, послѣку описаніе оныхъ безвредно, и даже, какъ я утверждаю, болѣе полезно читающимъ, то нѣтъ причины къ тому, чтобы помышлять описать оныя.

Это суть: алканіе, чтеніе, всенощное и трезвенное бдѣніе, по мѣрѣ силъ каждого, и множество поклоновъ, которые полезно совершать въ часы дневные, а перѣдко и ночью. Пусть же самою малою мѣрою будетъ для тебя — положить тридцать поклоновъ, потомъ поклониться честному кресту, и тѣмъ кончить. Но есть и таковыя, что, по мѣрѣ силъ своихъ, увеличиваютъ сіе число поклоновъ. Иныя же въ единой молитвѣ проводятъ три часа, имѣя умъ трезвенный, и повергнувшись лицомъ на землю безъ принужденія и наренія помысловъ. И два сіи вида обнаруживаютъ и показываютъ множество богатства благости, или благодати, какая удѣляется каждому человеку, по мѣрѣ собственнаго его достоинства. Какой же иной способъ молитвы и пребыванія въ ней, свободнаго отъ принужденія, сего призналъ я справедливымъ не объявлять, и ни

устнымъ словомъ, ни письменными начертаніями, не изображать чина сей молитвы, чтобы читающій, оказавшись не понимающимъ того, что читаетъ, не почесть написаннаго безполезнымъ, или, если окажется онъ знающимъ это, не стать унижать того, кто не знаетъ порядка въ этомъ, и въ последнемъ случаѣ не произношу укоризны, а въ первомъ — смѣха. И тогда, по изреченію Апостола, употребляемому имъ о пророчествующихъ, и я окажусь въ таковыхъ дѣлахъ, *инязычникомъ* (1 Кор. 14, 11.). Посему, кому желательно дознать сіе, тотъ пусть идетъ описаннымъ выше путемъ, и сдѣластъ, чтобы дѣланіе соответствовало уму. И когда приступитъ къ этому самымъ дѣломъ, тогда самъ собою дознаетъ сіе, и конечно не потребуетъ учителя. Ибо говорятъ: сиди въ кельи, и это само о себѣ научитъ тебя всему. Богу истинному да будетъ слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 60.

О различныхъ способахъ бранн, какую діаволъ ведетъ съ шествующимъ путемъ тѣснымъ, прѣвысшимъ
МІРА.

У сопротивника нашего діавола есть древній обычай со вступаящимъ въ подвигъ сей хитро уразнобразивать борьбу свою; употребляя противъ нихъ разныя оружія, и соображаясь съ намѣреніемъ лица, измѣняетъ онъ способъ своего ратоборства. Кото-

рые лѣнны произволеніемъ и немощны помыслами, на тѣхъ обращать особое вниманіе, и съ самаго начала сильно нападетъ на нихъ, такъ-что возстав-
 ляетъ противъ нихъ твердыя и сильныя искушенія, чтобы въ началѣ пути заставить ихъ извѣдать всѣ
 способы лукавства его, чтобы съ перваго подвига
 объяла ихъ боязнь, путь ихъ показался имъ же-
 стокимъ и неудобопроходимымъ, и сказали они
 такъ: «если начало пути такъ тяжело и трудно;
 то можетъ ли кто до самаго конца его выдер-
 жать многія, предстоящія на немъ, нападенія»? И
 съ этого времени не могутъ уже они снова
 вставать, или идти впередъ, и даже видѣть что-
 либо иное отъ предающей покоя заботы о себѣ. И
 недолго діаволь ведетъ съ ними жестокою брань
 свою, чтобы обратить ихъ такимъ образомъ въ бѣг-
 ство. Лучше сказать, самъ Богъ попускаетъ діаволу
 превозмогать ихъ, и ни въ чемъ не вспомоцествуетъ
 имъ; потому-что съ сомнѣніемъ и холодностію всту-
 пили въ подвигъ Господень. Ибо говоритъ Богъ:
*проклятъ всякъ творяй дѣло Господне съ небре-
 женіемъ, и возбраняегь рукъ отъ крове* (Іер. 48,
 10.); и еще: *Господь близъ боящихся Его* (Ис. 84,
 10.). Ибо безъ страха и холодності идти противъ
 діавола повелѣваетъ Богъ, говоря: начини только гу-
 бить его, и устремись на брань съ нимъ, и сразись
 съ нимъ мужественно, и возложу *страхъ твой* на
 всѣхъ враговъ твоихъ подъ небесемъ, глаголетъ Го-
 сподь (Втор. 11, 25.). Ибо, если не умирешь добро-
 вольно чувственною смертію за благость Божию, то
 по неволѣ умирешь духовно, отнавъ отъ Бога.

Поэтому, если такова твоя участь, безъ негодованія

добровольно прійми за Бога временныя страданія, чтобы войти въ славу Божію. Ибо, если въ подвигъ Господнемъ укрепишь тѣло, самъ Господь увѣнчаетъ тебя, и честнымъ останкамъ твоимъ даруетъ Богъ честь мучениковъ. Посему, какъ сказать я выше, послѣдніе въ самомъ началѣ были они перадривы и разслаблены, и не рѣшились предать себя на смерть; то съ сего времени во всѣхъ браняхъ оказываются послѣдними и немужественными. Лучше же сказать, Богъ попускаетъ, чтобы они были гонимы и преслѣдуемы во браняхъ; потому-что не по истинѣ разыскали Его, но какбы искушая и издѣваясь, пытались совершить дѣло Божіе. Потому и самъ діаволь сначала узналъ ихъ, и испытать помыслы ихъ, каковы оныя, то-есть, боязливы и самолюбивы и божье всего надать тѣло свое. И посему-то какбы бурей гонить ихъ; ибо не видятъ въ нихъ душевной силы, какую обыкъ видѣть въ святыхъ. Но произволенію чловѣка стремиться къ Богу, и по намѣренію достигать извѣстной ради Него цѣли, и Богъ содѣйствуетъ, и помогаетъ, и являетъ ему Свое о немъ промышленіе. А діаволь не можетъ приближаться къ чловѣку, или наводить на него искушенія, если чловѣкъ не вознерадитъ, и Богъ не поустыитъ ему. Или, если кто допуститъ себя до срамныхъ помысловъ самоувѣченія и превозношенія, или помысловъ сомнѣнія, и двоудінія; то діаволь исправляетъ таковыхъ себя на искушеніе.

Повоначальныхъ же простыхъ и неопытныхъ не исправляетъ онъ у Бога, подобно святымъ и великимъ, для искушенія ихъ. Ибо знаетъ, что Богъ не поустыитъ таковымъ впасть въ руки его, (такъ

какъ Богу известно, что нѣтъ у нихъ достаточныхъ силъ противъ дѣвольскихъ искушеній), развѣ будетъ въ нихъ одна изъ сказанныхъ причинъ; и тогда сила Промысла Божія удаляется отъ нихъ. Это есть первый способъ дѣвольскихъ браенъ.

О второмъ способѣ дѣвольскихъ браенъ.

А которые, какъ видѣтъ дѣволъ, мужественны, сильны, ни во что вѣняютъ смерть, не ходятъ на дѣло съ великою ревностію, предають себя на всякое искушеніе и на смерть, пренебрегаютъ жизнью мірскою и тѣсною и всеми искушеніями; на встрѣчу тѣмъ не вдругъ выходитъ дѣволъ, и долго не показываетъ себя имъ, сдерживается, даетъ имъ мѣсто, и не встрѣчается съ ними при первомъ ихъ устремленіи, и не вступается съ ними въ брань. Пбо знаетъ, что всякое начало бранн бываетъ горячье; и известно ему, что подвижникъ имѣетъ великую ревность, а ревностные вонтели нелегко побѣждаются. Дѣлаетъ же это дѣволъ, не ихъ самихъ устрашаясь, но боится онъ окружающей ихъ, его устрашающей, Божественной силы. Посему, пока видѣтъ ихъ таковыми, не осмѣливается даже прикоснуться къ нимъ до тѣхъ поръ, какъ увидитъ, что охладѣли они въ ревности своей, и какія уготовали себѣ въ мысляхъ своихъ оружія, сложили съ себя извѣщеніемъ Божественныхъ словесъ и памятованій, содѣйствующихъ и вспомошествоющихъ имъ. Во время же лѣности ихъ обращаетъ на нихъ вниманіе, когда уклонятся нѣсколько отъ первыхъ помысловъ своихъ, и сами отъ себя начнутъ изобрѣтать то, что служитъ къ одоленію ихъ въ этихъ же источающихся ласка-

тельствами мудрованія ихъ, и сами отъ себя душамъ своимъ искапываютъ ровъ погнѣбленіи, отъ лѣности происходящимъ нарсѣмъ помысловъ, отъ которыхъ въ нихъ, то-есть, въ мысляхъ и въ сердцахъ ихъ, воцарилась холодность. И дьяволъ, когда удерживается отъ нападенія на нихъ, дѣлаетъ сіе непроизвольно, не потому что щадитъ ихъ, или стыдится ихъ. Нбо ни во что вѣнчаютъ ихъ. Напротивъ того, разсуждаю, что нѣкая сила окружаетъ тѣхъ, которые съ пламенною ревностію стремятся къ Богу, съ младенческими чувствами псходятъ на подвигъ, безъ всякихъ разсчетовъ отрекаяся отъ міра, надѣются же на Бога, вѣруютъ въ Него и не знаютъ, съ кѣмъ ведутъ борьбу. Посему, Богъ отражаетъ отъ нихъ лютость дьявольскаго лукавства, чтобы не приближалась къ нимъ. Врагъ обуздывается, видя Храпителя, всегда ихъ охрашающаго. Нбо если не огринутъ отъ себя причинъ помощи, то-есть молитвъ, трудовъ и смиренномудрія, то Заступникъ и Помощникъ никогда не удаляется отъ нихъ.

Смотри, и зачини это въ сердце свое; поговучто сластолюбіе и любовь къ покою бывають причиною поущенія. А если кто пребываетъ въ неослабномъ воздержаніи отъ этого, то никогда не оставляетъ его Божіе содѣйствіе, и врагу не поускается приражаться къ нему. Если же и бываетъ когда поущено приразиться къ нему для вразумленія его, то сопровождаетъ и поддерживаетъ его святая сила, и не боится онъ демонскихъ искушеній; поговучто помысль его благодумствуетъ и пренебрегаетъ искушеніями ради этой силы. Нбо сама Божественная сила научаетъ людей, какъшой учить плавать ка-

кого-либо малаго ребенка, и когда начнет онъ уто-
 нать, выносить его изъ воды, потому-что ребенокъ
 плавать надъ руками обучающаго, и когда начнетъ
 робѣть, чтобы не утонуть, самъ посягнѣй его на ру-
 кахъ своихъ взывать съ ободреніемъ ему: «не бойся,
 я ношу тебя». И какъ мать учить малаго сына
 своего ходить, удаляется отъ него, и зоветъ его къ
 себѣ; а когда онъ, идя къ матери своей, начнетъ
 дрожать и по слабости и нѣжности ногъ и членовъ
 падать, мать его прибѣгаетъ и носитъ его въ
 объятіяхъ своихъ: такъ и благодать Божія носитъ
 и учитъ людей, которые чисто и въ простотѣ пре-
 дали себя въ руки Создателя своего, всѣмъ сердцемъ
 отреклись отъ міра, и идутъ во слѣдъ Господа. А
 ты, человѣкъ, исходящій во слѣдъ Бога, во всякое
 время подвига своего помни всегда начало и первую
 ревность при началѣ пути и тѣ пламеннѣющіе помы-
 слы, съ какими пошелъ ты въ первый разъ изъ дому
 своего, и вступилъ въ воинскіе ряды. Такъ помышляй
 себя каждый день, чтобы горячность души твоей
 не охладѣла въ одномъ изъ оружій, въ какія облеченъ
 ты, и въ ревности, воспламенившейся въ тебѣ при
 началѣ, то-есть при началѣ твоего подвига, и чтобы
 не лишиться тебѣ одного изъ оружій, въ какія облеченъ
 ты въ началѣ твоего подвига. И непрестанно
 возвышай голосъ свой среди воинскаго стана, ободряй
 и обоощай къ мужеству чадъ десной страны, то-есть
 помыслы свои, а другимъ, то-есть, сторонѣ сопроти-
 вника, показывай, что ты трезвешь. И поему,
 если вначалѣ увидишь устранивающее тебя устрем-
 леніе искушителя, не ослабьвай; оно, можетъ быть,
 будетъ тебѣ полезно; потому-что Спасающій тебя

шному не попускаетъ даромъ приблизиться къ тебѣ, если не устроитъ въ этотъ чего-либо къ пользу твоей.

Но не показывай перадыніа вначатіи, чтобы, показавъ перадыніе здѣсь, не пасть тебѣ, когда поступиши впередъ, и не оказаться уже неспособнымъ сопротивляться паходящимъ на тебя скорбямъ, разумно же скорби по причинѣ голода, немощи, странныхъ мечтаній и прочаго. Не превращай намѣренія (и) Подвигоположника твоего, потому-что дастъ тебѣ помощь противъ сопротивника, чтобы врагъ не нашелъ тебя, какъкъ ожидаетъ. Но призывай непрестанно Бога, плачь предъ благодатію Его, проливай слезы и трудись, пока не пошлетъ тебѣ помощника. Ибо, если однажды увидишь близъ себя Спасающаго тебя, не будешь уже побѣжденъ сопротивляющимся тебѣ врагомъ твоимъ. Вотъ до сего мѣста описаны два способа діавольской борьбы.

О третьемъ способѣ вражеской брани съ сильными и мужественными.

Посему, когда діаволъ послѣ всего этого возстанетъ на кого-нибудь, не имѣетъ уже силъ къ борьбѣ съ нимъ, лучше же сказать, къ борьбѣ съ Укрѣпляющимъ его и Помогающимъ ему; человекъ содѣйствіемъ своимъ возносится надъ врагомъ, заступаетъ у Содѣйствующаго силу и теритііе, такъ-что грубое и вещественное тѣло побѣждаетъ безплотнаго и духовнаго. Когда же увидитъ врагъ всю

(и) Здѣсь предпочтается чтеніе, согласное съ древнимъ слав. пер. сводомъ.

эту силу, какую человекъ пріять отъ Бога, увидитъ, что вѣншія чувства у человека не побуждаются видимыми венцами и слышимыми гласами, и помыслы не расслабляютъ отъ ласкательствъ и обольщеній его; тогда уже этотъ обманщикъ желаетъ отыскать какой-либо способъ отдалить отъ человека онаго помогающаго ему Ангела. Лучше же сказать, обманщикъ этотъ желаетъ ослѣпить умъ человека, которому оказывается помощь, чтобы оказался онъ безпомощнымъ, и возбудить въ немъ помыслы гордыни, чтобы подумалъ онъ въ себѣ, будто бы вся крѣпость его зависитъ отъ его собственной силы, и самъ онъ пріобрѣлъ себѣ это богатство, своею силою сохранилъ себя отъ противника и убійцы. И иногда разсуждаетъ онъ, что побѣдилъ врага случайно; а иногда, что побѣдилъ по безсилію врага (умалчиваю о другихъ способахъ и хульныхъ помыслахъ, при одномъ только воспоминаніи о которыхъ душа впадаетъ въ страхъ); иногда же врагъ, подъ видомъ откровеній отъ Бога, изводитъ на среду прелесть свою, и въ сповѣдніяхъ показываетъ что-либо человеку, и также, во время его бодрствованія, преобразуется въ свѣтлаго Ангела, и дѣлаетъ все, чтобы прійти въ возможность мало-по-малу убѣдить человека, и хотя нѣсколько привести въ согласіе съ собою, и чтобы человекъ предасть быть въ руки его. Если же благоразумный человекъ въ безопасности удержитъ помыслы свои, лучше же сказать, удержитъ памятованіе о Событствующемъ ему, и око сердца своего устремить къ небу, чтобы не впасть заманивающихъ въ него это; то врагъ слова предпріимаетъ изобрѣтать новые способы.

О четвертой упорной вражеской брани.

Наконецъ, у него осталось это одно, потому-что природа имѣетъ съ сѣмъ сродство; и потому, этимъ преимущественно надѣется причинить погибель человеку. Въ чемъ состоитъ это ухищреніе? Въ слѣдующемъ: угнетать человека естественными его нуждами. Умъ подвижника ослабляется часто видѣніемъ и приближеніемъ къ нему вещей чувственныхъ, и безъ труда побѣждается въ борьбѣ, когда сбѣгается съ ними, гораздо же болѣе, когда онѣ бывають прямо передъ глазами у человека. Ибо съ знаніемъ дѣла и съ опытною пользуется сѣмъ способомъ лютый дьяволъ, то-есть, дознавъ сіе опытно на многихъ бранныхъ и сильныхъ подвижникахъ, которые пали отъ сего, и дѣлаетъ это ухищренію. Хотя не можетъ очь заставить человека совершить что на самомъ дѣлѣ, потому-что человекъ огражденъ безмолвіемъ, и жилище его далеко отъ поводовъ и причинъ ко грѣху, однакоже усиливается сдѣлать, чтобы умъ у подвижниковъ видѣлъ это въ призракъ, и старается образовать въ нихъ подлѣ личною истинны ложныя мечты; чтобы приняти въ вождельніе мечтаемаго, производить въ нихъ щекотанія и побужденія останавливаться мыслію на срамныхъ помыслахъ, соглашаться на оныя, содѣлываться въ нихъ вѣрными, только бы чрезъ это удалить отъ нихъ Помошника ихъ. Ибо врагъ знаетъ, что побѣда человека и одоленіе его, и сокровище и защита его и все у подвижника производится помысломъ его, и совершается въ краткое мгновеніе, только бы помыслу подвижника съ мѣста и съ оной высоты спойзиди

на землю, и произволеніемъ на одно мгновеніе показать свое согласіе, какъ и случалось это со многими изъ святыхъ при мечтательномъ представленіи красоты женской. Если приближались они къ міру на одно или на два поприща, или на разстояніе дневной пути; то врагъ перьдко прибѣгалъ къ тому, что дѣйствительно приводить къ нимъ женщинъ. А пребывающихъ вдали отъ міра не можетъ уловить въ эту сеть; потому, въ мечтаніяхъ показывается имъ женскую красоту въ непрістойныхъ видахъ, привлекая вниманіе, то убранствомъ одеждъ, то вольностію обращенія, то тѣлесною наготою. Смигъ и подобнымъ сему однихъ побѣдилъ врагъ на самомъ дѣлѣ, а другіе, по безсечности помысловъ своихъ, обмануты были мечтаніями, и чрезъ то пришли въ глубинну отчаянія, уклонились въ міръ; и души ихъ утратили небесную надежду.

Другіе же были крѣпче ихъ, и, просвѣщенные благодатію, побѣдили врага и мечтанія его, поирали тѣлесныя удовольствія, и оказались искусными въ любви Божіей. Часто также врагъ дѣлалъ, что видѣли они мечтательно золото, драгоценныя вещи и золотыя сокровища, а иногда самымъ дѣломъ показывать имъ это въ той надеждѣ, что, можетъ быть, и уснѣетъ такими различными мечтаніями остановить кого-либо изъ нихъ въ теченіи его, и зашнуръ одной изъ сетей и мрежъ своихъ.

Но Ты, Господи, Господи, вѣдущій немощь нашу, не введи насъ въ таковыя искушенія, отъ которыхъ даже сильные и болѣе искусные едва исходятъ побѣдителями съ таковой борьбы!

И все это попускается искусителю диаволу, когда

со связями вестъ брань искушениями, чтобы таковыи искушениями извѣдывалась любовь Божія въ нихъ, дѣйствительно ли, при удаленіи сихъ вещей въ отшельничество, лишеніи и скудости своей, они боголюбивы, и пребудутъ въ любви Божіей, и истинно любятъ Бога; и когда приближаются къ симъ вещамъ, по любви къ Богу, стараются пренебрегать ими и уничижать ихъ; обольщаемые ими не уступаютъ имъ надъ собою победы. И такимъ образомъ искушаются, чтобы чрезъ это содѣлаться не только извѣстными Богу, но и самому диаволу, потому-что желательно ему испытать многое и всякъ, если можно, извѣдать, и испросить себѣ у Бога для искушенія, какъ испросилъ праведнаго Іова. И когда бываетъ малое поущеніе Божіе, искуситель диаволь неудержимо приближается; но, по мѣрѣ силы искушаемыхъ имъ, а не по желанію своему, приражается къ нимъ беззаконный диаволь. И чрезъ сіе испытываются истинные боголюбцы, твердые въ любви Божіей, пренебрегаютъ ли они всякъ этакъ, и вѣнчаются ли это въ глазахъ ихъ ни во что въ сравненіи съ любовью Божіею, всегда ли смѣются они, воздають славу Событствующему имъ во всемъ и Выпущнику ихъ победы, и Ему въ руки предають себя во время подвига, говоря Богу: «Ты силенъ, Господи; Твой это подвигъ, Ты ратоборствуй и побѣждай въ немъ за насъ.» Тогда искушаются они, какъ золото въ горниль.

Но извѣдываются и познаются въ таковыхъ искушеніяхъ и ложные боголюбцы, и они, давъ мѣсто врагу своему и ставъ повинными, отпадаютъ отъ Бога, какъ мечетота, за бечечность ума своего,

или за гордость свою; потому-что не сподобились-пріять силу, какая дѣйствовала во святыхъ. Содо-дѣйствующая же намъ сила не преодолевается. Ибо Господь всемогущъ, и крѣпче всѣхъ, и во всякое время бываетъ побѣдителемъ въ смертномъ тѣлѣ, какъ-скоро спускоидтъ къ подвижникамъ во время брани. Если же бываютъ они побѣждены; то явно, что побѣждаются безъ Него. И это суть тѣ, которые, по своему произволенію, неблагодарностію своею удалились отъ себя Бога, потому-что не сподобились силы, вспомошествоющей побѣдителямъ, и даже чувствуютъ себя лишенными той обычной, собственной своей силы, какую имѣли во время сильныхъ своихъ браней. Какъ же чувствуютъ это? Видятъ, что наденіе ихъ представляется пріятнымъ и сладостнымъ въ очачъ ихъ, и что трудно имъ выдерж-жать жестокость борьбы со врагомъ ихъ, которую прежде съ ревностію рѣшительно преодолевали стремленіемъ естественнаго движенія, сопровождавшимся въ то время горячістію и быстротою. И этого не находятъ они теперь въ душѣ своей.

И тѣ, которые нерадивы и слабы въ началѣ под-вига, не только отъ спхъ и подобныхъ бореній, но и отъ шума древесныхъ листьевъ приходятъ въ боязнь и смятеніе, и малою нуждою, голодомъ въ случаѣ недостатка, и небольшою немощію преодоле-ваются, отрекаяюся отъ подвига, и возвращаются вспять. Истинные же и благонкусные подвижники не пресыщаются злаками и овощами, даже питаюся кореньями сухихъ былій, не соглашаются что-либо вкусить прежде назначеннаго часа, но въ тѣлеспотъ изнеможеніи лежатъ на голой землѣ; очи ихъ едва

смотрять отъ чрезмѣрнаго истощанія тѣла, и если отъ нужды близки бываютъ къ тому, чтобы разлучиться съ тѣломъ, не уступаютъ надъ собою побѣды, и не оставляютъ крыкаго произволенія; потому-что желаютъ и воздерживаютъ лучше сдѣлать себѣ принужденіе изъ любви къ Богу, и предпочитаютъ трудиться ради добродѣтели, нежели имѣть временную жизнь и въ ней всякое упокоеніе. И когда приходятъ на нихъ искушенія, веселятся паче, и еще усовершенствуются ими. Даже среди тяжкихъ предстоящихъ имъ трудовъ не колеблются въ любви Аристовой; но пока не утратятъ жизни, пламенно желаютъ съ мужествомъ выдерживать нападенія, и не отступаютъ, потому-что чрезъ это усовершенствуются. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки вѣковъ !
Аминь.

С Л О В О 61.

О томъ, что полезно человеку въ приближеніи его сердцемъ своимъ къ Богу, какая истинная причина сокровенно приближаетъ къ нему помощь, и какая опять причина приводитъ человека въ смѣрненіе.

Блаженъ человекъ, который познаетъ помощь свою; потому-что вѣдѣніе сіе дѣлается для него основаніемъ, корнемъ и началомъ всякаго добраго успѣха. Какъ-скоро дознаетъ кто, и дѣйствительно ощутитъ, помощь свою; воздвигаетъ душу свою изъ расслабленія, очрачающаго вѣдѣніе, и запасается осторожностію. Но никто не можетъ ощутить не-

мощь свою, если не будетъ поущено на него хотя малаго искушенія тѣмъ, что утомляетъ или тѣло, или душу. Тогда, сравнивъ свою немощь съ Божіею помощію, тотчасъ познастъ ея величіе. И также, когда разсмотритъ множество принятыхъ имъ мѣръ, осторожность, воздержаніе, покровъ и огражденіе души своей, въ чемъ надѣялся онъ найдти безопасность ея, и не обрѣтаетъ, даже и сердце его, отъ страха и трепета, не имѣетъ тишины; пусть пойметъ и познастъ тогда, что этотъ страхъ сердца его обнаруживаетъ и показываетъ непремѣнную потребность для него иного нѣкоего помощника. Ибо сердце страхомъ, поражающимъ его и борющимся внутри его, свидѣтельствуетъ и даетъ знать о недостаткѣ чего-то; а снѣмъ обязывается, что не можетъ оно жить въ безопасности, потому-что, какъ сказано, спасаетъ Божія помощь. Но кто позналъ, что имѣетъ нужду въ Божіей помощи, тотъ совершаетъ много молитвъ. И въ какой мѣрѣ умножаетъ ихъ, въ такой смиряется сердце. Ибо всякій молящійся и просящій не можетъ не смириться. *Сердце же сокрушено и смиренно Богъ не уничижитъ* (Ис. 50, 19.). Поэтому сердце, пока не смирился, не можетъ престать отъ паренія; смиреніе же собираетъ его во-едино.

Какъ-скоро человекъ смирился; немедленно окружаетъ его милость. И тогда сердце ощущаетъ Божественную помощь; потому что обрѣтаетъ возбуждающуюся въ немъ нѣкую силу увѣренности. Когда же человекъ ощутитъ, что Божественная помощь дѣйствительно вспомоществуетъ ему; тогда сердце его мгновенно исполняется вѣры. Изъ сего уразумѣваетъ онъ, что молитва есть приближающіи

помощи, источникъ спасенія, сокровище безонасности, пристань спасающая отъ тревоженія, свѣтъ пребывающимъ во тмѣ, опора немощныхъ, покровъ во время искушеній, пособіе въ рывительную минуту болѣзни, щигъ избавленія во бранн, стрѣла изощренная на враговъ, и просто сказать: открывается ему, что все множество сихъ благъ дѣлается доступнымъ для него молитвою; и отнынѣ услаждается уже онъ молитвою веры. Сердце его дѣлается свѣтлымъ отъ упованія, и никакъ не остается въ прежнемъ ослѣпленіи, при простомъ вѣщаніи устъ. Но когда уразумѣтъ сіе такимъ образомъ; тогда пріобрѣтетъ въ душѣ молитву, подобную сокровищу, и отъ великаго веселія видѣ молитвы своей извѣститъ въ благодарственные гласы. И вотъ слово, изреченное Тѣмъ, Кто каждой вещи опредѣлитъ собственный ея образъ: «молитва есть радость, возсылающая благодареніе». Разумѣтъ же Онъ сію молитву, совершаемую въ вѣдѣніи Бога, то-есть, посылаемую отъ Бога; по тому-что не съ трудомъ и утомленіемъ молится тогда человекъ, какова всякая иная молитва, какою молится человекъ до ощущенія сей благодати; но съ сердечною радостію и удивленіемъ непрестанно источаетъ благодарственные движенія, при неисчислимыхъ коленопреклоненіяхъ, и отъ множества возбужденій къ вѣдѣнію, удивленію и изумленію предъ благодаію Божіею висянно возвынаетъ гласъ свой, пѣснопслова и прославляя Бога, возсылаетъ благодареніе Ему, и въ крайнемъ изумленіи приводитъ въ движеніе языкъ свой.

Кто достигъ сюда дѣйствительно, а не мечта-

тельно, самымъ дѣломъ положишь въ себѣ многіе признаки и по долгомъ самонспытаніи узнать многія особенности: тотъ знаетъ, что говорю; потому что непротивно сіе истинъ. И отнынѣ да престапетъ помышлять суетное, да пребываетъ неотступно предъ Богомъ въ непрестанной молитвѣ съ болящою и страхомъ, чтобы не лишиться великой Божіей помощи.

Всѣ сін блага раждаются человеку отъ познанія собственной немощи. Ибо по великому желанію помощи Божіей приближается онъ къ Богу, пребывая въ молитвѣ. И въ какой мѣрѣ приближается онъ къ Богу намъреніемъ своимъ, въ такой и Богъ приближается къ нему дарованіями Своими, и неотъемлетъ у него благодати за великое его смиреніе, и потому-что, какъ вдова предъ судією, неотступно вопіетъ заштити отъ соперника. Поэтому же щедролюбный Богъ удерживаетъ отъ него дары благодати, чтобы служило сіе для человека причиною приближаться къ Богу, и чтобы ради потребности своей человекъ неслучно пребывалъ предъ Источающимъ служащее на пользу. И нѣкоторые прошенія его Богъ исполняетъ скоро, именно же тѣ, безъ которыхъ никто не можетъ спастись; а другія медлятъ исполнить. И въ иныхъ обстоятельствахъ отражаетъ отъ него и разсѣваетъ палящую силу врага, а въ другихъ попускаетъ впадать въ искушеніе, чтобы это испытаніе, какъ уже сказалъ я, служило для него причиною приближаться къ Богу, и чтобы научился онъ, и имѣлъ опытность въ искушеніяхъ. И вотъ слово Писанія: Господь оставилъ многіе народы, не истребить ихъ

и не предалъ въ руки Иисуса сына Навина, чтобы наставить ими сыновъ израилевыхъ, и чтобы колѣна сыновъ израилевыхъ вѣяли ихъ урокамъ и научились брани (Суд. 3, 1. 2.). Ибо у праведника, не познавшаго своей немощи, дѣла его какбы на остріѣ бритвы, и вовсе недалеко онъ отъ паденія и отъ тлетворнаго льва, разумно же демона гордыни. И еще, кто не знаетъ своей немощи, тому недостаетъ смиренія; а кому не достаетъ его, тотъ не достигъ до совершенства; и недостигшій до онаго всегда бываетъ въ страхъ; потому-что градъ его не утвержденъ на столпахъ желѣзныхъ и на прагахъ мѣдныхъ, то-есть, на смиреніи. Смиреніе же не иначе можетъ кто пріобрѣсти, какъ тѣмъ способами, какими обыкновенно пріобрѣтается сердце сокрушенное и униженныя о себѣ помысленія. Посему-то и врагъ перѣдко отыскиваетъ себѣ слѣдъ къ тому, чѣмъ совратить человека. Ибо безъ смиренія не можетъ быть совершенно дѣло человека, и къ рукописанію свободы его не приложена еще печать Духа, лучше же сказать, донынѣ онъ рабъ, и дѣло его не свободно отъ страха; потому-что никому не исправить дѣла своего безъ смиренія и не научиться безъ искушеній; а безъ обученія никто не достигаетъ смиренія.

Посему-то Господь оставляетъ святымъ причины къ смиренію и къ сокрушенію сердца въ усильной молитвѣ, чтобы любящіе Его приближались къ Нему посредствомъ смиренія. И перѣдко устрашаетъ ихъ страстями ихъ естества и поплзновеніями срамныхъ и нечистыхъ помысленій, а часто укоризнами, оскорбленіями и заушеніями отъ лю-

дей, иногда же болѣзнями и недугами тѣлесными, и въ другое время нищегою и скудостію необходимыхъ потребностей, то мучительною сильнаго страха, оставленіемъ, явною бранію діавола, чѣмъ обыкновенно устрашаетъ ихъ, то разными странными происшествіями. И все это бываетъ для того, чтобы имѣть нѣтъ причины къ смиренію, и чтобы не впасть нѣтъ въ усиленіе нерадѣнія, или по тѣмъ обстоятельствамъ, въ какихъ находится недугующій подвижникъ, или по причинѣ будущаго страха. Поэтому, искушенія по необходимости полезны людямъ. Но говорю сіе не въ томъ смыслѣ, будто бы человеку слѣдуетъ добровольно разслаблять себя срамными помыслами, чтобы памятованіе о нихъ служило для него поводомъ къ смиренію, и будто бы долженъ онъ стараться впадать въ другія искушенія; но въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ ему въ благомъ дѣланіи во всякое время трезвиться, соблюдать душу свою и разсуждать, что онъ—тварь, и потому подлежатъ измѣненію. Ибо всякая тварь въ защиту себя требуетъ Божіей силы, и всякій, кто требуетъ защиты отъ другаго, обнаруживаетъ тѣмъ естественную немощь. А кто позналъ немощь свою, тому по необходимости нужно смиряться, чтобы потребное для себя получить отъ Могущаго дать сіе. И если бы иначеа знать и видѣть онъ немощь свою; то не вознерадѣлъ бы. И если бы не вознерадѣлъ, то и не впасть бы въ сонъ, и для пробужденія своего не былъ бы преданъ въ руки оскорбляющихъ его.

Напоицеъ, шествуящему путемъ Божіимъ надлежитъ благодарить Бога за все, приключающееся съ

шить, укорять же и осыпать упреками душу свою, и знать, что поущено сіе Промыслителемъ не тщяче, какъ по собственному его какому-нибудь нерадѣнію, или для того, чтобы пробудился умъ его, или потому-что онъ возгордился. И потому да не смущается онъ, да не оставляетъ поприща и подвига, и да не перестанетъ дѣлать себѣ упреки, чтобы не постигло его сугубое зло; потому-что нѣтъ неправды у Бога источающаго правду. Да не будетъ сего! Ему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 62.

О словесахъ божественнаго Писанія, поощряющихъ къ покаянію, и о томъ, что изречены оныя по немощи человеческой, чтобы люди не погнѣши, отпадъ отъ Бога живаго, и что не должно обращать оныхъ въ поводъ къ тому, чтобы грѣшнить.

—

То мужество въ покаяніи, какого Отцы требуютъ въ божественныхъ своихъ писаніяхъ, и ту силу его, какая изображена въ Писаніяхъ Апостоловъ, и Пророковъ, не должны мы обращать въ пособіе къ тому, чтобы грѣшнить и разорять неварушныя постановленія Господни, какія отъ дней древнихъ устави всѣхъ святыхъ, во всѣхъ писаніяхъ и законоположеніяхъ опредѣлены силою Божіею къ нестребленію грѣха. Ибо для того, чтобы имѣть намъ надежду въ покаяніи, умирились они предотвра-

титъ въ насѣмъ чувствъ страхъ отчаянія ; почему, всякій человекъ носитьна бы прійди въ покаяніе и не грѣшилъ бы небоязненно. Между-тѣмъ Богъ, всѣмъ мѣрамъ во всѣхъ Писаніяхъ внушалъ страхъ, и показывалъ, что грѣхъ невинственъ Ему. Ибо какъ погибъ въ погонѣ современный Ною родъ ? Не за похотливость ли, когда люди съ непостоявствомъ возжелали красоты дочерей Канновыхъ ? Не было же въ то время сребролюбія, идолослуженія, волхвованія (р) и войнъ. За что и содомскіе города пожжены огнемъ ? Не за то ли, что члены свои предали вождельно и нечестю, которыя во волѣ ихъ владѣли всѣмъ намъ во всѣхъ скверныхъ и непристойныхъ дѣлїяхъ ? Не за пободѣніе ли одного человека въ одно мгновеніе поддало смерти двадцать пять тысячъ сыновъ первенца Божїи израїля ? За что отверженъ Богомъ сей исполнивъ Самсонъ, который въ матерней утробѣ отдѣленъ и освященъ былъ Богу, о которомъ, какъ объ Іоаннѣ, сынъ Захарїиномъ, до рожденія благовѣстивалъ Ангелъ, и который сподобился великой силы и великихъ чудесъ ? Не за то ли, что святые члены свои осквернили сожитіемъ съ блудницею ? За сіе-то удаленъ отъ него Богъ, и предалъ его врагамъ его. А Давидъ, мужъ по сердцу Божію, за добродѣтели свои сподобившійся того, чтобы отъ сѣмени своего произвести обитованіе отцевъ, и чтобы возсіалъ отъ него Христосъ во спасеніе цѣлой вселенной, не наказанъ ли за прелюбодѣніе съ

(р) Слова *идолослуженія*, *волхвованія*, дополнены изъ древняго славянскаго перевода.

одною женою, когда глазами своими увидѣлъ красоту ея, и пала стрѣла въ душу его? За сіе Богъ воздвигъ на него брань въ дому его, и изгналъ его пропснѣдній отъ чреслъ его, хотя Давидъ со многими слезами приносилъ покаяніе, такъ-что и постелею свою омочалъ слезами, и Богъ изрекъ ему чрезъ Пророка: *Господь отъя согрѣшеніе твое* (2 Цар. 12, 10.).

Намереваюсь воспоминуть и о нѣкоторыхъ прежде него. За что гнѣвъ Божій и смерть пришли на домъ священника Нлія, праведнаго старца, сорокъ лѣтъ украшавшагося священствомъ? Не за беззаконіе ли дѣтей его, Офни и Финсеса? Ибо не согрѣшили самъ онъ, и они грѣшили не по его на то согласію. Но, послѣку не было у него ревности наказать ихъ за преступленіе предъ Господомъ, и отецъ любилъ ихъ болѣе, нежели повелѣнія Господни, чтобы не подумалъ кто, что Господь на тѣхъ однихъ, которые все дни жизни своею жили въ беззаконіяхъ, являетъ гнѣвъ Свой, за этотъ безразсудный грѣхъ, показываетъ ревность Свою на близкихъ къ Нему, на священникахъ, на судіяхъ, князьяхъ, людяхъ освященныхъ Ему, которыми вѣрныя чудотворенія. Смы дастъ знать, что Богъ никогда не оставляетъ безъ вниманія, какъ-скоро являются преступныя законоположенія Его, какъ написано у Іезекіиля: сказалъ человеку, которому заповѣдалъ Я потребить Іерусалимъ невидимымъ мечемъ: начинъ съ предстоящихъ жертвеннику Мою, и не минуи старца и юношу (Іезек. 9, 6.). А смы показываетъ, что близки и любезны Ему тѣ, которые въ страхъ и благоговѣніи ходятъ предъ

Имѣть, и исполняющъ волю Его, и что святы предъ Богомъ доблестями дѣла и чистая совесть. Уничтожающихъ же пути Големъ и Онь уничижаетъ и отвергаетъ ихъ отъ лица Своего, и отъясняетъ у нихъ благодать Свою. Ибо да что вынесли внезапно приговоръ на Ватцара, и какою рукою поразить его? Не за то ли, что посягнулъ на неприкосновенныя приношенія Ему, гадія похитить въ Иерусалимъ, и шить изъ нихъ сабъ и валоженныи его? Такъ и тѣ, которые похитили члены свои Богу, и снова отваживаются употребить ихъ на дѣла мѣркия, погибають отъ невидимаго удара.

Поэтому не будемъ, въ ожиданіи покаянія, съ отважностію, подаваемою намъ божественными Писаніями, презирать словеса и угрозы Божіихъ, и прогнѣвать Бога несообразностію дѣяній своихъ, и осквернять члены, которые однажды навсегда освятили мы на служеніе Богу. Ибо вотъ и мы освящены Ему, какъ Илія и Елисеѣй, какъ свѣты пророческіе и прочіе святыи и дѣвственники, которые совершали великія чудотворенія, и лицемъ къ лицу бесѣдовали съ Богомъ, и всѣ бывшіе послѣ нихъ, какъ то: Іоаннъ дѣвственникъ, и святой Четръ, и прочіи лики благовѣстниковъ и проповѣдниковъ новаго завета, которые освѣтили себя Господу, и пріяли отъ Него тайны, одни изъ устъ Его, другіе чрезъ откровеніе, и стали посредниками Бога и человѣковъ и провозвѣщавши царства во вселенной.

С Л О В О 63.

О томъ, чѣмъ охраняется доброта иноческаго житія,
и о чинѣ славословія Божія.

—

Инокъ во всѣхъ своихъ чертахъ и дѣлахъ долженъ быть назидательнымъ образцемъ для всякаго, кто его видитъ, чтобы, по причинѣ многихъ его добродѣтелей, сіяющихъ подобно лучамъ, и враги истины, смотря на него, даже нехотя сознавались, что у христіанъ есть твердая и непоколебимая надежда спасенія, и отсюда стекались къ нему, какъ къ дѣйствительному прибавицу, и оттого рогъ Церкви возвысился бы на враговъ ея, и многіе подвиглись бы къ соревнованію иноческой добродѣтели, и оставили міръ, а иннокъ содѣлался бы во всемъ достохвальною за доброту житія его; потому-что иноческое житіе — похвала Церкви Христовой.

Поэтому, иноку должно во всѣхъ отношеніяхъ имѣть прекрасныя черты, то-есть, презрѣніе къ вѣдному, строгую несладкательность, совершенное небреженіе о плоти, высокій постъ, пребываніе въ безмолвіи, благочиніе чувствъ, осторожность въ зрѣніи, отвѣщеніе всякой распри о чемъ-либо въ вѣкъ семь, краткость въ словахъ, отставленіе злословія, при разумительности простоты, при благоразуміи, дѣятельности и оборотливости ума простодушіе и простосердечіе. Ему должно знать, что настоящая

жизнь суетна и скоропреходяща, и что близка жизнь истинная и духовная; не быть знаемымъ, или запрашиваемъ, отъ людей, не связывать себя дружною или едненіемъ съ какимъ-либо человекомъ; мѣсто жительства имѣть безмолвное; убѣгать всегда отъ людей, съ неослабнымъ терпѣніемъ пребывать въ молитвахъ и чтеніяхъ; не любить почестей, и не восхищаться подарками; не привязываться къ жизни сей; мужественно переносить искушенія; быть свободнымъ отъ мірскихъ желаній, отъ развѣдыванія и памятованія о мірскихъ дѣлахъ; заботиться и размышлять всегда объ одной истинной странѣ; имѣть лице скорбное и покрытое морщинами, день и ночь непрестанно проливать слезы; нате же всего этого хранить плѣомудріе свое, быть чистымъ отъ чревоугодія, отъ малыхъ и большихъ недостатковъ. Вотъ, говоря кратко, добродѣтели инока, свидѣтельствующія ему о совершенномъ омертвѣніи его для міра и о близости къ Богу.

Поэтому, во всякое время должно намъ заботиться о снхъ добродѣтеляхъ и пріобрѣтать ихъ. Если же кто скажетъ: какая нужда опредѣлять ихъ въ частности, а не сказать о нихъ вообще и коротко? — то отвѣчаю: сіе необходимо, чтобы, когда радующійся о жизни своей взываетъ въ думѣ своей какой-либо изъ сказанныхъ добродѣтелей, и найдетъ себя скуднымъ въ чемъ-либо изъ перечисленнаго, позналъ онъ изъ этого недостатокъ свой въ какой-либо добродѣтели, и описаніе сіе служило для него въ видѣ напоминанія. Но когда пріобрѣтетъ въ себѣ всё здѣсь опредѣленное, тогда дано ему будетъ видѣніе и о прочемъ неупомянутомъ мною. И будетъ онъ для

святыхъ чловѣковъ виновникомъ славословія Богу. И здѣсь еще, до несчастія своего въ жизни, уготовишь душу своей мѣсто упокоенія. Богу же нане-
му да будетъ слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 64.

О ПЕРЕМЕНѢ И ПРЕБРАТНОСТИ, КАКАЯ БЫВАЕТЪ ВЪ
ШЕСТВУЮЩИХЪ УСТАНОВЛЕННЫХЪ ОТЪ БОГА ПУТЕХЪ
БЕЗМОЛВІЯ.

Кто рѣшился въ умѣ своемъ жить въ безмолвіи, тотъ пусть устроишь себя, и остатокъ дней своихъ проводить въ дѣланіи безмолвія по чину онаго. Когда случится, что душа твоя внутренно наполняется тмою, (а сіе обычно въ опредѣленномъ Божіею благодатию чинѣ безмолвія), и подобно тому, какъ солнечныя лучи закрываются на землѣ мглою облаковъ, душа на нѣсколько времени лишается духовнаго утѣшенія, и свѣтъ благодати внутри померкаетъ, по причинѣ осѣняющаго душу облака страстей, и потому-что умалена въ тебѣ нѣсколько радостворная сила, и умъ пріосѣнила необычная мгла; ты не смущайся мыслію и не подавай руки душевному невѣдѣнію, но терпи, читай книги учителей, принуждай себя къ молитвѣ, и жди помощи. Она придетъ скоро, чего и не узнаешь ты. Ибо, какъ лице земли открывается солнечными лучами отъ объемлющей землю воздушной тмы; такъ молитва можетъ ис-

треблять и разсѣвать въ дунѣ облака страстей, и озарять умъ свѣгомъ веселія и утѣшенія, что обыкновенно порождаетъ молитва въ нашихъ помыслахъ, когда замѣствуемъ себя лицу изъ божественныхъ Писаній, и имѣемъ бодрственность, осязающую умъ. Всегданнее занятіе писаніями святыхъ исполняетъ дуну непостижимымъ удивленіемъ и божественнымъ веселіемъ. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки!

С Л О В О 65.

О ВЪЗМОЛВСТВУЮЩИХЪ;

КОГДА НАЧИНАЮТЪ ОНИ ПОНИМАТЬ, ДО ЧЕГО ПРОСТЕРЛИСЬ ДѢЛАМИ СВОИМИ ВЪ БЕЗПРЕДѢЛЬНОМЪ МОРЬ, ТО-ЕСТЬ, ВЪ ВЪЗМОЛВНОМЪ ЖИТІИ, И КОГДА МОГУТЪ НѢСКОЛЬКО НАДѢЯТЬСЯ, ЧТО ТРУДЫ ИХЪ СТАЛИ ПРИНОСИТЬ ПЛОДЫ.

Скажу тебѣ нѣчто, и не сомнѣвайся въ этомъ; не пренебрегай и прочими словами моими, какъ чѣмъ-то маловажнымъ; потому-что преданіе мнѣ это—люди вѣрные; и я, какъ въ этомъ словѣ, такъ и во всѣхъ словахъ моихъ, сказываю тебѣ истину. Если повѣсишь себя за вѣжды очей своихъ, и достигнешь чрезъ это слезъ; то не думай, что достигъ уже чего-то въ продолженіе жизни своей. Ибо донынѣ міру служишь сокровенное твое, то-есть, ведешь міровую жизнь, и Божіе дѣло дѣлаешь въшнимъ

человѣкомъ, а внутренній человекъ еще безплоденъ; потому-что плодъ его начинается слезами. Когда достигнешь области слезъ; тогда знай, что умъ твой вышелъ изъ темноты міра сего, поставилъ ногу свою на стезю новаго вѣка, и началъ обонять воню чуднаго новаго воздуха. И тогда начинаетъ источать слезы; потому-что приблизилось рожденіе духовнаго младенца. Общая всѣхъ матеръ, благодать, воздѣлываетъ таинственно въ думѣ на свѣтъ будущаго вѣка произвести божественный образъ. А когда наступитъ время рожденія, тогда умъ начинать возбуждаться чѣмъ-то таинственнымъ, подобно дыханію, какое младенецъ привлекаетъ въ себя еще внутри чрева, въ которыхъ обыкновенно шпастся, И послѣку не терпѣтъ того, что для него еще необычно, то начинаетъ вдругъ побуждать тѣло къ воню, смѣшанному съ сладостію меда. И въ какой мѣрь воспитывается внутренній младенецъ, въ такой же бываетъ приращеніе слезъ. Но сей описанный мною чинъ слезъ не тотъ, какой съ промежутками бываетъ у безмолвствующихъ; потому-что и у всякаго, пребывающаго въ безмолвіи съ Богомъ, бываетъ по временамъ сіе утѣшеніе, то когда онъ въ умственномъ созерцаніи, то когда занятъ словами писаній, то когда бываетъ въ молитвенномъ собесѣдованіи. Но я говорю не о семъ чинѣ слезъ, а о томъ, какой у плачущаго непрерывно день и ночь.

По кто въ дѣйствительности и точности нашелъ истинное значеніе сихъ образовъ, тотъ нашелъ оное въ безмолвіи. Пбо они его уподобляются водному источнику до двухъ и болѣе дѣтъ; а потомъ при-

ходить онъ въ умирение помысловъ. А по умирении помысловъ, сколько вмѣщаетъ отчасти естество, входитъ въ тотъ покой, о которомъ сказалъ святой Павелъ (Евр. 4, 3.). И по сему мирному уноженіи умъ начинаетъ созерцать тайны. Тогда Духъ Святой начинаетъ открывать ему небесное, и вселяется въ немъ Богъ, и воскрешаетъ въ немъ плодъ Духа, и оттого, не только неясно и какбы гадательно, человекъ одушаетъ въ себя то измѣненіе, какое приметъ внутреннее естество при обновленіи вселенскихъ.

Сіе на память себѣ и всякому, читающему сочиненіе это, написалъ я, какъ заимствовалъ изъ писаній, изъ повѣданнаго правдивыми устами, а немалое изъ собственнаго опыта, чтобы послужило это мнѣ въ помощь по молитвамъ твоихъ, кому будетъ сіе на пользу; потому-что употребилъ я на это немалый трудъ.

Но послушай еще, что теперь скажу тебѣ, и чему научился изъ неживыхъ устъ. Когда вступишь въ область умирения помысловъ, тогда отъежится у тебя множество слезъ, и потомъ приходятъ къ тебѣ слезы въ мѣру, и въ надмежающее время. Это есть самая точная истина; короче сказать, такъ вѣруеть вся Церковь.

С Л О В О 66.

О томъ, что рабу Божию, обвиняемому въ мѣрскомъ, и испещренному въискать Бога, изъ страха, что не достигъ уразумѣнія истины, необходимо прекращать иска-
нія, и охлаждать въ горячности, порождаемой лю-
бовно къ божественному и къ преслѣдованно тѣмъ
Божіимъ; и о томъ, какъ умъ возмущается страст-
ными припоминаніями.

—

Три чина, въ которыхъ человекъ преуспѣваетъ:
чинъ новоначальныхъ, чинъ средній и чинъ совер-
шенныхъ. И кто въ первомъ чинѣ, у того, хотя
образъ мыслей наклоненъ къ добру, однакоже дви-
женіе ума бываетъ въ страстяхъ. Второй чинъ есть
нѣчто среднее между состояніемъ страстнымъ и без-
страстнымъ, и дельные и шушіе помыслы возбужда-
ются въ человѣкѣ одинаково, и, какъ уже сказано,
не перестаетъ отъ зова исходить и свѣтъ и тму.
Если же прекратить ненадолго частое чтеніе боже-
ственныхъ Писаній и воображеніе въ умъ божествен-
ныхъ умопредставленій, образами истины воспламе-
няющихъ его, по мѣрѣ силъ своихъ умопредставля-
ющаго съ вѣнною осторожностію, отъ которой
рождаются и внутреннее храненіе и достаточной
мѣры дѣлю; то увлекается человекъ въ страсти.
Если естественную горячность свою будетъ имать
сказаннымъ выше, и не оставитъ искажія, преслѣдо-
ванія, и стремленія въ этому удалека, хотя и не
видитъ сего, но, по мановенію чтенія божествен-

ныхъ Писаній, иштаеть помыслы свои, и удержи-
ваетъ ихъ отъ уклоненія на страну шуюю, и не
пріемлетъ въ себя подъ образомъ истины какого-
либо дѣвольскаго везанія, а наче, съ любовію хра-
нить дуну свою, и будетъ просить Бога съ терпѣ-
ніемъ въ неутомимой молитвѣ; то Богъ самъ испол-
нитъ ему прошеніе его, и отверзетъ ему дверь Свою,
особливо за смиреніе его; потому-что откровеніе
таинъ бываетъ смиренномуудрымъ. А если умереть
въ семъ унованіи, то, хотя и не узрѣть вблизіи опую
землю, однакоже, думаю, наслѣдіе его будетъ съ
древними праведниками, унованными достигнуть со-
вершенства, и неузрѣвшими онаго, по Апостольскому
слову (Евр. 11, 39.); а они все дни свои труди-
лись, и почли на унованіи. Но что же сказать
намъ? Если не достигаетъ человекъ того, чтобы
взойти ему въ землю обѣтованія, которая есть об-
разъ совершенства, то-есть, чтобы явственно по-
мрь естественныхъ силъ постигнуть ему истину;
то ужели за сіе возбранено будетъ ему это, и пре-
бъдетъ онъ въ послѣднемъ чинѣ, у котораго всякое
намьреніе уклонено въ страну шуюю? Или за то
только, что не уразумѣть всей истины, останется
на vizкой степеніи послѣдняго чина, который и не
познаетъ и не возжелываетъ сего? Или прилично
ему возвыстися до сего, сказаннаго мною, средняго
чину? Ибо хотя и не зрѣть оного иначе, какъ только
въ зеркаль, однакоже надѣяся познаи, и съ этою
надеждою приложится къ отцамъ своимъ: хотя не
сподобился здѣсь совершенной благодати; однакоже
тѣмъ, что всегда собесѣдовать съ нею, всенъзывъ
умомъ обращаться въ нею, и всю жизнь свою возж-

дѣлывалъ ея, возмогъ онъ отсѣчь лукавыя помыслы; и поелнику надеждою сею сердце его исполнилъ Богъ, отходитъ изъ міра сего.

Благолюбиво все то, чѣмъ имѣетъ смиреніе. Духовное поученіе ума въ любви Божіей, путеvodимое разумніемъ божественныхъ Писаній, ограждаетъ душу изнутри отъ прежнихъ лукавыхъ помысловъ, и со-блюдаетъ умъ въ памятованіи будущихъ благъ, чтобы не разслабывалъ онъ отъ нераднія своего, и вмѣсто лучшаго не занимался памятованіемъ о вещахъ мірскихъ; потому-что отъ сего постепенно охлаждаетъ крѣпость чудныхъ его движеній, и впа-даетъ онъ въ пожеланія суетныя и неразумныя. Богу же нашему да будетъ слава!

С Л О В О 67.

О видахъ надежды на Бога, о томъ, кому должно надеяться на Бога, и кто надеется безразсудно и неразумно.

Бываетъ надежда на Бога при сердечной вѣрѣ; и она прекрасна, соединена съ разсудительностію и вѣдѣніемъ; и бываетъ другая, отличная отъ сей надежды, слѣдствіе беззаконія, и она есть ложная. Человѣкъ, который вовсе не имѣетъ заботы о скорогибнущемъ, во всецѣло, днемъ и ночью, ввѣряетъ себя Господу, не заботится ни о чемъ мірскомъ, по великой своей рачительности о добродѣтеляхъ, все свое время употребляетъ на занятія божественнымъ

и потому перадить о приуготовленіи себя яствъ и одеждъ, объ устроеніи жилища тѣлу и о всемъ прочемъ,—такой человекъ прекрасно и разумно надѣется на Господа; потому-что Господь уготовитъ для него необходимое. И это подлинно истинная и самая мудрая надежда. Да и справедливо таковому надѣяться на Бога; потому-что содѣлался рабомъ Его, и рачителемъ къ дѣлу Его, не предастся пераднію, по какой бы то ни было причинѣ. Таковъ достоинствъ, чтобы на немъ оособеннымъ образомъ показалъ Богъ Свою попечительность; потому-что сохранилъ онъ заповѣдь Божию, которая говоритъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Матт. 6, 33.); *и плоти угодія не творите* (Римл. 13, 14.). Ибо при такомъ нашемъ расположеніи, міръ, какъ рабъ какой, приготавливаетъ намъ все, безъ сомнѣнія будетъ подчиняться намъ, какъ владыкамъ, не воспротивится словамъ нашимъ и волю нашей. Такой человекъ, чтобы не прерывать ему непрестаннаго предстоянія Богу, не предастся заботамъ о необходимой потребности тѣла, и, по страху Божию, ни о чемъ о другомъ не нечется, кромѣ того одного, чтобы свободнымъ ему быть отъ всякой таковой, малой и великой, заботы, имѣющей цѣлью удовольствіе и цареніе ума; и однакоже чудеснымъ образомъ получаетъ это, незаботившись и негрудившись о семъ.

Но человекъ, у котораго сердце совершенно погребено въ земномъ, который всегда ѣстъ съ змѣею персть, никогда не печется о благоугодномъ Богу, по утомленъ и разслабленъ всѣмъ тѣлеснымъ, не имѣетъ попеченія ни объ одной добродѣтели, по

причинъ всегдашнихъ сношеній съ людьми и разсѣянія въ забавахъ, и представляетъ какіе-либо къ тому предлоги; такой человекъ дѣйствительно, по этой лѣности и праздности, стать далеко отъ добраго. И когда будетъ стѣсняемо скудостью въ чемъ-нибудь, или смертно, и подавлено плодами беззаконій своихъ; тогда и онъ, можетъ быть, скажетъ: «возложу упованіе на Бога, и сдѣлаетъ мнѣ безсмертнымъ, и дастъ мнѣ послабленіе». До этого часа не вспоминалъ ты, безразсудный, о Богѣ, но оскорблялъ Его неимуществомъ дѣлъ своихъ, и имя Божіе ради тебя, какъ написано, хулено было язычниками (Рим. 2, 24.); а теперь осмѣливаешься говорить отверстыми устами: «на Него возложу упованіе, Онъ поможетъ мнѣ, и повечается о мнѣ!» Въ посягновеніе таковыхъ хорошо сказать Богъ чрезъ Пророка: *Мене день отъ дне щуютъ, и уразумѣти пунни Моя желаютъ, яко людіе, правду сотворившии, и оправданій Бога своего не оставившии, просятъ у Мене суда и правды* (Иса. 58, 2.). Къ числу таковыхъ принадлежатъ сей безразсудный, который и мыслію своею не приближался къ Богу, а какъ-скоро окруженъ сталъ скорбями, воздвигаетъ къ Нему руки свои съ упованіемъ. Таковаго потребно было бы много разъ жечь на огнь, чтобы всячески вразумить его; потому-что не сдѣлано ничъ ничего такого, по чему быть бы онъ достоинъ имѣть упованіе на Бога. Напротивъ того, за свои злыя дѣла и за свое перадыніе о должностяхъ, достоинъ онъ наказанія; и потерявшій Богъ, по милости только Своей, терпитъ сѣ. Поэтому, да не обольщаетъ себя таковой, да не забываетъ, какова жизнь его, и да

не говоритъ, что падѣтся онъ на Бога. Ибо будетъ наказанъ; потому-что нѣтъ у него иного дѣла вѣры. Да не останется онъ въ праздности, и да не говоритъ: «вѣрую, что подастъ мнѣ Богъ необходимое»,—какъ провождающій житіе въ дѣлахъ Божіихъ, или да не ввергается безразсудно въ клadezь, чтобы, никогда не нѣтъ въ помышленіи Бога, теперь не наденіи сказать: «возложу упованіе на Бога, Онъ избавитъ меня». Не обольщайся, безразсудный; надежду на Бога предваряетъ трудъ для Бога и проптый въ дѣланіи потъ. Если вѣруешь въ Бога, то хорошо дѣлаешь.

Но вѣра требуетъ дѣлъ, и надежда на Бога обнаруживается въ злостраданіи за добродѣтели. Вѣруешь ли, что Богъ промыслиетъ о тваряхъ Своихъ и воскреситъ? Да сопровождаютъ вѣру твою приличное дѣланіе; и тогда услышишь тебя Богъ. Не старайся въ горсти своей удержатъ вѣтеръ, то есть, вѣру безъ дѣлъ.

Нерѣдко, иной не зная, идетъ путемъ, гдѣ есть дикій звѣрь, или убійцы, или что-нибудь подобное; и вогъ общій Промыслъ Божій спасаетъ его отъ такового вреда, или, пока не пройдетъ мимо злой звѣрь, чѣмъ-нибудь замедляетъ ишествіе путника, или встрѣчается ему кто-нибудь и заставляетъ уклониться отъ пути. И еще, иногда лукавый змій лежитъ на пути и невидимъ; но Богъ, нехотя предать человека такому искушенію, дѣлаетъ, что змій вачивается вдругъ иинуть и трогаться съ мѣста, или ползти впередъ путника, и онъ, видя это, остерегается и спасается отъ змія. Хотя и недостойны этого человекъ по тайнымъ грѣхамъ, известнымъ

ему одному: однакоже Богъ отводитъ его отъ бѣды, по милости Своей. И еще, случается перько, что падаютъ домъ, или стѣна, или камень, съ шумомъ подвигшись съ мѣста своего, а тамъ сидѣли люди, и Богъ человѣкоподобно повелѣваетъ Ангелу удержать и остановить въ паденіи мѣсто сіе, пока не встанутъ сидѣвшіе, или пока чѣмъ-нибудь не отведетъ ихъ, и никого не останется на мѣстѣ; и едва отойдутъ они, немедленно попускаетъ упасть. А если и случится, что шый будетъ застигнутъ, дѣлаетъ, что не терпитъ онъ никакого вреда. Ибо симъ хочетъ показать безконечное величіе силы Своей.

Все это и подобное этому есть дѣлю Божію Промысла общаго и повсюднаго; праведникъ же имѣетъ надъ собою неотлучное промышленіе. Ибо прочимъ людямъ Богъ повелѣтъ разумно распоряжаться дѣлами своими, и при Божіемъ промышленіи пользоваться и своимъ въѣніемъ; но праведникъ не имѣетъ нужды въ семъ въѣніи для распоряженія дѣлъ своихъ; потому-что вместо въѣнія сего пріобрѣтъ вѣру, которою излагаетъ *всяко возношеніе, внимающее на разумъ Божій* (2 Кор. 10, 5.), и ничего изчисленнаго выше не устрашится, какъ написано: *праведникъ яко левъ уповаетъ* (Притч. 28, 1.), на все отваживаясь вѣрою, не потому-что искушаетъ онъ Господа, но потому-что на Него върастъ, и какбы вооруженъ и облеченъ силою Святаго Духа. И какъ его постоянное попеченіе посвящено Богу, такъ и Богъ говоритъ о немъ: *съ нимъ есмь въ скорби, изму его, и прослаблю его. До тогою дней исполню его, и явию ему спасеніе Моє* (Ис. 9.).

15. 16.). Разслабленный и ленивый къ дѣлу своему не можетъ имѣть такой надежды. Но кто во всемъ пребываетъ съ Богомъ, къ Нему приближается добротой дѣлъ своихъ, и очи сердца своего неуслынно устремляетъ къ благодати Его; тотъ можетъ сказать о себѣ, что сказать божественный Давидъ: *изчезоу очи мои отъ еже уповати ми на Бога Моего* (Пс. 68, 4.). Ему подобаетъ слава, честь и поклоненіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 68.

ОБЪ ОТРЕЧЕНІИ ОТЪ МІРА И О ВОЗДЕРЖАНІИ ОТЪ ВОЛЬНОГО ОБРАЩЕНІЯ СЪ ЛЮДЬМИ.

Когда возлюбимъ бѣгство отъ міра и удаленіе отъ людей мірскихъ; тогда ничто не отдѣляетъ насъ столько отъ міра, не умерщвляетъ въ насъ страстей, не возбуждаетъ и не оживотворяетъ насъ для духовнаго, какъ плачь и сердечное съ разсужденіемъ болѣзнованіе. Ибо лице скромнаго подражаетъ смиренію любимаго. Но также ничто не дѣлаетъ насъ столько сообщниками міра и живущихъ въ міръ и тѣхъ, которые въ міръ предаются нѣчеству и нецотребству, и не удаляетъ насъ столько отъ сокровищъ премудрости и познанія таинъ Божіихъ, какъ смѣхотворство и сри вольности въ обращеніи наречіе мыслей. И это есть дѣло блуднаго демона. Но поелику опытомъ познавъ я любовиудіе твое, возлюбленный; то умоляю тебя любовно, остерегаться зло-

бы врага, чтобы тебѣ безусловіемъ не устудить въ душѣ своей горячности любви ко Христу, ради тебѣ вкусившему же нѣ на древь крестномъ, и чтобы врагъ, вѣсего сладостнаго онаго упражненія и переносенія предъ Богомъ, не сталъ во время бодрствованія твоего наполнять душу твою многими мечтами, а во время сна твоего пѣнять ее пѣльными грезами, словесія которыхъ не терпятъ святые Ангелы Божіи. И тогда содѣлаешься ты для другихъ поводомъ въ поношенію, а для себя острѣе рожию. Посему, припуждай себя подражать смиренію Христову, чтобы возгорѣлся скорбею огнь, Имя въ тебѣ вложенный, которымъ искореняются вѣсь движенія міра, убивающія новаго человека и оскверняющія дворы святаго и всемогущаго Господа. Ибо осмѣливаюсь сказать съ святымъ Павломъ, что мы *храмъ Божій* (1 Кор. 3, 16.). Посему, какъ чистъ самъ Богъ, очисти храмъ Его, чтобы возжелалъ вселиться въ немъ. И какъ самъ Онъ свягъ, освятии храмъ; украсии его всякими добрыми и честными дѣлами, облагодухаеи его благоуханіемъ покоя воли Божіей, чистотою и сердечною молитвою, каковой невозможно пріобрести общеніемъ въ частыхъ мірскихъ волненіяхъ. И такимъ образомъ, облако славы Его пріосѣнитъ душу, и свѣтъ величія Его возсіяетъ внутри сердца, и исполнится радости и веселія весь обитатель селенія Божія, а пакыя и безстыдные исчезнутъ отъ пламени Святаго Духа.

Поэтому, укорни непрестанно самого себя, братъ, и говори: «горе мнѣ, бѣдная душа! Приблизилось время отршенія твоего отъ тѣла. Для чего увеселяешься тѣмъ, что сего же дни должна будешь

оставить, и чего не увидишь во веки ! Обрати вниманіе на вѣржиною свою жизньъ, разсуди, что ты тѣла, почему такъ тѣла, и каковы дѣла твои, съ кѣмъ провела дни жизни своей, или кто воспользовался трудомъ дѣланія твоего на землѣ, кого возвеселила работорговомъ своимъ, чтобы вывести онъ въ сръченіе твое при живствіи твоёмъ изъ міра, кого утѣшилъ во время теченія своего, чтобы упокоиться тебѣ въ пристани сего, для кого бѣдствовала трудясь, чтобы прийти къ нему съ радостію, кого приобрѣла другомъ въ будущемъ вѣкъ, чтобы приять тебя во время несчастія твоего, на какомъ полѣ работала по найму, и кто отдалъ тебѣ мѣду на западъ солнца при разлученіи твоёмъ ?

Испытай себя, душа, и разсмотри, въ какой землѣ удытъ твой, и миновала ли ты поле, которое дѣлательнъ плодотворности горести, съ воздыханіемъ и безпокойствомъ возмаети и возопи, чѣмъ упокоивается Богъ твой наже жертвъ и всесожженій. Уста твои да источаютъ божественныя гласы, каими утѣждаются святыя Ангелы; омочи ланиты свои слезами очей твоихъ, чтобы почить въ тебѣ Святыи Духъ, и опыты тебѣ отъ скверны порока; утѣшительни Господа твоего слезами, чтобы помочь тебѣ; призови Марію и Марю, да научатъ тебѣ плачевными гласами; возопи ко Господу :

Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, плакавший нахъ Лазаремъ, и источившій нахъ шмъ слезы скорби и состраданія, приими слезы горести моеи, страданіемъ Твоимъ уврачуи страсти мои, крозо Твоего ошени мою кровь, и съ тьютъ мою сраствори вою Твоего животворящаго тѣла. Та желчь, какою

наполни Тебя враги, да усладить душу мою отъ горести, какою наполни меня соперники. Тѣло Твое, распростертое на древь крестномъ, къ Тебѣ да простреть умъ мой, увлеченный дѣлонами долу. Глава Твоя, преклоненная на крестъ, да возвыситъ мою главу, заушенную суностатами. Всесвятыи руки Твои, пригвожденныя невярыми ко кресту, къ Тебѣ да возведутъ меня изъ бездны погибелн, какъ обывовани всесвятыи уста Твои. Лице Твое, приавнсе на себя заушенія и заклеванія отъ проклятыхъ, да озаритъ мое лице, некаженное беззаконіями. Душа Твоя, которую, бывъ на крестъ, предать Ты Отцу Своему, къ Тебѣ да нутеводитъ меня благодатью Твоею. Пѣть у меня болѣзнующаго сердца, чтобы взыскать Тебя; пѣть у меня ни покаянія, ни сокрушенія, которыми вводится чада въ собственное свое наслѣдіе. Пѣть у меня, Владыка, утѣнительныхъ слезъ. Очрачнлся умъ мой дѣлами житейскими, и не имѣеть спѣхъ съ болѣзнію возвести къ Тебѣ взоръ. Охлаждлю сердце мое отъ множества искушеній, и не можетъ согрѣться слезами любви къ Тебѣ. Но Ты, Господи Іисусе Христе Боже, сокровище благъ, даруй мнѣ всецѣлое покаяніе и сердце неукотвиное, чтобы всею душею приступить мнѣ къ взысканію Тебя. Ибо безъ Тебя буду я чуждъ всякаго блага. Поселу даруй мнѣ, Владыч, благодать Твою. Безлѣтно и вѣчно паводящій Тебя изъ недръ Своихъ Отецъ да обновитъ во мнѣ черты образа Твоего. Оставитъ я Тебя; Ты не оставь меня. Отшелъ я отъ Тебя; Ты прійди взыскать меня и введи меня на пажити Твоя, сопричини меня къ овцамъ избраннаго стада Твоего, препнигай меня знакомъ божественныхъ гашетвъ

Твоихъ вмѣстѣ съ тѣми, у которыхъ чистое сердце ихъ — обитель Твоя, и въ немъ видимо облитаніе откровеній Твоихъ—это утѣшеніе, и эта отрада для потрудившихся ради Тебя въ скорбяхъ и въ озлобленіяхъ всякаго рода. Сего облитанія да сподобляемся и мы по Твоей благодати и по Твоему человеколюбію, Спаситель нашъ Іисусе Христе, во вѣки вѣковъ ! Аминь.

С Л О В О 69.

О томъ, что безмолвникамъ полезно не имѣть заботъ,
а вредны входы и выходы.

Человѣкъ многопечальный не можетъ быть кроткимъ и безмолвнымъ; потому-что необходимыя причины обременяющихъ его дѣлъ принуждаютъ его невольно, хотя бы и не хотѣлъ, заниматься ими, и проводить въ нихъ время и расточаютъ его тишину и безмолвіе. Посему, иноку должно поставить себя предъ лицомъ Божіимъ и всегда непреложно возводить око свое къ Богу, если истинно хочетъ охранять умъ свой, прекращать и отклонять малыя, вкрадывающіяся въ него, движенія и въ тишинѣ помысловъ различать входящее и исходящее. Частыя недосуги иноковъ служатъ признакомъ ихъ ослабленія въ готовности къ дѣланію заповѣдей Христовыхъ, и обнаруживаютъ ихъ недостаточность для божественнаго.

Безъ освобожденія отъ заботъ не ницъ свѣта въ душѣ своей, ни тишины и безмолвія при раболе-

ни чувствъ своихъ. При недоумѣхъ отъ дѣлъ, не умножай недоумовъ своихъ, и не пачеши паренія въ умъ своемъ, ни въ молитвъ свои. Безъ непрестанной молитвы невозможно приблизиться къ Богу. Послъ же труда молитвеннаго возложеніе на умъ новаго попеченія производитъ расточеніе мыслей.

Слезы, удареніе себя по головѣ во время молитвы и плачелное усердіе къ продолженію молитвы, пробуждаютъ въ сердцѣ горячность сладости слезъ, и сердце съ похвальною восторженностію воспаряетъ къ Богу, и взываетъ: *возжади душа моя къ Тебѣ, къ Богу крепкому, Живому; когда прииду и явлюся лицу Твоему, Господи* (Псал. 41, 3.)? Ключъ жива сего, и потому лишнѣя оного; тогъ одинъ знаетъ, въ какомъ жалкомъ состояніи оставленъ онъ, и что отнято у него по причинѣ разслабленія его.

Сколько худы для живущихъ на безмолвіи и лишезрніе людей и бесѣда съ ними! Подлинно, братія, гораздо хуже, нежели для несоблагоудныхъ безмолвія. Какъ сильный грабъ, внезапно выхавъ на древесные плоды, псушаетъ ихъ и уничтожаетъ; такъ свиданіе съ людьми, хотя бы оныя были весьма кратко-временны и доущены, повидимому, съ доброю цѣлью, псушаютъ цвѣты добродѣтелей, только-что расцвѣтшія отъ срастворенія безмолвія, вѣсно и роскошно увѣчавшія собою стебель души, насажденный при *исходищахъ егда* показанія (Псал. 1, 3.). И какъ сильный швей, покрывъ собою едва паникуную нѣтъ земли зелень, пожинаетъ ее; такъ и свиданіе съ людьми пожинаетъ корень ума, начавшій производить отъ себя злѣхъ добродѣтелей. И если вѣстѣ обыкновенно думѣвъ бесѣда съ людьми въ

иному воздержаніи, а въ иномъ имѣющимъ малые только недостатки; то не гораздо ли болѣе вредны разговоръ и свѣданіе съ людьми безбжественными и глупыми, не говорю уже съ мѣрными? Какъ человѣкъ благородный и почтенный, когда умѣется забывать свое благодѣяніе, и безчестится его состояніе, и особливо подвергается честь его за чуждые помыслы, вопиющіе въ него отъ вина; такъ и цѣломудріе души возмущается лицедрвіемъ людей и бесѣдою съ ними, забывается своя осторожность; въ умѣхъ у человека изглаживается намѣреніе воли его, и нестерпяется всякое основаніе къ похвальному устройству жизни.

Иосефу, если свѣданіе съ людьми и разсужденіе себя, съ пребывающими на безмолвіи случающимися при вареніи мыслей, или даже одно приближеніе къ чему-либо, чтобы видѣть или слышать это, достаточны уже къ тому, чтобы входящее вратами зрѣнія или слуха произвело въ человѣка холодность и отращеніе ума для бжественного, и если краткій часъ можетъ причинить столько вреда воздержному инокъ; что сказать о вседневныхъ свиданіяхъ и долговременномъ въ этомъ козвѣніи? Испареніе, исходящее изъ чрева, не позволяетъ уму принимать въ себя бжественное познаніе, но отращаетъ его подобно туману, поймающемуся изъ влажной земли, и отращающему воздухъ. А гордость не понимаетъ, что ходить во тьмѣ, и не имѣть понятія о мудрости. Но какъ ей и звать это, пребывая въ своемъ отращеніи? Иосефу-то отращеннымъ помысламъ своимъ и превозносится она нче всѣхъ, будучи и ничтожна, и немощна, и неспособна по-

знавать пути Господни. Господь же сокрываетъ огнь
 неи волю Свою, потому-что не восхотѣла она хо-
 дить путемъ смиренныхъ. Но Богу нашему да бу-
 детъ слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 70.

О путяхъ приближающихся къ Богу, и дѣлающихся
 явными человеку по приятности дѣлъ почиваго бдѣ-
 ния; и о томъ, что дѣлались оными все дни жизни
 своей питаются медомъ.

Не думай, человекъ, чтобы во всемъ иноческомъ
 дѣланіи было какое-либо заглавіе важнѣе почиваго
 бдѣнія. Подвижно, братъ, оно и важно и весьма
 необходимо для воздержнаго. Если у подвижника не
 будетъ разсѣянія и возмущенія дѣлами телесными,
 и попеченіемъ о преходящемъ, то соблюдетъ онъ
 себя отъ міра, бдительно будетъ охранять себя;
 то умъ его въ краткое время воспаритъ какбы
 на крыльяхъ, и возвысится до усажденія Богомъ,
 скоро прійдетъ въ славу Его, и по своей удобови-
 жности и легкости погрузится въ вѣдѣніи, превы-
 шающаго человѣческое понятіе. Если монахъ съ
 разсудительностію пребываетъ во бдѣніи; то уви-
 дитъ въ немъ какбы неплютоносна. Пбо подвиж-
 но это дѣло Ангельскаго чина. Невозможно, чтобы
 тѣ, которые всю жизнь проводятъ въ этомъ заня-
 тіи, оставлены были Богомъ безъ всякихъ дарова-

ній за ихъ трезвенность, бодрственность сердца и пошепчивое усгребленіе къ Нему помысловъ своихъ. Душа, трудящаяся надъ тѣмъ, чтобы пребыть въ семь бдѣній, и отличающаяся онымъ, будетъ имѣть херувимскіи очи, чтобы непрестанно возводить ей взоръ и созерцать небесное зрѣлище.

Думаю, что съ выдѣиємъ и разсудительностію избранному этотъ великій и божественный трудъ, и рывшемуся нести на себя тяготу сѣю, невозможно не подвизаться въ этотъ прославленномъ, избранномъ нмъ дѣль, и не охранять себя днемъ отъ мытежа схибнущъ и отъ пошепчива о дѣлахъ, въ опасеніи явче лишиться дивнаго плода и великаго наслажденія, какое надеется получить отъ сего. Кто не радигъ о семь, о томъ емлю скажу, что не знаетъ онъ, для чего трудится, воздерживается отъ сва, томить себя продолжительнымъ стихословіемъ, утружденіемъ языка и всенощнымъ стояніемъ, тогда-какъ умъ его не участвуетъ въ неспособность и молитвъ его, по, каковы водисъ привычкою, трудится безъ разсужденія. И если это не такъ, какъ сказать я; то почему же лишастся онъ возможности, при постоянномъ своемъ сянїи, надъ которымъ трудится, пожать великія благодѣнія и плодъ? Пбо, если бы вивето сихъ заботъ упражнялся онъ въ чтеніи божественныхъ Писаній, которое укрываетъ умъ, особливо же служитъ орошеніемъ молитвъ, и помогаетъ бдѣнію, тѣсно соединенному съ молитвою и вивето подпоющему свѣтъ уму; то въ семь чтеніи обрѣтъ бы вождя на стезю правую, обрѣтъ то, въ чемъ свѣтъ всего питающаго молитвенное созерцаніе, и что удерживаетъ помы-

шленія отъ наренія, не дастъ имъ кружиться и шататься суетнымъ, непрестанно посвящать въ думѣ памятованіе о Богѣ, указуетъ пути свѣтлыхъ, благодѣйствующихъ Богу, и тѣлаетъ, что умъ пріобрѣтаетъ толкость и мудрость, — словомъ, обрѣть бы зрѣлыи плоды духовныхъ дѣланій.

Для чего же, человекъ, такъ неразумительно распорядишься собою! Ночью совершаешь всеобщее стояніе, и угрожаешь себѣ искушеніями, невсложивіями и колебаніи, во тяжелымъ и печальнымъ кажется тебѣ, при вратковременной растительности во время дня, сподобиться благодати Божіей за злостраданіе твое съ другомъ. Для чего угрожаешь себя, и ночью съешь, а днемъ уничтожаешь трудъ свой, оказываешься безплоднымъ, расточаешь бодрственность, трезвенность и горячность, которую пріобрѣть, напрасно губишь трудъ свой въ тревожныхъ собесѣдованіяхъ съ людьми и вещами, безъ всякаго основательнаго къ тому предлога? Ибо, если бы у тебѣ поцпому упражненію сообразнымъ съдѣланъ дневное дѣланіе и горячность сердечной бѣсѣды, и те было бы просежулка между тѣмъ и другимъ; то въ короткое время могъ бы ты принасть къ персямъ Іисусовымъ.

Но изъ сего явствуетъ, что живешь ты неразумительно, и не знаешь, для чего монахамъ надобно бодрствовать. Думаешь, что установлено сіе для того только, чтобы трушиться тебѣ, а не для чего-либо другаго, отсюда происходящаго. Но кто сподобится дознать, во благодати въ какомъ вѣжѣ подвижники противятся сну, тѣлаетъ принужденіе природъ, и въ бодрственномъ состояніи тѣла и по-

мыслей своих каждую ночь приносят прошения свои, тотъ знаетъ силу дневнаго охраненія, знаетъ, какую помощь дать оно ему въ ночномъ безмолвіи, какую береть власть надъ помыслами, до какой доводитъ чистоты, какъ непринужденно и безъ борьбы дается имъ умъ рой добродетелей, и свободно познаетъ въ благородство помысловъ. А я присовокуплю, что если бы тѣло по немощи своей ослабло и не могло вознестися, то умъ однимъ бльіемъ можетъ привести въ благородство душу и дать разумнѣе сердцу къ дознанію духовной силы; если только не уничтожится это умноженіемъ во время дня причинъ противудѣствующихъ.

Носему, тебя, желающаго пріобрести трезвенный предъ Богомъ умъ и познаніе новой жизни, умоляю, во всю жизнь твою не быть нерадивымъ къ пребыванію во бдѣнн. Нбо имъ отверзутся тебѣ очи, увидѣть всю славу сего житія и силу пути правды. А если (чего да небудетъ!) снова появится въ тебѣ мысль облыенія, и станетъ, можетъ быть, гнѣздиться въ тебѣ; потому-что восхоцетъ искутить тебя Помощникъ твой, обыкновенно попускающій тебѣ во всемъ подобномъ сему, въ горячности ли то, или въ холодности, измѣняться по какой-либо причинѣ, или по немощи тѣла, или по оскуднѣю у тебя силѣ къ перенесенію труда обычно совершаемыхъ тобою продолжительнаго неаппетитна, напряженной молитвы, многочисленныхъ коленопреклоненій, какія обыкь ты совершать; то съ любовію умоляю тебя, если не станетъ въ тебѣ этого, и не можешь исполнять сего, то, хотя сидя, бодрствуй, и молись сердцемъ, но не засы-

пай, и всѣ мѣры употреби, безъ сна провести ночь, сидя и занимаясь добрыми мыслями. Не ожесточай сердца своего, не отворачивай его отъ себя; и снова придѣть къ тебѣ, по благодати, презнания горячность, и легкость, и сила, и возрадуешься скача и благодаря Бога; потому-что холодность сія и таковая тягость попускаются на человека для испытанія и искушенія. И если возбудитъ онъ себя, съ горячностью и съ малымъ себѣ принужденіемъ отрясать съ себя это; то приближается къ нему благодать, какъ было прежде, и приходитъ къ нему иная сила, въ которой сокрываются всякое благо и все роды помощи. И въ изумленіи дивится человекъ, припомнящая прежнеею тягость и нашедшую на него легкость и силу, и представляя себѣ эту разность и удободвижность и то, какъ внезапно пріялъ онъ въ себя такое измѣненіе. И съ сего времени дѣлается мудрымъ, и если найдетъ на него подобная тягость, знаетъ это по прежнему своему опыту. А если человекъ не будетъ подвизаться въ первый разъ, то не можетъ приобрести сей опытности. Видишь ли, сколько умудряется человекъ, когда возбудитъ себя нѣсколько и претерпитъ во время брани, только бы не изнемогло тѣлесное естество! Но это уже не борьба, а необходимость помощи. Ибо въ семъ случаѣ нѣтъ пользы бороться съ природою. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ хорошо человеку принуждать себя ко всему, что полезно для него.

Всегдѣшнее безмолвіе выветъ съ чтеніемъ, умѣренное вкупленіе свѣдей и бдѣніе скоро возбуждаютъ мысль къ изумленію, если не будетъ какой причины, нарушающей безмолвіе. Мысли, возбужда-

юціяся въ безмолвствующихъ сами собою , безъ преднамереннаго усилія , дѣлають , что оба ока ліющіеся изъ ихъ слезами , и обильемъ своимъ омывающими ланны , унодобляются купели крещенія.

Когда же тѣло твоє укрощено воздержаніемъ , бдѣніемъ и внимательностію къ безмолвію , по почувствуешь , что въ тѣлѣ твоємъ безъ естественнаго движенія возникаетъ блудная страсть ; тогда знай , что искушенъ ты помыслами гордыни . Прямьшай нѣпла въ лицу своє , прильни къ землѣ чрево свое , и разынцн , о чемъ ты помышлять , дознай нзмѣненіе естества своего и противоестественныя дѣла свои ; и тогда , можетъ быть , помилуетъ тебя Богъ , пошлетъ тебѣ свѣтъ , чтобы научиться тебѣ смиренію , и не возрастать въ тебѣ грѣхъ твой . Посему , не перестанемъ подвизаться и прилагать стараніе , пока не увидимъ въ себѣ покаянія , не обрѣтемъ смиренія , и не упокоится сердце наше въ Богъ . Ему слава и держава во вѣки вѣковъ ! Аминь .

С Л О В О 71 .

О СМѢ И ДѢЙСТВІВНОСТИ ГРѢХОВНЫХЪ ПОВРѢЖДЕНІЙ , ЧѢМЪ ОНИ ПРОИЗВОДИТСЯ , И ЧѢМЪ ПРЕКРАЩАЮТСЯ .

Пока не возненавидитъ кто причины грѣха въ правду отъ сердца , не освобождается онъ отъ ощущенія , производимаго дѣйствительностію грѣха . Это есть самое жестокое бореиіе , неуступающее чело-

вѣку даже до крови; въ немъ искушается его свобода въ единствѣ любви его къ добродѣтелямъ. Это есть сила, называемая раздраженіемъ и бранію; отъ одной воли этого бѣдная душа изнемогаетъ, но прищипъ неизбежной брани, въ ней происходящей. Это есть сила великости грѣха. Ею врагъ обыкновенно приводитъ въ смущеніе души цѣломудренныя, и чистыя движенія понуждаетъ испытывать то, чего никогда они вовсе не принимали въ себя. Здѣсь, возлюбленные братія, докажемъ свое терпѣніе, соревнованіе и раченіе. Ибо это есть время незримато подвига, о которомъ говорить, что чинъ иноческій всегда имъ побуждаетъ. При встрѣчѣ съ сею бранію благочестивый умъ скоро приходитъ въ смущеніе, если не будетъ сильно оупоенъ.

Въ сіи времена — времена мученичества Ты, Господи, источникъ всякой помощи, сплени подкрѣпить души, которыя съ радостію себя увѣдѣли Тебѣ, небесному жениху, и по некрещенію, а не ухищренными побужденіями, вступили съ Тобою въ завѣтъ святыи. Посему, даруй имъ силу съ дерзновеніемъ разорить укрывенныя стѣны и всякую высоту, возносящуюся противъ истины, чтобы не остались имъ неуспѣшными въ собственномъ своемъ внутреннѣмъ отъ невыносимаго и нестерпимаго принужденія въ такое время, когда борьба идетъ о крови.

Въ этой легкой браніи не всегда выдерживаетъ подвигъ цѣломудріе; потому-что человекъ оставляется безъ помощи и для искушенія. Но горе немощному, искушаемому въ сей рѣшительной браніи, потому-что брань сія, отъ спускающаго навыка, пріобрѣла

великую силу надъ тѣми, которые сами себя предають на поражение соизволеніемъ на собственные свои помыслы.

Остерегайтесь, возлюбленные, праздности; потому что въ ней сокрыта дозволенная смерть, и безъ нея невозможно впасть въ руки домогавшихся нѣтъ нища. Въ оный день Богъ будетъ судить насъ не о искахъ, не за оставленіе нами молитвы, но за то, что опущеніемъ сего дается входъ бѣсамъ. А когда найдутъ они себѣ мѣсто, войдутъ и заключатъ двери очей нашихъ; тогда мучительно и нечисто исполнятъ на насъ то, что дѣлателей ихъ подвергнетъ божественному осужденію и жесточайшему наказанію; и содѣлаемся мы подручными имъ за опущеніе сего маловажнаго, но чгдъ, какъ написано мудрыишии, ради Христа дѣлается достойнымъ попеченія. Кто воли своей не покаряетъ Богу, тотъ покорится противнику Его; а потому сіе, представляющееся тебѣ малымъ, вышится тебѣ въ стѣну, ограждающую отъ нѣтъиющихъ насъ. Совершеніе сего внутри кельи, по духу откровенія, установлено мудрыми, содержащими церковный чинъ, для сохраненія нашей жизни. Опущеніе сего у немудрыхъ признается маловажнымъ. Послѣку не беругъ они въ разсмотрѣніе пропеходящаго отъ того вреда; то и начало и средина пути ихъ—невѣжественная свобода, которая есть мать страстей. Лучше стараться не опускать и малаго, нежели разширеніемъ этого давать мѣсто грѣху. Ибо неумственной этой свободы конецъ — жестокое рабство.

Пока живы у тебя чувства, при встрѣчѣ съ чѣмъ бы то ни было, почитай себя мертвымъ; потому-

что, если во всѣхъ члесахъ твоихъ не умалится грѣховное рѣзжиженіе, не можешь пріобрѣсти себѣ спасенія. Если кто изъ монаховъ скажетъ въ сердцѣ своемъ, что остерегается сего; то значить, не хочетъ онъ и знать, когда заушаютъ его. Кто обманетъ друга своего, тотъ по закону достоинъ проклятiя. А кто обманываетъ самъ себя, тотъ какое понесетъ наказаніе за то, что, зная порочность худаго дѣла, прикрывается незнаемъ? Но что знаетъ онъ, это показываетъ обличеніе совѣсти. То и мучить его, что знаетъ онъ, въ чемъ притворяется незнающимъ.

О, какъ сладостны поводы къ страстямъ! Человѣкъ можетъ иногда отсѣчь страсти; вдали отъ нихъ наслаждается тишиною, веселится, когда прекращаются онѣ; но не можетъ сдѣлать, чтобы не было у него причинъ къ страстямъ. Поэтому, избегаемъ и нехотя, и печалимся, когда мы въ страстяхъ, но любимъ, чтобы оставались въ насъ поводы къ нимъ. Грѣховъ себѣ не желаемъ, но приводящія насъ къ нимъ причины принимаемъ съ удовольствіемъ. Поэтому, вторыя дѣлаются виновными въ дѣйствительности первыхъ. Кто любитъ поводы къ страстямъ; тотъ невольно и нехотя становится подручнымъ, и порабощается, страстямъ. Кто ненавидитъ свои грѣхи, тотъ перестанетъ грѣшить; и кто неовѣдуешь ихъ, тотъ получитъ отлученіе. Невозможно же человѣку оставить навѣкъ грѣховный, если не пріобрѣтетъ прежде вражды ко грѣху, и невозможно получить отлученіе, прежде неовѣланія прегрѣшеній. Ибо вражда бываетъ причиною истиннаго смиренія; неовѣда—причиною сокрушенія, послѣствующаго въ сердцѣ отъ стыда.

Если не вознесавидимъ того, что достойно порицанія; то, пока носимъ это въ душахъ своихъ, не можемъ ощутить зловонія и срада въ действительности всего этого. Пока не отринуешь отъ себя того, что неумѣстно, до тѣхъ поръ не узнаешь, каковы покрыть ты стыдомъ, и сколько долженъ краснѣть отъ сего. Когда же бремя свое уложишь на другихъ, тогда узнаешь лежащій на тебѣ стыдъ. Удались отъ міра, и тогда узнаешь зловоніе его. А если не удалишься, не узнаешь, сколько оиъ сраденъ; напротивъ же того, скорѣе какъ въ благоуханіе облечешься въ зловоніе его, и наготу стыда своего будешь почитать завѣсою славы.

Блаженъ, кто удалился отъ міра и отъ тмы его, и вынаесть себѣ единому. Ибо прозорливость и разсудительность не могутъ дѣйствовать въ томъ ни и служить тому, кто проводитъ жизнь въ дѣлахъ суетныхъ. Да и какъ возмущаемая его разсудительность въ состояніи будетъ различать, что должно? Блаженъ, кто вынестъ изъ усыпленія въ уношеніи своемъ, и на другихъ усматриваетъ, какова ненасытимость снѣмъ уноительнымъ чадомъ! Тогда познаетъ оиъ собственный свой стыдъ. А пока человекъ носитъ въ себѣ чадъ уноенія грѣхами своими, сколько благопріимчивымъ кажется ему все, что ни дѣлаетъ оиъ? И какъ-скоро природа выходитъ изъ своего чина, все равно, уносна ли она впомъ, ни похотямъ; потому-что и то и другое выводитъ изъ надлежащаго состоянія, и тѣмъ и другимъ одинаковое раснаженіе производится въ тѣлѣ, вынающемъ въ себѣ это; хотя способы различны, но раствореніе одно. И хотя одинаково измѣненіе, но различія при-

чигъ бывають не равныя, распознаются же и по пріемлемости каждаго.

За всякою оградою слѣдуетъ бѣдствіе. и всякое бѣдствованіе ради Бога сопровождается оградою. Если все, что есть въ этомъ мірѣ, подлежитъ тайноу, а тайное и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ, и во время исхода, бываетъ отъ противныхъ причинъ, и наипаче отъ нецѣлебнаго сластолюбія, или отъ противоположнаго сему сластолюбію злостраданія, претерпѣваемаго при освященіи; то Богъ и сіе устрояетъ по челоуколюбію, чтобы, или во время самаго нуну, или въ концѣ еѣ, вкусить намъ наказанія, и тогда уже, по богатой милости Еѣ, прейдти путь, въ одномъ случаѣ, какъ нѣкое воздаяніе, а въ другомъ, какъ залогъ. Ибо не возбраняетъ пріобрѣтать доброе даже до послѣдняго часа; но дѣйствительно возбраняетъ злое; потому-что остается во зѣль, какъ написано, достойный наказанія. Наказуемый здѣсь ради стыда своего вкушаетъ своей гесны (с).

Остерегайся собственной своей свободы, предшествоющей лукавому рабству. Остерегайся утѣшенія, предшествоющаго бранн. Остерегайся вѣдѣнія, предшествоющаго встрѣчѣ съ искушеніями, а что всего чаще бываетъ, желанія сей встрѣчи, прежде совершенія покаянія. Ибо, если весь мы грѣшникъ, и нѣкого не выне искушеній, то мнозина изъ добродѣтелей не выне покаянія; потому-что тѣлю покаянія нѣкогда не можетъ быть совершенно. Покаяніе всегда приличію всемъ грѣшникамъ и пра-

(с) Но другому члену *своего стыда*. Въ переводѣ сербскомъ, *отъ своей гесны яств*

ведущимъ, желающимъ улучшить спасеніе. И нѣтъ предѣла усовершеннѣю; потому-что совершенство и самыхъ совершенныхъ подлинно вѣсконачасно. Поэтому-то покаяніе до самой смерти не опредѣляется ни временемъ, ни дѣланіемъ. Помни, что за всякимъ удовольствіемъ слѣдуетъ омерзѣніе и горечь, какъ печальныя снытныи.

Остерегайся ратости, съ которой не сопмнѣча причина къ измыслению. Ибо касательно всего, въ чѣмъ совершается высшее смотрѣніе, не можешь ты постигнуть и познать предѣла и причины измысленія въ этомъ. Боися тѣхъ, о комъ предно заговорено, что идти прямымъ путемъ; потому-что они, какъ говорится, ходятъ вѣдъ пути. Тотъ, кто премудро умѣетъ управлять кораблемъ міра, во все, что въ мірѣ, вложилъ измыслимость; и что вѣдъ этого, то — тѣнь.

За отдохновеніемъ членовъ слѣдуетъ изступленіе и смущеніе помысловъ; за неумѣреннѣмъ дѣланіемъ — уныніе и за уныніемъ — изступленіе. Но одно изступленіе различно отъ другаго. За невѣрнѣмъ изступленіемъ по отдохновеніи слѣдуетъ блудная брань, а за изступленіемъ отъ унынія — оставленіе безмолвномъ своей обители, и переходеніе съ мѣста на мѣсто. Соразмѣрному же и ревностно продолжаемому дѣланію нѣтъ цѣны. Умаленіе въ этомъ умножаетъ удовольствіе, и неумѣренность умножаетъ изступленіе. Терпи неразуміе сестества твоего, которое побуждаетъ тебя, брать; потому-что уготованъ ты быть въ оной премудрости, имѣющей вѣчный вѣнецъ начальства. Не бойся смятенія въ Адамовоу тѣлѣ, уготованномъ быть въ ономъ наслажденіи.

вѣдѣніе котораго здѣсь выше ума плотныхъ, быть, когда придетъ небесный Образъ, то-есть, Царь міра. Не смущаеся измѣненіемъ и смятеніемъ естества, потому-что временно злостраданіе въ этомъ для пріемлющаго оное съ удовольствіемъ. Страсти полюбны небольшимъ исамъ, которые привыкли быть на ясныхъ рынкахъ, и убываютъ отъ одного голоса, а если не обратятъ на нихъ вниманія, наступаютъ какъ самые большіе львы. Ставь ни во что малое пожеланіе, чтобы не питать въ себѣ мысли о силѣ его раснаенія; потому-что временное терпѣніе въ маломъ отдаляетъ опасность въ великомъ. Невозможно преодолѣть великаго, если не пренебдѣшь маловажнаго.

Помни, братъ, тотъ чинъ, въ которомъ будешь, и въ которомъ не эта жизнь, какбы перебирающаяся и движущаяся по влагамъ, но жизнь, сокрушающая мертвенность, жизнь, въ которой не бываетъ въ этомъ раствореніи воспламененія отъ потворства сластолюбно, доставляющаго занятіе младенствующему естеству. Претерни трудность подвига, въ которой введенъ ты для испытанія, чтобы пріять отъ Бога вѣнецъ, и упокоиться во нешествіи изъ сего міра. Намытай и оное отдохновеніе, которому нѣтъ конца, и жизнь нестесненную, и чинъ совершеннаго и непреложнаго домоустроительства, и плетъ, поощающій любовь Бога, господствующій надъ естествомъ. Сего да сподобимся и мы благодатно самого Христа, Которому слава съ безначальнымъ Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и всегда и во вѣки! Аминь.

СЛОВО 72.

О ХРАНЕНІИ СЕРДЦА И О ТОВКОМЪ СОЗЕРЦАНІИ.

Если пребывашь псалмѣхъ въ келіи своей, и не пріобрѣтъ еще силы истиннаго созерцанія; то занимай себя всегда чтеніемъ тропарей и канонъ, памятованіемъ о смерти и надеждою будущаго. Все это собираетъ умъ во едино, и не позволяетъ ему кружиться, пока не прійдетъ истинное созерцаніе; потому-что сила духа могущественнѣе страстей. Въ надеждѣ же будущаго занимай себя памятованіемъ о Богѣ, старайся хорошо выразумѣть смыслъ тропарей, и остерегайся всего вѣшняго, что побуждаетъ тебя къ вождельніямъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ будь остороженъ и въ маломъ, что совершается тобою въ келіи твоей. Испытывай всегда помыслы свои, и молись, чтобы во всякомъ занятіи своемъ имѣть тебѣ очи: отъ сего начнется источаться тебѣ радость; и тогда найдешь такіа скорби, которыя сладостнѣе меда.

Никто не можетъ побѣдѣть страсти, развѣ только добродѣтелями оцутительными и видными; и паренія ума никто не можетъ преодолѣть, развѣ только изученіемъ духовнаго вѣдѣнія. Умъ лѣнь легокъ; и если не связанъ какимъ-либо размышленіемъ, не прекращаетъ паренія. А безъ усовершенія въ сказанныхъ выше добродѣтеляхъ невозможно пріобрѣсти сего храненія; потому-что, если не побѣдитъ кто враговъ, не можетъ бытъ въ мирѣ. И если не

воцарится миръ, какъ можно пайди то, что представлено миру? Страсти служатъ преградою совершеннымъ добродѣтелямъ души; и если не будутъ оны изложены прежде добродѣтелями явными, то какими невидимы добродѣтели внутреннія. Ибо тотъ, кто въ стѣны, не можетъ быть въ сообщеніи съ тѣмъ, что внутри стѣны. Никто не видитъ солнца во мракѣ, и добродѣтели — въ естествѣ души, при продолжающемся мятелѣ страстей.

Молись Богу, чтобы дать тебѣ ощутишь желаніе Духа и вождельніе Его. Ибо, когда придуть въ тебя это созерцаніе и вождельніе Духа, тогда удалишься отъ міра, и міръ отступитъ отъ тебя. Сего же невозможно кому-либо ощутишь безъ безмолвія, подвижничества и упражненія въ определенно для сего чтеній. Безъ послѣдняго не ница и перваго; ибо если будешь искать, то оное постепенно обращается и дѣлается тѣлеснымъ. Разумѣющій, да разумѣеть. Премудрый Господь благоволилъ, чтобы въ потъ съдаши мы хлѣбъ сей; и содѣлать сіе не по злобѣ, но чтобы не было у насъ несваренія, и мы не умерли. Ибо каждая добродѣтель есть мать другой добродѣтели. Поэтому, если оставишь мать, рождающую добродѣтели, и пойдешь искать дочерей прежде, нежели отыщешь мать ихъ; то оныя добродѣтели оказываются для души сходными. Если не отринеши ихъ отъ себя, то скоро умрешь.

С Л О В О 73.

О признакахъ и дѣйствіяхъ любви къ Богу.

—

Любовь къ Богу естественно горяча, и когда нападетъ на кого безъ мѣры, дѣлаетъ душу ту восторженною. Поэтому, сердце оцѣниваго любовь сію не можетъ выщипать и выносить ея, но, по мѣрѣ качества напешней на него любви, усматривается въ немъ необычайное пзвышеніе. И вотъ оцѣнительные признаки сего любви: лице у чловѣка дѣлается огненнымъ и радостнымъ, и тѣло его согревается. Отступаніе отъ него страхъ и стыдъ, и дѣлается онь какбы восторженнымъ. Сила, собирающая во едино умъ, бѣжитъ отъ него, и бываетъ онь какбы изумленнымъ. Странную смерть почитаетъ радостію, созерцаніе уа его никакъ не допускаетъ какого-либо пресѣченія въ помыслиеніи о небесномъ. И въ отсутствіи, не зримый никѣмъ, бесѣдуетъ какъ присутствующій. Видѣніе и видѣніе его естественное переходить, и не оцѣняетъ чувственнымъ образомъ движенія, возбуждаемаго въ немъ предметами; потому-что хотя и дѣлаетъ что, но совершенно того не чувствуетъ; такъ-какъ умъ его варитъ въ созерцаніи, и мысль его всегда какбы бесѣдуетъ съ кѣмъ другимъ.

Симъ духовнымъ уношеніемъ упоевались некогда Апостолы и мученики. И одни весь міръ обонли, трудясь и терпя поношеніе; а другіе изъ усвященныхъ чловѣкъ своихъ изивали кровь, какъ воду; въ

ужасныхъ страданіяхъ не малодушествовали, но терпѣвали ихъ доблестно; и бывъ мудрыми, призваны несмысленными. Иные же скитались въ пустыняхъ, въ горахъ, въ вертепахъ, въ пропастяхъ земныхъ и въ нестроеніяхъ были самые благоустроенные. Сего неразумія и насъ достигнуть да сподобитъ Богъ!

Если до вѣсствія во градъ смиренія, примычаешь въ себѣ, что успокоился ты отъ мятежа страстей; то не доверяй себѣ. Ибо врагъ готовитъ тебѣ какую-нибудь съѣзду, напротивъ того, послѣ покоя жди великой тревоги и великаго мятежа. Если не пройдеши всѣхъ обителей на пути добродѣтелей, то не встрѣпиши покоя отъ труда своего, и не будешь имѣть отдохновенія отъ вражескихъ козней, пока не достигнешь обители святаго смиренія. Сподоби и насъ, Боже, достигнуть оной Твоею благодатію! Аминь.

С Л О В О 74.

О ризахъ добродѣтелей.

Подвижничество есть мать святости, отъ него происходитъ первое извѣданіе оцѣненія таинъ Христовыхъ, что называется первою степенію духовнаго познанія. Никто да не прельщается самъ себя, и да не мечтаетъ о предугадываніяхъ. Душа оскверненная не входитъ въ чистое царство, и не сочетается съ духами святыхъ. Доброту цѣломудрія тво-

его угладь слезами, ностами и уединеннымъ безмолвемъ. Малая скорбь ради Бога лучше великаго дѣла, совершаемаго безъ скорби; потому-что произвольная скорбь показываетъ опытъ веры въ любовь. А дѣло покоя бываетъ слѣдствіемъ услышанія совѣсти. Поэтому святые, изъ любви Христовой, показали себя благоискусными въ скорбяхъ, а не въ прохладахъ; потому-что совершаемое безъ труда есть правда людей мірскихъ, которые творятъ милостыню изъ вышшняго, сами же въ себѣ ничего не приобретаютъ. Но ты, подвижникъ и подражатель страданій Христовыхъ, подвизайся самъ въ себѣ, чтобы сподобиться тебѣ вкусить славы Христовой. Ибо если съ Христомъ страдаемъ, то съ Нимъ и прославимся (Римл. 8, 17.). Умъ не прославится съ Іисусомъ, если тѣло не страждетъ за Христа. Наконецъ, кто небрежетъ о славы человеческой, тотъ сподобляется славы Божіей, и вмѣстѣ съ душою прославляется и тѣло его. Ибо слава тѣла есть покорность племю цря при помощи Божіей; а слава ума есть истинное умозрѣніе о Богѣ. Истинная покорность (1) двояка: въ дѣлахъ и въ поношеніи. Посему, когда страждетъ тѣло, состраждетъ съ нимъ и сердце. Если не знаешь Бога, невозможно возбудиться въ тебѣ любви къ Нему. Не возможно возлюбить Бога, если не узришь Его. А видѣніе Бога есть слѣдствіе познанія Его; потому-что созерцаніе Его не предшесствуетъ видѣнію Его.

(1) Изъ латинскаго перевода видно, что въѣсто *ὑποταγή* (покорность) переводчикъ читаетъ — *ἀποταγή* 'отреченіе отъ міра'.

Сподоби меня, Господи, познать и возлюбить Тебя не тьмъ вѣдѣніемъ, какое пріобрѣтается чрезъ упражненіе съ расточеніемъ ума, но сподоби меня того вѣдѣнія, въ которомъ умъ, созерцая Тебя, прославляетъ естество Твое въ созерцаніи, похищающемъ у мысли ощущеніе міра. Сподоби меня возвыситься надъ ярѣніемъ воли, порождающей мечтанія, и ударить Тебя, связуемаго крестными узами, въ этой второй части расіянія ума, который свободно отъ вліянія на него умопредставлений упокоивается въ непрестанномъ, преестествонномъ созерцаніи Тебя. Судьбай, чтобы возрастала во мнѣ любовь къ Тебѣ, и чтобы, идя во слѣдъ любви Твоей, оставилъ мнѣ міръ сей. Возбуди во мнѣ разумныя смиренія Твоего, съ которыми позналъ Ты въ мірѣ, въ этой обители, которую понесъ Ты на Себѣ, замѣтновавъ отъ членовъ нашихъ, при посредствѣ Святой Дѣвы, чтобы въ непрестанномъ и незабвенномъ семъ памятованіи, съ наслажденіемъ воспринять мнѣ смиреніе естества своего.

Два есть способа войти на крестъ: одинъ — расіяніе тѣла; а другой — входеніе въ созерцаніе; первый бываетъ слѣдствіемъ освобожденія отъ страстей, а второй слѣдствіемъ дѣятельности дѣла духа. Умъ не покоряется, если не покорится ему тѣло. Царство ума есть расіяніе тѣла: и умъ Богу не покоряется, если свобода непокорена разуму. Трудно что-либо высокое преодолѣть еще первоначальному и младенцу возрастомъ. *Горе тебѣ градъ, азъ не въ тебѣ царю и войи твои* (Еккл. 10, 16.). Кто покоряетъ себя Богу, тотъ близокъ къ Богу, чтобы покориться ему все. Кто позналъ себя, тому дается

вѣдѣніе всего; потому-что познать себя есть полнота вѣдѣнія о всемъ, и въ подчиненіи души твоей подчинится тебѣ все. Въ то время, какъ смиреніе воцаряется въ житіи твоёмъ, покоряется тебѣ душа твоя, а съ нею покоряется тебѣ все, потому-что въ сердце твоёмъ рождается миръ Божій. Но пока ты вне его, не только страсти, но и обстоятельства, будутъ непрестанно преслѣдовать тебя. Подлжно, Господи, если не смиряемся, ты не престаешь смирять насъ. Истинное смиреніе есть порожденіе вѣдѣнія, а истинное вѣдѣніе есть порожденіе некушечій.

С Л О В О 75.

О изнепамятованіи поспѣ, о томъ, чтобы изъбѣгать соблазна въ снѣ на одномъ мѣстѣ, о послѣдствіяхъ сего, и о томъ, что при вѣщаніи различать божіи ся отъ правительному употребленію всего подобнаго сказанному.

Долгое время вѣкушаемый въ дѣлахъ и вѣнѣхъ, неоднократно пѣвѣдѣвъ себя снѣ дѣла снѣ способами, приѣвъ на себя безчисленные удары противника, и снѣдобившись въ тайнѣ великихъ вѣпоможеніи, въ продолженіе многихъ лѣтъ снѣскалъ я опытность, и во благодати Божьей, опытно дозѣлъ следующее. Основаніе всего добраго, возвращеніе души изъ вражія вѣла, путь вѣдущій къ свѣту и жизни, — все это заключено въ снѣхъ двухъ снѣспособахъ: собрать

себя во едино и всегда поститься, то-есть, премудро и благоразумно поставитъ для себя правиломъ воздержаніе чрева, непереходное пребываніе на одномъ мѣстѣ, непрестанное занятіе богомысліемъ. Отсюда покорность чувствъ; отсюда трезвенность ума, отсюда укрощеніе свирѣлыхъ страстей, возбуждающихся въ тѣлѣ; отсюда кротость помысловъ; отсюда свѣтлыя движенія мысли; отсюда рачительность къ дѣламъ добродѣтели; отсюда высокія и тонкія умопредставленія; отсюда незнающія мѣры слезы, источающіяся во всякое время, и память смертная; отсюда чистое цѣломудріе, совершенно далекое отъ всякаго мечтанія, некунающаго мысль; отсюда прощательность и дальновидность; отсюда глубокія, таинственныя понятія, какія умъ постигаетъ при пособіи божественныхъ словесъ, и внутреннія движенія, протекующія въ душѣ, раздѣленіе и различеніе духовнаго какъ въ святыхъ силахъ и истинныхъ видѣніяхъ, такъ и въ суетныхъ мечтаніяхъ. Отсюда тотъ страхъ въ путяхъ и стезяхъ, который въ морѣ мысли огрѣкаетъ льность и нерадѣніе, тотъ пламень ревности, который пощраетъ всякую опасность, и преодолагаетъ всякій страхъ, та горячность, которая пренебрегаетъ всякимъ воздержаніемъ, и изглаждаетъ оное въ умѣ, и выметъ съ прочимъ приводитъ въ забвеніе всякое памятованіе о преходящемъ; короче сказать, отсюда свобода истиннаго чловѣка, душевная радость и воскресеніе со Христомъ во царствіи.

Если же кто вознерадитъ о сихъ двухъ способахъ; то пусть знаетъ, что не только повредитъ онъ себѣ во всемъ, что предъ симъ сказано, но поколе-

блетъ и самое основаніе всѣхъ добродѣтелей пренебреженіемъ сихъ двухъ добродѣтелей. И какъ онъ, если кто удержитъ ихъ въ себѣ и пребудетъ въ нихъ, суть начало и глава божественнаго дѣланія въ душѣ, дверь и путь ко Христу; такъ, если кто отступитъ и удалитъ отъ нихъ, то прійдетъ къ снѣмъ двухъ противоположнымъ тому порокамъ, разумью же тѣлесное скитаніе и безстыдное чревоугодіе. Это суть начала противнаго сказанному выше, и они даютъ мѣсто въ душѣ страстямъ.

И первое начало одной причины прежде всего покорныя чувства разрываетъ отъ узъ воздержности, что же наконецъ бываетъ отъ сего? Неумѣстныя и неожиданныя сходбища, приближающія къ паденіямъ, мятежъ сильныхъ волей, возбуждаемый видѣніемъ, быстрое воспламененіе очей, овладѣвающее тѣломъ, и заключающее его въ оковы, удобное попользованіе въ мысляхъ, неудержимые помыслы, стремящіеся къ паденію, охлажденіе любви къ дѣламъ Божіимъ, постепенное ослабленіе въ предпочтеніи безмолвія и совершенное оставленіе житія своего; а въ слѣдствіе того, что представляется человеку въ произвольныхъ и разныхъ видѣніяхъ, и встрѣчается при переходѣ изъ страны въ страну, изъ мѣста въ мѣсто,—возобновленіе забытыхъ, худыхъ дѣлъ и обученіе шпымъ, которыхъ прежде онъ не зналъ. И страсти, которыя, по благодати Божіей, были уже умерщвлены въ душѣ и истреблены забвеніемъ памятованій, хранившихся въ умѣ, снова начинаютъ приходить въ движеніе и понуждать душу къ ихъ дѣланію. Вотъ что (если не говорить и не входить въ подробности о всемъ про-

чемъ) открывается въ сѣбѣ истинѣ оной первой причины, то-есть, сущности тѣла и пестерливости въ перенесеніи бытія въ безмолвіи.

Что же бываетъ сѣбѣ истинѣ другой причины, то-есть, если начато нами дѣло свиней? Что же это за дѣло? Не то ли, чтобы позволять чреву не знать границъ, непрестанно наполнять его, и не имѣть указанного времени на удовлетвореніе тѣлесныхъ потребностей, какое естественно наблюдать существамъ разумнымъ. И что же наконецъ выходить изъ этого? Отсюда тягость въ голову, великое отягощеніе въ тѣлѣ и разслабленіе въ мышцахъ; а отъ сего необходимость не совершать Божію службу; потому-что приходится дѣлать творить на ней земные поклоны, перадыніе о покаяніяхъ обычныхъ, обращеніе и холодность мысли, умъ, онебѣзвѣданный и неспособный къ разсудительности отъ снѣженія и великаго обращенія помысловъ, тустой и непрошная туманъ, распростертый въ кѣлой думѣ, сильное уныніе при всякомъ Божіемъ дѣлѣ, а также и при чтеніи, потому-что человекъ неспособенъ вдумать сладость словесъ Божіихъ; великая дѣлность въ отпращиваніи всеобщихъ дѣлъ, умъ неуправляемый, снѣженійся всюду по землѣ, большее поклоненіе соковъ во всѣхъ членахъ, но покаяніе печальныя мечтанія свѣржныхъ привраговъ и нелѣпыхъ изображеній, исполненныхъ похоты, которое проникаетъ въ душу и въ сажѣ души возмущаетъ и поджигаетъ свои хотѣнія. И постель у бѣднаго, и одежда его, и даже все тѣло окверняютъ множествомъ скверныхъ нечистотъ. Кѣмъ дѣлается у него каконъ въ источника. И это бываетъ у него не только ночью, но и

днемъ; потому-что тѣло всегда источаетъ нечистоты, и оскверняетъ мысль, такъ-что человекъ отрывается ко этому отъ цѣлостнаго. Пріятность нечистоты въ тѣлѣ тѣмъ его производима непрерывнымъ и нестерпимымъ раздраженіемъ. И бываютъ у него объяснительныя помыслы, которые изображаютъ передъ нимъ красоту, и собесѣдованіемъ съ нимъ, во всякое время, раздражаютъ и щекочутъ умъ. И человекъ, нисколько не колеблясь, сочетается съ сими помыслами, помышляя о нихъ и вожделѣвая ихъ, по причинѣ обращенія въ немъ разсудка. И это есть то самое, что сказалъ и Пророкъ: вотъ возстаніе сестры Содомъ, которая роскошествуя блга хлѣбъ въ сытость, и такъ далѣе (Іез. 16, 19.). И о сѣмъ-то сказано однимъ изъ великихъ мудрецовъ, что, если кто съ великою роскошью будетъ играть тѣло свое, то душу свою подвергнетъ брани; и если придетъ въ себя, и приметъ на себя трудъ, — принудить себя, чтобы овладѣть самимъ собою, то невозможно сего по чрезмерному раздраженію тѣлесныхъ движеній, и потому-что сильны и понудительны раздраженія и щекотанія, производимыя тѣмъ, которые пѣвуютъ душу своимъ хотѣніемъ. Вышли ли въ этомъ тонкость сихъ безбожныхъ? И онъ же говоритъ еще: тѣлесное наслажденіе своею мягкостью и влажностью производить, что снискиваются душею юношескія страсти, и окружаетъ ее смерть, и человекъ поддается суду Божію.

А душа, занятая намятованіемъ своихъ обязанностей, упокоивается въ свободу своей; заботы ея невелики, она ни въ чемъ не раскаивается, промышляя

о добродѣтели, обуздывая страсти, храня добродѣтель, въ возрастаніе приводитъ безпечальную радость, добрую жизнь вводитъ въ безопасную пристань. Тѣлесныя же наслажденія не только усиливаютъ страсти, и возставляютъ ихъ на душу, но даже исторгаютъ ее изъ самаго корня, и съ тѣмъ выесть разжигаютъ чрево къ неводержанію, безчестно до крайней расточительности, и понуждаютъ безвременно удовлетворять тѣлеснымъ потребностямъ. Одоливаемый сныть не хочетъ стерпеть налагаго голода, и владѣть собою, потому-что онъ—пльвиникъ страстей.

Вотъ постыдные плоды чревоугодія. А выше описанные плоды терпѣнія, пребыванія на одномъ мѣстѣ и въ безмолвіи великую пользу доставляютъ душѣ (у). Посему и врагъ, зная времена нашихъ естественныхъ потребностей, побуждающихъ природу удовлетворять себя, зная, что отъ скупанія очей и унокосія чрева, умъ приходитъ въ круженіе, старается и усиливается, въ таковыя именно времена, побуждать насъ, чтобы увеличивали мы естественныя потребности, и носъвать въ насъ образы лукавыхъ помысловъ, чтобы, если можно, страсти въ усиленной борьбѣ взяли верхъ надъ природою, и человекъ погрязъ въ грѣхопаденіяхъ. А потому, какъ врагъ знаетъ времена, такъ и намъ должно знать немощь свою и силу естества своего, что она недостаточна къ сопротивленію стремленіямъ и движеніямъ въ оныя времена, и тонкости помысловъ, которые въ очахъ нашихъ, по легкости, упо-

(у) Слова *великую пользу доставляютъ душѣ* — дополнены изъ древ. слав. переводѣ.

доблются пуху, и что не можемъ видѣть ихъ (Ф), и противостать тому, что встрѣчается съ нами, и по причинѣ многого испытанія, какому не разъ бѣдственно подвергались мы, и какимъ искушать нашу вѣру, наконецъ умудриться и не дозволить себѣ опрометчиво исполнять волю нашего покоя, не услаждать надъ собою побѣду алчбы, но наче, если будетъ изнурять и утѣшать насъ голодъ, не двинаться съ мѣста своего безмолвія, не ходить туда, гдѣ удобно случается съ нами эго и не готовить себѣ предлоговъ и способовъ къ тому, чтобы уйдти изъ пустыни. Ибо эго явные замыслы врага. Если же пребудешь въ пустынь, то не подвергнешься искушенію, потому-что не увидишь ни жевщницъ, ни чего-либо вреднаго для житія твоего, и не услышишь непрестанныхъ гласовъ.

Что тебѣ и пути Египетскому, еже пити воду Геонскую (Іер. 2, 18.)? Нойми, что говорю тебѣ; покажи врагу терпѣніе свое и опытность свою въ маломъ, чтобы не искалъ у тебя великаго. Пусть это малое будетъ для тебя указаніемъ, какъ изложить въ томъ сопротивника, чтобы не было у него времени, и не изрыть онъ тебѣ великихъ западней. Ибо, кто не послушается врага, чтобы на пять шаговъ отойдти отъ мѣста своего безмолвія, тотъ можетъ ли послушаться и уйдти изъ пустыни, или приблизиться къ селенію? Кто не согласается посмотреть въ окно изъ безмолвной своей кельи, тотъ согласенъ ли выйдти изъ нея? И кого едва убѣдишь

(Ф) Согласно съ древн. славян. переводомъ здѣсь вмѣсто *ἐαυτῶς* лучше читать *αὐτῶς*.

вечеромъ вкусить весьма мало пищи, того уловятъ ли коммеды быть прежде времени? Кто стыдится насыщаться и чвань-либо денежкомъ, тотъ пожелаетъ ли дорогихъ яствъ? Кого не убьешь посмотрѣвъ на свое тѣло, тотъ уловится ли любовныяствомъ видѣть мужія красоты?

Носеду явчо, что пиши, вначаль пренебрегая малымъ, кобьждается, и такитъ образомъ даетъ врагу поводъ нападать на него зъ великомъ. Кто не заботится о томъ, чтобы хотя на краткое время продолжилась вренная жизнь его, тотъ неботится ли озлобленій и скорбей, приводящихъ къ желанной смерти? Это брань разсудительная, потому что мудрые не дозволяютъ себѣ замысливать о великихъ подвигахъ, но терпѣніе, показываемое ими въ маломъ, охраняетъ ихъ отъ впаденія въ великіе труды.

Поэтому, діаволь успивается сначала сдѣлать, чтобы оставлена была непрестанная сердечная молитва; а потомъ внушаетъ пренебреженіе къ установленнымъ временамъ молитвы и правила, совершаемаго тѣлесно. И такимъ образомъ, вначаль помысль предается слабости вкусить прежде времени какую-нибудь малость пищи и что-либо самое незначительное и ничтожное; а, по впаденіи въ нарушение воздержанія своего, человекъ поножается въ неумѣренность и распутство. Сначала одолевается желаніемъ (лучше же сказать, маловажнымъ представляется это въ глазахъ его) посмотрѣть на красоту своего тѣла, или на другую какую красоту членовъ своихъ, когда снимаешь съ себя одежды свои, или когда выходить онъ для тѣлесной погрѣбности, или къ водѣ, и разслабить чувства свои, или

смѣло поможитъ руку подѣ одежды свои и начнетъ осязати тѣло свое, а потомъ возстанетъ уже въ немъ и прочее одно за другимъ. И кто прежде охранялъ твердыню ума, и скорбѣлъ о чемъ-либо одномъ изъ сказаннаго, тотъ отверзаетъ тогда къ себѣ широкіе и опасные входы; потому-что помыслы (скажу употребительно), какъ вода, пока отсюду бываютъ сдерживаемы, соблюдаютъ добрый свой порядокъ; а если мало изъ твердыни своей выступаютъ наружу, производятъ разореніе ограды и великое опустошеніе. Пбо врагъ днемъ и ночью стоитъ у насъ передъ глазами, примѣчаетъ, выжидаетъ и высматриваетъ, какимъ отверзтымъ входомъ чувствъ нашихъ войдти ему. И когда допущено нами нерадѣніе въ чемъ-либо одномъ изъ сказаннаго выше, тогда этотъ хитрый и безстыдный пестъ пускаетъ въ насъ стрѣлы свои. И иногда природа, сама собою, начинаетъ любить покой, вольность, смѣхъ, пареніе мыслей, лѣнь, и дѣлается источникомъ страстей и пучиною мятежа; а иногда противникъ внушаетъ это душѣ. Но мы великіе труды свои замѣнимъ, наконецъ, трудами малыми, которые почитаемъ за ничто. Пбо если сіи пренебрегаемые нами труды, какъ показано, предотвращаютъ многіе великіе подвиги, неудобополнимые труды, самыя жаркія борьбы и тяжкіе удары; кто не поспѣшитъ симъ малыми предварительными трудами обрѣсти себѣ сладостный покой?

О, какъ удивительна ты, мудрость, какъ издалека все предусматриваешь? Блаженъ, кто обрѣлъ тебя. Онъ свободенъ отъ нерадѣнія юности. Если кто за маловажную вещь изъ своей собственности поку-

насть врачество отъ великихъ страстей, то хорошо онъ дѣлаетъ. Но однажды пѣкто изъ побомудрыхъ, покачнувшись отъ слабости и ощутивъ это, немедленно съль, приведя себя въ прямое положеніе; другой, посмотрѣвъ на него, разсмѣялся на это. Но онъ отвѣчалъ: «не этого убоялся я, но боюсь небреженія: потому-что малая небрежность перьдко ведетъ къ великимъ опасностямъ. А тѣмъ, что нарушилъ я порядокъ, и вскорѣ исправился, показать, что я трезвенъ, и не пренебрегаю даже и тѣмъ, что нестрашно». Вотъ побомудріе — человеку, что онъ дѣлаетъ онъ, и въ маломъ и не въ значительномъ быть всегда трезвеннымъ. Онъ уготовляетъ себя великое упокоеніе, и не спитъ, чтобы не случилось съ нимъ чего-либо противнаго; но заблаговременно претѣкаетъ къ тому причины, и ради маловажныхъ вещей переноситъ малую скорбь, уничтожая сю скорбь великую.

А безразсудные малый близкій покой предпочитаютъ отдаленному царству, не зная, что лучше претерпѣть мученія въ подвигъ, нежели упокоиться на ложѣ земаго царства и быть осуждену за лѣность. Мудрымъ возжеланна смерть, только бы не подпасть обвиненію, что какое-либо изъ дѣлъ своихъ исполнили безъ трезвенности. Почему и говоритъ мудрый: будь бодрственъ и трезвенъ ради жизни своей; потому-что сонъ ума сродненъ истинной смерти, и есть ея образъ. А богоносный Василій говоритъ: кто лѣнивъ въ чемъ-либо маломъ, до него касающемся, о томъ не вѣрь, что отличится онъ въ великомъ.

Не унывай, когда дѣло о томъ, что доставить

тебѣ жизнь, и не полѣнись за это умереть; потому-что малодушіе признакъ унынія; а небреженіе матеръ того и другаго. Человѣкъ боязливый дастъ о себѣ знать, что страдаетъ двумя недугами, то-есть, животолобіемъ и маловѣріемъ. А животолобіе признакъ невѣрія. Но кто пренебрегаетъ снѣмъ, тотъ удостовѣряетъ о себѣ, что всею душею вѣруетъ Богу, и ожидаетъ будущаго.

Если кто приблизился къ Богу безъ опасностей, подвиговъ и искушеній, то и ты подражай ему. Сердечное благодушіе и пренебреженіе опасностей бываютъ по одной изъ сихъ двухъ причинъ, или по жестокосердію, или по великой вѣрѣ въ Бога. За жестокосердіемъ слѣдуетъ гордость, а за вѣрою смиренномудріе сердца. Человѣкъ не можетъ пріобрѣсти надежды на Бога, если прежде, въ своей мѣрѣ, не исполнялъ воли Его. Ибо надежда на Бога и мужество сердца рождаются отъ свидѣтельства совѣсти, и только при истинномъ свидѣтельствѣ ума нашего, пишемъ мы упованіе на Бога. Свидѣтельство же ума состоитъ въ томъ, что человека никто не осуждаетъ совѣсть, будто бы вознерадѣлъ о чистѣ либо такомъ, къ чему обязанъ онъ по мѣрѣ силъ своихъ. Если не осудитъ насъ сердце наше, *дерзновеніе имамы къ Богу* (1 Іоан. 3, 21.). Посему, дерзновеніе бываетъ слѣдствіемъ преслѣянія въ добродѣтеляхъ и доброй совѣсти. Потому, мучительное дѣло—работорничать тѣлу. Кто хотя нѣсколько ощутилъ въ себѣ надежды на Бога, тотъ не согласится уже по нуждѣ работать этому жестокому владыкѣ — тѣлу. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 76.

О МОЛЧАНИИ И БЕЗМОЛВИИ.

—

Всегдашнее молчаніе и храненіе безмолвія бываетъ у человѣка по слѣдующимъ тремъ причинамъ: или ради славы человѣческой, или по горячей ревности къ добродѣтели, или потому-что человѣкъ внутри себя имѣетъ нѣкое божественное собесѣдованіе, и умъ его влечется къ оному. Поэтому, если въ комъ нѣтъ одной изъ послѣднихъ причинъ; то по необходимости недугуетъ отъ перваго исмоущію. Добродѣтель есть не обнаруженіе многихъ и различныхъ дѣлъ, совершенныхъ тѣлесно, но самое мудрое въ надеждѣ своей сердце: потому-что правильная цѣль привязываетъ его къ дѣланъ по Богу. Умъ и безъ дѣлъ тѣлесныхъ можетъ совершать доброе. А тѣло безъ сердечной мудрости, если и дѣлаетъ что, не можетъ извлечь изъ сего пользы. Вирочемъ, человѣкъ Божій, когда находитъ удобство къ совершенію добраго дѣла, не утеритъ, чтобы не доказать любви къ Богу трудомъ дѣланія своего. Первый чинъ всегда успѣваетъ, второй часто успѣваетъ, а иногда и нѣтъ. Но не думай, что маловажное дѣло—человѣку всегда быть далекимъ отъ причинъ, возбуждающихъ страсти. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 77.

О тѣлесномъ движеніи.

—

Движеніе въ низшихъ членахъ тѣла, бывающее безъ усиленныхъ помысловъ неумѣстнаго сластолюбія, которое возбуждается съ воспламененіемъ, и противъ воли влечетъ душу въ бѣдствіе, безъ сомнѣнія, есть слѣдствіе пресыщенія чрева. Если же чрево не соблюдаетъ, можетъ быть, умѣренность въ пище, но члены непроизвольно, какими бы то ни было образомъ, приходятъ въ движеніе; то знай, что въ самомъ тѣлѣ источникъ страсти. И въ этой борьбѣ почитай для себя крѣпкимъ и непреодолимымъ оружіемъ — удаляться отъ лицезрѣнія женщинъ; потому-что противникъ не можетъ произвести въ насъ того, что въ состояніи сдѣлать природа своею сіюю. Но не думай, что природа забываетъ о томъ, что естественно всяко въ нее Богомъ для чадородія и для пеняганія пребывающихъ въ семъ подвижѣ. Но удаленіе отъ предметовъ вожделѣнія умерщвляетъ въ членахъ похоть, производитъ забвеніе о ней и цѣлебляетъ ее.

Инаковы помыслы о предметахъ, которые весьма отдаленны, проходятъ только въ мысли, и производятъ собою легкое и едва ощутительное движеніе. Инаковы же помыслы, которые погружаютъ умъ въ видѣніи предмета, не оставляя его въ samozабвеніи, возбуждаютъ страсти близостию, питаютъ человека, какъ слѣй питаютъ горніе свѣтъильника, воспламеняютъ страсть уже омертвѣвшую и угасшую, и море

тѣла возмущаютъ движеніемъ корабля мысли. То естественное движеніе, какое бываетъ въ насъ собственно ради чадородія, безъ присовокупленія чего-либо отвнѣ, не можетъ возмутить чистоты произволенія и потревожить целомудрія; погону-что Богъ не далъ природѣ силы пресодолѣвать доброе произволеніе, устремляться къ Нему. Но когда возбужденъ кто или раздражительно, или похотливо, тогда не сила естественная понуждаетъ его выйти изъ предѣловъ естества, и выступить изъ своихъ обязанностей, а то, что присовокупляемъ мы къ естеству по побужденіямъ воли. Что или сотворилъ Богъ, все сотворилъ прекрасно и соразмерно. И пока правильно сохраняется въ насъ мѣра соответственности въ естественномъ, движенія естественныя не могутъ понудить насъ уклониться съ пути; напротивъ того, въ тѣлѣ возбуждаются одни стройныя движенія, которыя давали бы только знать, что есть въ насъ естественная страсть, но не производятъ щекотанія и смятеній, чтобы тѣмъ воспринять цѣломудрію, а также не омрачали ума раздражительно, и не приводили изъ мирнаго состоянія въ состояніе гнѣвное. Если же увлекаемся иногда чувственнымъ (отъ чего и раздражительность принимаетъ обыкновенно противоестественное стремленіе), и предаемся или яденію, или пиктію, въ превосходящемъ мѣру количествѣ, или сближенію съ женщинами, и смотрыню на нихъ, или бесѣдамъ о нихъ, чѣмъ воспламеняемся и быстро распространяется въ тѣлѣ огонь похотливый; то естественную кротость свою измѣняемъ при этомъ въ свирѣность, или по причинѣ множества въ тѣлѣ влгъ, или по причинѣ видѣнія разныхъ вещей.

Бываетъ же иногда движеніе въ членахъ и по Божію попущенію за наше самоищнѣе ; и оно уже не таково, какъ прежде. Ибо тѣ бранн называютъ свободными , и въ нихъ виденъ путь общаго естества. О сей же бранн, которая, по причинѣ нашего самоищнѣя, бываетъ въ слѣдствіе попущенія, знаемъ , что , когда долгое время бываетъ внимательными къ себѣ и трудимся, даже почитаемъ себя преуспѣвшими нѣсколько, попускается терпѣть намъ сію брань, чтобы научиться смиренію. Прочія же бранн , безъ этой причины бывающія намъ не посплавъ, пронесяютъ отъ нашей лѣности. Ибо естество, когда по чревоугодію принимаетъ въ себя какое-то добавленіе къ чувственному, не соглашается уже хранишь тотъ порядокъ, какой установленъ при его созданіи. Кто добровольно отринувъ скорби и несходное пребываніе въ келіи, тотъ попускается вознѣсти грѣхи. Ибо безъ скорбей не можетъ разстаться съ обольщеніемъ мудрованія. Въ какой мѣрѣ умножаются труды , въ такой уменьшаются грѣхи; потому-что скорби и опасости умерщвляютъ въ страстяхъ сладострастіе, а покой питаетъ и возвращаетъ ихъ.

Наконецъ , ясно дозналъ я , что Богъ и Ангелы Его радуются , когда мы въ нуждахъ ; а діаволъ и дѣлатели его, — когда мы въ покое. Если же въ скорбяхъ и тѣснотахъ совершаются заповѣди Божіи, а мы уничтожили ихъ; то значитъ уже, что, вопреки Божію повелѣнію, уничтожаемъ пренебрегать заповѣдями по причинѣ страстей , рождающихся отъ нашего покоя, и приводимъ въ бездѣйствіе причину добродѣтели, то-есть, тѣсноту и скорбь, и по мѣрѣ

пріобрѣтаемаго нами себѣ покоя , даемъ въ себѣ мѣсто страстямъ; потому-что въ утѣшяемомъ тѣлѣ помыслы не могутъ предаваться суетнымъ наредіямъ. Когда кто съ радостію несетъ на себѣ труды и скорби; тогда можетъ сильно обуздывать помыслы; потому-что помыслы сіи трудами приводятся въ бездѣйствіе. Когда человекъ памятуетъ прежніе свои грѣхи, и наказываетъ себя; тогда и Богъ прилагаетъ попеченіе о томъ, чтобы упокоить его. Богъ радуется, что за уклоненіе отъ пути Божія самъ онъ наложилъ на себя наказаніе, что служить знакомъ покаянія. И чѣмъ болѣе дѣлаетъ онъ принужденій душѣ своей, тѣмъ наче пріумножается Богомъ честь его. Всякая же радость , причина которой не въ добродѣтели , въ обрѣтшемъ оную немедленно возбуждаетъ похотливыя движенія. Но содержи въ мыслѣ и то, что сказали мы это о всякомъ страстномъ, а не о естественномъ, похотѣніи. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки вѣковъ !
Аминь.

С Л О В О 78.

О видахъ разныхъ искъшеній и о томъ, сколько сладости имѣютъ искъшніи, бывающія и претерпѣваемыя за истину , и по какимъ степенямъ восходитъ человекъ благоразумный.

Добродѣтели одна другой преемственны , чтобы путь добродѣтели не былъ труднымъ и тяжкимъ,

чтобы можно было преуспѣвать въ нихъ по порядку, и находить въ этомъ для себя облегченіе, и чтобы такимъ образомъ самыя трудности, переносимыя ради добра, содѣлались любезными, какъ нѣчто доброе. Ибо никто не можетъ пріобрѣсти дѣйствительной нестяжательности, если не убѣдить и не уготовить себя къ тому, чтобы съ радостію переносить искушенія. И никто не можетъ переносить искушеній кромѣ увѣрившагося, что за скорби, къ участию въ которыхъ уготовилъ онъ себя, можно пріять нѣчто превосходящее тѣлесный покой. Посему во всякомъ, кто уготовалъ себя къ нестяжательности, сперва возбуждается любовь къ скорбямъ, а потомъ приходитъ къ нему помысль не пріобрѣтать того, что есть въ этомъ мірѣ. И всякій, приступающій къ перенесенію скорби, сперва укрѣпится вѣрою, а потомъ приступаетъ къ скорбямъ. Кто лишаетъ себя вещественнаго, но не отпять у себя дѣйственности чувствъ, разумно зрѣніе и слухъ, тотъ уготовилъ себѣ грубую скорбь, и будетъ сугубо бѣдствовать и скорбѣть. Лучше же сказать, какая польза лишать себя чувственныхъ вещей, и услаждать ими чувства? Ибо отъ ощущеній, производимыхъ нами вещами, человекъ терпитъ то-же самое, что прежде терпѣлъ при совершеніи дѣла; потому-что памятованіе о навыкѣ къ нимъ не выходитъ у него изъ мысли. А если мысленныя представленія вещей безъ самыхъ вещей производятъ въ человекѣ болѣзненное чувство; что скажемъ, когда при насъ, и близко къ намъ, самыя вещи? Прекрасно, наконецъ, отшельничество, потому-что много содѣйствуетъ, сильно укрощаетъ помы-

слы, самымъ пребываніемъ въ отшельничествѣ вла-
гаетъ въ насъ силы, и умигъ великому терпѣнію
въ постигающихъ человека необходимыхъ скорбяхъ.

Не домогайся замѣтноваться совѣтомъ у челове-
ка, который не ведетъ одинакаго съ тобою образа
жизни, хотя онъ и крайне мудръ. Довѣрь помысль
свой лучше человеку неученому, но опытно извѣ-
давшему дѣло, нежели ученому философу, который
разсуждаетъ по своимъ изслѣдованіямъ, не испы-
тавъ на дѣлѣ. Чтò же такое опытъ? Пріобрѣсти
опытъ значитъ — не подойти только человеку къ
какимъ-либо вещамъ, и посмотрѣть на нихъ, не прі-
явъ въ себя вѣдѣнія о нихъ, но по долгому обра-
щеніи съ ними ясно ощутить на опытѣ ихъ пользу
и вредъ. Ибо верьдко вещь наружно кажется вред-
ною, но внутри ея все оказывается непоколебимымъ
пользы. Тò-же разумѣй и о противоположномъ сему, то-
есть, верьдко кажется вещь наносящую пользу, но
внутренно исполнена вреда. Потому, многіе отъ вы-
годныхъ, видимыхъ, вещей несутъ ущербъ; и
отъ того свидѣтельство вѣдѣнія неистинно. А потому,
пользуясь такимъ совѣтникомъ, который умѣетъ въ
терпѣніи обсудить, чтò требуетъ разсужденія. По-
тому-то не всякій, подающій совѣтъ, достоинъ
довѣренности, но только тотъ, кто прежде самъ
хорошо управилъ свободу свою, и не боится осу-
жденія и клеветы.

Когда на пути своемъ находишь неизмѣняемый
мѣръ; тогда бойся; потому-что далеко отстояши отъ
прямой стези, протоптанной утружденными стонами
святыхъ. Ибо, пока ты еще на пути ко граду цар-
ствія, признакомъ приближенія твоего ко граду Бо-

жѣно да будеть для тебя слѣдующее: Скрѣпають тебя сильныя искушенія; и чѣмъ болѣе приближаешься и преслѣваешь, тѣмъ паче предсгоящія тебѣ искушенія умножаются. А потому, какъ-скоро на пути своемъ ощутишь въ душѣ своей наибольшія и сальвейншія искушенія; знай, что въ это время душа твоя дѣйствительно втайнѣ вступила на новую высшую ступень, и приумножена ей благодать въ томъ состояніи, въ какомъ она поставлена; потому-что, соотвѣтственно величію благодати, въ такой-же именно мѣрѣ и въ скорбь искушеній вводитъ Богъ душу, и вводитъ не въ мірскія искушенія, какія бывають съ иными для обузданія порока и дѣлъ явныхъ; не тѣлесныя возмущенія разумныя также подъ искушеніями, но искушенія, какія приличны покамѣ въ нхъ безмолвіи, и которыя опишемъ подробно въ послѣдствіи. Если же душа въ немощи, и нѣтъ у ней достаточныхъ силъ для великихъ искушеній, а потому проситъ, чтобы не войти ей въ оныя, и Богъ послушаетъ ее; то навѣрное знай, что, въ какой мѣрѣ не имѣетъ душа достаточныхъ силъ для великихъ искушеній, въ такой же она недостаточна и для великихъ дарованій; и какъ возбраненъ къ ней доступъ великимъ искушеніямъ, такъ возбраняются ей и великія дарованія; потому-что Богъ не дастъ великаго дарованія безъ великаго искушенія. Соразмѣрно съ искушеніями определены Богомъ и дарованія, по Его премудрости, которой не постигаютъ созданныя Имъ. Наконецъ, по жестокимъ скорбямъ, посылаемымъ на тебя Божіимъ Промысломъ, постигаетъ душа твоя, какую

пріѣла она честь отъ величія Божія. Пбо по мѣртв печали бываесть и утѣшеніе.

Вопросъ. Какъ же поэтому? Сперва ли искушеніе, и потомъ дарованіе; или сперва дарованіе, а за нимъ уже и искушеніе?

Отвѣтъ. Не приходитъ искушеніе, если душа не пріиместь сперва втайнѣ величія паче мѣры своей, и Духа благодати, пріятаго ею, прежде. О семъ свидѣлствуютъ искушенія самого Господа, а подобно ему и искушенія Апостоловъ, которымъ не было позволено войти въ искушенія, пока не пріѣли Утѣшителя. Кто пріобщается благъ, тому прилично терѣть и искушенія; потому-что скорбь его послѣ блага. Такъ угодно было благу Богу творить со всѣми. И хотя это дѣйствительно такъ, то-есть, благодать прежде искушенія; однакоже ощущеніе искушеній, для испытанія свободы, непременно предшествовало ощущенію благодати. Пбо благодать ни въ комъ никогда не предшествуетъ испытанію искушеній. Благодать предскаряетъ въ умъ, но заведываетъ въ ощущеніи. И какъ во время сихъ искушеній прилично уже имѣть два противоположныя и ни въ чемъ не сходныя между собою ощущенія, то-есть, радость и страхъ; радость, потому-что оказываешься идущимъ по пути проложенному святыми, лучше же сказать, самимъ Оживотворителемъ всѣхъ; какъ это явствуетъ изъ разсмотрѣнія искушеній. Страхъ же должны мы имѣть, чтобы не по причинѣ гордости терѣть въ этомъ искушеніе. Впрочемъ, смиренномудрые умудряются благодатию, и могутъ все это различать и познавать, то-есть, какое искушеніе отъ плода гордости,

и какое отъ ударовъ наносимыхъ (х) любовію. Испытанія при вступленіи въ доброе житіе и при возрастаніи онаго отличаются отъ испытаній, попускаемыхъ для вразумленія за гордыню сердца.

Испытаніе друзей Божіихъ, которые смиренно-мудреши.

Испытанія , какія бываютъ души отъ духовнаго жезла къ ея преспеянію и возрастанію, и которыми она обучается, испытывается и вводится въ подвигъ, суть слѣдующія: лѣность , тяжесть въ тѣлѣ , ослабленіе членовъ, уныніе , смущеніе мыслей , мнительность отъ изнеможенія тѣла , временное пресѣченіе надежды , омраченіе помысловъ , недостатокъ человѣческой помощи , скудость въ потребностяхъ для тѣла, и тому подобное. Отъ сихъ испытаній человекъ пріобрѣтаетъ душу одинокую и беззащитную, сердце омертвѣвшее , и смиреніе. И снѣмъ дознается , началъ ли онъ воздѣлывать Создателя. Промыслитель соразмѣряетъ испытанія съ силами и потребностями пріемлющихъ оныя. Въ насъ срастворяются и утѣшеніе и пораженіе, свѣтъ и тма, брань и помощь , короче сказать , тѣснота и пространство. И это служило знакомъ , что человекъ при помощи Божіей преспеиваетъ.

(х) Переводъ Пандіевъ показываетъ, что въ семь мѣсть читать онъ *τὸν τηλομέων*, а не *τὸν τυλομέων*, какъ читается въ греческомъ текстѣ. Переводы древніе славянской и латинскій подвѣрждаютъ чтеніе печатнаго греческаго текста.

С Л О В О 79.

О ГОРДОСТИ.

Искушения враговъ Божіихъ , которые горды.

—

Искушенія, бывающія по Божію попущенію на людей безстыдныхъ , которые въ мысляхъ своихъ превозносятся предъ благодію Божією, и оскорбляютъ гордостію своею Божію благодѣть , суть слѣдующія явныя демонскія искушенія , превышающія предѣлы душевныхъ силъ: отъятіе силы мудрости, какую имѣютъ люди , покоя недающее ощущеніе въ себѣ блудной мысли , попускаемой на нихъ для смиренія ихъ превозношенія , скорая раздражительность, желаніе поставить все по своей волѣ, пресипираться на словахъ, дѣлать выговоры , пренебрегающее всѣмъ сердце , совершенное заблужденіе ума , хулы на ния Божіе , гордивыя , достойныя смѣха, лучше же сказать, слезъ, мысли, будто бы пренебрегаютъ ими люди , въ ничто обращается честь ихъ, и тайно и явно, разными способами наносится имъ стыдъ и поруганіе отъ бѣсовъ, наконецъ, желаніе быть въ общеніи и обращеніи съ міромъ, непрестанно говорить и безразсудно пустословить, всегда отыскивать себѣ новости и даже лжепророчества, обещать многое сверхъ силъ своихъ. И это суть искушенія душевныя.

Къ числу искушеній тѣлесныхъ принадлежатъ: болѣзненные, многосложные, продолжительные, неудобо-

излѣчимые человекомъ припадки, всегдашнія встрѣчи съ людьми худыми и безбожными. Или человекъ упадетъ въ руки оскорбителей, сердце его вдругъ, и всегда безъ причины, приводится въ движеніе страхомъ Божиимъ; часто терантъ онъ страшныя, сокрушительныя для тѣла, паденія съ камней, съ высокихъ мѣстъ, и съ чего-либо подобнаго, наконецъ, чувствуетъ оскуднѣе въ томъ, что помогаетъ сердцу божественною силою и унованіемъ вѣры; короче сказать, и ихъ самихъ и близкихъ имъ постигаетъ все невозможное и превышающее силы. Все же это, нами изложенное, принадлежитъ къ числу искушеній гордости.

Начало же оныхъ появляется въ человекѣ, когда начинаютъ кто въ собственныхъ глазахъ своихъ казаться себѣ мудрымъ. И онъ проходитъ всѣ снѣбствія по мѣрѣ усвоенія имъ себѣ таковыхъ помысловъ гордости. Наконецъ, по роду искушеній своихъ заключаи о путяхъ тонкости ума твоего. Если же видишь, что нѣкоторые изъ сихъ искушеній смѣшаны съ искушеніями сказанными прежде; то знаи, что сколько имѣешь ты оныхъ, столько же проникаетъ въ тебя гордыня.

Внимаи еще и о другомъ способѣ заключать объ искушеніяхъ. Всякое тѣсное обстоятельство и всякая скорбь, если нѣтъ при нихъ терпѣнія, служатъ къ сугубому мученію; потому-что терпѣніе, въ человекѣ отражаетъ бѣдствія, а малодушіе есть мать мученія. Терпѣніе есть мать утѣшенія и нѣкая сила, обыкновенно поражаемая широтою сердца. Человеку трудно найдти такую силу въ скорбяхъ своихъ безъ божественнаго дарованія, об-

рѣшаемаго неоступностію молитвы и изліяніемъ слезъ.

Когда угодно Богу подвергнуть человека болѣющимъ скорбямъ, попускаетъ впасть ему въ руки малодушія. И оно поражаетъ въ человека одолевашую его силу унынія, въ которомъ ощущаетъ онъ подавленіе души, и это есть вкушеніе гесны: снѣгъ наводитъ на человека духъ изступленія, изъ котораго источаются тысячи искушеній: смущеніе, раздраженіе, хула, жалоба на судьбу, превратные помыслы, переселеніе изъ одной стороны въ другую, и тому подобное. Если же спросишь: что причиною всего этого? — то скажу: твое паденіе. Самъ ты не позаботился взыскать врачевства отъ этого. Врачевство же отъ всего этого одно; при помощи только онаго человекъ находитъ скорое утѣшеніе въ душѣ своей. Какое же это врачевство? Смирennemудріе сердца. Безъ него никто не возможетъ разорить преграду снѣгъ золь; скорѣе же найдетъ, что превозмогли надъ нимъ бѣдствія.

Не гнѣвайся на меня, что говорю тебѣ правду. Не взыскалъ ты смирennemудрія всею душею твоею. Но если хочешь, вступи въ его область, и увидишь, что освободитъ оно тебя отъ порока твоего. По мѣрѣ смирennemудрія дается тебѣ терпѣніе въ бѣдствіяхъ твоихъ; а по мѣрѣ терпѣнія облегчается тяжесть скорбей твоихъ, и пріемлешь утѣшеніе; по мѣрѣ же утѣшенія твоего увеличивается любовь твоя къ Богу; и по мѣрѣ любви твоей увеличивается радость твоя о Духѣ Святомъ. Щедролубивый Отецъ нашъ, у истинныхъ сыновъ Своихъ, когда соизволитъ сотворить облегченіе ихъ искушеній,

не отъемятъ искушеній ихъ, но дасть имъ терніе-
ніе въ искушеніяхъ. И они рукою тернія своего
пріемлютъ все сіи блага къ усовершенію душъ
своихъ. Да сподобитъ и насъ Христосъ Богъ по
благодати Своей въ благодареніи сердца претерпѣти
злое изъ любви къ Нему ! Аминь.

С Л О В О 80.

Объ изъясненіи видовъ добродѣтели, и о томъ, како
значеніи, и како преимущество каждаго изъ нихъ.

Тѣлесная добродѣтель въ безмолвіи очищаетъ
тѣло отъ вещественнаго въ немъ; а добродѣтель ума
смирять душу, и очищаетъ ее отъ грубыхъ губи-
тельныхъ мыслей, чтобы не ими занималась она
страстно, но наче пребывала въ созерцаніи своемъ.
Созерцаніе сіе приближаетъ ее къ разоблаченію ума,
что называется созерцаніемъ неведественнымъ. И
это есть духовная добродѣтель: это возноситъ мысль
отъ земнаго, приближаетъ ее къ первому духовному
созерцанію, и предъ Богомъ поставляетъ и мысль и
созерцаніе неизглаголанной славы (а это есть воз-
бужденіе представленій о величествіи естества Бо-
жія), и отлучаетъ умъ отъ міра сего и отъ ощу-
щенія его. Смытъ-то утверждается въ оной намъ
предоставленной надеждѣ, и удостоверяемся въ по-
полненіи ея (ц),—и это есть *препріиіе*, о которомъ

(ц) Здѣсь удержанъ древній славянскій переводъ, несогласный съ греческимъ текстомъ.

сказалъ Апостолъ (Гал. 5, 8), то-есть, удостовѣреніе, которымъ, по обѣтованной намъ надеждѣ, умъ мысленно приводится въ веселіе. Выслункай же, что значить сіе, и какъ бываетъ то или другое изъ сказаннаго.

Тѣлесное житіе по) составляютъ дѣла тѣлесныя; дѣлами же тѣлесными именуются тѣ, которыя для очищенія плоти въ добродѣтельной дѣятельности совершаются явными дѣйствіями, которыми человекъ очищается отъ плотской нечистоты. Житіе умное есть дѣло сердца, неослабно продолжаемое съ заботливою мыслію о судѣ, или правдѣ Божіей и судахъ Божіихъ, также непрестанная молитва сердца, мысль о Промыслѣ и пошечіи Божіемъ, какъ частномъ, такъ и общемъ, усматриваемомъ въ цѣломъ мірѣ, и охраненіе себя отъ страстей тайныхъ, чтобы не встрѣчалось ничто страстнаго въ области сокровенной и духовной. Все это есть дѣло сердца; оно-то и называется житіемъ умнымъ. Въ семь дѣлъ житія, называемомъ душевною дѣятельностію, сердце утончается, отлучается отъ общенія съ противоестественною, ничтожною жизнью, а потомъ начинается иногда возбуждаться къ тому, чтобы съ размысленіемъ смотрѣть на вещи чувствєнныя, созданныя для потребности и возвращенія тѣла, и разумѣвать, какъ ихъ служеніемъ дается спла четырехъ стихій въ тѣлѣ.

Житіе духовное есть дѣятельность безъ участія чувствъ. Оно описано Отцамъ. Какъ-скоро умы святыхъ пріемлютъ на себя оное, отъемлются отъ среды возрѣніе вещественное (*ύποστατική*) и дебелость тѣла, и начинается уже возрѣніе умное (а возрѣ-

нѣмъ вещественнымъ называю тварь первоначальнаго естества), и отъ сего вещественнаго воззрѣнія человѣкъ удобно возводился къ познанію удивительнаго житія, которое, по ясному истолкованію, есть удивленіе Богу. Это есть то высокое состояніе при наслажденіи будущими благами, какое дается въ свободѣ безсмертной жизни, въ жизни по воскресеніи; потому-что природа человѣческая не перестанетъ тамъ всегда удивляться Богу, вовсе не имѣя никакого помышленія о тваряхъ; ибо если было бы что подобное Богу, то умъ могъ бы подвигнуть быть къ этому, иногда Богомъ, а иногда самъ собою. Но поелику всякая красота твари въ будущемъ обновленіи ниже красоты Божіей; то какъ можетъ умъ воззрѣніемъ своимъ устраниваться отъ красоты Божіей? Итакъ что же? Опечалить ли его необходимость умереть, или тягость плоти, или памятіе о родныхъ, или естественная потребность, или бдѣнія, или препятствія, или невѣдомое пареніе, или несовершенство природы, или окруженіе стихіями, или встреча одного съ другимъ, или уныніе, или утомительный тѣлесный трудъ? Ничего. Похотя все сіе и бываетъ въ мірѣ, однакоже въ то время, когда покрывало страстей снято съ очей ума, и узрѣтъ онъ будущую славу, мысль тотчасъ возносится въ восторгъ. И еслибъ въ этой жизни таковому состоянію не полагалъ Богъ предѣла, сколько именно промеднить въ ономъ, и при томъ позволялось это человѣку во всю его жизнь; то человѣкъ не могъ бы и здѣсь устраниваться отъ воззрѣнія на сіе, и тѣмъ паче не возляжеть тамъ, гдѣ нѣтъ всего изчисленнаго выше. Ибо добродѣтель она не имѣетъ

предѣловъ , и мы самымъ дѣломъ и существенно войдемъ внутрь дворовъ царскихъ, если сподобится того за житіе свое.

Посему, какъ же можетъ умъ устранишься и удалиться отъ дивнаго и божественнаго онаго созерцанія и остановиться на чемъ-либо иномъ? Горе намъ, что не знаемъ дунѣ своихъ, и того, къ какому житію мы призваны; но эту жизнь немощи, эго состояніе живущихъ, эти скорби міра, и самый міръ, пороки его и упокоеніе его почитаемъ чѣмъ-то значительнымъ!

Но, Христе, единый всесильный! *Блаженъ ему же есть заступленіе его у Тебе: восхожденія въ сердце своею положи* (Исая. 83, 6.). Ты, Господи, отврати лице твое отъ міра къ тому, чтобы воздѣлывать Тебя, пока не увидимъ, чѣмъ такое міръ, и не перестанемъ вѣрить тѣмъ, какъ дѣйствительности. Вновь сотворишь, онови, Господи, въ умъ нашемъ раченіе прежде смерти, чтобы въ часъ несуществія нашего намъ знать, каковы были вѣщствія и несуществія наши въ міръ сего, пока не совершенно нами дѣло, на которое по воли Твоей первоначально мы призваны въ жизнь, и потомъ не воспріята надежда умомъ несовершеннымъ упованія получить, по обѣтованію Исаіи, великія блага, какія уготовала любовь Твоя, во второмъ возсозданіи, — о которомъ памятованіе сохраняется вѣрою въ таинства.

С Л О В О 81.

ОБЪ ОЧИЩЕНИИ ТѢЛА, ДУШИ И УМА.

—

Очищеніе плоти есть неприкосновенность къ плотской сквернѣ. Очищеніе души есть освобожденіе отъ тайныхъ страстей, возникающихъ въ умѣ. Очищеніе же ума совершается откровеніемъ тайнъ. Ибо очищается онъ отъ всего, что по слабости своей подлежитъ чувству. Малыя дѣти невинны тѣломъ, безстрастны по душѣ; но никто не назоветъ ихъ чистыми и по уму. Ибо чистота ума есть совершенство въ самомъ дѣйствіи небснаго воззрѣнія, къ которому безъ участія чувствъ возбуждается духовною силою горнихъ украшеній и безчисленныхъ чудесъ онаго небснаго міра, наслажденіе которыми въ невидимомъ служеніи ихъ раздѣляется для тѣхъ и другихъ тонкими умопредставляемыми божественными откровеніями, непрестанно и на всякій часъ измѣняющимися. Самъ Богъ нашъ да сподобитъ насъ созерцать Его непокровеннымъ умомъ, а потомъ и непосредственно во вѣки вѣковъ! Ему слава! Аминь.

—

С Л О В О 82.

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ПРЕДМЕТЫ ПОЛЕЗНЫЕ, ИСПОЩЕННЫЕ ДУХОВНОЮ МУДРОСТІЮ.

—

Вѣра есть дверь тайнствъ. Какъ тѣлесныя очи видятъ предметы чувственные, такъ вѣра духовными

очами взираеть на сокровенное. У насъ два душевныя ока, какъ говорятъ Отцы, подобно тому, какъ два же тѣлесныя ока; но потребность видѣнія не одна и таже въ каждомъ изъ очей душевныхъ. Однимъ окомъ видимъ тайны Божіей славы, сокровенныя въ естествахъ, то-есть силу и премудрость Божію и совѣтное промышленіе Божіе о насъ, постигаемое изъ величія управленія нами; а подобно сему тѣмъ же окомъ созерцаемъ и небесныя сослужебныя намъ чины. Другимъ же окомъ созерцаемъ славу святаго естества Божія, когда благоволилъ Богъ ввести насъ въ духовныя таинства, и въ умъ нашъ отверзеть море вѣры.

С Л О В О 83.

О покаяніи.

Какъ благодать на благодать, подаямъ по крещеніи даво покаяніе; потому-что покаяніе есть второе возрожденіе отъ Бога. И то дарованіе, котораго залогъ пріяли мы отъ вѣры, приедемъ покаяніемъ. Покаяніе есть дверь милости, отверстая усильно шпунцимъ его; сею дверію входимъ въ Божію милость; кромъ этого входа не обрѣтемъ милости; *вси бо, по слову божественнаго Писанія, согрѣшихомъ, оправдаемъ туне благодатию Его* (Рим. 3, 23. 24.). Покаяніе есть вторая благодать, и рождается въ сердцѣ отъ вѣры и страха; страхъ же есть отеческій жезлъ, управляющій нами, пока не достигнемъ духовнаго рая

благъ; а когда достигнемъ, тогда оставитъ онъ насъ и возвратится.

Рай есть любовь Божія, въ которой наслажденіе всѣми блаженствами, — гдѣ блаженный Павелъ напи-
тался пресекственною пицею, и какъ-скоро вкусплъ
тачъ плода съ древа жизни, воскликнулъ, сказавъ:
иже око не видѣтъ, и ухо не слыша, и на сердце
человѣку не вьдоша, яже уготова Богъ любящимъ
Его (1 Кор. 2, 9.). Плоды древа сего возбранены
Адаму по умышленію дьявольскому. Древо жизни
есть любовь Божія, огъ которой огналъ Адамъ; и
съ тѣхъ поръ не встрѣчала уже его радость, но
работалъ и трудился онъ на землѣ терній. Лишенные
любви Божіей, если и по правотѣ ходятъ, вѣдаютъ
тотъ хлѣбъ пога въ дѣлахъ своихъ, какой повелѣно
ѣсть первозданному по нацѣни его. Пока не при-
обрѣтемъ любви, дѣланіе наше на землѣ терній; и
хотя сѣніе наше бываетъ сѣніемъ правды; и сѣемъ
и пожинаемъ мы среди терній, и ежечасно уязвля-
емся ими, и что ни дѣлали-бъ къ своему оправданію,
живемъ въ потѣ лица. А когда обрѣтемъ любовь,
тогда станемъ питаться небеснымъ хлѣбомъ и укрѣ-
пляться въ силахъ безъ работы и труда. Небесный
хлѣбъ есть Христосъ сшедшій съ небеси и даѣй
животъ міру (Іоан. 6, 33.). Это есть пища Ан-
гельская.

Кто обрѣлъ любовь, тотъ каждый день и часъ
вкушаетъ Христа, и дѣлается огъ сего безсмерт-
нымъ; ибо сказано: *кто съѣсть отъ хлѣба сего,*
его же Азъ дамъ ему, смерти не узритъ во вѣки
(Іоан. 6, 51.). Блаженъ, кто вкушаетъ отъ хлѣба
любви, который есть Іисусъ. А что вкушающіи

любви вкушаетъ Христа, сущаго надъ всеми Бога, о семъ свидѣлствуетъ Іоаннъ, говоря: *Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 8.). Наконецъ, живущій въ любви плодотворноситъ жизнь отъ Бога, и въ этомъ еще міръ въ ощущаемомъ здѣсь обоняетъ оный воздухъ воскресенія. Смытъ воздухомъ наслаждаются праведные по воскресеніи. Любовь есть царство; о ней Господь таинственно обѣтовалъ Апостоламъ, что вкусятъ ея въ царствѣ Его. Пбо сказано: *да ясте и пиете на трапезѣ царствія Моего* (Лук. 22, 30.), что иное означать, какъ не любовь? Любви достаточно къ тому, чтобы напитать человека вѣсто пищи и питія. Вотъ вино, веселящее *сердце человека* (Ис. 103, 15.). Блаженъ, кто неіетъ вина сего! Неицли его невоздержные, и устыдннсь; неицли грѣшники, и забыли пути претковеній; неицли ііянцы, и стали постыжками; неицли богатые, и возжелали нищеты; неицли убогіе, и обогатннсь надеждою; неицли большые, и стали еіьны; неицли невѣжды, и умудрннсь.

Какъ невозможно переплыть большое море безъ корабля и ладіи; такъ никто не можетъ безъ страха достигнуть любви. Смердное море между нами и мысленнымъ раемъ можемъ перейти только на ладіи покаянія, на которой есть гребны страха. Но если еіи гребцы страха не правятъ кораблемъ покаянія, на когоромъ по морю міра сего переходимъ къ Богу, то утоаемъ въ этомъ смердномъ морѣ. Покаяніе есть корабль, а страхъ — его коричій, любовь же — божественная пристань. Поэтому, страхъ вводитъ насъ на корабль покаянія, перевозитъ по смердному морю жизни, и нусоводствуетъ къ божественной

пристанн, которая есть любовь. Къ сей пристани приходятъ все труждающіеся и обремененные покаяніемъ. И когда достигнемъ любви, тогда достигли мы Бога, и путь нашъ свершенъ, и пришли мы къ острову таковшаго міра, гдѣ Отецъ, Сынъ и Духъ Святый. Ему слава и держава! И насъ страхомъ Своимъ да содѣластъ достойными славы и любви Его! Аминь.

С Л О В О 34.

О томъ, какъ велика бываетъ мѣра вѣдѣнія и мѣра
вѣры.

Есть вѣдѣніе, предшествоующее вѣрѣ, и есть вѣдѣніе, порождаемое вѣрою. Вѣдѣніе, предшествоующее вѣрѣ, есть вѣдѣніе естественное; а порождаемое вѣрою есть вѣдѣніе духовное. Есть вѣдѣніе естественное, различающее добро отъ зла, и оно имется естественною разсудительностію, которою естественно безъ науки распознаемъ добро и зло. Сію разсудительность Богъ вложилъ въ разумную природу; при помощи же науки она получаетъ приращеніе и пополненіе. Итъ человека, который бы не имѣлъ ея. Это есть сила естественнаго вѣдѣнія въ разумной душѣ; это есть то различеніе добра и зла, которое въ душѣ непрестанно приводится въ дѣйствіе. Лишенные этой силы иже разумной природы, а въ имѣющихъ ее природа духовная въ надлежащемъ своемъ состояніи, и въ нихъ не погублено ничего изъ даннаго Богомъ природѣ къ чести разум-

ныхъ тварей Его. Утратившихъ сію познавательную силу, различающую добро отъ зла, Пророкъ укоряегъ, говоря: *человѣкъ въ чести сый, не разумѣ* (Исая. 48, 13.). Честь разумной природы—разсудительность, различающая добро отъ зла, и утратившихъ оную Пророкъ справедливо уиодобилъ несмысленнымъ скотамъ, немнющимъ разума и разсудка. Сію разсудительностію можно намъ обрывать путь Божій. Это есть естественное вѣдѣніе; оно предпослуетъ вѣрѣ, и есть путь къ Богу. Смытъ приобрьтаемъ познаніе, чтобы различить добро отъ зла и пріять вѣру. И сила природы свидѣтельствуеъ, что человеку должно вѣровать въ Того, Кго сотворилъ все эго, вѣровать словесамъ заповѣдей Его, и исполнять ихъ. Отъ вѣрованія же раждается страхъ Божій. И когда вѣра будетъ сопровождать дѣла, и постепенно придетъ въ дѣланіе; тогда раждается духовное вѣдѣніе, о которомъ сказали мы, что раждается оно отъ вѣры.

Естественное вѣдѣніе, то-есть, различеніе добра и зла, вложенное въ природу нашу Богомъ, само убѣждаетъ насъ въ томъ, что должно вѣровать Богу, приведшему все въ бытіе. А вѣра производитъ въ насъ страхъ; страхъ же понуждаетъ насъ къ покаянію и дѣланію. Такъ дается человеку духовное вѣдѣніе, то-есть, ощущеніе таинъ, которое раждаетъ вѣру истиннаго созерцанія. А такимъ образомъ не просто отъ одной голы вѣры раждается духовное вѣдѣніе, но вѣра раждаетъ страхъ Божій, и при Божіемъ страхѣ, когда въ немъ начнемъ дѣйствовать, отъ дѣйствія сего страха раждается духовное вѣдѣніе, какъ сказалъ святой Іоаннъ Злагоустъ: «Когда

приобрѣтетъ кто волю, соответствующую страху Божію и правильному образу мыслей, тогда скоро пріемлетъ онъ откровеніе сокровеннаго». Откровеніемъ же сокровеннаго называетъ онъ духовное вѣдѣніе.

Но и не страхъ Божій раждаетъ сіе духовное вѣдѣніе. Пбо чѣмъ неволюемо въ природу, тѣмъ не можетъ и родиться. Но вѣдѣніе сіе дается въ даръ дѣланію страха Божія. Когда изслѣдуешь внимательно дѣло страха Божія; тогда найдешь, что оно есть покаяніе; и отсюда-то духовное вѣдѣніе. Это есть то самое, о чемъ сказали мы, что залогъ сего пріян мы въ крещеніи, а дарованіе пріемлемъ покаяніемъ. И дарованіе сіе, о которомъ сказали мы, что пріемлемъ оно покаяніемъ, есть самое духовное вѣдѣніе—это даваніе, подаваемое дѣйствительною страха. Духовное же вѣдѣніе есть ощущеніе сокровеннаго. И когда ощутишь кто сіе невидимое и во многомъ превосходящее; тогда пріемлетъ оно отъ сего впечатлѣніе духовнаго вѣдѣнія, и въ ощущеніи его раждается иная вѣра, непротивная вѣрѣ первой, но утверждающая ту вѣру. Называютъ же ее вѣрою созерцательною. Дотогдѣ былъ слухъ, а теперь созерцаніе; созерцаніе же несомнѣнное слуха.

Все сіе раждается отъ онаго естественнаго вѣдѣнія, различающаго доброе и злое. Оно есть доброе сѣмя добродѣтели, и о немъ уже сказано. И когда естественное сіе вѣдѣніе обратитъ своею сластолюбивою волею; тогда лишимся всехъ сихъ благъ. Съ нимъ же естественнымъ вѣдѣніемъ въ чловѣкѣ посѣлится всердшнее уязвленіе совѣсти, непрестанное помятованіе смерти и пѣкая мучительная забота,

продолжающаяся до самого его иществія, а послѣ сего печаль, унылость, страхъ Божій, естественная стыдливость, печаль о прежнихъ грѣхахъ своихъ, надлежащая рачительность, памятованіе объ общемъ пути, забота о присутствованіи себя къ оному, слезное приращиваніе у Бога добраго вѣщствія въ сіи врата, которыми должно проходить всякому естеству, пренебреженіе къ міру и сильная борьба о добродѣтели. Все сіе пріобрѣтается естественнымъ вѣдѣніемъ. Поэтому, пусть съ этимъ случается всякій дѣла свои. Ибо, когда окажется, что человекъ пріобрѣлъ это, тогда значить, что идетъ онъ путемъ естественнымъ. А когда превзойдетъ это, и входитъ въ любовь, тогда становится выше естества, и оканчиваются для него борьба, страхъ, трудъ и утомленіе во всемъ. Богъ послѣдствія вѣдѣнія естественнаго. И это находимъ въ себѣ самихъ, когда не помрачаемъ сего вѣдѣнія счастіемъ подобною своею волею. И на этой остаемся степені, пока не прійдемъ въ любовь, которая освобождаетъ насъ отъ всего этого. Пусть всякой, на основаніи сего сказаннаго нами, случается и испытываетъ самъ себя, гдѣ стоишь, въ томъ ли, что противоестественно, или въ томъ, что естественно, или въ томъ, что превышеестественно. По силѣ сказанныхъ направленій вѣщствія можетъ всякій ясно и скоро отыскать, какъ управляется дѣлая жизнь его. И когда, какъ опредѣлили мы, не окажется онъ въ наименованномъ у насъ сообразнымъ съ естествомъ, и путь также его въ превышеестественномъ; тогда явно, что изрипнулся онъ въ противоестественное. Но Богу нашему слава во вѣки ! Аминь.

С Л О В О 85.

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ИСПОЛНЕННЫЯ ПОЛЪЗЫ СОВѢТЫ,
КАКЕ СЪ ЛЮБОВНО ИЗГЛАГОЛАТЬ ВО СМЯНЕНІИ СЛЪШАЮ-
ЩИМЪ ЕГО.

--

Добрая мысль не заидасть въ сердце, если она не отъ Божественной благодати. Лукавый помысль не приближается къ душѣ, развѣ только для искупленія и испытанія. Человѣкъ достигнѣй того, чтобъ познать мѣру своей немощи, достигъ совершенства смиренія. Дарованія Божіи къ человеку приводятъ сердце, возбуждаемое къ непрестанному благодаренію. Искупленіе наводитъ на душу ропотная мысль, постоянно возбуждаемая въ сердце. Господь спосигъ всякія немощи человѣческія, не терпигъ же человека всегда ропшущаго, и не оставляетъ безъ вразумленія. Душа, далекая отъ всякаго озаренія вѣдѣніемъ, предается таковымъ ропотнымъ мыслямъ. Уста, всегда благодарящія, приѣмного благословеніе отъ Бога; если сердце пребываетъ въ благодареніи, нисходитъ въ него благодать. Благодати предшествуетъ смиреніе; а наказанію предшествуетъ самочиніе. Горделивому попускается впадать въ хулу, и превозносящемуся дѣятельною добродѣтью попускается впадать въ блудъ, а превозносящемуся своею мудростію попускается впадать въ темныя сѣти невѣдѣнія.

Человѣкъ, далекій отъ всякаго памятованія о Богѣ,

поситъ въ сердцѣ своемъ тревожимую лукавою памятію мысль противъ ближняго. Кго, при памятованіи о Богѣ, уважаетъ всякаго человека, тотъ, по чину Божію втайнѣ, обрѣтаетъ себѣ помощу у всякаго человека. Кто задираетъ обидѣннаго, тотъ поборникомъ себѣ обрѣтаетъ Бога. Кто руку свою простираетъ на помощу ближнему своему, тотъ въ помощу себѣ пріемлетъ Божію помощь. Кто обвиняетъ брата своего въ пороки его; тотъ обвинителя себѣ обрѣтаетъ въ Богѣ. Кто исправляетъ брата своего въ клятвѣ своей, тотъ изцѣляетъ собственный свой порокъ. А кто обвиняетъ кого-либо предъ собраниемъ, тотъ увеличиваетъ болѣзненность собственныхъ своихъ явъ. Кто втайнѣ врачуетъ брата своего, тотъ явною дѣлаетъ силу любви своей. А кто стыдитъ его передъ глазами друзей его, тотъ показываетъ въ себѣ силу зависти. Другъ обличающій тайно — мудрый врачъ, а врачующій предъ глазами многихъ въ дѣйствительности есть ругатель. Знакъ сострадателности — прощенье всякаго долга, а знакъ лукаваго образа мыслей — прекословіе надъ нему. Кто дѣлаетъ вразумленіе съ цѣлію сдѣлать здравымъ, тотъ вразумляетъ съ любовію; а кто домогается мщенія, въ томъ пылъ любви. Богъ вразумляетъ съ любовію, а не отъицаетъ (да не будетъ сего!); напротивъ того, имѣетъ въ виду, чтобы изцѣлить образъ Его, и не хранитъ гнѣва до времени. Этотъ способъ любви есть следствие правоты, и не уклоняется въ страсть мщенія. Правдивый мудрецъ уподобляется Богу. Но наказываетъ человека, вовсе не отъицая ему за грѣхъ его, но чтобы или исправить человека, или устроить другіе.

Наказаніе неподобное этому не есть вразумленіе. Кто дѣлаеть добро ради воздаянія, тотъ скоро измѣняется. Кто по силѣ вѣдѣнія своего удивляется при созерцаніи вѣдѣнія, какое въ Богѣ, тотъ, если и умерщвляется плотию, то не превозносится мыслию своею, и не уклоняется отъ добродѣтели. Кто просвѣщаетъ умъ свой для достойнаго воздаянія Богу, тотъ и душею и тѣломъ спускается въ глубину смиренномудрія. Ибо прежде, нежели приблизится кто къ вѣдѣнію, восходитъ и нисходитъ въ житіи своемъ; какъ же скоро приблизится къ вѣдѣнію, всецѣло возносится въ высоту; и пока возвышается, не достигаетъ совершенства восхожденіе вѣдѣнія его; пока не наступитъ онѣй вѣкъ славы, не приметъ человекъ полнаго его богатства. Ибо въ какой мѣрѣ усовершенсается человекъ предъ Богомъ, въ такой идетъ во слѣдъ Его; въ истинномъ же вѣкѣ Богъ показываетъ ему лице Свое, а не то, что Онъ есть. Ибо праведные, пока входятъ въ вѣдѣніе Его, видятъ образъ какъ въ зеркалѣ; а тамъ узрятъ явленіе дѣйствительности.

Огонь, возгорѣвшійся въ сухихъ дровахъ, съ трудомъ угасается. И если въ сердцѣ отрешагося отъ міра явится и западетъ Божіи теплота, то воспламененіе ея не угасается, и она стремительнѣе огня. Когда сила вина войдетъ въ члены, умъ забываетъ строгость во всемъ. И памятованіе о Богѣ, когда овладѣетъ нажитію въ душѣ, истребляетъ въ сердцѣ памятованіе о всемъ видимомъ. Умъ, обрѣтшій духовную мудрость, есть тѣ-же, что человекъ, который находитъ готовый корабль въ морѣ; и когда взойдетъ на него, уплываетъ изъ моря вѣка сего, и

приходитъ къ острову будущаго вѣка. Ощущеніе будущаго вѣка въ міръ семь есть то-же, что малый островъ въ морѣ; и приближающійся къ нему не удерживается уже въ волнахъ видѣнія вѣка сего.

Конецъ, когда раздѣль его конченъ, спынишь уйдти въ домъ свой. И монахъ, пока еще остается время дѣятельности его, скорбитъ о разлученіи съ тѣломъ своимъ; а когда онцутитъ въ думъ своей, что некупишь онъ время, и получишь залогъ свой, вождѣваетъ будущаго вѣка. Пока конецъ въ морѣ, въ членахъ у него страхъ, чтобы не возстанъ на него волны, и не погонула надежда дѣланія его. Пока и монахъ въ міръ, страхъ овладѣваетъ житіемъ его, чтобы не пробудилась на него буря, и не погибло дѣло его, надъ которымъ трудился отъ юности и до старости своей. У купца въ виду твердая земля, а у монаха—смертный часъ.

Мореходецъ, когда плаваеетъ среди моря, смотритъ на звѣзды, и по звѣздамъ направляетъ корабль свой, пока не достигнетъ пристани. И монахъ взираетъ на молитву, потому-что она направляетъ его самого, и направляетъ шествіе его къ той пристави, къ которой житіе его направлено въ ежечасной молитвѣ. Мореходецъ высматриваетъ островъ, у котораго бы привязать ему корабль свой; запасается тамъ нужнымъ на путь, и направляется потомъ къ другому острову. Таково и шествіе монаха, пока онъ въ жизни сей. Монахъ переходитъ отъ острова къ острову, то-есть отъ вѣдѣнія къ вѣдѣнію, и, при этой перемѣнѣ острововъ, т.-е. вѣдѣній, пресѣваетъ, пока не выйдетъ изъ моря, и шествіе его не достигнетъ онаго истиннаго града, въ которомъ

обитатели его не занимаются болѣе куплею, но каждый упокоивается въ богатствѣ своемъ. Блаженъ тотъ, у кого купля его не пришла въ разстройство въ этотъ суетномъ мѣръ, среди великаго моря сего. Блаженъ тотъ, у кого корабль не разбился, и въ радости достигаетъ отъ пристани.

Пловецъ безъ одежды погружается въ море, пока не найдетъ жемчужину. И мудрый монахъ, сошедъ всего, проходитъ жизнь, пока не обрѣтетъ въ себѣ бисеръ—Исуса Христа. И когда обрѣтетъ Его, не пріобрѣтаетъ уже при Немъ ничего изъ существующаго. Жемчугъ хранится въ сокровищницахъ; и услажденіе инока сообразуется въ безмолвіи. Дѣвъ вредно быть въ народныхъ собраніяхъ и при многочисленности, а уму инока—въ беседахъ со многими. Птица, гдѣ бы ни была, стремится въ гнѣздо свое, выводить тамъ дѣтей; и разсудительный монахъ поспѣваетъ въ мѣсто свое, сотворить въ себѣ плодъ жизни. Звѣздя, когда сокрушено у ней все тѣло, блондетъ свою голову; и мудрый монахъ во всякое время охраняетъ веру свою, которая есть начало жизни его. Облака закрываютъ солнце; а многоглаголаніе потемняетъ душу, которая начала просвѣщаться молитвеннымъ созерцаніемъ.

Птица, называемая еродій, по словамъ мудрыхъ, веселится и радуется въ то время, когда удалится изъ мѣстъ обитаемыхъ, и достигнетъ пустыни, и поселится въ ней. Такъ и душа пріоступающаго пріемлетъ въ себя небесную радость въ то время, когда удалится отъ людей, прійдетъ и вселится въ странъ безмолвіи, и тамъ станетъ ожидать времени своего исшествія. Рассказываютъ о птицѣ, называемъ-

мой спрема, что всякій, слыша сладкозвучнаго голоса, такъ пѣнится, что, идя за нею по пустынь, отъ сладости пѣнія забываетъ самую жизнь свою, падаетъ и умираетъ. Слѣмъ изображается то, что бываетъ и съ душою. Когда оццццается сю небесная сладость; тогда отъ сладкозвучія словесъ Божіихъ, переданныхъ чувствомъ уму, душа всецѣло устремляется во слѣдъ этой сладости, такъ-что забываетъ свою тѣлесную жизнь; и тѣло лишается пожеланій своихъ, а душа возносится изъ этой жизни къ Богу.

Дерево, если сперва не скинетъ съ себя прежнихъ своихъ листьевъ, не пропзращаетъ новыхъ вѣтвей. И монахъ, пока не изршнетъ изъ своего сердца памятованія о прежнихъ своихъ дѣлахъ, не приноситъ новыхъ плодовъ и вѣтвей о Христѣ Ісусѣ.

Вѣтръ утущаетъ плоды на деревьяхъ и на нивѣ, а копченіе о Богѣ—плоды въ душѣ. Въ раковинѣ, въ которой зараждается жемчужина, какъ говорятъ, молніею производится нѣкоторое подобіе нескры, и изъ воздуха пріемлетъ она въ себя вещество, а додоль остается простою плотию. Пока и сердце шюка не пріиметъ въ себя разумнѣмъ небеснаго вещества, дѣло ея есть нѣчто обыкновенное, и въ раковинахъ своихъ не заключаетъ плода утущенія.

Несъ, который лижетъ позри свои, пьетъ собственную свою кровь, и, по причинѣ сладости крови своей, не чувствуетъ вреда своего. И шюкъ, который склоненъ бываетъ ушиваться гщеславіемъ, пьетъ жизнь свою, и отъ сладости, оццццаемой на часъ, не сознаетъ вреда своего. Мірская слава есть утесъ въ морѣ, покрытый водами, и неизвестенъ онъ

плывцу, пока корабль не станетъ на немъ дномъ своимъ и не наполнится водою. То-же дѣлается съ челоукомъ и тщеславіе, пока не потопитъ и не погубитъ его. У Отцевъ говорится о немъ, что въ тщеславную душу снова возвращаются страсти, въ-когда ея побужденныя и пещенія изъ нея. Малое облако закрываетъ кругъ солнечный, и солнце послѣ облака особенно грѣетъ. И малое уныніе потемняетъ душу, но послѣ него бываетъ великая радость.

Къ словесамъ таинствъ, заключенныхъ въ божественномъ Писаніи, не приступай безъ молитвы и прошенія помощи у Бога, но говори: «дай мнѣ, Господи, пріять ощущеніе заключающейся въ нихъ силы». Молитву почитай ключемъ къ петланому смыслу сказаннаго въ божественныхъ Писаніяхъ. Когда желаешь приблизиться сердцемъ своимъ къ Богу, доказжи Ему прежде любовь свою тѣлесными трудами. Въ нихъ полагается начало житія. Пбо много приближается сердце къ Богу скудостью необходимаго, пріобученіемъ себя къ оному роду пищи; а такимъ образомъ, приближеніе сіе послѣдуетъ за дѣлами тѣлесными. И Господь положитъ ихъ въ основаніе совершенства. Праздность же почитай началомъ омраченія души, омраченіемъ же на омраченіе—сходбища для бесѣдъ. Поводомъ къ первому бываетъ второе. Если и полезныя рѣчи, когда нѣтъ имъ мѣры, производятъ омраченіе; то кольми паче рѣчи суетныя? Душа унывается отъ множества продолжительныхъ бесѣдъ, хотя бы ограждала себя и страхомъ Божіимъ. Наконецъ, омраченіе души происходитъ отъ безпорядочности въ житіи.

Мѣра и извѣстное правило въ житіи просвѣщаютъ

умъ и не допускають до смущенія. Смущеніе же ума отъ безпорядочности производитъ въ душѣ омяченіе, а омяченіе производится опять смущеніе. Миръ бываетъ слѣдствіемъ добраго порядка, а отъ мира рождается въ душѣ свѣтъ; отъ свѣта же и мира возсіяваетъ въ умъ чистый воздухъ. Но мръ же того, какъ сердце, по устраниніи отъ міра, приближается къ духовной мудрости, пріемлетъ оно въ такой же мръ радость отъ Бога, и въ душѣ своей чувствуетъ различіе мудрости духовной и мудрости мірской; потому-что въ мудрости духовной овладеваетъ душею молчаніе, а въ мудрости мірской источникъ паренія мыслей. И по обрѣтеніи первой мудрости исполняешься великаго смиренномудрія, скромности и мира, царствующаго надъ всеми твоими помыслами. Съ сего времени и въ членахъ твоихъ прекратятся смятеніе и буйные порывы, настанетъ же безмолвіе. Съ обрѣтеніемъ же второй мудрости пріобрѣтешь гордость въ мудрованіи своемъ, и неслыханно странные помыслы, и смятеніе ума, безстыдство и киченіе чувствъ. Не думай, что человекъ, привязанный къ тѣлесному, возымѣетъ въ молитвѣ дерзновение предъ Богомъ. Душа корыстная лишается премудрости, а душа милосердая умудрена будетъ духомъ.

Какъ слей нуженъ для свѣщенія свѣтильника, такъ милостыня питаетъ въ душѣ вѣдѣніе. Ключъ сердцу къ божественнымъ дарованіямъ дается любовію къ ближнему, и, по мръ отрѣшенія сердца отъ узъ тѣлесныхъ, отверзается также предъ нимъ и дверь вѣдѣнія. Прехожденіе души изъ міра въ міръ есть пріятіе разумнія. Какъ прекрасна и похвальна по-

бовъ къ ближнему, если только попеченіе ея не отвлекаетъ насъ отъ любви Божіей! Какъ пріятна беседа съ духовными нашими братіями, если только можемъ сохранить при оной и собесѣдованіе съ Богомъ! Наконецъ, хорошо заботиться и о семъ, пока соблюдается въ этомъ соразмѣрность, т.-е. пока подъ этимъ предлогомъ можно не утратить сокровеннаго дѣланія и житія, и непрестаннаго собесѣдованія съ Богомъ. Последнему бываетъ понятельствомъ точное соблюденіе перваго; умъ недостаточенъ къ тому, чтобы вести два собесѣдованія. Свиданіе съ людьми мірскими, въ душѣ, отрекшейся отъ нихъ для Божія дѣла, производитъ смущеніе. Вредна бываетъ непрестанная беседа и съ духовными братіями; а на людей мірскихъ вредно посматрѣть только и издали. Тѣлесной дѣятельности не препятствуетъ (ч) встрѣча съ чѣмъ-либо чувствъ. Но кто желаетъ, какъ изойти отъ умирненія мысли, познать радость въ дѣланіи сокровеннаго, въ томъ и безъ видѣнія одни звуки голоса приводятъ въ смятеніе покой сердца его. Внутреннее омертвленіе невозможно безъ приведенія чувствъ въ недѣятельность. И тѣлесная жизнь требуетъ пробужденія чувствъ, а жизнь душевная—пробужденія сердца.

Какъ душа по природѣ лучше тѣла, такъ и дѣло душевное лучше тѣлеснаго. И какъ первоначально созданіе тѣла предшествовало вдуновенію въ него жизни, такъ и дѣла тѣлесныя предшес-
твуютъ

(ч) Въ переводахъ древнею славянскомъ и сербскомъ рѣчь безъ отрицанія *И дѣланіе тѣлесное возбуждаетъ и пр.*

ють дѣлу душевному. И невысокое житіе, неизмѣнно продолжаемое,—великая сила. Слабая капля, постоянно падая, пробиваетъ жесткій камень.

Когда приблизится время воскреснуть въ тебѣ духовному человеку; тогда возбуждается въ тебѣ омертвѣніе для всего, возгорается радость въ душу твою, неудобоблизоуемой тварямъ, и помыслы твои заключаются внутри тебя тою сладостію, какая въ сердцѣ твоемъ. А когда готовъ востать въ тебѣ міръ; тогда умножается въ тебѣ пареніе мысли, низкое и непостоянное мудрованіе. Міромъ же называютъ страсти, которыя пораждаетъ пареніе ума. Когда они родятся и достигнутъ зрѣлости,—дѣлаются грѣхами и умерщвляютъ человека. Какъ дѣти не рождаются безъ матерей; такъ страсти не рождаются безъ паренія мысли, а совершеніе грѣха не бываетъ безъ собесѣдованія со страстями.

Если терпѣніе возрастаетъ въ душахъ нашихъ; это признакъ, что пріяли мы вѣйшіе благодати утѣшенія. Сила терпѣнія крѣпче радостныхъ мыслей, овладѣвающихъ сердцемъ. Жизнь въ Богѣ есть унадокъ чувствъ. Когда будетъ жить сердце, унадають чувства. Востаніе чувствъ есть омертвѣніе сердца. И когда они востанутъ, это признакъ омертвѣнія сердца для Бога. Отъ добродѣтелей, совершаемыхъ между людьми, совѣсть не получаетъ правоты.

Добродѣтель, какую творить кто ради другихъ, не можетъ очистить душу; потому-что выбываетъ предъ Богомъ въ награду дѣло. Добродѣтель же, которую человекъ творить самъ въ себѣ, выбываетъ въ совершенную добродѣтель, и достигаетъ того и другаго, т.-е., и выбываетъ въ воздаяніе, и произ-

водити очищеніе. Посему, устранись отъ перваго, и послѣдуй второму. Безъ понеченія же о второмъ оставишь первое есть явное отпаденіе отъ Бога. Но второе замѣняетъ собою первое, если и не будетъ сего перваго.

Покой и праздность—губель душъ, и большіе демоновъ могутъ повредить ей. Когда ты лю немощно, и будешь принуждать его къ дѣламъ превышающимъ силы его; тогда душъ твоей прилагася обратеніе къ обратенію, и внесеши въ нее большее смущеніе. А если ты лю крѣпко, и предаешь его покою и праздности; то въ душъ, обитающей въ этомъ тѣлѣ, усовершеняется всякій порокъ; и если бы кто даже сильно воздерживалъ добра, вскорѣ отъемлется у него самая мысль о добрѣ, какую имѣлъ онъ. Когда душа уносится радостію надежды своей и веселіемъ Божіимъ; тогда ты лю не чувствуетъ скорбей, хотя и немощно. Ибо несетъ сугубую тяготу, и не оскудѣваетъ въ силахъ, но вмѣстѣ и наслаждается, и содѣйствуетъ душевному наслажденію, хотя и немощно. Такъ бываетъ, когда душа входитъ въ оную духовную радость.

Если сохранишь языкъ свой; то отъ Бога дастся тебѣ, братъ, благодать сердечнаго умиленія, чтобы въ немъ увидѣть тебѣ душу свою, и имѣ войти въ духовную радость. Если же преодолѣть тебя языкъ твой; то поверь тому, что скажу тебѣ: ты никакъ не можешь избавиться отъ обратенія. Если не чисто у тебя сердце, пусть чисты будутъ хотя уста, какъ сказалъ блаженный Іоаннъ.

Когда пожелаешь наставить кого на добро, упокой его сперва тѣлесно, и очисти его словомъ люб-

ви. Ибо ничто не преклоняетъ такъ человека на стыдъ, и не заставляетъ бросить порокъ свой и перемѣниться на лучшее, какъ тѣлесныя блага и честь, какую видитъ отъ тебя. Въ какой мѣрь вступилъ кто въ подвигъ ради Бога, въ такой сердце его пріемлетъ дерзновеніе въ молитвѣ его. И въ какой мѣрь человекъ развлеченъ многими, въ такой же лишася Божіей помощи. Не скорби о тѣлесныхъ недостаткахъ, потому-что совершенно возьметъ ихъ у тебя смерть (ш). Не бойся смерти; потому-что Богъ все уготовалъ, чтобы тебѣ быть выше ся. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 86.

Оъ ангельскомъ движеніи, возбуждаемомъ въ насъ по Божію Промыслу для преуспѣянія души въ духовномъ.

—

Первая мысль, которая по Божію человеколюбію входитъ въ человека и руководствуетъ душу къ жизни, есть западающая въ сердце мысль объ исходѣ сего сестства. За снѣмъ помысловъ естественно слѣдуетъ пренебреженіе къ міру; и этимъ начинается въ человекѣ всякое доброе движеніе, ведущее

(ш) Греческое чтеніе *δ Θεός διαιαργάει*, замѣнено здѣсь другимъ *δ θάνατος διαιαργάει*, которое согласно съ древними славянскими и сербскими переводами.

его къ жизни. И какбы основаніе какое полагаетъ въ человѣкѣ сопутствующая ему Божественная сила, когда восхоцетъ обнаружить въ немъ жизнь. И если человѣкъ эту сказанную нами мысль не угаситъ въ себѣ житейскими связями и сусловіемъ, но будетъ возвращать ее въ безмолвіи, и остановится на ней созерцаніемъ, и займется ею; то она поведетъ человека къ глубокому созерцанію, котораго никто не въ состояніи изобразить словомъ. Сатана ненавидитъ сей помысль, и всѣми своими силами нападаетъ, чтобы истребить его въ человѣкѣ. И если бы можно было, отдалъ бы ему царство цѣлаго міра, только бы развлеченіемъ изгладить въ умѣ человека таковой помысль. И если бы могъ, какъ сказано; то сдѣлалъ бы это охотно. Ибо знаетъ коварный, что, если помысль сей пребываетъ въ человѣкѣ, то умъ его стоитъ уже не на этой землѣ обольщенія, и козни его къ челоуѣку не приближаются. Будемъ же разумѣть это не о томъ первомъ помыслѣ, который напомниманіемъ своимъ возбуждаетъ въ насъ память смертную, но о полнотѣ сего дѣла, когда влагаетъ оно въ человека неотлучную память о смерти, и когда помышленіемъ о ней человѣкъ поставляется въ состояніе непрестаннаго удивленія. Первый помысль есть нечто тѣлесное, а сей послѣдній есть духовное созерцаніе и дивная благодать. Сіе созерцаніе облечено свѣтлыми мыслями. И кто пыбегъ оное, тотъ не входитъ болѣе въ разысканія о семъ мірѣ, и не привязанъ къ своему тѣлу.

Совершенно справедливо, возлюбленные, что, если бы Богъ на малое время даровать людямъ это истинное созерцаніе, то въ мірѣ семъ не стало бы

преемства. Созерцаніе это служитъ узами, преть которыми не можетъ устоять природа, и пріемлющему въ душу свою развитіе о семъ — такою благодатью Божіею, которая сплыве всѣхъ отдѣльныхъ дѣланій, и которая дается находящимся на средней степенн, и въ правотѣ сердца желающимъ покаянія, дается же именно тѣмъ, о комъ извѣстно Богу, что имъ дѣйствительно подобаетъ удалиться отъ міра сего къ лучшей жизни по благодѣи Его воли, какую обрѣтъ и въ нѣхъ. Возрастаетъ же и пребываетъ благодать сія въ нѣхъ, въ отшельнической и уединенной нѣхъ храмннѣ. Ея-то будемъ испрашивать въ молитвахъ; ради нея будемъ совершать долгія бдѣнія, и со слезами станемъ умолять Господа, чтобы подалъ намъ благодать сію, какъ ни съ чѣмъ не сравнимую; и не будемъ уже больше пнемогать въ трудахъ міра сего. Вотъ начало помысловъ жизни, совершающее въ человѣкѣ полную празды!

С Л О В О 87.

О второмъ дѣланн въ человѣкѣ.

Другое послѣ сего бываетъ дѣланіе, когда человѣкъ хорошо проходитъ добрую жизнь, и достигнетъ восхожденія на степень покаянія, приблизится ко внутреннему созерцанію и дѣланію сего, когда свынне приметъ онъ благодать вкусить сладость духовнаго ведѣнія. Начало сего дѣланія состоитъ въ слѣдую-

щель: предварительно удостовѣряется человекъ въ промыслин Божіемъ о человекѣ, просвѣщается любовію своею къ Творцу, и удивляется вмѣстѣ и устроению существъ разумныхъ и великому о нихъ попеченію Божію. Съ сего начинаются въ немъ сладость Божественная, воспламенение любви къ Богу, возгорающейся въ сердце и понапичающей душевныя и тѣлесныя страсти. И эту силу ощущаетъ въ себѣ человекъ, какъ-скоро о всѣхъ тварныхъ естествахъ и о всякомъ встрѣчающемся ему предметѣ станетъ размысливать разумно, входятъ о нихъ въ изслѣдованія и разсуждать духовно. Посему-то человекъ начинаетъ тогда, при таковой сильной и божественной рачительности и доброй совѣсти, возбуждаться къ божественной любви, и вдругъ уношается ею, какъ виномъ; расслабываютъ члены его, мысль его пребываетъ въ изумленіи, сердце его отводится въ плъкъ Богу; и такимъ образомъ, какъ сказать я, унождается онъ упившемуся виномъ. И въ какой мѣрѣ усиливаются внутреннія ощущенія, въ такой усиливается и самое созерцаніе. И въ какой мѣрѣ человекъ старается о добромъ житіи, о храненіи себя, о томъ, чтобы проводить время въ чтеніи и въ молитвахъ, въ такой же утверждается и упрочивается въ немъ сила ихъ. И совершенно справедливо, братія, что временень приходится ему не поминать (щ) о себѣ самомъ, что поспѣть это тѣлю, и не знать, въ этомъ ли онъ міръ.

и По древнему славянскому переводу печатное чтеніе τῆς μνιμο-
 γείας надлежитъ исправить такъ: τῆς μὴ μνιμογείας.

Вотъ начало духовнаго созерцанія въ человѣкѣ; вотъ начало всѣхъ откровеній уму! Смытъ-то началомъ умъ возрастаетъ и укрьпляется въ сокровенномъ; имъ-то возводится къ инымъ, превышающимъ человѣческую природу, откровеніямъ; короче сказать: его рукою сообщаются человѣку всѣ Божественныя созерцанія и духовныя откровенія, какія пріемлютъ святыя въ міръ семъ, и всѣ дарованія и откровенія, какія только естество можетъ знать въ жизни сей. Вотъ корень нашего чувствованія, вложенный въ насъ Творцемъ нашимъ! Блаженъ человѣкъ, который сохранилъ это доброе сѣмя, какъ-скоро пало оно въ душу его, и возрастилъ оно, и не расточилъ его въ себя суетою преходящаго и парящимъ мысли! Богу же нашему да будетъ слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 88.

Объ измѣненіи свѣта и тмы, какою бываетъ въ душѣ во всякое время, и объ уклоненіи ея къ деснымъ или лѣвымъ.

Взглянемъ, возлюбленные, въ душу свою во время молитвы, есть ли въ насъ при чтеніи стиховъ внимательное молитвенное созерцаніе. Оно бываетъ слѣдствіемъ истиннаго безмолвія. И въ то время, какъ бываемъ въ обращеніи, не будемъ смущаться, особливо если не въ насъ тому причина. Приисылай же это Промыслу Божию, дѣйствующему по

причинамъ, извѣстнымъ единому Богу. Ибо въ иное время душа наша смертно томится, и бываетъ какъ бы среди волнъ; и читаетъ ли человекъ Писаніе, или совершаетъ службу, во всякомъ дѣлѣ, за какое ни пріймется, обращеніе у него за обращеніемъ. Таковой оставляетъ дѣло, и часто не попускается ему даже приблизиться къ оному; и вовсе не вѣритъ онъ, что это—временное съ нимъ измѣненіе, и что бываетъ онъ и въ мирѣ. Этотъ часъ исполненъ отчаянія и страха; надежда на Бога и утѣшеніе веры въ Него совершенно отменяются душею; и вся она всецѣло исполняется сомнѣнія и страха. Претерпѣваніе искушеніе въ этой волнѣ часа, сего по опыту знаютъ, какое измѣненіе послѣдуетъ при окончаніи его. Но Богъ не оставляетъ души въ такомъ состояніи на цѣлый день; потому-что она утратила бы надежду христіанскую. Напротивъ того, скоро творитъ и *избытіе* (1 Кор. 10, 13.). Если же тревожное состояніе этого обращенія продолжается болѣе; то вскорѣ ожидай измѣненія самой жизни.

А я замѣчу тебѣ, человекъ, и дамъ совѣтъ; если не имѣешь силы совладѣть съ собою и насть на лице свое въ молитвѣ; то облеки голову свою мантиєю, и снѣ, пока не пройдетъ для тебя этотъ часъ обращенія, но не выходи изъ своей келліи. Сему искушенію подвергаются нашаче желающіе проводить жизнь умишленную и въ инстинктѣ своемъ индушіе утѣшенія веры. Поэтому, всего болѣе мучитъ и утомляетъ ихъ этотъ часъ колебаніемъ ума; слѣдуетъ же за сими часто хула, а иногда приходиль на человека сомнѣніе въ воскресеніи, и иное пѣчто, о чемъ не должно намъ и говорить. Все это не-

редко познавали мы опытомъ, и къ утѣшенію многихъ описали борьбу сію.

Занимающіеся дѣлами тѣлесными совершенно свободны отъ сихъ искушеній. На нихъ приходитъ иное уныніе, извѣстное всякому, и оно въ образѣ дѣйствіи своемъ отлично отъ сихъ и подобныхъ ему искушеній. Здравіе и уврачеваніе страждущаго имъ источается безмолвіемъ. Вотъ утѣшеніе для него!

Въ сообществѣ же другихъ никогда не пріемлетъ свѣта утѣшенія, и бѣсѣдами человѣческими не врачуются, а унокоевается на время, и послѣ того уныніе сіе съ болышею силой востаетъ въ чловѣкѣ. И ему необходимо нуженъ чловѣкъ просвѣщенный, имѣющій опытность въ этомъ, который бы просвѣтилъ его и укрѣпляетъ при всякомъ случаѣ во время нужды, но не навсегда. Блаженъ, кто претерпитъ это, не выходя за дверь. Ибо послѣ этого, какъ говорятъ Отцы, придетъ въ великую обитель и сплѣту. Впрочемъ, не въ одинъ часъ и не скоро оканчивается борьба сія; и благодать не вдругъ совершенно приходитъ и вселяется въ душу, но постепенно; и одно снѣняется другимъ; временемъ искушеніе, и временемъ уныніе; и въ такомъ состояніи чловѣкъ пребываетъ до исшествія своего. А чтобъ совершенно стать чуждымъ сего и совершенно утѣниться, не будемъ того и надѣяться здѣсь. Ибо самъ Богъ благоволяетъ, чтобы такъ устроилась жизнь наша здѣсь, и шествующіе путемъ терпѣли это. Богу слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

СЛОВО 89.

О вредѣ неразумной ревности, прикрывающей личною ревности Божественной, и о помощи, какая бывалъ отъ кротости и другихъ нравственныхъ качествъ.

— —

Человѣкъ ревнивый никогда не приходитъ въ миръ ума; а чуждый миру чуждъ и радости. Если миръ ума называется совершеннымъ здравіемъ, а ревность противна миру; то значить уже, что тяжкою болѣзнію страждетъ тотъ, въ комъ есть лукавая ревность. Но видному, человѣкъ, обнаруживася ты ревность свою противъ чужихъ недуговъ; а въ дѣйствительности свою душу лишишь здравія. Поэтому, заботься лучше о здравіи своей души. Если же желаешь врачевать немощныхъ; то знай, что больные болѣе пужды имѣютъ въ поношеніи о нихъ, нежели въ выговорахъ. А ты еще, тогда-какъ не дѣлаешь помощи другимъ, самого себя ввергаешь въ тяжкую мучительную болѣзнь. Ревность въ людяхъ признается не однимъ изъ видовъ мудрости, но однимъ изъ душевныхъ недуговъ, и именно, есть ограниченность въ образъ мыслей и великое невѣдѣніе. Начало божественной премудрости — скромность и кротость, которая свойственна великой душѣ, и посылъ на себѣ помощи людей. Пбо сказано: *вы сильніи немощи немощныхъ* пошлите (Римл. 15, 5.), и *падающая исправляете* домъ кротости (Гал. 6, 1.). Къ людямъ Духа Святаго Апостолъ причисляетъ терпѣніе и миръ (Гал. 5, 22.). Сердце, неполненное

печали о немощи и безсиліи въ дѣлахъ тѣлесныхъ явныхъ, замѣняетъ собою все сіи тѣлесныя дѣла. Дѣла тѣлесныя безъ печали ума—тѣ-же, что и тѣло неодушевленное. Кто скорбитъ сердцемъ, и даетъ свободу чувствамъ своимъ; тотъ подобенъ больному, который страждетъ тѣлесно, и у котораго уста отверзеты для всякой вредной ему силы. Кто скорбитъ сердцемъ, и даетъ свободу чувствамъ своимъ, тотъ подобенъ чело-вѣку, у котораго есть единокровный сынъ, и который мало помалу закаляетъ его собственными своими руками. Печаль ума драгоценное Божіе даяніе. Кто переноситъ ее, какъ должно, тотъ подобенъ чело-вѣку, у котораго члены его исполнены святости. Чело-вѣкъ, который далъ волю языку своему говорить о людяхъ и доброе и худое, недостойнъ сей благодати. Покаяніе и частыя сношенія съ людьми — тѣ-же, что разбитая бочка. Щедрія подаянія и вѣсть заушенія — тѣ-же, что въ меду омоченный мечъ.

Цѣломудріе и бесѣда съ женщиною—тѣ-же, что львица съ овцою въ одномъ домѣ. Дѣла безъ милосердія предъ Богомъ — тѣ-же, что чело-вѣкъ, который закаляетъ сына въ присутствіи отца его. Кто немощенъ душою, и исправляетъ друзей своихъ, тотъ подобенъ чело-вѣку, который слѣпъ глазами, и указываетъ другимъ дорогу.

Милосердіе и правосудіе въ одной душѣ — тѣ-же, что чело-вѣкъ, который въ одномъ домѣ поклоняется Богу и идоламъ. Милосердіе противоположно правосудію. Правосудіе есть уравниваніе точной мѣры; потому-что каждому дать, чего онъ достоинъ, и при воздаяніи не допускаетъ склоненія на одну сто-

ропу, или лицепріятія. А милосердіе есть печаль, возбуждаемая милостію, и ко всемъ сострадательно преклоняется; кто достоинъ худаго съ нимъ обращенія, тому не воздастъ зломъ, и кто достоинъ добраго воздаянія, того пренесполняетъ съ избыткомъ. Если въ одномъ естъ часть справедливости, то въ другомъ естъ часть худаго. Какъ сѣно и огонь не терпятъ быть въ одномъ домѣ; такъ правосудіе и милосердіе — въ одной душѣ. Какъ зерно песку не выдерживаетъ равновѣсія съ большимъ кускомъ золота; такъ требованіе правосудія Божія не выдерживаетъ равновѣсія въ сравненіи съ милосердіемъ Божиимъ.

Что горсть песку, брошенная въ великое море, то-же грѣхонаденіе всякой плоти въ сравненіи съ Божиимъ Промысломъ и Божіею милостію. И какъ обильный водою негочникъ не заражается горстью пыли; такъ милосердіе Создателя не преобладается пороками тварей. Быть злопамятнымъ и молиться, значитъ то-же, что свѣтъ на морѣ и ждать жатвы. Какъ свѣгости огня невозможно сдѣлать преграду, чтобы не восходила она вверхъ; такъ и молитвамъ милосердыхъ ничто не препятствуетъ восходить на небо. Каково теченіе воды на покатомъ мѣстѣ; такова сила раздражительности, когда найдетъ себѣ доступъ въ умъ нашъ. Кто въ сердце своемъ пріобрѣтъ смиреніе, тотъ мергъь сталъ для міра, и омертвѣвшій для міра омертвѣлъ для страстей. Кто омертвѣлъ сердцемъ для своихъ близкихъ, для того мергъь сталъ дьяволъ. А кто обрѣлъ зависть, тотъ обрѣлъ съ нею дьявола.

Бываетъ смиреніе по страху Божію, и бываетъ
 Т. XXIII. 33

смирение изъ любви къ Богу. Иной смиренъ по страху Божию, другой смиренъ по радости. И смиреннаго по страху Божию сопровождаютъ во всякое время скромность во всѣхъ членахъ, благочиніе чувствъ и сокрушенное сердце; а смиреннаго по радости сопровождаютъ великая простота, сердце возрастающее и неукротимое.

Любовь не знаетъ стыда, потому, не умѣетъ придавать членамъ видъ благочинія. Любви естественно не стыдиться и забывать мѣру свою. Блаженъ, кто нанесть тебя, пристань великой радости! Собрание смиренныхъ возлюблено Богомъ, какъ соборъ Серафимовъ. Драгоценно предъ Богомъ тѣло дѣломудренное нѣче чистой жертвы. Двѣ сѣи добродѣтели, т. е., смиреніе и дѣломудріе, уготовляютъ въ душѣ залогъ Троицы.

Къ друзьямъ своимъ входи благоговѣнно; когда будешь такъ поступать, принесешь пользу и себѣ и имъ; потому-что душа часто подъ предлогомъ любви свергаетъ съ себя узду осторожности. Остерегайся сходбищъ; потому-что не во всякое время они полезны. Въ собраніяхъ предпочитай молчаніе; потому-что удерживаетъ оно огъ многого вреда. Наблюдай за чревомъ, но не какъ за зрѣніемъ; потому-что домашняя брань, безъ сомнѣнія, легче вышней. Не вѣрь, братъ, что внутренніе помыслы могутъ быть остановлены безъ приведенія тѣла въ доброе и чинное состояніе. Бойся привычекъ больше, нежели враговъ. Питающій въ себѣ привычку—тоже, что человекъ, который даетъ пищу огню; потому-что мѣра въ томъ и другомъ состоитъ въ количествѣ питающаго ихъ. Если привычка потребуеъ

чего однажды, и требованіе ея не будетъ исполнено; то въ другой разъ найденъ ея слабою. А если однажды исполнишь ея волю; то во второй разъ найденъ, что нападетъ она на тебя гораздо съ большею силою.

Храни это въ памяти касательно всего; потому-что помощь предосторожности для тебя важнѣе помощи самыхъ дѣлъ. Кто любитъ смѣхъ и любитъ выставять себя напоказъ людямъ; тотъ да не будетъ тебѣ другомъ; потому-что научитъ тебя привычкѣ предаваться разслабленію. Не встрѣчай съ веселымъ лицомъ того, кто ведетъ распутную жизнь; но берегись, чтобы не возненавидѣть его; а если пожелаетъ возстать, подай ему руку, и до смерти прилагай пощеченіе о томъ, чтобы пріобрѣсти его. Если же ты еще немощенъ, то отвращайся и отъ врачеванія; ибо сказано: дай ему верхъ жезла твоего, и проч. Съ тѣмъ, кто высокоуменъ и страждетъ завистию, говори осторожно. Ибо, какъ-скоро скажешь что, дастъ онъ словамъ твоимъ въ сердцѣ своемъ, какое ему угодно, толкованіе, и въ томъ, что есть въ тебѣ добраго, отыскиваетъ, чѣмъ другихъ довести до преткновенія; и слова твои въ умъ его обращаются въ нищу его недугу. Когда начнется кто при тебѣ пересуждать брата своего, потупь лице свое. Какъ-скоро съблаетъ это, и передъ Богомъ, и предъ нимъ окажешься осторожнымъ.

Если даешь что нуждающемуся; то пусть веселость лица твоего предваряетъ даяніе твое, и добрымъ словомъ утѣши скорбь его. Когда съблаетъ это; тогда ласковость въ умъ его дороже и такого даянія твоего, которое было бы даже свѣрхъ по-

требностей тѣла. Въ тотъ день, когда отверзешь уста свои, и станешь говорить что вопреки кому-либо, представь себя мертвымъ для Бога и суетнымъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ; хотя бы помысль побуждалъ тебя сказать, поவிதியому, нечто справедливое и назидательное. Ибо какая нужда человеку разорять собственное свое зданіе и поправлять зданіе друга своего?

Въ тотъ день, въ который печалишься о комъ-либо страждущемъ какою-либо недугомъ, о человеке добромъ или зломъ, страждущемъ тѣсно или мысленно, почитай себя мученикомъ, и взирай на себя, какъ на пострадавшаго за Христа, и на подобившагося стать неповѣдникомъ. Ибо помни, что Христосъ умеръ за грѣшныхъ, а не за праведныхъ. Смотри, каково это великое дѣло — печалиться о людяхъ злыхъ и благодѣтельствовать грѣшнымъ нѣче праведныхъ! Апостолъ воспоминаетъ о семъ, какъ о дѣлѣ достойномъ удивленія (Римл. 5, 6—8.). Если можешь самъ собою оправдать душу свою, то не заботься пекать другаго оправданія. Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ да предваряютъ у тебя тѣлесное целомудріе и чистота совѣсти. Ибо безъ нихъ суетно предъ Богомъ всякое дѣло. О всякомъ дѣлѣ, если дѣлаешь оное безъ размысленія и изслѣдованія, знай, что оно суетно, хотя и благопріятно; потому что Богъ вѣнчаетъ правду по разсудительности, а не по дѣйствованію неразумительному.

Праведникъ неумудрый — свѣтильникъ при солнцѣ. Молитва злопамятнаго — сѣяніе на камнѣ. Немилостивый подвижникъ — безплодное древо. Обличеніе изъ зависти — ядоносная стрѣла. Похвала ко-

варнаго—скрытая съть. Глуный совѣтникъ—слабый стражъ. Пребываніе съ маломысленными—сокрушеніе сердцу. Беседа съ благоразумными—сладкій источникъ. Мудрый совѣтникъ—стѣна упованія. Глуный и маломысленный другъ—хранилище вреда. Лучше видѣть живущаго съ плачущими женщинами, нежели мудраго слѣдующаго за глупымъ. Лучше жить со звырями, нежели поселиться съ людьми худаго поведенія. Лучше пребывай съ грифами (ъ), нежели съ человѣкомъ любостыжательнымъ и ненасытнымъ. Лучше будь другомъ убійцы, нежели любителемъ ссоръ. Лучше бесѣдуй съ свиніею, нежели съ чревоугодникомъ; потому-что свинное корыто лучше прожорливыхъ устъ. Живи лучше съ прокаженными, нежели съ гордыми. Пусть тебя гонятъ, ты не гони; пусть тебя распинаютъ, ты не распинай; пусть тебя обижаютъ, ты не обижай; пусть на тебя клеветаютъ, ты не клеветай; будь скромнѣе, и не ревнуй во злѣ.

Судитесь --- не христіанскаго житія дѣло; объ этомъ бытъ и намѣка въ ученіи Христовомъ. Веселесь съ веселящимися, и плачь съ плачущими; ибо это—признакъ чистоты. Съ больными болѣзлуй, съ грѣшными проливай слезы; съ кающимися радуйся. Будь друженъ со всеми людьми; а мысленно своею пребывай одинъ. Принимай участіе въ страданіяхъ всякаго; а тѣломъ своимъ будь далече отъ всехъ. Никого не обвиняй, не поноси, даже и крайне худыхъ по жизни своей. Распростри одежду свою

(ъ) Съ хищными птицами.

надъ падающимъ , и покрой его. Если не можешь взять на себя грѣховъ его и поспѣсти за него наказаніе и стыдъ; то будь, по крайней мѣрь, терпѣливъ, и не стыди его. Знай, братъ, что для того надъ и надобно не выходить изъ дверей келіи, чтобы не знать худыхъ дѣлъ человѣческихъ; и тогда въ невѣдѣніи ума своего во всехъ увидишь людей святыхъ и добрыхъ. Если же станемъ обличать, вразумлять, судить, изсѣловать, наказывать, утѣрять; то жизнь наша чѣмъ будетъ отличатся отъ жизни городской? И если не оставимъ этого, что будетъ хуже пребыванія въ пустыни? Если не безмолвствуешь сердцемъ, безмолствуй, по крайней мѣрь, языкомъ. Если не можешь держать въ порядкѣ свои помыслы; то хотя чувства свои сдѣлай благоустроеными. Если не одинъ ты мыслію своею; то будь одинъ хотя тѣломъ своимъ. Если не можешь потрудиться тѣломъ своимъ, поскорби хотя мысленно. Если не можешь бодрствовать стоя; то бодрствуй сядя, или лежа на ложѣ твоёмъ. Если не можешь постыться въ продолженіе двухъ дней, постись, по крайней мѣрь, до вечера. А если не можешь и до вечера; то остерегайся пресыщенія. Если не непороченъ ты сердцемъ своимъ; то будь непороченъ хотя тѣломъ. Если не плачешь въ сердце своемъ; то, по крайней мѣрь, облеки въ плачь лице свое. Если не можешь мѣловать; то говори, что ты грѣшникъ. Если ты не миротворецъ; то не будь хотя любителемъ мятежа. Не можешь стать рачительнымъ; по крайней мѣрь, въ образѣ мыслей своихъ будь не какъ лѣзвѣй. Если ты не побѣдитель; то не превозносись мыслію предъ тѣми, которые подлежатъ

ответственности. Если не въ состояніи заградить уста осуждающему друга своего; то, по крайней мѣрѣ, остерегись вступать съ нимъ во общеніе.

Знай, что, если отъ тебя выйдетъ огонь, и пожжетъ другихъ; то Богъ отъ руки твоей взыщеть души, пожженные огнемъ твоимъ. И если не ты ввергнешь огонь, но соглашаешься съ повергающимъ, и услаждаешься тѣмъ; то на судъ будешь сообщникомъ его. Если любишь кротость; пребывай въ мирѣ. И если сроднишься миру; то во всякое время радуйся. Взыщи смысла, а не золота; облакайся въ смиреніе, а не въ вѣсноту; приобрьтай миръ, а не царство.

Кто не смысляетъ, тотъ не имѣетъ смиренія. И кто не имѣетъ смиренія, тотъ не будетъ смысленъ. Не смиренномудръ, кто не миренъ; и немирный не смиренномудръ; и не миренъ, если кто не радуется. На всѣхъ путяхъ, какими ходятъ люди въ міръ, не находятъ они мира, пока не приблизятся къ надеждѣ на Бога. Сердце не умирается отъ труда и преткновеній, пока не прійдетъ въ него надежда, и не умирить сердца, и не прольетъ въ него радости. О ней-то изрекши достопоклоняемыя и исполненныя святости Уста: *приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матт. 11, 28). Приблизься, говоришь, чтобы на Меня возложить надежду, и успокоиться отъ труда и страха.

Надежда на Бога возвышаетъ сердце, а страхъ гешшя сокрушаетъ его. Свѣтъ ума пораждаетъ вѣру; а вѣра пораждаетъ утѣшеніе надежды; надежда же подкрѣпляетъ сердце. Вѣра есть откровеніе разума; и когда помрачится умъ, вѣра сокрывается,

господствуетъ надъ нами страхъ, и отсѣкаетъ нашу надежду. Вѣра и науки не освобождаютъ человека отъ гордости и сомнѣнія; освобождаетъ же та, которая видима и возмѣиваетъ въ смыслъ, и называется познаніемъ и явленіемъ истины. Пока умъ не уразумѣваетъ Бога, какъ Бога, въ явленіи смысла, не приближается къ сердцу страхъ. Когда бываетъ пощупано внасть намъ въ обращеніе и утрагнѣть этотъ смыслъ, пока не смирился; тогда бываетъ въ насъ страхъ, пока не приблизитъ насъ къ смиренію и покаянію.

Сынъ Божій претерпѣлъ крестъ. Потому, мы грѣшныя смѣло полагаемся на покаяніе. Ибо, если одинъ образъ покаянія въ Царѣ Ахаавѣ отвратилъ отъ него гнѣвъ; то не будетъ для насъ безполезною дѣйствительность нашего покаянія. Если одинъ образъ смиренія въ немъ, непробывшемъ въ истину, отвратилъ отъ него гнѣвъ; то не тѣмъ ли намъ отвратитъ отъ насъ, истинно печалищихся о грѣхонаденіяхъ нашихъ? Скорби ума достаточно къ тому, чтобы замѣнить всякое тѣлесное дѣланіе.

Святый Григорій говоритъ: тотъ храмъ благодати, кто въ единеніи съ Богомъ и всегда озабоченъ мыслію о судѣ Его. Чѣмъ-же значить имѣть попеченіе о судѣ Его, какъ не искать всегда упокоенія Его, какъ не печалиться, не заботиться непрестанно о томъ, что не можемъ достигнуть совершенства, по немощи естества нашего? Имѣть непрестанную печаль о семъ — значить непрестанно носить въ душѣ своей памятованіе о Богѣ, какъ сказалъ блаженный Василій. Неразбѣжная молитва производить въ душѣ ясную мысль о Богѣ. И водруженіе нами въ себѣ

намятованія о Богѣ есть вселеніе въ насъ Бога. Такъ, содѣлываемся мы храмомъ Божіимъ. Вотъ — пощеніе и сердце сокрушенное уготовленіемъ уношенія въ Бога! Ему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 90.

О невольныхъ лукавыхъ помыслахъ, происходящихъ отъ прадѣлапаго падшійа за предшествовавшими имъ помыслами.

Иные подкрѣпляютъ тѣло, и желаютъ дать ему малый покой ради дѣла Божіа, пока не соберутся съ силами, и не возвратятся снова къ дѣлу своему. Иосему, въ немногіе дни покоя своего не ослабимъ совершенно наблюденія надъ собою, и не предадимъ разслабленію всей души своей, какъ немудрые и лѣнныи споза возвратиться къ дѣлу своему. Иные во время мира поражаются стрѣлами вражьиими; и это суть тѣ, которые по дерзновенію воли собираютъ брвеніе душамъ своимъ, и въ странъ святой, т. е. въ молитвъ, видятъ себя одѣтыми въ нечистую одежду. А это есть то самое, что возбуждается въ душѣ ихъ въ часъ помысленія о Богѣ и молитвы. Что приобрѣли мы во время пералѣпа своего, то и посрамляетъ насъ во время молитвы нашей.

Трезвенность помогаетъ человѣку больше, чѣмъ дѣло; а разрышеніе на что-либо вредитъ ему больше, чѣмъ покой. Отъ покоя происходятъ и тревожатъ человѣка домашніи бранн; но онъ имѣетъ воз-

возможность прекращать ихъ. Ибо, какъ-скоро человекъ оставитъ покой, и возвратится на мѣсто дѣлъ, брани снѣ отъемлются отъ него, и удаляются. Но не таково поражаемое разрѣшеніемъ, каково поражаемое разслабленіемъ и покоемъ. Пока человекъ во время покоя пребываетъ въ области свободы своей, можетъ онъ снова возвратиться и управитъ собою по установленію правила своего; потому-что онъ еще въ области свободы своей. Но давая себѣ разрѣшеніе, выходитъ онъ изъ области свободы своей. Если бы человекъ не отринулъ совершенно наблюденія надъ собою; то не былъ бы съ насильемъ и неволью вынужденъ покоряться тому, чѣмъ не доставляетъ ему покоя. И если бы не вышелъ совершенно изъ предѣловъ свободы; то не было бы съ нимъ такихъ по необходимости связывающихъ его обстоятельствъ, которыми не въ силахъ онъ воспротивиться.

Не давай, человекъ, свободы которому-либо изъ чувствъ своихъ, чтобы не дойти до невозможности снова возвратиться къ свободѣ. Покой вредитъ только молодымъ, а разрѣшеніе — и совершеннымъ и старымъ. Въ слѣдствіе покоя доходящіе до худыхъ помысловъ могутъ снова возвратиться къ наблюденію надъ собою и утвердиться въ высокомъ своемъ житіи. А которые, по надеждѣ на дѣло, вознерадѣли о наблюденіи надъ собою, тѣ отъ высокаго житія отведены плыльниками въ жизнь распутную.

Иной пораженъ въ странѣ вражеской, а умираетъ во время мира. Иной выходитъ подѣ предложкомъ купить себѣ жизнь, и получаетъ въ душу свою острое жало. Не тогда будемъ печалиться, когда по-

ползнемся въ чемъ-нибудь , по когда закоснѣваемъ въ то же; потому-что поползновеніе бываетъ часто и съ совершеннымъ, а закоснѣвать въ то же есть совершенное омертвѣніе. Печаль, какую чувствуемъ при своихъ поползновеніяхъ, вытѣняется намъ благодушіемъ вмѣсто чистаго дѣланія. Кто, въ надеждѣ на покаяніе, поползнется вторично, тогъ лукаво поступаетъ съ Богомъ; невѣдомо нападаетъ на него смерть, и не достигаетъ онъ времени, въ которое надѣялся исполнить дѣла добродѣтели. Каждый, давшій волю чувствамъ, даетъ волю и сердцу.

Дѣланіе сердца служитъ узами для вѣншихъ чувствъ. И если кто съ разсудительностію занимается онымъ, по примѣру жившихъ до насъ Отцевъ; то сіе бываетъ явно по слѣдующимъ въ немъ тремъ явленіямъ, а именно: не связанъ онъ тѣлесными выгодами, не любитъ чревоугодія, и вовсе далека отъ него раздражительность. Гдѣ нѣютъ мѣсто три эти явленія, т. е. тѣлесная (малая ли то, или большая) выгода, вснѣльчивость и преодоленіе чревоугодіемъ; тамъ (да будетъ тебѣ извѣстно), хотя бы человекъ, новіиному, уподоблялся древнимъ святымъ, разрывленіе на вѣннее происходитъ у человека отъ нетерпѣливости во внутреннемъ, а не отъ особеннаго небреженія души его. А иначе, почему бы, пренебрегая тѣлеснымъ, не пріобрѣсти кротости? За разсудительнымъ пренебреженіемъ слѣдуютъ: шнѣвъ несвязанность, пренебреженіе покоемъ и людскою приверженностію. И если кто, съ готовностію радуясь, пріемлетъ ущербъ ради Бога; то чистъ онъ внутренно. Если не пренебрегаетъ шнѣвъ за тѣлесные его недостатки; то, по истинѣ,

онъ свободенъ; кто не смотритъ съ пріятностію на оказывающаго ему честь, или не погудеть на того, кто его безчеститъ, тотъ въ этой жизни меръ въ стать для мѣра. Храненіе разсудительности лучше всякаго житія, какимъ бы способомъ, и въ какой бы человеческой мѣрѣ, оно проводимо ни было.

Не питай ненависти къ грѣшнику; потому-что все мы подлежащемъ отвѣтственности. И если возстанешь на него ради Бога, то плачь о немъ. И для чего тебѣ ненавидѣть его? Ненавидь грѣхъ его, и молись о немъ, чтобы угодиться Христу, Который не гнѣвался на грѣшниковъ, но молился о нихъ. Не виднѣ ли, какъ плакалъ Онъ объ Іерусалимъ (Лук. 19, 41.)? И падъ нами во многомъ посягается дѣволъ; за что же ненавидѣть того, кто, подобно намъ, осмѣявъ и падъ нами посягающимъ дѣволъ? И за что ненавиднѣ, человекъ, грѣшника? Не за то ли, что онъ, подобно тебѣ, насправедливъ? Гдѣ твоя правда, когда не имѣешь любви? Почему не плакать ты о немъ? Но ты топнѣшь его. Но невиднѣно нныя возбуждаются къ гнѣву, представляя себя судьями падъ дѣлами грѣшныхъ

Будь проповѣдникомъ Божіей благодати; потому-что Богъ править тобою вѣдостойнымъ; потому-что много ты долженъ Ему, а взысканія Его невидно на тебѣ, и за малыя дѣла, тобою сдѣланныя, воздастъ Онъ тебѣ великимъ. Не называй Бога только правдивымъ къ тебѣ; потому-что въ твоихъ дѣлахъ не даетъ себя познавать правосудіе Его. Хотя Давидъ именуетъ Его правдивымъ и правымъ; но Сынъ Его открылъ намъ, что нче Онъ благу и исполненъ благодати. Ибо говорить: *благу есть* къ лукавымъ

и печестивымъ (Лук. 6, 35.). Почему именуешь Бога только правдивымъ, когда въ главѣ о наградѣ дѣлателей встрѣчаешь: *друзе, не обижу тебе: хочу и сему послѣднему дати, якоже и тебѣ: аще око твое лукаво, яко Азъ благу есмь* (Матѣ. 20, 13. 14. 15.)? Почему также, человекъ именуешь Бога только правдивымъ, когда въ главѣ о блудномъ сынѣ, блудно расточившемъ богатство, встрѣчаешь, что при одномъ, показанномъ имъ, сокрушеніи притекъ и пагъ на вино его, и далъ ему власть надъ всѣмъ богатствомъ Своимъ? Никто другой не сказалъ сего о Богѣ, чтобы мы не усумнились о Немъ; напротивъ того, самъ Сынъ Божій засвидѣтельствовалъ о Немъ это. Гдѣ же правда Божія?—Мы грѣшники, а Христосъ за насъ умеръ! Если столько Онъ милостивъ; то будемъ вѣровать, что не пріемлетъ Онъ измѣненія.

Да не помысливъ никогда сего беззаконія, чтобы Бога наименовать немилосерднымъ! Свойство Божіе неизмѣняется, подобно мертвецамъ. Богъ не пріобрѣтаетъ того, чего у Него нѣтъ; не лишается того, что у Него есть, ни не получаетъ приращенія, подобно тварямъ. Что имѣлъ Богъ отначала, то всегда имѣетъ и будетъ имѣть до безконечности, какъ сказалъ блаженный Кириллъ въ толкованіи на книгу Бытія: бойся Бога, говоритъ онъ, пѣть любви къ Нему, а не по грозному имени, Ему приданному. Возлюбилъ Его, какъ обязанъ ты любить Его, и не за то, что дастъ тебѣ въ будущемъ, но за то, что получилъ мы въ настоящемъ, и за этотъ одинъ міръ, который сотворилъ Онъ для насъ. Ибо кто въ состояніи воздать Ему? Гдѣ воздаяніе Ему въ дѣлахъ нашихъ! Кто убѣдилъ Его вначалѣ привести насъ

въ бытіе? Кто умоляетъ Его о насъ, когда мы не вспоминаемъ о Немъ? Когда насъ еще не было, кто возбудилъ къ жизни это тѣло наше? И еще, откуда мысль видѣнія заидаетъ въ персть? О, какъ дивно милосердіе Божіе! О, какъ изумительна благодать Бога и Творца нашего! Какая сила довлеющая на все! Какая безмѣрная благодать, по которой естество наше въ насъ грѣшныхъ снова возводитъ къ возсозданію! У кого достанетъ силъ прославить Его? Возстаетъ преступившаго заповѣдь Его, и похулившаго Его, обновляетъ неразумную персть, содѣлываетъ ее смысленною и словесною, персть разсѣянную и безчувственную, чувства расточенныя дѣласть природою разумною и достойною способности мыслить! Грѣшникъ не въ состояніи и представить себѣ благодать воскресенія Его. Гдѣ гесна, которая могла бы опечалить насъ? Гдѣ мученіе многообразно насъ устраниающее и пренобѣждающее радость любви Его? И что такое гесна въ сравненіи съ благодатно воскресенія Его, когда возставитъ насъ изъ ада, содѣластъ, что тѣлесное сіе облечется въ петлѣніе, и падшаго во адъ возставитъ въ славу?

Прійдите, разсудительные, и удивляйтесь. Кто, нѣтъ умъ мудрый и чудный, достойно подвигнѣи милости Создателя нашего? Есть возданіе грѣшника (ы), и вмѣсто возданія праведнаго воздастъ Онъ имъ воскресеніемъ; и вмѣсто тѣтъ, поправившѣи законъ Его, облакаетъ ихъ въ совершенную славу

(ы) Въ сербскомъ переводѣ мѣсто сіе читается такъ: или речетъ, *возданіе грѣшникомъ что есть?*

петлѣнія. Эта милость—воскресить насъ послѣ того, какъ мы согрѣшили, выше милости—привести насъ въ бытіе, когда мы не существовали. Слава, Господи, безмѣрной благодати Твоей! Вотъ, Господи, волны благодати Твоей заставили меня умолкнуть, и не осталось у меня мыслей для возблагодаренія Тебѣ! Какими устами исповѣдуюся Тебѣ, благій Царь, любящій жизнь нашу? Слава Тебѣ за сіи два міра, которые создалъ Ты къ нашему возрастанію и наслажденію всѣмъ, Тобою созданнымъ, возводя насъ къ вѣдѣнію славы Твоей,—слава Тебѣ отнынь и до вѣка! Аминь.

С Л О В О 91.

О терпѣнии изъ любви къ Богу и о томъ, какъ терпѣніемъ пріобрѣтается помощь.

—

Въ какой мѣрѣ человекъ будетъ пренебрегать міромъ снѣмъ и ревновать о страхѣ Божіемъ, въ такой приближается къ нему Божій Промыслъ, и втайнѣ ощущаетъ человекъ содѣйствіе Промысла, и къ уразумѣнію онаго даются ему чистые помыслы. И если кто добровольно лишаетъ себя мірскихъ благъ, то въ какой мѣрѣ лишается онъ ихъ, въ такой же сопровождаетъ его Божіе милосердіе, и поддерживаетъ его Божіе человеколюбіе. Слава Спасающему насъ десными и нунни, и во всемъ этомъ Доставляющему намъ случай къ обрѣтенію жизни нашей!

Ибо и души тѣхъ, которые изнемогли въ своей волѣ къ тому, чтобы пріобрѣсти себѣ жизнь, невольными скорбями привоистъ. Опъ къ добродѣли. И оный пиній Лазарь не по волѣ своей лишился бытъ благи міра, и тѣло его поражено было язвѣми, и тернѣль онъ два горькія страданія, изъ которыхъ каждое было хуже другаго; однакоже, напоследокъ почти бытъ въ лонѣ Авраамовѣ. Божѣ близокъ къ скорбящему сердцу того, кто къ Нему воистъ въ скорби. Если и подвергается иногда въ тѣлесномъ лишеніямъ и пимъ скорбямъ; то претерпѣніе этого обращаетъ насъ въ помощъ; какъ и врачъ въ тяжкой болѣзни возстановляетъ здравіе съченіемъ членовъ. Къ душѣ же скорбящаго являетъ Госнодь великое человеколюбіе, соразырно съ жестокостію страдній въ скорби ея.

Поэтому, когда вожделѣніе любви Христовой не пренобѣждаетъ въ тебѣ до того, чтобы отъ радости о Христѣ бытъ тебѣ безстрастнымъ во всякой скорби своей; тогда знай, что міръ живетъ въ тебѣ болѣе, нежели Христосъ. И когда болѣзнь, скудость, истощаніе тѣла, боязнь вредная тѣлу возмущаютъ мысль твою въ радости унованія твоего и въ пощеніи по Госноду; тогда знай, что живетъ въ тебѣ тѣло, а не Христосъ. Просто сказатъ: къ чему приверженность въ тебѣ? усиливается и преобладаетъ, то и живетъ въ тебѣ. Если же нѣтъ у тебя недостатка въ потребномъ тебѣ, и тѣло здорово, и не боишься чего-либо сопротивнаго, и скажешь, что можешь при этомъ прямо идти ко Христу; то знай, что боленъ ты умомъ и лишился вкушенія славы Божіей. — Сужу же тебя не потому, что ты таковъ

уже и есть, а болѣе для того, чтобы знать тебѣ, какъ многого не достаетъ тебѣ до совершенства, хотя и нѣменьшѣйшую часть житія прежде нѣсть бывшихъ Отцевъ, и чтобы не сказать ты, будто бы не имѣлось человека, у котораго бы умъ совершенно возвышался надъ немощію, когда тѣло терпѣть крушеніе въ искушеніяхъ и скорбяхъ, и у котораго бы любовію ко Христу преносылась печаль ума.

Не буду приводить на память Святыхъ мучениковъ, чтобы самому не взнѣмочь предъ глубиною ихъ страданій. Умолю о томъ, сколько терпѣніе ихъ, поддержанное силою любви Христовой, преносило великую скорбь и болѣзнь тѣлесную. Оставимъ это и потому, что воспоминаніемъ своимъ ввергаетъ въ скорбь человѣческую природу и возмущаетъ величіемъ дѣла и чудесностію сего зрѣлища.

Посмотримъ же на безбожныхъ, такъ называемыхъ, философовъ. Одинъ изъ нихъ положилъ себѣ въ мысли своей закономъ хранить молчаніе нѣсколько лѣтъ. Царь римскій, удивленный слухомъ, захотѣлъ подвергнуть его испытанію. Поэтому приказалъ привести его къ себѣ. И когда увидѣлъ, что онъ рѣшительно молчитъ при всякомъ вопросѣ, какой ни предлагалъ ему Царь, и не отвѣчаетъ; разгнѣвался на него, и велѣлъ предать смерти за то, что не уважилъ престола и лица славы его. Но философъ не убоялся, а напротивъ того, храня законъ свой, и безмолвно готовился къ смерти. Царь далъ приказъ исполнителямъ казни: «если убьете меча, и нарушите законъ свой, умертвите его; а если устоитъ въ своей волѣ, возвратите его ко мнѣ

живаго». Поэтому, когда приблизился къ назначенному мѣсту, и получившее приказаніе, наноси оскорбленія философу, принуждали его нарушить свой законъ и не подвергаться смерти; тогда разсуждалъ онъ: «лучше въ одинъ часъ мнѣ умереть и сохранить свою жизнь, объ исполненіи которой столько времени подвизался, нежели быть побѣждену страхомъ смерти, поругать свою мудрость и подвергнуться нареканію въ боязливости, при встрѣтившейся мнѣ крайности». И безъ смущенія простерся онъ, чтобы принять усѣченіе мечемъ. Донесено было о семъ Царю; Царь удивился, и отпустилъ его съ уваженіемъ.

Нѣкоторые же совершенно попрали естественное вожделѣніе; другіе легко переносили злословіе; нѣкоторые безъ скорби претерпѣвали жестокия болѣзни; а нѣкоторые показали свое терпѣніе въ скорбяхъ и великихъ бѣдствіяхъ. И если они терпѣли это ради пустой славы и надежды; то не гораздо ли лучше должны терпѣть мы монахи, призванные къ общенію съ Богомъ? Сего и да сподобимся, но моливаемъ Пресвятую Владычицу нашей Богородицы и Приснодѣву Марію и всѣхъ въ нѣмъ подвига своего благоугодившихъ Христу! Ему подобаютъ всякая слава, честь и поклоненіе съ собесначальнымъ Его Отцемъ и съ совѣчнымъ, единоестественнымъ и живоначальнымъ Духомъ, нѣмъ и во вѣки вѣковъ! Аминь.

ПОРЯДОКЪ

ПОДВИЖНЫХЪ СЛОВЪ СВЯТАГО ПСАКА СРІНА ПО ГРЕЧЕСКОМУ ИЗДАНИЮ И ПО РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ, ПОМѢЩЕННЫМУ ВЪ ИЗДАВІИ ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОЦЕВЪ.

По греческому изданію.	По русскому переводу.	По греческому изданію.	По русскому переводу.	По греческому изданію.	По русскому переводу.
1.	1.	31.	15.	61.	32.
2.	68.	32.	16.	62.	25.
3.	31.	33.	30.	63.	26.
4.	35.	34.	40. 41.	64.	27.
5.	57.	35.	39.	65.	28.
6.	50.	36.	36.	66.	29.
7.	9.	37.	34.	67.	17.
8.	45.	38.	38.	68.	72.
9.	59.	39.	86.	69.	43.
10.	63.	40.	87.	70.	62.
11.	66.	41.	7.	71.	51.
12.	14.	42.	71.	72.	82. 83.
13.	69.	43.	8.	73.	85.
14.	64.	44.	5.	74.	19.
15.	65.	45.	6.	75.	10.
16.	74.	46.	78. 79.	76.	11.
17.	80. 81.	47.	22.	77.	12.
18.	84.	48.	37.	78.	13.
19.	49.	49.	46.	79.	14.
20.	53.	50.	47.	80.	20.
21.	61.	51.		81.	48.
22.	67.	52.		82.	3.
23.	56.	53.	60.	83.	4.
24.	73.	54.		84.	18.
25.	91.	55.	71.	85.	21.
26.	75. 76.	56.	58.	86.	54.
27.	77.	57.	88.	1-е пос.	23.
28.	52.	58.	89.	2-е —	24.
29.	70.	59.	33.	3-е —	42.
30.	2.	60.	90.	4-е —	55.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

СВ. ИСААКА СИРИНА СЛОВА ПОДВИЖНИЧЕСКІЯ.

	<i>стр.</i>
Краткое свидѣніе о жизни св. Исаака Сиріина и о словахъ его.	1—XVI
СЛОВО. 1. Объ отреченіи отъ міра и о жизни монашескомъ.	1
— 2. О благодарности Богу, съ присовокупленіемъ краткаго изложенія первоначальныхъ ученій.	10
— 3. О томъ, что душа до познанія Божіей пре- мудрости и Божіихъ тварей доходитъ безъ труда, если безмолвствуетъ вдали отъ міра и жгнейскихъ пощечій; ибо тогда можетъ познавать естество свое, и въ сокровища, какія имѣетъ сокрытыми вгубри себя.	20
— 4. О думѣ, о страстихъ, о чистотѣ ума, въ вопро- сахъ и отвѣтахъ.	23
— 5. О чувствахъ, а вмѣстѣ и объ искушеніяхъ.	30
— 6. О милосердіи Владыки, по которому съ высоты величія Своего спускается къ немощи чело- веческой, и объ искушеніяхъ.	37
— 7. О грѣсахъ произвольныхъ, непроизвольныхъ и совершаемыхъ по какому-нибудь случаю.	40
— 8. О храненіи и блюденіи себя отъ людей раз- слабленныхъ и нерадивыхъ, о томъ, что отъ сближенія съ ними водаряется гъ челоѣкъ нераденіе и разслабленіе, и онъ исполняется вякой нечистой страсти, — и о храненіи себя отъ близости съ юными, чтобы умъ не осквернился непотребными помыслами.	45

СЛОВО. 9.	О чинѣ и уставѣ новоначальныхъ, и о томъ, что принято нынѣ.	— 55
— 10.	Слазніа скитныхъ мужей, ихъ пресполюбия и реченія о чуждомъ житіи.	— 59
— 11.	О древнемъ старцѣ.	62
— 12.	О другомъ старцѣ.	64
— 13.	О вопросѣ отъ юна брата.	66
— 14.	Объ ошочѣ укоренномъ братѣ.	68
— 15.	О разныхъ отгнѣяхъ безмолвія, о власти ума, и о томъ, сколько власти умъ возбуждать собесѣщенія съотъ движенія при разныхъ ви- дахъ молитвы, какой предѣль дати молитвѣ самымъ естественъ, до какого предѣла вла- сть бы молиться молитвою, по преступле- ніи какого предѣла молитва твои уже не молитва, хотя совершаемое тобою и называет- ся молитвою.	— 73
— 16.	О чистой молитвѣ.	— 75
— 17.	О предложеніи души, внушеніи глубокаго со- зерцанія, чтобы погрузиться въ оное отъ плотскихъ помысловъ, возбуждаемыхъ намя- тowanіемъ вещей.	84
— 18.	О вѣдѣніи сестствъ безмолвныхъ, въ вопросахъ и отвѣтахъ.	89
— 19.	Образень умирнаго о днѣ воскресенночъ и о субботѣ, и приличное пхъ значеніе.	— 95
— 20.	Ежедневное воспоминаніе о томъ, что всего пужливѣе, и что весьма полезно пребываю- васи въ кельи своей и рышавшемуся быть внимательнымъ къ одному только себѣ.	— 98
— 21.	О разныхъ предметахъ. Въ вопросахъ и отвѣ- тахъ.	101
— 22.	О томъ, что глго, которое боится искушеній, дѣлается другимъ грѣха.	— 136
— 23.	Посланіе, писанное къ одному брату, любительно безмолвія.	138

- С.1030. 24. Посланіє къ нѣкому брату естественному и духовному, который, живи въ міръ и ждая видѣться съ Исаакомъ, убѣждать и умолять въ писмахъ своихъ принѣти къ нему. . . . — 144
- 25. О трехъ способахъ видѣнія, о разности ихъ дѣланія и понятія, о вѣрѣ души, о таинственномъ богатствѣ въ ней современномъ, и о томъ, сколько видѣніе міра съ о разнѣхъ въ способахъ своихъ съ простого вѣры. . . — 145
- 26. О первой степенѣ видѣнія 154
- 27. О второй степенѣ видѣнія. 157
- 28. О третьей степенѣ видѣнія, которая есть степень совершенства. 158
- 29. Объ иныхъ способахъ и разнѣхъ понятіяхъ видѣнія. 163
- 30. Объ образѣ мощи, и о проемѣ, необходимо потребномъ для вселеннаго начертанія и во многихъ отношеніяхъ полезномъ, если сохранивъ это читающій съ разсужденіемъ. . . — 164
- 31. Объ осмѣяніи есхъ, и о томъ, что должно намъ не въ боязнь приходить и устраниваться, но подкрѣплять сердце упованіемъ на Бога, и благоумножествовать съ несомнѣнною вѣрою, потому-что стражемъ и хранителемъ имѣемъ Бога. 172
- 32. О томъ, что сохраняется тайное, внутреннее въ души трезвеніе, и откуда приходить сонливость и холодность въ умѣ, угашаютъ въ душѣ стѣнкую горячность и умеривляютъ стремленіе къ Богу, лишивъ душу горячности къ духовному и небесному. — 177
- 33. О чинныхъ измѣненіяхъ, послѣдующихъ въ умѣ и послѣдствіяхъ молитвы. — 181
- 34. О тѣхъ, которые живутъ въ приближеніи къ Богу, и проводятъ дни свои въ жизни видѣнія. 182
- 35. О приближенности къ міру 185

СЛОВО.	36. О томъ, что не должно желать, или домогаться безъ нужды—имѣть у себя въ рукахъ какія- либо явные знаменія.	— 189
—	37. О томъ, по какому цѣннѣ Богъ понуждаетъ искушенія на побѣдѣхъ Бога.	193
—	38. О томъ, какъ по возбуждающимся въ человѣкѣ мыслямъ узнавать, на какой степенн стоитъ онъ.	196
—	39. О томъ, почему люди душевные прозираютъ пльнѣе въ иное духовное, соразмѣрно съ гблесною дебелиною. какъ умъ можетъ воз- носиться нать оною, какаа причина тому, что не освобождается отъ ней, кода и въ какой мѣрь можно уму пребывать безъ мечта- нн въ часъ воленія.	202
—	40. О поклонахъ и о прочемъ.	206
—	41. О молчанн.	210
—	42. Псданіе къ одному изъ возлюбленныхъ. П да- комъ, въ которомъ предлагается онъ а) учене о тайнахъ безмолвія, и о томъ, что многіе, но неманно снхъ танн, не разятъ о семъ чудномъ явленн, бошнял же часть тержатея прѣсвѣщенн въ кетнхъ по преданно ходи- шему у иноковъ, и б.) краткое собраніе относящихся къ склчанно о безмолвіи.	217
—	43. О разныхъ предположеніяхъ и о томъ, какаа нужда въ каждомъ изъ нхъ.	223
—	44. О томъ, какъ разсудительному должно пребы- вать на безмолвіи.	228
—	45. О степенн тонкой разсудительности.	233
—	46. Объ истинномъ въдвнн, объ искушеніяхъ, и о необходимости точно знать, что не только люди невыокіе, нечощные и необучившіеся, но и сподобившіеся на время безстрастія, достигшіе совершенства въ образѣ мыслей, приблизившіеся отчасти къ чистотѣ, сопря- женной съ омертвленіемъ (ставшіе выше стра-	

	стей, пока они въ мѣртъ семь, по Божію понуценію отъ сопряженія жизни ихъ съ страстною плотію, пребываютъ въ бореніи, и по причинѣ плоти терпятъ безпокойство отъ страстей потому-что) по многоси по- пускается на нихъ сіе за паденіе ихъ въ гордыню.	239
—	47. О самомъ значеніи этой главы, и о молитвѣ. .	246
—	48. О различіи добродѣтелей и о совершенствѣ всего поприща.	253
—	49. О вѣрѣ и о смиренномудріи.	264
—	50. О пользѣ бѣгства отъ міра.	275
—	51. О томъ, посредствомъ чего можно человеку съ измѣненіемъ вѣншнаго образа жизни приоб- рѣсти измѣненіе въ сокровенныхъ мысляхъ. .	277
—	52. О пощинѣ бдѣнія и о различныхъ способахъ его дѣланія.	283
—	53. О томъ, какую честь приобретаетъ смиренно- мудріе, и какъ высока степень его. . . .	285
—	54. О различныхъ предметахъ въ вопросахъ и ответахъ.	293
—	55. Покланіе къ преподобному отцу Симеону чудо- творцу.	296
—	56. О любви къ Богу, объ отреченіи отъ міра, и объ уснокошеніи въ Бога.	339
—	57. Объ удаленіи отъ міра и отъ всего смущаю- щаго умъ.	356
—	58. О томъ, что Богъ на пользу душъ попускаетъ, чтобы она была доступна страстямъ, и о подвѣдическихъ дѣланіяхъ.	374
—	59. О чинѣ монашескаго житія, о сокращеніи и различіи оного, и о томъ, почему и каковы образомъ добродѣтели рождаются одна отъ другой.	390
—	60. О различныхъ способахъ бранн, какую дѣловъ ведетъ съ шествующимъ путемъ тѣснымъ, превышшимъ міра.	392

- СЛОВО. 61. О томъ, что полезно человеку въ приближеніи
его сердцемъ своимъ къ Богу, какая истин-
ная причина сокровенно приближается къ
нему помощи, и такая опять причина при-
водитъ человека въ смиреніе. 401
- 62. О словесахъ Божественнаго Писанія, поощряю-
щихъ къ покаянію, и о томъ, что изречены
они по помощи человеческой, чтобы люди
не погибли, отъидя отъ Бога живаго, и что
не должно обрывать оныхъ въ поводъ къ
тому, чтобы грешить. 410
- 63. О томъ, чѣмъ охраняется доброта иноческаго
жизнія, и о чинѣ славословія Божія. . . . 414
- 64. О меремъ и мерзкостяхъ, каки бываютъ
въ несуществующихъ установленнымъ отъ Бога
путемъ безмолвія. 416
- 65. О безмолвіи живущихъ; тогда какъ имъ они по-
нимаютъ, то что простерлось дѣлами своими
въ безпредѣльное море, т. е., въ беско-
нечномъ житіи, и тогда могутъ поспѣвать
дѣлаться, что души ихъ ставятъ въпрямую
иноподобію. 417
- 66. О томъ, что раба Божіа, общитавшему въ
мирекомъ, и послѣдному въскать Бога, въ
страха, что не досега уразумѣніи истины,
не только прекращать псанія, и охлаждать
ихъ торжественно, пораженіемъ добовію къ
божественному и тѣ несуществующимъ Божіимъ.
и о томъ, какъ умъ возмущается
срѣтвыми приношеніями. 420
- 67. О подвѣхъ набожцы на Бога, о томъ, кому долж-
но подвѣяться на Бога, и кто подвѣсясь без-
разумно и неразумно. 422
- 68. Объ отреченіи отъ міра и о терпѣніи отъ
того же отреченія съ любовью. 427
- 69. О томъ, что божественное полезно не имѣть
жбонъ, а претрѣвхоты и выходы. 431

С.ЮВО. 70.	О путяхъ приближающихъ къ Богу, и гнѣющихъ явнымъ человеку по пріятности дѣлъ почнаго бѣднѣя; и о томъ, что дѣлается оно во всю жизнь своей пѣлается менѣе.	414
— 71.	О силѣ и действительности грѣховныхъ поврежденій, чѣмъ они производятся и чѣмъ прекращаются.	439
— 72.	О храненіи сердца и о тонкомъ созерцаніи.	447
— 73.	О признакахъ и дѣйствіяхъ любви къ Богу.	449
— 74.	О видахъ добродѣтели	450
— 75.	О непрестанномъ чистѣ, о томъ, чтобы пребывать собраннымъ въ себя на одномъ мѣстѣ, о послѣдствіяхъ сего, и о томъ, что при вѣдѣніи различать обучился онъ правильному употребленію всего подобнаго сказанному. .	453
— 76.	О молчаніи и безмолвіи.	464
— 77.	О тѣлесномъ движеніи.	465
— 78.	О видахъ разныхъ искушеній и о томъ, сколько слабости имѣютъ искушенія, бывающія и претерпѣваемые за нелицу, и по какимъ степенямъ восходятъ человеку благоразумный.	468
— 79.	О гордости; искушенія враговъ Божіихъ, которые горды.	474
— 80.	Объ изысканіи видовъ добродѣтели, и о томъ, какое значеніе и какое преимущество каждаго изъ нихъ.	481
— 81.	Объ очищеніи тѣла, души и ума.	477
— 82.	О предметахъ полезныхъ, исполненныхъ духовной мудрости.	481
— 83.	О покаяніи.	482
— 84.	О томъ, какъ велика бываетъ мѣра вѣдѣнія и мѣра вѣры.	485
— 85.	Слово, содержащее въ себѣ исполненные пользы совѣты, какіе съ побовію измаголають во смиреніи служащимъ сего	489

VIII

	<i>стр.</i>
С.ЮВО. 86. Объ Ангельскомъ движеніи, возбуждаемомъ въ насъ по Божію Промыслу для преуспѣянія души въ духовномъ.	500
— 87. О второмъ дѣланіи въ челоувѣкѣ.	502
— 88. Объ измѣненіи свѣта и тмы, какое бываетъ въ душѣ во всякое время, и объ уклоненіи ея къ деспотъ или нудитъ.	504
-- 89. О вредѣ неразумной ревности, прикрывающейя личиною ревности божественной, и о помощи, какая бываетъ отъ крогости и другихъ нравственныхъ качествъ.	507
— 90. О невольныхъ лукавыхъ помыслахъ, происходящихъ отъ нерадиваго наблюденія за предшествовавшими имъ помыслами.	517
— 91. О терпѣи изъ любви къ Богу, и о томъ, какъ терпѣиемъ пріобрѣтается помощь.	523

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Должно читать.

СТРАН. СТРОК.

Жизн.	Ис.	Спр.	стр.	УШ стр.	3 снизу	Ламбизій	Ламбейій
5	6	снизу	ума			уму.	
9	2	сверху	говорить			говорить	
49	3	—	съ этимъ			въ этомъ.	
76	14	снизу	классы			классы.	
89	3	примѣч.	самые			самыя.	
95	10	сверху	дасть			дасть	
126	11	—	разнообразныя			разнообразныя	
—	12	—	прозябающіи			прозябающіе	
132	3	снизу	вначалъ			«вначалъ.	
135	9	—	упоконваться			упокосваться	
142	3	сверху	любить			любить	
147	3	снизу	Сынъ			сынъ	
148	9	—	показано			показало	
157	4	—	чудныя			чудныя	
159	16	—	пріято			пріято	
169	1	—	въ нихъ			въ насъ	
180	6	сверху	,			;	
209	3	—	годъ			часъ	
230	15	снизу	раскаянія			розысканія	
233	7	—	напрестанно			непрестанно	
235	10	—	вѣдѣнія			вѣдѣніе	
240	11	сверху	паденіе			паденія	
282	12	снизу	лишаетъ			лишатъ	
284	14	—	видъ молитвы			видъ молитвы,	
285	2	сверху	каѳизму;			каѳизму;	
290	16	—	похвально,			похвально;	
301	4	снизу	въ міръ,			въ миръ,	
304	2	—	Если же,			Если же	
313	5	сверху	предписываетъ			предписываютъ	
—	14	снизу	научилъ			научилъ	
315	7	—	въ насъ			въ насъ,	
316	17	сверху	Христовыхъ.			Христовыхъ ?	
323	3	—	удивленіе			удивленіе	
—	14	снизу	пережигается			пережигается	
324		примѣч.	<i>уѣѣтаи</i>			<i>уѣѣтаи</i>	
325	13	сверху	безмолвіи.			безмолвіи ?	

Напечатано:

Должно читать:

СТРАН. СТРОК.

328	13	снизу	у всего	всего
338	13	сверху	рачительнѣ	рачительнѣ
341	5	снизу	Готѣ	Вотѣ
345	8	—	безстыдствомъ	блзстыдствомъ,
349	12	—	и	и'
365	3	сверху	тебѣ	тебѣ
368	8	—	домъ	домѣ
—	—	—	(Иезк. 38, 11.),	(Иезк. 33, 11.),
—	9	снизу	книжный и	книжный и,
369	6	сверху	пути ваша	пути ваши
377	5	снизу	тмою;	тмою,
—	—	—	сила,	сила;
379	9	—	иного	иной
—	—	—	посредствующаго	посредствующей
380	6	сверху	наименовалъ	наименовало
384	6	—	умъ,	умъ;
385	9	—	съ этими	съ этимъ
387	8	—	стропотный,	стропотный
406	17	снизу	Тъмъ, Кто	тъмъ, кто
—	15	—	Онъ	онъ
412	9	—	дасть	дается
413	3	сверху	уничижаетъ	уничижаетъ,
431	13	снизу	время	время,
434	1	снизу	всякихъ	всѣхъ
437	6	сверху	ихъ	имъ
453	12	снизу	различать	различенія
455	1	—	не говоришь и не входишь	не говорить и не входить
458	13	—	себя,	себѣ,
—	—	—	недостаточта	недостаточна
459	3	сверху	нашъ	насъ
469	13	снизу	грубую	сугубую
470	4	—	миръ;	миръ;
472	12	—	какъ	намъ
475	9	—	Внимай	Выслушай
—	6	—	терпѣнїе,	терпѣнїе
479	2	—	возляжетъ	возможеть
491	8	—	угасается,	угашается,
505	14	—	продолжается	продолжится

